

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P slav 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ДѢЛО

4

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Левендева, Невск. пр., д. № 8.

1883.

4421

6-7

6910

4
P Slav 236.4 ($\frac{1883}{9}$)

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 21-го Сентября 1883 г.

ПРИВАЛОВСКІЕ МИЛЛІОНЫ.

Романъ.

Посвящается М. Я. А—вой.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Старый Приваловскій домъ въ Узлѣ передѣлывался за-ново. Поправляли обвалившуюся штукатурку, красили крышу, вставляли новыя рамы въ окнахъ, отовсюду убирали завалившійся старый хламъ, даже не оставили въ покоѣ дѣдовскаго сада, въ которомъ производилась самая энергичная реставрація развалившихся бесѣдокъ, кіосковъ, мостиковъ и запущенныхъ аллей. Внутри дома стоялъ дымъ коромыслемъ: перестилали полы, мѣняли паркетъ, подновляли живопись на потолкахъ и стѣнахъ, оклеивали стѣны новыми обоями... Сотни рабочихъ съ утра до ночи суетились по дому, какъ муравьи, наполняя старыя приваловскія стѣны веселымъ трудовымъ шумомъ. Были выписаны мастера спеціалисты изъ Петербурга и Варшавы; оттуда-же партіями получалась дорогая мебель, обои, драпировки, ковры, бронза, экипажи и тысячи другихъ предметовъ, необходимыхъ въ обиходѣ богатаго барскаго дома. Работа шла съ лихорадочной поспѣшностью, чтобы все окончить къ октябрю, когда Ляховскіе вернутся изъ своего башкирскаго имѣнья.

Читатель, конечно, уже догадался, что вся эта перестройка дѣлалась по случаю выхода замужъ Зоси за Привалова. Да, эта свадьба была злобой дня въ Узлѣ, и всѣ о ней говорили, какъ о выдающемся явленіи. Самъ Приваловъ появлялся въ Узлѣ только наѣздомъ, чтобы провѣрить работы и поторопить подрядчиковъ, а затѣмъ снова исчезалъ. Всѣ планы и ри-

„Дѣло“, № 9, 1883 г. I.

сунки, по которымъ производились работы, представлялись на разсмотрѣніе Зоси; она внимательно разбирала ихъ и въ трудныхъ случаяхъ совѣтовалась съ Хіоніей Алексѣвной или Половодовымъ, который теперь былъ своимъ человѣкомъ у Ляховскихъ. Приваловъ сначала сильно косился на него, но Зося ничего не хотѣла слышать о какихъ-нибудь уступкахъ, и Привалову ничего не оставалось, какъ только покориться. Впрочемъ, Половодовъ и самъ, сознавая свое фальшивое положеніе, старался по возможности совсѣмъ не встрѣчаться съ Приваловымъ. Зося отъ души смѣялась надъ этой взаимной ненавистью и увѣряла Привалова, что онъ полюбитъ несравненнаго Александра Павлыча, когда ближе познакомится съ его рѣдкими качествами.

— Я не понимаю, Зося, что у тебя за пристрастіе къ этому... невозможному человѣку, чтобы не сказать больше, говорилъ иногда Приваловъ, пользуясь подвернувшейся минутой раздумья.—Это какая-то болѣзнь...

— Ахъ, Боже мой! Какъ ты не можешь понять такой простой вещи! Александръ Павлычъ такой забавный, а я люблю все смѣшное, беззаботно отвѣчала Зося.—Вотъ и Хину люблю тоже за это... Ну, что можетъ быть забавнѣе, когда ихъ сведешь вмѣстѣ?.. Впрочемъ, если ты ревнуешь меня къ Половодову, то я тебѣ сказала разъ и навсегда...

— Не буду, ничего не буду говорить, дѣлай какъ хочешь, я знаю только то, что люблю тебя.

— Пока это не особенно замѣтно... Ты, повидимому, больше занятъ своимъ, а не моимъ счастьемъ, и если что дѣлаешь яко-бы для меня, все это въ сущности пріятно больше тебѣ. Вѣдь ты порядочный эгоистъ, если разобрать, потому что не хочешь никакъ помириться даже съ такими моими капризами, какъ Хина или Александръ Павлычъ... Я очень немного требую отъ тебя: не трогай только моихъ друзей, которые всѣ на перечетъ: кречетъ Салаватъ, медвѣженокъ Шайтанъ, Тэкэ и Батырь и, наконецъ, Хина съ Александромъ Павлычемъ... Кажется, съ этимъ можно было-бы помириться?

Эти маленькія семейныя сцены выкупались вполнѣ счастливыми минутами, когда Зося являлась совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Приваловъ былъ глубоко убѣжденъ, что онъ шагъ за

шагомъ переработаетъ ее. Прежде всего, во что-бы то ни-стало, нужно изолировать ее отъ вліянія такихъ сомнительныхъ личностей, какъ Половодовъ, Хина, Моисей и т. д. Что это возможно — ручательствомъ служило собственное сознаніе Зоси, когда на нее находили минуты раскаянія. Докторъ былъ того-же мнѣнія: все то, что было неприятнаго и рѣзкаго въ Зосѣ-дѣвушкѣ, должно исчезнуть въ Зосѣ-женщинѣ. Вѣдь это такая податливая натура, съ такими хорошими задатками! Какъ, напримѣръ, горячо отнеслась Зося къ приваловской мельницѣ, потомъ сама предполагала открыть нѣсколько профессиональныхъ школъ и т. д. Въ ней постоянно сказывалась практическая отцовская жилка, и Приваловъ часто совѣтовался съ ней въ трудныхъ случаяхъ.

— Я радуюсь только одному, со слезами на глазахъ говорилъ Привалову докторъ, когда узналъ о его свадьбѣ: — именно, что выборъ Зоси палъ на васъ... Лучшаго для нея я ничего не желаю; подъ вашимъ вліяніемъ совсѣмъ сгладятся ея недостатки. Я въ этомъ глубоко убѣжденъ, Сергѣй Александрычъ...

Докторъ считалъ Привалова немного безхарактернымъ человѣкомъ, но этотъ недостатокъ, въ его глазахъ, выкупался его искренней, гуманной и глубоко честной натурой. Именно, такой человѣкъ и нуженъ былъ Зосѣ, чтобы уравновѣсить рѣзкости ея характера, природную злость и склонность къ самовольству. Сама Зося говорила доктору въ припадкѣ откровенности то-же самое, каялась въ своихъ недостаткахъ и увѣряла, что исправится, сдѣлавшись m-me Приваловой.

Ляховскій встрѣтилъ извѣстіе о выходѣ Зоси замужъ за Привалова съ поразившимъ всѣхъ спокойствіемъ, даже больше, почти совсѣмъ безучастно. Старикъ только что успѣлъ оправиться отъ своей болѣзни и бродилъ по водамъ при помощи костылей; болѣзнь сильно повліяла на его душевный складъ и точно придавила въ немъ прежнюю энергію духа. Однимъ словомъ, въ прежнемъ Ляховскомъ чего-то недоставало.

— Такъ ты рѣшила выйти за Привалова? въ раздумьи спрашивалъ старикъ, не глядя на дочь.

— Да, папа.

— Что-же, онъ очень хорошій человѣкъ?

— Кажется... Мнѣ кажется страннымъ такой вопросъ,

папа; вѣдь ты знаешь Сергѣя Александровича не меньше моего!

— А что докторъ говорить?

— Право, папа, ты сегодня предлагаешь такіе странные вопросы; докторъ, конечно, хорошій человѣкъ, я его всегда уважала, но въ такомъ вопросѣ онъ является все-таки чужимъ человѣкомъ... О такихъ вещахъ, папа, съ посторонними какъ-то не принято совѣтоваться.

— Твоя правда, твоя правда, Зося... У меня, знаешь, въ головѣ что-то еще не совсѣмъ... самъ чувствую, что не достаетъ какого-то винтика.

— Если ты хочешь знать, докторъ отнесся къ моему выбору съ большимъ сочувствіемъ. Онъ даже заплакалъ отъ радости...

— Докторъ заплакалъ? задумчиво спрашивалъ Ляховскій, какъ-то равнодушно глядя на дочь.— Да, да... Онъ всегда тебя любилъ... очень любилъ.

Къ Привалову старикъ отнесся съ какой-то скрытой ироніей, почти враждебно, хотя прослезился и поцѣловалъ его.

— Знаете-ли, Сергѣй Александрычъ, что вы у меня разомъ берете все?.. Нѣтъ, гораздо больше, послѣднее!.. какъ-то печально бормоталъ Ляховскій, сидя въ креслѣ.— Если-бы мнѣ сказали объ этомъ мѣсяць назадъ, я ни за что не повѣрилъ-бы. Извините за откровенность, но такая комбинація какъ-то совсѣмъ не входила въ мои расчеты. Нужно быть отцомъ и такимъ отцомъ, какимъ былъ для Зоси я, чтобы понять мой, можетъ быть, нѣсколько странный тонъ съ вами... Да, да. Скажите только одно: дѣйствительно-ли вы любите мою Зосю?

— Да, Игнатій Львовичъ...

— Ахъ, да, конечно! Развѣ ее можно не любить? Я хотѣлъ совсѣмъ другое сказать: надѣетесь-ли вы... обдумали-ли вы основательно, что сдѣлаете ее счастливой и сами будете счастливы съ ней? Конечно, всякій бракъ—лотерея, но иногда полезно воздержаться отъ риска... Я вѣрю вамъ, т. е. хочу вѣрить и, простите отцу... не могу! Это выше моихъ силъ... Вы говорили съ докторомъ? Да, да. Онъ одобряетъ выборъ Зоси, потому что любить васъ. Я тоже люблю доктора...

Разобраться въ этомъ странномъ наборѣ фразъ было крайне

трудно, и Приваловъ чувствовалъ себя очень тяжело, если-бы докторъ не облегчалъ эту трудную задачу своимъ участіемъ. Какой это былъ замѣчательно хорошій человѣкъ! Съ какимъ ангельскимъ терпѣніемъ выслушивалъ онъ влюбленный бредъ Привалова. Это былъ настоящій другъ, который являлся лучшимъ посредникомъ во всѣхъ недоразумѣніяхъ и маленькихъ размолвкахъ.

— Если-бы не докторъ, мы давно разсорились-бы съ тобой, говорила Привалову Зося.—И прескучная, должно быть, эта милая обязанность улаживать, въ качествѣ друга дома, разныя семейныя дразги!...

Молодые люди шутили и смѣялись, а докторъ улыбался своей докторской улыбкой и нервно потиралъ руки. Въ послѣднее время онъ часто начиналъ жаловаться на головныя боли и запирался въ своемъ номерѣ по цѣлымъ днямъ.

Пани Марина и Давидъ отнесли къ рѣшенію Зоси съ тѣмъ родственнымъ участіемъ, которое отлично скрываетъ истинный ходъ мыслей и чувствъ. По крайней мѣрѣ Приваловъ гораздо лучше чувствовалъ себя въ обществѣ Игнатія Львовича, чѣмъ въ гостиной пани Марины. Что касается Давида, то онъ былъ слишкомъ занятъ своими собственными дѣлами. Въ теченіи послѣдней зимы онъ особенно близко сошелся съ Половодовымъ, и, какъ ходила молва, проигрывалъ по различнымъ игорнымъ притонамъ крупныя куши. На Лалетинскихъ водахъ быстро образовался свой карточный кружокъ, гдѣ Давидъ, подъ руководствомъ Александра Павлыча, проводилъ время очень весело, какъ и слѣдуетъ представителю настоящей jeunesse dorée.

Всѣхъ довольнѣе предстоявшей свадьбой, конечно, была Хіонія Алексѣевна. Она по нѣскольку разъ въ день принималась плакать отъ радости и всѣхъ увѣряла, что давно не только все предвидѣла, но даже предчувствовала. Вѣдь Сергѣй Александрычъ такой прекрасный молодой человѣкъ и такой богатый, а Зося такая удивительная красавица—однимъ словомъ, не оставалось никакого сомнѣнія, что эти молодые люди предусмотрительной природой специально были созданы другъ для друга.

— Я всегда вѣрила въ провидѣніе! патетически восклицала Хіонія Алексѣевна, воздѣвая руки кверху.—Когда Сергѣй

Александрычъ только что прѣхалъ въ Узель, я прямо подумала: вотъ женихъ Зосѣ...

Для Привалова его настоящее превращалось въ какой-то волшебный сонъ, полный сладкихъ грезъ и застилаваго глаза тумана. Сквозь всю окружающую его суету и мелькавшія кругомъ его лица онъ видѣлъ только одну Зою, эту маленькую царицу, дарившую его безконечнымъ счастьемъ. Иногда онъ со страхомъ смотрѣлъ въ темные глаза любимой дѣвушкѣ, точно стараясь разгадать по нимъ будущее... Зося, конечно, любила его. Онъ это видѣлъ, чувствовалъ. Но она любила совсѣмъ не такъ, какъ любятъ другія женщины: въ ея чувствахъ не было и тѣни самопожертвованія, желанія отдать себя въ чужія руки, нѣтъ, это была гордая любовь, однимъ взглядомъ покорявшая все кругомъ. Зося была всегда одинакова и всегда оставалась маленькой царицей, которая требовала поклоненія. Въ самыхъ ласкахъ и словахъ любви у ней звучала гордая нотка; въ сдержанности, съ какой она позволяла ласкать себя, чувствовалось что-то совершенно особенное, чѣмъ Зося отличалась отъ всѣхъ другихъ женщинъ.

Иногда Приваловъ начиналъ сомнѣваться въ своемъ счастьѣ и даже точно пугался его. Оно было такъ необъятно, такой властной силой окрыляло его душу, точно поднимало надъ землей, гдѣ не доставало воздуха и дѣлалось тѣсно. Какъ онъ раньше могъ жить, не чувствуя ничего подобнаго? Но это нищенское существованіе кончилось, и впереди безконечной перспективой разстилалась розовая даль, кружившая голову своей необъятностью. Неужели эта маленькая гордая головка думала о немъ, о Приваловѣ? А эти чудные глаза, которые смотрѣли прямо въ душу... Нѣтъ, онъ былъ слишкомъ счастливъ, чтобы анализировать настоящее и принималъ его, какъ совершившійся фактъ, какъ первую страничку открывавшейся передъ нимъ книги любви.

Исторія любви Привалова была очень не длинна.

Зося увлеклась соколиной охотой, и для нея была приобретена у киргизовъ и башкиръ цѣлая коллекція соколовъ, крестовъ и ястребовъ. Этихъ хищниковъ вынашивали два киргиза, специально выписанныхъ для этой цѣли изъ киргизской степи. Когда Зося настолько поправилась, что могла принять участіе въ соколиной охотѣ, Приваловъ получилъ приглаше-

ніе раздѣлить труды и опасности этой рѣдкой въ наше время забавы. На охоту собралось довольно порядочное общество: Половодовъ, Давидъ, докторъ, Моисей и еще нѣсколько новыхъ знакомыхъ съ Лалетинскихъ водъ. Мѣсто для охоты было назначено за деревней Красный Лугъ, гдѣ начиналась уже «орда», т. е. башкирская степь. Недалеко отъ деревни былъ раскинутъ кошъ Зоси, и къ нему собрались всѣ охотники верхами. Зося пріѣхала въ коляскѣ, вмѣстѣ съ Хіоніей Алексѣевной; она привезла съ собою своего любимца, бѣлаго кречета Салавата, котораго сама приручала въ теченіи двухъ недѣль. Это былъ настоящій красавецъ изъ пернатыхъ хищниковъ: ярко-бѣлыя перья, высокая грудь, могучія кривыя крылья, загнутый желтый клювъ, цѣпкія ноги съ стальнымъ отливомъ— все было въ немъ красиво рѣдкой, дорогой красотой. Умная птица съ краснымъ колпачкомъ на головѣ смирно сидѣла на толстой замшевой перчаткѣ. Штукъ пять соколовъ и кречетовъ были розданы другимъ охотникамъ.

Точно нарочно для охоты день выдался свѣтлый и теплый. Впереди виднѣлась широкая, едва всхолмленная равнина; на горизонтѣ синей полосой выдѣлялось широкое озеро, заросшее у береговъ камышами. На право зеленой шапкой стоялъ сосновый боръ, уходившій къ р. Узловкѣ. Планъ охоты заключался въ томъ, чтобы оцѣпить озеро и напустить соколовъ и кречетовъ на утокъ. Мѣста, кому и откуда начинать охоту, были назначены заранее. Зося выѣхала на своемъ иноходцѣ Тэкэ, въ синей амазонкѣ и въ широкой съ отогнутымъ полемъ шляпѣ, какъ ѣздили средневѣковыя дамы на соколиную охоту. Рядомъ съ ней мѣста достались доктору и Привалову, такъ что они не выпускали другъ друга изъ виду. Когда эта веселая кавалькада только что подъѣзжала къ озеру, Моисей первый спустилъ своего сокола на перваго подвернувшася подъ руку перепела. Брошенный въ воздухъ хищникъ быстро поднялся кверху, сдѣлалъ широкій размахъ и камнемъ упалъ на перепела. Въ зеленую траву изъ воздуха свалился какой-то комъ кружившихся перьевъ. Когда охотники подскакали къ мѣсту дѣйствія, соколъ аспиднаго цвѣта побѣдоносно сидѣлъ на убитой птицѣ, которая еще судорожно вздрагивала въ его желѣзныхъ когтяхъ.

— Кто нарушитъ правила охоты и не выждетъ времени—

съ того штрафъ, предупреждала Зося, любуясь первой добычей.—Александръ Павлычъ, вы станете вонъ туда, черезъ три человѣка, и будете гнать дичь ко мнѣ...

Половодоць съ легкой гримасой поклонился и молча отправился на свой постъ.

Приваловъ выѣхалъ на киргизскомъ иноходцѣ, который, выгнувъ свою оленью шею и раздувъ ноздри, держался все время на одной линіи съ красавцемъ Тэкэ. Зося въ первый разъ видѣла Привалова на лошади и осталась имъ довольна: онъ ѣздилъ довольно порядочно, хотя свѣшивался съ сѣдла на лѣвый бокъ, какъ ѣздятъ киргизы. Когда они подъѣхали къ самому озеру, дѣвушка молча указала Привалову его мѣсто въ ста саженьяхъ отъ себя, сейчасъ за мыскомъ, который обросъ, точно щетиной, зеленой осокой. Въ ста саженьяхъ дальше, изъ-за зеленаго камыша выставлялась голова Моисеевой лошади. Чтобы поднимать утокъ съ воды, нарочно взяты были лягавыя собаки: одна у Зоси, другая у Половодова и третья у Давида. Было еще рано, всего часовъ восемь, и вода въ озерѣ стояла какъ зеркало. Зося махнула бѣлымъ платкомъ—условный знакъ начинать охоту—и первая спустила съ своры свою собаку. Старый лягашъ бросился въ осоку, оставляя за собой узкую сакму. Слышно было, какъ онъ шлепалъ по водѣ лапами и нюхалъ воздухъ, потомъ остановился, сдѣлавъ стойку.

— Пиль! крикнула Зося.

Изъ осоки тяжело поднялась пара краковыхъ утокъ и со свистомъ понеслась въ сторону Привалова. Зося подбросила кверху своего Салавата. Благородная птица начала подниматься спиралью, дѣлая правильные круги. Приваловъ видѣлъ, какъ Зося поскакала за своимъ соколомъ; спугнутыя утки летѣли къ маленькому озеру, которое было сейчасъ за лѣсомъ. Въ это время собака Давида сдѣлала тоже стойку. Онъ крикнулъ «пиль». Изъ осоки поднялось разомъ нѣсколько шилохвостокъ; вытянувшись въ линію, онѣ полетѣли параллельно берегу. Давидъ спустилъ на нихъ ястреба, который, не поднимаясь кверху, какъ всѣ ястреба, бросился прямо въ догонку за быстро удалявшейся добычей. Видно было, какъ онъ тяжело пласталъ воздухъ своими широкими крыльями и быстро нагонялъ утокъ. Но это былъ заурядный хищникъ, которому да-

лево было до соколиного полета. Скоро надъ озеромъ со всѣхъ сторонъ торопливо начали подниматься разрозненные пары утокъ, а надъ ними высоко кружили два сокола и кречеть; послѣдній ударилъ грудью цаплю и вмѣстѣ съ ней свалился въ камыши. Приваловъ дождался своей очереди, когда лягашъ Зоси сдѣлалъ вторую стойку, и спустил своего сокола на поднявшихся утокъ. Эта охота начала волновать его, и, давъ шпоры лошади, онъ понесся за своимъ соколомъ, который забиралъ все выше и выше.

По дорѣгѣ Приваловъ встрѣтилъ доктора, который велъ свою взмыленную лошадь въ поводу; онъ что-то крикнулъ Привалову и махнулъ рукой. Соколъ Привалова гналъ утокъ къ лѣсу такъ быстро, что лошадь едва поспѣвала за нимъ. Эта быстрая погоня доставляла Привалову еще неиспытанное наслажденіе; летѣтъ вихремъ по зеленой степи, когда все несутся мимо и точно самая земля бѣжитъ изъ подъ ногъ лошади, было настоящей степной охотой, въ которой и лошадь, и всадникъ одинаково переживаютъ всѣ волненія охотничьей горячки. Чтобы перехватить сокола, прежде чѣмъ онъ ударить утокъ, Привалову нужно было обогнуть выдавшуюся сосновую гривку. Онъ далъ шпоры своему иноходцу и полетѣлъ сломя голову черезъ кочковатое болото, гдѣ каждое мгновеніе можно было полетѣтъ кубаремъ вмѣстѣ съ лошадыю. На самомъ поворотѣ его чуть не смялъ Моисей, который, опустивъ поводья и раскрывъ ротъ, нещадно молотилъ своего скакуна толстой нагайкой. Какъ разъ подъ лѣсомъ аспидный соколъ Моисея палъ на утку и неправильной спиралью быстро спустился съ ней на землю.

Лошадь Привалова начинала судорожно вздрагивать и нѣсколько разъ сбивалась на голопъ. Впереди, изъ-за деревьевъ блеснуло то маленькое озеро, куда перелетали утки. Соколъ Привалова вдругъ куда-то исчезъ, точно провалился. Впереди Приваловъ разсмотрѣлъ Зосю; она ѣхала шагомъ съ своимъ кречетомъ на правой рукѣ; онъ погналъ лошадь на нее чтобы спросить, не видала-ли она его сокола.

— Гдѣ докторъ? тихо спросила Зося, прежде чѣмъ Приваловъ раскрылъ ротъ.

Она была очень блѣдна и тяжело дышала. Поровнявшись съ ней, Приваловъ повернулъ свою лошадь, и рассказалъ свою

встрѣчу съ докторомъ. Въ этотъ моментъ Зося тихо вскрикнула и пошатнулась въ сѣдлѣ, схватившись одной рукой за луку.

— Мнѣ дурно... прошептала она побѣлѣвшими губами.

Приваловъ остановилъ лошадей и поддержалъ свободной рукой Зосю за талию. Она не сопротивлялась и отяжелѣвшей головой бессильно упала къ нему на плечо. Она была такая маленькая въ это мгновеніе, такая слабая, что Приваловъ свободно поднялъ-бы ее одной рукой. Но теперь онъ боялся пошевелиться и осторожно продолжалъ поддерживать ее въ сѣдлѣ. Когда онъ взглянулъ ей въ лицо, у него опустились руки: Зося смотрѣла на него спокойнымъ пристальнымъ взглядомъ и совсѣмъ, повидимому, не желала перемѣнять положенія. Этотъ взглядъ ожогъ Привалова, и у него помутилось въ глазахъ.

— Позвольте, я помогу спуститься вамъ съ сѣдла, Софья Игнатьевна... безсвязно пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ... мнѣ и такъ хорошо... какимъ-то дѣтскимъ шепотомъ прошептала Зося; — еще одну минуточку... мнѣ хорошо...

Приваловъ въ первое мгновеніе подумалъ, что Зося бредитъ, но она улыбнулась своей обыкновенной улыбкой и быстро поцѣловала его, крѣпко обвивъ шею руками.

— Ты—мой... да... шептала она, глядя ему въ глаза.

У Привалова все запрыгало въ глазахъ отъ этого перваго поцѣлуя, и онъ хотѣлъ обнять дѣвушку, но она быстро отскочила отъ него, выпрямилась въ своемъ сѣдлѣ, и, отчеканивая каждое слово, проговорила:

— Теперь довольно съ васъ... Если пошевелитесь съ мѣста—больше никогда меня не увидите. Прощайте... Я скажу, когда вамъ можно будетъ видѣть меня.

Повернувшись въ сѣдлѣ, она потянула поводья и быстро исчезла изъ виду. Приваловъ стоялъ на томъ-же мѣстѣ, какъ оглушенный. На травѣ, въ десяти шагахъ, забавно ковылялъ бѣлый кречетъ Зоси. Приваловъ спустился и взялъ его на руку. Когда онъ сѣлся снова въ сѣдло, между деревьями мелькнулъ знакомый силуэтъ... Привалову показалось, что это былъ Половодовъ.

А Зося въ это время уже подвѣзжала къ своему кошу,

гдѣ около огонька сидѣлъ докторъ. Онъ ушибъ ногу и теперъ примачивалъ ее арникой.

— Почему вы одни? спросилъ докторъ;— гдѣ другіе охотники?

— Домой, докторъ... умоляла Зося, спрыгивая съ сѣдла;— ради Бога скорѣе. Гдѣ Илья? Домой, домой...

II.

Отдѣлка приваловскаго дома должна была кончиться къ октябрю, когда назначена была свадьба. Зося не хотѣла никакихъ церемоній и согласилась вѣнчаться въ Гарчикахъ, у о. Савела, который частенько навѣдывался къ Ляховскимъ, гдѣ сумѣлъ поставить себя совершенно въ исключительное положеніе. Этотъ безобидный человѣкъ обезоружилъ даже фыр-кавшаго на всѣхъ Пальку.

— Если-бы русскимъ священникамъ позволено было жениться во второй разъ, я непременно вышла-бы за васъ замужъ, о. Савель, шутила Зося съ своимъ пріателемъ. — Сама-бы и посватала васъ...

— А я-бы не пошелъ за васъ замужъ, Софья Игнатьевна, отшучивался о. Савель.

— Почему? Развѣ я такъ дурна?

— Нѣтъ, я не про красоту, а такъ; рѣдка къ пирожному не подходитъ. Пожалуй, я, подъ пьяную руку, еще сталь-бы колотить красивую жену...

Когда Нагибинъ привезъ изъ города извѣстіе, что и домъ, и все въ домѣ готово, въ Гарчикахъ, въ деревенской церкви, совершился самый скромный обрядъ вѣнчанія. Свидѣтелями были докторъ, Нагибинъ и Телкинъ; со стороны невѣсты проводжала всего одна Хіонія Алексѣевна. Зося была спокойна, хотя и блѣднѣе обыкновеннаго; Приваловъ испытывалъ самое подавленное состояніе духа. Онъ никогда не чувствовалъ себя такъ далеко отъ своей Зоси, какъ въ тотъ моментъ, когда она предъ священникомъ подтверждала свою любовь къ нему. «Она такая красавица... Она не можетъ меня любить», съ тоской думалъ онъ, держа въ своей рукѣ ея холодную маленькую руку. Прямо изъ церкви молодые отправились въ Узель, гдѣ ихъ ожидала на первый разъ скромная семейная встрѣча: самъ Ляховскій, пани Марина и т. д. Старикъ расчувство-

вался и жалко заморгаль глазами, когда началъ благословлять дочь; пани Марина выдержала характеръ и осталась прежней королевой. Изъ постороннихъ на послѣдовавшемъ затѣмъ ужинѣ присутствовали только такіе близкіе люди, какъ Половодовъ, Викторъ Васильчъ и Хіонія Алексѣевна. Въ десять часовъ вечера всѣ разѣхались по домамъ.

— Ахъ, чортъ его возьми совсѣмъ... говорилъ Викторъ Васильчъ, когда ѣхаль вмѣстѣ съ Половодовымъ изъ гостей; — Какъ это глупо: все дѣвка, все дѣвка, а тутъ вышла баба... Глупо! Право, я даже собственно не люблю этихъ дѣвокъ, а все какъ-то жаль, когда она переходитъ въ чье-нибудь вѣчное и потомственное владѣніе.

— Экъ у тебя голова-то какъ устроена, Викторъ Васильчъ, удивлялся Половодовъ; — что такое дѣвка? Мертвый, непроезводительный капиталъ, который ни чорту, ни Богу; а баба — это капиталъ въ оборотѣ, который можетъ приносить проценты рубль на рубль. Тебѣ куда?

— Я?.. Валяй въ «Магнитъ». Скучно что-то... А ты?

— Я... я домой.

Половодовъ вернулся домой въ десять часовъ вечера и когда раздѣвался въ передней, Семень подаль ему полученную безъ него телеграмму. Пробѣжавъ нѣсколько строкъ, Половодовъ глухо застоналъ и бросился въ ближайшее кресло; полученное извѣстіе поразило его, какъ ударъ грома, и онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ съ закрытыми глазами, какъ ошеломленная птица. Телеграмма была отъ Оскара Филипыча, который извѣщаль, что ихъ дѣло выиграно и что Верекинъ остался съ носомъ.

— Нѣсколькими часами раньше получить-бы эту телеграмму — и тогда *этого* ничего-бы не было... стоналъ Половодовъ, хватаясь за голову.

Въ головѣ у него все кружилось; кровь прилила къ сердцу, и онъ чувствовалъ, что начинаетъ сходить съ ума. Эти стѣны давили его, въ глазахъ пестрѣли красные и синіе пѣтухи, глухое бѣшенство заставляло скрежетать зубами. Онъ плохо помнилъ, какъ выскочилъ на улицу, схватилъ перваго попавшагося извозчика и велѣлъ ѣхать въ Нагорную улицу. Отъ клуба онъ пошелъ къ приваловскому дому пѣшкомъ; падалъ мягкій пушистый снѣгъ, скрадывавшій шумъ шаговъ. Полово-

довъ чувствовалъ, какъ тяжело билось его сердце въ груди. Вотъ и площадь, на которую выходилъ домъ своимъ фасадомъ; огни были погашены, и домъ выдѣлялся темной глыбой при мигавшемъ пламени уличныхъ фонарей.

— О, дуракъ, дуракъ... дуракъ!.. стоналъ Половодовъ, бродя какъ волкъ, подъ окнами приваловскаго дома.—Если бы двѣмя часами раньше получить телеграмму, тогда можно бы разстроить эту дурацкую свадьбу, которую я самъ создавалъ, своими собственными руками. О, дуракъ, дуракъ, дуракъ!..

Въ груди у Половодова точно что жгло, языкъ пересохъ, свѣтъ попадалъ ему за раскрытый воротникъ шубы, но онъ ничего не чувствовалъ, кромѣ глухого отчаянія, которое придавило его, какъ камень. Вотъ на каланчѣ пробило двѣнадцать часовъ... Нужно было куда-нибудь идти; но куда?.. Къ своему очагу, въ «Магнитъ?» Пошатываясь, Половодовъ, какъ пьяный, побрелъ внизъ по Нагорной улицѣ. Огни въ домахъ вездѣ были потушены; глухая осенняя ночь точно проглотила весь городъ. Только въ одномъ мѣстѣ свѣтилъ огонекъ... Половодовъ узналъ домъ Заплатиной.

Въ разгоряченномъ мозгу Половодова мелькнула взбалмошная мысль, и онъ рѣшительно позвонилъ у подъѣзда заплатинскаго дома. Викторъ Николаичъ былъ уже въ постели и готовился засыпать, перебирая въ умѣ послѣднія политическія извѣстія; полураздѣтая Хіонія Алексѣевна сидѣла одна въ столовой и потягивала хересь.

— Кого тамъ чортъ принесъ? сердито заворчала она, когда раздался звонокъ.—Матрешка, не принимай... Здѣсь не родильный домъ, чтобы врываться во всякое время дня и ночи.

Матрешка отправилась въ переднюю и вернулась съ визитной карточкой. Хина пробѣжала фамилію Половодова и остолбенѣла.

— Они пѣшкомъ, надо полагать, пришли... шепотомъ докладывала Матрешка, вытирая носъ кулакомъ.

— Проведи въ гостиную и попроси подождать, сказала Хина, стараясь передъ зеркаломъ принять болѣе человѣческій видъ.

Конечно, въ головѣ Хины сразу блеснула мысль, что вѣроятно случилось что-нибудь неладное. Она величественно вошла въ гостиную и въ вопросительной позѣ остановилась передъ гостемъ, который торопливо поднялся къ ней навстрѣчу.

— Извините, если я потревожилъ васъ, Хіонія Алексѣевна, извинялся онъ, глядя на хозяйку какими-то мутными глазами. — Я часъ назадъ получилъ очень важную телеграмму... чрезвычайную важную, Хіонія Алексѣевна! Если-бы вы взялись передать ее Софьѣ Игнатьевнѣ.

— Съ удовольствіемъ...

— Нужно передать немедленно сейчасъ...

— Вы съ ума сошли, Александръ Павлычъ?!..

— Хіонія Алексѣевна... ради Бога... Хотите я васъ на колѣняхъ буду просить объ этомъ!

— Садитесь, пожалуйста... приглашала Хина своего гостя, который безсильно опустился въ кресло около стола.

— Каждая минута дорога... каждое мгновеніе! задыхавшимся шопотомъ говорилъ Половодовъ, ломая руки.

— Я удивляюсь вамъ, Александръ Павлычъ... Если-бы вы мнѣ предложили горы золота, и тогда ваша просьба осталась бы неисполненной. Существуютъ такіе моменты, когда чужой домъ — святыня, и никто не имѣетъ права нарушать его священнаго покоя.

Слова Хины рѣзали сердце Половодову ножомъ, и онъ тяжело стиснулъ зубы. У него мелькнула даже мысль—бѣжать сейчасъ же и запалить эту «святыню» съ четырехъ концовъ.

— Воды я могу у васъ попросить? спросилъ онъ послѣ долгой паузы.

— Не хотите ли вина? предложила Заплата; «гордецъ» былъ такъ жалокъ въ настоящую минуту, что въ ея сердцѣ шевельнулось что-то въ родѣ состраданія къ нему.

— Вина?.. повторилъ Половодовъ, не понимая вопроса. — Ахъ, да... Пожалуй, если это не затруднитъ васъ.

— Нѣтъ... вы слишкомъ взволнованы, а вино успокаиваетъ.

Черезъ пять минутъ на столѣ стояла свѣжая бутылка хереса, и Половодовъ какъ-то машинально проглотилъ первую рюмку.

— У васъ отличное вино... проговорилъ онъ, пережевывая губами. — Да, очень хорошее.

— Такъ себѣ... скромничала Хина, наливая рюмку себѣ.

Нѣсколько минутъ въ гостиной Хіоніи Алексѣевны стояло тяжелое молчаніе; Половодовъ пилъ вино рюмку за рюмкой

и замѣтно хмѣлѣлъ; на щекахъ у него выступили красныя пятна.

— Такъ по вашему все кончено? какъ-то глухо проговорилъ онъ, поднимая свои безцвѣтные глаза на хозяйку.

— Все кончено...

— А вы знаете, о чемъ я говорю?

— Да. Если-бы вы получили вашу телеграмму нѣсколькими часами раньше, тогда... иногда невѣстамъ дѣлается дурно передъ самымъ вѣнцомъ, и свадьба откладывается и даже можетъ совсѣмъ разстроиться..

— Но кто-бы могъ подозрѣвать такой оборотъ дѣла? говорилъ Половодовъ съ Хиною, какъ о дѣлѣ хорошо ей извѣстномъ.—А теперь... Послушайте, Хіонія Алексѣевна, скажите мнѣ, ради Бога, только одно... Вы опытная женщина. Да... Любить Зося Привалова или нѣтъ?

— Смѣшно спрашивать объ этомъ, Александръ Павловичъ... Развѣ кто-нибудь принуждалъ Софью Игнатьевну выходить непременно за Привалова?

— Предположимъ, что существовали нѣкоторыя обстоятельства, которыя могли повліять на рѣшеніе дѣвушки именно въ пользу Привалова...

— Вамъ ближе знать эти обстоятельства: дѣла Игнатія Львовича разстроены, а тутъ еще этотъ процессъ по опека... Понятно, что Софья Игнатьевна ничего не оставалось, какъ только выйти за Привалова и этимъ спасти отца.

— Значить, вы все знаете?..

— Почти... думаю, что вы получили телеграмму изъ Петербурга о томъ, что Вережкинъ програть процессъ.

Половодовъ нѣсколько времени удивленными глазами смотрѣлъ на свою собесѣдницу и потомъ задумчиво проговорилъ:

— Вы замѣчательно умная женщина... Мы, вѣроятно, еще пригодимся другъ другу.

III.

Дѣла на приискахъ у старика Бахарева поправились съ той быстротой, какая возможна только въ золотопромышленномъ дѣлѣ. Въ теченіи весны и лѣта онъ заработалъ круп-

ную деньгу, и его фонды въ Узлѣ поднялись на прежнюю высоту. Сдѣланные за послѣднее время долги были уплачены, заложенные вещи выкуплены, и прежнее довольство вернулось въ старый бахаревскій домъ, который опять весело и довольно глядѣлъ на Нагорную улицу своими свѣтлыми окнами.

Прошедшую весну и лѣто въ домѣ жили собственно только Марья Степановна и Вѣрочка, а Моисей, по своему обыкновенію, появлялся, какъ комета. Съ приливомъ богатства, по дому опять покотился беззаботный смѣхъ Вѣрочки и ея веселая суетня; Марья Степановна сильно измѣнилась, похудѣла и сдѣлалась еще строже и неприступнѣе. Это былъ типъ старой раскольницы, которая знать ничего не хотѣла, кромѣ разъ сложившихся убѣжденій и взглядовъ. Бѣгство старшей дочери изъ дому только укрѣпило ее въ сознаніи правоты староавѣтныхъ приваловскихъ и гуляевскихъ идеаловъ, выше которыхъ для нея ничего не было. Она оставалась спокойной по отношенію къ поведенію дочери, потому что вся вина падала на голову Василя Назарыча, какъ главнаго устроителя всякихъ новшествъ въ домѣ, своими руками погубившаго родную дочь. Поведеніе Нади было наказаніемъ свыше, предъ которымъ оставалось только преклониться.

Имя Надежды Васильевны больше не произносилось въ бахаревскомъ домѣ, точно оно могло внести съ собой какую-то заразу. Она была навсегда исключена изъ списка живыхъ людей. Только въ моленной, когда Досифея откладывала свои поклонны на разноцвѣтный подручникъ, она молилась и за рабу Божию Надежду; въ молитвахъ Марьи Степановны имя дочери было подведено подъ рубрику «недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ и въ отсутствіи сущихъ отецъ и братій нашихъ». Это была холодная раскольничья молитва, вся пропитанная эгоизмомъ и лицемѣріемъ, и, ради своей формы, потерявшая всю теплоту содержанія. Лѣтомъ были получены два письма отъ Надежды Васильевны, но не распечатанными попали прямо въ печь, и Марья Степановна благочестиво обкурила своей кацеей даже столъ, на которомъ они лежали. Досифея про себя по-тихоньку жалѣла барышню, которую нянчила и пѣствовала, но открыто заявить свое сочувствіе къ ней она не смѣла. Вѣрочка относилась къ сестрѣ какъ-то безучастно, что было совсѣмъ ужъ неестественно для такой

молодой дѣвушки. Впрочемъ, она только повторяла то, что дѣлала мать.

Только одинъ человѣкъ во всемъ домѣ вполне искренно и горячо оплакивалъ барышню — это былъ, конечно, старый Лука, который въ своей коморкѣ не разъ всплакнулъ потихоньку отъ всѣхъ. «Ну, такія ея счастки», утѣшалъ самого себя старикъ, размышляя о мудреной судьбѣ старшей барышни; — «отъ своей судьбы не уйдешь... Нѣ-ѣтъ!.. Она тебя вездѣ сыщетъ и придавить ногой, ежели тебѣ такой предѣлъ положонь!»

Извѣстіе о женитбѣ Привалова было принято въ бахаревскомъ домѣ съ большой холодностью. Когда самъ Приваловъ явился съ визитомъ къ Марьѣ Степановнѣ, она не вытерпѣла и проговорила:

— На бусурманкѣ женишься?

— Нѣтъ, не на бусурманкѣ, Марья Степановна, отвѣчалъ Приваловъ — Моя невѣста католичка...

— Ну, это, по нашему, все одно .. И самъ въ латынской законъ уйдешь.

Марья Степановна равнодушно выслушала объясненія Привалова о свободѣ совѣсти и общей вѣротерпимости; она все время смотрѣла на него долгимъ испытующимъ взглядомъ и, когда онъ кончилъ, прибавила:

— А ты подумаль-ли о томъ, Серезинька, что домъ-то, въ которомъ будешь жить съ своей бусурманкой, построень Павломъ Михайлычемъ?.. Вѣдь у старика всѣ косточки перевернутся въ могилкѣ, когда твоя-то бусурманка въ его дому свою вѣру будетъ справлять. Не для этого онъ строилъ домъ-то! Ох-хо-хо... Развѣ не стало тебѣ другихъ невѣсть?..

— Марья Степановна, вы, вѣроятно, слышали, какъ въ этомъ домѣ жилъ мой отецъ, сколько тамъ было пролито напрасно человѣческой крови, сколько сдѣлано подлостей. Въ этомъ-же домѣ убили мою мать, которую не спасла и старая вѣра.

— А ты не суди отца-то. Не нашего ума это дѣло..

— Однако, вы судите впередъ мою невѣсту, которая еще никому не сдѣлала никакого зла.

— Не сдѣлала, такъ сдѣлаетъ... Погоди еще!.. Охъ, не ладно ты, Серезинька, удумаль, не въ добрый часъ началъ.

Василью Назарычу ничего не писали о женитьбѣ Привалова. Онъ пріѣхалъ домой только по первому зимнему пути, въ половинѣ ноября, пріѣхалъ свѣжимъ, здоровымъ старикомъ, точно стряхнулъ съ себя всѣ старческіе недуги. Лука не выдержалъ и горько заплакалъ, когда увидалъ стараго барина.

— О чемъ ты плачешь, старина? спрашивалъ Василій Назарычъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Отъ радости, Василій Назарычъ, отъ радости... шепталъ Лука, вытирая лицо рукавомъ; — заждались мы васъ здѣсь...

— Ну, а еще о чемъ плачешь?

Лука оглянулся кругомъ и прошепталъ:

— Серезинька-то женился, Василій Назарычъ...

— Какъ женился?! На комъ?

— А такъ. Обошли его, обманули!.. По ихнему доброму характеру эту проклятую польку и подсунули,—ну, Серезинька и женился. Я такъ полагаю: приворожила она его, сударь... Самъ пріѣзжалъ сюда объявляться Марьѣ Степановнѣ, ну, а онѣ его учили маненько корить—куды, сейчасъ на дыбы, и прочее. Съ мѣсяць какъ свадьбу сыграли. Домъ-то старый заново отстроили, только, болтаютъ, неладно у нихъ съ перваго дня пошло.

— Какъ неладно?

— А такъ, какъ обнаковенно по семейному дѣлу случается: онъ въ одну сторону тянетъ, а она въ другую... Ну, вздорять про между себя, а потомъ Серезинька-же у нея и прощенія просятъ... Да-съ. Ужь такой грѣхъ, сударь, вышелъ, такой грѣхъ!..

Это извѣстіе отравило Бахареву радость возвращенія на родное пепелище. Собственный домъ показался ему пустымъ; въ немъ не было прежней теплоты, на каждомъ шагу чувствовалось отсутствіе горячо любимаго человѣка. На пріискахъ тоска по дочери уравновѣшивалась усиленной дѣятельностью, а здѣсь, въ родномъ гнѣздѣ, старика розомъ охватила самая тяжелая пустота. Приваловская женитьба была лишней каплей горечи. Имена Нади и Серези за послѣдній годъ какъ-то все время для старика стояли рядомъ, его старое сердце одинаково болѣло за обоихъ. Теперь онъ не зналъ, о комъ больше сокрушаться: о потерянной навсегда дочери или о Приваловѣ.

Напрасно старикъ искалъ утѣшенія въ сближеніи съ женой и Вѣрочкой. Онъ горячо любилъ ихъ, готовъ былъ отдать за нихъ все, но онѣ не могли ему замѣнить одной Нади. Онъ слишкомъ любилъ ее, слишкомъ сжился съ ней, приросъ къ ней всѣми старческими чувствами, какъ старый пенъ, который пускаетъ молодые побѣги и этимъ протестуетъ противъ медленнаго разложенія. Съ кѣмъ онъ теперь поговорить по душѣ? Съ кѣмъ посоветуется, когда взгрустнется?..

Даже богатство, которое прилило широкой волной, какъ-то не радовало старика Бахарева, и въ его головѣ часто вставала вопросъ: «Для кого и для чего это богатство?» Оно явилось, точно насмѣшка надъ упавшими силами старика, напрасно искавшаго вокругъ себя опоры и поддержки. Оставаясь одинъ въ своемъ кабинетѣ, Василій Назарычъ невольно каждый разъ припоминалъ, какъ его Надя ползала на колѣняхъ предъ нимъ, и какъ онъ оттолкнулъ ее. Развѣ онъ могъ сдѣлать иначе?.. Онъ былъ отецъ, и онъ первый занесъ карающую руку на преступную дочь... Иногда въ его душѣ возникало сомнѣніе: справедливо-ли онъ поступилъ съ дочерью? Но все, казалось, было за него, онъ не находилъ себѣ обвиненія въ жестокости или неправдѣ. Тысячу разъ перебиралъ старикъ въ своей памяти всѣ обстоятельства этого страшнаго для него дѣла и каждый разъ видѣлъ только то, что одна его Надя виновата во всемъ. Голосъ сомнѣнія и жалости къ дочери замиралъ подъ тяжестью обвиненія.

Разъ Василій Назарычъ стоялъ въ моленной. Большія восковыя свѣчи горѣли тусклымъ краснымъ пламенемъ; волны густого дыма отъ ладона застилали глаза; монотонное чтеніе раскольничьяго кануна нагоняло тяжелую дремоту. Старинныя гуляевскіе и приваловскіе образа смотрѣли изъ кіотовъ какъ-то особенно строго. Старика точно кольнуло что, и онъ быстро оглянулся въ тотъ уголь, гдѣ обыкновенно стояла его Надя... Уголь былъ пустъ. Страшная, смертная тоска охватила Василю Назарыча, и онъ, какъ снопъ, съ рыданіями повалился на землю. Въ его груди точно что-то растаяло, и ему съ болѣзненной яркостью представилась мысль: вотъ онъ, старикъ, доживаетъ послѣдніе годы, не сегодня-завтра наступитъ послѣдній расчетъ съ жизнью, а онъ, на закатѣ своихъ дней, оттолкнулъ родную дочь, вмѣсто того, чтобы простить ее.

«Папа, папа... я никому не сдѣлала зла!» слышалъ старикъ послѣдній крикъ дочери, которая билась у его ногъ, какъ смертельно раненая птица.

IV.

Медовый мѣсяцъ для молодой четы Приваловыхъ миновалъ, оставивъ на горизонтѣ рядъ тѣхъ грозовыхъ облачковъ, безъ которыхъ едва-ли складывается хоть одно семейное счастье.

Жизнь въ обновленномъ приваловскомъ домѣ катилась порывистой бурной струей, шагъ за шагомъ обнажая для Привалова то многое, чего онъ раньше не замѣчалъ. Собственно домъ былъ раздѣленъ на двѣ половины: Ляховскіе остались въ своемъ старомъ помѣщеніи, а Приваловы заняли новое. Только парадныя комнаты и передняя были общими. Для двухъ семей комнатъ было даже слишкомъ много. На первый разъ для Привалова съ особенной рельефностью выступили два обстоятельства: онъ надѣялся, что шумная жизнь съ вечерами, торжественными обѣдами и парадными завтраками копитца вмѣстѣ съ медовымъ мѣсяцемъ, въ теченіи котораго въ его домѣ веселился весь Узель, а затѣмъ, что онъ заживетъ тихой семейной жизнью, о какой мечталъ вмѣстѣ съ Зосей еще такъ недавно. Но вышло совсѣмъ наоборотъ: медовый мѣсяцъ прошелъ, а шумная жизнь продолжалась по-прежнему. Гости не выходили изъ дому, и каждый день придумывалось какое-нибудь новое развлеченіе, такъ что, въ концѣ концовъ, Приваловъ почувствовалъ себя въ своемъ собственномъ домѣ тоже гостемъ, даже немного меньше—постороннимъ членомъ, который попалъ въ эту веселую компанію совершенно случайно. Такая жизнь никогда не входила въ его расчеты, и его не разъ охватывалъ какой-то страхъ за будущее.

Зося, конечно, угадывала истинный ходъ мыслей мужа, но дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ. Когда Приваловъ начиналъ говорить съ ней серьезно на эту тему, Зося только пожимала плечами и удивлялась, точно она выслушивала бредъ сумасшедшаго. Въ самомъ дѣлѣ, чего онъ хочетъ отъ нея?.. Такимъ образомъ, между молодыми супругами легла первая тѣнь. Та общая нить, которая связываетъ людей, порвалась

сама собою, порвалась прежде, чѣмъ успѣла окрѣпнуть, и Приваловъ со страхомъ смотрѣлъ на ту цыганскую жизнь, которая царила въ его домѣ, съ каждымъ днемъ отдѣляя отъ него жену все дальше и дальше. Онъ только могъ удивляться тѣмъ открытіямъ, какія дѣлалъ ежедневно: то, что онъ считалъ случайными чертами въ характерѣ Зоси, оказывалось его основаніемъ; гдѣ онъ надѣялся повліять на жену—получались мелкія семейныя сцены, слезы и т. д. Все это выходило какъ-то обидно и глупо, глупо до боли. Для кого же Зося мучила Привалова и для чего? Онъ, въ этомъ случаѣ, не понималъ жены и просто терялся въ объясненіяхъ... Изъ новыхъ знакомыхъ, которые бывали у Приваловыхъ, прибыло очень немного: два-три горныхъ инженера, молодой адвокат—восходящее свѣтило въ дѣловомъ мірѣ—и еще нѣсколько члвкъ разночинцевъ. Прежніе знакомые Зоси остались все тѣ же и только съ половины Ляховскаго перекочевали на половину Привалова; Половодовъ, Моисей, Лепешкинъ, Иванъ Яковлевичъ чувствовали себя подъ гостепріимной приваловской кровлей, какъ дома. Они ни въ чемъ не стѣсняли себя и, какъ казалось Привалову, къ нему лично относились съ вѣжливой ироніей настоящихъ свѣтскихъ людей.

Всѣ эти гости были самымъ большимъ мѣстомъ въ душѣ Привалова, и онъ никакъ не могъ понять, что интересно могла находить Зося въ обществѣ этой гулящей братіи. Разъ, когда Приваловъ зашелъ въ гостиную Зоси, онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ такой картины: Моисей стоялъ въ переднемъ углу и, закрывшись ковромъ, изображалъ архіерея, Лепешкинъ служилъ за протодьякона, а Половодовъ, Давидъ, Иванъ Яковлевичъ и горные инженеры представляли собой клиръ. Сама Зося хохотала, какъ сумасшедшая.

— Это кощунство, Зося... замѣтилъ Приваловъ, котораго эта картина покорибала.

— Нѣтъ, это просто смѣшно!

— Не понимаю!..

— Какъ всегда!

Если выпадала свободная минута отъ гостей, Зося проводила ее около лошадей или съ своими ястребами и кречетами. Полугодовой медвѣдь Шайтанъ жилъ въ комнатахъ и служилъ божескимъ наказаніемъ для всего дома: онъ грызъ

и рвалъ все, что только попадалось ему подъ руку, билъ собаекъ, производилъ неожиданныя ночныя экскурсіи по кладовымъ и чердакамъ и кончилъ тѣмъ, что бросился на проходившую по улицѣ дѣвочку-торговку и чуть-чуть не задавилъ ее. Но тѣмъ больше проказилъ Шайтанъ, тѣмъ сильнѣе привязывалась къ нему Зося. Она точно не могла жить безъ него и даже клала его на ночь въ свою спальню, гдѣ онъ грызъ сапоги, рвалъ платье и вообще показывалъ цѣлый рядъ самыхъ артистическихъ штукъ. Только когда Приваловъ, выведенный изъ терпѣнія, пообѣщавъ отравить Шайтана стрихниномъ, Зося рѣшилась, наконецъ, разстаться съ своимъ любимцемъ, т. е. для него была устроена въ саду круглая яма, выложенная кирпичемъ, и Зося ежедневно посылала ему туда живыхъ зайцевъ, кроликовъ и щенковъ. Ей доставляла удовольствіе эта травля, хотя это удовольствіе однажды едва не кончилось очень трагически: пьяный Моисей полетѣлъ въ яму къ медвѣдю, и только кучеръ Илья спасъ его отъ очень печальной участи. Лошади, кречеты и медвѣженокъ отнимали у Зоси остатки свободного дня, такъ что съ мужемъ она видѣлась только вечеромъ, усталая и капризная. Протесты Привалова противъ такого образа жизни принимались за личное оскорбленіе; послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ въ этомъ родѣ, Приваловъ совсѣмъ отказался отъ нихъ. Часто онъ старался обвинить самого себя въ неумѣнны отвлечь Зосю отъ ея друзей и постепенно создать около нея совершенно другую жизнь, другихъ людей и, главное, другія развлеченія. Оставалась одна надежда на время... Можетъ-быть, Зосѣ надобѣсть эта пустая жизнь, когда съ ней произойдетъ какой нибудь нравственный кризисъ.

— Есть еще одна надежда, Сергѣй Александрычъ, говоритъ докторъ, который, какъ казалось Привалову, тоже держался отъ него немного дальше, чѣмъ это было до его женитьбы.

— Именно?

— Какъ у всякой замужней женщины, у Софьи Игнатьевны могутъ быть дѣти, тогда...

Положеніе Привалова съ часу на часъ дѣлалось все труднѣе. Онъ боялся сдѣлаться пристрастнымъ даже къ доктору. Собственное душевное настроеніе слишкомъ было напряжено,

такъ что въ дѣйствительности начали примѣшиваться призраки фантазій, и разстроенное воображеніе рисовало одну картину за другой. Приваловъ даже избѣгалъ мысли о томъ, что Зося могла не любить его совсѣмъ а такъ-же и онъ ее. Для него ясно было только то, что онъ не нашелъ въ своей семейной жизни своихъ, самыхъ задушевныхъ, идеаловъ.

Скоро обнаружилась еще одна горькая истина. Именно, Приваловъ не могъ не замѣтить, что всѣ въ домѣ были противъ него. Это было слишкомъ очевидно. И если Приваловъ еще могъ, въ счастливомъ случаѣ, какъ-нибудь изолировать свою семейную жизнь отъ внѣшнихъ вліяній, то противъ внутреннего органическаго зла онъ былъ рѣшительно безсиленъ. Что онъ могъ сдѣлать, когда каждый шагъ Зоси, въ глазахъ Игнатія Львовича и пани Марины, не подлежалъ даже критикѣ? Разъ что-нибудь сдѣлала Зося—все было хорошо. Развѣ была такая вещь, которой нельзя было-бы позволить и извинить такой молоденькой и красивой женщинѣ? Всѣ удивлялись странному поведенію Привалова, который просто придирался къ Зосѣ съ самыми глупѣйшими пустяками.

— Если вы не исправитесь, я не отвѣчаю ни за что! говорилъ Ляховскій своему зятю.—Вы не цѣните сокровище, какое попало въ ваши руки... Да!.. Я не хочу сказать этимъ, что вы дурной человекъ, но, ради Бога, никогда не забывайте, что ваша жена, какъ всякое рѣдкое растеніе, не перенесетъ никакого насилія надъ собой.

— Я, кажется, дѣлаю, Игнатій Львовичъ, рѣшительно все, что зависитъ отъ меня, пробовалъ оправдываться Приваловъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Вы не хотите всмотрѣться въ характеръ Зоси, не хотите его изучить во всѣхъ тонкостяхъ, какъ обязанъ сдѣлать каждый мужъ, который дорожитъ своимъ семейнымъ счастьемъ. Зося подарила васъ своей молодостью, своей красотой — остальное все на вашей совѣсти. Вы настолько эгоистичны, что не можете примириться даже съ тѣми дѣтскими прихотями, на какія имѣетъ полное право всякая молоденькая женщина, особенно такая красавица, какъ Зося. Повѣрьте моей опытности и постарайтесь воспользоваться моими совѣтами... Я говорю съ вами, какъ отецъ и какъ человекъ.

Выходъ изъ этого двусмысленнаго положенія былъ одинъ: вырвать Зося изъ подъ вліянія родной семьи, другими словами, выгнать Ляховскихъ изъ своего дома. Но это было невозможно. Враждебный лагерь смыкался около Привалова все тѣснѣе и тѣснѣе. Зося скоро сама поддалась общему теченію и стала относиться къ мужу въ общемъ враждебномъ тонѣ. Ей какъ-то все стало не нравиться въ Приваловѣ: сапоги у него скрипѣли; когда онъ ѣлъ, у него такъ некрасиво поднимались скулы; онъ не умѣлъ поддержать разговора за столомъ и т. д. Но больше всего Зося не нравилось въ мужѣ то, что онъ положительно не умѣлъ себя держать въ обществѣ—не въ мѣру дичился незнакомыхъ, или старался быть развязнымъ, что выходило натянуто, или просто молчалъ самымъ глупѣйшимъ образомъ.

— Понимаете, Сергѣй Александрычъ, вы дѣлаете смѣшнымъ и себя и меня, упрекала его Зося.

— Да что-же мнѣ дѣлать, Зося? Для чего вся эта комедія, когда я даже совсѣмъ не желаю видѣть этихъ людей...

— А... такъ вы вотъ какъ!.. Вы, вѣроятно, хотите замуровать меня въ четыре стѣны, какъ это устраивали съ своими женами ваши милые предки? Только вы забыли одно: я не русская баба, которая, какъ собака, будетъ все переносить отъ мужа...

— Зося, опомнись, ради Бога, что ты говоришь!.. Неужели я такъ похожъ на своихъ предковъ?.. Нужно-же имѣть капелку справедливости...

— Значитъ, я несправедлива къ вамъ?

Хіонія Алексѣевна быстро освоилась въ новой своей роли и многое успѣла забрать въ свои цѣпкія руки. Между прочимъ, когда всѣ въ домѣ были противъ Привалова, она не замедлила примкнуть къ сильнѣйшей партіи и сейчасъ-же присоединила свой голосъ къ общему хору. Она не упускала удобнаго случая, чтобы поставить Привалова въ какое-нибудь неловкое положеніе, зло подшутить надъ нимъ и, при случаѣ, даже запустить шпильку въ больное мѣсто. Все это продѣлывалось съ цѣлью попасть въ общій тонъ и угодить Зося. Однажды она особенно надоѣла Привалову, и онъ рѣзко замѣтилъ ей:

— Хіонія Алексѣевна, вы иногда, кажется, забываете, что

въ этомъ домѣ хозяинъ я... А то вы такъ странно держите себя и позволяете себѣ такъ много, что въ одно прекрасное утро я долженъ буду принять свои мѣры.

Разговоръ происходилъ съ глазу-на-глазъ, и Хіонія Алексѣевна, прищуривъ глаза, нахально спросила:

— Именно?.. Какъ прикажете понять ваши слова: за угрозу просто или за формальный отказъ отъ дома?

— Если хотите, такъ за то и другое вмѣстѣ! крикнулъ Приваловъ, едва удерживаясь отъ желанія вышвырнуть ее за дверь.

— Благодарю васъ, Сергѣй Александрычъ, дѣлая книксенъ, проговорила Хіонія Алексѣевна въ прежнемъ своемъ тонѣ. — Вы мнѣ хорошо платите за тѣ tête-à-tête, какія я вамъ устраивала съ Антонидой Ивановной.. Ха-ха! Вы, можетъ-быть, позабыли, какъ она цѣловала васъ въ вашемъ кабинетѣ? А я была настолько скромна, что ваша жена еще до сихъ поръ даже не подозрѣваетъ, съ какимъ чудовищемъ имѣетъ дѣло. Merci!.. Да, я сейчасъ-же ухожу изъ вашего дома и не поручусь, что ваша жена сегодня-же не узнаетъ о вашихъ милыхъ похожденияхъ. Прибавьте еще Надежду Васильевну къ этому... О, я увѣрена, что эта бѣдная дѣвушка пала жертвой вашего сластолюбія, а потомъ вы ее бросили.

— Хіонія Алексѣевна...

Но Хіонія Алексѣевна была уже за порогомъ, предоставивъ Привалову бѣсноваться одному. Она была довольна, что, наконецъ, проучила этого миллионера, изъ-за котораго она перенесла на своей собственной спинѣ столько человѣческой несправедливости. Чѣмъ она не пожертвовала для него — и вотъ вамъ благодарность за всѣ труды, хлопоты, неприятности и даже обиды. Если-бы не этотъ Приваловъ, развѣ Агриппина Филиппевна разсорилась съ ней?.. Нѣтъ, рѣшительно нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ ни совѣсти, ни справедливости, ни признательности!

Изъ приваловскаго дома Хина, конечно, не ушла, а какъ ни въ чемъ не бывало явилась въ него на другой-же день послѣ своей размовки съ Приваловымъ. Хозяину ничего не оставалось, какъ только по возможности избѣгать этой фуриі, чтобы напрасно не подвергать нареканіямъ и не отдавать въ

жертву городскимъ сплетнямъ ни въ чемъ неповинныя женскія имена, а съ другой—не возстановлять противъ себя Зо-си. Хіонія Алексѣевна, въ случаѣ изгнанія, конечно, не оставилась бы ни предъ чѣмъ.

— Какъ жестоко можно ошибаться въ людяхъ, даже въ самыхъ близкихъ, меланхолически говорила она Зосѣ.—Я, напримѣръ, столько времени считала Александра Павлыча самымъ отчаяннымъ гордецомъ, а между тѣмъ, оказывается, что онъ совсѣмъ не гордецъ. Или взять Сергѣя Александрыча... Ахъ, топ анге, сколько мы, женщины, должны приносить жертвъ этимъ отвратительнымъ эгоистамъ, мужчинамъ!...

V.

Когда переделывали приваловскій домъ, часть его пристроекъ были обращены въ склады для хлѣба, а въ моленной были устроены лавки. Затѣмъ, часть сада была отведена спеціально подъ деревянные амбары, тоже для хлѣба. Всѣ эти перестройки были закончены къ первому санному пути, когда приваловская мельница должна была начать работу. Осенью Приваловъ только разъ былъ на мельницѣ, и то не надолго, чтобы провѣрить работы. Теперь, когда дома ему дѣлалось слишкомъ тяжело, онъ вспомнилъ о своей мельницѣ и по первопутку отправился туда. Когда онъ выѣхалъ за городъ, то ужъ почувствовалъ замѣтное облегченіе; именно, ему необходимо было вырваться на деревенскій просторъ и отдохнуть душой на безконечномъ раздолѣй полей, чтобы освободиться отъ давившаго его кошмара. Онъ сразу повеселѣлъ, и многое, что его мучило еще такъ недавно, показалось ему просто смѣшнымъ.

— А мы васъ здѣсь крѣпко дожидаемъ, Сергѣй Александрычъ, встрѣтилъ Нагибинъ хозяина.—Такъ дожидаемъ... Надо первый помолъ дѣлать, благословясь. Меленка-то совсѣмъ готова.

Въ мельничномъ флигелькѣ скоро собрались всѣ, т. е. Нагибинъ, Телкинъ, попъ Савель и Ипать, который теперь жилъ въ деревнѣ, такъ какъ въ городѣ ему рѣшительно нечего было дѣлать. Впрочемъ, вѣрный слуга Привалова не осо-

бенно горевалъ о такомъ перемѣщеніи: баринъ своей женитьбой потерялъ въ его глазахъ всякую цѣну.—«Однимъ словомъ, какъ есть пронаціей чловѣкъ!»

Въ какихъ-нибудь два часа Приваловъ уже зналъ всѣ незамысловатыя деревенскія новости: хлѣба, слава Богу, уродились, овсы—ровные, проса и гречиха—середка на половинѣ. Въ Красномъ Лугу молоньей убило бабу, въ Веретьяхъ скотъ начиналъ валиться отъ чумы, да отслужили сорокъ обѣденъ, и Богъ помиловалъ. Въ «ордѣ» больно хороша нынче уродилась пшеница, особенно кубанка. Сѣно удалось не вездѣ, въ Петровки солнышкомъ прихватило по уваламъ; только и поскоблили гдѣ по мочевинокамъ, въ понизьяхъ да на поемныхъ лугахъ и т. д. и т. д.

Мельница была совсѣмъ готова. Воды въ прудѣ, по расчетамъ Телкина, хватить на всю зиму. Оставалось пустить все «обзаведеніе» въ ходъ, что и было приведено въ исполненіе хмурымъ октябрьскимъ утромъ. Занумѣла вода, повертывая громадное водяное колесо, а тамъ и пошли работать шестерни, валы и колеса съ разными приводами и приспособленіями. Все было въ исправности; работа шла, какъ по писанному. Изъ подъ жернововъ посыпалась теплая мука, наполняя всю мельницу своимъ специфическимъ ароматомъ. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за этой работой, которая совершалась вполне форменно—лучше требовать нельзя.

— Ну, съ первинкой, Сергѣй Александрычъ, проздравляемъ, заговорилъ Нагибинъ.—Все по формѣ и безъ сумѣнія. Въ самый аккуратъ издалась меленка, въ добрый часъ будь сказано!

Телкинъ подробно еще разъ показалъ и объяснилъ, гдѣ нужно, весь двигавшійся механизмъ. Глаза у него блестяли, а лицо подернулось легкой краской; онъ сдерживалъ себя, стараясь не выдать волновавшаго его чувства счастливой гордости за шевелившееся, стучавшее и шумѣвшее дѣтище.

— Теперь можно и поздравить хозяина, говорилъ покъ Савель, успѣвшій порядочно выпачкаться въ муку; мелкій бусъ, какъ инеемъ, покрылъ всѣхъ.

Послѣ официальнаго открытія мельницы было устроено приличное угощеніе. Публика почище угощалась въ флигелькѣ, а для мужиковъ были поставлены столы въ самой мельницѣ.

Мужиковъ набралось густо, и все нужный народъ, потруди́вшийся въ свою долю при постройкѣ: кто возилъ бревна, кто бутовой камень, кто жернова и т. д. Послѣ трехъ стакановъ водки, на мельницѣ поднялся тотъ пьяный шумъ, приправленный пѣсней и крѣпкимъ русскимъ словцомъ, безъ чего не обходится никакая мужицкая гулянка. Потныя, красныя, бо родатыя лица лѣзли къ Привалову цѣловаться; карявыя руки хватили его за платье; онъ тоже пилъ водку вмѣстѣ съ другими и чувствовалъ себя необыкновенно хорошо въ этомъ пьяномъ мужицкомъ мірѣ. Отдѣльный столъ былъ поставленъ для бабъ, которыя работали при затолчкѣ плотины; онъ теперь походилъ на гряду съ макомъ и весело пестрѣлъ красными, синими и желтыми цвѣтами. Бабы пропустили по стаканчику, и маковая гряда тоже заголосила на всѣ лады, присоединяясь къ мужицкому галдѣнью. Гдѣ-то пиликнула вятская гармоника, въ другомъ углу жалобно затренькала деревенская балалайка, и началась музыка... Старостиха Анисья тончайшимъ голосомъ завела пѣсню, ее подхватили десятки голосовъ, и она полилась нестройной колыхавшейся волной, вырвалась на улицу и донеслась вплоть до деревни, гдѣ оставались только самыя древнія старушки, которыя охали и крестились, прислушиваясь, какъ міръ гуляетъ.

Попѣ Савель успѣлъ нагрузиться вмѣстѣ съ другими и тоже лѣзъ цѣловаться къ Привалову, донимая его цитатами изъ всѣхъ классиковъ. Телкинъ былъ чуть-чуть навеселѣ. Вообще, всѣ подгуляли, за исключеніемъ одного Нагибина, который «не принималъ ни капли водки». Началась пляска, отъ которой гнулись и трещали половицы; бабы съ визгомъ взмахивали руками; захмѣлѣвшіе мужики грузно топтались на мѣстѣ, выбивая каблуками отчаянную дробь.

— Гуляй, дѣвонька!... выкрикивалъ какой-то рыжій мужикъ, отплясывая въ рваномъ полушубкѣ. — Мматушки... шире бери!...

Когда общее веселье перешло въ сплошной гвалтъ и мельница превратилась въ настоящій кабакъ, Приваловъ ушелъ въ свой флигель. Онъ былъ тоже пьянъ и чувствовалъ, какъ передъ глазами предметы двоились и прыгали.

Утромъ онъ проснулся съ сильной головной болью и съ

нѣмъ смутнымъ представленіемъ о томъ, что дѣлалось вчера на мельницѣ.

— Здорово отгуляли, Сергѣй Александрычъ, улыбался Нагибинъ.

— Ничего.

— Теперь только чайку испить—и дѣло въ шляпѣ. Поэтъ Савель уже навѣдывался, онъ все еще вчерашнимъ пьянъ... слышите, какъ меленка-то постукиваетъ? Капитонъ съ трехъ часовъ пустилъ все обзаведеніе...

Привалову казалось съ похмѣлья, что постукиваетъ не мельницѣ, а у него въ головѣ. И для чего онъ напился вчера? Впрочемъ, нельзя, мужики обидѣлись-бы. Да и какое это пьянство, ежели разобрать? Самое законное, такая ужъ причина подошла, какъ говорятъ мужики. А главное, ничего похожего не было на шальное пьянство узловской интеллигенціи, которая всегда пьетъ, благо нашлась водка.

— Вотъ чайку-съ... предлагалъ Нагибинъ.--Оно очень облегчаетъ, ежели кто водку принимаетъ... А вонъ и полтъ Савель бредеть никакъ.

— Миръ дому сему, кричалъ поэтъ Савель еще подъ окошкомъ.—У меня сегодня въ головѣ такая мельница мелеть... А я ужъ поправился, стомаха ради и частыхъ недугъ!...

Приваловъ быстро вошелъ въ деревенскую колею, къ которой всегда его тянуло. Поѣздка съ Нагибинымъ по деревнямъ и мелкимъ хлѣбнымъ ярмаркамъ отнимала большую половину времени, а другая уходила цѣликомъ на мельницу. Работа закипѣла. Сотни подводъ ежедневно прибывали къ мельницѣ, сваливали зерно въ амбары и уступали мѣсто другимъ. Начали расти полѣвницы бѣлыхъ мѣшковъ съ зеленымъ клеймомъ: «Мельница Привалова». Сотни рабочихъ были заняты на мельницѣ переноской и перевозкой зерна, около зерносушилокъ и вѣялокъ, въ отдѣленіи, гдѣ вѣсили и ссыпали муку въ вѣшки. Около приваловскаго флигеля вѣчно стояли пустыя подводы дожидавшихся расчета мужиковъ. Черезъ недѣлю началась правильная отсылка намолотой муки въ Узель, въ главный складъ при приваловскомъ домѣ. Приваловъ никогда не чувствовалъ себя такъ легко, какъ въ этотъ моментъ; на время онъ совсѣмъ позабылъ о всемъ городскомъ и еже-

дневно отсылалъ Зосѣ самыя подробныя письма о своей дѣятельности.

Зося отвѣчала на письма мужа коротенькими записочками. Между прочимъ, она писала ему, что скучаетъ одна и желала-бы сама жить гдѣ-нибудь въ деревнѣ, если-бы могла оставить своихъ стариковъ. Приваловъ сначала не вѣрилъ, но желаніе быть счастливымъ было настолько велико, что онъ забывалъ все старое и снова отдавался душой своей Зосѣ. Онъ даже старался во всемъ обвинить самаго себя, только-бы спасти свое чувство, свою любовь. Вѣдь она хорошая, эта Зося, она любить его... При первой возможности, Приваловъ бросилъ всѣ дѣла на мельницѣ и уѣхалъ въ Узель. Но тамъ его ожидало новое разочарованіе: Зося встрѣтила его совсѣмъ враждебно, почти съ ненавистью. Это онъ видѣлъ по ея темнымъ глазамъ, по недовольному лицу, по необыкновенной раздражительности.

— Мнѣ гораздо лучше было совсѣмъ не пріѣзжать сюда, — говорилъ Приваловъ. — Зачѣмъ ты писала то, чего совсѣмъ не чувствовала?.. По-моему, намъ лучше быть друзьями далеко, чѣмъ жить врагами подъ одной кровлей.

Этотъ тонъ смутилъ Зосю. Нѣсколько дней она казалась спокойнѣе, но потомъ началась старая исторія. Привалова удивляло только то, что Половодовъ совсѣмъ пересталъ бывать у нихъ, и Зося, какъ казалось, совсѣмъ позабыла о немъ. Теперь у ней явилось новое развлеченіе: она, часовъ по шести въ сутки, каталась въ саняхъ по городу, вездѣ таская за собой Хину. Она сама правила лошадыю и даже иногда сама закладывала свой экипажъ.

Дѣло по хлѣбной торговлѣ пошло бойко въ гору. Приваловъ уже успѣлъ сбыть очень выгодно нѣсколько большихъ партій на заводы, а затѣмъ получилъ рядъ солидныхъ заказовъ отъ разныхъ торговыхъ фирмъ. Разсчеты и ожиданія оправдались скорѣе, чѣмъ онъ надѣялся. Не доставало времени и рабочихъ рукъ. Приходилось вездѣ поспѣвать самому, чтобы поставить сразу все дѣло на твердую почву. Много времени отнимали разныя хлопоты съ нотаріусами и банками. Разъ, когда Приваловъ зашелъ въ узловско-моховскій банкъ, онъ совсѣмъ неожиданно столкнулся со старикомъ Бахаревымъ. Оба смутились и не знали, о чемъ говорить.

— Ну, что твоя мельница? спросилъ наконецъ Бахаревъ, не глядя на Привалова.

— Пока ничего, работаетъ. Давно-ли вы вернулись съ ирисковъ, Василий Назарычъ?

— Да ужь порядочно, пожалуй съ мѣсяць... Ахъ, я и забылъ: поздравляю тебя съ женитьбой.

Вышла самая тяжелая и неприятная сцена. Привалову было совѣстно предъ старикомъ, что онъ до сихъ поръ не былъ еще у него съ визитомъ, хотя послѣ своего послѣдняго разговора съ Марьей Степановной онъ могъ его и не дѣлать.

VI.

Отъ Веревкина послѣднее письмо было получено незадолго до женитьбы Привалова. Въ немъ Nicolas отчасти повторялъ то-же самое, о чемъ уже писалъ раньше, т. е. излагалъ разные блестящія надежды и смѣлыя комбинаціи. Прибавкой являлось только то, что ему порядочно надоѣло въ Петербургѣ, и онъ начиналъ порываться въ Узель, въ свою родную стіхію, въ которой плавалъ, какъ рыба въ водѣ. Занятый семейными дѣлами и мельницей, Приваловъ забылъ о своемъ повѣренномъ, о которомъ ему напомнила встрѣча съ старикомъ Бахаревымъ. Уже одна фигура этого типичнаго старика служила какъ-бы нѣмымъ укоромъ: а что-же заводы? какъ идутъ дѣла объ опекахъ? что дѣлалъ тамъ, въ Петербургѣ, этотъ Веревкинъ? Приваловъ не могъ порядочно отвѣтить ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ, и теперь совѣсть особенно мучила его, что онъ изъ-за личныхъ дѣлъ забылъ свои главные обязанности. Вообще, все выходило какъ-то особенно глупо, за исключеніемъ развѣ одной мельницы, которая работала все время отлично. Да и эта единственная удача была отравлена тѣмъ, что Приваловъ ни съ кѣмъ не могъ подѣлиться своей радостью.

О семьѣ Бахаревыхъ Приваловъ слышалъ стороной, что дѣла по приискамъ у Василя Назарыча идутъ отлично. Рассказывали о сотняхъ тысячъ, заработанныхъ имъ въ одно лѣто. За богатствомъ опять тянулась блестящимъ хвостомъ слава. Всѣ съ уваженіемъ говорили о старомъ Бахаревѣ, который

изъ ничего создавалъ миллионы. Только о Надеждѣ Васильевнѣ никто ничего не зналъ, а Приваловъ слышалъ мелькомъ о ней отъ доктора, который осенью былъ въ шатровскихъ заводахъ. Костя Бахаревъ никогда не любилъ обременять себя перепиской, поэтому Приваловъ нисколько не удивился, что не получилъ отъ него въ теченіи полугода ни одной строчки.

Однажды, на своемъ письменномъ столѣ Приваловъ, къ своему удивленію, нашель карточку Кости Бахарева.

— Онъ уѣхалъ, вѣроятно, обратно на заводы? спрашивалъ Приваловъ Пальку.

— Нѣтъ, они сюда пріѣхали совсѣмъ...

— Какъ совсѣмъ?..

— Такъ-съ... Теперь живутъ въ «Золотомъ якорѣ», просили извѣстить ихъ, когда вы пріѣдете. Прикажите послать имъ сказать?

— Нѣтъ, не нужно... Я самъ къ нему поѣду.

Этотъ неожиданный пріѣздъ Кости Бахарева поразилъ Привалова; онъ почувалъ сразу что-то недоброе и тотчасъ-же отправился въ «Золотой якорь». Бахаревъ былъ дома и встрѣтилъ друга дѣтства съ насмѣшливой холодностью.

— Я совсѣмъ, Сергѣй Александрычъ, заговорилъ Кости, когда Приваловъ сѣлъ на диванчикъ.

— Какъ совсѣмъ?

— Да такъ... Получилъ чистую отъ Александра Павловича.

— Ничего не понимаю!..

— А межъ тѣмъ все дѣло чрезвычайно просто: пока ты тутъ хорошился со своей свадьбой, Половодовъ выхлопоталъ себѣ назначеніе повѣреннаго отъ конкурснаго управленія... Да ты что смотришь на меня такими глазами? Развѣ тебѣ Веревкинъ ничего не писалъ?

— Послѣднее письмо я отъ него получилъ мѣсяца два тому назадъ.

— Ну, батенька, въ это время успѣло много воды утечь... Значить, ты и о конкурсѣ ничего не знаешь?.. Завидую твоему блаженному невѣдѣнію... Такъ я тебѣ расскажу все: когда Ляховскій отказался отъ опекуинства, Половодовъ черезъ кого-то устроилъ въ Петербургѣ такъ, что твой второй братъ

призналъ себя несостоятельнымъ по какимъ-то тамъ платежамъ...

— Да вѣдь онъ идиотъ?

— Это все равно... Объявили несостоятельнымъ и назначили конкурсъ, а повѣреннымъ конкурснаго управленія опредѣлили Половодова. Впрочемъ, это случилось недавно... Онъ меня и смазалъ для перваго раза. Говоря проще, мнѣ отказали отъ мѣста, а управителемъ шатровскихъ заводовъ назначили какого-то Павла Андреича Кочнева, т. е. не какого-то, а родственника Половодова. Онъ женатъ на Шпигель, родной сестрѣ матери Веревкина. Теперь понялъ, откуда вѣтеръ дуетъ?

Приваловъ нѣсколько времени молчалъ; полученное извѣстіе ошеломило его, и онъ какъ-то ничего не могъ сообразить: какъ все это случилось? какой конкурсъ? какой Кочневъ? при чемъ тутъ сестрицы Шпигель?

— Что-же мы теперь будемъ дѣлать? проговорилъ Приваловъ, приходя въ себя.

— Ты, не знаю, что будешь дѣлать, а я получилъ приглашеніе на заводы Отметышева, въ восточную Сибирь, сказалъ Бахаревъ. — Даютъ пять тысячъ жалованья и пятую часть паявъ... Заводы на паяхъ устроены.

— Такъ... Что-же, скатертью тебѣ дорога, отвѣтилъ задумчиво Приваловъ, глядя въ пространство. — А намъ дѣваться некуда...

— Я одного только не понимаю, Сергѣй заговорилъ Бахаревъ, стараясь придать тону голоса мягкой характеръ; — не понимаю, почему ты зимой не поѣхалъ въ Петербургъ, когда я умолялъ тебя объ этомъ?.. Неужели это такъ трудно было сдѣлать?

Приваловъ схватился за голову и забѣгалъ по комнатѣ, какъ раненый звѣрь; вопросъ Бахарева затронулъ самое больное мѣсто въ его душѣ.

— А Василій Назарычъ знаетъ о конкурсѣ? спрашивалъ Приваловъ, продолжая бѣгать.

— Да... я ему рассказывалъ.

— Развѣ вы помирились?

— Т. е., какъ тебѣ сказать; вѣдь мы собственно не ссорились, такъ что и мириться нечего было. Просто пріѣхалъ

къ родителю, и вся недолга. Онъ сильно перемѣнился за это время...

— Вспылить, когда узналъ о конкурсѣ?

— Нѣтъ... заплакалъ. Въ старчество впадаетъ... Все заводы жалѣлъ. Ахъ, да, я тебѣ позабылъ сказать: сестра тебѣ кланяется...

Приваловъ вопросительно посмотрѣлъ на Бахарева; въ его головѣ мелькнуло сердитое лицо Вѣрочки.

— Развѣ забылъ: Надя?

— Ахъ, да... виноватъ. Ну, что, какъ она поживаетъ?

— Ничего, теперь переѣхала на пріискъ къ Лоскутову. Два сапога пара; оба бредятъ высшими вопросами и совершенно довольны другъ другомъ.

— Я слышалъ, что Василій Назарычъ разошелся съ Надеждой Васильевной? спрашивалъ Приваловъ, чтобы замаять овладѣвшее имъ волненіе; тамъ, въ глубинѣ, тихо-тихо заняла старая, похороненная давно любовь.

— Да, тутъ вышла серьезная исторія... Отецъ, пожалуй-бы, и ничего, но мать—и слышать ничего не хочетъ о примиреніи. Я пробовалъ было замолвить словечко; куда, старуха на меня такъ поднялась, что даже ногами затопала. Ну, я и оставилъ. Пусть сами мирятся... Изъ-за чего только люди кровь себѣ портятъ, не понимаю и не понимаю. Мать не скоро своротишь: ужъ если что поставить себѣ—кончено, не сдвинешь. Она, вѣдь, тогда прокляла Надю... Это какой-то фанатизмъ!.. Вообще, старики измѣнились: отецъ въ лучшую сторону, мать въ худшую.

Друзья дѣтства проговорили за-полночь о заводахъ и разныхъ разностяхъ. Бахаревъ не укорялъ Привалова, какъ не интересовался его теперешней жизнью. Онъ даже не полюбостествовалъ узнать, какъ теперь живетъ Привалову. Это было въ характерѣ Кости; онъ никогда не вмѣшивался въ чужую жизнь, какъ не посвящалъ никого въ свои интимныя дѣла. Это былъ человѣкъ дѣла съ ногъ до головы, и Приваловъ нисколько не обижался его невниманіемъ къ собственной особѣ. Самъ Приваловъ не хотѣлъ заговаривать о своей новой жизни, потому что, разъ, это было слишкомъ тяжело, а второе—ему совсѣмъ не хотѣлось раскрывать предъ Костей тайны своей семейной жизни. Все, и хорошее и дурное, При-

валовъ переживалъ одинъ-на-одинъ, не требуя ничьего участія ни совѣта, ни сочувствія.

— Ты скоро ѣдешь? спрашивалъ Приваловъ на прощаньи.

— Не знаю пока... Можетъ быть проживу здѣсь зиму. Хочется отдохнуть. По пословицѣ: бываетъ и свинѣ праздникъ... Я не хочу тебя чѣмъ-нибудь упрекнуть, а говорю такъ; встряхнуться необходимо.

— Послушай, Сергѣй, остановилъ Привалова Бахаревъ, когда тотъ направился къ выходу. — Отчего ты къ нашимъ не заѣдешь? Я про стариковъ говорю...

— Неловко какъ-то...

— Ну, какъ знаешь. Тебѣ лучше знать.

Изъ «Золотаго якоря» Приваловъ вышелъ точно въ какомъ туманѣ; у него кружилась голова. Онъ чувствовалъ, что все кругомъ него начинаетъ рушиться, и ему не за что даже ухватиться. Приходилось жить съ такими людьми, съ которыми онъ не имѣлъ ничего общаго, и оттолкнуть отъ себя тѣхъ, кого онъ цѣнилъ и уважалъ больше всего на свѣтѣ. Прежде чѣмъ вернуться въ свой домъ, Приваловъ долго бродилъ по городу, желая освѣжиться. Въ головѣ поднимался цѣлый ворохъ самыхъ невеселыхъ мыслей. Жизнь начала тяготить Привалова, а сознаніе, что онъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ съ собственными намѣреніями — щемило и сосало сердце, какъ змѣя.

VII.

Ляховскій, повидимому, совсѣмъ поправился. Онъ могъ ходить по комнатамъ безъ помощи костылей и по нѣскольку часовъ сряду просиживалъ въ своемъ кабинетѣ, занимаясь дѣлами съ своимъ новымъ управляющимъ. Но все это была только одна форма: прежняго Ляховскаго больше не было. Самъ Ляховскій сознавалъ это и по временамъ впадалъ въ какое-то дѣтское состояніе: жаловался на всѣхъ, капризничалъ и даже плакалъ. Между тѣмъ этотъ-же Ляховскій весь точно встряхивался, когда дѣло касалось новой фирмы А. Б. Пуцилло-Мяляхинскій; въ немъ загоралась прежняя энергія, и онъ напрягалъ послѣднія силы, чтобы сломить своего врага во что-бы-то ни стало. Это были жалкія усилія, что и самъ

Ляховскій сознавалъ въ спокойную минуту, но освободиться отъ своей идее fixe онъ былъ не въ силахъ. Часто онъ создавалъ самые нелѣпные проекты и требовалъ ихъ немедленнаго осуществленія; но проходилъ день, и проекты шли на подтопку.

Докторъ видѣлъ состояніе Ляховскаго и не скрывалъ отъ себя печальной истины.

— Игнатій Львовичъ, вы, конечно, теперь поправились, говорилъ докторъ, выбирая удобную минуту для такого разговора; — но всё мы подъ Богомъ ходимъ... Я совѣтовалъ-бы вамъ на всякій случай привести въ порядокъ всё ваши бумаги.

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Вы понимаете меня хорошо... У васъ есть дочь; вамъ слѣдуетъ заблаговременно позаботиться о ней.

— Вы заживо меня хороните, докторъ! горячился Ляховскій.—У меня все готово, и завѣщаніе написано на имя Зоси. Все ей оставляю, а Давиду — триста рублей ежегодной пенсіи. Пусть самъ учится зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба... Для такихъ шелопаевъ трудъ самое лучшее лекарство. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь; у меня давно все готово.

Въ подтвержденіе своихъ словъ Ляховскій вынималъ изъ письменнаго стола черновую приготовленнаго духовнаго завѣщанія и читалъ ее доктору пунктъ за пунктомъ. Завѣщаніе было составлено въ пользу Зоси и докторъ успокаивался.

— Но я скоро не умру, докторъ, съ улыбкой говорилъ Ляховскій, складывая завѣщаніе обратно въ столъ.—Нѣтъ, не умру... Знаете, иногда человѣка поддерживаетъ только одна какая-нибудь всемогущая идея, а у меня есть такая идея... Да!

— Именно?

— А Пуцилло-Маляхинскій?.. Повѣрьте, что я не умру, пока не сломя его. Я систематически доканаю его, я буду слѣдить по его пятамъ, какъ тѣнь... Когда эта компанія распадется, тогда, пожалуй, я не отвѣчаю за себя; мнѣ будетъ нечего больше дѣлать, какъ только протянуть ноги. Я это замѣчалъ: больной человѣкъ, измученный, кажется мѣста въ немъ живого нѣтъ, а все скрипитъ да еще работаетъ за десятерыхъ, возъ везетъ. А какъ отняли у него дѣло — и свалился, какъ сгнившій столбъ.

На другой день послѣ своего разговора съ Бахаревымъ, Приваловъ рѣшился откровенно обо всемъ переговорить съ Ляховскимъ. Разъ, онъ былъ опекуномъ, а, второе, онъ былъ отецъ Зоси; кому-же было ближе знать даже самое скверное настоящее. Когда Приваловъ вошелъ въ кабинетъ Ляховскаго, онъ сидѣлъ за работой на своемъ обычномъ мѣстѣ и даже не поднялъ головы.

— Мнѣ хотѣлось-бы переговорить съ вами объ одномъ очень важномъ дѣлѣ, заговорилъ Приваловъ.

— А... съ удовольствіемъ. Я сейчасъ...

Ляховскій отодвинулъ въ сторону свой послѣдній проектъ противъ компаніи Пуцилло-Малыхинскій и приготовился слушать; онъ даже вытащилъ вату, которой закладывалъ себѣ уши въ послѣднее время. Приваловъ передалъ все, что узналъ отъ Бахарева, о конкурсѣ и назначеніи новаго управителя въ Шатровскіе заводы. Ляховскій слушалъ его внимательно, и, по мѣрѣ разказа, его лицо вытягивалось все длиннѣе и длиннѣе, и на лбу выступилъ холодный потъ.

— Я рассказалъ вамъ все, что самъ знаю, закончилъ Приваловъ; — Веревкинъ, по всей вѣроятности, послалъ мнѣ подробное письмо о всемъ случившемся, но я до сихъ поръ ничего не получалъ отъ него. Вѣроятно, письмо потерялось...

Ляховскій молча посмотрѣлъ на Привалова черезъ очки, потеръ себѣ лобъ и нетерпѣливо забарабанилъ сухими пальцами по ручкѣ кресла.

— Не понимаю, не понимаю... заговорилъ онъ глухимъ голосомъ. -- Послушайте, можетъ быть Веревкинъ продалъ васъ?..

Приваловъ только-что хотѣлъ вступить за своего повѣреннаго, какъ Ляховскій вскочилъ съ своего мѣста, точно ужаленный; схватившись за голову обѣими руками, онъ какъ-то жалко застоналъ:

— Пойдите: вспомнилъ... Все вспомнилъ!.. Вотъ здѣсь, въ этомъ самомъ кабинетѣ все дѣло было. Ахъ, я дуракъ, дуракъ, дуракъ!!.. А, впрочемъ, развѣ я могъ предполагать, что вы женитесь на Зосѣ?.. О, если-бы я зналъ, если-бы я зналъ... Дуракъ, дуракъ!..

— Я не понимаю, въ чемъ дѣло, Игнатій Львовичъ?

— Не понимаете?.. Сейчасъ поймете... О, это все устроилъ

Половодовъ; я собственно не виновать ни душой, ни тѣломъ. Послушайте, Сергѣй Александрычъ; никогда и ни одному слову Половодова не вѣрьте... Это все онъ устроилъ—и меня подвелъ, и васъ погубилъ.

— Я не...

— Позвольте; помните-ли вы, какъ Веревкинъ начиналъ процессъ противъ опеки?.. Онъ тогда меня совсѣмъ одолѣлъ... Вѣдь умная бестія и какое нахальство! Готовъ васъ за горло схватить. Вотъ Половодовъ и воспользовался именно этимъ моментомъ и совсѣмъ сбилъ меня съ толку. Просто запугалъ, какъ мальчишку... Ахъ, я дуракъ, дуракъ! Видите-ли, прїѣзжалъ сюда одинъ нѣмецъ, Шпигель... Можетъ быть вы его видѣли? Онъ еще родственникомъ какъ-то приходится Веревкину... Какъ его, позвольте, позвольте, звали?.. Карлъ... Фридрихъ...

— Да, я видалъ его у Веревкиныхъ; Оскаръ Филиппъ...

— Вотъ... вотъ онъ самый... Вѣдь нѣмчурка совсѣмъ ничтожная!.. Вотъ Половодовъ и привелъ ко мнѣ этого самаго нѣмчурку да вдвоемъ меня и обдѣлали. Понимаете, совсѣмъ обошли, точно темноту на меня навели...

Ляховскій подробно рассказалъ Привалову всю исторію своего знакомства съ Шпигелемъ и результатъ ихъ совѣщаній,

— Однимъ словомъ, получается довольно грязенькая исторія, проговорилъ Ляховскій, бѣгая по комнатѣ.—Винюсь, выжилъ изъ ума...

— Я желалъ-бы знать только одно: почему вы мнѣ не рассказали всей этой исторіи, когда я сдѣлалъ предложеніе вашей дочери? спрашивалъ поблѣднѣвшій Приваловъ; — мнѣ кажется, что у васъ болѣе не должно было оставаться никакихъ причинъ подкапываться подъ меня?..

— Ахъ, Господи, Господи!.. опять застоналъ Ляховскій. — Да развѣ-же вы не знаете такой простой вещи, что одна глупость непременно ведетъ за собой другую, а другая третью... Клянусь вамъ Богомъ, что я хотѣлъ вамъ все рассказать, рѣшительно все, но меня опять сбилъ Половодовъ. Я еще не успѣлъ оправиться тогда хорошенько отъ болѣзни, а онъ и взялъ съ меня слово молчать обо всемъ... Видите-ли, основаніе-то молчать было: во-первыхъ, я самъ не вѣрилъ,

чтобы этот Шпигель могъ что-нибудь сдѣлать — это разъ; во-вторыхъ, когда вы сдѣлали предложеніе Зосѣ—вашъ процессъ клонился въ вашу пользу... Половоловъ тогда, еще до вашего предложенія, нарочно пріѣзжалъ предупредить меня... Какъ-же!.. Онъ, кажется, самъ тогда сильно струхнулъ и даже потерялъ голову. Но все-таки, какъ честный человѣкъ, я долженъ былъ объяснить вамъ... И объяснилъ-бы, если-бы не было совѣстно. Войдите въ мое положеніе: вы дѣлаете предложеніе моей дочери, она любитъ васъ, и вдругъ я васъ обливаю цѣлымъ ушатомъ холодной воды.. Если кто виноватъ, такъ виноватъ именно я, я и въ отвѣтъ: у меня просто не поднялась рука разстроить счастье Зоси... Была еще причина, почему я не рассказалъ вамъ всего, продолжалъ Ляховскій послѣ короткой паузы. — Положимъ, вы сейчасъ-же отправились-бы лично хлопотать по своему дѣлу... Хорошо. Вы думаете, вы помогли-бы дѣлу?.. О, нѣтъ... Вы-бы испортили его въ конецъ, какъ докторъ, который сталь-бы лечить самого себя. Тамъ, очевидно, у нихъ составила сильная партія, если они успѣли провести дѣло. И какъ отлично все задумано: объявить идиота несостоятельнымъ... Это гениальная идея!.. И она никому не пришла-бы въ голову, увѣряю васъ, кромѣ этого нѣмца... О, это онъ все устроилъ отъ начала до конца. По когтямъ видно звѣря...

— Почему-же вы съ такой увѣренностью говорите, что все дѣло устроилъ непременно Шпигель?

— А кто-же больше?.. Онъ... Непременно онъ. У меня положительныхъ данныхъ нѣтъ въ рукахъ, но я голову даю на отсѣченье, что это его рукъ дѣло. Знаете, у насъ, практиковъ, есть извѣстный нюхъ. Я сначала не довѣрялъ этому нѣмцу, а потомъ даже совсѣмъ забылъ о немъ, но теперь для меня вся картина ясна: нѣмецъ погубилъ насъ... Это будетъ лучше Пуццилло - Маляхинскаго!.. Повѣрьте моей опытности.

— Мнѣ хотѣлось-бы знать еще одно обстоятельство, спросилъ Приваловъ:—Какъ вы думаете, знала Зося эту исторію о Шпигелѣ или нѣтъ? Вѣдь она всегда была хороша съ Половодовымъ.

— Вотъ вамъ Богъ, что она ничего не могла знать!.. клялся Ляховскій.

Приваловъ, пошатываясь, вышелъ изъ кабинета Ляховскаго. Онъ не думалъ ни о конкурсѣ, ни о нѣмцѣ Шпигелѣ; предъ нимъ раскрылась широкая картина человѣческой подлости... Теперь для него было ясно все, до послѣдняго штриха; его женитьбу на Зосѣ устроилъ никто другой, какъ тотъ-же Половодовъ. Онъ запугалъ Зосю раззореніемъ отца съ одной стороны, а съ другой—процессомъ по онекѣ; другими словами, Половодовъ, жертвуя Зосей, спасалъ себя, потому что какъ-бы Приваловъ повелъ процессъ противъ своего тестя?.. Все было ясно, все было просто. Только одно еще смущало Привалова: Половодовъ любилъ Зосю—это очевидно изъ всего его поведенія. Половодовъ, безъ сомнѣнія, очень проницательный и дальновидный человѣкъ; какъ-же онъ не могъ предвидѣть торжества своей интриги и ошибся всего на какой-нибудь одинъ мѣсяць?..

Ночью съ Ляховскимъ сдѣлался второй ударъ. Несмотря на всѣ усилія доктора, спасти больного не было никакой возможности; онъ угасалъ на глазахъ. За часъ до смерти онъ знакомъ попросилъ себѣ бумаги и карандашъ; нетвердая рука судорожно нацарапала всего два слова: «Пуцилло-Малыхинскій...» Очевидно, сознаніе отказывалось служить Ляховскому, параличъ распространялся на мозгъ.

Весь домъ былъ въ страшномъ переполохѣ; всѣ лица были блѣдны и испуганы. Зося тихонько рыдала у изголовья умиравшаго отца. Хина была какими-то судьбами тутъ-же, и не успѣла Ляховскій испустить послѣдняго вздоха, какъ она уже обшарила всѣ уголки въ кабинетѣ и перерыла всѣ бумаги на письменномъ столѣ.

— Ищите завѣщаніе... шептала она Зосѣ, бѣгая по кабинету, какъ угорѣлая мышь.

— Послѣ... прошептала Зося.

— Нѣтъ, сейчасъ... Это очень важно!..

Начались поиски завѣщанія; были открыты всѣ ящики, десять разъ перебрана была каждая бумажка; единственнымъ результатомъ всѣхъ поисковъ были два черновыхъ завѣщанія, которыя Ляховскій читалъ доктору. Какъ только разсвѣло утро, Хина объѣхала всѣхъ нотаріусовъ и навела справки: завѣщанія нигдѣ не было составлено. Хина еще разъ перерыла весь кабинетъ Ляховскаго—все было напрасно.

— Несчастливая... шипѣла Хина, обращаясь къ Зосѣ. — Понимаете-ли вы, что все наслѣдство достанется одному Давиду, а вамъ—ничего...

— Какъ ничего?..

— А такъ... Вы свое, по закону, получили сполна въ формѣ приданого. Вотъ и любуйтесь на свои тряпки!.. Тѣфу!.. Ужъ уменно: вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь...

VIII.

Послѣ смерти Ляховскаго, въ домѣ Привалова поселилась какая-то тяжелая пустота; всѣ чувствовали, что чего-то не достаетъ. Приваловъ не любилъ Ляховскаго, но ему было жаль старика; это все-таки былъ недюжинный человѣкъ; при другихъ обстоятельствахъ, вѣроятно этотъ-же самый Ляховскій представлялъ-бы собой другую величину. Человѣческой природѣ свойственно забывать недостатки умершихъ и припоминать ихъ хорошія стороны: это одно изъ самыхъ свѣтлыхъ проявленій человѣческой природы. Какъ опекуна и какъ тестя, Приваловъ не уважалъ Ляховскаго, но какъ замѣчательно умнаго человѣка онъ его любилъ. Со старикомъ не было скучно, во всѣхъ его разговорахъ звучала сухая, но остроумная нотка. Особенно теперь, когда для сравненія остался Давидъ Ляховскій, всѣ оцѣнили стараго Ляховскаго, этого скупаго, придиричаваго, вѣчно ворчавшаго и вѣчно больного человѣка.

Получивъ утвержденіе въ правахъ наслѣдства, Давидъ быстро расправилъ свои крылышки. Онъ началъ съ того, что, въ качествѣ вполне самостоятельнаго человѣка, совсѣмъ рассорился съ Приваловымъ и переѣхалъ съ пани Мариной въ свой собственный домъ, который купилъ на Нагорной улицѣ. Старый Палька послѣдовалъ, конечно, за молодымъ бариномъ, а его мѣсто въ швейцарской приваловскаго дома занялъ выписанный изъ Гарчиковъ Ипать. Этотъ вѣрный слуга, нарядившись въ ливрею, не могъ разстаться съ своей глупостью и лѣнью и считалъ своимъ долгомъ обращаться со всѣми крайне грубо.

Зося первое время была совсѣмъ убита смертью отца. Приваловъ сначала сомнѣвался въ искренности ея чувства, приписывая ей горе неоправдавшимся надеждамъ на полученіе

наслѣдства, но потомъ ему сдѣлалось жаль жены, которая бродила по дому блѣдная и задумчивая. Оставшись только вдвоемъ съ женой въ старомъ отцовскомъ домѣ, Приваловъ надѣялся, что теперь Зося вполне освободится отъ вліянія прежней семейной обстановки и перемѣнитъ образъ своей жизни. Докторъ бывалъ въ приваловскомъ домѣ каждый день, и Приваловъ особенно радъ былъ видѣть этого вѣрнаго друга.

— Она измѣнится, говорилъ докторъ Привалову нѣсколь-
ко разъ. — Смерть отца заставитъ ее одуматься... Собственно говоря, это хорошая натура, но только слишкомъ увлекаю-
щаяся.

— Докторъ, вы ошибаетесь, возражалъ Приваловъ. — Что угодно, только Зося самая неувлекающаяся натура, а скорѣе черствая и разсчетливая. Въ ней есть свои хорошія стороны, какъ во всякомъ человѣкѣ, но все зло лежитъ въ этой неустойчивости и въ вѣчной погонѣ за сильными ощущеніями.

— Зося эксцентрична, но у ней доброе сердце...

— Можетъ быть... Отъ души желалъ-бы ошибиться.

Что особенно не нравилось Привалову, такъ это-то, что Хина послѣ смерти Ляховскаго какъ-то совсѣмъ завладѣла Зосей, а это вліяніе не обѣщало ничего хорошаго въ будущемъ. Всѣ старанія Привалова и доктора выжить Хину изъ дому оставались совершенно безуспѣшными; Зося не могла жить безъ своей дуэньи и оживлялась только въ ея присутствіи. Зося, съ своей стороны, не могла не замѣтить громадной перемѣны въ своемъ мужѣ. Онъ относился къ ней ровно и спокойно, какъ къ постороннему человѣку, съ той изысканной вѣжливостью, которая замѣнила недавнюю любовь. Зося чувствовала, что мужъ не любитъ ее, что въ его ласкахъ къ ней есть что-то недосказанное, какая-то скрытая вражда. Приваловъ скучалъ съ ней и съ удовольствіемъ уходилъ въ свой кабинетъ, чтобы зарыться въ бумаги.

— Душечка, это онъ хочетъ испытать васъ, говорила Хина; — а вы не поддавайтесь; онъ къ вамъ относится холодно, а вы къ нему будьте еще холоднѣе; онъ къ вамъ повертывается бокомъ, а вы къ нему спиной. Всѣ эти мужчины на одинъ покрой: имъ только позволь...

— Мнѣ все равно, пусть его... съ скучающимъ видомъ

отвѣчала Зося.—Я даже не замѣчаю, есть онъ въ домѣ или его нѣтъ...

— Знаете, душечка, на что сердится вашъ муженекъ?— говорила Хина.—О, всѣ эти мужчины, какъ монеты, ходятъ другъ на друга... Я считала его идеальнымъ мужчиной, а оказывается совсѣмъ другое! Пока вы могли рассчитывать на богатое наслѣдство—онъ ухаживалъ за вами, а какъ у васъ не оказалось ничего—онъ и отвернулъ носъ. Ужь повѣрьте мнѣ!

— Нѣтъ, это вздоръ... Онъ просто глупъ, Хіонія Алексѣвна.

— Ахъ, извините, mon ange... Я боялась вамъ высказаться откровенно, но теперь должна сознаться, что Сергѣй Александрычъ дѣйствительно немного того... какъ вамъ сказать... ну, недалекъ вообще. (Хина повертѣла около своего лба пальцемъ). Если его сравнить, напимѣръ, съ Александромъ Павлычемъ... Ахъ, душечка, вся наша жизнь есть одна сплошная ошибка! Давно-ли я считала Александра Павлыча гордецомъ... Помните?.. А между тѣмъ онъ совсѣмъ не гордъ, совсѣмъ не гордъ... Я жестоко ошибалась. Не гордъ и очень уменъ...

По зимнему пути Веревкинъ вернулся изъ Петербурга и представилъ своему довѣрителю подробный отчетъ своей дѣятельности за цѣлый годъ. Онъ въ живыхъ краскахъ описалъ свои хожденія по министерскимъ канцеляріямъ и визиты къ разнымъ вліятельнымъ особамъ; ему обѣщали содѣйствіе и помощь. Дѣломъ заинтересовался даже одинъ министръ. Но Шпигель успѣлъ организовать сильную партію, во главѣ которой стояли очень вѣскія имена; онъ велъ дѣло съ дьявольскою ловкостью и, какъ вода, просачивался во всѣ сферы.

— Я все-таки переломилъ-бы этого дядюшку, — повѣствовывалъ Веревкинъ;—но ему удалось вткнуть въ дѣло одну даму... А эта дама, батенька, обламываетъ и не такія дѣла. Ну, однимъ словомъ, она проводитъ дѣла черезъ всѣ инстанціи. У ней что-то въ родѣ своего министерства, чортъ ее возьми!

— Ляховскій мнѣ рассказывалъ...

— Покойникъ спятилъ съ ума подъ конецъ; что ему стоило предупредить васъ объ этой дамѣ лѣтомъ? О, тогда-бы мы все оборудовали лихимъ манеромъ; сунули-бы этой дамѣ здоровый

кушъ, и дѣло было-бы наше. Я поздно узналъ... А все-таки я пробился къ ней.

— Ну, и что-же?

— Да ничего... Бабенка дѣйствительно умная. Лѣтъ этакъ подъ тридцать, въ тѣлѣ и на счетъ обхожденія... Однимъ словомъ, такая балъзаковская женщина, большую силу забрала надъ разными сіятельными старцами. Прямо мнѣ сказала: «Гдѣ-же вы раньше-то были? А теперь я ничего не могу сдѣлать... Покойниковъ съ кладбища не ворочаютъ». Ей-Богу, такъ и сказала. А я спрашиваю ее: неужели, говорю, и надежды впереди никакой не осталось? «Нѣтъ, говорить, надеяться всегда можно и слѣдуетъ»... Смѣется, шельма!.. Пикантная бабенка, чортъ ее возьми... Она васъ, кажется, встрѣчала гдѣ-то.

— Не помню, едва-ли.

— А знаете, какой совѣтъ она мнѣ дала на прощаньи? «Вы, говорить, теперь отдохните немного и дайте отдохнуть другимъ. Черезъ годъ конкурсъ долженъ представить отчетъ въ опеку, тогда вы ихъ и накроете... Навѣрно хватятъ большой кушъ съ радости!» Каково сказано?.. Ха-ха... Такая политика въ этой бабенкѣ—уму помраченье! Не даромъ миллионными дѣлами орудуешь.

— Значить, теперь остается только ждать?

— Да, ждать. Будемъ обтачивать терпѣніе... Я, грѣшный человѣкъ, намекнулъ бабенкѣ, что ежели и всякое прочее, такъ мы за гешефтомъ не постоимъ. Смѣется, каналья...

— Ну, это ужъ вы напрасно, Николай Ивановичъ. Я не давалъ вамъ полномочій на такія предложенія и никогда не пойду на подобныя сдѣлки. Пусть лучше все пойдетъ прахомъ!..

— Э, батенька, всѣ мы люди, всѣ человѣки... Не бросить-же заводы псу!? Геройствовать-то съ этой братіей не приходится; они съ насъ будутъ живьемъ шкуру драть, а мы будемъ миндальничать. Нѣтъ, дудки!!.. Нужно смотрѣть на дѣло прямо: клинъ клиномъ вышибай.

— Нѣтъ, я все-таки несогласенъ.

— «Этакой пень дурацкій!» обругался про себя Веревкинъ. — «Погоди, не то запоешь, какъ подтянуть хорошенько насъ, рабовъ божіихъ...»

И такъ, приходилось ждать и слѣдить за дѣятельностью

Половодова. Вся трудность задачи заключалась въ томъ, что слѣдить за дѣйствіями конкурса нельзя было прямо, а приходилось выискивать подходящіе случаи. Первый свой отчетъ Половодовъ долженъ былъ подать будущей осенью, когда кончится заводскій годъ.

IX.

На мельницѣ зимой работа кнѣгла; Приваловъ ѣздилъ въ Гарчики довольно часто, но, когда первые хлопоты поулеглись и свободнаго времени оставалось на рукахъ много, Приваловъ не зналъ, куда ему теперь дѣваться съ этой свободой. Дома оставаться съ глазу-на-глазъ съ женой ему было тяжело. Каждый разъ, когда онъ видѣлъ Зосю, ему представлялся Половодовъ, который такъ ловко соединилъ ихъ брачными узами. Вся кровь бросалась Привалову въ голову при одной мысли, что до сихъ поръ онъ былъ только жалкой игрушкой въ рукахъ этихъ дѣльцовъ безъ страха и упрека. Нѣсколько разъ Привалову хотѣлось высказать въ глаза женѣ, за кого онъ считаетъ ее, но что-то удерживало его. Худой миръ все-таки лучше доброй ссоры, да къ тому-же Привалову не хотѣлось огорчать доктора, который умѣлъ видѣть въ своей ученицѣ однѣ хорошія стороны.

Чтобы хоть какъ-нибудь убить свободное время, которое иногда начинало просто давить Привалова, онъ сталъ посѣщать общественный клубъ, собственно тѣ залы, гдѣ шла игра. Давно-ли этотъ-же самый общественный клубъ казался Привалову кабакомъ,—но теперь онъ былъ радъ и кабаку, чтобы хоть куда-нибудь уйти отъ самого себя. Приваловъ перезнакомился кое съ кѣмъ изъ клубныхъ игроковъ и, какъ это бываетъ со всѣми начинающими, нашель, что, право, это были очень хорошіе люди и съ ними было иногда даже весело; да и самая игра, конечно по маленькой, просто для препровожденія времени, имѣла много интереснаго, а главное, время за сибирскимъ вистомъ съ винтомъ летѣло не замѣтно: не успѣлъ оглянуться, а ужъ на дворѣ шесть часовъ утра.

Сначала Привалову было немного совѣстно очень часто являться въ клубъ, но потомъ онъ совсѣмъ освоился съ клубной атмосферой. Народъ все былъ свой, всѣхъ загоняла сюда

за зеленые столы одна сила—бесодержательность и скука провинциальной жизни. Адвокаты, инженеры, золотопромышленники, купцы, разночинцы — всё перемѣшались за зеленымъ полемъ въ одну братскую пеструю кучку, жившую одними интересами. Страсть къ игрѣ сравнивала всѣхъ и, какъ всякая болѣзнь, не дѣлала исключеній. Приваловъ быстро вошелъ во вкусъ этой клубной жизни, весело катившейся въ маленькихъ комнаткахъ, всегда застланныхъ табачнымъ дымомъ и плохо освѣщенныхъ. Онъ скоро изучилъ до тонкости особенности всѣхъ игроковъ, ихъ слабости и смѣшныя стороны. Были тутъ игроки, какъ онъ, отъ нечего-дѣлать, были игроки, которые появлялись въ клубъ періодически, чтобы спустить мѣсячное жалованье, были игроки, которые играли съ серьезными надутыми лицами, точно совершая таинство, были игроки-шутники, игроки-забудлыги, игроки, съ которыми играли только изъ снисхожденія, когда другихъ не было, были, наконецъ, игроки по профессіи, великіе спеціалисты, чародѣи и магики.

— Интересно, что сегодня будетъ у Ивана Яковлѣча съ Ломтевымъ, каждый разъ говорилъ партнеръ Привалова, членъ окружнаго суда, извѣстный въ клубъ подъ кличкой Ѳемиды. Кто кого одбереть... Нашла коса на камень!..

Героями зимняго сезона въ клубъ являлись дѣйствительно Иванъ Яковлевичъ и Ломтевъ, которые рѣзались изо дня въ день не на животь, а на смерть. Раньше они всегда были союзниками, а теперь какая-то черная кошка пробѣжала между ними и они поклялись погубить одинъ другого. Между прочимъ, Приваловъ слышалъ, что сыр-боръ загорѣлся изъ-за какой-то женщины. Этотъ карточный турниръ сосредоточивалъ на себѣ общее вниманіе и, какъ военные бюллетени, шепотомъ передавали техническія фразы: «У Ивана Яковлѣча заколодило... Ломтевъ въ ударѣ! Иванъ Яковлѣчъ пошелъ въ гору... Ломтевъ сорвался!» Приваловъ иногда съ нетерпѣніемъ дожидался вечера, чтобы узнать, кто сегодня сорвется, и кто пойдетъ въ гору. Куши росли, а съ ними росло и вниманіе публики.

— Иванъ Яковлѣчъ обдѣлаетъ Ломтева козой, — говорилъ кто-нибудь.

— Нѣтъ, извините, Иванъ Яковлѣчъ еще рыломъ не вышелъ... Вотъ посмотрите, какъ Ломтевъ завяжетъ его въ узелъ!

— Иванъ Яковличъ счастливо играетъ нынѣшнюю зиму... Ему везетъ...

— Гусей по осени считаютъ. Выигрываетъ всегда тотъ, кому сначала не везетъ.

Здѣсь все было типично, даже клубный швейцаръ, снимая шубы съ клубныхъ завсегдатаевъ, докладывалъ:

— Ломтевъ съ Паренымъ Ивана Яковлича разыгрываютъ-съ... Тридцать шестая тысяча пошла.

— А сколько въ зиму проигрываютъ въ клубѣ? спросилъ какъ-то Приваловъ.

— Годъ на годъ не приходится, Сергѣй Александрычъ. А среднее надо класть тысячъ сто... Вотъ, въ третьемъ году, адвоката Пикулькина тысячъ на сорокъ разыграли, въ прошломъ году нотариуса Калошина на двадцать, да банковскаго бухгалтера Воблина на тридцать. Нынче, сударь, Пареный большую силу забирать началъ: въ шестидесяти тысячахъ ходить. Ждутъ къ Рождеству Шелехова—большое у нихъ золото идетъ, сказываютъ, а тамъ наши на ирбитскую ярмарку тронутся.

Пареный — темная личность, неизвѣстнаго происхожденія и еще болѣе неопредѣленнаго рода занятій, въ нынѣшній сезонъ являлся восходящимъ свѣтиломъ, героемъ дня. Это былъ среднихъ лѣтъ мужчина съ выправкой стараго военнаго; ни въ фигурѣ, ни лицѣ, ни въ манерѣ себя держать, даже въ костюмѣ у него рѣшительно ничего не было особеннаго. Самый заурядный изъ заурядныхъ людишекъ, а счастье выбрало именно его... Впереди предвидѣлись новыя куши и новыя жертвы. Собственно, для случайностей здѣсь оставалось очень немного мѣста; всѣ отлично знали, что проиграетъ главнымъ воротиламъ за зеленымъ столомъ тысячъ пять Давидъ Ляховскій, столько же Викторъ Васильичъ, выброситъ тысячъ десять Лепешкинъ, а тамъ прійдетъ изъ Петербурга Nicolas Веревкинъ и просадитъ все до послѣдней нитки. Изъ случайныхъ жертъ подвертывались сорвавшіеся съ родительской цѣпи, купеческіе сынки, хватавшіе плохо лежавшій кусъ адвокаты, запустившіе лапу въ сундукъ банковскіе служащіе и т. д. Адвокаты и горные инженеры пользовались, въ этомъ случаѣ, особенно громкой репутаціей, потому что тѣ и другіе представляли для настоящихъ матерыхъ игроковъ постоянную статью дохода: они

спускали здѣсь все, что успѣли схватить своими цѣпкими руками на сторонѣ.

— Фильтруютъ насъ здѣсь, батенька, крѣпко фильтруютъ, говорилъ Nicolas Веревкинъ, потряхивая своей громадной головой. — Изображаемъ изъ себя веспасіановыхъ губокъ или пьавокъ: только насосался, глядишь, ужъ и выжали, да въ банку съ холодной водой.

Приваловъ съ любопытствомъ неофита наблюдалъ этотъ исключительный мірокъ и незамѣтно для самого себя втягивался въ его интересы. Онъ игралъ по маленькой, безъ особенно чувствительныхъ результатовъ въ ту или другую сторону. Однажды, когда онъ особенно сильно углубился въ тайны сибирскаго виста съ винтомъ, осторожный шепотъ заставилъ его прислушаться.

— Который? спрашивалъ одинъ голосъ.

— Вотъ этотъ... съ бородкой, отвѣчалъ другой.

— Гмъ... Ловко Александръ Павлычъ обдѣлалъ дѣлишки; одной рукой ухватился за заводы, другой...

Дальше Приваловъ не могъ хорошенько разслышать шепота, но почувствовалъ, какъ вся кровь бросилась къ нему въ голову и внутри точно что перевернулось.

— Такъ-съ... продолжалъ второй голосъ. ... Значить, она къ нему и ѣздить?

— Не къ нему въ домъ, у него своя жена... а къ этой дамѣ... Вонъ, ея мужъ играетъ налѣво въ углу, съ Павломъ Андреичемъ.

Приваловъ инстинктивно взглянулъ налѣво въ уголь: тамъ съ Павломъ Андреевичемъ игралъ по одной сотой Викторъ Николаевичъ Заплатинъ.

— А давно? продолжался шепотъ.

— Да ужъ второй мѣсяцъ. Красавица... Молодецъ этотъ Александръ Павлычъ! Такъ ему не взять-бы ее, такъ онъ сначала ее выдалъ за него, а потомъ ужъ и прибралъ къ своимъ рукамъ.

Этотъ шепотъ заставилъ поблѣлѣть Привалова; онъ боялся оглянуться на шептавшихся, какъ человѣкъ, который ждетъ смертельнаго удара. У него дрожали колѣни и тряслись губы отъ бѣшенства. Теперь онъ въ состояніи былъ убить кого угодно... Игра какъ разъ кончилась, и когда онъ поднялся

съ мѣста, невольно встрѣтился глазами съ двумя шептавшими почтенными старичками, которые сейчасъ-же замолчали. Приваловъ пристально посмотрѣлъ на нихъ. Это были совсѣмъ незнакомые люди, по костюму — средняго провинціального круга. Его гнѣвъ такъ-же быстро упалъ, какъ поднялся: чѣмъ виноваты эти невинные сплетники, что онъ уже сдѣлался жертвой безпощадной городской молвы? Теперь его интимная жизнь не была уже тайной, она была выброшена на улицу и безжалостно топталась всѣми прохожими.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Д. Сибирякъ.

УЧЕНІЕ ДЖОРДЖА *)).

Книга «Прогрессъ и бѣдность», появившаяся въ печати впервые въ 1879 г., быстро завоевала своему автору, бывшему наборщику, Генри Джорджу, одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ писателей по общественно-экономическимъ вопросамъ. Почти всѣ рецензенты самыхъ разнообразныхъ направленій въ Америкѣ и Европѣ привѣтствовали ее, какъ произведеніе, «открывающее собою новую эру въ политической экономіи», или, по меньшей мѣрѣ, какъ «чрезвычайно замѣчательное и въ высшей степени оригинальное явленіе» въ этой наукѣ. Профессоръ Клиффе Лесли, заявилъ въ «Fortnightly review», что онъ пораженъ, какъ «изумительной ученостью и литературной силой» автора, такъ и «величіемъ поставленной имъ проблемы и грандіозностью предлагаемаго имъ рѣшенія». Въмѣстѣ съ сочувствіемъ прессы, это сочиненіе возбудило къ автору его большую симпатію въ народныхъ массахъ Сѣверной Америки, проявившуюся не разъ на митингахъ тамошней рабочей партіи и, между прочимъ, въ оваціи, устроенной ему рабочими Ньююрка по возвращеніи его изъ Англіи, куда онъ отправился для изученія ирландскаго движенія. Почти одновременно, въ честь его, въ томъ-же городѣ устроенъ былъ банкетъ интеллигентными слоями буржуазіи.

«Пріемъ, встрѣченный этой книгой, представляется феноменальнымъ, если принять въ соображеніе ея радикальный харак-

---

*) Сочиненіе Джорджа «Progress and Poverty» впервые было обнародовано въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ 1879 г. и, по словамъ нѣмецкаго переводчика, оно въ теченіе одного года выдержало 4 изданія. Въ 1882 г. оно переиздано было въ Лондонѣ. За неизмѣнимъ подъ рукою этой книги въ оригиналѣ, мы пользуемся нѣмецкимъ переводомъ ея, появившимся въ 1881 г. въ Берлинѣ. Вотъ ея нѣмецкое заглавіе, представляющее, впрочемъ, буквальный переводъ съ англійскаго: „Fortschritt und Armuth. Eine Untersuchung über die Ursache der industriellen Krisen und der Zunahme der Armuth bei zunehmendem Reichthum“.

теръ» (отзывъ газеты Washington Critic *)). И нельзя не согласиться съ этимъ отзывомъ, имѣя въ виду, что задачей своей въ предлагаемомъ трудѣ Джорджъ выставилъ отысканіе «причинъ существованія бѣдности посреди возрастающаго богатства». Настроеніе умовъ въ промышленно развитыхъ странахъ далеко не таково, чтобы строго научное сочиненіе на подобную тему встрѣчено было съ одинаковымъ сочувствіемъ со стороны самыхъ различныхъ общественныхъ элементовъ. Кому не извѣстно, что экономическія изслѣдованія авторовъ, несомнѣнно отличавшихся «изумительной ученостью» и «величіемъ поставленныхъ ими проблемъ» систематически замалчивались, однако, пока это только возможно было, а затѣмъ, когда ужъ пришлось заговорить о нихъ, то всѣ усилія большинства прессы направлены были на то только, чтобы ослабить и дискредитировать ихъ значеніе въ наукѣ. Очевидно, стало быть, что одними лишь научными и литературными достоинствами книги «Прогрессъ и бѣдность» нельзя объяснить ея быстрого успѣха. Сюжетъ этотъ слишкомъ близко затрагиваетъ классовые интересы большинства тѣхъ общественныхъ элементовъ, идейными представителями которыхъ являются многіе изъ рецензентовъ книги Джорджа, чтобы она, въ силу *однихъ* только своихъ научно-литературныхъ достоинствъ, могла вызвать восторженные отзывы. И дѣйствительно, при ближайшемъ ознакомленіи съ ея содержаніемъ, мы увидимъ, что главной причиной ея быстрого успѣха является, помимо блестящаго литературнаго таланта автора, не столько научныя, сколько совершенно особеннаго рода достоинства, придающія ей чрезвычайную цѣнность въ глазахъ идеологическихъ представителей старой экономической науки.

Джорджъ стремится выяснитъ причину, обуславливающую параллельный ростъ бѣдности и производительныхъ средствъ въ промышленныхъ странахъ. Устраненіе этого экономического противорѣчія составляетъ, по его глубокому убѣжденію, главную задачу цивилизованныхъ обществъ. Въ своихъ поискахъ за рѣшеніемъ задачи онъ руководится исключительно демократическими стремленіями. Тѣмъ не менѣе, ему все-же не удалось вполне освободиться отъ доктринъ «господствующей школы экономистовъ». При всѣхъ своихъ усиліяхъ подняться надъ ученіями послѣднихъ, онъ въ концѣ концовъ все-же остается въ ихъ лагерѣ. Онъ воображаетъ, что наносить рѣшительные удары своимъ противникамъ, между тѣмъ, какъ на дѣлѣ доставляетъ имъ по-

*) Всѣ цитаты, характеризующія отношеніе рецензентовъ къ этой книгѣ, заимствованы нами изъ извлеченій, собранныхъ въ приложеніи къ ней—въ нѣмецкомъ изданіи.

вья орудія для борьбы съ его собственными друзьями. Эта сторона въ сочиненіи Джорджа естественно должна была обратить на себя вниманіе экономистовъ старой школы. Такъ, нѣмецкій переводчикъ книги прежде всего выставилъ на видъ, что авторъ ея «индивидуалистъ въ строжайшемъ смыслѣ этого слова». Благодаря своему блестящему литературному таланту и глубоко-искреннему демократизму, Джорджу удалось облечь экономическія доктрины «господствующей школы» въ такую обаятельную форму, которая можетъ сдѣлать ихъ симпатичными даже въ средѣ не-особенно дальновидныхъ противниковъ ученій этой школы. Въ прежнія времена уже за одинъ только свой демократическій пылъ авторъ сдѣлался-бы для буржуазіи предметомъ неависти и страха, какъ это, напримѣръ, случилось съ Прудомъ. Но при теперешнихъ обстоятельствахъ, эта подкладка въ его книгѣ придаетъ ей, наоборотъ, особую цѣнность въ глазахъ мыслящей части господствующихъ классовъ. Несостоятельность ихъ экономистовъ въ связи съ пробудившимся самознаніемъ въ народныхъ массахъ лишили доктрины индивидуализма всякаго кредита. И вотъ эти самыя начала, дискредитированныя въ устахъ патентованныхъ теоретиковъ старой школы, получили подъ перомъ даровитаго самоучки Джорджа такую привлекательную свѣжесть, которая—кто знаетъ—окажется, быть можетъ, въ силахъ воскресить ихъ прежнее вліяніе на умы въ передовыхъ странахъ. Этимъ и объясняется главнымъ образомъ «феномальный приѣмъ», встрѣченный книгой «Прогрессъ и бѣдность» и быстрая оцѣнка ея «высокаго значенія»—не смотря на ея «радикальный характеръ».

Двойственный характеръ этой книги, обезпечившій ей такой быстрый успѣхъ, прямо выступаетъ въ характеристикѣ авторомъ своей программы, являющейся, по его словамъ, «простымъ, но дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы возвысить заработную плату, увеличить выручку капитала, уничтожить пауперизмъ, доставить всякому желающему справедливо оплаченное занятіе» *). Подобное сочиненіе, особенно въ виду его несомнѣнно выдающихся достоинствъ, представляетъ, конечно, большой интересъ и для русской публики. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста заставляетъ насъ воздержаться отъ болѣе или менѣе обстоятельнаго изложенія его. Мы ограничимся только резюмированіемъ главныхъ положеній автора—имѣя лишь въ виду прослѣдить тотъ логическій путь, который привелъ Джорджа къ открытію его «простого сред-

*) См. ст. г. Южакова о книгѣ Джорджа въ «Отеч. запискахъ», 1883 г. I, стр. 99.

ства», долженствующаго «возвысить заработную плату... доставить всякому желающему справедливо оплаченное занятіе» и въ то-же время «увеличить выручку капитала».

I.

Высокій уровень производительности труда и чрезвычайное богатство матеріальныхъ средствъ—съ одной стороны, а съ другой—крайняя бѣдность и неустойчивость экономическихъ ресурсовъ массы населенія—такова антагонистическая основа, на которой покоится современная цивилизація. Это поразительное противорѣчіе экономического прогресса представляетъ собою опасность для дальнѣйшаго развитія европейскихъ странъ. Оно именно порождаетъ всѣ промышленныя, социальныя и инныя политическія затрудненія, противъ которыхъ напрасно борются государственная мудрость, филантропія и народное образованіе,—разрѣшеніе его составляетъ, поэтому, «великую проблему» нашего вѣка. А между тѣмъ, замѣчаетъ авторъ, политическая экономія до сихъ поръ не объяснила удовлетворительнымъ образомъ «существованія бѣдности посреди возрастающаго богатства», да и тѣ «несомнѣнныя истины», которыя ей удалось открыть, «остаются безъ всякой взаимной связи». Въ виду такого неудовлетворительнаго состоянія этого вопроса, авторъ почелъ необходимымъ начать свое изслѣдованіе съ пересмотра основныхъ положеній «господствующей школы».

«Причина, порождающая бѣдность посреди возрастающаго богатства, есть очевидно та-же самая, которая проявляется въ признанный всѣми тенденціи заработной платы падать до минимума». Задачу своего изслѣдованія авторъ сводитъ поэтому къ слѣдующей формулѣ: *«Почему стремится заработная плата, не смотря на возросшую производительную силу, къ минимуму, едва достаточному для поддержанія жизни?»* (Курсивъ автора).

«Отвѣтъ господствующей національной экономіи (на этотъ вопросъ) состоитъ въ томъ, что заработная плата опредѣляется отношеніемъ между числомъ рабочихъ и суммою капитала, назначеннаго на ихъ занятіе: размноженіе-же рабочихъ имѣетъ тенденцію слѣдовать за каждымъ увеличеніемъ размѣровъ капитала и даже опережать это увеличеніе». Источникъ тенденціи заработной платы падать до крайняго минимума заключается, стало быть, съ точки зрѣнія «господствующей школы» экономистовъ, въ томъ обстоятельстве, что количество рабочихъ, между которыми приходится дѣлить капиталъ, растетъ параллельно, а то и быстрѣе послѣдняго.

Опроверженію этого объясненія тенденціи прогресса къ ухудшенію условій существованія рабочихъ массъ и посвящаетъ Джорджъ первые два отдѣла своего труда. Вотъ вкратцѣ его аргументація противъ этого ученія. «Господствующее объясненіе» причины тенденціи заработной платы къ минимуму логически выводится изъ другого, столь-же ложнаго положенія, по которому источникомъ вознагражденія труда является капиталъ. Поэтому вмѣстѣ съ опроверженіемъ воззрѣнія, полагающаго, что, «до изготовленія продукта, трудъ содержится и оплачивается капиталомъ, падетъ само собою и ученіе, по которому бѣдность является необходимымъ результатомъ дѣленія капитала на чрезмерно увеличившееся число рабочихъ».

Воззрѣніе на капиталъ, какъ на непосредственный источникъ заработной платы основано, говоритъ авторъ, на игнорированіи экономистами національно-экономическаго смысла словъ «заработная плата». Обыкновенно подъ этимъ терминомъ подразумѣваютъ вознагражденіе, получаемое наемнымъ рабочимъ отъ хозяина. Между тѣмъ, въ строго научномъ смыслѣ, «всякій» доходъ труда—все равно выполняется-ли послѣдній рабочимъ въ собственной мастерской или у хозяина—входитъ въ категорію заработной платы. Разсматривая съ этой точки зрѣнія вопросъ объ ея источникѣ, мы весьма легко убѣдимся, что онъ заключается прямо и непосредственно въ самомъ трудѣ. Никто не станетъ отрицать, что «во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рабочій является собственнымъ работодателемъ, заработная плата идетъ не изъ капитала». Если я напр., посвятилъ свой трудъ собиранію дикихъ ягодъ, то эти послѣднія составляютъ мою заработную плату. Здѣсь никакого капитала не было приложено, и никому въ голову не придетъ утверждать, что въ этомъ случаѣ вознагражденіе труда взято изъ капитала.

Возьмемъ другой случай. Я взялъ кусокъ кожи и сдѣлалъ изъ него пару башмаковъ. Получая въ этомъ случаѣ вознагражденіе за свой трудъ, въ видѣ башмаковъ, я ни на юту не уменьшилъ своего капитала. Наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ работа подвигалась впередъ, къ нему присоединялась новая стоимость. Эта прибавочная стоимость и составляетъ мою заработную плату. Получивъ ее, развѣ я этимъ хотя-бы на минуту уменьшилъ свой капиталъ?

То-же самое имѣетъ мѣсто въ сущности и при системѣ наемнаго труда, когда заработная плата выдается хозяиномъ. Начиная съ такихъ простыхъ формъ, когда заработная плата составляетъ опредѣленную долю продукта, получаемую натурой или

деньгами и кончая случаями вознагражденія труда хозяиномъ раньше окончательнаго изготовленія продукта — всюду и всегда источникомъ заработной платы является не ссуда капитала, а прямо—производство, трудъ. Дѣло въ томъ, что производительное приложеніе труда есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и *процессъ создаванія стоимости: на каждой стадіи производства* трудъ присоединяетъ къ капиталу *стоимость*. Поэтому, если даже капиталистъ и выдаетъ заработную плату раньше, чѣмъ онъ реализировалъ произведенную трудомъ стоимость, эта плата все-же представляетъ собою не что иное, какъ возмѣщеніе за уже *израсходованный трудъ*.

Наконецъ, въ пользу ученія о необходимости накопленія капиталистами спеціальнаго фонда заработныхъ платъ приводятъ тотъ фактъ, что рабочіе не могутъ существовать продуктами своего собственнаго труда, что для выполненія послѣдняго они должны напередъ имѣть нищу, одежду, обувь и т. д. «Рабочіе, говоритъ Фоссетъ,—могутъ, очевидно, содержаться только продуктами *прошлаго* труда... составляющими капиталъ». Но экономисты упускаютъ при этомъ фактъ раздѣленія труда въ обществѣ, благодаря которому производство всякаго рода предметовъ потребленія совершается *одновременно*. Наконецъ, это ученіе просто «абсурдно, потому-что исходитъ изъ предположенія, что трудъ не можетъ выполняться раньше, чѣмъ имѣются на лицо его результаты — и такимъ образомъ продуктъ ставится выше производителя».

Таковы приблизительно главные доводы автора противъ ученія, по которому заработная плата ссужается капиталистомъ.

Но «господствующее ученіе объ источникѣ и законѣ заработной платы находитъ для себя сильнѣйшую поддержку въ столь-же «общепризнанномъ ученіи» Мальтуса о естественной тенденціи народонаселенія къ болѣе быстрому размноженію, чѣмъ могутъ возрастать средства существованія.

Полная гармонія между теоріей заработнаго фонда и ученіемъ Мальтуса устанавливается тѣмъ, что понятіе капитала отождествляется со средствами существованія, а рабочее населеніе—съ народонаселеніемъ вообще. И вотъ, такимъ образомъ, господствующее объясненіе тенденціи заработной платы къ минимуму, получаетъ верховную научную санкцію со стороны теоріи народонаселенія, по которой бѣдность является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ необходимости дѣлить относительно маловозрастающее количество средствъ существованія на чрезмѣрно размножающееся населеніе. Въ виду такой тѣсной связи между теоріей и а-

родонаселения Мальтуса и учением экономистовъ объ отношеніи капитала къ заработной платѣ, авторъ почелъ необходимымъ посвятить нѣсколько главъ ея анализу; окончательный выводъ, къ которому онъ пришелъ, состоитъ въ томъ, что производительность труда съ теченіемъ исторіи увеличивается гораздо быстрѣе народонаселения. Громадная роскошь и многочисленность производительныхъ элементовъ въ промышленно-развитыхъ государствахъ къ одной стороны, усиленный трудъ и бѣдность всего населенія въ новыхъ колоніяхъ—съ другой, ясно доказываютъ, что вмѣстѣ съ густотой населенія увеличивается и производительность труда *каждой новой рабочей силы*.

Но если учение Мальтуса невѣрно, если прогрессъ производительности труда быстрѣе размноженія населенія, если, съ другой стороны, невѣрно и то, что заработная плата ссужается изъ особаго фонда капиталистовъ, то, замѣчаетъ авторъ, очевидно, что «причина, низводящая долю рабочихъ въ продуктѣ ихъ труда до минимума, не можетъ заключаться въ законахъ, ограничивающихъ производство». Ее необходимо «поэтому искать въ законахъ *распредѣленія*».

Въ срезюмированной нами части сочиненія Джорджа, несогласіе его съ экономистами старой школы кажется на первый взглядъ на столько существеннымъ, что не допускаетъ возможности какого-бы то ни было примиренія. Однако, такое примиреніе состоялось. Вопреки своимъ собственнымъ желаніямъ, онъ въ концѣ своихъ странствованій въ области политической экономіи очутился въ лагерь своихъ противниковъ. И если мы внимательно прослѣдимъ ходъ его аргументаціи противъ ихъ ученій, то мы уже здѣсь откроемъ такую существенную точку соприкосновенія между его теоретическими воззрѣніями и воззрѣніями старыхъ экономистовъ, исходя изъ которой онъ логически и долженъ былъ придти къ общему съ ними конечному пункту. Дѣло въ томъ, что представители господствующей школы экономистовъ исходятъ изъ того положенія, что капиталистическій строй представляетъ собою проявленіе «естественныхъ» законовъ общественнаго хозяйства, а потому самому онъ также мало подлежитъ измѣненіямъ въ своихъ основахъ, какъ движеніе небесныхъ тѣлъ или физическія и химическія свойства окружающей природы. Для доказательства этого положенія она абстрагируетъ всѣ специфически характерныя черты общественно-экономическихъ формъ разныхъ историческихъ фазисовъ и такимъ образомъ устанавливаетъ «вѣчные» законы производства, обмѣна и распредѣленія. И въ концѣ концовъ, однако, эти законы оказываются ничѣмъ инымъ, какъ

грубо-эмпирическимъ обобщеніемъ явленій окружающей дѣйствительности. Этотъ путь изслѣдованія вполне соответствуетъ цѣлямъ «господствующей школы» экономистовъ, какъ теоретическихъ выразителей извѣстныхъ классовыхъ стремленій. И вотъ этотъ-же самый методъ изслѣдованія избралъ нашъ авторъ — но не для охранительныхъ цѣлей, а какъ разъ наоборотъ—для реформаторскихъ. Вслѣдъ за экономистами, онъ пустился въ поиски за «естественными законами» политической экономіи, но, разумѣется, такими, которые-бы болѣе соответствовали его субъективнымъ понятіямъ о справедливости. Вслѣдъ за своими противниками, онъ пускаетъ въ ходъ всю силу своей мысли, чтобы открыть подъ общественной оболочкой основныхъ факторовъ и явленій современной исторической жизни, ихъ тождество съ соответствующими элементами хозяйственной жизни всѣхъ другихъ ступеней развитія человѣчества. И какъ ни велики были усилія автора освободиться отъ «заблужденій» старыхъ экономистовъ, онъ все-таки, слѣдуя за ними по пути абстрактнаго изученія законовъ экономической жизни, пришелъ вмѣстѣ съ ними къ возведенію общественныхъ отношеній капиталистическаго производства на степень проявленія вѣчныхъ законовъ политической экономіи. Со всей очевидностью эта точка зрѣнія представится намъ ниже. За-то его обстрактно-методологическій приемъ изслѣдованія вполне проявился уже въ срезюмированной нами аргументаціи противъ «господствующаго объясненія» тенденціи заработной платы падать къ минимуму.

Разъ система наемнаго труда пріобрѣла прочность и преобладаніе въ обществѣ, вопросъ о законахъ, регулирующихъ движеніе заработной платы, получаетъ естественно громадную важность. Но когда дѣло идетъ объ уясненіи причины, обуславливающей тенденцію прогресса къ «увеличенію бѣдности посреди возрастающаго богатства», то какъ *исходный* пунктъ изслѣдованія почти самъ собою навязывается вопросъ: въ силу какихъ обстоятельствъ промышленный прогрессъ повсюду сопровождается вытѣсненіемъ класса самостоятельныхъ мелкихъ производителей и возникновеніемъ наемнаго труда? Между тѣмъ, Джорджъ, отождествивъ вопросъ о паденіи заработной платы съ общественно-экономической проблемой «нашего вѣка», не почелъ нужнымъ сдѣлать даже оговорку относительно историческаго характера этой формы «вознагражденія труда», точно она въ его глазахъ самимъ Богомъ дарована человечеству или, по крайней мѣрѣ, существовала съ испоконъ вѣковъ. Втиснувъ, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ господствующей школой проблему нашей исторической эпохи въ узкія рамки,

онъ, тѣмъ не менѣе, никакъ не можетъ примириться съ рѣшеніемъ этой проблемы, предлагаемымъ теоретиками капитализма. «Объясненіе», даваемое ими по вопросу о тенденціи заработной платы падать къ минимуму, эмпирически совершенно вѣрно и отнюдь не отрицается историко-экономической школой. Но экономисты господствующей школы возводятъ свое учение о законѣ движенія и источникѣ заработной платы на степень «естественнаго закона», противъ котораго безсилны воля и сознаніе общества; историческая-же школа разсматриваетъ отношенія труда и капитала, какъ особенность, свойственную современной ступени развитія человѣчества, особенность, переходящую. Строго придерживаясь своей исторической точки зрѣнія при изученіи экономическаго строя общества, ей нѣтъ даже внѣшней необходимости, для опроверженія своихъ противниковъ, прибѣгать къ насильственному отрицанію реальныхъ отношеній грубой дѣйствительности. Въ совершенно иномъ положеніи очутился нашъ авторъ, благодаря его абстрактному методу изслѣдованія экономическихъ явленій. Возмущаясь, въ силу своихъ демократическихъ тенденцій, ученіемъ экономистовъ о зависимости труда отъ капитала, онъ рѣшилъ, ихъ «вѣчнымъ законамъ» противопоставить свои, которые, по его убѣжденію, уже дѣйствительно вѣчны, естественные и абсолютные. Поэтому, вмѣсто изслѣдованія генезиса такихъ историческихъ категорій, какъ капиталъ и заработная плата, и выставленія на первый планъ ихъ специфическихъ особенностей, онъ, наоборотъ, изъ всѣхъ силъ старается возможно больше абстрагировать эти особенности и подвести такимъ путемъ современныя экономическія отношенія подъ одну категорію съ экономическими отношеніями различнѣйшихъ эпохъ. Начиная съ самыхъ простыхъ и отсталыхъ формъ хозяйства и кончая хозяйственнымъ строемъ какой-нибудь Англіи—во всѣхъ этихъ разнородныхъ ступеняхъ историческаго развитія авторъ силится во что-бы то ни стало открыть и выдвинуть на первое мѣсто *тождественность* ихъ экономическихъ началъ. Такимъ-то путемъ у насъ получилось опредѣленіе заработной платы, просто какъ «дохода труда»—безъ всякаго отношенія къ общественнымъ условіямъ, при которыхъ трудъ выполняется. Отбросивъ все реальное содержаніе отъ понятія «заработной платы», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилъ въ своемъ опредѣленіи всѣ слѣды исторической связи этой категоріи дохода съ капиталистическимъ хозяйствомъ. Несмотря, однако, на всѣ усилія автора отрѣшиться, ради открытія «вѣчныхъ законовъ», отъ окружающей дѣйствительности, ему все-же это въ концѣ-концовъ никакъ не удается. Такъ, когда дѣло дошло до

термина «капиталъ», то онъ опредѣлилъ его—какъ совокупность *многихъ цѣнностей*, предназначенныхъ ихъ собственниками «для увеличенія» своего дохода. Эта функція мѣновыхъ цѣнностей—служить для «увеличенія дохода» ихъ собственниковъ—представляется, однако, автору тождественной съ естественной функціей известной части продуктовъ труда служить для «дальнѣйшаго производства». Отъ его вниманія цѣликомъ ускользнула громадная разница между «естественной» функціей средствъ производства, какъ орудія и матеріала труда, и историческимъ характеромъ ихъ функціи «увеличенія дохода». Первая обуславливается самой природой вещей. Вторая же предполагаетъ развитую систему товарнаго производства и полную свободу рабочаго класса при продажѣ своего труда—какъ отъ юридическихъ оковъ, такъ и отъ обладанія собственнымъ имуществомъ.

Такимъ образомъ, если автору удалось превратить понятіе заработной платы въ логическую категорію (какъ-бы выразился Родбертусъ)—путемъ насильственнаго отвлеченія отъ него его конкретнаго содержанія, то по отношенію къ капиталу онъ достигъ того-же результата обратнымъ путемъ — перенесеніемъ современной соціальной функціи капитала на средства производства вообще—независимо отъ той общественной среды, въ которой ими пользуется рабочая сила. Но тутъ онъ очутился въ затруднительномъ положеніи. Какъ совокупность мѣновыхъ цѣнностей, со спеціальной функціей служить для увеличенія дохода ихъ собственника, капиталъ неизбѣжно долженъ господствовать надъ трудомъ, иначе онъ не могъ-бы выполнять это свое историческое назначеніе. И господствующая экономическая школа съ своей абстрактной точки зрѣнія на соціальную функцію капитала вполне послѣдовательна, утверждая, что и зависимость труда отъ капитала представляетъ собою естественно-историческій законъ. Но именно съ этимъ ея выводомъ изъ ученія объ естественно-историческомъ характерѣ современной функціи капитала Джорджъ никакъ не можетъ примириться, потому что это значило-бы въ сущности признать неизмѣннымъ закономъ природы такое положеніе вещей, въ которомъ «продукты труда ставятся выше самой рабочей силы». Какъ-же тутъ быть? Какъ отвергнуть выводъ, признавая въ то-же время послышку, изъ которой онъ сдѣланъ? Вотъ какъ авторъ распуталъ этотъ гордіевъ узелъ.

«Капиталъ, говоритъ онъ, не ограничиваетъ приложенія труда, какъ ошибочно утверждаютъ», потому что, во 1-хъ, сырые матеріалы, обрабатываемые трудомъ, доставляются не капиталомъ, а природой, а во 2-хъ, какъ доказано было (авторомъ), содержится

во время процесса производства собственными продуктами; средства существованія рабочихъ не входятъ въ составъ капитала. Послѣдній «можетъ только ограничивать форму и производительность труда, ограничивая степень его раздѣленія и употребленія усовершенствованныхъ орудій. Но это совсѣмъ не одно и то-же, что капиталъ ограничиваетъ выполнение труда». Утверждать послѣднее столь-же нелѣпо, какъ утверждать, что безъ механическаго ткацкаго станка невозможно было-бы ткать, безъ швейной машины—шить, а безъ плуга—заниматься земледѣліемъ».

Итакъ, слѣдуя поговоркѣ — клинъ клиномъ выбивать, авторъ противъ непріятнаго ему абстрактнаго положенія экономистовъ пустилъ въ ходъ рядъ другихъ абстрактныхъ положеній. Чтобы опровергнуть «господствующее ученіе» о естественно-исторической зависимости труда отъ его собственныхъ продуктовъ, авторъ, недолго думая, выбросилъ изъ категоріи капитала такіе составные элементы, какъ предметы потребленія рабочихъ, безъ посредства которыхъ онъ и не могъ-бы выполнять историческую миссію — служить для увеличенія дохода своего собственника. Существовали, конечно, существуютъ еще и теперь, такія формы общежитія, въ которыхъ пища, одежда, жилище рабочаго не рассматриваются, какъ часть средствъ производства. Это обусловливается здѣсь тѣмъ обстоятельствомъ, что орудія и объектъ труда принадлежатъ самимъ производителямъ, а потому самому и удовлетвореніе ихъ потребностей является само по себѣ цѣлью, а не средствомъ для увеличенія дохода постороннихъ лицъ. Но экономическая жизнь промышленно-развитыхъ странъ давно уже вышла изъ этого фазиса развитія. Средства производства сконцентрировались здѣсь въ рукахъ крупныхъ предпринимателей, а экономическій процессъ, съ своей стороны, создалъ такое положеніе вещей, при которомъ трудъ дѣйствительно никакъ не можетъ иначе выполняться, какъ при посредствѣ «механическаго ткацкаго станка» и другихъ еще болѣе драгоцѣнныхъ орудій. Создавъ машинно-кооперативную форму производства, экономическій прогрессъ сдѣлалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможнымъ существованіе мелко-ремесленнаго труда. Volens nolens рабочему приходится отправиться на фабрику, совершивъ предварительно актъ продажи своего труда фабриканту, за извѣстный эквивалентъ средствъ существованія. Вмѣстѣ съ сырьемъ и орудіями, послѣдній купилъ и рабочую силу, функція которой и состоитъ въ томъ, чтобы воспроизвести съ нѣкоторой прибавкой затраченную сумму мѣновыхъ цѣнностей. Эта специфическая экономическая роль рабочей силы и обусловливается именно тѣмъ фактомъ, что современное состояніе

техники отнимаетъ у первой всякую возможность прилагать свой трудъ первобытнымъ способомъ и вынуждаетъ его, подѣ страхомъ голодной смерти, идти въ наемъ. Берутся-ли средства существованія рабочихъ изъ общественнаго запаса продуктовъ прошлаго труда или нѣтъ—это нисколько не измѣняетъ значенія того неосомнѣннаго факта, что денежный эквивалентъ предметовъ потребления производителей входитъ въ составъ капитала предпринимателей, и что, слѣдовательно, матеріальное существованіе первыхъ цѣликомъ зависитъ отъ запроса послѣднихъ на ихъ трудъ. И именно благодаря этой экономической зависимости отъ капитала, онъ и можетъ выполнять свое историческое социальное назначеніе—увеличивать богатство своихъ собственниковъ. Но эта специфическая роль рабочей силы въ процессѣ капиталистическаго производства обусловливается тѣмъ фактомъ, что высокой уровень современной техники, «ограничивая форму и производительность труда», тѣмъ самымъ отнимаетъ у производителей всякую возможность выполнять его первобытнымъ способомъ и вынуждаетъ ихъ, подѣ страхомъ голодной смерти, идти въ наемъ къ капиталисту. Выходитъ, стало быть, что экономической механизмъ дѣйствительно ставитъ «продукты труда выше производителя». И отрицать этотъ фактъ дѣйствительности, хотя-бы и потому, что онъ противенъ нашимъ понятіямъ о справедливости, по меньшей мѣрѣ, очень не рационально со стороны человѣка, искренно стремящагося къ отысканію причины «существованія бѣдности посреди возрастающаго богатства».

Закрывъ глаза на реальныя отношенія труда и капитала, Джорджъ лишилъ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможности раскрыть грубо эмпирическую основу теоріи Мальтуса и ея историческую связь съ капиталистическимъ способомъ производства. По мнѣнію г. Южакова *), Джорджъ «прекрасно разъяснилъ, насколько неудовлетворителенъ въ самомъ своемъ основаніи законъ народонаселенія, служившій и служащій для господствующей школы исходной точкой всего ученія о распредѣленіи. Онъ вполне ясно показалъ, что лишеныя этой опоры, теоремы о законахъ распредѣленія, лишились съ нею систематичности и связи, сдѣлались отрывочными, едва-ли заслуживающими названія теоріи». На нашъ взглядъ, г. Южаковъ сильно преувеличилъ значеніе аргументаціи Джорджа противъ теоріи Мальтуса. Главный его аргументъ противъ нея—производительность труда возрастаетъ быстрѣе размноженія людей — безусловно вѣренъ. Что-же, однако, доказываетъ

*) См. «От. Зап.», 1883 г., I.

этотъ аргументъ? Только-то, что законъ Мальтуса никоимъ образомъ не имѣетъ абстрактнаго, естественно-историческаго значенія, что, стало быть, выводить изъ него органическую необходимость вѣчнаго существованія бѣдности посреди возрастающаго богатства, нелѣпо. Но лишь только мы вступимъ на практическую почву капиталистическаго хозяйства, мы тотчасъ увидимъ какъ этотъ самый законъ прогрессивнаго возрастанія производительности труда и приводитъ къ... *перенаселенію*. И это уродливое проявленіе абстрактнаго закона, по своей тенденціи предназначеннаго служить источникомъ всеобщаго благоденствія, обусловливается ничѣмъ инымъ, какъ современной системой производства. Тенденція прогресса къ прогрессивному возрастанію производительныхъ средствъ общества по сравненію съ естественнымъ размноженіемъ населенія, является въ рукахъ владѣльцевъ средствъ производства могущественнымъ орудіемъ для увеличенія ихъ дохода на счетъ «дохода труда». Какимъ путемъ достигается этотъ результатъ? Постояннымъ уменьшеніемъ той доли капитала, которая расходуется на покупку рабочей силы и увеличеніемъ той ея части, которая идетъ на покупку сырыхъ продуктовъ и орудій. Чѣмъ болѣе увеличивается производительность труда, чѣмъ болѣе упрощаются его составные процессы, тѣмъ меньше рабочихъ нужно по капиталу, тѣмъ легче дѣлается замѣна технически обучившихся работниковъ чернорабочими, мужчинъ женщинами, взрослыхъ — дѣтьми. И чѣмъ интенсивнѣе дѣлается конкуренція на всемирномъ рынкѣ, чѣмъ быстрѣе вводятся новыя машины и усовершенствованія въ производительномъ механизмѣ для удешевленія товаровъ, тѣмъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ происходитъ процессъ образованія «лишнихъ рукъ», или такъ называемой резервной арміи капитала. Междоусобная война капиталистовъ «имѣетъ ту особенность, что побѣда достается въ ней не столько благодаря увеличенію рабочей арміи, сколько благодаря ея уменьшенію. Полководцы — капиталисты, взапуски торопятся отпустить какъ можно болѣе промышленныхъ солдатъ» *).

Такимъ образомъ, именно сама производительная сила машинно-кооперативнаго труда и служитъ непосредственной причиной образованія «излишняго» народонаселенія. Она-то и уменьшаетъ запросъ на трудъ — и чѣмъ болѣе усовершенствуется производительный механизмъ, тѣмъ болѣе увеличивается доля постоянного капитала, состоящаго изъ орудій и матеріаловъ и тѣмъ прогрессивнѣе уменьшается доля переменнаго капитала, представ-

*) Lohnarbeit und Kapital, p. 22. Breslau 1880. (Separat-Abdruck aus der Rheinischen Zeitung vom Jahre 1849).

ляющаго эквивалентъ средствъ существованія рабочаго населенія **). Законъ Мальтуса представляетъ собою, стало быть, извращенное толкованіе результатовъ капиталистическаго процесса производства. Но, закрывая глаза на реальныя черты этого процесса, невозможно, конечно, раскрыть истинную эмпирическую основу теоріи Мальтуса, заключающуюся именно въ социальной функціи *кооперативной организациі труда*—производить прибавочную стоимость для капиталистовъ. И опроверженіемъ естественно-историческаго значенія капиталистическаго закона народонаселенія отнюдь не подрывается еще «господствующее объясненіе» тенденціи заработной платы падать къ минимуму, потому-что оно основано на двухъ несомнѣнныхъ фактахъ, а именно, что запросъ капитала на трудъ есть единственный источникъ существованія рабочихъ классовъ и что запросъ тотъ все болѣе и болѣе уменьшается по сравненію съ предложеніемъ труда. Разумѣется, при этомъ экономисты господствующей школы упускаютъ изъ виду только одно очень существенное обстоятельство. а именно, что это «чрезмѣрное предложеніе труда» обусловливается современной социальной функціей рабочей силы въ усовершенствованномъ механизмѣ капиталистическаго производства.

Послѣ всего сказаннаго, легко понять, какимъ путемъ Джорджъ пришелъ къ уже извѣстному намъ выводу, что «причина, низводящая долю рабочихъ въ продуктѣ ихъ труда до минимума, не заключается въ законахъ, ограничивающихъ производство». Путемъ крайне искусственныхъ абстракцій и логическихъ противорѣчій ему удалось, наконецъ, кое-какъ высвободить основные элементы хозяйственной жизни—трудъ и средства производства—изъ подъ ихъ современной исторически-общественной оболочки. Такимъ образомъ, вмѣсто понятій труда и капи-

*) Однимъ изъ существенныхъ доказательствъ противъ ученія, по которому заработная плата опредѣляется отношеніемъ между числомъ рабочихъ и количествомъ капитала, является въ глазахъ автора то обстоятельство, что пониженіе процента сопровождается и пониженіемъ заработной платы, между тѣмъ, какъ по этому ученію, послѣдняя должна-бы, въ этомъ случаѣ, подниматься; такъ-какъ низкій процентъ указываетъ на чрезвычайное обиліе капитала сравнительно съ предложеніемъ труда. Но, какъ мы ниже увидимъ—низкій процентъ свидѣтельствуетъ только о чрезмѣрномъ предложеніи капи, тала сравнительно съ запросомъ на него капиталистовъ - предпринимателей, а не сравнительно съ запросомъ на него производителей. Съ другой стороны, запросъ на трудъ опредѣляется не количествомъ капитала вообще, а только *переменной* его частью; эта-же послѣдняя постоянно уменьшается по сравненію съ накопленіемъ капитала, такъ-какъ послѣднее сопровождается обращеніемъ все большей и большей доли его въ машины и т. п. усовершенствованія, «сберегающія трудъ».

тала, съ яснымъ указаніемъ на экономическую роль этихъ факторовъ производства въ современномъ общественномъ строѣ, у автора въ результатѣ анализа «господствующаго ученія» получились два абстрактныя понятія, лишенныя всякой исторической конкретности. Но очевидно, что исходя изъ такихъ абстрактныхъ представленій о двухъ главныхъ факторахъ производства, авторъ долженъ былъ дойти до столь-же абстрактнаго понятія о самомъ производствѣ. Говоря о производствѣ, онъ имѣетъ въ виду или, вѣрнѣе, старается имѣть въ виду не какую-нибудь *опредѣленную* общественную систему организациі его, а просто процессъ труда, на сколько онъ обусловленъ самой природой человѣка — безъ всякаго отношенія къ исторической обстановкѣ, при которой процессъ этотъ совершается. Ясное дѣло, что процессъ производства, разматриваемый независимо отъ его историческихъ или общественныхъ формъ, не можетъ содержать въ себѣ какихъ-нибудь данныхъ для рѣшенія весьма конкретной общественной проблемы. Весьма естественно поэтому, что автору пришлось оставить сферу производства и отправиться для рѣшенія этой проблемы въ область законовъ распредѣленія — вѣдѣ ихъ органической связи съ механизмомъ производства.

II.

Если средства существованія рабочаго класса не входятъ въ составъ капитала, если вообще не онъ опредѣляетъ теперь роль и значеніе рабочей силы въ процессѣ производства, то спрашивается: какимъ путемъ могутъ «продукты труда» увеличиваться въ своей стоимости, между тѣмъ, какъ цѣнность самой рабочей силы понижается? Въ силу чего можетъ происходить процессъ самовозростанія капитала, если не онъ содержитъ рабочую силу? Рѣшеніе этого логическаго противорѣчія даетъ намъ авторъ въ своей теоріи процента, сущность которой состоитъ въ слѣдующемъ.

Приступая къ опредѣленію той доли общественнаго дохода, которая достается капиталу, авторъ почелъ необходимымъ предварительно устранить ложное, по его мнѣнію, отождествленіе этой части дохода съ понятіемъ «прибыль». Крайне ненаучно полагаетъ онъ, отождествлять ее съ тою частью общественнаго продукта, которая достается капиталистамъ за «пользованіе» ихъ капиталомъ. Изъ трехъ составныхъ элементовъ прибыли — вознагражденія за трудъ, преміи за рискъ и процентовъ — одна относится къ категоріи заработной платы, другая-же «вовсе не имѣетъ мѣста,

потому-что если мы возьмемъ совокупность всѣхъ предпріятій какой-нибудь страны, то рискъ совершенно устраняется». Стало бытъ, заключаетъ Джорджъ, не прибыль вообще, а только процентъ составляетъ «ту часть продукта, которая достается на долю капитала».

Въ чемъ-же, однако, спрашиваетъ далѣе авторъ, заключается «причина и оправданіе процента?» Отвѣтъ экономистовъ, что процентъ есть «вознагражденіе за воздержаніе» не удовлетворяетъ его, потому-что «воздержаніе» есть только «недѣланіе», но само по себѣ «ничего не производитъ». Онъ также находитъ неудовлетворительнымъ возрѣніе, по которому процентъ возникаетъ изъ «присущей орудіямъ силы возвышать производительность труда». И если-бы капиталъ состоялъ только изъ подобныхъ вещей, а производство представляло-бы собою только «преобразование трудомъ инертной матеріи», то, восклицаетъ Джорджъ, взиманіе процентовъ было-бы простымъ грабежемъ. Возьмемъ, однако, вмѣсто досокъ, струга (примѣръ Бастіа), или денегъ, такіа формы капитала, какъ вино, пчелы, домашній скотъ, сѣмена и т. д. Всѣ эти вещи въ теченіи извѣстнаго промежутка времени способны возрастать въ своей стоимости, вслѣдствіе своего естественнаго размноженія или качественныхъ улучшеній. «То, что въ подобныхъ случаяхъ способствуетъ увеличенію стоимости», есть «не что иное, какъ дѣятельная сила природы, принципъ роста, воспроизведенія, характеризующій повсюду всѣ формы того таинственнаго процесса, который мы называемъ жизнью». И вотъ, въ этой-то «силѣ природы» и заключается причина процента, т. е. возрастанія капитала за предѣлы того, чѣмъ мы обязаны труду. Ссудивъ кого-нибудь, положимъ, сѣменами или домашнимъ скотомъ, я имѣю право требовать возвращенія ихъ съ нѣкоторымъ плюсомъ — соотвѣтственно ихъ количественному возрастанію. Здѣсь элементъ времени — помимо труда — является создателемъ цѣнности.

Аналогичное-же самовозростаніе капитала обуславливается и пользованіемъ — путемъ обмѣна — разнообразными особенностями людей и силъ природы въ различныхъ мѣстностяхъ. Положимъ, въ данной мѣстности, 100 единицъ растительной пищи добывается такимъ-же количествомъ труда, какъ въ другой 200. За то въ послѣдней производство 100 единицъ животной пищи требуетъ столько труда, сколько въ первой 200. Очевидно, что если кто въ мѣстности съ дешевой животной пищей сберегъ 100 единицъ ея и отдастъ въ ссуду торговцу, то онъ имѣетъ право на полученіе отъ послѣдняго, сверхъ эквивалента этой ссуды, еще

«Далю», № 9, 1883 г. I.

нѣкоторую долю изъ прибавочныхъ 100 единицъ растительной пищи, привезенной въ обмѣнъ на первую изъ другой мѣстности. Кредиторъ торговца имѣетъ право на вознагражденіе, потому-что ссуженная имъ цѣнность, въ теченіи промежутка воздержанія отъ ея потребленія, удвоилась путемъ обмѣна.

Итакъ, процентъ обуславливается способностью капитала къ самовозрастанію, способностью, которою надѣлили его воспроизводительныя силы природы и обмѣнъ. «Процентъ (поэтому) не есть нѣчто произвольное, наоборотъ, онъ представляетъ собою явленіе вполне естественное; онъ не есть результатъ какой-нибудь особенной соціальной организаціи, но общихъ законовъ, управляющихъ обществомъ. Онъ, слѣдовательно, справедливъ».

А изъ всего этого слѣдуетъ, или по крайней мѣрѣ, должно, по мысли автора, необходимо слѣдовать, что самовозрастаніе капитала отнюдь не сопровождается уменьшеніемъ доли рабочихъ классовъ въ общественномъ доходѣ. Потому что, разъ трудъ и капиталъ получаютъ только то, что каждый изъ нихъ «присоединилъ къ общественному фонду», то ясно, что увеличеніе доли одного изъ нихъ ни коимъ образомъ не можетъ уменьшать доли другого. Объ антагонизмѣ между трудомъ и капиталомъ, стало быть, и рѣчи быть не можетъ.

Ученіе Джорджа о законахъ распредѣленія и специально объ отношеніи между заработной платой и «доходомъ капитала» заключаетъ въ себѣ такую массу логическихъ противорѣчій, что просто удивляешься, какъ они могутъ совмѣщаться въ головѣ такого не только несомнѣнно даровитаго, но и искренняго писателя. Мы уже выше видѣли, какъ, путемъ всяческихъ насилій надъ экономической дѣйствительностью, онъ старался открыть во что-бы то ни стало абстрактныя или «естественныя законы» производства и какъ, однако, среди этихъ «естественныхъ законовъ» оказалась и функція капитала «увеличивать доходъ» своего владѣльца. Но именно эта сила самовозрастанія «продуктовъ труда» на счетъ «дохода» его владѣльцевъ составляетъ теперь предметъ критики, подчасъ очень рѣзкой, въ прессѣ и общественныхъ собраніяхъ. Повидимому, и у самаго Джорджа являлось сомнѣніе насчетъ «справедливости» самовозрастанія капитала. Но, съ другой стороны, нельзя допустить, чтобы источникъ этого явленія находился въ непримиримомъ антагонизмѣ съ требованіемъ справедливости—разъ оно обусловлено «вѣчными законами» политической экономіи. Источникъ капиталопроизводительной силы средствъ труда былъ-бы, очевидно, только въ томъ случаѣ безукоризненъ съ точки зрѣнія справедливости, если-бы возрастаніе дохода ка-

питала не наносило никакого ущерба непосредственнымъ производителямъ. Но такому предположенію грубо противорѣчитъ фактъ накопленія чрезвычайныхъ богатствъ въ рукахъ такихъ капиталистовъ, какъ Ротшильды, Перейры, Вандербильты и т. п. И вотъ автора ослѣпила блестящая мысль. Всѣ черезмѣрные богатства финансовыхъ бароновъ и королей проистекаютъ собственно изъ предпринимательской прибыли (и поземельной ренты, о чемъ ниже), изъ мошенническихъ спекуляцій и изъ злоупотребленій акціонерныхъ компаній. Подъ разными формами и всякими неправдами увеличивается доля предпринимательской прибыли частныхъ лицъ, дѣйствующихъ, смотря по обстоятельствамъ, или индивидуально, или ассоціациями. Но предпринимательская прибыль по существу своему отнюдь не есть «вознагражденіе за пользование капиталомъ», она — вознагражденіе за надзоръ, управленіе... егго представляетъ собою только специфическую форму заработной платы. Дѣйствительное-же самовозрастаніе капитала ограничивается процентомъ. Ограничивъ такимъ образомъ возможно болѣе скромными размѣрами «доходъ капитала», авторъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе въ своемъ стремленіи водворить въ собственномъ сознаніи и сознаніи общества гармонию между «вѣчными» законами самовозрастанія капитала и требованіями справедливости. «Что составляетъ причину и оправданіе процента?» спрашиваетъ онъ, точно дѣло идетъ о правонарушеніи, гдѣ «причина» можетъ послужить «смягчающимъ вину обстоятельствомъ» и повести къ оправданію подсудимаго. И вотъ, вмѣсто того, чтобы, сообразно требованіямъ науки, заняться анализомъ объективныхъ условій, *порождающихъ* такой видъ дохода, какъ процентъ, онъ задается цѣлью отыскать моральный источникъ процентовъ. И онъ его находитъ, во 1-хъ, въ физиологической способности нѣкоторыхъ видовъ капитала къ размноженію и химическомъ свойствѣ другихъ, какъ напр., вина, къ качественнымъ улучшениямъ; во 2-хъ, въ утилизованіи путемъ обмѣна мѣстныхъ и индивидуальныхъ различій.

Эта теорія процентовъ страдаетъ прежде всего однимъ кореннымъ недостаткомъ: она вверхъ дномъ переворачиваетъ основное начало политической экономіи, а именно, что мѣновая цѣнность вещей есть ничто иное, какъ трудъ, потраченный на ихъ производство. Самъ авторъ неоднократно нацѣпляетъ читателю эту истину. Какимъ-же образомъ могутъ химическіе процессы природы произвести «увеличеніе цѣнности» вина, «потому-что оно выигрываетъ въ качествѣ?» Если на храненіе вина въ теченіи года тратится, положимъ, въ данномъ обществѣ 30 дней труда, представ-

ляемых 30 рублями, то и возросшая его стоимость будет равна 30 рублям—никакъ не болѣе. Точно также и обмѣнъ самъ собою не производитъ добавочныхъ цѣнностей. Каждая изъ обмѣниваемыхъ странъ получаетъ больше продуктовъ, чѣмъ при равной затратѣ труда она могла-бы произвести у себя дома. Но выигрышь въ количествѣ полезныхъ вещей не то-же самое, что выигрышь въ количествѣ мѣновой стоимости. При нормальныхъ условіяхъ обмѣна количества труда, содержащагося въ обмѣниваемыхъ продуктахъ, равны, и стало быть торговля даже между мѣстностями, различными по своимъ естественнымъ условіямъ, сама изъ себя добавочной цѣнности доставлять не можетъ.

Итакъ, только трудъ есть образователь мѣновой цѣнности вообще, а, слѣдовательно, и «возросшей цѣнности» капитала. Производство, стало быть, а не даровыя силы природы служатъ непосредственнымъ источникомъ дохода, составляющаго «вознагражденіе за пользованіе капиталомъ». Посмотримъ-же теперь, дѣйствительно-ли *только* процентъ представляетъ собою ту часть общественнаго дохода, которая достается капиталу.

Въ изложеніи авторомъ своей теоріи процентовъ, дѣло представляется такъ, какъ будто сдѣлка, результатомъ которой они являются, совершается между владѣльцами труда и владѣльцами средствъ производства. Но на дѣлѣ, какъ извѣстно, ни кредитныя учрежденія, ни отдѣльное лицо къ рабочимъ мастерской никакого касательства не имѣютъ, а вступаютъ они въ договоръ съ особымъ классомъ лицъ, называемыхъ хозяевами или предпринимателями. И именно появленіе въ исторіи такого класса есть необходимѣйшее условіе для полнаго превращенія средствъ производства въ капиталъ, т. е. въ источникъ «увеличенія дохода», ихъ собственниковъ—посредствомъ эксплуатаціи наемнаго труда. Ростовщики существовали уже и въ древности, и въ средніе вѣка. Но они занимались отдачей своихъ денегъ въ займы рабовладѣльцамъ или феодаламъ на покупку иноземныхъ предметовъ роскоши, на веденіе войнъ, на увеличеніе пышности ихъ двора и т. п. Тутъ, стало быть, ссужался не эквивалентъ средствъ производства, въ видахъ расширенія его размѣровъ и увеличенія сбыта товаровъ, а эквивалентъ предметовъ *потребленія*, нужныхъ заемщикамъ. Даже въ процентахъ, получавшихся отъ ссудъ ремесленникамъ и крестьянамъ, не проявлялась еще капиталопроизводительная сила средствъ производства въ современномъ смыслѣ. Последнія—собственность рабочаго, ведущаго свое производство не для полученія возможно большей прибыли посредствомъ сбыта своихъ продуктовъ, а просто для удовлетворенія насущныхъ

потребностей своих и семьи. Разореніе хозяйства, вслѣдствіе черемѣрныхъ поборовъ, натуральныхъ службъ, военной, наприм., вслѣдствіе нападенія вѣшняго врага, эпидемій, голода—таковы обыкновенно причины обращенія въ прежнія времена мелкихъ самостоятельныхъ производителей къ займамъ, которые, мимоходомъ говоря, подчасъ кончались закрѣпощеніемъ первыхъ вмѣстѣ съ ихъ семьями. Отдѣленіе индустріи городовъ отъ землевладѣльческихъ занятій вызвало къ жизни, говоритъ Еккаріусъ *), «торговцевъ—посредниковъ, сдѣлавшихъ своей спеціальностью распределять продукты чужаго труда. Въ теченіи перехода изъ рукъ производителей въ руки потребителей часть продуктовъ прилипла къ пальцамъ посредниковъ—торговцевъ», и эту часть они накопили. Постепенно «дѣланіе денегъ», покупка и продажа, сдѣлались главной цѣлью производства. Образовался многочисленный классъ лицъ, въ рукахъ котораго накопились результаты прошлаго труда въ видѣ торговаго капитала. И все-таки, пока непосредственными хозяевами производства были массы мелкихъ ремесленниковъ и крестьянъ, сила самовозростанія находившагося въ рукахъ купцовъ торговаго капитала не находила достаточнаго простора для полнаго своего развитія. И это именно потому, что средства производства не отдѣлились еще тогда отъ массы производителей, и вслѣдствіе этого не могли приобрѣсть значенія самостоятельнаго фактора въ экономической жизни, независимаго отъ самой рабочей силы. Для того, чтобы поднять ихъ до такой роли, обладателямъ торговаго капитала необходимо было самимъ завладѣть сферой производства, превративъ массу производителей въ «рабочія руки» обширной мастерской или фабрики. Мануфактура, затѣмъ фабрика въ индустріи, крупное фермерство—въ сельскомъ хозяйствѣ,—вотъ тѣ орудія, которыми представители торговаго класса превратили мелкихъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ изъ хозяевъ въ наемныхъ рабочихъ, работающихъ подъ ихъ контролемъ за минимальное вознагражденіе.

Съ этого-то момента капиталъ и приобрѣлъ «соціальную функцію» доставлять процентъ тѣмъ изъ своихъ обладателей, которые, вмѣсто личнаго участія въ производствѣ, предпочитаютъ отдавать его въ распоряженіе другихъ капиталистовъ—за извѣстную долю въ результатахъ предпріятія. Предприниматель, какъ непосредственный хозяинъ фабрики и прочихъ средствъ производства, получаетъ прибыль. Но ему хочется получать ее въ еще большихъ размѣрахъ, т. е. производить еще большія массы товаровъ. Для

*) Eines Arbeiters Widerlegung der national-ökonomischen Lehren J. S. Mill's. Berlin, стр. 7.

этого необходимо значительно увеличить размѣръ предпріятія—купить больше сырыхъ матеріаловъ, орудій, машинъ, нанять большее количество рабочихъ. Его личныхъ средствъ не хватаетъ. И вотъ онъ входитъ въ сдѣлку съ обладателемъ денежнаго эквивалента этихъ средствъ производства. За «пользованіе» этимъ капиталомъ предприниматель и удѣляетъ часть своей прибыли кредитору въ формѣ опредѣленнаго процента съ взятаго въ ссуду денежнаго эквивалента. По мѣрѣ увеличенія численности класса крупныхъ капиталистовъ—предпринимателей и возрастанія размѣровъ производства, вызываемаго, и расширеніемъ рынка, и ихъ жадной прибыли, растетъ съ одной стороны запросъ на кредитъ, а съ другой—увѣренность денежныхъ людей въ возможности прибыльнаго помѣщенія своего капитала въ чужія производительныя предпріятія, получая такимъ образомъ доходъ безъ всякихъ хлопотъ съ своей стороны. Такимъ-то путемъ возникаетъ и распространяется обширная сѣть кредитныхъ учрежденій съ специальной функціей ссужать капиталистовъ-предпринимателей добавочными капиталами подъ условіемъ учета изъ ихъ прибыли опредѣленнаго процента въ пользу кредиторовъ. И такъ, экономическая сдѣлка, результатомъ которой является процентъ, происходитъ не между капиталистомъ и рабочими, а между однимъ капиталистомъ и другимъ. Рабочіе являются только элементомъ, производящимъ мѣнновыя цѣнности, часть которыхъ составляетъ возмѣщеніе издержекъ капиталиста на покупку рабочей силы. Всю-же остальную часть онъ присваиваетъ себѣ, въ качествѣ собственника средствъ производства, и выдѣляетъ изъ нея долю тѣмъ изъ капиталистовъ, которые предпочитаютъ помѣщать свои деньги въ чужія предпріятія, чѣмъ самимъ возиться съ ними. Прибыль является такимъ образомъ понятіемъ родовымъ, а проценты и предпринимательская прибыль—видовымъ. Считать послѣднюю вознагражденіемъ за надзоръ и управленіе имѣетъ еще какой-нибудь смыслъ по отношенію къ доходу хозяина небольшой мастерской съ десяткомъ рабочихъ. Причислять-же предпринимательскую прибыль крупнаго фабриканта къ категоріи заработной платы, по меньшей мѣрѣ наивно, хотя-бы уже потому, что надзоръ и т. п. обыкновенно поручается въ этихъ случаяхъ управляющему, надсмотрщикамъ и т. д. Впрочемъ, дальнѣйшее развитіе капиталистическаго производства само стремится уничтожить и внѣшнюю разницу между разными категоріями дохода съ капитала.

Стремленіе къ возможно большому увеличенію доходовъ—посредствомъ широкаго сбыта своихъ товаровъ на всемірномъ рынкѣ постоянно толкаетъ капиталъ къ усовершенствованіямъ спосо-

бовъ производства и расширенію его размѣровъ. Дойдя до известной ступени развитія, тенденція эта встрѣчаетъ препятствія въ ограниченности средствъ индивидуальнаго лица и его индивидуальнаго кредита. Тогда-то возникаютъ ассоціаціи—акціонерныя компаніи — для основанія грандіознѣйшихъ предпріятій, фактическими руководителями которыхъ являются директора и т. п. лица, служащіе за опредѣленное жалованье. Акціонеры получаютъ дивиденды, въ которыхъ воедино слиты и проценты и предпринимательская прибыль. Авторъ считаетъ подобныя компаніи результатомъ злоупотребленій и т. д., забывъ собственное замѣчаніе въ другомъ мѣстѣ, что централизація производительныхъ силъ составляетъ необходимую тенденцію современной цивилизаціи; но эта централизація немыслима въ иной формѣ, а стало быть и полученіе доходовъ съ капитала въ видѣ крупныхъ дивидендовъ есть необходимая форма дальнѣйшаго самовозрастанія капитала.

Итакъ, ученіе Джорджа объ источникахъ самовозрастанія капитала должно въ самомъ основаніи своемъ: «часть продукта, достоящаяся капиталу», имѣть своимъ непосредственнымъ и единственнымъ источникомъ трудъ той массы производителей, которая вынуждена продавать на рынкѣ свою рабочую силу, какъ товаръ, за возможно дешевую цѣну. И процентъ составляетъ только одну долю той «возросшей цѣнности» капитала, которая получается результатомъ «пользованія» имъ рабочей силой. Замѣтимъ кстати, что вслѣдъ за прочими экономистами, авторъ никакъ не можетъ согласиться, что капиталъ пользуется трудомъ, наоборотъ, онъ все силится доказать, что трудъ пользуется капиталомъ.

Игнорируя тотъ фактъ, что въ современномъ обществѣ процентъ есть «вознагражденіе», получаемое одной категоріей капиталистовъ не отъ производителей, а отъ другихъ капиталистовъ, авторъ пришелъ, наконецъ, къ тому заключенію, что между трудомъ и капиталомъ не только нѣтъ никакого антагонизма, но наоборотъ, что они связаны другъ съ другомъ тѣснѣйшей солидарностью. Вотъ какъ онъ доказываетъ это положеніе: «Возможность обмѣна продуктами необходимо предполагаетъ, что всѣ роды продуктовъ доставляютъ среднюю выгоду, вытекающую изъ обладанія каждымъ изъ нихъ, потому что никто не пожелалъ-бы сохранять капиталъ въ одной формѣ, когда онъ можетъ быть обмѣненъ на болѣе выгодную форму». Благодаря этой тенденціи къ равновѣсію выгодъ во всѣхъ отрасляхъ производства, трудъ, иврасходованный на производство машинъ и т. п., долженъ удѣлять часть своихъ продуктовъ капиталисту, чтобы такимъ образомъ доставить капиталу, «не обладающему природной» силой самовозрастанія, та-

вое увеличеніе, которое получается отъ капиталовъ, обладающихъ этимъ свойствомъ. Съ другой стороны, капиталы второго рода, способные къ естественному самоумноженію своей цѣнности, должны часть ея удѣлить труду, чтобы уравнить его вознагражденіе съ доходомъ труда въ первыхъ отрасляхъ производства».

Такимъ образомъ, взаимная конкуренція капиталистовъ, регулирующая распредѣленіе между ними прибавочной стоимости и устанавливающая, между прочимъ, и высоту процента, представляется автору, какъ своего рода полюбовная сдѣлка между владельцами разныхъ видовъ капитала съ одной стороны и производителями, получающими его въ ссуду — съ другой.

Этой полюбовной сдѣлкой и устанавливается справедливая норма «вознагражденія труда и капитала». «Нормальный уровень процента» долженъ быть таковъ, чтобы «вознагражденіе труда и вознагражденіе капитала были равны, т. е., представляли-бы доходъ, одинаково привлекательный для усилій и жертвъ», какъ одного, такъ и другого. Въ противномъ случаѣ, «трудъ не станетъ пользоваться капиталомъ, а капиталъ не будетъ представленъ въ распоряженіе труда». Отсюда, полагаетъ авторъ, необходимо вытекаетъ, что «процентъ и заработная плата должны совместно подниматься и опускаться и что первый не можетъ повышаться иначе, какъ при повышеніи втораго» и наоборотъ.

Какъ видите, въ сущности, изъ словъ самого Джорджа вытекаетъ, что собственно отношенія между трудомъ и капиталомъ далеко не солидарныя. Хороша, въ самомъ дѣлѣ, солидарность, обусловливаемая только тѣмъ, что если заработная плата обидитъ процентъ, то «капиталъ не будетъ предоставленъ въ распоряженіе труда», а въ обратномъ случаѣ «трудъ не станетъ пользоваться капиталомъ». Въ дѣйствительности, однако, даже и этой, вынужденной условіями соперничества, солидарности въ измѣненіяхъ уровня заработной платы и «вознагражденія капитала» не существуетъ. Извѣстно, что если трудъ, предъявляетъ капиталу слишкомъ большія требованія, то послѣдній превращается въ усовершенствованную машину, которая выбрасываетъ рабочаго изъ мастерской. Другими словами, часть переменнаго капитала превращается въ постоянный, запросъ «продукта труда» на живой трудъ уменьшается на столько, что послѣдній, въ полномъ сознаніи своего безсилія передъ могущественнымъ соперникомъ, смиренно проситъ у него прощенія, слезно умоляя о дозволеніи «пользоваться» собой, лишь-бы не умереть съ голоду. И капиталъ, какъ опять-таки хорошо извѣстно, прекрасно пользуется своей выгодной позиціей — въ интересахъ своего самовозрастанія путемъ по-

ниженія уровня заработной платы. Что касается спеціально процента, то такъ какъ онъ составляетъ «вознагражденіе», получаемое одной частью капиталистовъ отъ другой за предоставленіе ими въ распоряженіе послѣднихъ своего капитала, то высота его естественно зависитъ отъ отношенія между спросомъ и предложениемъ капитала. Если послѣдній находится въ странѣ въ такомъ количествѣ, что нѣтъ для него прибыльнаго приложенія, то процентъ будетъ низокъ. Капиталы направятся тогда въ Азію, Австралію и Египетъ, опутаютъ мѣстныя правительства долгами — и за все это получаютъ высокій процентъ. Какова-бы ни была судьба этой доли вознагражденія капитала въ каждый данный моментъ отъ этого производительной силѣ ни тепло, ни холодно. Заработная плата можетъ, въ какой-нибудь странѣ, замѣтно понизиться, вслѣдствіе, на примѣръ, быстрого распространенія машинъ и другихъ усовершенствованій, «сберегающихъ трудъ», а процентъ можетъ въ то-же время *повыситься* — или благодаря той-же причинѣ, порождающей усиленный запросъ на капиталъ со стороны крупныхъ предпринимателей, или благодаря этой-же причинѣ въ связи съ отливомъ нѣкоторой части капитала на займы для веденія войны или за границу.

А—ръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВДОВА МАРШАЛА

Романъ Алэна Боккенна.

I.

Вторникъ въ Théâtre Français.

...Рукоплесканія смолкли; занавѣсъ опустился не спѣша, какъ будто и онъ былъ важнымъ членомъ знаменитаго общества парижскихъ артистовъ; публика партера высыпала въ корридоры; остались только старички въ ермолкахъ да иностранцы въ дорожныхъ костюмахъ, пристально разсматривавшіе въ бинокли аллегорическую живопись потолка. Красавцы и красавицы спящаго театральнаго царства вострепнулись, принялись отыскивать знакомыхъ, обмѣнивались кивками съ интимными пріятелями, непремѣнно заглядывали въ пустую ложу перваго яруса, находившуюся почти совсѣмъ напротивъ ложи д'Андили, и затѣмъ уже всецѣло предавались болтовнѣ и кокетничанью. Въ проходахъ балконовъ толпились мужчины съ биноклями, перпендикулярно направленными въ бенуары. Антрактная зала была переполнена народомъ, двери поминутно растворялись и затворялись, мужчины во фракахъ расхаживали, заложивъ руки въ карманы и оставивъ локти на подобіе ручекъ античной вазы; сквозь жужжащую симфонію всеобщаго говора рѣзкимъ диссонансомъ прорывались громкіе крики продавцовъ, предлагавшихъ афиши.

Степенный, важный швейцарь, стоявшій при входѣ въ фойе артистовъ, только что усѣлся послѣ особенно низкаго поклона, но тотчасъ принужденъ былъ снова вскочить, изобразить на своей фізіономіи глубочайшее почтеніе и согнуться въ три погибели; къ нему подошелъ молодой бѣлобрысый че-

ловѣкъ небольшого роста, одѣтый съ чопорною изысканностью, съ нафабранными усами, тщательно расчесанными à l'antique, и спросилъ жиденскимъ голоскомъ:

— Герцогъ здѣсь?

— Генераль Жарри, герцогъ Варезскій? переспросилъ швейцарь, отчеканивая каждое слово.— Нѣтъ, господинъ виконтъ.

— А! виконтъ де-Ронсероль, вы навѣрное можете мнѣ сказать...

Блондинъ обернулся.

— А, это вы, милѣйшій. Здравствуйте.. Но затѣмъ, вскинувъ на носъ пенсне, онъ воскликнулъ—Ахъ, извините, пожалуйста, адмиралъ; я васъ принялъ за...

Съ этими словами онъ, будто нехотя, рѣшился довѣрить свою руку неуклюжимъ широкимъ пальцамъ высокаго, представительнаго, сѣдоватаго господина безъ усовъ, съ коротко подстриженными баками, съ красной ленточкой въ петлицѣ.

— Какъ здоровье мадамъ де-Керуанъ? прибавилъ виконтъ.

— Благодарю васъ, хорошо... то есть нѣтъ... вѣдь вы знаете, она постоянно хвораетъ. Въ нынѣшнемъ году ее послали въ Каннъ... Такая досада... я не могу ее сопровождать; у меня здѣсь работа, институтъ... А что нашъ милѣйшій герцогъ?.. Не знаете-ли, какъ онъ поживаетъ? Не знаете-ли какихъ нибудь новостей?

— Новостей?.. Помилуйте, я только что собирался обратиться съ тѣмъ-же вопросомъ къ вамъ. А, каковъ пасквиль!.. Вѣдь вы читали сегодня утромъ въ «Комарѣ»?.. «Правая и лѣвая рука одного изъ самыхъ молодыхъ и блестящихъ нашихъ стратеговъ... и т. д., и т. д.»—Развѣ это не прозрачно?

— Да, конечно, казалось-бы... хотя, съ другой стороны... А кто-же это—«лѣвая рука»?

— Какъ? Вы еще спрашиваете?.. Да вы, можетъ быть, прикидываетесь только?.. Нѣтъ?.. Честное слово?.. Скажите, какая невинность!.. Помилуйте, адмиралъ, весь Парижъ знаетъ баронессу Симье!

— Неужели?.. Баронесса Симье? Та самая... которая занимается благотворительными дѣлами? Роскошная блондинка,—

не правда-ли,—которую я имѣлъ честь встрѣчать у герцогини Варезской... ея пріятельница, если не ошибаюсь?

— Да, да, пансіонская подруга... онѣ на ты! Нужно быть такимъ близорукимъ человѣкомъ, какъ герцогиня, чтобы ничего не подозрѣвать такъ долго... Вѣдь это тайна полишинеля.

— Скажите пожалуйста! Въ самомъ дѣлѣ?.. тайна... полишинеля... Но эта сцена, про которую рассказываетъ газета, эти...

— Эти пощечины, нанесенныя правою рукою лѣвой рукою?... А ужь право не знаю. Я ихъ... не получалъ.

— Что касается меня, то мнѣ трудно представить себѣ, чтобы такая безукоризненно приличная женщина, какъ герцогиня, могла рѣшиться на такія... крайнія мѣры. И эта... семейная драма побудила герцогиню обратиться въ судъ съ требованіемъ развода?

— По словамъ «Комара», — да!.. Но правда-ли это, или нѣтъ—не знаю, хотя, право-же, обѣгалъ весь Парижъ... Повѣрите-ли, адмиралъ, что, прежде, чѣмъ явиться сюда, я побывалъ въ четырехъ клубахъ... Не зачѣмъ и искать квадратуры... Вотъ она, ваша квадратура! Эврика! Уполномочиваю васъ доложить о томъ открытіи академіи наукъ... Знаете, что мнѣ отвѣтили въ клубѣ?—«Да, кстати, правда-ли, что герцогъ началъ разводный процессъ?..» Эти идиоты рѣшительно ничего не знаютъ!.. Я было собирался зайти въ фойе... но нѣтъ, если герцогъ еще не пріѣзжалъ, то слуга покорный! Не имѣю ни малѣйшаго желанія встрѣчаться съ его гиппопотамомъ, мадамъ Превиль.

— Какъ... Неужели..?

— Да! ему мало одной баронессы,—не говоря уже про случайныя интрижки,—онъ опять связался съ Превиль послѣ ея возвращенія изъ Россіи... Впрочемъ, только такъ, для виду; онъ фигурируетъ въ роли любовника, но не пользуется своими правами... Да, по правдѣ сказать, это и понятно... Помилуйте, одна грудь чего стоитъ; вѣдь такой груди на шестерыхъ хватитъ... А правами-то, изволите видѣть, пользуется редакція «Комара»—не въ полномъ составѣ, конечно, а врозь, поочередно... Да, кстати, не знаете-ли... Впрочемъ, не пойти-ли намъ вотъ туда, адмиралъ? Тамъ, можетъ быть, будетъ попросторѣе.

Виконтъ Убальдъ де-Ронсероль взялъ подъ руку де-Керуаня и направился съ нимъ въ галерею.

— Нѣтъ, благодарю васъ, сказалъ онъ адмиралу, подававшему ему портсигаръ съ папиросами. *Cristi!* Никакъ вы намѣреваетесь выйти на балконъ?.. Вѣдь сегодня собачій холодъ.

— О, если вы боитесь простуды, я останусь... Такъ вы не курите?... Можетъ быть, у васъ бронхи?..

— Да, бронхи немного того...

— Какъ у мадамъ де-Керуанъ, значить;—у нея тоже въ бронхахъ что-то, вздохнулъ адмиралъ.—Вы никогда не пробовали пожить въ Каннѣ?.. Тамошній климатъ прекрасно дѣйствуетъ, увѣряю васъ!.. Слѣдовало-бы попытать... Мадамъ де-Керуанъ была-бы очень рада... А скажите пожалуйста, виконтъ, правда-ли, что герцогъ въ нѣсколько затруднительномъ положеніи по части денежныхъ ресурсовъ со времени *краха*?

— Герцогъ въ затруднительномъ положеніи? Какой вздоръ!.. Онъ просто на просто разорился въ конецъ! возразилъ Ронсероль, приближаясь къ большому камину, въ которомъ надъ обсыпавшимся углемъ съ трескомъ разлетались во всѣ стороны искры.—Только *крахъ* тутъ не при чемъ! У баронессы были акціи «Union», но у нашего красавца герцога не оставалось даже и такихъ. Помилуйте, при той жизни, которую онъ ведетъ, осыпая золотомъ... Чертъ возьми! какъ однако жарить этотъ каминъ!.. осыпая золотомъ женщинъ!.. Я и самъ знаю, во что это обходится... Ну, а вы, адмиралъ, — какъ подвигаются ваши работы? По-прежнему успѣшно? Я что-то такое видѣлъ въ *Revue*... Читать, разумѣется, не читалъ, потому что никогда не читаю такихъ вещей... онъ для меня черезъ-чуръ уже серьезны!.. Проектъ кохинхинскаго флота, такъ вѣдь, кажется?.. Помню только, что тамъ идетъ рѣчь о сиренахъ?

— О триремахъ, позвольте... о карфагенскихъ триремахъ... Такъ вы полагаете, что дѣла герцога... Но вѣдь мать его очень богата?

— Вдова маршала?.. Охотно вѣрю! Но вѣдь съ нея взятки гладки; это кремень-баба; можете на меня положиться... у меня насчетъ этого замѣчательный нюхъ!.. Хотите биться объ закладъ, что не пройдетъ и шести мѣсяцевъ, какъ онъ принужденъ будетъ спустить свою галерею и все остальное?..

Наконецъ-то я доберусь до моего Веласкеса! Удивительный Веласкесъ... *épatant*... Я стерегу его съ того самаго момента, какъ герцогъ купилъ эту картину на распродажѣ галлерей Альбы... Ахъ, извините, адмираль, — вонъ тамъ идеть... какъ бишь его... можетъ быть, узнаю что нибудь отъ него...

Виконтъ де-Ронсероль съ тросточкой подъ мышкою опрометью бросился въ корридоръ.

Публика начинала возвращаться на свои мѣста; лѣстница покрылась толпою народа. Швейцарь, приставленный къ двери артистовъ, дремалъ, сидя на своемъ стулѣ.

— Послушайте, любезный, не видали-ли вы герцога Варезкаго? спросилъ за его спиной чей-то грубый голосъ.

Онъ уже собирался встать, но, повернувъ свою тощую шею, увидѣлъ за собою маленькаго сухопараго человѣка съ краснымъ лицомъ, сѣдою головою и совершенно бѣлыми усами, затаятаго въ черный, застегнутый да верху сюртукъ. Рѣшивъ, что для всякаго встрѣчнаго не стоитъ беспокоиться, онъ сохранилъ свое прежнее положеніе и повторилъ.

— Ге-не-ра-ла Жар-ри, герцога Варезкаго?

— Ну да, вѣдь вы слышите, генерала Варезкаго... Я генераль Салмонъ, его крестный отецъ, генераль артиллерійской дивизіи, Салмонъ... изъ Меца... сенаторъ, бывшій министръ... Вамъ это все равно?.. Понимаю!.. Да отвѣчайте-же наконецъ, — видѣли вы его *sacredie*!?. Да? Нѣтъ?.. Нѣтъ?.. Ну и прекрасно! Отвѣтили-бы — нѣтъ, и дѣлу конецъ! Вѣдь я не лекціи отъ васъ требовалъ.

Воинственно взмахнувъ палкой, взбѣшенный генераль, по военной привычкѣ, сдѣлалъ полуоборотъ и, продолжая отводить душу ручательствами, исчезъ въ антрактной залѣ, между тѣмъ какъ озадаченный швейцарь въ недоумѣніи спрашивалъ себя:

— Чего это они всѣ сегодня вечеромъ словно помѣшались на герцогѣ?

— Огюсть, пріѣхалъ герцогъ? сказалъ кто-то.

На этотъ разъ швейцарь всталъ передъ толстымъ, рыжимъ человѣкомъ съ фізіономіей квакера. Эти опухшіе глаза, этотъ широкій ротъ, этотъ красный орлиный носъ, который, точно язва, рѣзко выдѣлялся среди блѣднаго гладко выбритаго лица,

были хорошо знакомы «театральнымъ домамъ», но швейцарь съ самой предупредительной улыбкой успѣшилъ отвѣтить.

— Нѣтъ еще, господинъ Варонъ-Бей...

— А!

— Вы не изволили смотрѣть въ залъ?

Но толстякъ, не отвѣчая, удалился съ озабоченнымъ видомъ и направился къ фойе, гдѣ уже звенѣлъ антрактный колокольчикъ. Онъ повернулъ въ корридоръ и, дойдя до конца, подозвалъ уврезу, которая успѣшила отпереть крайнюю ложу.

Въ глубинѣ этой ложи, среди полусвѣта матовыхъ шаровъ, его обдало ласкающею, благовонною атмосферой, смѣхомъ, болтовнею и шелестомъ платьевъ. Но все общество — только двѣ женщины: графиня д'Андильи, свѣжая еще старуха, въ платьѣ цвѣта «*rose*», вся въ брилліантахъ, съ кружевною косыночкой на сѣдыхъ волосахъ, причесанныхъ «*à la diable*», и дочь ея, мадмуазель Сабина, брюнетка, въ розовомъ платьѣ, декольтированная до послѣдней возможности, походившая на мальчика, со своею маленькою, курьезною головкою, взерошенною «*à la Titus*». Вокругъ нихъ расположилось около дюжины фраковъ. Графиня всегда чувствовала особую слабость къ мужчинамъ, конечно, за исключеніемъ своихъ мужей. На долю послѣднихъ выпадала не легкая участь. Первымъ номеромъ этой категоріи былъ морякъ, подверженный морской болѣзни, но тѣмъ не менѣе осужденный всю жизнь свою проводить въ морѣ; второй былъ маниакъ, членъ академіи надписей, успѣвшій приобрѣсти основательныя свѣдѣнія по части мумій. Овдовѣвъ и достигнувъ такого возраста, когда поневолѣ пришлось сдѣлаться благоразумной, она утѣшалась тѣмъ, что угощала обѣдами и сплетничала на-пропалую въ своемъ отелѣ, въ улицѣ Вареннъ, нимало не смущаясь двадцативосьмилѣтнимъ возрастомъ Сабини, которую она считала дочерью маниака, хотя и не была въ этомъ твердо увѣрена.

Завидѣвъ Варонъ-Бей, она, какъ ребенокъ, захлопала въ ладоши.

— Убальдъ, сказала она, обращаясь къ своему племяннику, виконту де-Ронсероль, сидѣвшему возлѣ нея на диванѣ, — поскорѣе, опростайте мѣсто для добродѣтельнѣйшаго изъ друзей!... Какъ мило съ вашей стороны, что вы не забываете

убогихъ инвалидовъ!.. Вы пришли отбыть свой сеансъ въ чи-стилицѣ, мой милый? Ничего, этимъ путемъ попадають въ царство небесное... Бьюсь объ закладъ, что вы начали съ ада... Вѣдь вы пришли къ намъ изъ-за кулисъ, не отпирайтесь!

— Да нѣтъ-же, увѣряю васъ... Какъ ваше здоровье, графиня?

— Благодарю васъ, хорошо,—на ногахъ тверда, вижу прекрасно... а языкомъ владѣю и еще того лучше. Вы пришли какъ разъ кстати. Я сегодня расположена трещать, какъ со-рока; наболтаемся до-сыта... Да вотъ садитесь сюда, я начну васъ исповѣдовать.

Затѣмъ она прибавила уже вполголоса:

— Что новаго?

— Относительно... *краха*?

— Нѣтъ, вѣдь вы знаете, я не играю... Что говорить по поводу этой газетной утки, я до смерти беспокоюсь... О! не пугайтесь, отъ этого не умирають!.. Сегодня утромъ рано-ранешенько я была уже на ногахъ и полетѣла къ старухѣ, вдовѣ маршала... Она ничего не знала; что-же касается Гонорины, то отъ нея труднѣе добиться слова, чѣмъ отъ Венеры Милосской, которую я, впрочемъ, не думаю съ нею сравнивать... Герцогини, какъ на зло, не было дома... я возвращалась къ нимъ три раза... подъ предлогомъ справокъ на счетъ прислуги... О! я была внѣ себя отъ бѣшенства!.. Можете себѣ представить, какъ пріятно пѣлый день удить рыбу, да еще въ мутной водѣ!.. Ну, что-же, наконецъ, будутъ они судиться?

— Не думаю, отвѣчалъ Варонъ-Бей,—изъ-за чего имъ судиться?

— А эта сцена съ баронессой?.. Про другія я уже не говорю...

— Ба! герцогиня къ нимъ привыкла; вѣдь это уже не въ первый разъ...

— Повидимому, не совсѣмъ привыкла, если протестуетъ... Ну, а долги его? Вѣдь у него цѣлыя горы долговъ.

— У герцога?.. Они у него всегда были, графиня. Вѣдь это не болѣе, какъ принадлежность аристократическаго хозяйства. Дѣлать долги также естественно, какъ держать лошадей.

— Бѣдная герцогиня!.. А какова интимная подруга!.. Нѣтъ,

останьтесь, ничего, это адмиралъ .. Вы не находите, что этотъ красавецъ герцогъ просто ужасенъ со своими любовницами, которыхъ онъ заводитъ попарно... А между тѣмъ я никогда не слыхала, чтобы...

Она окончила фразу шепотомъ и затѣмъ громко продолжала.

— А вы?.. въ качествѣ восточнаго человѣка и развратника... тоже не слыхали?

— Я отъ всей души жалѣю несчастную герцогиню, вмѣшался адмиралъ.

— Bravo! Вы всегда на сторонѣ женщинъ, не правда-ли?.. За исключеніемъ вашей жены, конечно. Вы предпочитаете семейную жизнь на приличномъ разстояніи... Обратили вы вниманіе на серги Превиль?.. Верхъ неприличія... Это подарокъ красавца герцога, не правда-ли?

— Да, сказалъ Варонъ-Бей, — онѣ куплены за тридцать пять тысячъ франковъ на распродажѣ у Блана.

— Тридцать пять тысячъ!.. Недурно!.. Какъ онъ, однако, мало похожъ на свою мамашу! Бѣдная Клементина... она въ этомъ отношеніи такъ... такъ... А еще говорятъ, что сыновья всегда наследуютъ характеръ матери!.. Вотъ и еще одна иллюзія пала. Адмиралъ, вамъ-бы слѣдовало предложить это, какъ тему для конкурса въ академіи наукъ: «гигіеническая помада противъ паденія...»

— Тсъ! тсъ!

Занавѣсъ поднялся, въ театрѣ воцарилась тишина.

— До свиданія, графиня! сказала Варонъ-Бей, поднимаясь съ мѣста и отвѣшивая поклонъ.

— А, вы уходите!.. До свиданія; благодарю васъ, что навѣстили. Когда-же вы мнѣ покажете свой секретный музей?

— Я во всякое время къ вашимъ услугамъ.

— Это вы такъ только говорите; а если-бы я васъ поймала на словѣ... Она наклонилась къ нему и шепнула ему на ухо:

— Все такъ-же влюблены въ Шанталь?

Движеніемъ вѣкъ онъ отвѣтилъ «да», запыхтѣлъ пуще прежняго и покраснѣлъ до ушей.

— Ну, прощайте... желаю успѣха!

„Дѣло“, № 9, 1883 г. I.

Въ дверяхъ онъ встрѣтилъ входившаго въ ложу красиваго блондина съ распушенной, въ видѣ вѣера, бородой.

— Маркизь!.. Подите сюда!

Графиня указала ему на кресло, стоявшее возлѣ нея, въ углу, противъ сцены.

— Сядьте здѣсь; да не говорите слишкомъ громко, а то раекъ забросаетъ васъ апельсинами, не взирая на то, что вы маркизь де-Буафеле... Какъ здоровье маркизы?

— Хорошо, благодарю васъ... Вѣдь вы знаете, — она никогда не ѣздитъ въ театрѣ.

— Никогда?.. Боже, какая возвышенная вѣра!

Вслѣдъ за тѣмъ она и его подвергла продолжительному, настойчивому допросу. Онъ протестовалъ, размахивая руками, качалъ головою и по временамъ съ комическою торжественностью оскорбленной добродѣтели прижималъ руку къ своей накрахмаленной груди.

— Словомъ, вы ничего не хотите сказать? Впрочемъ, это и понятно; герцогъ вамъ приходится шуриномъ... Хотя, вы знаете, въ семейныхъ дѣлахъ... прибавила она, подмигнувъ глазомъ и видимо намекая на какія-то внутренніе раздоры.

— Ну, теперь можете навести свой бинокль на Превиль... Не правда-ли, какъ она раздобрѣла!.. Помните ея первые дебюты въ Саргисе? Она была... *tout en ètes*, — какъ дорога, ведущая въ рай... О! предупреждаю васъ, — острота эта принадлежитъ не мнѣ, а де-Брэ... Не правда-ли, де-Брэ?

— Совершенно справедливо, отозвался окликнутый, не разслышавъ, въ чемъ дѣло.

Это былъ смазливый брюнетъ съ лихо закрученными усами. Сидя за кресломъ мадмуазель д'Андрильи, онъ самымъ равнодушнымъ тономъ, съ безстрастнымъ выраженіемъ въ лицѣ, напештывалъ ей скабрёзныя шуточки; а она только хихикала, закрываясь вѣеромъ и уписывая замороженные фрукты. Когда кавалеръ ея запнулся на половинѣ какой-то черезчуръ ужъ рискованной остроты, она его приободрила:

— Ничего, ничего, продолжайте! Что за бѣда? Вѣдь вы знаете, — я такая неблаговоспитанная.

Со сцены доносились отрывки торжественныхъ, пѣвучихъ фразъ, пересыпаемыхъ покашливаньемъ, шепотомъ и сдержаннымъ браво.

— Не правда-ли, продолжала графиня,—Превиль очень, очень эффектна... Вашему шуринау положительно везеть: потерялъ кукушку, а приобрѣлъ телушку, да еще жирную.. И играетъ куда лучше прежняго... Самую малость только пришепетываетъ... Убальдь увѣряетъ, что тамъ въ Россіи одна высокая особа вылечила ее отъ этого недостатка... тумакими... Вотъ ужь, что называется,—какъ рукой снялъ... Прекрасный человѣкъ вашъ шуринау! Какое широкое сердце... даже ужь слишкомъ помѣстительное; немного напоминаетъ... омнибусъ; ужь очень въ немъ много пассажировъ, до самаго имперіала... Однако, имъ-бы уже давно пора пріѣхать... у меня сердце не на мѣстѣ. Эта пустая ложа положительно меня раздражаетъ. Какъ зовутъ этого актера, который играетъ роль Доранта? Спросите у де-Брѣ; какъ будущему товарищу, ему это должно быть извѣстно... Да, да, а вы развѣ не знаете? Онъ намѣренъ дебютировать въ Gymnase; помѣшался на этомъ... Его мать чуть съума не сошла отъ горя.

— Если не ошибаюсь, это Ларошъ.

— Не правда-ли, эта пустая ложа способна привести въ бѣшенство?.. Увѣрю васъ, они на зло не ѣдутъ... Теперь ужь слишкомъ поздно... Хотите держать пари, что они не пріѣдутъ?.. Ахъ, да, скажите, пожалуйста, какъ зовутъ эту хорошенькую дамочку... тамъ... на балконѣ... возлѣ этого плѣшиваго господина, который сморкается... ну-да, хорошенькую дамочку, или безобразную дамицу, если вамъ это больше нравится... Сабина поинтересовалась знать ея имя сегодня въ Булонскомъ лѣсу, и я не сумѣла ей отвѣтить... для матери, вы понимаете, это унижительно... Да разбудите-же адмирала; онъ воображаетъ, что сидитъ въ академіи... Какой пронзительный голосъ у этой Жуасень! У меня уши трещать... Ну вотъ! вѣдь я вамъ говорила, что они пріѣдутъ.

По всей залѣ пробѣжалъ трепеть. Балконъ заволновался и вооружился биноклями; въ партерѣ публика, нисколько не стѣсняясь, оборачивалась.

Въ пустой до сихъ поръ ложѣ появилась маленькая герцогиня Варезская, въ свѣтло-лиловомъ тюлевымъ платьѣ безъ всякихъ украшеній, со своей подругой, баронессой Симье, ослѣпительно красивой блондинкой, одѣтой въ огненнаго цвѣта атласъ и усыпанной брильянтами. Сзади, надъ изящною го-

ловкою герцогини, виднѣлось мужественное, улыбающееся лицо герцога, его короткіе, кудрявые, черные, какъ смоль, волосы, его густые усы съ кольцеобразно закрученными кончиками.

Со всѣхъ сторонъ высывались изъ ложъ, наводили бинокли, слѣдили за малѣйшимъ его жестомъ, за небрежнымъ движеніемъ рѣсницъ, которыми онъ привѣтствовалъ интимныхъ знакомыхъ, за его изящною манерою здороваться въ стилѣ регентства, тремя пальцами. Этотъ пріѣздъ подѣйствовалъ, какъ ударъ кнута, и сразу воскресилъ смертельно скучавшую залу. Тѣмъ не менѣе, во взглядахъ замѣтно было разочарованіе. Неужели-же эта статья въ «Комарѣ» была чистѣйшимъ вымысломъ? Жаль!.. Презанимательная исторія, въ которой рассказывалось, будто вчера, во время вечернаго приѣма, герцогиня Варезская просто-на-просто выгнала свою подругу послѣ «собственноручнаго объясненія»; поговаривали о какихъ-то брилліантахъ, которые герцогъ купилъ на знаменитой распродажѣ и преподнесъ своей любовницѣ вмѣстѣ съ уплаченной квитанціей значительнаго куша, потеряннаго ею въ биржевой спекуляціи. Это будто-бы и послужило поводомъ къ скандалу и бракоразводному процессу. А теперь они вдругъ появляются вмѣстѣ въ театрѣ. Поздновато, правда; вначалѣ послѣдняго акта... Къ тому-же, герцогиня была блѣдна, а баронесса сіяла...

Превиль была внѣ себя отъ бѣшенства на сценѣ. Какъ?— Вмѣстѣ?.. И жена, и любовница? Она ожидала лучшаго результата отъ этой газетной статьи, которую сама-же отчасти и вызвала, рассчитывая такимъ образомъ выиграть, по меньшей мѣрѣ, любовника. Возобновившаяся страсть «красавца герцога», — страсть, стоившая золотаго пріиска, — приплась ей очень по вкусу; необходимость дѣлиться этимъ сокровищемъ съ другою возмущала всѣ принципы ея буржуазной экономіи; она желала-бы обладать имъ всецѣло, безъ баронессы. При подобныхъ условіяхъ вѣрнѣе всего, казалось, — вызвать семейную драму... И вдругъ — ничего; ни малѣйшаго результата. Да что-же за женщина эта герцогиня?

Она замѣтила герцога одна изъ первыхъ. привѣтствовала его взглядомъ и теперь, не понимая, въ чемъ дѣло, и продолжая машинально отчеканивать свои реплики, пожирала глазами соперницъ.

Ни одно эффектное мѣсто пьесы не производило впечатлѣнія. Арампоста, Дорантъ, Мартонъ... кому они были интересны?.. Герцогиня Варезская—это другое дѣло. На балконѣ, въ ложахъ, въ партерѣ, шли оживленные толки о томъ, почему на женѣ нѣтъ никакихъ украшеній, любовница осыпана брильянтами, и тѣмъ не менѣе, между обѣими царствуетъ, повидимому, полнѣйшая гармонія. Нѣкоторые ожидали даже внезапной скандальной выходки.

Отъ времени до времени какая-нибудь подходящая фраза роли, произнесенная съ коварнымъ удареніемъ, подчеркивалась одобрительнымъ шепотомъ публики.

И каждый разъ бинокли обращались на герцогиню, неподвижную, невозмутимо-безстрастную, какъ статуя.

...Начинали развѣзжаться. На половинѣ какой-то страстной тирады кто-то потребовалъ въ корридорѣ «36-й номеръ»; взрывъ смѣха пронесся по театральной залѣ и послужилъ сигналомъ ко всеобщему «sauve qui peut». За дверями всякій спѣшилъ протискаться впередъ, чтобы при восходѣ увидѣть еще разъ герцога и «его жену». Часть публики столпилась попарно на верхней площадкѣ, остальные занимали всю лѣстницу вплоть до самыхъ сѣней.

Вдругъ кто-то кашлянулъ, и всѣ стали сторониться, очищая дорогу для героевъ дня. Впереди, подъ руку съ баронессой Симье, шелъ герцогъ, очень эффектный со своею величественною осанкой бывшаго офицера дворцовой гвардіи, въ шубѣ съ широкимъ, откинутымъ на плечи мѣховымъ воротникомъ, а за нимъ герцогиня съ генераломъ Салмономъ, маленькая и тщедушная, но, повидимому, ни мало не смущенная перекрестнымъ огнемъ любопытныхъ взглядовъ.

Всѣ молчали.

Но вотъ кто-то кинулся, согнувшись въ три погибели и залепеталъ:

— Герцогиня!.. Баронесса!.. Любезный герцогъ!..

Это былъ Варонъ-Бей.

— Здравствуйте... здравствуйте, милѣйшій! сказалъ герцогъ своимъ обычнымъ привѣтливымъ тономъ, но улыбаясь свысока и не останавливаясь.

Бей буквально уцѣпился за его руки. О! какъ страстно

онъ пожималъ ихъ, эти безцѣнные, аристократическія руки! А между тѣмъ вѣдь онѣ были пусты.

Наконецъ, они прошли, привѣтствуемые почти на каждой ступени низкими поклонами; всѣ эти клубные, уличные или будуарные знакомые наперерывъ, какъ величайшей чести, добивались поклона генерала Жарри, герцога Варезскаго; этого знаменитаго поклона было достаточно, чтобы сразу высить человѣка до сферы парижскаго бомонда.

Въ маленькой швейцарской, на самомъ сквозномъ вѣтру, гулявшемъ между двойными, поминутно растворяемыми дверями, графиня д'Андильи съ дочерью, закутанная съ ногъ до головы, дожидались экипажа, занимая вдвоемъ цѣлую скамейку.

— А! здравствуйте, милый Франсуа! воскликнула она, увидѣвъ герцога.—Какъ вы себя чувствуете, моя красавица?

Протанувъ руку баронессѣ, она подошла къ герцогинѣ.

— Здравствуйте, голубушка. Здоровы-ли дѣтки? Шанталь, Франсуа, все семейство?.. А мнѣ еще нужно объяснить вамъ, почему я сегодня заѣзжала къ вамъ три раза .. Мнѣ необходимо было навести справки насчетъ одного... груга... который служилъ когда-то у васъ... Но теперь это дѣло ужъ улажено... Боже! какъ поздно вы сегодня пріѣхали!.. Вся публика усталилась на вашу ложу; никто и не думалъ смотрѣть на сцену.

— У меня немного болѣла голова... начала герцогиня.

— А! только... голова? Бѣдняжка!.. Прошла, надѣюсь?.. Замѣтили, какая досада разбирала Превиль?.. Да и было изъза чего .. Вернуться изъ Россіи, чтобы играть передъ Ледовитымъ океаномъ... Не правда-ли, какъ она потолстѣла? прибавила она, обращаясь къ герцогу. — Я-бы не узнала ея... А вы?

— Поручаю вамъ моихъ дамъ, сказалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ.—Не знаю, люди-ли наши опоздали, или мы вышли слишкомъ рано.

Онъ вышелъ и крикнулъ перваго попавшагося мальчишку:

— Позови кучера Пьера, съ улицы Барбе-де-Жуа, и Г'ордфруа, съ улицы Гренель!

Онъ закурилъ папирску и принялся рассказывать по гал-

лереѣ, гдѣ передъ дверью артистовъ стояли и дожидались какіе-то люди, ежившіеся отъ холода.

Съ улицы доносился плескъ проливнаго дождя, по взмокшей мостовой носились громадныя тѣни зонтиковъ, грохотали экипажи, хлопали каретныя дверцы, раздавались крики и, мерцая, удалялись вереницы огней.

Наконецъ, когда подбѣжали лакеи, въ подобранныхъ, какъ женскія платья, ливреяхъ, въ гутаперчевыхъ плащахъ, съ которыхъ струилась вода, онъ вернулся къ дамамъ.

— Предупреждаю васъ, мой милый, сказала графиня д'Андили, вставая, — если у моихъ лошадей сдѣлается воспаление легкихъ, я пошлю вамъ счетъ!.. Прощайте! до свиданія! Поцѣлуйте за меня вашу маман!.. Такъ вы рѣшительно не хотите, чтобы я васъ подвезла, адмиральдъ?.. Смотрите, растаете!.. Гдѣ-же Сабина! Должно быть, уже очень поздно.

Онѣ перешли черезъ тротуаръ, торопясь и кутаясь въ свои шубы.

— Покойной ночи, моя милая! сказала баронесса, которая усаживалась въ свою карету, поблагодаривъ обворожительнымъ взглядомъ помогавшаго ей герцога.

— Покойной ночи! отвѣтила герцогиня, цѣлуя ее въ лобъ черезъ окно кареты.—Закройся хорошенько!

Ронсероль, который уходилъ пѣшкомъ вмѣстѣ съ адмираломъ, приподнялся на цыпочки, чтобы шепнуть ему на ухо:

— Что, видѣли? вѣдь это ни на что не похоже! Онѣ цѣлуются, какъ голубки!.. Какого-же чорта напутала эта идиотская газета?

II.

Флигель въ отелѣ герцога Вarezснаго.

— Это Казимиръ, сказала Гонорина своимъ грубымъ, протяжнымъ лотарингскимъ голосомъ, вводя въ комнату маленькаго невзрачнаго человѣчка въ очкахъ.

— Честь имѣю кланяться, ваше превосходительство...

— Здравствуйте, сказала старуха, не покидая своего кресла, стоявшаго возлѣ окна.—Я кончила... Къ вашимъ услугамъ, Гонорина!

Она отдала служанкѣ фаянсовую миску, въ которой дымился остатокъ хлѣбнаго супа.

Казимиръ, благодаря своей суконной обуви, безъ шума ходилъ по комнатѣ дробными шажками, принесъ съ другого конца ея круглый, мозаиковый столикъ, поставилъ его передъ старухой, затѣмъ усѣлся самъ, помѣстивъ свою шляпу подъ стуломъ, развернулъ портфель и, со словами: «благодарствуйте, тетенька!» скорчилъ любезную гримасу Гоноринѣ, которая принесла ему чернильницу и теперь выходила изъ комнаты съ мискою въ рукахъ, нагибая въ дверяхъ свой могучій жандармскій станъ.

— Если вашему превосходительству угодно будетъ приступить... началъ онъ

Быстрымъ движеніемъ руки она откинула за ухо бѣлую прядь волосъ, выбившуюся изъ-подъ чернаго тюлеваго чепчика, взяла перо, выпрямилась, только слегка склонивши голову къ одному плечу, и принялась выводить на квитанціяхъ свою подпись, «Гюссено-Жарри-Варезъ», безъ всякихъ титуловъ, крупнымъ, почти совершенно еще твердымъ конторскимъ почеркомъ. Казимиръ, по мѣрѣ надобности, передавалъ ей листы, поднося ихъ предварительно къ своимъ очкамъ и тщательно перечитывая, а затѣмъ, посыпавъ каждую росписку опилками, онъ складывалъ ихъ въ кучки съ розовыми закладками, отдѣлявшими документы, относящіеся къ различнымъ домамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ на словахъ излагалъ различныя дѣловыя мелочи, дѣлалъ замѣтки въ своей памятной книжкѣ, не переставая безъ устали тараторить своимъ скрипящимъ жиденькимъ голоскомъ. Контрактъ на улицѣ Тамплъ, наконецъ. возобновленъ! Не безъ труда. Главный жилецъ требовалъ свѣжихъ обоевъ въ комнатахъ, воды, газа и прочая и прочая... Портъе, прехитрая бестія (онъ самъ далъ ему предварительно надлежащія инструкціи), успокоилъ требовательнаго квартиранта неопредѣленными обѣщаніями и въ результатъ — чистаго сбереженія 1275 франковъ съ сантимами... Содержателю банъ отказано согласно приказанію ея превосходительства, и, въ виду различныхъ поврежденій, потребовано 1700 франковъ на расходы по починкѣ и прочая и прочая... Дѣйствительныхъ расходовъ не больше, какъ на пятьсотъ франковъ... На бульварѣ Бомарше зубной врачъ съѣзжаетъ... Слава Богу, что от-

дѣлались! Передаетъ контрактъ фабриканту вѣровъ... Цинглеръ и Комп... вѣрные люди...

Затѣмъ онъ принялся перебирать дома улицы Ла-Рокетъ, Бонди, отели въ Марэ, половину Монмартра,—настоящія казармы, съ безчисленнымъ множествомъ маленькихъ квартиръ; наконецъ, пассажи и большія строенія въ кварталахъ Мадленъ и Мальзербъ. Всѣ эти чисто дѣловыя сообщенія онъ пересыпалъ пикантными сплетнями, свѣдѣнiami, которыя заимствовались отъ консьержей и передавались съ соответствующею приправою крѣпкихъ словъ. Въ улицѣ Дюфо графиня Розетти опять попалась въ грязной исторiи, по части малолѣтнихъ; жильцы уже заявляли претензіи; по ночамъ, говорить, ваеханалии и прочая и прочая... Но платить она хорошо, да еще впередъ; притомъ... ей протезируетъ правительство!.. Старикъ, въ улицѣ д'Асторгъ, все продолжаетъ водить шлюхъ... и прочая и прочая... На бульварѣ Мальзербъ вывѣшено объявленіе: молодая чета рѣшительно расходится...

Отъ времени до времени онъ вставлялъ запросъ: «первый этажъ» улицы Тегеранъ требуетъ комнаты для прислуги; можетъ быть... Коверъ 80-го номера поистрепался; можетъ быть...

При каждомъ «можетъ быть», старуха приподнимала свое длинное, безкровное, угрюмое лицо и однимъ взглядомъ своихъ убійственныхъ сѣрыхъ глазъ, зажимала ему ротъ. вмѣстѣ съ тѣмъ она не переставала подписывать все такъ-же безстрастно, въ умѣ подводила итоги, давала приказанія жестомъ, движеніемъ вѣкъ, сгибая или разгибая пальцы руки, вставляя, гдѣ нужно, отрывочныя, телеграфически-односложныя фразы:

— Ложа солдату... предпочтенъе... Двѣсти шестьдесятъ и топливо... Работы весною... Просмотрѣть смѣту архитектора... Контрактъ, три, шесть, девять...

Ничто не ускользало отъ ея вниманія; касалось-ли дѣло налоговъ, платы за воду, или за подметанье улицъ,—все она помнила, не исключая даже именъ и занятій своихъ многочисленныхъ и разношерстныхъ жильцовъ. А какое негодованіе по поводу малѣйшаго послабленія, — разрѣшенія отсрочки, неполнаго взноса квартирной платы, замедленія въ судебномъ преслѣдованіи!..

— Вонь! вонь дурныхъ плательщиковъ! на мостовую!..

Казиміръ не противорѣчилъ и съ покорнымъ видомъ продолжалъ свой отчетъ.

О, онъ мучилъ ее прекрасно, лѣтъ двадцать управляя ея домами, преобразившись изъ простаго писца въ главнаго повѣреннаго и совѣтника, поддѣлываясь подъ ея манію и стараясь даже превзойти ее въ искусствѣ выжимать изъ людей деньги. Только онъ и его тетка, Гонорина, умѣли чутьемъ угадывать безчисленные отбѣнки въ этой мимикѣ, напоминавшей значный разговоръ глухонѣмыхъ, въ этой стенографіи словъ, которая была непонятна даже для дѣтей старухи.

Покончивъ съ квитанціями, онъ принялся за счета, докладывавъ о дивидендахъ, взносахъ, ликвидаціи, провѣрялъ нумера при помощи списка, подводилъ итоги и въ заключеніе записывалъ сумму чистаго дохода отъ той или другой операціи.

— Хорошо! твердила старуха.—Дальше... дальше...

И кончикъ ея остраго, крючкообразно загнутаго носа, казалось, при каждомъ словѣ собирался устремиться въ ея дряблый, беззубый ротъ.

Вдругъ она энергично закачала головою и, крѣпко ударивъ кулакомъ по столу, заставила остановиться Казиміра, который ничего не замѣчалъ, погрузившись въ девятизначное сложеніе.

— И въ умѣ 3... и въ умѣ 3... Что, развѣ не такъ, ваше превосходительство?.. Ахъ, вѣдь и вѣ самомъ дѣлѣ, какой я идиотъ! Совершенно справедливо изволили замѣтить. И въ умѣ 4... Чортъ знаетъ, гдѣ у меня была голова!.. Не угодно-ли вашему превосходительству написать вотъ здѣсь: «Уполномочиваю на продажу». Мы продадимъ по первому курсу. На биржѣ мы воспользуемся впечатлѣніемъ, произведеннымъ египетскими дѣлами... Въ то-же время можно будетъ положить въ банкъ, на текущій счетъ 176,634 фр. 85 сант. Не дурная ликвидація въ періодъ «краха...» не правда-ли, ваше превосходительство? А вѣдь вѣрно я тогда сообразилъ на счетъ «Union!»

Онъ собралъ свои бумаги въ одинъ пакетъ и спросилъ:

— Другихъ приказаній не будетъ, ваше превосходительство? Купить 300 *суэзскихъ* и 45,000 *трехпроцентныхъ*..?

Поговариваютъ о пониженіи ренты. У вашего превосходительства удивительное чутье... О, съ величайшимъ удовольствіемъ... Изволите баловать меня, ваше превосходительство!

Нагнувшись, онъ погрузилъ два пальца въ роговую табакерку, которую ему протягивала старуха, и затѣмъ отретировался смиренной походкой, пятась до самой двери.

— Ахъ, да, вѣдь я и забылъ! воскликнулъ онъ, возвращаясь, — забылъ сообщить, что ваше превосходительство изволили вступить во владѣніе послѣднимъ домомъ герцога, въ улицѣ Риволи, 246 bis, купленнымъ вчера негласно нашимъ повѣреннымъ Магримо за 975,000 фр., помимо расходовъ по купчей; номинально за 900 тысячъ, съ перенесеніемъ закладныхъ обязательствъ на покупателя... Плохо идутъ дѣла господина герцога; не далѣе, какъ въ прошлый понедѣльникъ, господинъ герцогъ опять сдѣлалъ заемъ въ пятьдесятъ тысячъ подъ свое имѣніе Белэль... Я и займодавца знаю... Это Шпицеръ, который и вашему превосходительству достаточно извѣстенъ.

— А! сказала старуха.

И взгляды ея сѣрыхъ, дышавшихъ ненавистью глазъ, какъ пощечина, скользнулъ по портрету маршала.

Захлопнулась дверь, и тишина воцарилась въ узенькой, длинной и низкой комнатѣ, плохо освѣщенной маленькими, зеленоватыми стеклами окна, выходившаго на парадный дворъ отеля. Кирпичный полъ безъ ковра, скудная невзрачная мебель; два соломенныхъ стула, въ стилѣ Людовика XVI-го, со спинками въ видѣ лиры, старинная конторка, а передъ каминомъ, въ которомъ подъ золою едва замѣтно тлѣла кучка кокса, — небольшой диванъ во вкусѣ имперіи и хорошенькое дѣтское креслице, съ полинявшею шелковою обивкою.

На каминѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ, стояли цвѣты бисквитообразной формы, по обѣ стороны отъ нихъ размѣщены были два массивныхъ серебряныхъ подсвѣчника безъ свѣчей, а на противоположной стѣнѣ висѣлъ писанный масляными красками портретъ маршала, герцога Варезкаго, въ полной парадной формѣ, съ широкимъ, добродушнымъ лицомъ бонвивана, которое казалось еще шире отъ окаймлявшей его бороды и какъ будто было прилѣплено къ тѣсному военному воротнику; на рамкѣ изображены были гербъ, въ четырехъ

полях котораго красовались черные львы съ разинутыми пастьями, и обвивавшая корону лента съ девизомъ: «J'en ris». Въ глубинѣ комнаты, сквозь растворенныя двери алькова можно было видѣть неприбранную постель, смятый красный пуховикъ, скомканныя одѣяла и простыни.

Далеко уже было то время, когда красавица Клементина, единственная дочь Клемана Гюссено, имѣвшаго банкирскую контору въ Мецѣ, въ улицѣ Фурнирю, кружила головы всѣмъ молодымъ людямъ и доводила до желтухи всѣхъ маменокъ. Полная, крѣпкая, здоровая, ростомъ — выше отборныхъ молодцовъ артиллерійской школы, она наноминала тѣхъ богатырскихъ фламандокъ, которыя блещутъ своею наготою на картинахъ Рубенса съ жесткимъ взглядомъ, съ упрямыми губами; притомъ далеко не глупая, рано освоившись съ дѣлами и не выражая особой склонности ни къ богомолю, ни къ нѣжнымъ чувствамъ, она уже въ четырнадцать лѣтъ, послѣ смерти матери, стала завѣдывать конторскими книгами и уже на славу умѣла «окрутить» любаго ученика, фермера или фабриканта.

— Какъ жаль, говорилъ старикъ Гюссено, что моя Тина не родилась мальчикомъ! Она-бы вверхъ дномъ перевернула все банковое дѣло.

Теперь-же она ограничилась тѣмъ, что перевернула вверхъ дномъ только городъ. Въ восемнадцать лѣтъ она уже успѣла отказать половинѣ всѣхъ наличныхъ жениховъ, съ одинаковымъ равнодушіемъ забраковавъ какъ дворянъ съ площади Сенъ-Мартэнъ, такъ и сынковъ буржуазныхъ семействъ квартала Форъ-Мозэль. Ей нравились сложные банковые расчеты, процессъ накопленія золота, хитрыя комбинаціи учета, лихорадка биржевыхъ спекуляцій. Она любила наблюдать, какъ дрожали должники наканунѣ срочныхъ платежей, какъ унижались не только маленькіе люди, но даже крупныя тузы въ мучительные часы финансовыхъ кризисовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она наслѣдовала-бы отцу (отъ Клемана до Клементины вѣдь и разстоянія-то всего на толщину женскаго волоса), если-бы маршалъ Жарри, герцогъ Варезскій, не поладившій съ Людовикомъ XVIII, не порѣшилъ въ самый годъ смерти императора приютить въ своемъ родномъ городѣ Мецѣ

себя, свой заложенный и перезаложенный майоратъ, славу своихъ семнадцати походовъ и четырнадцати ранъ.

Счастливымъ это былъ день для улицы Асфельдъ; даже старыя аристократическіе дома, примыкавшіе къ отелю маршала, вдругъ какъ будто помолодѣли.

Сынъ бочара съ улицы Сентъ-Клеманъ, Франсуа—Евгеній Жарри въ короткое время взялъ приступомъ всѣ военные чины. Отличившись въ южной арміи, заслуживъ при Бонапартѣ, на двадцать - четвертомъ году жизни генеральскіе эполеты, онъ выигралъ битву при Варезѣ, которая дала ему санъ герцога и маршальскій жезлъ. Онъ женился между двумя походами, но жена его вскорѣ умерла, не оставивъ ему дѣтей. Около 1826 года это былъ еще красивый малый, прямой, какъ тополь, хорошо извѣстный всѣмъ посѣтителемъ *Эспланады*, гдѣ онъ гулялъ каждый день, возвращаясь изъ «*Café du Neaple*». То и дѣло приходилось отвѣчать на почтительные поклоны и привѣтствія, потому что всякій гордился знакомствомъ съ знаменитымъ «маршаломъ-герцогомъ».

Что онъ влюбился въ мадмуазель Гюссено,—это не удивительно: сердце у него было на мѣстѣ, и женщинами онъ брезгалъ такъ-же мало, какъ и «наполеонами». Гораздо удивительнѣе было то, что она согласилась выйти за него. Между герцогствомъ и банкомъ разстояніе не малое, -- не меньше того, которое отдѣляетъ буржуазную улицу Фурнирю отъ аристократической улицы Асфельдъ. Быть можетъ, ею и здѣсь руководилъ расчетъ, и герцогская корона представилась ей своего рода наживою, да притомъ такую, который не найдешь ни въ какомъ банкѣ.

Плохо оправдались ея расчеты; круто обходился съ нею старыи солдатъ и не разъ бивалъ ее подъ пьяную руку. Но Клементина была не изъ такихъ женщинъ, которыя терпятъ обиду, не давая сдачи, и супруги сплошь да рядомъ вступали въ рукопашный бой, какъ извошники.

Между тѣмъ старикъ Гюссено, который былъ въ восторгѣ, что отыскалъ для своей Тины такую блестящую партію, умеръ, оставивъ четыре съ половиною мильона. Начиная съ этого дня, герцогиня, извѣдавшая всѣ прелести свѣтской жизни, успѣвшая убѣдиться, что лестное вниманіе общества обходится дорого, а почетъ не приноситъ никакой выгоды, покла-

лась защищать свои червонцы, которые начинали «плясать фирандолу». Трудная это была борьба, — до такой степени трудная, что на всю жизнь оставила в душѣ ея глубокой слѣдъ. Ей столько приходилось плакать, что въ глазахъ уже не оставалось слезъ, столько извѣдать ненависти, что, кромѣ ненависти, ничего уже не уцѣмляло въ сердцѣ. Слезы изсыкаютъ, но ненависть—никогда.

А между тѣмъ среди этой беспощадной жизненной борьбы выдалась и свѣтлая минута, о которой она долго любила вспоминать въ своемъ одиночествѣ, — разорванная страница любви, героя которой никто никогда не зналъ, хотя каждый непременно высказывалъ свои догадки, указывая то на кого-нибудь мѣстной аристократіи, то на одного изъ егерей герцога. Въ сердцѣ ея навсегда сохранилось чувство благодарной привязанности къ ребенку, родившемуся отъ этой мимолетной связи, — къ дочери ея, Матильдѣ; и даже теперь, когда взоръ ея останавливался случайно на стоявшемъ въ комнатѣ низенькомъ дѣтскомъ креслицѣ, онъ мгновенно принималъ болѣе мягкое возраженіе.

Послѣ декабрьскаго переворота, уставъ возиться съ провинціальными красотками, которыя всюду льнули къ этому неизмѣнному завсегдатаю всевозможныхъ кутежей и оргій, маршалъ соблазнился перспективой возврата прежней славы и, предвидя новыя, болѣе утонченныя и пикантныя удовольствія, рѣшилъ переселиться въ Парижъ. Дома въ Мецѣ были проданы, и герцогъ на широкую ногу устроился въ улицѣ Гренель-Сенъ-Жерменъ, въ одномъ изъ ея обширныхъ бѣлыхъ дворцовъ съ украшеннымъ колоннами подъѣздомъ, съ греческимъ фронтономъ, обвитымъ гирляндами, — въ глубинѣ обширнаго, какъ монастырскій лугъ, двора. Это былъ подарокъ великаго императора, уже сильно обремененный ипотеками.

Тюльерійскій дворецъ ласково встрѣтилъ маршала, и червонцы на этотъ разъ уже заплясали большую парижскую пляску. Къ счастью для герцогини, онъ внезапно умеръ во время какой-то веселой оргіи, слишкомъ уже веселой для его восьмидесяти лѣтъ.

Очутившись, наконецъ, на свободѣ, она съ неистовствомъ, всецѣло отдалась единственной заботѣ возсоздать сею расхи-

ценное богатство, замкнувшись въ полномъ одиночествѣ, помышляя только о деньгахъ. Роскошная обстановка, аристократическій блескъ, шумная, открытая жизнь,—все это сразу прекратилось; глубокой троуръ послужилъ удобнымъ предлогомъ для такой рѣзкой метаморфозы. Многочисленная прислуга была распушена, и вдовствующая герцогиня оставила при домѣ только женатаго консьержа да кормилицу своей дочери, Гонорину, которая родомъ, какъ и она, была изъ Лотаринги, торговалась на рынкѣ два часа изъ за двухъ су и возбуждала смѣхъ своимъ лотарингскимъ папуа, называя лотукъ—*rottee*, а римскій салатъ—*chicon*. А герцогиня, снова преобразившись въ банкира, принялась спекулировать во всѣ тяжкія: скупала землю, бумаги, товаръ, не брезгая ничѣмъ и преловко умѣя пускать въ ходъ свое аристократическое имя, когда это могло содѣйствовать заключенію выгодной сдѣлки.

Около 1869 года апоплексическій ударъ разбилъ параличемъ ея ноги и, начиная съ этого времени, она уже безвыходно жила въ своемъ маленькомъ флигелѣ, отказывая себѣ во всемъ, питаясь овощами и хлѣбнымъ супомъ, который Гонорина, какъ въ былое время, приносила ей въ опредѣленный часъ, продолжала по-прежнему спекулировать и, какъ увѣряли нѣкоторые, даже давала деньги подъ залогъ, на короткіе сроки. И денежки, дѣйствительно, нарастали такъ быстро, что по истеченіи двадцати шести лѣтъ, когда дѣти были уже выдѣлены и пристроены, у нея оказалось мильоновъ тридцать капитала.

Сильно поморщилась старуха, когда ея дочь, Матильда, только что выпущенная изъ монастыря *Sacré-Coeur*, влюбилась въ свѣтскаго щеголя, маркиза Буаржеле, обладавшаго громкимъ именемъ, но скуднымъ состояніемъ,—въ того самого, про котораго графиня д'Андильи говорила, что онъ гордится своею бородою, какъ павлинь распущеннымъ хвостомъ. Сердце ея обливалось кровью, когда приходилось отсчитывать изъ кассы ни болѣе, ни менѣе, какъ триста тысячъ франковъ. Женитьба сына, молодаго капитана, герцога Варезскаго, обошлось ей дешевле; вѣдь онъ женился на богатой наслѣдницѣ, единственной дочери греческаго банкира Баккариса. Въ виду этого, она не дала ему ничего сверхъ майората, состоявшаго изъ довольно скромной пожизненной ренты и очи-

ценнаго отъ долговыхъ обязательствъ отеля улицы Гренель, выговоривъ себѣ право безвозмезднаго проживанія въ его флигелѣ.

Начиная съ этого дня, можно было подумать, что маршалъ возсталъ изъ гроба и снова поселился въ своемъ дворцѣ; молодой герцогъ, унаслѣдовавшій отъ отца любовь къ роскоши и широкія замашки откупщика государственныхъ доходовъ, воскресилъ прежній блескъ, прежнюю шумную, расточительную жизнь. Въ первое время это занимало и какъ будто нѣсколько расшевелило старуху. Но ей скоро надоѣлъ лучъ солнечнаго свѣта, который маленькая герцогиня вносила въ мрачный домъ въ складкахъ своихъ изящныхъ, модныхъ юбокъ; ее утомляли — эта нескончаемая смѣна новыхъ шляпокъ, эти праздники, балы, разъѣзды; соображая, во что обходится вся эта роскошь, она смотрѣла на нее съ инстинктивнымъ отвращеніемъ, какъ на источникъ близкаго раззоренія. Въ немъ такая безпечность была понятна; онъ былъ достойнымъ сыномъ своего отца. Но она, дочь банкира, — что же она была за женщина? Какъ она могла такъ мало знать цѣну деньгамъ? И непосредственное сосѣдство, непрерывныя соприкосновенія съ этою беспорядочною расточительностью еще болѣе изощряли въ ней инстинкты злобы и алчности, превратившейся въ безумную мономанію грязнаго ростовщика. Въ сердцѣ ея зародилась и съ каждымъ днемъ усиливалась ненависть къ этой блестящей парочкѣ, умѣвшей съ такимъ равнодушіемъ сорить миллионами, и эта ненависть еще болѣе раздувалась воскресшею памятью маршала и злобною завистью ея любимой дочери, маркизы, которая разыгрывала святошу, и, не имѣя ни дѣтей, ни красоты, ни богатства, втайнѣ ненавидѣла свою торжествующую невѣстку.

Начинало смеркаться; вокругъ часовъ какъ будто стоялъ туманъ, и очертанія ихъ сплывались подъ стекляннымъ колпакомъ. Въ глубинѣ алькова смятый пуховикъ представлялся въ видѣ маленькаго, почти чернаго бугра; только дѣтское креслице нѣсколько выдѣлялось среди густѣвшаго мрака своею блѣдною шелковою обивкою.

Пламя кокса потухало въ каминѣ; по временамъ только вспыхивалъ еще синій огонекъ, освѣщая на мгновеніе висѣвшій на стѣнѣ портретъ. И цвѣтущее лицо маршала, его ши-

рокая улыбка, его расшитый золотомъ мундиръ казались живою насмѣшкою надъ бѣдною обстановкою комнаты, надъ этою жалкою карриатурею герцогини, погрязшей въ мѣщанскоѣ тинѣ банковыхъ расчетовъ.

Гонорина вернулась съ маленькою, тускло горѣвшею лампою въ рукахъ и, присѣвъ къ столу, принялась штопать какую-то тряпку, между тѣмъ какъ старуха писала на аспидной доскѣ какія-то цифры.

На улицѣ послышался лаконическій крикъ: «ворота!», подъ окнами раздался двойной ударъ колокольчика, и на усыпанномъ пескомъ дворѣ закрипѣли колеса.

— Это *гречанка!* сказала Гонорина, которая подошла къ окну и прильнула носомъ къ стеклу.— Опять въ новой шляпѣ.
— А!

Вдова маршала улыбнулась какою-то особенною, своеобразною улыбкою, отъ которой еще болѣе сморщились ея дряблыя безкровныя щеки.

Кто-то робко постучался въ дверь; Гонорина повернула свою могучую шею.

— Кто тамъ? спросила она.

— Это я!... Шанталь!... отвѣтилъ свѣжій, молодой голосокъ. — Отопри-же, Гонорина! Я пришла пожелать добраго вечера бабушкѣ Тинѣ.

Старая герцогиня, не отрываясь отъ счетовъ, только отрицательно покачала головою, и Гонорина, повышая голосъ, сказала:

— Ваша бабушка устала немного... Поздно ужь... Приходите-ка лучше завтра.

— Покойной ночи, бабушка Тина! отозвался звонкій, пѣвучій голосъ дѣвушки, постепенно замирая на изгибахъ лѣстницы.

III.

Five o'clock.

Сегодня, какъ и каждый вечеръ, начная съ пяти часовъ, маленькая герцогиня принимала визиты.

У подъѣзда стояли два лакея, неподвижные, какъ каріатиды. Въ прихожей швейцаръ важно засѣдалъ за письменнымъ столомъ, важно встрѣчалъ посѣтителей и съ тою-же важ-

ностью шествовать по амфиладѣ залъ. Ихъ было пять; отдѣланныя во вкусѣ прошлаго столѣтія, высокія, какъ соборныя придѣлы, торжественныя, претенціозныя, онѣ всегда были готовы для парадныхъ приемовъ. У каждой двери, какъ жалонеры, также стояли два рослыхъ лакея. Наконецъ, на порогѣ двери, которая вела въ будуаръ, швейцаръ, широко разинувъ ротъ, провозглашалъ какое-нибудь громкое имя.

Ни слѣда торжественности или претенціозности въ этомъ будуарѣ; напротивъ,—пропитанный запахомъ фіалокъ, онъ казался уютнымъ и привѣтливымъ, какъ эта хорошенькая женщина, съ большими, нѣсколько робкими, близорукими глазами, сидѣвшая здѣсь въ своей маркизѣ, безъ всякихъ ухищреній въ туалетѣ, рассчитанныхъ на эффектъ полусвѣта. Обои, гардины, мебель, обитая красивою матеріей,—все было подобрано съ большимъ вкусомъ, всюду были разставлены изящныя стулья, кресла и столы, разложены роскошныя ковры,—цѣлая хроматическая гамма шелковъ и свѣта. Мѣстами взоръ останавливался на книгѣ, на старинномъ переплетѣ съ гербомъ, на саксонской бонбоньеркѣ; передъ окнами красовались японскія жардиньерки, высились раскидистыя пальмы.

Сегодня вечеромъ герцогиня вернулась домой раньше обыкновеннаго; сердце ея еще ныло отъ гнетущаго чувства, оставленнаго этою газетною статьею, которую ей сегодня утромъ позаботилась доставить чья-то дружеская рука. Одѣтая очень просто, въ короткомъ платьѣ изъ темной шелковой матеріи, она въ задумчивости сидѣла передъ пылавшимъ каминомъ, отдавшись своему тяжелому горю. Положимъ, это была уже не первая измѣна; но поразила она ее несравненно больше другихъ, брызги грязи осквернили ея домашній очагъ и проникли почти до самаго сердца.

Въ жизни, точно такъ-же, какъ и въ словахъ, бываютъ странныя противорѣчія, и живымъ примѣромъ такого противорѣчія могла служить Елена Баккарисъ, герцогиня Варезская. Видимо склонная къ тихой семейной жизни, обладая непрочнымъ здоровьемъ, она вдругъ очутилась въ положеніи свѣтской, модной дамы. Судьба любить издѣваться надъ людьми и облакаетъ въ шутовской костюмъ не мало женщинъ, которыхъ она-же, повидимому, готовила къ роли сестеръ ми лосердія. На этотъ разъ судьба явилась въ лицѣ герцога

Варезскаго, капитана дворцовой гвардіи; Елена Баккарисъ полюбила его, и много горя принесла ей эта любовь. Вотъ уже восемнадцать лѣтъ, какъ она живетъ, всегда готовая къ бою, среди вѣчной свѣтской суетни и вѣчныхъ празднествъ, вооруженная съ головы до ногъ, чтобы сражаться противъ чаръ враждебныхъ ей красавицъ, изъ которыхъ каждая старала желаніемъ отнять у нея частицу ея герцога; въ этой борьбѣ она потеряла послѣдній остатокъ здоровья, но не утратила своего несокрушимаго довѣрія. Молчаливая и кроткая, она ждала своего часа и своего герцога; если невозможно было обладать имъ всецѣло, то она довольствовалась и частичкой, хотя-бы даже послѣдней.

Такъ какъ никто не приходилъ, она подошла къ фортепіано, взяла нѣсколько аккордовъ, позвонила, приказала попросить «mademoiselle» спуститься внизъ, увидала въ саду своего сына, десятилѣтняго бѣлокурого мальчика, игравшаго тамъ подъ надзоромъ аббата, отличавшагося красными, какъ смородина, щеками; пославъ сыну черезъ окно поцѣлуй, она вернулась на прежнее мѣсто, уже улыбающаяся и болѣе покойная.

— Нѣтъ никого?... Въ самомъ дѣлѣ—никого?...

Съ этими словами показавшаяся на порогѣ Шанталь, какъ пугливая серна, сдѣлала нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ впередъ, а вслѣдъ затѣмъ, разбѣжавшись, въ четыре прыжка, очутилась возлѣ матери и повисла на ея шеѣ. Она осыпала ее страстными, нескончаемыми поцѣлуями, и герцогиня съ трудомъ защищала свои оборки.

— Да полно-же, Шанталь! Ты мнешь мое платье... Ты меня... Ахъ, какой ты еще ребенокъ!... Посмотри-ка на меня! продолжала она, взявъ ее за плечи.—Ты плакала?

Дѣвушка, не отвѣчая на вопросъ, опустила на колѣни, усѣлась на разостланномъ передъ каминомъ коврѣ изъ бѣлой медвѣжьей шкуры и, смахнувъ пальцемъ сверкавшія на рѣсницахъ двѣ слезинки, продолжала ласкаться.

— А какая у васъ прелестная ножка, милая мамочка!... Но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что ее нужно прятать... Нѣтъ, нѣтъ, не пуцу!... Да это бисквиль, а не ножка; маленький, хорошенькій бисквиль!... Вы боитесь, что я его

съѣмъ?... Да и въ самомъ дѣлѣ, такую крошку можно съ одного раза проглотить.

— Да оставь-же въ покоѣ мою ногу!... Ты меня щечочешь!... Это несносно! Шанталь! Слышишь,—перестань!... Я знаю, что ты плакала. Да встань-же!... Ну, что, если кто нибудь придетъ?... О чемъ вы плакали, сударыня? Развѣ miss...

— Miss — прелестнѣйшая изъ всѣхъ англичанокъ... немножко труслива и кокетлива, это правда... Но какъ-же вы можете думать, чтобы она довела меня до слезъ?... Развѣ я не образецъ благоразумія?

— Да, да!... Образецъ благоразумія. А, теперь я знаю, въ чемъ дѣло; ты ходила...

Она остановилась и лицо ея приняло серьезное выраженіе. Шанталь тихонько кивнула головою. На голубыхъ глазахъ ея снова выступили слезы, на лбу, подъ мелкими каштановыми кудрями, налились маленькія жилки, и по всему ея миниатюрному, изящному, бѣлому личику, напоминавшему та-нагрійскія статуэтки, пробѣжала мимолетная дрожь.

— Меня опять не пустили! сказала она.

Вскочивъ и топнувъ ножкой, она продолжала:

— Не пустили... какъ вчера!.. И отчего-бы бабушкѣ Тинѣ не любить меня?.. Развѣ я ей не внучка?.. Какъ это странно, — бабушка, *bonne-tante*, и не добрая... Скажите, милая мамочка, — развѣ это не странно?..

— Тиге!.. слышишь, звонятъ!.. Бѣги скорѣй. Что, если тебя застанутъ здѣсь въ твоемъ затрапезномъ платьицѣ!..

— Ничего; кто меня любитъ, тотъ будетъ любить и въ затрапезномъ платьицѣ!.. А развѣ это платье некрасиво? Что-же за бѣда, что оно шерстяное.

— Уходи-же скорѣе!.. Надѣнь свое шелковое платье, если хочешь; съ отдѣлкою изъ *Rékin*... знаешь?

— Ну, ужъ такъ а быть, для васъ... возьму Пекинъ... Взятіе Пекина, милая мамочка!.. ха, ха, ха!.. Взятіе Пекина!.. ха, ха, ха! *)

*) Игра словъ: слово *prise* по отношенію къ одеждѣ (*d'habit*) означаетъ обрядъ постриженія въ монахини; *prise de Rékin*—значить «взятіе Пекина».

Развеселившись и позабывъ о своемъ горѣ, Шанталь скрылась за маскировавшимъ одну изъ дверей занавѣсомъ.

— Мадамъ де-Лонгваль!.. Графиня де-Вьезезонъ! Mesdemoiselles де-Вьезезонъ! возвѣщалъ швейцаръ своимъ звучнымъ, жирнымъ голосомъ.

Гости начинали съѣзжаться; все пріятельницы, изъ той многочисленной категоріи, которая въ неограниченномъ числѣ съѣзжается ко всякому, кто въ состояніи давать танцевальныя вечера.

Вскорѣ собралась цѣлая толпа.

Вчерашняя статья въ «Комарѣ» не прошла безслѣдно; всѣ сбѣгаютъ, почуявъ запахъ скандала, въ надеждѣ увидѣть, какъ плачутъ прелестныя глаза герцогини, пока еще слишкомъ сухіе, слишкомъ невозмутимо-прекрасныя. Въ воздухѣ, въ интонаціяхъ чувствуется какой-то неумовимый оттѣнокъ состраданія, торжествующаго, парадирующаго состраданія. Идетъ ли рѣчь о балѣ, о благотворительномъ праздникѣ, о Ниццѣ, о новой пьесѣ, — у каждой пріятельницы уже на-готовѣ запасъ острыхъ шпилекъ, тонкихъ намековъ и краснорѣчивыхъ недомолвокъ. Всякая наперерывъ старается показать, что ей извѣстно все, ну вотъ рѣшительно все.

— Княгиня де-Сантисъ!.. Генеральша Павень!.. Адмиралъ де-Керуанъ!

Появились слуги съ лампами и на обояхъ заколебались длинныя полосы свѣта. А вереница распущенныхъ шлейфовъ все еще прибывала, волнуясь и шелестя, неизсякаемымъ потокомъ, такъ что непосвященный зритель могъ-бы вообразить, что попалъ въ салоны министерства на другой день послѣ кабинетнаго кризиса.

— Маркиза де-Зевалось! Мадамъ Стритъ!.. Полковникъ де-Водуайе!.. Мадамъ Пелкари!

Это настоящая процессія: тутъ и представительницы Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, въ болѣе скромныхъ туалетахъ, предписываемыхъ аристократическою модою, финансовый міръ, иностранный элементъ, преобразившійся и блещущій роскошью; затѣмъ слѣдуютъ офицерскія жены, со своимъ провинціальнымъ душкомъ, жеманныя или величественныя, смотря по чину.

— Графиня д'Андильтъ! Мадмуазель д'Андильтъ! Monsieur де-Брэ!

Мадамъ д'Андили. поспѣшила привѣтствовать герцогиню нѣжнымъ объятіемъ и затѣмъ усѣлась передъ огнемъ.

— Вы позволите мнѣ погрѣть немного ноги?.. Ахъ, извините, я, кажется, васъ побезпокоила!.. И вы тоже здѣсь, адмираль?.. Да вы меня положительно преслѣдуете!.. Я шагу не могу сдѣлать... Намедни—у маркизы... только что—у испанскаго посланника... Вы, видимо, желаете меня скомпрометировать!.. Да, благодарю васъ, — подушку, вотъ сюда!.. Я вся продрогла... Вы сегодня выѣзжали, моя милая?.. Холодъ жестокій!.. Вообразите,—вотъ уже два часа сряду у меня словно замороженный графинъ подъ ногами... Буквально!.. Послушайте, можете вы добыть мнѣ грѣлку съ горячей водой... да чтобы дѣйствительно была горячая!

— О, да... надѣюсь...

— Тѣмъ лучше будетъ для васъ... Вотъ уже шестаго человѣка я заставляю превращаться въ лакея... то-есть, я хочу сказать... ну, да все равно, вы меня понимаете!.. И представьте себѣ, — ничего не помогаетъ!.. Все тотъ-же ледяной графинъ!.. Какъ поживаетъ герцогъ?.. Я только-что навѣщала вашу свекровь. Бѣдная Клементина; она замѣтно слабѣетъ... Вы не находите?.. Хорошо еще, что у нея есть эта Гонорина... безусловно преданная дѣвушка... и васъ какъ любить! Еще нѣсколько минутъ тому назадъ она мнѣ говорила...

— Генераль Салмонъ, изъ Меца! провозгласилъ швейцаръ.

— Здравствуйте, генераль!.. Вы меня извините...

Герцогиня встала, провожая уѣзжавшихъ гостей.

— Какъ ваше здоровье, графиня?

— Благодарю васъ, генераль,—не дурно... Ну, а здоровье министерства?.. Распушили вы его на этотъ разъ? въ свою очередь спросила мадамъ д'Андили.

— Я прямо оттуда, возразилъ генераль, усаживаясь.—Измучился до смерти...

— Вы говорили?

— Я? нѣтъ. Никогда не говорю. Не мое это ремесло. Хлопну кулакомъ—и кончено дѣло.

— И отъ этого падаютъ министерства?

— Да, иногда... Вѣдь они такія тщедушныя нынче.

— Двигайтесь сюда, генераль, если хотите погрѣться!..

Я и сама измучилась до смерти. Ногъ подь собой не слышу... Гдѣ только я не была сегодня?..

Графиня наклонилась къ генералу и шепнула ему на ухо:

— Такъ, стало быть, вся эта исторія въ «Комарѣ» — вздоръ?

— Какая исторія, сударыня? Вы меня извините, но я ребусовъ отгадывать не умѣю... Не мое это ремесло.

— Какъ?.. Неужели-же вы рѣшительно ничего не знаете?

— Рѣшительно ничего не знаю!.. Не мое это ремесло... Въ тайной полиціи не служу!

Онъ воспользовался появленіемъ новыхъ гостей и удалился, бормоча сквозь зубы проклятія и дѣйствительно ничего не понимая изъ намековъ графини.

Отогрѣвъ ноги, мадамъ д'Андильты перемѣнила мѣсто; проходя возлѣ дочери, которая вмѣстѣ съ де-Брѣ перелистывала за столомъ альбомы, она сказала ей:

— Что-же ты не идешь на верхъ, къ Шанталъ?

— О, она сейчасъ спустится сама, вмѣшалась герцогиня. — Сегодня она нѣсколько позднѣе вернулась съ урока музыки.

Въ это самое мгновеніе вошла Шанталъ, стройная, въ изящномъ платьѣ, съ вѣткой сирени на груди, съ подобранными и укрѣпленными на затылкѣ, въ видѣ шиньона, волосами. Она обошла всѣхъ гостей, щурясь и мигая, будто ослѣпленная слишкомъ яркимъ свѣтомъ, отыскивая глазами знакомыя лица, здоровалась дзумя, тремя словами, коротенькимъ кивкомъ, и затѣмъ направилась къ столу, откуда ее звала Сабина.

— Были вы въ Gymnase, графиня? спросилъ адмиралъ, — говорить, что пьеса очень... очень...

— Да, мы были тамъ въ субботу, съ Сабиной...

— Какъ? И Сабина тоже? съ удивленіемъ воскликнула герцогиня.

— Что прикажете дѣлать? Вѣдь она у меня такая неблаговоспитанная!.. Совѣтую вамъ сѣздить; прелюбопытно!.. Въ особенности одна роль превосходна въ пьесѣ: роль револьвера!.. И вся-то она состоитъ изъ одного слова; но за-то какое слово: *Трахъ!* — и кончено дѣло... Хотите, я сообщу вамъ о предстоящей новой свадьбѣ... Нутка, отгадайте сами... Пикантная брюнетка... Нѣтъ? Не догадываетесь?.. Маленькая

Валентина де-Комменжъ... Конецъ ея побѣдамъ; она выходитъ за виконта де-Кер... Кер..., что-то такое на Кер..., который увозитъ ее въ самую непроходимую глушь Финистера. Кстати, видѣли вы Варонъ-Бея, голубушка?

— Monsieur Варонъ-Бея? Нѣтъ! Я вообще вижу его очень рѣдко. Мнѣ кажется, онъ любитъ одиночество и живетъ немного... медвѣдемъ. Да это, впрочемъ, и понятно, вѣдь онъ старѣй холостякъ!

— Ну, ну! Одиночество!.. Этотъ отшельникъ только о томъ и мечтаетъ, чтобы прекратить свое одиночество.. Такъ вы не знаете, какъ сегодня стоитъ биржа? Поговариваютъ о новыхъ катастрофахъ... Эти жида удивительно сильны!.. Прощайте, адмиралъ!.. Не сердитесь... Кланяйтесь отъ меня мадамъ Керуанъ... Но, увѣряю васъ, бронхи мои въ удовлетворительномъ состоянїи, и я къ ней ѣхать не намѣрена..

— Маркиза де-Буажеле! крикнулъ швейцаръ.

Высокая, безусловно некрасивая женщина, вся въ черномъ съ головы до ногъ, вышла и въ полголоса прохныкала что-то подъ вуалью. Она поцѣловала герцогиню въ обѣ щеки и усѣлась возлѣ нея на узкомъ концѣ кушетки.

— Какъ твое здоровье, милая Helène? сказала она...—Я не видѣла тебя уже цѣлую вѣчность... Ты вѣдь знаешь, я ужасно занята своимъ юбилеемъ и подпиской; они отнимаютъ у меня все время.. да и папа тоже... Шанталь?.. Ахъ! я ея и не замѣтила?.. Здравствуй, моя крошка. Ты здорова сегодня?.. Какъ она мила!.. Мапа меня сильно беспокоитъ. Она видимо слабѣетъ... не правда-ли?.. Ей-бы необходимо было жить среди полнѣйшей тишины, полнѣйшаго спокойствїя... Достаточно малѣйшаго волненїя...

— Довольна ты своимъ сборомъ? спросила герцогиня разсѣянно.

— Да, такъ себѣ!.. Ты понимаешь, люди не особенно щедры, теперь, послѣ всѣхъ этихъ несчастныхъ исторїй на биржѣ... Но увѣряю тебя, если сборъ идетъ медленно, такъ вовсе не потому, чтобы я лѣнилась подниматься по лѣстницамъ... Словомъ,—я дѣлаю все, что могу... Господь читаетъ въ нашихъ сердцахъ.

— Нн налить-ли вамъ чаю, тетя? спросила Шанталь, которая то и дѣло ходила взадъ и впередъ между каминомъ и

окномъ, гдѣ въ углубленіи небольшого лакированного стола, накрытаго альбанскою скатертью, на серебрянной жаровнѣ кипѣлъ чайникъ съ широкой ручкой изъ слоновой кости.

— Merci! Ты знаешь, я вѣдь никогда ничего не пью.

Шанталь обносила всѣхъ русскими бутербродами, сандвичами съ икрой, наливала мужчинамъ сицилійское или испанское вино въ толстыя, синія рюмки, сверкавшія, какъ сафизы.

— О, нѣтъ, только не чаю! налей мнѣ полрюмочки Аликанте! воскликнула Сабина,—я на положеніи мальчика.

Швейцарь въ это время крикнулъ:—Monsieur де-Шалентъ! и она прибавила:

— Это новый адъютантъ твоего отца, не правда-ли?

Шанталь сдѣлала видъ, что не слышала вопроса. Она слегка покраснѣла и самымъ естественнымъ тономъ въ мірѣ отвѣтила:

— Monsieur де-Керуанъ? . Онъ уже давно уѣхалъ.

Разговоръ тѣмъ временемъ принялъ необыкновенно оживленный характеръ, коснувшись животрепещущаго вопроса о «крахѣ».

— Говорятъ, баронесса Симье очень и очень пострадала! замѣтилъ кто-то.

— Вотъ какъ! А она играла на биржѣ?

— Развѣ вы не знали? Она стояла во главѣ крестоваго похода...

— Крестоносица, у которой остался только одинъ выходъ,—броситься въ окно! воскликнула графиня *).

— Правительство ведетъ себя въ этомъ дѣлѣ позорно...

Эта фраза послужила искрой, вызвавшей взрывъ всеобщаго негодованія: вся эта исторія была возмутительнымъ скандаломъ... да впрочемъ теперь, куда ни оглянись,—вездѣ скандалъ. Министръ финансовъ открыто покровительствуетъ еврейскимъ банкамъ.

— Это вполне естественно; вѣдь онъ протестантъ!

Какія-то разряженные барыни разсуждали о биржевыхъ дѣлахъ, толковали о взносахъ первой четверти, о «депортѣ»,

*) Непереводимая игра словъ: *croisée* значить—«крестоносица» и вмѣстѣ съ тѣмъ—«окно, оконная рама».

не хуже любого биржевого агента. Затѣмъ разговоръ перешелъ къ политикѣ и послѣ нѣсколькихъ чувствительныхъ фразъ насчетъ войны остановился на новой панорамѣ.

— Вы, кажется, тоже занимаетесь живописью? спросила герцогиня, обращаясь къ де-Шалену, адъютанту герцога, высокому красивому драгунскому лейтенанту, бѣлокурому и розовому, съ робкимъ выраженіемъ лица и задумчивымъ взглядомъ.— Да? Не правда-ли?.. Ахъ, какая я глупая! Вѣдь это вы помогаете моему отцу при составленіи его книги о раскопкахъ въ Элевзинѣ.

Мадамъ д'Андильи поднялась со своего мѣста.

— Скорѣй, Сабина! Поѣдемъ опять морозить ноги... До свиданія, голубушка... А какъ здоровье вашего отца? Онъ по-прежнему живетъ въ Пасси, погруженный въ свои коллекціи?.. Какая странная фантазія!.. Можно-ли поселиться въ такомъ захолустѣ?.. Тамъ, я думаю, грабятъ и убиваютъ среди бѣлаго дня...

— Баронесса Симъ! доложилъ швейцаръ.

Разговоры моментально умолкли.

Баронесса, въ темномъ, шитомъ золотомъ платьѣ, вошла безъ шума, съ легкой улыбкой на губахъ, увѣренная въ эффектъ, который должно было произвести ея появленіе. Она протянула руку герцогинѣ, не обнаружившей ни малѣйшаго волненія.

— Здравствуй; ты здорова?.. Твой мужъ тоже?

Затѣмъ она принялась болтать безъ малѣйшаго усилія, своимъ свѣжимъ, яснымъ, какъ у птички, голоскомъ, перескакивая съ одной темы на другую и ни мало не заботясь о соблюденіи логической связи. Она первая заговорила о финансовомъ кризисѣ.

— О! теперь наши дѣла стоятъ несравненно лучше. Мы воспользовались депортомъ. Плохо придется тѣмъ, кто бросился продавать акціи!.. Съ нами Богъ!.. А я только что была у Ивонны... Ивонна, которая вышла за .. ты вѣдь знаешь?.. Вообрази, въ это лѣто она едва не наняла тотъ самый домъ, въ которомъ совершено было преступленіе Ville d'Avray!.. Каково? Какая ужасная женщина!.. Я съ тѣхъ поръ не въ состояніи заснуть спокойно... Можешь себѣ представить, въ какомъ ужасѣ Ивонна! Она чуть съ ума не сошла отъ стра-

ка!.. Что вы скажете, графиня, насчетъ этого преступленія въ Ville d'Avray?

— О! да это просто распутная женщина! воскликнула мадамъ д'Андили, которая снова сѣла, боясь потерять малѣйшую подробность интересной сцены.—Моя газета увѣряетъ, что у нея вздернутый носъ!.. Какъ вамъ это нравится? Убить двухъ человѣкъ, когда обладаешь вздернутымъ носомъ!

— Жаль бѣдныхъ дѣтей!.. Я было думала устроить подписку... Но теперь у меня какъ разъ идетъ сборъ въ пользу жертвъ Ландъ-лиги.. Впрочемъ, можетъ быть, мнѣ и удастся чтонибудь сдѣлать...

— А ты все еще занимаешься благотворительными дѣлами? спросила герцогиня, которая видимо употребляла усиліе, чтобы говорить.

— Больше прежняго!

— Хочешь чаю?.. Шанталь, поскорѣй, чашку чаю!

Маркиза Буажеле собралась уѣзжать, въ высшей степени недовольная. Что это означало? Стало быть, невѣстка ея не получила этой газеты, которую она сама позаботилась послать ей? Не понимая, въ чемъ дѣло, она въ видѣ опыта рѣшилась пустить въ ходъ добрый совѣтъ. На порогѣ она остановилась, взяла герцогиню за руки и, пристально глядя ей въ глаза, безвучнымъ голосомъ сказала:

— Ты напрасно принимаешь эту женщину! Конечно, не мое дѣло давать тебѣ совѣты...

— Благодарю тебя... о, я знаю! тѣмъ-же тѣномъ и съ грустною улыбкою отвѣтила герцогиня.

— Какъ?.. ты знаешь?.. Бѣдняжка!.. И даже религіи у тебя нѣтъ для утѣшенія.

Тѣмъ временемъ Шанталь наливала и разносила чай. Подойдя къ баронессѣ, она вдругъ задрожала, и чашка выпала изъ ея рукъ.

— Что это ты надѣлала? воскликнула ея мать, возвращаясь.—Развѣ можно быть такой неловкой!.. Посмотри, все платье залила себѣ... Да объ чемъ-же ты думаешь, Шанталь?.. Позвони и вели убрать эти черепки.

Она хлопотала, видимо огорченная неловкостью дочери, а баронесса Симье, въ свою очередь, извинялась: она одна во всемъ виновата, она протянула руку и...

Мадамъ д'Андильты стала прощаться, на этотъ разъ окончательно, хотя и не безъ сожалѣнiя. Теперь-то и должна была начаться перестрѣлка; онѣ положительно выпарапаютъ другъ другу глаза. Какая досада! Уѣзжать въ самую рѣшительную минуту! Но что-же дѣлать? Не оставаться-же ночевать...

— И такъ ты по-прежнему находишь, что этотъ бѣдный Варонъ-Бей отвратителенъ? спросила Сабина д'Андильты у Шанталъ, которая провожала ее до швейцарской.

— О, разумѣется,—отвратителенъ до послѣдней возможности!... А ты, быть можетъ, находишь, что онъ красивъ?

— Не обо мнѣ идетъ рѣчь... Онъ тебя обожаетъ!... Такъ ты рѣшительно не хочешь слышать о немъ?... Онъ просто съума сходить, бѣдняга!

— Я предпочла-бы умереть! отвѣтила Шанталъ серьезно.

...Въ будуарѣ разговоры шли вяло въ присутствii двухъ женщинъ, на которыхъ сосредоточивалось всеобщее вниманiе.

— Поѣдешь ты сегодня въ Hôtel Continental? спросила баронесса.—Непремѣнно поѣзжай... Вѣдь это для добраго дѣла.

— Нѣтъ! Генераль, кажется, чѣмъ-то занятъ, отвѣтила герцогиня, которой было неприятно упоминать имя мужа въ присутствii соперницы.

Она проводила ее до порога, и, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ея протянутой руки, сказала, понизивъ голосъ:

— Прощай!

— Какъ!... *Прощай?*

— Да!... Не приходи больше!... Это лучше; ты понимаешь?

— Ты меня прогоняешь?... Берегись!

— Чего? спросила герцогиня, продолжая улыбаться.— Вѣдь у меня уже ничего не осталось... кромѣ дѣтей!... О, Боже!... неужели ты захочешь?...

Баронесса взглянула на нее съ холодной, иронической улыбкой и затѣмъ, повернувшись, повторила еще разъ: «Берегись!» все тѣмъ-же пѣвучимъ, ласковымъ тономъ рѣдкой птички и модной львицы.

IV.

Цвѣтокъ среди развалинь.

Тамъ, далеко, далеко, у черта на куличкахъ, на бульварѣ Босежуръ, въ Пасси, стоитъ небольшой домикъ, бѣлый и розовый; до такой степени розовый, дотога бѣлый, что, право, можно подумать, что подъ своею легкою одеждою изъ плюща, онъ дрожить отъ холода, какъ живое существо, какъ обнаженное человѣческое тѣло. Съ утра до вечера и съ вечера до утра вѣтеръ играетъ въ немъ кастаньетками. Что же поютъ эти кастаньетки? Онѣ поютъ: «Здѣсь живетъ великій, величайшій коллекціонеръ!»...

Великимъ безспорно можно было назвать Константина Баккариса, да и коллекціонеромъ также. Съ безконечно длинными ногами, съ головою, напоминавшею голову журавля, съ глазами, похожими на коринки, и густыми нависшими бѣлыми усами, онъ всегда имѣлъ видъ человѣка, взобравшагося на какую-то подставку, такъ что люди, которымъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло, должны были дѣлать надъ собою усиліе, чтобы не сказать ему:

— Да слѣзьте-же, пожалуйста!

Вѣчно въ фескѣ съ синею кистью, въ кожаныхъ туфляхъ, въ разстегнутомъ жилетѣ и развѣвающимся длинномъ сюртукѣ, онъ ни минуты не могъ усидѣть на одномъ мѣстѣ, безпрестанно суетился и бѣгалъ изъ погреба на чердакъ, изъ «музея» въ «кафарнаумъ», взбѣгая въ два прыжка на лѣстницу, съ перомъ за ухомъ,—ни дать, ни взять, какъ полицейскій писарь или команхскій индѣецъ.

Впрочемъ, Баккарисъ напоминалъ команхскаго индѣйца не только своимъ перомъ, но и упорною молчаливостью. Если когда-нибудь, случайно, ему и приходилось нарушать эту привычку, то онъ говорилъ очень тихо, едва слышнымъ шепотомъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ былъ индѣйцемъ, который отыскиваетъ слѣдъ въ военное время. Да, Впрочемъ, вѣчно вооруженный горшкомъ съ клеемъ и пучкомъ ярлычковъ, онъ и дѣйствительно отыскивалъ старые, забытые слѣды,—слѣды, ведущіе къ развалинамъ элевзинскаго храма.

Родившись въ Элевзинѣ, на берегу Саронискаго залива,

но поселившись еще очень молодымъ человѣкомъ въ Марсель, онъ быстро нажилъ тамъ миллионы... въ пшеничныхъ поляхъ, подобно тому, какъ рвутъ васильки,—пучками. Затѣмъ, оставивъ торговля дѣла и женившись на французенкѣ, онъ направился въ Парижъ, гдѣ по истеченіи трехъ лѣтъ, при помощи роскошныхъ обѣдовъ, ему удалось приобрести всѣ титулы великаго, все-парижскаго салоннаго гражданства.

Когда Елена вышла замужъ, когда жена его умерла, Баккарисъ, который отъ нечего дѣлать началъ заниматься древностями, продалъ свой отель въ паркѣ Монсо. Какъ элину, любившему просторъ и вольный воздухъ, ему было душно подъ золочеными потолками каменнаго дворца, и онъ перекочевалъ вмѣстѣ со своими хрупкими драгоценностями,—бронзами, мраморомъ и терракоттами,—въ провинціальную обстановку, въ Пасси.

Дѣйствительно—перекочевалъ. Онъ во всякое время готовъ былъ покинуть свое кочевье, но никогда не уѣзжалъ. Да и возможно-ли было уѣхать, когда за него уцѣпились его дочь, Шанталь и Франсуа,—три пары рукъ, не хотѣвшихъ отпустить его ни за что на свѣтъ.

Но вѣдь и тамъ, въ Элевзинѣ,—сколько прекрасныхъ протянутыхъ рукъ, изъ мрамора и бронзы, манили его къ себѣ; и то были руки богинь... Чтобы выйти изъ этой дилеммы, онъ рѣшилъ остаться, но сталъ выписывать къ себѣ своихъ дорогихъ богинь, которыя преслѣдовали его даже въ сновидѣніяхъ. Не читавъ во всю свою жизнь рѣшительно ничего, кромѣ накладныхъ или векселей, онъ вдругъ на старости лѣтъ съ лихорадочною жадностью накинудся на книги. Такъ какъ банковыя операціи и хлѣбная торговля, разумѣется, были плохою подготовительною школою для изученія археологіи, то онъ пригласилъ даже учителей, принялся учиться,—словомъ, очертя голову кинулся въ эту новую форму рыцарской маніи. съ которою лѣтъ триста тому назадъ быть можетъ заслужилъ бы эпитетъ элевзинскаго Донъ-Кихота.

За то, какая радость, когда передъ его дверью останавливались тяжело нагруженные возы съ массивными продуктами раскопокъ, производившихся съ большими издержками среди наполовину погруженныхъ въ почву бѣлыхъ мраморныхъ обломковъ, которые когда-то были пропилями храма Цереры, и

гдѣ онъ, бывало, рѣзвился еще ребенкомъ; какая радость, когда какіе-то странные люди съ разбойничьими лицами вынимали изъ ваты—кто статуетку, кто вазу, кто медаль!

Изрѣдка, когда дочь его ужь очень долго не навѣщала его, Боккарисъ облакался въ христіанскій костюмъ, натягивалъ перчатки и садился въ вагонъ желѣзной дороги, чтобы увидеть свою герцогиню хоть мелькомъ, во время прогулки, которую она ежедневно дѣлала въ Булонскомъ лѣсу. Нелюдимый Паликаръ дичился свѣтскаго общества и въ особенности своего блестящаго зятя.

Разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, домъ принималъ праздничный видъ: Боккарисъ надѣвалъ новую ермолку, новыя туфли съ кисточками и застегивалъ жилетъ на двѣ, рѣдко на четыре пуговицы. «Экономка» его подметала «музей», облакалась въ коротенькую греческую юбку съ обширными складками, и фабрила свои усы.

Дѣло въ томъ, что «экономка» Боккариса обладала предпочтенными усами. Это былъ толстый весельчакъ, по имени Спиридонъ, бывшій матросъ греческаго «Саколева», болтливый какъ сорока. Сидя въ своей маленькой кухнѣ, поджавъ подъ себя ноги, какъ портной, онъ по цѣлымъ днямъ отводилъ душу въ монологахъ и вязалъ чулокъ въ обществѣ своего кота Перикла и своего соловья Атинчъ.

Въ часъ, какова-бы ни была погода, Боккарисъ садился къ окну, и сосѣди неизмѣнно замѣчали:

— Грекъ-то опять поджидаетъ свою внучку!

На бульварѣ раздается топотъ почтовыхъ лошадей, и вдали показывается дѣтскій омнибусъ съ повѣшеннымъ на фонарѣ серсо.

Боккарисъ затворилъ окно и убѣжалъ спрятаться подъ портьерой. Изъ экипажа выходятъ мадмуазель Шанталь со своею «miss», Франсуа со своимъ «аббатомъ», и въ запуски направляются къ дому. Въ торопяхъ они едва отвѣчаютъ на привѣтствіе Спиридона, который, поджидая удобнаго случая поболтать, вотъ уже три года сряду вяжетъ одинъ и тотъ-же чулокъ на порогѣ своей двери. А сколько смѣха, когда наконецъ открываютъ за гардиной дѣдушку. Онъ на радостяхъ совершенно забываетъ о своемъ праздничномъ одѣянніи; *трахъ!*— вотъ отлетѣла первая пуговица, за нею вторая, третья,—слов-

но бараны понургова стада *). Но въ «музеѣ» строго запрещается бѣгать. Франсуа уже не сидится на мѣстѣ; аббатъ скромно опускаетъ глаза, боясь увидѣть какую-нибудь недостаточную одѣтую статую. На прощанье мальчикъ цѣлуетъ «bon rара», который кладетъ въ его кошелекъ золотую монету... «До свиданія, monsieur Боккаристъ!» — «*Adieu, monsieur l'abbé!*»... и наставникъ вмѣстѣ со своимъ питомцемъ отправляется въ Булонскій лѣсъ.

Съ отъѣздомъ miss, которая ни за что на свѣтѣ не согласилась-бы остаться въ обществѣ Спиридіона, внушавшаго ей неимоверный страхъ, Боккаристъ и Шанталь остались одни.

Онъ сжалъ ее на колѣни, качалъ, какъ ребенка, напѣвая: *Нанна, нанна, ангелаки му!* колыбельную пѣсню, которою греческія матери убаюкивали своихъ дѣтей, — осматривалъ, ощупывалъ ее съ видомъ знатока, какъ будто и она привезена была прямо изъ Элевзины. И дѣйствительно, если бы ему пришлось выбирать между внучкою и своею *Прозерпиною* изъ паросскаго мрамора, почти невредимую, за исключеніемъ двухъ рукъ, одной ноги и частицы лѣваго уха, то онъ, не задумываясь, отдалъ-бы предпочтеніе первой, не смотря на то, что она владѣла всѣми своими членами. Вѣдь она тоже была дитя Элады, по наружности и по крови — родная сестра его танагринкамъ.

И вкусы, и радости — все было у нихъ общее. Не даромъ онъ старался заинтересовать ее археологіей, окружить благоуханіемъ исчезнувшаго олимпа; она быстро поддавалась обаянію поэтической древности, мечтала объ Элевзинѣ, имѣла понятіе о мистеріяхъ, о посвященіи *мистовъ* и *эпоптовъ*, плакала отъ радости при видѣ глиняной лампы, обломка статуи, *тетрадрахмы*, *слезника*, *фибулы*... Онъ называлъ ее своимъ *грамматеемъ*, сохранивъ еще, даже въ рѣчи, въ выраженіяхъ воспоминаніе о дамкобродинѣ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ слово это не было пустымъ, ничего незначащимъ эпитетомъ и граматей былъ не на шутку грамматеемъ. Шанталь подъ диктовку дѣда вносила въ каталогъ всѣ новоприобрѣтенныя рѣдкости, по временамъ прерывая работу вопросами:

*) Каламбуръ, основанный на созвучіи словъ *boulons* и *moutons*.

— Какъ бишь пишется *opisthodomos*?.. *p-i* чрезъ *i* или чрезъ *y*?.. А *alabastron*?.. одно или два *n* на концѣ.

Между тѣмъ, задуманное Боккарисомъ большое сочиненіе— «Раскопки элевзинскаго храма», подвигалось, благодаря Шанталь и еще одному усердному сотруднику, котораго герцогиня недавно отыскала для своего отца.

Сотрудникъ этотъ былъ никто иной, какъ Андре де-Шалень, адъютантъ генерала-герцога Варезскаго, страстный поклонникъ греческаго искусства, не смотря на свой драгунскій мундиръ; онъ недурно рисовалъ акварелью и, по недостатку средствъ, располагая только ежемѣсячнымъ жалованьемъ въ двѣсти четырнадцать франковъ, пока ограничивался тѣмъ, что составлялъ коллекцію въ видѣ акварельныхъ копій. Онъ тотчасъ побѣдилъ сердце Боккариса и съ жаромъ принялся срисовывать его «неизданные номера», — вазы, стѣлы, статуэтки, которыя удостоивались чести быть увѣковѣченными посредствомъ гравюры.

Говорилъ онъ мало и былъ жалокъ до смѣшнаго, но относительно археологіи имѣлъ основательныя свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что дядя его служилъ консерваторомъ въ археологическомъ отдѣлѣ Луврскаго музея. Лишь только у него выдавалось свободное отъ служебныхъ обязанностей время, онъ скакалъ на бульваръ Босежуръ, — за исключеніемъ воскресныхъ дней, которые проводилъ въ Версалѣ, гдѣ жила его мать.

Но гдѣ-то было начертано перстомъ провидѣнія, — быть можетъ, на дверяхъ «музея» (на нихъ была какая-то греческая надпись), что впредь Шанталь уже не будетъ проводить воскресенія вдвоемъ со своимъ дѣдушкой.

Однажды, въ субботу, прощаясь со своимъ драгуномъ-антикваріемъ, Боккарисъ по ошибкѣ сказалъ ему: «до завтра!» Драгуны вѣдь народъ необыкновенно аккуратный, а тѣмъ болѣе антикваріи, и на одинъ разъ дуэтъ превратился въ трио, причемъ адъютантъ поминутно краснѣлъ, какъ ракъ, Шанталь дула губки, а дѣдушка втихомолку посмѣивался. Тѣмъ не менѣе всѣ принялись за работу, — онъ за свои копія, она — за каталогъ, украдкою посматривая другъ на друга изподлобья.

Когда Андре ушелъ, Шанталь кинулась къ его рисунку; это была *Афродита, выходящая изъ волнъ*. Боккарисъ, тоже

смотрявшій на рисунокъ черезъ ея плечо, вдругъ процѣдилъ сквозь зубы:

— *Par Hercoule!* Это не Венера; это Шанталь!.. *Ce n'est pas Venouss* ça, *c'est Cantal!*

И дѣйствительно, — это была Шанталь.

Она, конечно, ни за что не хотѣла съ этимъ согласиться, и *miss*, которая къ вечеру, обыкновенно, около часу дожидалась въ передней, чуть не умирая отъ страха, на этотъ разъ не имѣла времени испытать это неприятное чувство.

Въ слѣдующее воскресенье драгунъ не явился.

По истеченіи двухъ недѣль, Шанталь сказала, обращаясь къ дѣду:

— Знаешь, *bon-rara*, если для тебя рѣшительно, рѣшительно необходимо, чтобы твой *monsieur de-Шаленъ* приходилъ по воскресеньямъ, то изъ-за меня, пожалуйста, не стѣсняйся...

И, начиная съ этого времени, они стали проводить воскресенія втроемъ.

Произошла эта метаморфоза не такъ давно, но имъ почему-то казалось, какъ будто и всегда такъ было. Она уже называла его за-просто «*monsieur André*», онъ ее—«*mademoiselle Chantal*», и маленькіе глазки стараго Паликара по временамъ свѣтились какимъ-то страннымъ, влажнымъ блескомъ, когда онъ любовно посматривалъ на своихъ дѣтокъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, они были для него дѣтьми одной матери, дорогой его сердцу Элевзины.

Неловкости, которую они ощущали въ первое время, какъ не бывало! Шанталь бѣгала, суетилась, съ перомъ въ рукѣ, нисколько не стѣняясь, взбиралась на табуретъ, чтобы достать какую-нибудь вещь, еще не записанную въ каталогъ; затѣмъ, очутившись однимъ прыжкомъ на полу, она искусно маневрировала, чтобы непременно пройти за спиною акварелиста, который сидѣлъ за столомъ и держалъ маленькій ящичекъ для красокъ двумя пальцами лѣвой руки.

Перегнувшись черезъ его плечо, она долго слѣдила за ходомъ работы, а потомъ принималась критиковать и подшучивать:

— Вамъ не кажется, что у нея носъ выходитъ немного... того?.. замѣчала она.

Девять разъ изъ десяти онъ начиналъ съ того, что краснѣлъ, окуналъ свою маленькую кисточку въ стаканъ съ водою, усиленно полоскалъ ее и при этомъ въ смущеніи бормоталъ:

— Нѣтъ, mademoiselle... я не думаю..! Въ самомъ дѣлѣ? Немножко... того? Вы находите?

Когда имъ приходилось передавать другъ другу бронзы, переносить терракотовые сосуды и статуэтки со стола въ витрины, руки ихъ то и дѣло сталкивались. Когда являлось сомнѣніе относительно того, какою характеристикой, какимъ эпитетомъ снабдить въ каталогѣ какой-нибудь предметъ, головы ихъ почти соприкасались. Не отыскивая подобныхъ случаевъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и не избѣгали ихъ. Начинаясь съ самыхъ обыкновенныхъ сюжетовъ, разговоръ у нихъ незамѣтно переходилъ въ болѣе скромныя области; Шанталъ съ неподражаемою наивностью, незамѣтно перескакивая отъ одного сюжета къ другому, нерѣдко доходила до такихъ вопросовъ, которыхъ невозможно было касаться, не нарушая законовъ самой элементарной деликатности; и она нарушала ихъ съ такимъ безцеремоннымъ простодушіемъ, что Андрэ краснѣлъ за нее до ушей.

Такимъ образомъ, мало-по-малу, она съумѣла проникнуть въ его интимную личную жизнь, о которой раньше не имѣла ни малѣйшаго понятія, такъ какъ онъ жилъ отшельникомъ и внѣ службы только изрѣдка появлялся въ ихъ домѣ на какомъ-нибудь парадномъ обѣдѣ. Каждое воскресенье она встрѣчала его словами: «Какъ здоровье вашей матушки?» хотя ея свѣдѣнія о ней были основаны только на нѣкоторыхъ отрывочныхъ фраззахъ, изрѣдка произносимыхъ ея молчаливымъ обожателемъ. Она знала, что его мать бѣдна и живетъ на скудную пенсію, которою пользуются вдовы офицеровъ. Не безъ удовольствія замѣчала она, какъ сынъ ея экономничалъ и старался, гдѣ только возможно, ограничить свои расходы, чтобы сберечь нѣсколько франковъ на подарокъ матери, на букетъ цвѣтовъ.

Мало-по-малу, подъ предлогомъ изобилія въ работѣ и, разумѣется, въ интересахъ «Элевзины», они присоединили къ воскресенью и четвергъ. По воскресеньямъ Андрэ позднѣе обыкновеннаго уѣзжалъ въ Версаль и проводилъ на бульварѣ

Босежуръ цѣлый день. А какое для нихъ было горе, когда, въ видѣ исключенія, служебныя дѣла мѣшали адъютанту покинуть своего начальника.

— Нѣтъ, папа, это просто ни на что не похоже! кипятилась Шанталь.—Вы безпрестанно отнимаете у насъ monsieur де-Шалены!. Нужно было составить докладъ?.. Ну, такъ что-жъ изъ этого?.. Какъ будто нельзя было отложить вашъ докладъ!?. А *Элевзина*? Развѣ *Элевзина* не важнѣе вашего доклада?

Когда его не было, работа положительно не клеилась.

— Ахъ, если-бы monsieur André былъ здѣсь, онъ-бы навѣрное сгумѣлъ объяснить намъ это.. Да, да, навѣрное!..

Monsieur André зналъ все, рѣшительно все, и древній, и новый греческій языкъ, и всевозможные стили,—эгинстическій и пеласгическій,—обряды кобирического культа... и даже ореографію,—не шутя.

Въ эти дни бѣдной miss не приходилось дожидаться въ передней.

Въ одинъ изъ четверговъ,—дѣло было въ январѣ мѣсяцѣ,—Боккарисъ долѣе обыкновеннаго замѣшкался въ *кафарнаумъ*, представлявшемъ нѣчто среднее между уборною и ортопедическимъ кабинетомъ, въ которомъ приклеивались ноги и наводилась зелень на бронзу. Онъ весь былъ поглощенъ возстановленіемъ триумфальной колесницы, которую только-что привезли изъ *Элевзины* и отъ которой уцѣлѣло только одно колесо, кусокъ ярма, втулка оси и нѣсколькихъ бронзовыхъ пластинокъ. Шанталь, пріѣхавшая въ этотъ день раньше, на цыпочкахъ вошла въ музей, притаивъ дыханіе, старалась не дѣлать ни малѣйшаго шума, и остановилась за спиною Андрэ, снимавшаго копію съ амфоры, на которой была изображена исторія Мертила и царевны Гипподаміи.

Въ эту минуту онъ работалъ надъ фигурою царевны Гипподаміи, представленной со шлемомъ на головѣ, въ коротенькой туникѣ, и тщательно оттушовывалъ ей ноздри маленькими, тоненькими штрихами, которые перекрещивались, какъ нити кисейной ткани.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! воскликнула она вдругъ, раздражаясь смѣхомъ.—Да, да... я не шучу... Это ни на что не похоже!.. Я буду жаловаться рара... увѣряю васъ!.. И онъ васъ посадить подъ арестъ... подъ строжайшій арестъ... и

приставить къ вамъ часовато... эскадронъ, цѣлый эскадронъ, если нужно!.. По вашему, эта царевна Гипподамія опять-таки я?.. Да, да, нечего мотать головой... Это мой портретъ!.. Что-жь, вы хотите выставить меня на всѣхъ перекресткахъ, хотите?.. Хоть-бы тюники-то сдѣлали подлиннѣе!

Она снова залилась звонкимъ смѣхомъ, а потомъ продолжала, кусая себѣ губы:

— Вы меня все еще считаете за маленькую дѣвочку... Вамъ, повидимому, неизвѣстно, что мнѣ минуло восемнадцать лѣтъ... вчера.

Драгунъ сидѣлъ, уткнувши голову въ свою работу и съ остервенѣніемъ полоскалъ кисточку.

— Я увѣрена, что вы-бы не изобразили меня въ видѣ царевны Гипподаміи, если-бы мнѣ было, на примѣръ, двадцать лѣтъ!.. Вы-бы не посмѣли!.. Нѣтъ, вы не посмѣли-бы!.. Я вѣдь знаю,—вы воображаете, что я ребенокъ, потому что я пою, смѣюсь, потому что... Вы не понимаете, что я просто притворяюсь... Ну, да, притворяюсь... какъ Брутъ. На самомъ дѣлѣ у меня характеръ мрачный, меланхолическій... Ха, ха, ха!... ха, ха, ха! Я готова была держать пари, что вы обернетесь... а обернувшись, вы запачкали себѣ бровь карминомъ... Боже! какой вы смѣшной!.. Этакъ вамъ очень идетъ... Да не смотрите на меня такими глазами... Можно подумать, что вы собираетесь меня съѣсть...

— О, нѣтъ, mademoiselle!.. Увѣряю васъ, что...

И кисточка продолжала быстро колебаться въ водѣ съ легкимъ мелодическимъ шумомъ.

— Ну, вотъ!.. По дѣломъ вамъ!.. Забрызгали весь рисунокъ!.. Послушайте, продолжала она, доставая съ полки свою маленькую метелочку изъ перьевъ, которою она смахивала пыль съ танагрійскихъ статуетокъ;—теперь дѣдушка запрегся въ свою колесницу; хотите, мы тѣмъ временемъ поговоримъ серьезно?

И вмѣсто того, чтобы заняться танагрійскими статуэтками, она усѣлась на диванчикѣ, подъ апельсиннымъ деревомъ, сквозь глянцовитые листья котораго пробирались солнечные лучи, пересыпавшіе золотыми блестками ея волосы.

— Я увѣрена, что вы считаете меня не по лѣтамъ... веселою... Не правда-ли? Признайтесь откровенно!.. вы нахо-

дите, что я слишком... вѣтрена, что я держу себя слишком... слишком... вотъ такъ!.. Быстрымъ движеніемъ своей метелочки, она показала драгуну, что она желала выразить словами—«вотъ такъ».—Дѣло въ томъ, что вы сами такой серьезный! Вы никогда не смѣтаетесь!.. Но вѣдь за-то вы гораздо, гораздо... старше...

— Прекрасно! mademoiselle; ужъ скажите лучше прямо... что я старѣй ворчунъ.

— О!.. ворчунъ!.. Вы преувеличиваете... Во-первыхъ, я никогда не слышала, чтобы вы ворчали... Во-вторыхъ... Нѣтъ! вы слишкомъ покраснѣете, если я вамъ скажу вторую причину... Скажите,—вамъ навѣрное лѣтъ двадцать шесть!

— О! mademoiselle!.. воскликнулъ Андрэ.

— Больше?.. или меньше?.. Двадцать семь... двадцать восемь... двадцать девять?.. Да говорите-же; я стараю отъ любопытства... Ахъ, какая я глупая! Вѣдь рара недавно говорилъ за столомъ, что вы вышли изъ Сомюрской школы двадцати-трехъ лѣтъ... вышли седьмымъ... Да перестаньте-же вѣчно качать головой... Это несносно... Если рара сказалъ... Онъ даже прибавилъ.. замѣтите, это говоритъ рара, а не я...—что вы... офицеръ... будущаго...

На этотъ разъ маленькя кисточка зашевелилась такъ сильно, что выскочила изъ стакана.

— Mademoiselle... пожалуйста!.. mademoiselle... бормоталъ драгунъ, красный какъ ракъ.

— Mademoiselle... кто?.. Развѣ вамъ не нравится мое имя, что вы постоянно зовете меня «mademoiselle?...» Какъ miss... Да, вы и miss называете «mademoiselle...» И она этимъ даже очень польщена!.. А Между тѣмъ, вѣдь Шанталь — хорошенькое имя, хотя, правда, немножко... немножко... Тсъ!.. дѣдушка!

Дѣйствительно, въ комнату вихремъ вбѣжалъ Боккарисъ; и очень некстати, потому что Андрэ, у котораго на языкѣ уже вертѣлся отвѣтъ,—и даже очень, очень прочувствованный,—принужденъ былъ отложить его до другого удобнаго случая.

Лишь только драгунъ удалился, Шанталь сказала, обращаясь къ дѣду:

— Ты не находишь, bon rара, что съ нѣкотораго вре-

мени у monsieur de Chalain явилась преступная фантазія... какъ тебѣ сказать?.. фантазія всюду рисовать мой портретъ?.. Скажи откровенно, — развѣ по твоему это естественно.

И Баккарисъ, едва удерживаясь отъ смѣха, повторилъ пресерьезнымъ тономъ:

— О, нѣтъ! Конечно, это не естественно. Pour *souire*, ça n'est pas *natourel*.

(Продолженіе будетъ).

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ЭКСПЕДИЦІИ 50-ХЪ ГОДОВЪ.

(Эпизодъ изъ исторіи раскола).

I.

Періодъ времени съ 1825 по 1855 былъ крайне тяжелымъ для раскольниковъ. Тяжесть эта еще болѣе усиливалась потому, что въ предшествующее царствованіе правительство относилось къ раскольникамъ съ большею терпимостью. Въ извѣстномъ рескриптѣ, данномъ Императоромъ Александромъ I, въ началѣ своего царствованія, на имя слободско-украинскаго губернатора, по поводу донесенія Лопухина о преслѣдованіяхъ духоборцевъ мѣстными властями, какъ лицъ, будто-бы непризнающихъ правительства—было прямо высказано, что для того, «чтобы они, духоборцы, лучше почувствовали обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно-бы было дать имъ самимъ примѣтить, что оно объ нихъ печется». Въ другомъ рескриптѣ, данномъ вслѣдъ за тѣмъ на имя тамбовскаго губернатора, по поводу тѣхъ-же духоборцевъ, предписывалось оставлять сектантовъ въ покоѣ, если они не обнаруживали «явнаго неповиновенія установленной власти», и «по единому смыслу ихъ ереси» не судить и не обвинять ихъ, какъ какихъ-либо преступниковъ; духовенству приказано было избѣгать, по возможности, встрѣчи съ духоборцами, не посѣщать, на примѣръ, ихъ домовъ, не вступать съ ними въ споры и т. п.; въ случаѣ оказательства духоборцами «явныхъ соблазновъ», они должны были подвергаться «сужденію по законамъ на нарушителей *общаго* благочинія постановленнымъ». Наконецъ, уже въ серединѣ царствованія Александра I, въ указѣ херсонскому военному губернатору Ланжерону отъ 10 октября 1816 г., прямо высказывалась та мысль, что «просвѣщенному правительству не приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими, суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ». Эти указы прекрасно характеризуютъ отношеніе высшаго правительства, въ царствованіе Александра I, къ раскольникамъ и сектантамъ вообще. Преслѣдованіе за исповѣданіе тѣхъ или другихъ религіозныхъ вѣрованій

было уничтожено всецѣло; «суровыя средства» категорично осуждались; правительство старалось дать *почувствовать* сектантамъ, что оно печется о нихъ, и этимъ путемъ вызвать въ нихъ любовь къ себѣ. И только, въ случаѣ нарушеній сектантами общаго порядка, они привлекались къ отвѣтственности, на основаніи общихъ законоположеній. Правда, все это было слишкомъ обще и расплывчато, и, принимая во вниманіе тогдашнее состояніе чиновничества, невѣжественнаго, грубаго, до мозга костей пропитаннаго взяточничествомъ, можно уже à priori заключить, что дѣйствительность далеко не соответствовала тѣмъ принципамъ и благимъ пожеланіямъ, которые выражены въ приведенныхъ указахъ и рескриптахъ. И дѣйствительно, многочисленные факты показываютъ намъ, что чиновничество того времени умѣло подводить подъ понятіе «явнаго соблазна» и «нарушенія общаго порядка» рѣшительно всякое дѣйствіе, всякій поступокъ, всякій шагъ раскольниковъ и, пользуясь этимъ прикрытіемъ, издѣвалось надъ раскольниками и грабило ихъ, вопреки всякихъ указовъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду категорическихъ требованій высшаго правительства и боязни отвѣтственности, чиновники боялись вполнѣ пускаться въ ходъ свое умѣніе по части выжиманія соковъ. Это съ одной стороны; съ другой — для сектантовъ оставалась возможность добиваться возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ и наказанія наиболѣе возмутительныхъ поступковъ и злоупотребленій чиновниковъ. Благодаря этому, положеніе раскольниковъ при Александрѣ I было сноснѣе сравнительно, на примѣръ, съ положеніемъ ихъ въ предшествующее царствованіе.

Совсѣмъ другіе порядки должны были наступить съ того момента, когда само правительство стало относиться враждебно къ раскольникамъ и когда, такимъ образомъ, мѣстная администрація могла дѣйствовать «на основаніи законовъ», опираясь на направленныя противъ раскольниковъ правительственныя распоряженія. А такия именно распоряженія начались съ первыхъ-же дней новаго царствованія. Уже 6-го февраля 1826 года было Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ о томъ, чтобы донскихъ казаковъ, перешедшихъ въ духоборчество, переселять на кавказскую линію съ званіемъ и обязанностями казаковъ. Цѣль этой мѣры была двоякая: съ одной стороны, хотѣли заставить духоборцевъ по необходимости защищать свою жизнь и имущество противъ горцевъ и, такимъ образомъ, впасть въ противорѣчіе съ однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ своего ученія, запрещающимъ употребленіе оружія; съ другой стороны, этою мѣрою давался урокъ православнымъ, которые, «видя такое употребленіе духоборцевъ, будутъ

(какъ надѣялись составители закона) воздерживаться отъ вступленія въ духоборческую ересь».

Этою мѣрою начался цѣлый рядъ распоряженій, направленныхъ противъ раскольниковъ и сектантовъ. Самое любопытное въ этомъ было то, что мѣры являлись не случайными, отрывочными, подобно тѣмъ, которыя принимались въ теченіи всего XVIII ст., начиная со времени Петра I,—а представляли собою довольно полную систему, обнимавшую все стороны жизни раскольниковъ и налаживавшую стѣсненія на каждое проявленіе этой жизни. Пропаганда раскольниковыхъ ученій, отправленіе раскольниковыхъ богослуженій, совершеніе таинствъ, составленіе и печатаніе раскольниковыхъ сочиненій и богослужебныхъ книгъ, передвиженія раскольниковъ, ихъ взаимныя сношенія, ихъ права на общественныя должности, ихъ экономическая жизнь—словомъ все и вся предвидѣлось новою системою. Все раскольники и сектанты были раздѣлены на просто *вредныхъ* и *особо вредныхъ*; особенно досталось, конечно, послѣднимъ. Къ числу «особенно вредныхъ» сектантовъ были отнесены скопцы и хлысты, затѣмъ такія невинныя секты, какъ секты молоканъ, духоборцевъ и іудействующихъ и, наконецъ, никогда не существовавшая секта «иконоборцевъ». Въ 1830 г. было опредѣлено: всѣхъ этихъ «особенно вредныхъ сектантовъ», въ случаѣ признанія ихъ виновными «въ распространеніи своей ереси», а также «въ соблазнахъ, буйствѣ и дерзостяхъ противъ церкви и духовенства православной вѣры», отдавать въ солдаты, обращая на службу въ кавказскій корпусъ, а въ случаѣ неспособности ссылать для водворенія въ Закавказье. Сектанты, отданные въ солдаты, должны были оставаться на службѣ до самой смерти: они не получали ни временныхъ отпусковъ, ни отставки, если не обращались въ православіе. Въ случаѣ-же обращенія, имъ возвращались ихъ гражданскія права и сами они возвращались въ прежнія мѣста жительства и еще получали трехлѣтнюю льготу отъ платежа податей. Въ послѣдующіе годы, одновременно, относительно «особо вредныхъ» сектантовъ былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ карательнаго и предупредительнаго характера. Имъ было запрещено отлучаться отъ своихъ мѣстожительствъ безъ особаго на то разрѣшенія высшей въ краѣ власти, каковое разрѣшеніе, какъ это понятно само собою, получить всегда было трудно. Затѣмъ, имъ запрещено держать прислугу и рабочихъ изъ православныхъ и, въ свою очередь, наниматься къ православнымъ; запрещено приобрѣтать въ собственность земли, далѣе 30 верстъ отъ мѣста водворенія или въ другомъ уѣздѣ; запрещено приписываться въ городскія общества, и т. д. Наконецъ, для полного уничтоженія

вредоносности «особо вредныхъ» сектантовъ не останавливались даже передъ высылкою цѣлыхъ сектъ. Такъ, были сосланы въ Закавказье секта духоборцевъ, съ Молочныхъ водъ, въ Таврической губерніи, и секта *общихъ*, изъ Самарской губерніи.

Плохо пришлось также и просто «вреднымъ» сектантамъ. Всѣ раскольники были лишены права занимать общественныя должности и за это лишеніе права были обложены особымъ налогомъ. Имъ запрещено было ѣздить за границу, а заграничнымъ раскольникамъ пріѣзжать въ Россію. Всѣмъ раскольникамъ дозволено было записываться въ купечество лишь на временномъ правѣ. Раскольникамъ запрещены были «публичныя оказательства ученія и богослуженія». Раскольничьи храмы были закрыты, запечатаны, а частію даже проданы съ торговъ на сломъ. Раскольничьи скиты и монастыри были или закрыты, или обращены въ единовѣрческіе, причемъ это «обращеніе» совершалось часто при помощи военной силы, какъ это было, напримѣръ, съ знаменитыми иргизскими монастырями. Строить новые молитвенные дома а также обращать въ молебни избы и другія строенія было строго запрещено. Что касается существовавшихъ уже молитвенныхъ домовъ, то въ нихъ запрещено было дѣлать какія-либо поправки или починки. Въ случаѣ нарушенія этихъ постановленій, виновнымъ грозила тюрьма, а выстроенные или поправленные молитвенные дома ломались и матеріалъ продавался съ торговъ. Школы раскольничьи закрывались, а отрывать новыя запрещалось. Тамъ, гдѣ раскольники жили сплошною массою (посадъ Сольцы, Псковской губерніи, Стародубскія слободы, Черниговской губерніи, и др.), учреждалась, на счетъ особаго съ нихъ сбора, специальная полиція для надзора за ними. Общественныя учрежденія раскольниковъ—богадѣльни, воспитательные дома и т. д. подверглись преслѣдованіямъ. Такъ, въ Ригѣ былъ закрытъ Ѳедосѣевскій воспитательный домъ, а питомцы его окрещены съ отобраніемъ у нихъ письменныхъ обязательствъ оставаться въ православіи (при чемъ въ числѣ окрещенныхъ бѣли даже двухлѣтніе) и отданы въ кантонисты. Въ Москвѣ, на рогожскомъ кладбищѣ, были закрыты пріюты для малолѣтнихъ дѣтей и для умалишенныхъ. По дѣламъ раскольничьимъ были учреждены по губерніямъ особые секретно-совѣщательные комитеты, которые могли дѣйствовать «по соображенію», и особый секретный комитетъ въ Петербургѣ. Въ мѣстахъ жительства раскольниковъ была усилена полиція и всѣ они отданы подъ ея надзоръ. Раскольники лишены были права на знаки отличія и почетные титулы. Для признанія раскольничьихъ браковъ законными, отъ раскольниковъ требовались метрическія свидѣтельства, а такъ

какъ они таковыхъ, по понятной причинѣ, представить не могли, то всѣ раскольничьи браки рассматривались какъ прелюбодѣяніе, а дѣти раскольниковъ считались незаконорожденными.

Мы указали далеко не всѣ мѣры, принятія по отношенію къ раскольникамъ. Но уже и изъ приведеннаго можно видѣть, какова должна была быть жизнь раскольниковъ въ то время. Г. Мельниковъ (Печерскій), котораго, конечно, никто не заподозритъ въ благосклонности къ раскольникамъ и который самъ дѣлалъ ночные набѣги на раскольничьи дома для вымоговъ и обысковъ *), говорить объ описываемой эпохѣ въ своей «Запискѣ о русскомъ расколѣ», составленной имъ въ 1857 году для Великаго князя Константина Николаевича, слѣдующее: «Многія сотни молитвенныхъ зданій были уничтожены; десятки тысячъ иконъ, сего древняго достоянія прадѣдовъ, были отобраны: огромную бібліотеку можно составить изъ богослужебныхъ и другихъ книгъ, взятыхъ въ часовняхъ и домахъ раскольниковъ. Такія изыятія книгъ, иконъ и другихъ богослужебныхъ принадлежностей дѣлались и дѣлаются безъ подлежащаго основанія и рассматриваются духовными консисторіями или небрежно, или безъ всякаго знанія дѣла, что производитъ сильное и, нельзя не сознаться, справедливое недовольство раскольниковъ. У нихъ отбираются, такъ называемыя, запрещенныя вещи; духовныя консисторіи, опредѣляя степень вреда каждой изъ нихъ, обращаютъ обыкновенно вниманіе на три обстоятельства. 1) Употребляются-ли тѣ книги и образа въ православныхъ церквахъ? Если не употребляются, ихъ не возвращаютъ, хотя эти самыя книги дозволены единоувѣрцамъ, и архіереи, служа въ единоувѣрческихъ церквахъ, служатъ по этимъ самымъ книгамъ. 2) Нѣтъ-ли на иконахъ стариннаго перстосложенія, которое находится на всѣхъ иконахъ единоувѣрческихъ и на всѣхъ древнихъ, особенно чтимыхъ, иконахъ церкви православной. 3) Нѣтъ-ли орфографическихъ ошибокъ противъ той грамматики, по которой преподается въ семинаріяхъ? Такимъ образомъ, весьма часто отбираются и гибнутъ въ консисторскихъ подвалахъ древнія рукописи, старинныя иконы и другія драгоценныя для науки остатки нашей старины, ибо въ глазахъ духовенства все, что писано не по-никоновски, или несогласно съ орфографіей, которой учатъ въ семинаріяхъ, составляетъ величайшую ересь».

«Въ послѣднія 15 лѣтъ мѣры противъ раскольниковъ стали усиливаться. Сначала было воспрещено давать имъ награды, по-

*) См., напр., о подобномъ фактѣ въ 1854 году, въ запискѣ, поданной старообрядцами г. Хвалынска сенатору И. И. Шамшину и въ свое время напечатанной во всѣхъ газетахъ.

томъ, во время ревизіи 1850 года, женъ ихъ вѣдно записывать въ отдѣльныхъ отъ нихъ семействахъ, а дѣтей считать незаконно-рожденными. Съ 1853 года стѣсненія еще болѣе усилились: часовни раскольниковъ, построенныя и снабженныя драгоцѣнными иконами на ихъ счетъ и слѣдовательно составлявшія ихъ частную собственность, стали отбирать и отдавать единовѣрцамъ; не только поповъ, но и важныхъ по своему вліянію мірянъ, безъ суда и слѣдствія посылали въ ссылку; потому раскольникамъ запрещено записываться въ купцы, чѣмъ сравнили ихъ съ мѣщанами, подвергли ихъ рекрутской очереди и возможности тѣлеснаго наказанія. Такому ограниченію правъ подпали значительные капиталисты, лица торговыхъ домовъ, начавшіе свои обороты съ самаго изданія городского положенія, фабричная и торговая дѣятельность которыхъ кормила и кормитъ сотни тысячъ подданныхъ имперіи. Наконецъ, стали смотрѣть на раскольниковъ, какъ на нарушителей спокойствія государственнаго; цѣлыя селенія, въ полномъ ихъ составѣ, подчинены невыполнимому надзору полиціи; систематическое соглядатайство за ихъ поступками повергло въ уныніе и отчаяніе огромное число людей, виновныхъ въ томъ, что они признаютъ противу совѣсти подчиняться главенству епархіальныхъ архіереевъ, ибо всѣ прочіе обряды, соблюдаемые ими, дозволены въ церквахъ единовѣрческихъ. Кромѣ отнятія у нихъ правъ гражданскихъ, за неимѣніемъ священниковъ (которыхъ они просятъ, но которыхъ имъ не даютъ), они лишены всякаго духовнаго утѣшенія и находятся подъ денно-ночнымъ страхомъ обысковъ, суда и ссылки. Послѣ сего, можно ли не признать истиннаго достоинства въ многострадальномъ терпѣніи русскихъ людей, которое видно въ нашихъ раскольникахъ. Будь это на Западѣ, давно-бы лились потоки крови, какъ лились они во время реформаціи, тридцати-лѣтней войны, религіозныхъ войнъ въ Англіи и др. Сравнивая положеніе протестантовъ, предъ началомъ религіозныхъ войнъ, съ современнымъ положеніемъ раскольниковъ, нельзя не согласиться, что послѣдніе стѣснены несравненно болѣе, чѣмъ были стѣснены первые.

Какъ видитъ читатель, и г. Мельниковъ, не брезгавшій заниматься разгромомъ раскольниковъскихъ скитовъ, долженъ былъ признать, что положеніе раскольниковъ въ тѣ времена было ужаснѣе положенія протестантовъ въ средніе вѣка.

Такимъ образомъ, борьба противъ раскола велась очень энергично. Расколъ былъ атакованъ на всѣхъ пунктахъ и могъ про-

тивоставить хорошо вооруженному неприятелю, выражаясь словами г. Мельникова, только свое «многострадальное терпѣніе». Очевидно, всѣ шансы въ этой борьбѣ были не на сторонѣ раскола, и онъ долженъ былъ погибнуть. Такъ, по крайней мѣрѣ, думали тогда вліятельныя лица. Просматривая официальные отчеты этой эпохи о положеніи раскола, мы узнаемъ изъ нихъ, что отпаденій изъ православія въ расколъ въ то время почти не было, за то раскольники обращались въ православіе сотнями тысячъ. Иногда ретивые миссіонеры ухитрялись обращать въ православіе раскольниковъ въ большемъ числѣ, чѣмъ сколько ихъ было въ данной мѣстности. Такъ, въ Пермской губерніи, по официальному счету, въ 20-хъ годахъ числилось 112,000 раскольниковъ. Въ тридцатыхъ годахъ здѣсь обращено въ православіе 100,000 раскольниковъ; въ сороковыхъ годахъ обращено опять до ста тысячъ. Наконецъ, въ пятидесятыхъ годахъ снова обращено столько-же. Казалось-бы, что послѣ того какъ изъ 112,000 раскольниковъ было обращено въ православіе до 300.000, ихъ совсѣмъ не должно было оставаться въ Пермской губерніи; тѣмъ не менѣе къ 60-мъ годамъ на официальномъ счету раскольниковъ здѣсь числилось до 70,000. Какъ ни курьезна эта статистика, на нее смотрѣли серьезно въ теченіе всей двадцатилѣтней борьбы съ расколомъ, и на этихъ цифрахъ-основывалась оцѣнка дѣйствительности принимаемыхъ противъ раскольниковъ мѣръ. Только къ концу этой борьбы въ тогдашнихъ вліятельныхъ сферахъ усомнились въ значеніи архіерейскихъ и губернаторскихъ отчетовъ, согласно напѣвавшихъ, что все обстоитъ благополучно. И, дѣйствительно, было отъ чего усомниться: въ это самое время была открыта секта странниковъ.

Къ концу 40-хъ годовъ, въ Ярославской губерніи, особенно въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ знаменитымъ Пошехонскимъ дѣсамъ, сильно распространились разбои. Для прекращенія ихъ пришлось послать военныя команды, а для разслѣдованія дѣла была снаряжена особая комиссія. Последней не могла не броситься въ глаза тенденціозность разбоевъ, направленныхъ исключительно на купцовъ, чиновниковъ и помѣщиковъ, и комиссією на первыхъ-же порахъ было открыто, что разбои производились членами особой секты «странниковъ». Дальнѣйшими разслѣдованіями было обнаружено, что странники или *бѣгуны* представляютъ собою громадное общество, распространенное отъ предѣловъ Олонецкой губерніи въ одну сторону до Астраханской, а въ другую—до Томской. Было обнаружено, что бѣгунство имѣетъ правильно устроенную организацію, тысячи пріютовъ, гдѣ бѣгуны находили прибѣжище

и матеріальныя пособія, общинныя и областныя совѣты, центральное управленіе и т. д. Бѣгуны оказались яркими противниками существовавшаго общественнаго строя, возставали противъ властей, не признавали податей, паспортовъ, крѣпостнаго права, прикрѣпленія къ землѣ, проповѣдовали борьбу съ тогдашнимъ строемъ, какъ подчинившимся антихристу, и, хотя только бѣжали отъ антихриста въ лѣса и на широкія дороги и этимъ бѣгствомъ порывали связи съ антихристовымъ міромъ, съ его оброками, податями и рекрутчиной, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отказывались и отъ активной борьбы, которую и проявляли въ такихъ фактахъ, какъ пошехонскіе разбои.

Эти открытія, ясно показывавшія, въ какія крайности былъ загнанъ расколъ, не могли не встревожить администрацію. Особенно неутѣшительнымъ должно было казаться то обстоятельство, что наиболѣе зараженныя бѣгунствомъ мѣстности, гдѣ иногда цѣлыя села состояли изъ однихъ бѣгуновъ, числились на бумагѣ православными. Оказывалось, такимъ образомъ, что тѣ данныя о состояніи раскола, которыя имѣлись въ распоряженіи высшей администраціи и на которыя она опиралась, были лишь продуктомъ неумѣренной фантазіи консисторій и полиціи. Неудивительно, что во всемъ этомъ сумбурѣ никто ничего не понималъ и никто не зналъ, что дѣлать, что предпринять. Явилась жгучая потребность узнать, наконецъ, что представляетъ изъ себя расколъ, въ какомъ положеніи онъ находится, гибнетъ или распространяется и какъ велика дѣйствительная численность раскольниковъ. Для уясненія всѣхъ этихъ вопросовъ рѣшились снарядить особыя *статистическія экспедиціи*, которыя должны были изучить расколъ на мѣстахъ.

Такія экспедиціи были отправлены въ 1852 году въ губерніи: Ярославскую, Костромскую и Нижегородскую. Собранный экспедиціями матеріалъ крайне любопытенъ какъ для характеристики тогдашняго быта раскольниковъ, такъ и для оцѣнки мѣропріятій, практиковавшихся 25 лѣтъ по отношенію къ раскольниковамъ. Но прежде, чѣмъ говорить о собранномъ экспедиціями матеріалѣ, скажемъ нѣсколько словъ о самихъ экспедиціяхъ.

Въ составъ экспедицій вошли не ученые, не присяжные статистики или специалисты по расколу, а чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ. Нѣкоторые изъ членовъ экспедицій, впрочемъ, имѣли за собой то прошлое, что они уже много лѣтъ, по выраженію одного изъ нихъ, «исполняли порученія по расколу».

Хотя представленные отчеты и проникнуты предвзятымъ намѣреніемъ очернить раскольниковъ, тѣмъ не менѣе и они при-

нуждены признать, что раскольники являются «исправными пла- тельщиками окладовъ правительства и оброковъ помѣщичьихъ». Вслѣдъ за тѣмъ, правда, отчеты свидѣтельствуютъ, что расколь- ники только «наружно тихіе и покорные», но что вѣра ихъ «упор- на, хитра, пронырлива и опасна въ своемъ развитіи». А какія по- нятія объ «опасномъ» были у тогдашнихъ изслѣдователей, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ нихъ (статскій совѣтникъ Сии- цинъ) съ ужасомъ сообщаетъ, какъ, однажды, два вѣрстьянина раз- говаривали съ нимъ, стоя въ шапкахъ, и употребляли въ разго- ворѣ слово «братецъ»; а другой (Брянчаниновъ), сообщивши о томъ, что раскольники Худинъ «распространяетъ расколъ и уче- ніемъ, и благотворительностію», съ паѳосомъ восклицаетъ: «сколь- ко дѣлъ въ родѣ Худина прошло безъ послѣдствій!»

Цѣль, съ которою были снаряжены статистическія экспедиціи, представлялась членамъ экспедицій въ крайне оригинальномъ видѣ: онѣ не отличали изслѣдованія отъ розысканія, а послѣднее смѣшивали съ слѣдствіемъ. Сообразно съ этимъ, выраженія отчетовъ членовъ экспедицій крайне жестки, а самые отчеты имѣютъ харак- теръ обвинительныхъ актовъ. Приемы изслѣдованій тоже носили да- леко не научный характеръ: изслѣдователи подвергали допросамъ раскольниковъ, дѣлали обыски и выемки въ домахъ раскольниковъ или лицъ, заподозрѣнныхъ въ расколѣ, и т. п. Гг. изслѣдователи старались не о томъ, чтобы безпристрастно изучить положеніе рас- кола, а лишь о томъ, чтобы собрать побольше фактовъ, очерняю- щихъ раскольниковъ и тѣмъ заставить начальство принять про- тивъ нихъ репрессивныя мѣры, обязательно рекомендуемыя изслѣ- дователями, какъ выводъ ихъ научныхъ изслѣдованій. Если, не- смотря на все это, нарисованная гг. «статистикамп» картина, съ одной стороны, ясно показываетъ всю безрезультатность каратель- ной системы, практиковавшейся въ то время, а съ другой—пред- ставляетъ быть раскольниковъ въ симпатичномъ видѣ, то это про- изошло не по волѣ «статистиковъ»; они все-таки не могли ничего подѣлать съ упрямою, слишкомъ бьющей въ глаза дѣйствитель- ностью.

Обратимся теперь къ собраннымъ экспедиціями матеріаламъ.

II.

На первыхъ-же порахъ члены экспедицій были поражены не- обыкновеннымъ распространеніемъ раскола. Всюду, гдѣ по офи- ціальнымъ даннымъ совѣтъ не полагалось раскольниковъ или гдѣ они числились лишь десятками, изслѣдователи находили ихъ ты- сячами. Такъ, по изслѣдованіямъ статскаго совѣтника Сницина,

производившаго изысканія въ Ярославской губерніи, въ селѣ Воскресенскомъ, Пошехонскаго уѣзда, изъ 2,892 прихожанъ, у сѣтайнъ было только 24 человекъ; было много приходоу, которые не были у исповѣди «въ цѣломъ составѣ, и вообще въ Ярославской губерніи, вмѣсто 7,454 раскольниковъ по официальному счету, экспедиція насчитала болѣе 278,000. Коллежскій ассесоръ Арнольди, производившій изслѣдованіе въ Костромской губерніи, въ приходѣ села Коробова, Костромскаго уѣзда, гдѣ числилось 1,320 душъ, изъ которыхъ, по словамъ мѣстнаго священника, можно было подозрѣвать въ расколѣ не болѣе 10 человекъ, нашелъ въ праздникъ Покрова Богородицы у обѣдни только *три* человекъ изъ всего прихода. Въ томъ-же уѣздѣ, въ приходѣ села Сельца, изъ 684 душъ не было у исповѣди 523 души, кромѣ *записныхъ* раскольниковъ; въ приходѣ села Самети, изъ 1,948 душъ не бывало у исповѣди до 1,400. Въ Варнавинскомъ уѣздѣ, въ приходѣ села Урена, числилось 5,662 души, а «въ большіе праздники въ церкви бываетъ не болѣе 4 или 5 человекъ»; «въ приходѣ села Семенова изъ 3,680 душъ—не болѣе 200 православныхъ, и подобная пропорція относится къ большей части уѣзда». Тѣ-же явленія нашелъ надворный совѣтникъ Брянчиновъ, производившій разслѣдованія въ другой части Костромской губерніи. Вообще въ Костромской губерніи, вмѣсто 19,870 официальныхъ раскольниковъ, статистическая экспедиція насчитала болѣе 105,000. Въ Нижегородской губерніи, по губернаторскому счету, было 20,246 раскольниковъ; но когда здѣсь появилась статистическая экспедиція, духовенство начало «отрывать» новыхъ раскольниковъ и въ теченіи трехъ лѣтъ открыло, кромѣ записныхъ, еще 62,414 раскольниковъ. По изслѣдованіямъ экспедиціи, однако, здѣсь оказалось 172,500 раскольниковъ. Такимъ образомъ, въ Костромской губерніи раскольниковъ оказалось въ пять разъ болѣе, чѣмъ числилось по официальному счету, въ Нижегородской—въ восемь разъ болѣе и въ Ярославской—въ тридцать-семь разъ.

Какимъ-же образомъ могло произойти, что официальный счетъ такъ сильно уменьшалъ число раскольниковъ? Въ какомъ положеніи находились раскольники, не попавшіе въ официальный счетъ? Они «числились православными». Это курьезное обстоятельство объясняется очень просто. Въ то время, когда принимался рядъ суровыхъ мѣръ противъ раскола съ полною вѣрою въ дѣйствительность этихъ мѣръ, а расколъ, вопреки всякимъ мѣрамъ, росъ и распространялся, мѣстнымъ властямъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ, было крайне невыгодно показывать истинную численность раскольниковъ. Уменьшая ежегодно въ своихъ отчетахъ

цифру раскольниковъ, мѣстныя власти тѣмъ самымъ указывали на свою энергическую дѣятельность по части ослабленія раскола и заслуживали благоволеніе начальства. Наоборотъ, когда какой-нибудь исправникъ или губернаторъ, священникъ, благочинный или архіерей показывали въ своихъ отчетахъ цифры раскольниковъ болѣе или менѣе близкія къ истинѣ, а, слѣдовательно, и увеличенныя противъ цифръ предшествующаго года, высшая администрація, относя увеличеніе числа раскольниковъ на счетъ быстрого увеличенія раскола въ теченіи одного года, объясняла такое предполагаемое распространеніе небрежностью и бездѣятельностью лица, представившаго увеличенныя цифры, и дѣлало ему нагоняй. И вотъ, благодаря всему этому, духовенство и полиція ежегодно уменьшали понемногу цифры раскольниковъ, и, мало-по-малу, дѣло дошло до того, что тамъ, гдѣ были тысячи раскольниковъ, ихъ «числилось» всего какой-нибудь десятокъ. Масса-же дѣйствительныхъ раскольниковъ, по понятнымъ причинамъ не являвшаяся къ исповѣди и причастію, или отмѣчалась совершающими эти таинства, или показывалась не бывающими у нихъ по нерадѣнію и отлучкамъ, причемъ иногда такія отлучки и нерадѣнія шли изъ года въ года, лѣтъ по сорока подъ рядъ.

Была тому и другая причина. При тогдашнемъ положеніи раскольниковъ, всего болѣе доставалось лицамъ, переходившимъ изъ православія въ расколъ. Обыкновенно, такихъ «совратившихся» тянули въ губернской городъ въ консисторію и здѣсь «увѣщевали» по нѣскольку мѣсяцевъ; сажали въ тюрьмы и держали по нѣскольку лѣтъ; производили строгое слѣдствіе, розыскивая «совратителя», и т. д. Чтобы избавиться отъ всего этого, «совратившимся» удобнѣе было продолжать «числиться православными», что и достигалось, благодаря приличной мздѣ: получивъ таковую, священники продолжали «числить православными» совратившихся и отмѣчали ихъ бывающими у исповѣди и причастія, хотя ничего подобнаго не бывало въ дѣйствительности. Конечно, «числящіеся православными» раскольники подвергались извѣстному риску, такъ какъ, напримѣръ, упорный священникъ насильно могъ заставить ихъ исповѣдываться и пріобщаться въ православныхъ церквахъ; но подобныя случаи были сравнительно рѣдки, такъ какъ собственно приходскіе священники того времени вообще находили выгоднѣе для себя жить въ ладахъ съ раскольниками...

Какъ-бы то ни было, а фактъ широкаго распространенія раскола былъ констатированъ статистическими экспедиціями самымъ точнымъ образомъ. Невольно зарождался вопросъ о причинахъ этого распространенія. Но въ рѣшеніи этого вопроса члены экспе-

дѣйствій оказались очень не находчивыми. Они могли указать, какъ на причины усиленія раскола, только на два слѣдующихъ факта: на неудовлетворительное нравственное состояніе православнаго духовенства и на потворство по отношенію къ раскольникамъ со стороны священниковъ и полиціи.

Относительно нравственнаго состоянія тогдашняго сельскаго духовенства свидѣтельства членовъ экспедицій крайне печальны. Такъ надворный совѣтникъ Брянчининовъ въ своемъ отчетѣ говоритъ о духовенствѣ Костромской губерніи слѣдующее: «Священники своимъ недостойнымъ поведеніемъ способствуютъ усиленію раскола. Пьянство, грубость, корыстолюбіе въ большей части православныхъ священниковъ—общіе пороки. Священника въ селѣ Красныхъ Усадъ, Андрея Соколовскаго, я засталъ въ совершенно нетрезвомъ видѣ; вышелъ на улицу, онъ пѣлъ съ мужиками мірскія пѣсни. Церковь запущена до вида достойнаго сожалѣнія; идучи къ ней, я видѣлъ домъ священника, у котораго на перилахъ балкона поставлена раскрашенная модель церкви, рядомъ съ нею пьяный палецъ съ стаканомъ въ рукахъ, въ самомъ разгульномъ положеніи, и еще какая-то фигура человѣческая, также въ безобразномъ видѣ. Здѣсь двѣ трети прихода принадлежатъ къ числу тайныхъ раскольниковъ, прочіе колеблющіеся». Г. Мельниковъ, изслѣдовавшій расколъ въ Нижегородской губерніи, выражается еще рѣшительнѣе. Въ своей «Запискѣ о русскомъ расколѣ» онъ приводитъ выдержки изъ одного отчета, очевидно представленнаго въ министерство имъ самимъ. Въ этихъ выдержкахъ мы, между прочимъ, читаемъ: «расколъ возникъ и развился по причинѣ того жалкаго состоянія, въ которомъ находится православное духовенство, далеко не соответствующее своему высокому назначенію. Народъ, котораго совѣсть должна-бы находиться въ рукахъ священниковъ по выше данному имъ праву вязать и рѣшить, этотъ народъ не уважаетъ духовенства, преслѣдуетъ его насмѣшками и укоридами и тяготится имъ». «Оттого духовенство наше не уважается народомъ, что, получивъ превратное воспитаніе, не вноситъ оно въ жизнь народную живого ученія духа, а остается при однихъ мертвыхъ формахъ внѣшняго служенія, да и тѣми пренебрегаетъ до кощунства. Оттого духовенство не уважается народомъ, что оно само представляетъ непрерывные примѣры неуваженія къ вѣрѣ; оттого оно не уважается народомъ, что служеніе Богу превратило оно въ доходное для себя ремесло». Послѣ этого мѣста идетъ длинный рядъ такихъ обвиненій противъ духовенства, которыя я не рѣшаюсь выписать *), и ограничусь только приведеніемъ вывода:

*) Любопытно, что авторъ этихъ обвиненій принадлежалъ къ охран-

«распространенію и поддержанію раскола весьма много способствуетъ упадокъ нравственности духовенства, корыстное потворство расколу, отсутствіе благочинія въ церквахъ и пренебреженіе устава церковнаго».

Всѣ эти lamentaціи, однако, въ смыслѣ объясненія причинъ возникновенія и распространенія раскола, имѣютъ мало значенія. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ переходъ изъ православія въ расколъ совершился подъ вліяніемъ невысокаго уровня тогдашняго сельскаго духовенства. Но объяснить вообще возникновеніе и распространеніе такого крупнаго и сложнаго явленія, какъ расколъ, неудовлетворительнымъ состояніемъ, по меньшей мѣрѣ, наивно. Духовенство раскольничье, до 1846 года состоявшее исключительно изъ бѣглыхъ поповъ, большею частью запрещенныхъ православными архіереями за какую-нибудь грубую безнравственность, не блистало особенными достоинствами сравнительно съ православными священниками. То-же должно сказать и о раскольничьихъ попахъ возникшей въ 1846 году такъ-называемой австрійской іерархіи. И если православные все-таки шли въ расколъ, то, значить, вовсе не потому, что бѣжали отъ безнравственныхъ священниковъ и надѣялись найти въ расколѣ высоконравственное духовенство. Это подтверждаютъ и сами члены статистическихъ экспедицій, сообщая факты, вродѣ слѣдующаго: «Въ селѣ Пеньбахъ священникъ Алякритскій, по своей жизни, составляетъ рѣдкое исключеніе между сельскимъ духовенствомъ; даже раскольники уважаютъ его. Но усилія его къ обращенію раскольниковъ остались напрасными, и онъ потерялъ на это всякую надежду». Значить, дѣло не въ духовенствѣ, а совсѣмъ въ иномъ.

Что касается потворства раскольникамъ со стороны священниковъ и полиціи, то таковое констатировано членами экспедицій въ очень многочисленныхъ случаяхъ. Выше уже было упомянуто, что священники часто за деньги «числили православными» раскольниковъ и показывали ихъ бывающими у исповѣди и причастія. Фактъ этотъ констатируется всѣми членами экспедиціи. Статскій совѣтникъ Синицинъ приводитъ выраженіе крестьянъ, по которому для священниковъ «расколъ есть золотой кладъ». Коллежскому ассесору Арнольди священники города Плеса, представлявшаго одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ раскола въ Костромской губерніи, но въ которомъ «числилось» только 25 раскольниковъ,

---

толькому лагерю. А между тѣмъ, когда кто-либо, не принадлежащій къ этому лагерю, произнесетъ слово о недостаткахъ духовенства, какіе крики и какія обвиненія раздаются съ ихъ стороны!..

«откровенно признавались, что раскольниками только и существуют, или, какъ они выражаются: «ихъ горница ими только и кормится». Г. Мельниковъ говоритъ, что «сельскому причту выгоднѣе, если у него въ приходѣ раскольниковъ больше, чѣмъ православныхъ: за то, чтобы не исправлять у нихъ требы, онъ получаетъ несравненно больше, чѣмъ отъ православныхъ за исправленіе требъ. При опредѣленіи большей или меньшей выгоды прихода, всегда принимаются въ соображеніе раскольники: чѣмъ больше ихъ въ приходѣ, тѣмъ приходъ считается выгоднѣе». Священники получали доходы съ раскольниковъ не только за то, что «числили ихъ православными», но и при многихъ другихъ случаяхъ. Такъ, раскольники, послѣ своей смерти, могли быть подвергаемы анатомированію по требованію полиціи «по сомнѣнію о причинѣ смерти». Для избѣжанія такой ужасной, по ихъ понятіямъ, участи (раскольники считаютъ анатомированіе антихристовымъ рѣзаніемъ), раскольники, чувствуя приближеніе смерти, вступали въ сдѣлку съ причтомъ, который заносилъ умирающихъ въ росписи *бытчиками*, и раскольникъ, такимъ образомъ, умиралъ въ качествѣ православнаго. Отъ этой операціи сельскіе попы получали отъ 20—25 рублей и потомъ уже не вмѣшивались въ погребеніе» (Синицинъ). Еще большіе доходы получались отъ расколичьихъ браковъ. Такъ, Арнольди пишетъ въ своемъ отчетѣ: «Священники большею частію покровительствуютъ раскольникамъ, собирая съ нихъ большія деньги. Они берутъ до 150 рублей за то, чтобы, не вѣнчая расколичьей свадьбы, просто записывать въ книги». Иногда, по словамъ того-же Арнольди, священники состояли просто на жалованіи у раскольниковъ. Получая такіе доходы отъ раскольниковъ, священники не прочь были оказать имъ ту или другую услугу. Статскій совѣтникъ Синицинъ жалуется въ своемъ отчетѣ на противодѣйствіе, которое оказывали его изслѣдованіямъ священники. «При одномъ словѣ объ исповѣдной росписи, пишетъ онъ,—священникъ спѣшилъ отозваться, что у него нѣтъ раскольниковъ. Одинъ взглядъ на иконы побуждалъ иногда духовенство предварять прихожанъ, чтобы были осторожны, и вслѣдствіе того во многихъ мѣстахъ образныя полки были вовсе пусты».

Еще дороже обходилось раскольникамъ «попущеніе» со стороны мѣстной полиціи. Такъ, напр., полиція получала доходы, вступая въ сдѣлки съ родными умершихъ раскольниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда таковыя не «числились православными» и потому могли быть подвергнуты анатомированію. Но при этомъ мѣстная полиція была такъ требовательна, что раскольники, по свидѣтельству Синицина, предпочитали входить въ соглашеніе съ причтомъ, «снис-

хождение котораго въ такихъ случаяхъ приобрѣтается легче». Но за то, если полиція и брала съ раскольниковъ больше, чѣмъ духовенство, она дѣлала и для раскольниковъ больше. Малѣя сельскія полицейскія власти—сотскіе, старосты, старшины—были всецѣло на сторонѣ раскольниковъ; но то-же нужно сказать и о становыхъ, исправникахъ и т. д. Случалось, какъ свидѣтельствуешь Арнольдъ, что и штабъ-офицеры, которыхъ раскольники «угощали великолѣпнымъ образомъ», держали руку раскольниковъ. Но само собою понятно, что эта защита была дѣйствительна только до поры до времени. Какъ только раскольники не могли или не хотѣли удовлетворить требованій мѣстныхъ надзирателей, имъ приходилось очень жутко. Члены статистическихъ экспедицій умалчиваютъ о фактахъ послѣдняго рода. Но многочисленныя свидѣтельства того времени указываютъ, какъ тяжело приходилось раскольникамъ при ссорѣ съ мѣстными властями. Для полноты картины я приведу одинъ подобный фактъ.

Мѣсто дѣйствія—Забайкалье, старовѣрческое село Бичура. Выписали себѣ старовѣры бѣглаго попа изъ Москвы. Пронюхалъ объ этомъ мѣстный засѣдатель и бросился искать попа. При обыскѣ въ одной избѣ нашелъ подполье и въ немъ слѣды недавняго пребыванія челоуѣка. Арестовалъ хозяйку избы и подвергъ строжайшему допросу. Собрались тогда старики-старовѣры и порѣшили переговорить съ «баринкомъ»: нельзя-ли это дѣло оставить втуне. «Можно, отвѣчаетъ: соберите завтра-же пять тысячъ серебромъ,— ну и чортъ васъ возьми и съ попомъ,—искать его не буду». Старовѣры предложили двѣ тысячи, — засѣдатель и слушать не захотѣлъ; накинули еще тысячу, — тоже. Больше старовѣры не могли собрать, и засѣдатель повелъ дѣло дальше. Подъ дѣйствіемъ его «энергическихъ» пріемовъ арестованная баба начала сознаваться и выдавать тѣхъ, у кого скрывался попъ. Засѣдатель расширилъ сферу обысковъ и вымокъ, какъ вдругъ случился неожиданный казусъ. Засѣдатель «понималъ» не только по части ассигнацій, но и по части женскаго пола. Старовѣрческимъ бабамъ, однако, это не понравилось, и онѣ сыграли съ нимъ штуку: одна баба пригласила его на свиданіе въ баню, а другія напали на него, избили до безчувствія да еще и «обгадили». Очнувшійся засѣдатель немедленно послалъ въ Иркутскъ къ генераль-губернатору донесеніе о томъ, что въ селѣ Бичурѣ бунтъ изъ-за того, что онъ хотѣлъ арестовать раскольничьяго попа, а раскольники оказали сопротивленіе при этомъ и избили его, засѣдателя, до смерти. «Съ недѣлю время прошло,—разсказываетъ очевидецъ и участникъ этихъ событій, одинъ бичурскій старовѣръ, — къ намъ

въ гости самъ генераль-губернаторъ, — графъ онъ былъ, — съ нимъ свиты много: двѣ роты солдатъ, двѣ пушки да и казаки на придачу. Велѣлъ всѣмъ какъ есть собраться намъ на площади, разставилъ кругомъ казаковъ и верховыхъ бурятовъ, а самъ съ солдатами прямо противъ насъ. Мы, какъ его увидали, всѣ на колѣни повалились. Началъ онъ кричать — страсть какъ и кончилъ тѣмъ, чтобъ ему сейчасъ же выдали: пона, тѣхъ, кто пона пряталъ, и тѣхъ, кто избилъ засѣдателя. Мы и кричимъ: «всѣ виноваты, зачинщиковъ нѣтъ, а пона не было, — это, молъ, засѣдатель выдумалъ, чтобъ деньги взять съ насъ». Били-же его бабы, а какія — не знаемъ. «Ладно, говоритъ, мы сами узнаемъ и пона, и всѣхъ».. Возы съ розгами были уже на площади. Началъ онъ сѣчь кого попало, изъ мужиковъ, безъ милосердія. Бабы и ребятишки подняли вой, крикъ, — бѣда чистая, не даютъ мужиковъ, цѣпляются за нихъ. Тогда онъ приказалъ бабъ и дѣтей нагайками отгонять, а солдатамъ скомандовалъ при насъ ружья зарядить пулями и объявилъ, что если черезъ десять минутъ попь и зачинщики не выйдутъ или ихъ народъ не выдастъ, то прикажетъ стрѣлять, безъ разбору во всѣхъ... Хмурый такой, на насъ не смотритъ, а въ рукѣ часы держитъ. Солдаты ружья держатъ наготовѣ. «Ну, говоритъ, смотрите: половина срока прошло. На меня не пеняйте: хоть всѣхъ перебью, а слова своего не измѣню». И опять на часы смотритъ. Мы стали плавать въ голодь: что дѣлать — и сами не знаемъ... Вдругъ, видимъ, попь-то нашъ (онъ въ толпѣ-же былъ) проталкивается впередъ и выходитъ къ генералу: «Я, говоритъ, попь и есть». Тотъ посмотрѣлъ на него долго этакъ: «Становись, говоритъ, сзади». Тутъ, глядимъ, еще выходитъ старикъ одинъ нашъ, лѣтъ около 70. «Я, говоритъ, зачинщикъ и есть: я за попомъ ѣздилъ, и у себя его хоронилъ». Генераль и его къ попу поставилъ. «Что-же, крикнулъ онъ, — больше нѣтъ зачинщиковъ?» Тутъ старики увидали, что дѣлать нечего, и стали выходить: «все равно, говорили, — пусть ужъ мы за мѣръ отвѣтимъ: намъ все равно не жить долго». Набралось ихъ человекъ 15 или 17. Онъ тутъ-же ихъ на площади велѣлъ заковать въ ножныя и ручныя кандалы. Подѣхало 10 троекъ, ихъ всѣхъ посадили съ солдатами, да кромѣ того 50 казаковъ конвою дали, и увезли. Какъ ихъ увезли, насъ выстроили въ ряды, а когда мы выстроились, велѣлъ каждому десятому человекъ по 50 розогъ дать тутъ-же. Пока насъ пороли, до тѣхъ поръ самъ смотрѣлъ. Драли долго, а когда кончили, онъ объявилъ, что двѣ роты солдатъ останутся у насъ жить, чтобы дали имъ квартиры и кормили бы ихъ все время даромъ. «Когда, говоритъ, увижу, что вы исправитесь, возьму

солдатъ прочь, а до тѣхъ поръ, если будутъ жалобы на васъ, то все село переселю въ Якутскую область. Помните!» Вечеромъ онъ уѣхалъ. Такъ мы вѣрнаго и посейчасъ не знаемъ, куда онъ дѣвалъ нашихъ стариковъ,—словно въ воду канули *)).

Такимъ образомъ, если «попущеніе» и «потворство» со стороны священниковъ и полиціи по отношенію къ раскольникамъ и существовали, то они были не всегда, непостоянны и слишкомъ дорого стоили для раскольниковъ, чтобы служить причиною, привлекающею въ расколъ православныхъ. Притомъ «попущеніе и «потворство» могли имѣть значеніе для раскольниковъ и лицъ, рѣшившихся уже перейти въ расколъ; но какое значеніе могло имѣть «потворство» въ дѣлѣ появленія въ народныхъ массахъ недовольства православіемъ и склонности къ расколу,—этого члены статистическихъ экспедицій не объясняютъ. Очевидно, причины усиленія раскола были совсѣмъ другія. Онѣ крылись въ условіяхъ жизни какъ православнаго населенія, такъ и раскольниковъ. Члены статистическихъ экспедицій сообщаютъ много интереснаго объ этой сторонѣ дѣла, но имъ и въ голову не приходитъ, что здѣсь-то и заключаются причины распространенія раскола.

Первою причиною распространенія раскола были, безъ сомнѣнія, тѣ самыя преслѣдованія, которыя были подняты на раскольниковъ съ цѣлю уменьшенія ихъ числа. Ореолъ мученичества всегда дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на массу и высоко ставилъ въ ея глазахъ авторитетъ пострадавшаго. Сами раскольники приходили подъ влияніемъ раскола въ экстатическое состояніе. Статскій совѣтникъ Синицинъ пишетъ, что «одна женщина приходила къ священнику съ вопросомъ, не знаетъ-ли онъ, скоро-ль будетъ гоненіе? и прибавляла: «охъ, еслибъ Господь привелъ пострадать за св. вѣру!» Затѣмъ Синицинъ передаетъ слова одного раскольника, который говорилъ, что «каждый изъ нихъ съ радостью пойдетъ на мученичество». Православные, видя въ раскольникахъ такую готовность «пострадать за вѣру», невольно чувствовали къ нимъ особое уваженіе и считали себя, сравнительно съ раскольниками, не христіанами. Тотъ-же Синицинъ рассказываетъ: «При входѣ въ крестьянскія избы я часто былъ встрѣчаемъ словами: «мы не христіане». На вопросъ: «что-же вы, нехристи?» отвѣчали: «какъ-же, мы во Христа вѣруемъ; но мы

*) «Русскій Курьеръ», 1880, № 337. «Очерки Забайкалья». Да не подумаетъ читатель, что мною нарочно выбранъ наиболѣе мрачный фактъ. Совсѣмъ напротивъ. Когда будетъ написана полная исторія раскола за прошлое время, публика увидитъ, что это время совершенно аналогично времени средневѣковыхъ религіозныхъ гоненій.

по церкви, люди мірскіе, суетные». «Такъ отчего-же вы не христіане, если вѣруете во Христа?»—«Христіане тѣ, что по старой вѣрѣ; они молятся не по-нашему, а намъ некогда».

Съ другой стороны, подъ вліяніемъ преслѣдованій, раскольники нерѣдко позволяли себѣ кощунственныя выходки надъ важнѣйшими церковными дѣйствіями, и православное населеніе, видя, что это кощунство прямо нарочно вызывалось, не могло не «сомнѣваться». Такъ, Синицинъ рассказываетъ, что священникъ села Федоровскаго (въ заволжской части Ярославскаго уѣзда) заставлялъ причаститься, противъ воли, многихъ крестьянъ, только «числившихся православными», а въ дѣйствительности раскольниковъ. Крестьяне, причастившись, «зашли прямо въ кабакъ и тамъ кощунствовали надъ св. дарами, говоря: «вотъ дали намъ, какъ малымъ ребятамъ, какого-то винца на ложечкѣ; если-бъ дали по ведру, то хоть разбрало-бы, а то что намъ ложечка!» Синицинъ, приводя этотъ фактъ, понятное дѣло, негодуетъ на раскольниковъ; но еще большаго негодованія заслуживалъ священникъ, который, пользуясь исключительнымъ положеніемъ раскольниковъ, заставлялъ причащаться ихъ, не вѣрящихъ въ силу и значеніе причастія, и тѣмъ профанировалъ священное дѣйствіе. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя факты производили громаднѣйшій соблазнъ среди православныхъ.

Но еще болѣе сильное впечатлѣніе на православную массу должно было производить различіе, которое лежало между жизнью православныхъ и жизнью раскольниковъ.

Раскольники представляли собою сплоченное цѣлое, съ правильною организаціею, съ своими властями, съ своими обычаями это было государство въ государствѣ. И члены этого тайнаго государства были несравненно болѣе гарантированы въ жизненной борьбѣ, чѣмъ православная масса. Во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни они находили помощь и поддержку своихъ единовѣрцевъ; куда-бы ни забросила ихъ судьба, они не были одиноки, не были брошены на произволъ судьбы, а всюду находили друзей и покровителей. Ничего подобнаго не было среди православныхъ.

Самымъ тяжелымъ явленіемъ народной жизни того времени было, безъ сомнѣнія, крѣпостное право. И вотъ здѣсь-то расколъ и являлся на помощь своимъ адептамъ. Раскольники изъ всѣхъ силъ старались выкупать на волю своихъ единовѣрцевъ, причемъ помощь для выкупа производилась какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ селамъ. Такъ, статскій совѣтникъ Синицинъ, сообщивши о значеніи въ раскольничьемъ мірѣ такъ называемыхъ келейницъ

(объ нихъ ниже), говорить, что «многія изъ нихъ выкупились на волю тайною помощью богатыхъ раскольниковъ». Колежскій ассесоръ Арнольди сообщаетъ, что, будучи въ деревняхъ г. Болговскаго (Нерехтскаго уѣзда, Костромской губерніи), онъ узналъ о предстоящей продажѣ этихъ деревень съ аукціона и о томъ, что при этомъ крестьяне намѣрены выкупиться въ свободные хлѣбопашцы и «получили уже на этотъ предметъ въ подарокъ часть денегъ, а именно 10,000 рублей серебромъ, отъ кинешемскаго купца Миндовскаго, остальные-же деньги обѣщаль онъ имъ дать въ займы при выкупѣ».

Помощью при выкупѣ изъ крѣпостного состоянія, однако, далеко не ограничивались существовавшія въ раскольниковъ средѣ благотворительность и взаимопомощь. Раскольники постоянно заботились прискивать занятія своимъ единовѣрцамъ, а неимѣющихъ таковыхъ, а также немогущихъ работать содержали на свой счетъ. По свидѣтельству записки «о черниговскихъ расколникахъ», составленной въ срединѣ 40-хъ годовъ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ, купцы черниговскихъ слободъ содержали этимъ путемъ ежегодно по нѣсколько тысячъ человекъ. Надворный совѣтникъ Брянчининовъ сообщаетъ о богачахъ-расколникахъ Худинныхъ, жившихъ въ деревнѣ Алешковѣ, Чухломскаго уѣзда, что у нихъ на дворѣ, въ особомъ флигелѣ, жили старухи, выгнанныя съ разореннаго раскольниковъ савинскаго кладбища. Часто такая благотворительность проявлялась въ правильно организованномъ видѣ. Такъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Алябьевъ въ своей запискѣ «о странникахъ» сообщаетъ, что въ центрѣ странничества, село Сопѣлки, постоянно отовсюду стекались пожертвованія и подаванія, «для раздачи оныхъ шатающимся странническимъ наставникамъ съ ихъ братією». Онъ-же указываетъ на Лескинскій женскій скитъ поморскаго согласія (въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи), закрытый администраціей и переименованный въ деревню, который «покупаетъ ежегодно, на содержаніе какъ своихъ жителей, такъ и даниловскихъ (сосѣдній мужской скитъ), до 2,000 четвертей хлѣба на деньги, пожертвованныя купчихою Голошевскою и доставляемыя тайнымъ образомъ Лескинскому скиту посредствомъ тайныхъ его агентовъ». Вообще скиты играли видную роль въ дѣлѣ раскольниковъ благотворительности и обезпеченія неимущихъ раскольниковъ. Это были учрежденія, куда могли поступать всѣ раскольники, потерпѣвшіе поражение въ жизненной борьбѣ за существованіе, и гдѣ находили пріютъ слабость, старость и сиротство. И этотъ пріютъ доставлялся очень многимъ лицамъ. Надворный совѣтникъ Брянчининовъ нашелъ въ Семе-

новскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, скиты: Комаровъ, въ которомъ жило до 500 человекъ обоего пола, Оленицкій, имѣвшій столько-же жителей, Шарпановскій, Линовскій и много другихъ. И такихъ скитовъ было много по всему лицу русской земли, и всѣ они содержались на счетъ добровольныхъ сборовъ и пожертвованій, которыя частью собирались особыми старцами и старцами, посылаемыми изъ скитовъ, а частью прямо присылались богачами раскольниковъ.

Богачи-раскольники вообще играли видную роль въ дѣлѣ раскольничьей благотворительности. Надо замѣтить, что, судя по всѣмъ свидѣтельствамъ того времени вообще и по отчетамъ членовъ статистическихъ экспедицій въ частности, отношенія раскольниковъ-богачей къ ихъ бѣднымъ единовѣрцамъ далеко не были похожи на обычныя отношенія, существующія между богатыми людьми и бѣдняками. Одинаковость положенія преслѣдуемыхъ невольно сближала всѣхъ раскольниковъ безъ различія ихъ имущественнаго положенія. Богачи-раскольники не только не эксплуатировали своихъ единовѣрцевъ-бѣдняковъ, но всячески помогали имъ и поддерживали ихъ. Выше мы видѣли тому примѣры. Но, кромѣ матеріальной помощи, богачи-раскольники оказывали большую поддержку единовѣрцамъ своимъ личнымъ вліяніемъ и своими личными отношеніями къ властямъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ. По свидѣтельству Арнольди, кинешемскій купецъ Миндовскій держалъ на жалованіи мѣстное духовенство. Другой мѣстный богачъ раскольникъ, Морокинъ, былъ въ очень интимныхъ отношеніяхъ даже съ такою важною въ глуши персоною, какъ костромской архимандритъ Платонъ, «который, изъ человекоугодія, при прощаніи съ Морокинымъ благословлялъ его раскольничьимъ крестомъ». Тѣ-же Морокинъ и Миндовскій, по словамъ Арнольди, «пользовались даже покровительствомъ штабъ-офицера, который находился съ ними въ перепискѣ и ѣздилъ къ нимъ, причемъ угощался великолѣпнымъ образомъ». Надворный совѣтникъ Брянчининъ съ грустью отмѣтилъ въ своемъ отчетѣ, что «купечество галицкое, посредствомъ своихъ агентовъ, слѣдитъ за всѣми дѣйствіями высшей администраціи и имѣетъ сношенія съ преданными чиновниками».

Вообще капиталы раскольниковъ оказывали имъ большія услуги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у нихъ существовали даже особія общественныя суммы на покрытие расходовъ «по хожденію по дѣламъ, относящимся до раскольниковъ» и «на подушъ» для рѣшенія дѣлъ въ пользу раскольниковъ. Такъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Алябьевъ, командированный въ 1845 году въ Черни-

говскую губернію по дѣламъ тамошнихъ раскольниковъ, открылъ, между прочимъ, что староста раскольниковъ слободы Гуровичи, собирая съ слобожанъ казенныя подати, вмѣстѣ съ тѣмъ собиралъ съ каждой ревизской души извѣстное количество денегъ, которыя и шли на вышеуказанныя надобности.

Неудивительно, что при подобномъ положеніи вещей членамъ статистическихъ экспедицій приходилось отмѣчать факты вродѣ слѣдующихъ: «У раскольниковъ Уренской волости (Варнавинскаго уѣзда, Костромской губерніи) есть своя полиція: они прежде мѣстнаго начальства узнаютъ всякую новую мѣру, относящуюся до раскола, и такія вѣсти передаются изъ одной деревни въ другую съ неизмѣрною быстротой» (Арнольди). Подобныя полицейско-почтовые сношенія раскольниковъ не ограничивались предѣлами такихъ мелкихъ районовъ какъ волость, а распространялись на всю Россію. По свидѣтельству того-же Арнольди, галичскіе раскольники сносились съ своими единомышленниками въ Петербургъ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Архангельскѣ и Вологдѣ.

Нечего и говорить, что при такой сплоченности, при такомъ вліяніи, обусловливаемомъ богатствомъ, при такимъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ правительственнымъ агентамъ и при такой организаціи, раскольники могли игнорировать большую часть предписаній и законовъ, направленныхъ противъ нихъ, и дѣлать ихъ недействительными. Нерѣдко изъ Петербурга сообщали раскольникамъ всѣ намѣренія и предположенія высшей администраціи относительно раскола, и прежде чѣмъ она принимала тѣ или другія мѣры, раскольники уже успѣвали приготовляться къ нимъ и принимали, въ свою очередь, мѣры противодѣйствія. Раскольники, въ устройствѣ своей религіозной и общественной жизни, могли не обращать никакого вниманія на изданные противъ нихъ законы. Если нерѣдко тѣ-же мѣстные агенты, опираясь на строгіе законы, притѣсняли раскольниковъ, то дѣлалось это вовсе не ради соблюденія закона, который все-таки оставался неисполненнымъ, а ради иныхъ, своекорыстныхъ побужденій. Такимъ образомъ, карательная политика совершенно не достигала поставленной цѣли, а служила большей частью причиною ненужныхъ страданій для раскольниковъ населенія, поставленнаго въ какое-то нелегальное положеніе, и развила страшное взяточничество.

Члены статистическихъ экспедицій приводятъ много фактовъ полного пренебреженія раскольниками существовавшихъ относительно ихъ законовъ. Выше было указано, что по закону строго запрещалось строить новыя и починять старыя молельни, а также обращать въ таковыя жилища избы и другія строенія. Въ дѣй-

ствительности-же этотъ законъ совсѣмъ не соблюдался и, статистическая экспедиція, отправленная въ Ярославскую губернію, открыла въ одномъ Романоборисоглѣбскомъ уѣздѣ и заволжской части Ярославскаго 83 моелъни. Но такъ какъ эти моелъни были, такъ сказать, «нелегалныя», то, при собраніяхъ въ нихъ, раскольники были вынуждены ставить въ разныхъ мѣстахъ часовыхъ съ дубинами и при малѣйшей опасности разбѣгаться (Синицинъ). Такимъ образомъ, законъ оставался мертвою буквою, только напрасно раздражая раскольниковъ. То-же должно быть сказано и относительно мѣръ противъ раскольниковъ: существовавшіе монастыри были закрыты и заводить новые было строго запрещено, а они все-таки потихоньку устраивались и открывались. Такъ, надворный совѣтникъ Брянчининовъ открылъ въ Солигаличѣ такой раскольниковый монастырь, устроенный мѣщанкой Прасковьей Лазаревой въ своемъ домѣ: «она носитъ названіе «матери-игуменьи», другія сосѣдки ея пострижены, остальные, до 25, считаются бѣлицами. Всѣ онѣ собираются къ Лазаревой на молитву и поученіе, и носятъ черное платье, въ родѣ подрясниковъ, постриженныя-же — полное монашеское одѣяніе». Такимъ образомъ, и законы о закрытіи раскольниковыхъ монастырей, принесши раскольниковамъ многочисленныя страданія, остались совершенно безрезультатными.

Еще полнѣе обнаруживалось безсиліе закона въ дѣлахъ о бѣглыхъ расколнникахъ. Раскольники, сосланные въ Сибирь, особенно за релігіозныя преступленія, пользовались особымъ покровительствомъ своихъ единовѣрцевъ. Имъ помогали въ тюрьмѣ, заботились о нихъ на пути слѣдованія, устраивали на мѣстѣ прибытія, а при случаѣ помогали бѣжать. Такіе бѣглецы находили радушный пріемъ въ раскольниковыхъ поселеніяхъ. То-же нужно сказать и о бѣглыхъ солдатахъ изъ раскольниковъ. Нѣкоторые секты, какъ, напримѣръ, секта странниковъ, вербовались главнымъ образомъ изъ такихъ бѣглыхъ. Для укрытія ихъ повсюду существовали особые притоны. Въ глухихъ лѣсахъ, какъ напр., пошехонскихъ, устраивались особыя землянки и избы, въ которыхъ и скрывались бѣглецы. Въ населенныхъ мѣстахъ дома раскольниковъ для той-же цѣли устраивались съ тайниками, вельями, жидкими и теплыми подъязбищами, двойными крышами и т. д. Особенно хитро устраивались дома раскольниковыхъ вожаковъ. По словамъ Брянчининова, домъ раскольника Худина, упоминавшагося выше, «въ два этажа, съ мезониномъ и подваломъ, былъ устроенъ въ видѣ лабиринта, съ безчисленнымъ множествомъ выходовъ, дверей, лѣстницъ и переходовъ, съ явною цѣлью

укрыватьства въ случаѣ нечаяннаго обыска». Устройство же двора и дома было обыкновенно таково, что проникнуть на дворъ нельзя было прежде, чѣмъ хозяинъ увидитъ изъ окна пришедшаго къ нему. Сосѣдніе дворы, а часто и дома соединялись между собою незамѣтными калитками и дверями. Даже погреба, устраиваемые подъ домами, обыкновенно имѣли между собою сообщенія. Однимъ словомъ, въ домахъ раскольниковъ были устроены всѣ приспособленія, какъ для того, чтобъ скрывать бѣглыхъ, такъ и для того, чтобы дать имъ возможность бѣжать въ случаѣ внезапныхъ обысковъ.

Но укрывательствомъ бѣглыхъ раскольники не ограничивались. Они, кромѣ того, давали средства бѣглымъ легализироваться и начинать, такимъ образомъ, новую жизнь. Наиболѣе распространеннымъ способомъ для этого употреблялось присвоеніе бѣглымъ именъ и званій умершихъ членовъ раскольничьихъ общинъ. Такимъ образомъ, бѣгле занимали положеніе умершихъ и входили въ составъ чужихъ семей. Конечно, это дѣлалось, не безъ уплаты мзды, кому надлежитъ. Бывали и другіе способы легализованія бѣглыхъ, напр.: подкупались чины городскихъ ратушъ и другихъ сословныхъ управленій, которые и вносили бѣглыхъ въ ревизскія «сказки», а затѣмъ выдавали имъ паспорта. Легализованные такимъ образомъ бѣгле иногда достигали виднаго положенія въ обществѣ, хотя обыкновенно всѣмъ было извѣстно ихъ прошлое. Такъ, Брянчининовъ рассказываетъ объ одномъ виднѣйшемъ сектаторѣ Костромской губерніи, который былъ бѣглымъ солдатомъ.

Это-го единодушіе раскольниковъ, ихъ сплоченность, сильное развитіе среди нихъ взаимопомощи, возможность для бѣдняка найти у вліятельнаго богача-раскольника, защиту отъ притѣсненій мелкихъ властей, неоставленіе раскольниками безъ помощи своихъ единовѣрцевъ, въ какомъ-бы положеніи они ни находились, — все это и должно было всего болѣе влечь въ расколъ загнаннаго, запуганнаго, забитаго подъ игомъ крѣпостнаго права и гнетомъ мелкихъ полицейскихъ властей православнаго крестьянина. Здѣсь-то и лежалъ просмотрѣнный членами статистическихъ экспедицій ключъ къ объясненію причинъ сильнаго распространенія раскола. Но кромѣ чисто-матеріальнаго улучшенія условий жизни и общаго измѣненія обстановки, расколъ предлагалъ прозелитамъ еще возвышеніе ихъ нравственнаго состоянія и умственныхъ наслажденій, что, конечно, тоже не могло не привлекать въ расколъ наиболѣе чуткія въ нравственномъ отношеніи и жаждущія знанія натуры изъ народа.

Относительно нравственнаго состоянія раскольниковъ того времени, на основаніи отчетовъ, мы говорить не будемъ, такъ какъ у членовъ статистическихъ экспедицій были на этотъ предметъ крайне своеобразные взгляды, сообразно съ которыми и располагались ихъ наблюденія: то, на примѣръ, обстоятельство, что раскольники, не будучи православными, не вѣнчались въ православныхъ церквахъ, а заключали браки сообразно съ своими вѣрованіями, казалось нашимъ изслѣдователямъ верхомъ безнравственности. Относительно же умственнаго состоянія раскольниковъ члены статистическихъ экспедицій приводятъ положительные факты.

Всѣмъ членамъ экспедицій бросилось въ глаза широкое пространство среди раскольниковъ грамотности. По замѣчанію Синицина, число грамотныхъ раскольниковъ относится къ числу неграмотныхъ какъ 1:3. Но были мѣстности, гдѣ это отношеніе было еще болѣе благоприятно. Такъ Арнольди отмѣчаетъ Уренскую волость, гдѣ онъ нашелъ почти всѣхъ раскольниковъ грамотными. Распространеніемъ грамотности среди раскольниковъ занимались, главнымъ образомъ, такъ называемыя *келейницы*. Келейницы—это женщины, обыкновенно пожилыя, «спасавшіяся» въ «кельяхъ», небольшихъ избахъ, устроенныхъ обыкновенно или позади родственныхъ домовъ, или на самомъ краю поселенія, къ выгону. Тѣхъ изъ нихъ, которыя побывали въ скитахъ, звали *матушками*. Келейницы пользовались общимъ уваженіемъ какъ раскольниковъ, такъ и православныхъ. Онѣ учили грамотѣ дѣтей, ходили за больными, читали надъ мертвецами псалтырь, вообще «дѣячили» и занимались пропагандой раскола. Каждая келья была въ одно и то-же время и школою, и молельней. Келейничество было вообще очень распространено среди раскольниковъ: Синицинъ, на примѣръ, въ одномъ Романовскомъ уѣздѣ насчиталъ 2,374 келейницы. Двѣ тысячи слишкомъ учительницъ на одинъ уѣздъ,—при такомъ условіи грамотность, очевидно, должна была процвѣтать.

Чтеніе книгъ было очень распространено среди раскольниковъ, и книги вращались между ними въ большомъ количествѣ. Въ скитахъ были цѣлыя бібліотеки. Изъ Петербурга и Москвы, какъ изъ центровъ, книги всюду разсылались цѣлыми партіями. Книги печатались въ тайныхъ типографіяхъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Даниловскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи и въ другихъ мѣстахъ. Книги священнаго писанія, богослужебныя и отцовъ церкви печатались съ объясненіями и толкованіями.

Комментированіемъ книгъ, однако, раскольничьи *начетчики* не ограничивались и писали собственные сочиненія на разныя те-

мы. Главными цѣлями написанія этихъ сочиненій были полемика съ православіемъ и несогласными раскольничьими толками, пропаганда своего ученія и увѣвовѣченіе событій изъ исторіи раскола. Тѣ-же цѣли преслѣдовались и *иконописью*. Среди раскольниковъ было вообще много иконописцевъ, и у нихъ были даже иконописныя школы. Иконы, видѣнныя Синицинымъ въ раскольничьихъ домахъ, «представляли раскольничье ученіе объ антихристѣ, страданія отъ него истинныхъ христіанъ и гибель его самого во всевозможныхъ формахъ». Иногда такія иконы были, такъ сказать, очень неблагонадежнаго содержанія. То-же встрѣчалось и въ раскольничьихъ сочиненіяхъ. Такъ у одного изъ иконописцевъ Романовскаго уѣзда, крестьянина Алексѣева, по словамъ Синицина, была найдена тетрадь съ выпискою изъ переложенія псалмовъ. На первой страницѣ выписки написано: «се зришь ты разъяренныхъ вельможей и князей! Воздаждь самъ, Господи, злодѣямъ, ихъ злость на нихъ же обрати». Въ циркулировавшемъ въ это время среди раскольниковъ «Сказаніи о Бѣлокриницкой митрополіи», объ австрійскомъ императорѣ, какъ дозволившемъ учредить въ своихъ владѣніяхъ старообрядческую митрополію, говорилось съ великимъ уваженіемъ, а объ отечественныхъ властяхъ тѣми самыми выраженіями, какія употребляются въ нашихъ четиминяхъ при повѣствованіи о Неронахъ и Діоклетіанахъ» (Мельниковъ).

Факты послѣдняго рода показываютъ, что политика гоненій уже приносила свои горькіе плоды...

Что-же узнали о положеніи раскола, благодаря статистическимъ экспедиціямъ, посланнымъ провѣрить результаты двадцатипяти-лѣтней борьбы съ расколомъ?

Узнали, во-1-хъ, что расколъ, послѣ двадцати-пяти лѣтъ гоненій на него, не только не ослабѣлъ, но чрезвычайно усилился численно; во-2-хъ, что онъ представлялъ сплоченное, правильно организованное общество, богатое матеріальными и умственными силами; въ-3-хъ, что всѣ мѣропріятія и карательные законы, направленные противъ раскола, остались безрезультатными; и, наконецъ, въ-4-хъ, что, подъ вліяніемъ гоненій, въ расколѣ стали появляться тенденціи крайне отрицательнаго характера.

Таковъ былъ горькій урокъ исторіи, и таковъ былъ приговоръ произнесенный дѣйствительностью.

Казалось-бы, что теперь, послѣ того какъ добытыми чрезъ статистическія экспедиціи данными положительно устанавливалось, что всѣ мѣропріятія, направленные противъ раскола, привели къ

прямо противоположнымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которые ожидались,—политика по отношенію къ раскольникамъ должна была радикально измѣниться. Но, какъ извѣстно, человѣчество не особенно-то расположено прислушиваться къ урокамъ, даваемымъ ему исторіею и дѣйствительностью. Тоже было и въ данномъ случаѣ. Члены статистическихъ экспедицій и администрація, видя полную безрезультатность принимавшихся до сихъ поръ противъ раскольниковъ мѣръ, приписали это обстоятельство недостаточной строгости и недостаточной полнотѣ этихъ мѣръ. Такимъ образомъ, непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ статистическія экспедиціи собрали матеріалъ, безповоротно осуждавшій политику гоненій, эта политика получила наибольшее развитіе. Послѣдніе три года до 1855 года положеніе раскольниковъ было самое тяжелое.

Я. Абрамовъ.

СНЫ И ГРЁЗЫ

Снился мнѣ чудный пророческій сонъ:
Будто страданье и злоба
Скрылись съ лица истомленной земли,
Правда возстала изъ гроба...
Будто игрушками стали мечи,
Сказкою дѣтской угроза,—
О! неужели все это лишь сонъ?

— Сонъ и блаженная грѣза!..

* * *

Братья! что это? — кругомъ
Все какъ-то смотреть тревожно...
Воздуху мало! — дышать
Трудно, почти невозможно!
Волосы дыбомъ встають...
Страшно и жутко до боли!
Въ мертвомъ безмолвіи чудится стонъ...
Буря собирается, что-ли?
Надъ горизонтомъ какъ будто плыветъ
Тучъ грозовыхъ вереница...
Братья! да вотъ ужь и молніи блескъ...

— Нѣтъ! это только зарница.

П. Якубовичъ.

ПРАХОМЪ ПОШЛО!

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Трофимъ Ховринъ, крестьянинъ лѣтъ 30, худощавый брюнетъ, съ маленькою бородкою.

Домна Устиновна, жена его, 25 лѣтъ, полная, статная, очень красивая женщина.

Аксюта, сестра Домны, дѣвочка по шестнадцатому году, худенькая, болѣзненная.

Марья, мать Трофима.

Дормидонтъ Ивановичъ Чужинъ, волостной старшина.

Кошкадавовъ, волостной писарь.

Ковья Ермилычъ Еркинъ, кабатчикъ, [отставной солдатъ, среднихъ лѣтъ, съ усами безъ бороды.

Алдошка (Евдокимъ) Шмыгалевъ, мужиченко спившійся съ кругу, въ лохмотьяхъ.

Борисъ, пасычникъ, старикъ за 80 лѣтъ, почтенной наружности.

Аннушка, крестьянка, сосѣдка Ховриныхъ.

Иванъ Подфилдй, пожилой крестьянинъ.

Панька } парни.
Сѣмка }

Павликъ, мальчикъ лѣтъ семи.

Дѣйствіе въ селѣ одной изъ среднихъ губерній. Первые два акта происходятъ въ апрѣлѣ, третій во второй половинѣ мая, остальные въ началѣ іюня.

Дѣйствіе первое.

Сцена: изба Ховриныхъ.—Въ задней стѣнѣ дверь.—Правѣ двери русская печь, устье въ лѣвую сторону. По лѣвой стѣнѣ лавка и столъ.—Въ лѣвомъ углу поставецъ, сито на стѣнѣ и ближе къ двери виситъ одежда.—У правой стѣны, близъ окна, сундукъ и возлѣ прѣлка.—Здѣсь-же на стѣнѣ зеркальце.

ЯВЛЕНІЕ I.

Трофимъ, Домна и Марья (сидятъ за столомъ и дообѣдываютъ изъ общей чашки).

Трофимъ. Д-да, жалко мерина, страсть жалко!

Марья. И съ чего пала лошадь? Крѣпкая была, молодая...

Трофимъ. Отъ чемеру, надо-быть.

Марья. Охъ охъ, и такое-то намъ таперь горе!..

Трофимъ. Какъ не горе, коль взятъся нечѣмъ... Эй и лошадь была, только держи! Подъ гору, бывало, какой ни будь возъ — сползеть не уронить. Али въ мятель. Дай волю, ужъ она не ступитъ съ дороги, хоть зги не видать и слѣдъ замело въ чистую.

Марья. Что говорить! На дорогу страсть меринъ былъ памятливъ. Охъ, батюшки-свѣты, какъ безъ него-то намъ бытъ?

Домна. Который день плачемся!

Марья. Поплачешься, моя милая, коли купить не на что лошадь — отъ. Чѣмъ станемъ работать? Вотъ сѣвъ подшелъ, подъ овесъ землю метать надо. Безъ лошади какъ безъ рукъ. И такъ годъ трудный вышелъ, хлѣбушко чуть не съ Козмы-Дамьяна покупать стали.

Трофимъ. До новины дотянуть-бы, а тамъ справимся. На урожай поеда виды по всему есть.

Марья. Охъ, дитятво, далеча до новины, какъ дотянуть-то? Опять подати...

Трофимъ. Подати по осени. Таперь съ чего-жъ взять? Подождуть.

Марья. А какъ зачнуть требовать? Одна бѣда не ходитъ. Опять лошадь... на что купить?

Трофимовъ. Пенька есть... Вотъ поденщины не сыщешь ни гдѣ. Все-бъ таки побился маленько.

Домна. Богъ дастъ, справимся. А ужъ мамушка какъ зачнетъ причитать, какъ зачнетъ, альни въ тоску вгонитъ, право!

Марья (съ ироніей). И видать что Домнушка изъ дворовыхъ взята. Докучаетъ ей мужицкая нужда наша.

Домна. Дворовые небось побольше крестьянскихъ нужду видали. Безъ земельки отъ господъ отдѣлили дворовыхъ-то. Когда тятенька померъ, мать мало билась? А свалилась захворавши, на одной мнѣ вся забота легла. Спасибо еще Борисъ пчелякъ ослабонилъ: сестренку Аксюту взялъ къ себѣ, когда мамушка померла. Сжалился надъ сиротами, дай ему Богъ здоровья!

Трофимъ. Знамо дворовымъ послѣ воли супротивъ крестьянъ не въ примѣръ было труднѣе. Ни кола, ни двора, съ копѣчки живи, да подати плати съ чего знаешь.

Марья. Ужъ ты завсегда по Домнинуму разсудишь. Плохая ей жистъ была? Что пустое говорить, Бога гнѣвить! У господъ она жила въ работницахъ, два цалковыхъ на мѣсяць жалованья брала, на всемъ на готовомъ. Плохо? Замужъ ты ее брала, и наряды у ней, и шуба, и всего нашлось. Ну-тка на крестьянской работѣ чѣмъ дѣвкѣ добра нажить безъ отца — матери? Гдѣ?

Домна. Небось дѣла на мнѣ не на два рубля лежало. Коровы, и овцы и птица. За всѣмъ я одна...

(Встали изъ за стола. Женщины убираютъ хлѣбъ и посуду).

Марья. Милая, да чужое-то не свое, вѣдь: что ни случись, не гребтить *), не болить сердце. И уходъ за чужимъ нешто тотъ, что за своимъ добромъ? Привычки хозяйской у тебя и нѣтъ оттого и сноровки той нѣтъ. Дѣло оказываетъ, милая моя, дѣ-ло! Каждѣнь видимъ это на все-емъ!

Домна. Пошла пилить! (Сердито шваркнула въ поставецъ посуду).

Трофимъ. Э, не люблю свары! Оставь, мать.

Марья. Мало-ли я молчала! Молчалось, молчалось, да и сказалось. Какъ быть-то? (Кланяется). Простите старуху. Не мнѣ съ Домной вѣковать, а тебѣ, Трохимушка. Такъ то! (Кряхтя, моетъ возлѣ печки кадочку). За-то она пѣсни играть горазда, забавы затѣвать мастерица. Ты вотъ не такимъ росъ; не любилъ гулянокъ, да хороводовъ, отъ дѣвокъ подальше. Бирюкомъ звали, хе-хе!.. Ну, а жену взялъ развеселую...

Домна. Маху далъ, Трохимъ, женившись не по ейному выбору. Доньку-бы тебѣ пучеглазую взять: и тебѣ-бы жена, и Марья-бъ невѣстка, ха-ха!

Трофимъ. Да съ чего вы? Полно, говорю, пустяки врать!

Марья. Бываетъ, Трохимушка, и промежъ бабьихъ пустяковъ правда выскочить. Вотъ ты—въ заботахъ, какъ слѣдуетъ по хозяйству, къ дому приверженъ, смирный, да больше молчишь. Ну какъ жена пѣсенница да соскучится съ такимъ мужемъ-то? Ась?

Трофимъ. Ну ужъ это не ладно... такое говорить... Домну обижать зря и мнѣ мутить душу. Ты, мать, не раздорь. Слышала? И крѣпко это слово мое...

Марья. Трохимушка, да съ чего я говорить-то стала, съ чего?

Трофимъ. Довольно. Впередъ чтобы не было...

Марья. Нѣтъ, ты постой! Съ чего? Съ сердцовъ-ли на Домну, али какъ? Въ сварливыхъ не была. Знаешь. А съ того говорю, что душенька моя вся изныла. Тамъ, видишь, не такъ, въ томъ недоглядъ, а что и вовсе не сдѣлано. Нешто такъ у насъ хозяйство-то шло, вспомни! Завидывали люди, счастье-де намъ, Ховринымъ. А въ томъ и счастье все было, что батька твой и я вотъ до старости, да и ты съ малыхъ лѣтъ—работали мы не покладаячи рукъ, да обо всемъ забота у насъ была, крохи не пропадало въ хозяйствѣ. И было все ладно и довольно было всего. А такъ-ли таперь?

*) Не заботить.

Трофимъ. Довольно, сказалъ.

Марья. Ну-ну какъ себѣ знаете! (Выкатываетъ въ дверь кюбочку, которую мыла, и уходитъ сама. Домна плачетъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Трофимъ и Домна.

Трофимъ. Не плачь, Домна. Ну что!.. Брюзжить старуха потому больше, что бѣды на насъ... меринъ вотъ палъ... Всякъ отъ нужды такъ... (Подходить къ женѣ). А ты полно-ка!

Домна (быстро отерла слезы, раздражительно). Съ чего она прицѣпилась? Я вѣдь тоже не смолчу, ужъ не смолчу-у!.. Тоже веселье попреки-то слушать!.. Не ко двору вамъ пришлась!

Трофимъ. (Садится рядомъ съ Домной. Она, отвернувшись, смотритъ въ окно). Э, говорю съ досады она. Довольно кипѣть. Помѣкаемъ-ка лучше какъ сбиться на лошадь. Первое—кожа. Кожа хорошая, рубля три съ полтиною, а то и больше дадутъ. Пенъка. На хлѣбушко было берегъ, да видно на другую потребу идти ей. Пенъки безъ малаго восемь пудовъ; ежели по три рубля, выходитъ... Ай не слушаешь ты?

Домна (разсѣянно). Въ хозяйскомъ дѣлѣ тебѣ виднѣе.

Трофимъ (всталъ и отходитъ). Точно. И говорить не зачѣмъ-бы... Вижу... И другое что вижу въ тебѣ...

Домна. А что-жь я?..

Трофимъ. Развѣ я укоряю? Ни Боже мой! Не укоряю ни въ чемъ.

Домна. Огъ свекрови наслушалась ихъ, укоровъ-то. Будеть.

Трофимъ. Это пустое... Никому тебя въ обиду не дамъ, ни въ жисть. Знаешь. Значить, о чемъ-же тутъ толковать?.. О другомъ я...

Домна. О чемъ-же?

Трофимъ. Сама понимай.

Домна. Не въ доめкъ.

Трофимъ. Примѣтно мнѣ... Кха!.. (Оскѣся. Подходить къ сѣнѣ). Сито-то, ай худое у насъ? (Снялъ его и внимательно разсматриваетъ).

Домна. Во-на! давно. (Встала и уходитъ).

Трофимъ (ударяя кулакомъ по столу). А!.. (Отшвырнулъ сито). Нейдетъ съ языка, хоть ты что! Не та Домна, что по началу была, давно учуялъ—не та, а сказать про это не могу ей. И этакій нравъ у меня проклятый!.. Можетъ съ того и въ ней переменя... Иной разъ вотъ какъ приластился-бы, а ждешь—сама подойди; ты подойди, а мнѣ какъ можно!.. На нее-жь осерчаешь, словно въ чемъ виновата... Эво карахтеръ, Боже ты мой!.. Ежели нѣтъ

въ ней этихъ понятіевъ, чтобы плутро мое видѣть? Есть ея вина въ этомъ?—Нѣту. Какъ-же тутъ быть?.. Нѣтъ, прямо надо съ ней, по душѣ; совладать съ собой надо... Повеселѣть вотъ какъ!.. (Просіялъ и оживленно ходитъ). По душѣ, вѣрно!.. (Входитъ Домна съ намычкою льна для пряжи и садится на прежнее мѣсто. Трофимъ, не глядя на нее, садится рядомъ). Ну, вотъ, Домнушка, я я...

Домна (громко зѣваетъ). Чего тебѣ? (Трофимъ быстро всталъ и угрюмо зашагалъ по избѣ. Домна, приладивъ донце, медленно прядетъ, съ апатичнымъ выраженіемъ лица).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Алдошка.

Алдошка. Здравствуйте!

Трофимъ. Евдокимъ?! (Сухо). Здорово. Чего тебѣ?

Алдошка. Не въ гости, небось! А ужъ ты рожу скорчилъ ха-ха! Въ гости мы тоже съ разборомъ, глядя къ кому. Сдѣлай милость!

Трофимъ. Ладно. Чего-жь тебѣ? (Садится на лавку).

Алдошка. И дуракъ-же я право! Какого мнѣ чорта жалѣть васъ?.. хоть-бы тебя?

Трофимъ. Стало быть жалѣючи пришелъ? Такъ!

Алдошка. Потому, какая мнѣ жисть промежь васъ, анаеюмовъ, давно-бы волкомъ стать надо; а я все доберь, все жадательно какъ бы къ пользѣ произвести...

Трофимъ. Какъ не доберь! Ну?

Алдошка. То-то «ну»! Вотъ меринъ у тебя палъ. Мнѣ что? Нѣтъ, думается...

Трофимъ. Думается тебѣ. Такъ (Усмѣхнулся). Съ чѣмъ пришелъ-то?

Алдошка. Талерь лошадь тебѣ покупать не минучее. А на что? Проѣлись въ чистую. Изъ лица посѣрѣли ажъ, погорбились съ голодухи-то. Чай тоже съ конопляной жмакой хлѣбушко печете, а то и съ матушкой лебедой? Такъ что-ли, Домна Устиновна?

Трофимъ. Къ чему клонишь-то?

Алдошка. А прослышамши я, что требуется телка, дай-думаю—Трохиму скажу. Много у насъ телокъ продажныхъ; нѣтъ—думаю—скажу Трохиму, хотя отъ него спасибо не жди, сдѣлай милость! Не такого карахтеру человѣкъ...

Трофимъ. Да. А кто покупаетъ? Ты вѣдь кабатчика Еркина приспѣшникъ. Не онъ-ли?

Алдошка. Ха-ха-ха! Ужъ и не любишь ты Еркина. А напрасно. Положимъ, что жила онъ, облущить не дуракъ...

Трофимъ. Съ того какъ завелся его кабакъ у насъ, всё обнищали.

Алдошка. Изничтожилъ, вѣрно. Шельма онъ, а уменъ и при деньгахъ. Нужны денежки—поклонишься, братъ, не станешь разбирать какъ нажиты. Сдѣлай милость!

Трофимъ. Значить ты отъ Еркина, телку мою торговать?

Алдошка. Не посылаь онъ, а самъ я, узнавши, что требуется телка...

Трофимъ. Такъ-ли съѣь, а Еркину не отдамъ.

Алдошка. Дѣловъ съ нимъ имѣть не желаешь? Напрасно! Умные мужики къ нему съ нашимъ почтениемъ, потому—сила. Съ начальствомъ пріятель...

Трофимъ. Пуцай.

Алдошка. Ишь какой! Не даромъ тебя «упорнымъ» прозвали. Вотъ Домна твоя добрѣе къ Еркину. Повстрѣчаетъ, балакаютъ съ нимъ, балакаютъ...

Домна. Съ чего-же мнѣ огрызаться, коли человекъ честью къ тебѣ?

Алдошка. Правильно, ха-ха-ха!

Трофимъ (вставая). Ну некогда, брехню твою слушать!..

Алдошка (отступая къ двери, Домнѣ). Эй и балагуръ Еркинъ съ бабами, прахъ его возьми! Такія турусы подведе-етъ!..

Домна. Глупостевъ не слыхали и слушать не станемъ. А на добрую рѣчь таковъ и отвѣтъ. Извѣстно.

Алдошка. Козырь баба. Люблю! Потому, сдается мнѣ, и дастъ Еркинъ за телку вамъ цѣну та-ку-ю..

Трофимъ (сурово, подходя къ Алдошкѣ). Ступай-ка, ступай!

Алдошка (съ хохотомъ выскочилъ за дверь). Трофимъ, тогда маргарычъ. Ладно? (Захлопнулъ за собой дверь).

Трофимъ. Эко зелье, язвенный мужиченко какой! (Снял со стѣны шапку). Пойтить поглядѣть, не стащилъ-бы чего. И воръ-то, и пьяница!.. (Уходитъ).

Домна. Вѣрно, что Алдошка Кузьмой Ермилычемъ посланъ. Ужь такъ!.. Да не телка ему нужна... затѣйщикъ, шутъ этакій, право!.. Идешь мимо кабака, ужъ Еркинъ те выслѣдить. Оттуда ни возмись, какъ листь передъ травой—на!.. А этотъ дуралей распустилъ глотку. Правда что зелье!..

ЯВЛЕНИЕ IV.

Домна, Ансюта (входитъ запыхавшись), за нею Марья и потомъ Трофимъ.

Марья. Ишь какъ запыхалась! Съ чегой-то?

Аксюта. Да къ вамъ бѣгла... во весь духъ бѣгла... Дѣло есть... Домнушка, здравствуй! (Обняла и поцѣловала сестру).

Трофимъ (входя, привѣтливо). Аксюта!

Марья. Прибѣгла еле духъ переводить. По дѣлу, вишь.

Трофимъ. По дѣлу? Ахъ ты милая! Что за дѣло такое?

Аксюта. Я вотъ зачѣмъ: къ господамъ барчуекъ пріѣхалъ... Рабочихъ въ садъ кличетъ, поденщиковъ... Ямки копать подѣ дравъ, да дерня подѣ дорожки сымать... Полтинникъ на день, на господскихъ харчахъ... Какъ узнала, ударила къ вамъ. И дѣдушка говоритъ: бѣги. Ступай, Трофимушка, поскорѣй, а то узнаютъ, повалить народъ, не возьмутъ.

Трофимъ. Вотъ спасибо. Ай да Аксюта! (Поспѣшно надѣваетъ кафтанъ и подпоясывается кушакомъ).

Аксюта. Работы, сказываютъ, Боже мой сколько затѣяно! барчукъ-то... Коли шесть день и то тебѣ три рубля... И дѣдушка Борисъ говоритъ: пусть-бы Трофимъ скорѣй шелъ къ господамъ-то. Право!

Трофимъ. Ну, спасибо тебѣ. Иду. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

Домна, Аксюта и Марья.

Марья (Аксютѣ). Чай рада?

Аксюта. Какъ не рада-то, бабушка! Въ нуждѣ вы, анъ все деньги. Рада.

Марья (глядитъ ее по головѣ). Ахъ ты косатка моя!

Аксюта. А ты, Домнушка, не печалься. Справитесь Богъ дастъ. Я за васъ вотъ какъ молюсь!.. (Вынимаетъ изъ кармана платокъ, въ которомъ завязаны орѣхи). Гостинчика. (Подаетъ ихъ Домнѣ).

Домна. И-вишь! Откуда взяла? (Взяла орѣховъ и грызетъ ихъ).

Аксюта. У барышень была. Дали. Бабушка, орѣшковъ. (Предлагаетъ старухѣ).

Марья. Не по зубамъ, дѣвонька. Гдѣ ужъ! спасибо тебѣ, кушай сама.

Аксюта. Ну, я тебѣ нагрызу. (Грызетъ орѣхи).

Марья. Хе-хе, нагрызи, нагрызи! — Какъ у васъ на пчельникѣ-то?

Аксюта. Все слава Богу.

Марья. Много колодокъ нонче дѣдъ выставилъ?

Аксюта. Дюжины съ три. Пчела сытая, да сильная. Шумъ въ ульяхъ-то стоитъ. Вотъ тебѣ, бабушка, ѣшь. (Сыплетъ старухѣ въ горсть нагрызенные орѣхи). Нонче теплынь, играетъ пчела на солнышкѣ, а дѣдушка радъ.

Марья. Ну, дай Богъ, дай Богъ! Борисъ мужикъ Богу крѣпкій, вотъ и задача ему. И дивное это дѣло замѣчено: не водѣ пчелѣ у тѣхъ хозяевъ, гдѣ раздоръ завелся, либо-что... Вотъ у Шатохиныхъ, у Асафа, ужь какъ пчелы велись! А взялъ зятя непутеваго въ домъ, пошла въ семьѣ свара, да брань—хуже пчелы, да хуже и вовсе перевелись... Ишь, вѣдь, она, муха-то Божья! Не даромъ говорится: пчела—Божья муха, работаетъ на святъ духа.

Аксюта (пристально и грустно смотрѣвшая на Домну). Домнушка милая! гляжу я на тебя и сердце щемить мнѣ. Съ чегой-то?

Домна. Почему я знаю! Можетъ ты мнѣ бѣду сулишь. Ты вонъ судьбу, сказываютъ, гораздо угадывать. Къ цыганамъ-бы тебѣ, ха-ха-ха! То-то-бы денегъ ворожкой нагребла-а!...

Марья. А ты, Домна, не смѣйся. Есть такія-то, есть... Господь умудряетъ. Вонъ въ Сныткиной живетъ одна... Старуха ужь таперь стала. Такъ она, мать моя, все те расскажетъ, да! Сболтаетъ въ ковшигѣ золу съ водою, выкинетъ на рушникъ, дастъ водѣ стечь, зола-то ей и окажетъ. И воровъ видитъ, гдѣ краденое видитъ, убійцу одна указала-а... Ничего не скрыто отъ ей. Вотъ ты и посуди!

Домна. Аксюта чудная. Такая и росла. Бывало, звонъ по ночамъ слышитъ, голоса, ни вѣсть что... Иной разъ такое скажетъ что подивисься. Этакъ, дѣвча, я бояться стану тебя, право ну!

Аксюта (сидѣвшая опустивъ голову, внезапно встаетъ съ подавленнымъ вздохомъ). Прощайте!

Марья. Куда-жь ты, куда? Посиди съ нами, косатка.

Аксюта (заторопилась). Нѣтъ нѣтъ, мнѣ нужно. Прощайте! (Пошла къ двери, въ которую вдругъ входитъ Еркинъ). Ахъ! (Отступила и схватилась за грудь).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Еркинъ (въ новой дубленкѣ нараспашку, въ кумачной рубахѣ на выпускъ, въ жилетѣ, съ часами).

Еркинъ. Ха-ха! спужалъ дѣвочку. Хозяюшкамъ почтеніе, всели здоровы? (Аксютѣ). Чего ты, глупая? (Хотѣлъ погладить ее по головѣ).

Аксюта (пронзительно). Не, трожь, не трожь! (Стремительно выскакиваетъ изъ избы).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Домна, Марья и Еркинъ.

Еркинъ. Недотрога какая! Какъ есть дикая дѣвочка.

Домна. Ужь извините, Кузьма Ермильчъ!.. Милости просимъ...

(Еркинъ садится). Испугана еще махонькой. Мужикъ одинъ коломъ жену убилъ до смерти. На улицѣ было дѣло. Аксюта тутъ-же играла въ камешки. Кровью ее обрызгало. Ну, спужалась и приключился съ нею родимчикъ. Съ тѣхъ поръ и пуглива.

Еркинъ. Вотъ оно что!.. А хозяйинъ? иль дома нѣтъ?

Марья. Ушелъ.

Домна. Къ господамъ пошелъ.

Еркинъ. Не на поденщину-ль найматься? Тамъ требуется въ садъ. Слышали. Значить нужда, коли Трофимъ на чужой работѣ горбъ гнуть пошелъ!

Марья. Охъ, какъ не нужда-то, Кузьма Ермилычъ! Проѣлись, а тутъ—Господь посѣтилъ—лошадка пала у насъ. Ужъ такая-то нужда-а!..

Еркинъ. Пѣсня, видно, у всѣхъ нонче одна: зубы есть, да нечего ѣсть, ха-ха! А Трофиму ко мнѣ-бы толкнуться. Я-бъ подсобилъ. Поклономъ не надсадилъ-бы спины Трофимъ вашъ. Да бишь, гордъ онъ, ха-ха!... А я-бы для васъ душой радъ, Домна Устиновна.

Домна. Добрый какой! Словно какъ и не вѣрится.

Еркинъ (набывая изъ кисета трубочку и закуривая). Охаяли меня передъ вами, вотъ и не вѣрите. Добраго слова мнѣ нѣту здѣсь. Знаемъ!

Марья. Богъ съ тобой, батюшка! Нешто можно человекъ зря хаять, али какъ!.. За что про что? Худа мы отъ тебя не видали...

Еркинъ. Ну, ужъ знаемъ! Есть тутъ одинъ... Беретъ его задоръ на меня, да моченьки мало. И выходитъ шишъ изъ кармана, ха-ха!.. А я съ превеликимъ удовольствіемъ ежели подсобить... Да вотъ хоть телушку продайте. Хоша надобности не имѣю, а купить куплю такъ и быть. Вамъ на лошадь и кстати.

Домна (Наклонившись надъ прялкой, въ которой что-то поправляетъ). Трофимъ не продастъ.

Марья. Съ чего не продать? Вотъ еще!.. Коли цѣна, да не продать.

Еркинъ. Такъ ты, бабушка, покажь телку-то. Вонъ къ окошку ее подгони, я погляжу.

Марья. Изволь, батюшка, подгоню. Телка хо-ро-шая! гладкая, шерстка на ей словно шелкъ лоснится; природистая телка, Кузьма Ермилычъ, цѣльнымъ молокомъ поена...

Еркинъ. Полно расписывать-то. Гони.

Марья. Погляди, батюшка, погляди! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Домна и Еркинъ.

Еркинъ (пересаживаясь на сундукъ, рядомъ съ Домной). А вамъ, Домна Устиновна, сестра кланяться приказала и къ намъ въ гости велѣла звать, чтобъ безпремѣнно.

Домна (прядеть, быстро вертя колесо). Благодаримъ покорно.

Еркинъ. Это ужъ мы слыхали, да васъ у себя не видали. Вотъ въ чемъ досада. Не въ первой званы, пора-бы пожаловать-то. Развѣ что мужъ не пушаетъ, боитесь?

Домна. Хмъ! Съ чего взяли!

Еркинъ. Охъ боитесь!

Домна. Анъ не боюсь.

Еркинъ. Да ужъ вѣрно. Потому сдѣлай не по его, сейчасъ таска, ха-ха!

Домна. Какъ-бы не такъ! Руки коротки бить-то.

Еркинъ. До случая.

Домна. И напрасно вы все!.. Трохимъ завсегда ко мнѣ ласковъ.

Еркинъ. Ха-ха-ха! Оно и видать по тому, какая жисть вамъ, этакой раскрасавицѣ!..

Домна (охорашивается). Вы ужъ наскажете!

Еркинъ. Вѣрно-съ. По всей округѣ приравнять не къ кому. Развѣ одинъ Трофимъ не доглядѣлъ этого. Извѣстно, мужиень... Эхъ не на ту линію попали, Домна Устиновна, не за мужиковъ-бы вамъ быть. Главная причина—мужику въ бабѣ что требуется?—Работница, только всего. Онъ и смотреть на нее словно-бы на скотину и обращеніе съ ней такое. Нешто у нашего брата, торговца, такое бабамъ житье? Дуй себѣ чай, да переваливайся на мягкой перинѣ. Прямо сказать—живутъ въ свое удовольствіе. Только и заботы, что имъ потрафлять.

Домна. А сестра ваша съ чего-же день-деньской въ хлопотахъ?

Еркинъ. То сестра!... Да и карахтеромъ она непосѣда.—Значить, смѣлая вы, не боитесь Трофима?

Домна (перестала прядь). Смѣлая.

Еркинъ. Таеъ-то лучше. По вашему уму иначе и быть не должно. А то разъ покорись, другой покорись, тамъ и съ волей протись. Тогда только и свѣту, что въ этомъ окошкѣ. Да... И удали, думается мнѣ, много въ васъ?

Домна. Страсть!

Еркинъ. Ха-ха-ха! Важно!

Домна. Веселье слышишь, такъ тебя и подхватить.

Еркинъ. Словно перышко?

Домна. И пѣсня въ тебѣ, ажь вздрагиваешь, да плечи поводить...

Еркинъ. Какъ-же плечами-то? Покажите, Домна Устиновна!

Домна. Съ чего взяли!

Еркинъ. Уважьте ужь, что!.. Да ну-же какая!..

Домна (тихо напѣваетъ на голосъ плясовой, слегка поводя плечами).

По-сью лебеду на берегу,

По-сью... (оборвала и кокетливо на него смотреть).

Еркинъ. Ну что-же?.. Еще!.. Ну, пожалуйста!

Домна. Ха-ха-ха! Жирно будетъ.

Еркинъ. Ахъ и баба! Постою именинникъ буду, вотъ какое веселье устрою для васъ! По нашимъ достаткамъ, это у насъ безъ сумнѣнія, потому все можемъ. (Придвигается). Для такой раскрасавицы тоись что хошь! (Взялъ ее за руку).

Домна (отнимаетъ руку). Не трожь! Ишь какой! (Отодвинулась. Снаружи стучатся въ окно). Вонъ телку пригнали. Смотрите.

Еркинъ. А ну ее! Не глядя возьму. Сколько пожелаете, столько и дамъ. Въ задатокъ пятишницу, а достальныя сколько угодно какъ пригоните телку. (Достаётъ бумажникъ). Чуръ только самой вамъ пригнать.

Домна. Ха-ха-ха! Дождитесь!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Домна (прядетъ съ перерывами до конца акта), Еркинъ и Трофимъ.

Еркинъ (спрятавъ бумажникъ, встаетъ съ напряженной улыбкой). Вотъ и Трофимъ. (Трофимъ смотритъ на него вопросительно. Пауза). Желанный гость зова не ждетъ. Вотъ я и пришелъ, ха-ха! Али не радъ? (Трофимъ, не обращая вниманія, распоясывается, снимаетъ кафтанъ и вѣшаетъ на гвоздь). Можетъ ты мнѣ: милости просимъ мимо воротъ шей хлебать—такъ попривѣтствуешь гостя?

Трофимъ. Не ждаль.

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ-же и Марья.

Марья. Ну, видѣль телку, Кузьма Ермилычъ? Хороша?

Еркинъ. Первый сортъ.

Трофимъ. Съ чего о ней толкъ?

Марья. Кузьма Ермилычъ торгуетъ.

Трофимъ. А! (Домнѣ). При тебѣ Алдошеѣ сказано, что нѣтъ у насъ телки продажной?

Домна. Съ чего-жъ было врать, когда есть? Вчера съговорено продать-бы, а покупатель пришелъ—нѣту продажной?

Еркинъ. Ха-ха-ха! Такъ нѣту, Трофимъ?

Трофимъ (садясь). Нѣтъ. (Марья развела руками).

Еркинъ. Сказалъ словно топоромъ отрубилъ. А я съ бабами было поладилъ...

Трофимъ. У кулаковъ ужь снаровка такая: бабъ зануздать...

Еркинъ. Точно лошадей, ха-ха-ха! Бабы—какъ ты про нихъ понимаешь? Можетъ онѣ умнѣй насъ съ тобой, бабы-тѣ. По ихъ, вотъ, выходитъ: взять деньги, коли дають, да притомъ ежели въ одномъ карманѣ пусто, а въ другомъ ничего...

Трофимъ. Въ своихъ карманахъ считай.

Еркинъ. Въ нашихъ сосчитано. Кабы норовилъ я по вашей нуждѣ поприжать, а то, по пріятельству, настоящую цѣну дамъ.

Трофимъ. Пріятельство?! Съ коихъ поръ?

Еркинъ. Давно, еще съ лѣтошняго года, когда ты изъ кожи лѣзь міръ подбивалъ, чтобы слупить съ меня за кабакъ вдвое. Триста рублевъ плачу. Мало! вдвое дери, шестьсотъ цѣлковыхъ дери! Моими деньгами вздумалъ мірскую недоимку покрыть. Ловокъ! Жалко не выгорѣло твое дѣло-то! Выгатишь я сходу ведра два лишнихъ, перепились, тебя-же, радѣтеля, ругать стали, ха-ха!

Трофимъ. Какой ужь толкъ, коли вино править міромъ, да всякъ только въ свою мошну носомъ тычетъ!

Еркинъ. «Смутянь, кричать, Ховринъ! Дуй его, ребята, чтобы зря не оралъ!» Ха-ха-ха!

Марья. И охота вамъ старое поминать!

Еркинъ. Правда что! Значитъ нѣтъ между нами пріятельства? Эю жалость какая! А я было тебя почиталъ, потому первый ты у насъ мужикъ по всему, умственный мужикъ, ха-ха-ха! Даромъ что никто слушать не хочетъ. Кто про Трофима скажетъ, что у него лобъ широкъ, а въ головѣ тѣсно? Опять и пользу ты свою понимаешь...

Трофимъ (встаетъ). Ну, полно!

Еркинъ. Чтобы не было солоно? Тебѣ, али мнѣ? Хе-хе-хе! Ну, прощайте, хозяйюшки. Разобидѣлъ, али распотѣшилъ меня Трофимъ вашъ — ужь и не знаю. Обозначилось, напимѣрь, будто какъ онъ того... нырнулъ головой въ сваю, ха-ха!.. (Домна тихо засмѣялась). Не тревожьте его, Домна Устиновна. Ишь онъ сердчаетъ. (Съ проніей). Меня даже оторопь взяла...

Трофимъ (порывисто, сжавъ кулаки). Да будетъ этому конецъ, али нѣтъ?! (грозно шагнулъ къ Еркину).

Марья (удерживая его). Трохимушка!

Еркинъ (ѣдко). Гмъ! Конецъ-то? Повремени малость, отъ свово не уйдешь. Можетъ слыхалъ, пословица есть: «лошадь съ вол-

комъ тягалась, хвостъ да грива осталась? Вотъ это самое на конецъ и поидеть. Помни! (Погрозился и пошелъ къ двери).

ЗАНАВѢСЬ.

Дѣйствіе второе.

Сцена перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Домна (у стола, катаетъ рубелемъ свернутое на скалкѣ бѣлье) и Алдошка (выставляется въ дверь).

Алдошка (боязливо озираясь). Одна ты?

Домна. Одна.

Алдошка. А Трохимъ?

Домна. На господскій дворъ что-ли пошелъ...

Алдошка (вскакиваетъ въ избу и приплясываетъ, прииввая).

Въ рѣшетѣ пыла-да
Веретенами гребла-а!..

Домна. Съ чего тебя разбираетъ?

Алдошка. Празднуемъ. Именинникъ Кузьма Ермильчъ. Али не знаешь? И винца лагануль и студня во какой ломоть отвалили. Съ голода оно и препорядочно-хорошо. Такъ подошло—разукусить нечего, вспухъ даже, а тутъ студень. Взыграешь, небось!—Ну-ка, собирайся, молодка, поидемъ!

Домна. Куда это?

Алдошка. Догадки не хватаетъ. Вре-ешь! Еркинь съ своими именинами тебя проздравляетъ, въ гости велѣлъ звать.

Домна. Вотъ что!

Алдошка. Тамъ пиръ затѣянъ—страсть! Снѣди, сласти, меду—чего-чего нѣтъ! Голодный за версту унюхаетъ. Сестра даже выговаривать Еркину стала: зачѣмъ, молъ, такую прорву денегъ на угощеніе сѣдишь? А онъ, чѣмъ-же мы, говоритъ, Домву Устинову поштовать станемъ? Ага! Почетъ тебѣ—Боже мой!

Домна. Языкъ у тебя, вижу, мелево.

Алдошка. Съ мѣста не сойти. Дура! да онъ для тебя что хощь. Этакій, прямо сказать, кремень, только и живетъ что въ свою кишку, а ты его всего растрещать можешь. Надо это въ понятіе взять, али нѣтъ?

Домна. Нуждаюсь!

Алдошка. Полно важничать, сдѣлай милость! Съ ржаной болтушки, чай, животъ подвело, а туда-же!.. А онъ вотъ нака-

залъ какъ: ступай, говоритъ, къ Домнушкѣ, проси ее, вланияся, въ ножки ей вланияся... (букнулъ на колѣни). Чувствуешь это мое униженіе?

Домна. Чтобы пришла?

Алдошка. Потому ему безъ тебя праздникъ не въ праздникъ. Даже ужъ онъ на тебя обзарился, Домна. А не упросишь, сказалъ, не придетъ Домнушка, я-те удружу въ полномъ размѣрѣ. Меня, значить. Чуешь? Тады Алдошка клади зубы на полку. Не только по малости угостить, нюхнуть винца не дастъ. Тады прямо сказать—ложись въ канавку и помирай. (Кланяется). Приходи, сдѣлай милость!

Домна. (посмѣиваясь). Чтобы тебѣ контовать?

Алдошка (встаетъ). Ну, дура. Говорилъ, что ты мужа боишься, на мое и выходить. А Еркинъ накинудся на меня: «идолъ преобразенный, вричить, много ты смыслишь! Ей, говоритъ, какое дѣло, что Трофимъ взѣлся на меня? Шлевать ей на это. Она, говоритъ, всю его глупость до тонкости понимаетъ. Да! Она, говоритъ, козырь-баба, не такой подъ мужнинимъ кулакомъ шею гнуть...» Какъ разшелся-то—страсть, мой Ерилычъ! А вышло на мое. Вотъ-те и «идолъ преобразенный»!

Домна. Такъ, такъ! (Кончивъ складывать бѣлье, подходитъ къ сундуку). Что-же у него—гости?

Алдошка. Все поштенные, старшину ждуть, писаря... Дѣвки скливаны пѣсни кричатъ. Тебѣ загѣвалой. Не придешь, всѣхъ дѣвокъ разгонить.

Домна (поднимая крышку сундука). И тебя прибьетъ?

Алдошка. А то нѣтъ? У него завсегда коротко и ясно. Сдѣлай милость!

Домна. Ишь ты бѣдный! Видно идти мнѣ тебя выручать, Евдокимъ?

Алдошка. И лукаво-жь бабѣ это!

Домна. Ну! (Роется въ сундукѣ).

Алдошка. Не даромъ сказано: гдѣ чортъ не сладить, туда бабу шлетъ. (Озирается. Про себя). Ишь долото какое лежитъ! Пригодится. (Взявъ его съ лавки и засовываетъ въ карманъ. Громко). Приходи, матушка, выручи! Тамъ выпивку зададимъ за твое здоровье!..

Домна (обертываясь). Иди ужъ, иди!

Алдошка. Вотъ какъ: сверхъестественную муху урѣжу, ха-ха! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Домна.

И пойду... Тамъ пиръ, веселье, а мнѣ дома сидѣть? — Ну какъ-же! Дома-то у насъ живого слова не слышать, одно знаемъ—окаемъ... Небось всякому лестно къ Кузьмѣ Ермилычу въ гости попасть. Всякъ къ нему съ уваженіемъ... (Порывшись въ сундукъ, достаетъ наряды). Этотъ, съ глазками платокъ надѣть, али съ разводами?.. И рѣчистъ-же Кузьма Ермилычъ! Намедни: Трофимъ ему слово, а онъ десять, да такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ. Люблю! (Накинула на голову одинъ изъ платковъ и смотрится въ зеркало). Этотъ наряднѣй кабыть... Кузьма Ермилычъ небось всѣ глаза проглядить, меня дождамши... Куда сережки запропастились съ каменьями? (Опять роется въ сундукъ). Серчай-не-серчай, а пойду. И правда, что разъ покорись и простиись съ волюшкой... Манисты тѣ надѣть, что мнѣ, въ дѣвкахъ барыня подарила. (Пригъриваетъ ихъ передъ зеркаломъ). И хорошо-же!.. Кузьма Ермилычъ говорить, во всей округѣ приравнять меня не къ кому. (Любуется собой). Тоже мастеръ зубы-то заговаривать!.. Идутъ. (Поспѣшно закрываетъ сундукъ и складываетъ на его крышкѣ приготовленные наряды, прикрывъ ихъ полотенцемъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

Домна, Трофимъ и Марья (входятъ вмѣстѣ).

Трофимъ. Ну, слава Богу, раздобылъ лошады!

Марья. Кто далъ?

Трофимъ. Господа. Дали попахаться, овесъ отсѣять. Въ саду очень ужъ я барчуку работой потрафилъ. Ну и дали. Завтра поѣду землю метать. Слава Богу!

Марья. Ну дай имъ Владыко небесный! У своихъ посовался туда-сюда, нѣту помощи.

Трофимъ. Сами пашутъ. Тоже пчелякъ Борисъ деньгами обнадѣживаетъ. Говорить, достану тебѣ купить лошадь. Пеньку, значить, на хлѣбушко продадимъ.

Марья. Вотъ и еще! Мы съ печалью, а Богъ съ милостью. Такъ-то вотъ!

Трофимъ. Таперь, Домна, на поправку пойдетъ. (Ласково взглянулъ на жену. Она, не измѣняя позы, смотритъ въ окно). И куда это долото завалилось? Искаль-искаль!.. Не видала ты, Домна?

Домна. Нѣтъ.

Трофимъ. Кажись въ избѣ было... (ищетъ долото, поглядывая на жену). И все наша Домна кабыть въ печали...

Марья. Съ того, какъ ты знаться съ Еркинымъ не ведѣлъ, и я замѣчаю: то-ли серчаетъ она, то-ли еще что—Богъ ее знаетъ!

Трофимъ. А что ей Еркинъ?

Марья. Спроси. «Онъ, говорила, какъ добрый человѣкъ въ намъ, деньги какія давалъ за телку, а мы вонъ какъ отблагодарствовали».

Трофимъ. Да.

Марья. А я тогда и теперь все то-же скажу: не нашенское дѣло встрѣвать. Хозяину виднѣе, какъ быть надо.

Трофимъ. Окромѣ всего прочаго, то одно взять: за что, скажутъ люди, Еркинъ намъ благодѣтельствуетъ, когда всякаго, какъ липку, ободрать норовить? Объ этомъ подумала?

Домна (сняла платокъ и повязывается другимъ, яркаго цвѣта). Онъ на разаводѣ племя торговалъ телку.

Трофимъ. Какой разаводъ! Пустяки.

Марья. Ты, Домна, куда обряжаешься?

Домна. Въ гости. (Искоса взглянула на мужа и надѣваетъ передъ зеркаломъ манисты).

Марья. Къ кому?

Домна. Къ добрымъ людямъ... на именины.

Марья. Ужъ не къ Еркину-ли? Именинникъ онъ понче.

Домна (взглянувъ на мужа, надѣваетъ сережки). Сестра его звать приходила.

Марья. А, такъ вотъ ты куда?! (Выразительно смотритъ на Трофима. Пауза). И пойдешь?

Домна. Пойду.

Марья (сыну). Чего-жь ты глядишь?! Сбей съ нея шлякъ-то, да за косы, дуру! Образумь! Противъ твоей воли идетъ. Дай острастку хорошую!

Домна (накинувъ на плечи «шаль», смѣло подходитъ къ мужу). Бей! (Трофимъ опустилъ голову и отвернулся. Домна схватила пальтишко и уходитъ, бросивъ Марьѣ насмѣшливый взглядъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ-же, безъ Домны.

Марья. Вотъ это хорошо, вотъ прекрасно! Супротивъ сдѣлала, нако-сы! А ты хоть-бы слово!

Трофимъ. Тебѣ на зло она, въ обидѣ... Шлякъ сорви, за косы!.. Э, не совалась-бы! (Зашагалъ въ волненіи).

Марья. Такъ, такъ! Эхъ, Трохимушка, пыталла она тебя, пыталла-а! Убирается, нѣтъ-нѣтъ и взглянетъ: какъ ты? А видить, что ты ничега, послабляешь, она смѣлѣй, да смѣлѣй. И выверну-

дась къ тебѣ: бей, молъ! учуявши, что нѣтъ въ тебѣ на нее силы. (Трофимъ остановился). Небось, не подскочила-бъ, кабы трешку ждала. А то ишь фрѣй какой выкатила! Таперь идетъ, да посмѣивается. И-ихъ!.. Ступай, вороти! Не удержишь за возжи, за хвостъ не поймашь. Ступай, говорю, вороти дуру! (Трофимъ ринулся къ двери и ушелъ). Ахъ, Владыко небесный, ишь что затѣяла! Страху не знаетъ, вотъ что.—«Бей!» Ишь вывернулась! Ну я-бъ те, любезную, поучила, такую-бъ тебѣ выволочку задала... (Трофимъ медленно возвращается). Одинъ?!

Трофимъ. Не срамить-же ее при народѣ!.. На улицѣ народъ... Праздникъ.

Марья. А какъ она тебя осрамить?.. Ой, вороти, да поучи хорошенько, на предбудущее время чтобъ помнила!

Трофимъ. Кулакомъ добра не вобьешь. Да и не по мнѣ это... (Сѣлъ и опустил голову на руки).

Марья. Значить, дѣлай она что желательно? Ну, нѣтъ, Трофимъ. И ей во вредъ, и тебѣ въ грѣхъ, потому, должонъ ты жену въ разумѣ соблюдать. По Домниному праву, да своевольству, нешто можно ей волю. Бѣда ей въ волѣ-то. Да. А поучить ее—станеть шелковая. Жену прибить—что ши посолить, Трохимушка. Посоломъ они сладки бывають. Вѣрь моему слову.

Трофимъ. Опять ты свое!.. Вида не покажу, что обидно мнѣ, вида!.. Послѣ битья ужъ что за любви!..

Марья. Напрасно. Иную бабу изъ послушанья сохрани Богъ выпускать; а въ рукахъ она хороша и свѣкуетъ хорошей. Да тебѣ ли не покориться, Владыко небесный! За такимъ мужемъ ерѣпко женѣ жить, что у Христа за пазухой. А гордъ ты, Трохимушка, гордъ!

Трофимъ. Подлащиваться не стану, либо-что... Хоша по любви по моей вотъ какъ: въ гробъ за нее лягу, за Домну!

Марья. Нешто понимаетъ она это? Эхъ, Трохимушка, не такая любовь ей нужна, милый ты мой!

Трофимъ. А кака-жь?

Марья. Веселая, да угодливая; чтобы смѣхъ, игра, да чтобы на красу ея любовались. Погляди сколько разъ на день она къ зеркалу подбѣжить. И сбить Домну съ пути способности всякой другой, особливо ежели въ веселый часъ, потому въ весельи она вся тутъ, все позабудетъ и нѣтъ ей отъ глупостей въ себѣ удержу. Опять другая къ дѣлу привержена, забота дурь выбиваетъ, а Домну, по лѣности ея, не къ тому клонить. Гдѣ ужъ!.. А ты приструнь ее, забери въ руки-то. Не станеть тебя почитать, того на-творить!..

Трофимъ. Ну, оставь, не учи. А первѣе всего — не раздорь. Кабы ты не раззадорила Домну, не ушла-бъ она къ Еркину.

Марья. Все-же я выхожу виновата. Эхъ, Господи! (Уходитъ).

Трофимъ (всталъ). Ужь какъ ты, Домна, этимъ меня обидѣла-и сказать нельзя какъ!.. Точно, нѣтъ во мнѣ силы на нее, правда... Да что и возьмешь силой-то! По мнѣ не люба жена въ страхѣ... А ужъ кабатчика этого... тоясь, какъ червя-бъ раздавилъ!.. (Приглядывается въ окно, встревожился). Нивакъ ко мнѣ старшина!.. и писарь съ нимъ... Что за оказія?.. Ну, это не даромъ... тутъ не безъ каверзы!

ЯВЛЕНИЕ V.

Трофимъ, старшина Чухинъ и писарь Кошкадавовъ (съ книгой).

Чухинъ (важно входитъ, не отвѣчая на поклонъ Трофима). Подати!

Трофимъ. Подати?! Да съ чего-же таперь, Дормидонтъ Ивановичъ?.. Какъ передъ Богомъ, нечѣмъ отдать. Опять лошадь у меня пала, работать не на чемъ. По осени отдадимъ.

Чухинъ (разсаживается). Слыхали мы разговоры эти. На то, на се деньги есть? Жену наряжать есть, а на подати нѣту? Знаемъ мы васъ, канальевъ. Распустились до того, нивакихъ способовъ нѣту. А я слышать ничего не хочу. Начальство велитъ разыскать подати и взыщу.

Кошкадавовъ. Настрожающій приказъ, на точку вида поставлено.

Чухинъ. И взыщу, потому я должонъ побуждать.. Не свои-же за васъ, канальевъ, деньги платить, мнѣ. Подати!

Трофимъ. Яви божескую милость, Дормидонтъ Ивановичъ, потерпи! Малость справлюсь, отдамъ. На другихъ больше недоимки засѣло...

Чухинъ. Что ты мнѣ другими-то тычешь! Въ своемъ я правѣ требовать, али нѣтъ? Упорный ты мужикъ, вотъ что!

Кошкадавовъ. Вѣрно.

Чухинъ. И брешешь, что нечѣмъ платить. Поискать — живо найдется... Къ примѣру, телка? Тебѣ за нее сколько давали? Не знаю я, думаешь? А поешь—денегъ нѣтъ. Васъ, канальевъ, только послушай, развѣсь уши-то!

Трофимъ (усмѣхнулся). Эвъ нужна Еркину телка моя!

Чухинъ. Подати нужны. Слышалъ? А ты рыло-то пасконное не вороти, не сеаль зубы! Избаловался въ отдѣлку народъ!

Кошкадавовъ. Отъ послабленія все.

Чухинъ (возвышая голосъ). Укціонъ, когда такъ. Все опишу и,

продамъ. Коли ты способовъ не находишь да еще рыло воротить кончено: укціонъ!

Трофимъ. Ну, я лошадь на что я куплю? Али мнѣ въ конецъ разориться? Самъ знаешь, Дормидонтъ Иванычъ, можно-ли по крестьянству безъ лошади. Слава Богу завсегда справны были. Неужли-же за мною застрянетъ? Пособьюсь, говорю, отдамъ (кланяется). Богомъ прошу, потерпи!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Алдошка (выпивши).

Кошкадавовъ. Даваль Еркинъ деньги, нѣтъ заломался; а теперь кланчить.

Алдошка. Знаться мы съ Еркинымъ не желаемъ, вотъ что! А Домна у того-же Еркина сидитъ винцо попиваетъ, да пряничкомъ заѣдаетъ, ха-ха!

Трофимъ (Алдошкѣ). Уйди!

Алдошка. Не къ тебѣ я, къ Дормидонту Иванычу... (Низко кланяется старшинѣ). Онадьсь, какъ пришелъ къ нему Еркинъ, онъ его рру-гать!.. Ты, говорить, кровопивецъ, изничтожилъ насъ всѣхъ. И старшина, говорить, твою руку тянетъ. Такой-же. Оба мирофды вы, говорить, разбойники!..

Чухинъ (вставая). Ка-аеъ?! Вотъ ты какъ обо мнѣ понимаешь?!..

Трофимъ. Обносныя рѣчи.

Алдошка. Старшина, говорить, разжился на насъ, когда намъ способіе вышло отъ земства. Сыта, говорить, свинья, а все жреть...

Трофимъ. Да брешешь ты! Слова про старшину не было сказано! Брешешь ты, пьяница безсовѣстный! Вонъ, говорю! (Схватываетъ его за плечо).

Алдошка (вырывается). Къ Дормидонту Иванычу я, сдѣлай милость! (Чухину). Лоци мои глаза, коли вру! Онъ не одному Еркину, онъ и инымъ-прочимъ говорилъ тоже.

Кошкадавовъ. Точно былъ слухъ.

Чухинъ. Таеъ-то ты про начальство? Бунтовать?!

Трофимъ. Ужли-же, Дормидонтъ Иванычъ, ты въ самомъ дѣлѣ вѣришь ему? Стыдъ и совѣсть челоувѣкъ потерялъ. Всякъ его за такого знаетъ и ты. Первый воръ, первый каверзникъ и пропойца. И такому надо-мною вѣру давать?!

Алдошка. Послѣдняго и собаки рвутъ. Говори, говори!

Кошкадавовъ. И мнѣ Еркинъ сказывалъ, что Трофимъ про Дормидонта Иваныча поносныя слова говорилъ.

Алдошка. Ага!

Трофимъ. Значить вы съ Еркинымъ и пропойцей этимъ противъ меня заодно? Значить, подвохъ? Такъ и знать будемъ.

Чухинъ (кричить). Какъ заодно? Съ кѣмъ я заодно?

Трофимъ. Э, коли на то пошло, всю правду скажу. Да, заодно. Подручникъ твой Еркинъ, спрячешься ты за него, а кровь изъ народа вмѣстѣ сосете. Народушко безъ хлѣба скудается, лебеду ѣсть, а твой Еркинъ что? За безцѣнокъ все у насъ позабралъ: вожи, пеньку, овецъ, поросятъ, бабьи холсты, одежду, все! Чуть не за даромъ къ нему волокутъ и деньги у него-жь пропиваютъ. Раззоръ! На этихъ, что ободраны Еркинымъ, ты подати терпишь, потому самъ разорилъ, потому общая съ Еркинымъ торговля у васъ и общій кабакъ...

Чухинъ (задыкаясь отъ гнѣва). А, такъ-то!.. Писарь, пиши бумагу!.. (Трофиму). Бунтовщикъ, оскорбитель начальства!.. Я-те произведу!.. (Писарю). Въ волостной судъ пиши... (Трофиму). Я тебя сокрушу-у!..

Кошкадавовъ. Все обозначимъ, какъ слѣдуетъ. (Достаетъ изъ кармана чернильницу, изъ книги перо и бумагу и начинаетъ писать).

Алдошка. Ну, Трофимъ и пропишутъ-же тебѣ. Небо съ овчинку покажется, ха-ха-ха!

Чухинъ (Трофиму). Въ Сибирь, каналью! Знаешь ты это? Приговоръ общества и въ Сибирь! Закатаю!

Трофимъ. Что мудренаго! За ведро вина, миръ тебѣ какой хошь приговоръ дастъ.

Чухинъ. Молчать!

Алдошка (Трофиму). А еще собирался старшину учестъ съ писаремъ, гаддѣлъ что, молъ, деньги мірскія растратили. Учтутъ тебя. погоди! Какъ вжиенуть березою!..

Кошкадавовъ. Ха-ха-ха!

Трофимъ (схватываетъ Алдошку за шиворотъ и выталкиваетъ въ дверь) Провалиться тебѣ, подлюка! (Черезъ распахнувшуюся дверь въ сѣняхъ видна Домна).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Домна (она зарумянилась, на-веселѣ).

Трофимъ (отшатнулся). Домна!

Алдошка (проталкиваетъ ее въ избу). Покажись, покажись, ха-ха-ха!

Домна. Оста-авъ! (Смущенная, прислонилась къ стѣнкѣ у двери).

Алдошка. Пьяненькая, да румянькая!... Мужу отъ Еркина

гостинчика принесла, ха ха-ха! (Чухинъ и Кошкадавовъ громко захохотали. Трофимъ отвернулся и закрылся руками).

ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствіе третье.

Сцена: лѣсъ. Слѣва, въ глубинѣ, плетень, за которымъ видны ульи пасѣки. Въ плетнѣ воротца. Возлѣ нихъ выкорчеванный пенъ, служащій скамьею и тутъ-же большой камень. На одномъ изъ колець плетня, у воротъ, виситъ лошадиный черепъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Аксюта (лежитъ навзничъ подъ деревомъ, справа).

Тихо... пчелку, каждую козявку слышать, а вверху все шумить, все шумить!.. Вѣтеръ въ листьѣ играетъ, ишь какъ макушки качаются... Хорошо!.. А необышко синее синее!.. Тамъ Господь. Какъ дѣдушка сказалъ мнѣ вчера?.. «Облачается Господь небесами, опоясывается зорями...» И все видитъ Онъ, все!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Аксюта и Борисъ (изъ пасѣки).

Борисъ. Вотъ ты гдѣ!.. Ай спала?

Аксюта. Нѣту, дѣдушка. Думала.

Борисъ (опускается возлѣ нея на траву). Думала? И все-то, ты думаешь, дитятко, одна, да одна! Что-бъ на селѣ побывать, попѣть, да поиграть съ дѣвками. А то думаешь, тихая, невеселая... Что хорошаго?

Аксюта. Какія пѣсни! Горе тамъ... голодуха.

Борисъ. Да, прогнѣвался Царь небесный на насъ. Противно ему стало супроти свою рода христіанскаго. Развратился народъ. Во всѣхъ частяхъ дурныхъ дѣловъ прибыло. Страху божьяго нѣтъ. Вотъ праздникъ нынче, былъ я у церкви. Пустуетъ храмъ Божій, не сталъ народъ ходить Богу молиться. А которые придуть, такъ обрядятся, да дружка на дружку поглядываютъ. Какая въ церковь обряда? Господь приметъ и въ лохмоту... Да, супротивъ прежнихъ временъ совсѣмъ, совсѣмъ разница. (Грустно задумался).

Аксюта (приподнялась. Съ оживленіемъ). И такъ мнѣ ихъ жалко, такъ жалко!..

Борисъ. Лютуетъ надъ людьми горе-то. Правда. А ты зачѣмъ такъ ужъ тосковать, моя дѣвонька! Не очень къ сердцу прймай... Не по лѣтамъ ты думчива. Съ того вотъ и хворенькая такая.

Аксюта. И всѣхъ мнѣ жалче Трофима.

Борисъ. Да! ходила къ нему?

Аксюта. Ходила.

Борисъ. Наказывала, чтобы ко мнѣ побывалъ?

Аксюта. Сказала, чтобы безпремѣнно.

Борисъ. То-то! Я деньжонокъ ему раздобылъ. Старшина по-
датыми нажимаетъ. Да ничего, выручимъ.

Аксюта. Спасибо, дѣдушка миленькій! Все сказала. А онъ
только рукой махнулъ... Онъ такой сталь... скучный, молчить, гу-
бы бѣлыя, сжаты... (Заплакала).

Борисъ. Съ чего ты, ясочка? Полно!

Аксюта. Охъ, чувствуетъ мое сердце невзгодушку!.. Домнушка моя,
что ты дѣлаешь, что дѣлаешь ты?!

Борисъ. Полно, Аксюта, полно-ка! Этакъ ты совсѣмъ изве-
дешься. Мнѣ-то каково будетъ? Тоже и дѣда вспомни коли. Безъ
тебя облѣсѣлъ-бы я, закорявилъ. Въ лѣсу надъ человѣкомъ зна-
ешь сила какая? А ты душеньку мою что солнышко грѣла. (Гла-
дитъ ее по головѣ). Значить дорога ты мнѣ, ась?

Аксюта (ласкается къ нему). Не стану, дѣдушка, тосковать.
Только-бы Домнушкой не сухотиться, вотъ какъ повеселѣю!

Борисъ. Да что у нихъ съ Трофимомъ вышло такое?

Аксюта. А видишь-ли... (вздрыгнула и вскочила).

Борисъ. Чего испужалась?

Аксюта. Кабатчикъ. (Убѣгаетъ за пасѣку).

Борисъ (поднимаясь). Этого зачѣмъ нелегкая принесла, про сти
Господи! (Пошелъ къ пасѣкѣ).

ЯВЛЕНИЕ III.

Борисъ и Еркинъ (въ длинномъ сюртукѣ мѣщанскаго покроя, съ палочкой)
и въ концѣ **Аксюта**.

Еркинъ (входя справа). Здорово, старикъ!

Борисъ (обертываясь). Здравствуй.

Еркинъ. Ну, какъ твои пчелы? берутъ?

Борисъ. По маленьку.

Еркинъ. Пушай ихъ стараются. Медъ у тебя куплю.

Борисъ. Свой у меня покупатель, всегдашній.

Еркинъ. Али брезгуешь нами, ветхій человѣкъ, а?

Борисъ. Зачѣмъ брезговать! Не понадобится моему покупате-
лю, можно и другому продать.

Еркинъ. Ну, а не слыхалъ ты, прѣзжалъ-ли кто садъ сы-
мать у господъ? Иду снять хочю.

Борисъ. Не слыхалъ. (Входитъ на пасѣку).

Еркинь (смѣясь). Ну, а голову лошадиную за коимъ чортомъ тутъ нацѣпилъ?

Борисъ (въ воротцахъ). Тутъ не чортъ... Знать дѣло нужно, тамъ и говорить, а то какъ разъ надъ собой посмѣешься. Видишь-что: первую пчелу изъ-за моря принесъ въ посохѣ своемъ Никола-угодникъ. И посадилъ онъ пчелу ту въ такую-жь вотъ лошадиную голову. И развелась пчела въ головѣ той и пошла, матушка, у насъ по всей по Рассей. Такъ вотъ! Кабы это ты зналъ, не поминалъ-бы нечистаго и зря-бы не гоготалъ. И выходишь ты совокъ, да не ловокъ, хе-хе!.. Ступай себѣ съ Богомъ, ступай!

Еркинь. Тоже балагуръ, старый хрычъ! (Уходитъ влѣво).

Борисъ (усмѣхаясь ему въ слѣдъ). Эхъ ты сахаръ!

Аксюта (за пасѣкой, тревожно). Дѣдушка!

Борисъ. Анька?

Аксюта. Трофимъ... Ушелъ этотъ?

Борисъ. Ушелъ.

Аксюта. То-то! Трофимъ идетъ. (Указала вправо и уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Борисъ и Трофимъ (тихо входитъ справа, повѣсивъ голову).

Борисъ. Онъ и есть. Трофи-имъ!

Трофимъ (очнулся отъ задумчивости). А?!

Борисъ. Идешь на меня и словно не видишь. Здорово!

Трофимъ. Ай къ тебѣ я? (Осмотрѣлся). Точно, пчельникъ. (Снял шляпу, поклонился и пошелъ дальше.)

Борисъ. Куда-жь ты, куда?! Вѣдь ты ко мнѣ шелъ?

Трофимъ. Нѣтъ, я такъ... Ненарокомъ къ тебѣ вышло.

Борисъ. Экъ ты какой! Я-жь Аксюшу посылалъ. Ты придти посулился.

Трофимъ. А, признаться, заняматовалъ.

Борисъ. Э-эхъ! Какъ-же, посылалъ! Сядемъ-ка тутъ. (Садится на пенъ). Посылалъ, паря; нужно побалакать съ тобою. А ты мимо... Чудакъ! Ну-же, садись!

Трофимъ. О чемъ балакать-то? (Нехотя садится на камень).

Борисъ. Да ужъ найдемъ!

Трофимъ. Докука.

Борисъ. Докука тебѣ? Гмъ!.. И кто жалѣючи съ тобой, по душѣ, опять-же докука?

Трофимъ. И жалѣеть кто—докучаетъ, все одно какъ тѣ, что смѣются.

Борисъ. Съ кручины, точно—бываетъ этакъ-то... Особливо

коли человекъ въ горѣ своемъ Господа позабылъ. А помолишься, и въ сердцѣ просвѣтитъ твою и мысли прояснятся. А безъ этого, какъ въ темномъ лѣсу человекъ. И зачнетъ его лѣшій водить, того-гляди доведетъ и до худа. Такъ-то, Трофимъ. Ну, а про горе твое слыхалъ. И вѣрно пожалѣлъ я тебя; а пуще за то, что на все, сказываютъ, рукой ты махнулъ. Нѣтъ, чтобъ уси- литься, какъ-бы справиться поскорѣе...

Трофимъ. Не въ утѣху.

Борисъ. То-то и плохо. А въ работѣ знаешь какъ? Подними- ка ее во всю мочь, гляди сколько досады, обиды и думъ него- жихъ уйдетъ въ нее, братъ! Анъ и полегчаетъ.

Трофимъ (угрюмо). Пробовалъ. Нѣту покоя.

Борисъ. Ну?

Трофимъ. Одна дума... клиномъ засѣла...

Борисъ. А ты осилъ себя, какъ учу. Послушай старика. Бы- ло время, старики міру и разумъ, и правду, и помощь указывали.

Трофимъ (раздражительно). Было. И міръ ими держался. Не то таперь. Ты одинъ изъ такихъ, а прочіе какіе есть старики обмелчали, да нѣкто ихъ слушать не станетъ. Міромъ таперь горланъ, да нахалъ верховодить, какой-нибудь Еркинъ, али Ал- дошка пропонца.

Борисъ. Правда. Другая перемѣна во всемъ. Охъ и волокит- ный народъ сталъ!

Трофимъ. Больше потому, что въ разстройствѣ. А справно- бы жить, и пьянства было-бы меньше, міроѣдовъ и всякаго зла.

Борисъ. Опять міроѣды, да дранье судомъ волостнымъ — нешто къ добру? Пуще народъ загрубѣетъ... Охъ-охъ! Слышалъ и у тебя съ старшиной что-то вышло?

Трофимъ (встаетъ). А!.. Тошно и вспоминать!

Борисъ. Какъ-же ты ему сгрубилъ-то, Трофимъ? Былъ ты мужикъ разсудительный, обходительный, а тутъ накосъ!

Трофимъ. Въ горячемъ часѣ человекъ безъ вина пьянъ. Главная причина — обида, подвохъ! Не заѣсть, не заспать той оби- ды! Лучше даромъ объ этомъ.

Борисъ. Все-жъ таки съ покорствомъ жить надо, на все доб- рый отвѣтъ надо имѣть...

Трофимъ. И все-то у васъ, стариковъ, поклонъ, да покор- ство!.. (Сломилъ вѣтку). Тутъ горло перервать въ пору, а ты... (Из- ломалъ вѣтку въ куски и далеко отбросилъ ее отъ себя).

Борисъ (встаетъ встревоженный). Помилуй Богъ, что ты?.. Пол- но-ка, полно! Богъ терпѣлъ, да и намъ велѣлъ. Вотъ-что, Тро- фимушка. А съ старшиной, съ податями какъ-нибудь сладимъ. Раз-

добылъ денегъ-то. Ну, пойдѣмъ на пчельникъ ко-мнѣ. Угощу, чѣмъ Богъ послалъ, потолкуемъ и деньги возьмешь.

Трофимъ. Спасибо, дѣдъ. А лучше того... отпусти ты меня.

Борисъ. Ну, вотъ! Съ чего взялъ? Пойдемъ-ка, пойдѣмъ! (Взялъ его за плечо). Много кой о чемъ нужно намъ побалакать. А ты не упорствуй, такъ со старикомъ не годится, не хорошо. Пойдемъ! (Уводитъ его на пасѣку).

ЯВЛЕНИЕ V.

Домна (входитъ справа. Заслонила рукою глаза и смотритъ въ лѣвую сторону).

Домна. Не видать.. Тутъ ему съ барской усадьбы идти. Садъ, вишь, снимать пошелъ... До всего дѣло, глаза завидушіе!.. И съ самыхъ съ его именинъ не видѣлись мы. Идешь мимо кабака. нѣтъ чтобы встрѣтить, какъ прежде!.. И съ чего носъ задралъ? Что такое воображаетъ въ себѣ?.. Невидаль!.. Сказать-бы — сердцаешь? Нѣту причины... Ума не приложу. (Вспыльчиво). Ну и шутъ-бы съ тобой! Нѣтъ, думается, ажъ досада грызетъ. Иной разъ къ сердцу подкатить... Приди онъ — кажется-бъ въ глаза наплевала (Быстро смахнула рукавомъ набѣжавшія слезы. Приглядывается). Никакъ онъ?.. Подумаешь — дожидаю.. Грибы ищу... (нагнулась и ищетъ ихъ). На пчельникъ шла и ищу... (Искоса взглянула на дорожку). Идетъ. (Безпечно заплѣла, продолжая, нагнувшись, искать грибы).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Домна и Еркинъ (слѣва).

Еркинъ (про себя). Домнушка!.. Гмъ!.. Али соскучилась? Такъ-то способнѣе, коли вашего брата безъ вниманія оставлять. (Къ ней). Наше печенье, Домна Устиновна!

Домна. Кузьма Еркильчъ!.. Откуда? Вотъ не чаяла по-встрѣчать!

Еркинъ (въ сторону). Врешь! (Къ ней). По ягоды, что-ли?

Домна. Что вы, какія ягоды таперы! Къ сестренѣ на пчельникъ шла... Ну, березовики попались...

Еркинъ. Березовики. Гмъ! Что-же станемъ вмѣстѣ искать?

Домна (кокетливо). Ха-ха! Съ вами найщешь!

Еркинъ. Это ежели дѣвка съ парнемъ, ну, точно, найщутъ немного. А намъ съ вами не очень что-бы... (Безучастно). Какъ живете-съ?

Домна. Съ вашихъ именинъ такое у насъ завелось!.. Ужъ и жалѣла-жь я, что пошла!

Еркинъ. Прибили?

Домна. Глупость какая!

Еркинъ. Всяко бываетъ. Иной разъ ту бабу и бьютъ, которая эту амбицію имѣетъ въ себѣ, ха-ха-ха! Что-же «завелось»-то у васъ?

Домна (надулась). А такъ... Хмурость.

Еркинъ. Сердятся, значить, за вашу провинность? Такъ-съ. А вамъ-бы заслужить постараться. Лукавству бабъ не учить. Анъ мужъ и опять съ лаской.

Домна. Нуждаюсь!

Еркинъ. Эге-ге! Въ такомъ разѣ, кому антиресь, мелкимъ-бы бѣсомъ предъ вами... Кха!

Домна. И любите вы зубы чесать!

Еркинъ. Посмѣхъ тѣшить, зубы чешеть, а дѣла не спортить. Ништѣ-бы! Слободному человѣку, у кого это баловство на умѣ, таперъ обаполо васъ самое способное дѣло, ха-ха!

Домна. Плюнуть на эти ваши слова, да уйти!

Еркинъ. Ну, вотъ! Я объ васъ понятіевъ благородныхъ. А если что вольнаго говорю, такъ на послѣдахъ это, потому слободу догуливаю, жениться хочу.

Домна (ѣдко усмѣхнулась). Часъ добрый!

Еркинъ. Старшина невѣсту сватаетъ. Боже мой, вראה какая! До васъ не дойдетъ, а тоже не изъ послѣднихъ. Въ посаженныя пойдете ко мнѣ?

Домна (зорко посмотрѣла на него и усмѣхнулась еще). Часъ добрый, Кузьма Ермилычъ! (Медленно пошла въ глубину лѣса).

Еркинъ (про себя). Лакома баба, страсть! А надо повременить, потому, по лукавству своему, сейчасъ къ мужу подобрѣть, ежели что... А таперъ онъ сунься—попробуй! (Домна, отойдя, остановилась и обернулась. Къ ней). Покорно просимъ въ посаженныя-то! (Поклонился и уходитъ).

Домна (выходя къ аванъ-сценѣ). Такъ-то ты?! Дура я, дура! (Грозится ему въ слѣдъ). Погоди!.. И я-жъ надъ тобою потѣшусь!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Домна и Аксюта (неслышно подходят сзади).

Аксюта. Домнушка, ты опять съ нимъ!

Домна (досадливо). Съ кѣ-ѣмъ?

Аксюта. А съ кабатчикомъ. Издалеча примѣтила, стоите балакаете...

Домна. Повстрѣчались. Что-жъ съ этого?

Аксюта. А Трофимъ-то какой сталь?

Домна. Чего ты ввязываешься, дѣвченка ты глупая? Не хва-

тало, чтобъ ты еще выговаривать стала! Дрянъ ты этакая право ну!

Аксюта (бросается Домнѣ на шею). Домнушка, не серчай! Милая, не серчай на меня ради Бога! Жалѣючи, любя, говорю, и тебя и Трофима любя. Измучилась я, какъ пошли нелады у васъ, сердце мое изныло! Какъ не говорить-то мнѣ, Домнушка? Какъ-же молчать?

Домна. Ай рехнулись вы всѣ? Да что я дурного-то сдѣлала, что? Къ Кузмѣ Ермилычу въ гости сходила, только всего. И Боже мой свара какая! Трохимъ волкомъ глядитъ... Войдетъ — словно камень на душу навалится. Терпишь-терпишь и тавое-то разбереть зло!.. А свекровь знай зудить, да зудить, и охаеть-то и вздыхаетъ!.. Охъ, и опостылѣли! И домъ и всѣ вы опос-ты-лѣли мнѣ-ѣ!

Аксюта. Да вѣдь ворогъ Еркинъ Трофиму-то! А ты въ гости къ нему и сейчасъ съ нимъ... Ужли-жь не обидно Трофиму?

Домна (съ большимъ раздраженіемъ). Какъ-же я — законъ позабыла, или что? Тѣфу пристади! А коли съ сердцовъ на меня Трохимъ носъ повѣсилъ, такъ мнѣ даже смѣшно. Черезъ бабу, ха-ха! Пуще онъ хмурится, пуще меня досада беретъ.

Аксюта. Души онъ не чае въ тебѣ, а ты вотъ какъ!..

Домна. Да что ты смыслишь въ этихъ дѣлахъ-то, блаженная? Суется въ совѣтчицы! Я-ли ему жена, другая-ли будь, ногтя мово не стоящая, все-бъ такой былъ.

Аксюта. Очерствѣла душа твоя къ мужу. Съ того и пылишь и говоришь такъ... Охъ, Домнушка, на погибель ведешь ты его и сама идешь на погибель. Чуетъ мое сердце бѣду!.. (Заялакала).

Домна (презрительно). Заголоси еще! (Повернулась уйти).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и Трофимъ (показался на пасѣкѣ. Его не замѣчаютъ).

Аксюта. Обошелъ тебя Еркинъ...

Домна (обернулась; вызывающимъ тономъ). Ну, обошелъ!

Аксюта. Значить милъ, если...

Домна (перебиваетъ). Милъ!

Аксюта. И пойдешь ты изъ-за него на грѣхъ и на срамъ...

Домна (пылко). И пойду, пойду, да! На все пойду! Мнѣ чтобы жистъ была, а не канитель, какъ у насъ. Пойду куда душа клонить, на все! (Пошла въ глубину сцени). Опостылѣли, право!

Трофимъ (про себя). Вотъ что-о!..

Аксюта (бросилась за Домной). Бога побойся, что говоришь ты! Опомнись, Домнушка, милая!.. (Скрылись обѣ).

Трофимъ (выходитъ пошатываясь изъ пасѣки и грузно садится на

пень. Пауза). «Куда душа клонить!» (Лицо его искривилось усмѣшкой). Все прахомъ, все!.. (Опустился всѣмъ тѣломъ и поникъ головой).

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Трофимъ и Борисъ.

Борисъ (выходитъ изъ насѣки. Удивленно). Трофимъ!.. Я думалъ— ушелъ, а ты здѣсь?! (Наклонился къ нему). Что попритчилось тебѣ? Ай не по себѣ?.. (Качаетъ его за плечо). Трофи-имъ!

Трофимъ (вдругъ всталъ и выпрямился во весь ростъ). На, дѣдъ твои деньги. Спасибо! (Отдалъ ихъ и пошелъ прочь).

Борисъ. Какъ?! Куда-жь ты?.. Возьми-же, вѣдь нужны!

Трофимъ. Ничего мнѣ не нужно таперь! (Уходитъ. Борисъ въ недоумѣніи развелъ руками).

ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствіе четвертое.

Сцена: въ глубинѣ, нѣсколько лѣвѣй середины, овинъ, окномъ къ публикѣ. Справа полузавалившійся половень *), дверью къ овину. За ними лѣсъ.

ЯВЛЕНІЕ І.

Марья и потомъ Аннушка.

Марья (входитъ изъ глубины справа и, крихтя, несетъ на коромыслѣ деревянные ведра съ водой). Охъ, Господи помилуй!

Аннушка (входитъ справа, по сю сторону половня). Здравствуй, бабушка.

Марья. Здорово, родная.

Аннушка. Чтой-то ты сама съ ведрами? Трудно. Дай подсоблю.

Марья (спуская ведра на землю). И то трудно, родная. Охъ ссадила меня пояница съ ногъ долой. Моченьки нѣтъ.

Аннушка. А сама ходишь по воду? Невѣстка что-же твоя? Ай у ней руки отсохли?

Марья. Не поминай лучше!

Аннушка. Да право. Статочное-ли дѣло старухѣ во всякую работу идти? А она чего гладкая, Домна? Проклаждается, руки сложимши? Мужъ послабляетъ.

Марья. На свою головушку послабляетъ-то. Что будешь дѣлать!

Аннушка. Мово-бы Аксена ей, стала-бы опасаться, небось. У

*) Плетневый сарайчикъ для ссыпки мякны и хоботья.

насъ не догляди что касаемое по хозяйству — такого леща влетитъ! Такъ вотъ и Домну-бы; не стала-бы свекровь спину гнуть подъ ведрами-то. А то вездѣ ты, да ты, мученски мучаешься...

Марья. Въ послѣднія попала на старости лѣтъ. Словно пришибленная стала какая.

Аннушка. И чего Трохимъ смотреть?.. (Марья махнула рукой). И все-то у васъ позапущено, плетень завалился, крыши раскрыты стоять...

Марья. Все прахомъ пошло, мать моя!.. Къ прежнему житью нашему прировнять—легко-ли, скажи? Охъ-охъ-охъ!

Аннушка. Справно жили, что говорить! Хлѣбъ завсегда довольный, боровьевъ даже выкармливали...

Марья. А таперь? (Опять махнула рукой). Въ мысляхъ стала мѣшаться, милая моя. Вотъ до чего. Впередъ и не загадываешь. Боязно. Ночью раздумается такъ-то, нападеть на тебя страхъ, да такой страхъ, что лежишь точно скованная, руки не поднять. А ужъ съ Трохимомъ что случилось!..

Аннушка. Да, ажъ сѣдиною прошибло. Увидала я, такъ и ахнула! Слышно рѣшеніе ему вышло изъ волости, къ наказанію приставить...

Марья (залилась слезами). Какъ услыхалъ онъ про это, голубчикъ мой, альни трясъ его взялъ... Охъ, подвели лиходѣи!

Аннушка. Еркинъ, сказываютъ, судьевъ угощаль, чтобы подвести Трохима подъ розги-то. Жила собачья! (Старуха горько плачетъ). А Трохимъ, вишь, не хочетъ въ волость идти...

Марья. И не пойдетъ. (Силится поднять ведро).

Аннушка. Семъ я снесу.

Марья. Спасибо, косатка. Свои не жалѣютъ, такъ хоть чужіе (Аннушка подняла коромысло себѣ на плечо). Охъ и сонъ мнѣ нынче привидѣлся!..

Аннушка. Дурной?

Марья. Вижу я, милая, змѣвиную голову, да большущую, примѣрно съ аршинъ. Лежить она отрублена у насъ въ хатѣ. Съ шипами, съ колючками, склизкая, а глаза что огонь. И нужно мнѣ будто изъ той головы мозги взять, стерѣтъ калачъ съ ними и съѣсть...

Аннушка. Ишь вѣдь что! (медленно пошли черезъ сцену на лѣво).

Марья. Какъ гляну я на голову ту, такъ меня альни морозъ позакожей проймаетъ. Какъ подступиться? А нужно. Только вдругъ эта самая голова скокъ на меня. Я ка-акъ крикну! съ тѣмъ и проснулась. (Ушла).

Аннушка (уходя за нею). Не хорошъ сонъ, не хорошъ!..

ЯВЛЕНИЕ II.

Еркинъ и потомъ Алдошка.

Еркинъ (вышелъ изъ лѣсу, осмотрѣлся; подходитъ ближе къ овину и смотритъ вправо). Гдѣ-жъ запропала Алдошка, лохматый песть?.. А мнѣ Домну чтобъ безпремѣнно нынче добыть. Съ того, какъ по-встрѣчались въ лѣсу, лѣзетъ она мнѣ въ башку и шабашъ. Вотъ вѣдь глупость какая!.. И то сказать: ужъ и баба! (прищелкнулъ языкомъ). Прежде опаска брала, потому Трофимъ ежели что -- хуже чорта. Ну да не долго у меня нагуляешь, голубчикъ! упрячу!.. (Глядитъ въ ту-же сторону). Вонъ и Алдошка... Ишь ноги волочить, словно на поденщину. (Машетъ къ себѣ рукой). Къ водкѣ собачьей рысью небось!.. (Громко). Ну-жъ скорѣй! (Алдошка входитъ). Идетъ не идетъ!

Алдошка (съ усмѣшкой). А тебѣ не терпится?

Еркинъ. Ну?

Алдошка. Выглядѣлъ.

Еркинъ. Гдѣ-жъ она?

Алдошка. Въ огородъ сидѣла.

Еркинъ. Дѣлала что?

Алдошка. Нѣтъ, такъ сидѣла. Надо полагать, о тебѣ думала, ха-ха ха!

Еркинъ. Языкъ-то не распускай!

Алдошка. Ну, сталъ за плетнемъ, обликнулъ. Молчить. Я громче: «Домна, аль ты оглохла?» — Молчить. Взялъ, да камешкомъ запустилъ, прямо въ плечо ей. Служалась. Ну, подманилъ. — «Чего тебѣ? спрашиваетъ». — «Такъ молю и такъ, Кузьма Ермилычъ изсохъ по тебѣ»...

Еркинъ. Смотри, какъ-бы ты у меня не изсохъ! Чучело.

Алдошка. Ха-ха-ха! Ну, «дожидаетъ, говорю, иди».

Еркинъ. Что-же она?

Алдошка. «Не зачѣмъ» сказала и уходитъ. Я оныть: «очень молю, видѣть желаетъ. За овиномъ стоитъ, мошною звенить»..

Еркинъ, Дуракъ! (Замахнулся на него палочкой). Сказывай толкомъ.

Алдошка. Ха-ха! Ну, буду толкомъ. — «Очень, говорю ей, проситъ Кузьма Ермилычъ, чтобы пришла, потому надобность».

Еркинъ. Ну?

Алдошка. Къ чорту послала.

Еркинъ. Туда тебѣ и дорога. Пошелъ.

Алдошка. Сдѣлай милость! Я исполнилъ свое, позвалъ, значить — косушка. Главная причина — не тебѣ бабъ смущать. Развѣ смамонишь какую... А Домна не очень чтобы!..

Еркинъ. Много ты смыслишь! (Повертываетъ его за плечи, указываетъ вправо). А это идетъ кто?

Алдошка. Ахъ въ ротъ-те шило! и то она. Ну, ставъ, значить, полштофъ.

Еркинъ. Чтобъ духу твоего не было, не то капли не дамъ!

Алдошка. Ушелъ я, ушелъ! (Побѣжалъ за овинъ, выглядываетъ изъ-за него; видя, что Еркинъ смотритъ въ противоположную сторону, крадется по стѣнкѣ и въ мигъ прячется въ овинъ черезъ окно).

Еркинъ. Иди, иди, лебедка моя!.. И лицомъ, и походкой, и статью—всѣмъ взяла. Важнецъ баба!

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ-же и Домна (энергично входитъ справа).

Домна. Ну, чего тебѣ? зачѣмъ звалъ?

Еркинъ. У, гнѣвная кака! Даже спужала. Въ бровяхъ туча, изъ глазъ молоньей палить... А вѣдь хорошо такъ, ей-ей!

Домна. Зачѣмъ?

Еркинъ. Позваль-то? А соскучившись значить, ну и любя. Чего никогда не бывало, стало мои мысли путать: Домна, да Домна въ нихъ... Эге, вижу, дѣло-то вонъ означаетъ какое!..

Домна. Мысли путать! Ха-ха! (Пошла прочь).

Еркинъ. Постой ты! куда? (Нагналъ и удерживаетъ). Коли за наемдншнее серчаешь... Посмѣялся, что собираюсь жениться...

Домна. А нужно!

Еркинъ. Пыталъ я тогда, въ какомъ то-есть ты расположеніи ко-мнѣ состоишь, потому какъ вижу, что тебѣ судьбу мою порѣшить, и выходило мнѣ дѣйствовать въ существѣ...

Домна (перебиваетъ). А такъ порѣшу, что кончено все и весь сказъ. И чтобы не тревожить меня... И не срамить, какъ нынче Алдошкой. Затѣмъ и пришла. (Повернулась уйти).

Еркинъ. Алдошка гдѣ ни шляется, а мнѣ около вашего двора не идетъ. Опять-же Алдошка въ кулакѣ у меня, потому и по-сала. А чтобы тебя *не тревожить* — отчего-же? Это мы въ своей амбиціи можемъ... (Съ усмѣшкой). Значить съ Трофимомъ поладила.

Домна. Молчи ты ради Христа!.. Трохимъ... Тоже не камсная... Таперь онъ поглядывать сталъ — вотъ-вотъ ножемъ полоснетъ... (Пугливо озирается). И ступай ты отселева, ради Христа ступай! И такъ про насъ сплетки...

Еркинъ. А чего тутъ стоять? Пойдемъ въ лѣсъ.

Домна (замахала руками). И-и нѣтъ, нѣтъ!

Еркинъ. А я еще за смѣлость тебя полюбилъ. Ужли ты какъ другія прочія бабы? (Порывисто). Эхъ, Домнушка, и заживемъ мы

съ тобой!.. Кому сережки-то припасены? (Вынимаетъ изъ кармана за-
вернутыя въ бумажку серьги и развертываетъ ихъ). Плохи? Такъ и горятъ!
(Суетъ серьги ей въ руку). Носи.

Домна (не беретъ ихъ). Не нужно мнѣ.

Еркинъ. Вотъ не нужны! То-ли будетъ, постой! (Вдругъ обнял
ее и поцѣловалъ).

Домна (вырываясь). Оставь! Ему свое, а онъ вонъ что!.. Безсты-
жіе глаза, право!

Еркинъ (подбоченился). А коли въ полномъ размѣрѣ она во-мнѣ,
любовь эта? Ну?

Домна. Оставь, Кузьма Ермильчъ, меня, дай одуматься. Пе-
ребурилось въ головѣ, никакого мнѣ нѣтъ покоя... На всякіе
лады поворачиваетъ и такъ и сякъ—не знаю какъ быть. И дома-
то опостылѣло, и Трофима жалѣешь, и страхъ-то беретъ, и себя
клясть зачнешь... Ноетъ въ тебѣ словно душу вонъ таянуть, зали-
ваешься плачешь... А то сидишь точно безчувственная какая.
Громъ надъ головою вдаръ—не шелохнешься...

Еркинъ. А я тебя сразу на линію произведу. Ужъ повѣрь!..
Не ладно балакать вотъ здѣсь, на виду. Пойдемъ! (Взявъ ее за руку
и отступаетъ къ лѣсу).

Домна (уперлась). Не пойду. Глупостевъ не хочу и не хочу!..
И слушать не стану.

Еркинъ. На счетъ этого ты всегда въ своемъ правѣ. Зачѣмъ
глупости? Говорю на линію произведу. Развѣ тебѣ своимъ умомъ
разобраться? Бабій умъ что коромысло: и криво, и зарубисто, и на
оба конца. Сама говоришь—тошно. А я тебѣ такую перспективу
устрою—малина! (Домна въ задумчивости отрицательно покачала головою,
Онъ взявъ ее руку). Ужъ такъ! Достоимся здѣсь того, что увидятъ.
Никакъ парни идутъ...

Домна (съ испугомъ, отнимая руку). Гдѣ?

Еркинъ. А вонъ. Идемъ, говорю, чего упираться-то! (Уводитъ
ее въ лѣсъ вправо).

Алдошка (высунувшись изъ овина, провожаетъ ихъ взглядомъ, потомъ
выскакиваетъ). Ха ха-ха-ха! Охъ, чтобъ васъ! чуть не разорвало со
смѣху, ха-ха!.. Ахъ ты сошка корявая! Ну, дѣла-а!.. (Громко). Эй,
ребята!.. Панька, подь поскорѣй!.. швидче идите! Оказія! Ха-ха-ха!
ай да Еркинъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Алдошка, Паньна и Сѣмна.

Панька. Чего ты гогочешь, какъ тотъ?..

Алдошка. Ребята, волеъ овцу уволокъ (махнулъ на лѣсъ). Ер-
кинъ Домну.

Сёмка. Ну!

Алдошка. Вотъ те и ну! Ступай погляди.

Сёмка. Ха-ха-ха! любопытно.

Алдошка. Давай ихъ, ребята, травить. Вотъ будетъ потѣха!

Сёмка. А Еркинъ нешто спустить тебѣ?

Панька (Сёмкѣ). Развѣ Алдошка въ соображеніе примааетъ? У него срыву.

Алдошка. Эхъ вы! У голыша тоже душа. Такъ, аль нѣтъ?

Панька. Такъ что-жь?

Алдошка. А то, что Еркинъ этого въ расчетъ не беретъ, жила собачья. Куда!

Панька. Не уважаетъ тебя?

Сёмка. Ономяся шею навостылялъ.

Алдошка. Уваженье!.. Ты доброе слово имѣй. Иной разъ вотъ какъ его требуется, альни душа тоскуеть. Да. А тебѣ замѣсто того обида. Проглоти-ка! Онъ куражится, чортъ, вотъ и ожгу. Охъ, и ожгу!.. Слушь, ребята, мы вотъ сдѣлаемъ какъ... (Продолжаетъ тихо, съ жестикуляціей, указывая на лѣсъ. Парни обступили его. Всѣ сгруппировались у половня).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же, Борисъ и Аксюта (изъ лѣса, лѣвѣй овина).

Аксюта. Ты, дѣдушка, поговори Домнѣ. Меня она и слушать не хочетъ, серчаетъ. Поговори, родимый! Тебя всякъ послушаетъ.

Борисъ. Да, ладно ужъ, ладно!.. Хоша по мнѣ немного въ ней толеу, въ Домнѣ твоей... Значить, ты въ лѣсу ихъ видѣла, съ Еркинымъ-то?

Аксюта. Въ тотъ день, какъ Трофимъ къ тебѣ приходилъ.

Борисъ. Возлѣ пчельника?

Аксюта. Недалечко.

Борисъ. Охъ надо бытъ запримѣтилъ онъ ихъ... Деньги-то мнѣ швырнулъ!..

Аксюта. Что ты?!

Борисъ. Да ужъ вѣрно. Эхъ-ма! (Шоровнялись съ овиномъ). Вонъ и хата Трофима. (Алдошка и парни громко захохотали).

Аксюта (въ страхѣ прижимается къ старику). Слышалъ? (Остановились).

Борисъ. Что за шумъ, за веселье такое?! Народъ... (Алдошка, увидѣвъ пришедшихъ, указалъ на нихъ и всѣ трое захохотали опять).

Аксюта. Дѣдушка, страшно мнѣ!

Борисъ. Погоди. Ребята, что у васъ тутъ?

Алдошка (подскочилъ къ нему). Ты лѣсомъ шелъ, никого не видалъ?

Борисъ. Нѣтъ.

Панька. Домнушеу не встрѣчалъ?

Борисъ. Никого не встрѣчалъ.

Сѣмка (Панькѣ). Чудаекъ! Нешто они на дорожкѣ станутъ стоять!

Борисъ. Кто они? Про кого вы?

Алдошка. А Домна съ кабатчикомъ.

Аксюта. Ахъ!

Панька (Сѣмкѣ). Глянь, Аксюту какъ громомъ вдарило!

Аксюта. Дѣдушка пойдемъ!.. пойдемъ искать ихъ, родимый!.. (Ломаешь руки). Охъ, Домнушка!.. охъ, милая ты моя!.. Пойдемъ поскорѣй! (Ташитъ Бориса къ лѣсу).

Борисъ. Да постой! Зубоскальство гляди, а ты и повѣрила. Надо знать кого слушать...

Алдошка (парнямъ). Не вѣрять! (Борису). У нихъ эта музыка еще здѣсь зачалась, до лѣсу. Тутъ обнимались, тутъ цѣловались!.. Я въ овинѣ сидѣлъ, чуть не лопнулъ, ха-ха! (Панька и Сѣмка захотали).

Аксюта. Домнушка, что ты надѣлала! (Въ рыданіяхъ упала Борису на грудь).

Борисъ (обнимая ее). Чего смѣтесъ, чего грохочете, озорники непутевые? Ишь заржали! Пошли-ка, пошли отсюда! Ну! (Аксютѣ). Эхъ, да полно, косатка, не надрывайся ты такъ!

Алдошка. Вонъ и Трохимъ. (Указалъ влѣво). Въ самый разъ.

Панька. Пуцай поищетъ жену-то, ха-ха!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Трофимъ (безъ шапки).

Трофимъ (на Алдошку съ парнями). Что за сборище? Вонъ!

Аксюта (стремительно бросилась къ нему). Трофимушка, не ходи! Миленькій, не ходи!.. Злые они... Осрамить... Не ходи-и!

Алдошка. Сдѣлай милость! Не мы срамимъ, а жена.

Трофимъ (отстраняя Аксюту, которая, судорожно ухватившись за него, не даетъ идти). Ка-акъ?! Что сказалъ?

Алдошка (попятился). Очень просто, что видѣлъ, то и сказалъ. Въ лѣсѣ Домна ушла съ кабатчикомъ.

Сѣмка. Ягоды искать.

Панька. А то въ гулючки играть, ха-ха! (Алдошка и парни сбились въ кучу).

Трофимъ (внѣ себя вырываетъ изъ половня колъ и заноситъ его надъ головою обѣими руками). Пикни—убью!

Аксюта (съ раздрающимъ крикомъ упала на землю). Въ крови колъ, въ крови!..

Борисъ (Трофиму). Брось коль-оть! Испугана она... (Наклоняясь къ Аксютѣ, чтобы ее поднять). Эхъ, Господи!

Аксюта (вскакиваетъ въ ужасъ). Уби-ли!! (Схватившись за голову, убѣгаетъ влѣво).

Борисъ (спѣшить за нею). Опять о земь вдарилась! Эхъ, уходятъ мою дѣвочку!.. (Ушелъ).

(За сценой слышны колокольчикъ и бубенчики. Трофимъ прислушивается, опершись на коль. Онъ тяжело дышетъ, лицо его искажено).

Алдошка (отоседшій съ парнями подальше). Слышь, ребята, колокольцы звенять. Трохимъ, это надо быть къ тебѣ, право къ тебѣ.

Панька. Становой.

Алдошка. Старшины колокольчикъ, не становой. Знаемъ. Судь волостной приѣхалъ къ нему.

Сѣмка. Поглядѣты! (Торопливо уходитъ вправо).

Алдошка. Трохимъ, чѣмъ это пахнетъ-то? Сейчасъ розги-и... (Тихо говорить съ Панькой. Трофимъ, блѣдный, мрачно глядитъ по направлению къ своему двору).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Алдошка, Паньна, Трофимъ и Марья (вбѣгаетъ слѣва).

Марья (вся дрожитъ и еле выговариваетъ слова). Трохимушка... Старшина... старшина!..

Алдошка. Ну такъ. Говорю наказывать. Звали въ волость, не шель... Произведуть, сдѣлай милость!

Марья. Трохимушка... тебя зовуть... тебя, мой родимый!.. Разбойники они!.. Охъ, за этимъ они, злодѣи!.. (Бросилась къ сыну съ рыданіями).

Трофимъ (отстраняя ее). За этимъ?.. Чтобъ я надругаться надъ собой далъ?! Аспиды!.. Ищите-жь... (грозится коломъ) ищите меня!! (Большими шагами пошелъ къ лѣсу).

Марья (побѣжала за нимъ съ голосъбой). Трохимушка, куда-жь ты, куда?!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе пятое.

Сцена: просторная изба питейнаго заведенія.—Одна дверь въ задней стѣнѣ.— По правой стѣнѣ лавка и столъ передъ нею.— По лѣвой на полкахъ посуда съ виномъ и стойка.— Правѣй двери скамья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Домна (сидитъ уныло понурившись. Разряжена).

Домна. Ахъ, Аксюта, Аксюта! Сокрушила ты меня, сестричка родимая!.. (Заплакала). Вспомню—такъ и зальюсь... (Утираетъ глаза фартукомъ). Не пережила мово сраму... Загубила я тебя, окаянная!.. Даже боязно къ могилкѣ ея подойти... (Задумалась и тяжело вздохнула). Надѣлала я дѣловъ!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Домна и Еркинъ (входя, искоса взглянулъ на нее).

Еркинъ. Опять!.. Коли носъ вѣшать у меня, да ревѣть, не очень намъ это по праву. (Пошелъ за стойку и убираетъ на полкахъ).

Домна (встала. Торопливо). Не буду, не буду!

Еркинъ. Горница не метена, со вчера соръ; а намъ-бы гулянки. (Сердито гремитъ пустою посудю).

Домна. Сейчасъ подмету. (Проворно взяла въ углу вѣникъ и подметаетъ полъ).

Еркинъ. Опять стирка вчерась... Нѣтъ чтобы сестрѣ подсобить. Руки сложимши сидимъ.

Домна. Я-бы замѣсто нее и на рѣчку пошла. Нѣшто лѣнь? Да стыдно. Увидятъ—«вонъ, скажутъ, Домна пошла солдатовы рубахи стирать». Засмѣютъ.

Еркинъ. Ничего стыднаго нѣту. Въ работникахъ живешь у меня, вотъ и все. Мужъ коли пропалъ, не съ голоду-жь тебѣ помирать! А послѣ того, какъ случился пожаръ, хата и добро ваше сгорѣло, куда было дѣться? Свекровь къ дочери уѣхала жить, а тебѣ куда?—И пошла въ работницы ко мнѣ, потому какъ должна ты проворму себѣ исвать и пристанища. Гдѣ-же стыдъ?

Домна (вымела соръ за порогъ и ставитъ вѣникъ въ уголъ). Развѣ-жь не знаютъ люди, какъ было у насъ?.. и мужъ отчего убѣгъ и все?.. Мало сраму на мнѣ?

Еркинъ. Онъ отъ дѣрки въ бѣгахъ. Бунтовщикъ. Постой поймаютъ, эй и зададутъ ему перцу!.. Управимся!.. Туда-же бунтовать, пакля нечесаная!.. Ужь эти, кои послѣ воли повыросли—и народъ-же! Безъ страха, безъ почтенія, передъ начальствомъ шап-

ки не ломаютъ, анаемы. Драть ихъ, канальевъ, драть!.. Такой и Трофимъ. Да чортъ съ нимъ, пуцай-бы пропалъ, подохъ гдѣ-нибудь.

Домна. Вога ты не боишься, Кузьма Ермильчъ!

Еркинъ. Разговаривай у меня! Я тебѣ не Трофимъ. Ай не знаешь? (Выколачиваетъ о стойку золу изъ трубки). Желательно жить въ удовольствіе, должна ты мнѣ всячески потрафлять, слово мое почитать должна.

Домна. Да вѣдь только и мыслей, чтобы тебѣ угодить. Господи! кажется битой собаки послушнѣй. Даже дивлюсь на себя. Только и надо—добромъ-бы ты со мною, да лаской, а ты... (уныло). Другія таперь у тебя пошли рѣчи.

Еркинъ. Касаемое ласки мы что-жь?—завсегда можемъ, даже препорядочно—хорошо, потому баба ты... гмъ!.. ни-че-го! (Закурилъ и лакомо на нее смотритъ).

Домна. Клиномъ моя жисть-то сошлась...

Еркинъ (обнялъ ее). Дура! Тебѣ-бы все миловаться, да пустяки; а у меня сколько дѣловъ, расчетовъ въ головѣ! На все соображеніе положить нужно, потому доходъ не живетъ безъ хлопотъ.—Ну?.. (Пощеловались). Хорошая-то баба—какъ? въ работѣ ей быть по уши, а ты на иной складъ, не тѣмъ голова набита. Въ тебѣ къ дѣлу нѣту того вниманія, потому дѣлаешь одно, а думаешь о другомъ, мысли-то съ галками летаютъ твои.

Домна. Точно, что мысль безпокойная... Завсегда было.

Еркинъ. Успокою, небось!.. Ну нечего растобаривать-то! Нашипи лучины, да наставь самоваръ. Живо!

Домна. Сейчасъ. (Уходитъ).

Еркинъ (беретъ старья, засиженные мухами счеты). И вѣрно, что не мужчиной она породы. Мать въ дворовыхъ была. Ну обаполо-господа, баловники извѣстные!.. (Сѣлъ за столъ, прикинулъ на счетахъ, стряхнулъ итогъ и нетерпѣливо бросилъ счеты на лавку). Сказываютъ, видѣли нынче Трофима... Кузнецъ, вишь, чѣмъ свѣтъ видѣлъ его въ Кошечевомъ верху, у колодца... Можетъ и враки... А объявится, спалать его въ тотъ-же часъ. Скрутить и безъ промедленія въ темную... Да покрѣпче запорь!.. А тамъ въ Сибирь заслатъ, потому неровенъ часъ... Сходу ведра три вина, катай, братцы, приговоръ: Трофима за безпокойства и бунтъ—въ Сибирь, ха-ха-ха! Дормидонтъ Иванычъ живо мнѣ это сварганить. А тамъ въ крестьянское присутствіе смѣзку, чтобъ безъ задержки... (Всталъ съ озабоченнымъ видомъ). Нынче-же съѣздить къ старшинѣ по этому дѣлу.

ЯВЛЕНИЕ Ш.

Еркинъ и Подфилый (въ лаптяхъ, въ рубахѣ съ продранными локтями).

Подфилый. Какъ-же, Кузьма Ермилычъ, отдашь одѣжду-то? Еркинъ. Какую?

Подфилый. А закладъ-то?

Еркинъ. Экій ты, братецъ, невнятный. Вчерась сколько разговора было, а ты опять. Просрочилъ. Какая-жь тебѣ отдача? Уговоръ позабылъ? Съ тѣмъ деньги браты, чтобы отдать въ срокъ.

Подфилый. Стало намъ раздѣтымъ ходить?

Еркинъ. Твоя забота. Я съ деньгами не набивался. Ты-же въ ногахъ валялся—просилъ: дай Христа ради мучицы купить, съ голоду помираемъ.

Подфилый. Приносилъ-же я деньги твои. Вотъ бери, а одѣжу отдай.

Еркинъ (не беретъ денегъ). Просрочилъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ-же и Павликъ (испуганный, говорить протяжно въ одну ноту. Босикомъ).

Еркинъ. Тебѣ чего, шишъ?

Павликъ. Тятка за водкой пьисяль.

Еркинъ. А давешній полштофъ или выпили?

Павликъ. Усѣ.

Еркинъ. Гости у васъ?

Павликъ. Нѣтути. Мамуску бьеть!.. (Подаетъ Еркину мѣдныя деньги).

Еркинъ. (Считая). Сбилъ, да поволокъ, альни брызги въ потолокъ... А тебѣ жалко?

Павликъ. Онъ ее казедѣнь бьеть... И меня бьеть и Малфуску-у...

Еркинъ (доставая съ полки вино). Значить всѣхъ бьеть?

Павликъ. Усѣхъ.

Подфилый. Какъ нажрется винаца, такъ драться. Э-эхъ!

Павликъ. Мамуска клица-ить!

Еркинъ. Кричить. На, шишъ, неси. (Даетъ ему полштофъ). Да смотри не разбей!

Павликъ. Небось не въ пелвой! (Убѣгаетъ).

Подфилый. Значить за трѣшницу достоянію нашему у тебя пропадать? Тоже хорошо.

Еркинъ. Тамъ и «достояніе».

Подфилый. Мало-мало на красенькую тебѣ принесъ. Шубенку, женины лохмоты ваки-были—все до чиста. Почитай нечѣмъ

перемѣниться. Нѣтъ ужь ты отдай, сдѣлай милость, Ермилычъ. Вотъ твои деньги. На!

Еркинъ. Сказаль ужь—просрочено.

Подфильй. Тьфу ты! недѣли противъ уговора не вышло лишку. Ну начитай проценту, жила собачья, а одежду отдай. (Наступаетъ, горячась). Отдавай говорю, отдавай! (За сценой гармоника и орутъ пѣсню. Дверь шумно распахнулась. Вваливаются Панька и Семка).

ЯВЛЕНИЕ V.

Еркинъ, Подфильй, Панька (въ картузѣ на бекрень и съ гармоніей) и Семка, оба подгулявшіе.

Панька и Семка (орутъ подь гармонію).

Волокетъ въ кабакъ Ерема
 Что ни попада изъ дома;
 А какъ подать отдавать
 Такъ Еремушку стега-ать!..

(Во время пѣнія, Подфильй ожесточенно разговариваетъ съ Еркинымъ, который невозмутимо покуриваетъ трубочку).

Подфильй. Ну какъ знаешь, а безъ одежды я не уйду. (Садится на скамью у двери съ видомъ упорной рѣшимости).

Панька. Полштофъ! (Сидя на лавкѣ, вынулъ горсть мѣди и брякнулъ ее на столъ). У насъ на чистыя. Получай! (Еркинъ взялъ деньги и ставитъ передъ парнями полштофъ и стаканы).

Панька и Семка (пока подають вино).

Чики-чики-чики-чокъ!
 Скокъ Ерема въ кабачекъ—
 «Не моя, кричитьъ, вина,
 Что зудитъ моя спина!..»

Панька (наливая стаканы). Ну-ка, Сема, урѣжемъ!.. Дру-угъ!.. скотина ты этакая... пей! (Выпили) Влегѣла!.. Кузьма, а гдѣ-же твоя кухарка?

Еркинъ. Какая еще тамъ кухарка?

Панька. А Трохимова Домнушка? ха-ха-ха! (Захоталъ и Семка. Ребята пошептались и захотали опять).

Еркинъ. Черти.

Панька. Ну и ловкачъ ты! Говорять-же любовь зла, полюбишь и козла. (Наливаетъ стаканы). И полюбилса козелъ нашей Домнушкѣ, ха-ха-ха!.. Сади, Семка! (выпилъ) сади до зеленого змѣя, дурашка моя! (Семка пьетъ) Ермилычъ! а Алдошка-то тебя какъ поддѣлъ, ха-ха-ха!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ-же и Алдошка.

Алдошка (войдя, сталь у двери и почесываетъ затылокъ). Честной компаніи!.. (Еркинь отвернулся).

Панька. Помяни чорта, а онъ и тутъ.

Алдошка (мигнувъ на полштофъ). Пьете?

Панька (выливая въ стаканы остатокъ). Все выпито. Лавай, Семка, послѣдки. (Пьютъ).

Алдошка. Все сожрали; нѣтъ—хоть-бы мнѣ каплю оставить!

Панька. Плоти убытокъ—душѣ барышъ... Много его вонъ... (кивнувъ на полку). Вынай деньги Ермилычу.

Алдошка (Еркину, почесывая затылокъ). Ужли не дашь?.. (Парнякъ). Серчаетъ на меня Кузьма Ермилычъ... И занаяспасну, ей-ей занаяспасну!.. (Сплюнувъ).

Панька. Ай съ виннаго духа слюни текутъ? (Тихо наигрываетъ на гармоніи. Семка посоловѣль, дремлетъ).

Алдошка. Что-жь, братцы, мочи моей нѣтъ, растомило! Голова трещить... того гляди разсочется, право... Слышь, Ермилычъ?.. (Еркинь не обращаетъ на него вниманія). Дай опохмѣлиться, ради Христа!

Еркинь. Проваливай!

Алдошка. Хоть стаканчикъ!.. Вѣришь-ли, вотъ до чего—трясь беретъ... Ну?.. Яви божескую милость!.. Ермилычъ!..

Еркинь. Прощальная душа. Вонъ!

Алдошка. Ну что хошь!.. Говорю, мочи нѣтъ... Какъ-же быть?.. Ну?.. Ермилычъ, ужъ я тебѣ вотъ какъ: по гробъ!.. (Становится на колѣни). Ну вотъ какъ прошу!.. А?..

Панька. Ха-ха-ха! И чего только Алдошка изъ за вина не сдѣлаетъ!

Алдошка (вскочилъ и приплясываетъ). Колесомъ пройду-да пѣтухомъ пропою-ю!.. Такую отмочу штуку—на барачки попадаете. Эхъ, братцы, кабы не вино это, что-бъ и за жисть на свѣтъ!.. Ермилычъ, ну какъ-же?.. Поднесешь, а?

Еркинь. Ищи въ другомъ мѣстѣ.

Алдошка (озлился). Ну чортъ! (Сѣлъ на лавку. Панькѣ). Дай хоть трубочки пососать. (Набиваетъ трубку изъ панькинаго кисета).

Подфильй. Кузьма Ермилычъ, ну-же отдай закладъ-то!

Алдошка. Не отдаетъ? Облушилъ? Ему, братъ, только попади въ лапы—изничтожить въ чистую. (Нюхаетъ изъ пустаго полштофа). Вотъ и виномъ надуваетъ. Первое стаканчики у него маломѣрные, ну и водою разводитъ вино. (Еркину). Дай акцизный пріѣдетъ, ужъ доведу!

Еркинъ. Доведи, доведи!

Алдошка. Ужь сдѣлай милость! Крѣпость въ винѣ тоже закономъ положена. Знаемъ! А ты воду въ него... За это вашего брата по головеѣ не гладятъ. Пакентъ отберуть, вотъ и знай!.. Приѣдетъ, доведу безпремѣнно.

Еркинъ. А ты крѣпость мѣрилъ? Снарядъ есть у тебя?

Алдошка. Мы брюхомъ, братъ, чуемъ, вѣрнѣй инструменту акцизнаго предѣлнить можемъ. Сдѣлай милость! А съ твою вина сзябнетъ нутро-то, словно болото въ немъ развели, да! Ужь доведу-у!

Панька. Вино слабое, точно.

Еркинъ (съ досадою, къ Алдошкѣ). И этакая въ тебѣ природа поганая! На все золь, каждому наровишь навредить. И воръ-то, и клязунникъ, пьяница... Быть тебѣ въ острогѣ, прощальная душа, бы-ыть!

Алдошка. Золь?—Хорошо. Пьяница, воръ... Хорошо. Ну, а ты? ты лучше выходишь?.. Мі-ро-ѣдтъ!! Коли я краль, таѣ мелочами краль нестоящее вниманія, по нуждѣ. Боя и дѣрки принялъ во сколько за это (проводить рукой по горлу). А ты, не воръ? Кровопивецъ ты, разоритель ты обчества, во ты кто!

Подфилый. Вѣрно, Евдокимъ, вѣрно!

Алдошка. Ты потроха изъ насъ вымоталъ, жила собачья, а лѣзешь въ почетъ.

Панька. Справедливо.

Еркинъ. Васъ-же, канальевъ, изъ нужды вызволяю.

Алдошка. Ха-ха-ха! Вызволяетъ онъ, братцы!.. Кровопивецъ!! Мы-те... постой!.. мы-те своимъ средствіемъ произведемъ! Погоди!

Еркинъ. Грозить?! Помни! Свидѣтели были.

Алдошка (злобно ударяя по столу). Произведемъ!! Я воръ! Я унесу—подъ полу, да озираешься, какъ-бы не пришибли до смерти. А къ тебѣ сами волокутъ на разживу, послѣднее волокутъ...

Подфилый. Такъ, Евдокимъ, такъ!

Панька. Жжаръ его, ха-ха-ха!

Алдошка. Отъ начальства я удирать. Окромъ боя, никакой мнѣ отъ него благостыни не полагается; а ты съ старшиной въ дружбѣ, вмѣстѣ коммерцію водите; уряднику—пріятель, писарю—кумъ и отъ становаго тебѣ уваженіе. А кто изъ насъ хуже-то, ась?

Еркинъ. При все мѣ томъ мнѣ глупости твои слушать не охота. Пошелъ, пока цѣль!

Алдошка. Ай не люби-ишь?

Подфилый. Справедливо говорить. Говори, Евдокимъ, говори!

Панька. Натеси ему въ затылокъ-то хорошенько!

Алдошка. То-ли, братцы, я сдѣлаю съ нимъ! Погоди!.. Золь я. Хорошо. А какая причина? Первое, со злости на себя золь, потому ослабъ, изъ градуса вышелъ. И золь. Тоже не хуже были людей-то. Отцы мои изъ первыхъ мужиковъ были. Подфилый вотъ помнить.

Подфилый. Это точно.

Алдошка. Да-а! А съ чего эта язва во мнѣ завелась? Также вотъ, не хуже Трохима, прижали, да совѣсть отняли, стыдъ выбили, ну и... Да что поминать!.. А ты? Ты по душѣ своей аспидъ изъ аспидовъ, ты...

Еркинъ (наступаетъ на Алдошку, выведенный изъ терпѣнія). Что-жь это?! Вонъ!.. Вонъ, не то я—я!.. (Подфилый и Панька подходятъ къ Алдошкѣ).

Высѣтъ. { Подфилый. Аспидъ и есть!
Панька. Жарь, Алдошка, его!
Семка (проснувшійся). Въ обиду не дадимъ. Жарь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Домна (входитъ въ испугѣ).

Домна. Батюшки, что здѣсь такое?!

Алдошка. А-а! вотъ она милая-то! (Схватилъ ее за руку и втащилъ на середину избы).

Домна (отталкиваетъ его). Потише!

Панька. Не замай, приревнуетъ, ха-ха!

Алдошка. (Еркину). Ну-ка ты .. добрый! это таперъ какъ будетъ? (Указываетъ на Домну). Что ты надъ мужемъ ея сдѣлалъ, на какую линію навелъ, а? Облютѣлъ, что Трофимъ противъ тебя за правду стоялъ и ну жать? Старшину натравилъ, разорилъ, подъ розги подвелъ и, окромя всего, жену отбилъ, вѣнчанную!

Домна. Не силѣюмъ я. Сама.

Еркинъ. Ступай, Домна.

Домна. На то пошло, срамить при народѣ—моя вина, говорю, мой и отвѣтъ! Сама я къ Кузьмѣ шла, охотой. Ну и ругайте! Ну, безстыжая, ну?..

Подфилый. Какова пава, такова ей и слава.

Еркинъ. Оставь, Домна. Иди!

Домна. Хуже, Кузьма, ежели мнѣ брань примать со смиренствомъ-то! Проходу не будетъ. И тебѣ опостылѣетъ, ежели всякая дрянь, какъ Алдошка, али эти ребята, стануть травить меня, какъ собаку!

Панька (толкаетъ локтемъ Алдошку). Вонъ она какъ разговари-
ваетъ!

Алдошка. Въ ражъ вошла.

Домна. И вошла. Плюйте на меня, а я на васъ вдвое!.. горло
перегрызу!.. (Еркину). Они разверта мово не видали. Я покажу!
Бровью поведу—полетятъ, лучины изъ нихъ нащиплю!.. Смѣютъ
судить-рядить, зубы скалить собачьи!.. (Дверь сильно распахнулась. На
порогъ Трофимъ. Домна вскрикнула и отшатнулась къ столу. Еркинъ по-
мертвѣлъ и прислонился къ стойкѣ. Оробѣли и остальные. Пауза).

ЯВЛЕНІЕ VIII и послѣднее.

Тѣ же и Трофимъ.

Трофимъ (шагнувъ на середину, искоса бросилъ взглядъ на жену и
уперся въ Еркина. Хриплымъ голосомъ). Молись Богу!

Еркинъ (съ лицомъ искаженнымъ усмѣшкою). Помолимшись...

Трофимъ (въ одно мгновеніе выхватилъ ножъ и по рукоятъ всадилъ
его Еркину въ грудь). Издохни, зелье поганое!

(Домна дико вскрикнула и замертво упала на лавку. Еркинъ запатался,
придерживаясь за стойку и рухнулъ на полъ. Остальные въ испугѣ сбились къ
стѣнѣ).

Подфиль (робко). Сразу духъ вонъ!

ЗАНАВѢСЪ.

Москва.
1883 годъ.

И. В. Шпажинскій.

Національное единство и федерализмъ въ Германіи.

(Окончаніе).

V.

Когда Фридрихъ-Вильгельмъ III, за нѣсколько лѣтъ передъ смертью, торжественно объявилъ, наконецъ, о своемъ намѣреніи приступить къ исполненію такъ давно даннаго имъ обѣщанія и организовать національное представительство въ своихъ владѣніяхъ, то едва-ли самъ онъ, — или даже болѣе его проникательныя нѣмецкіе государственные люди того времени, — имѣли ясное представленіе о томъ историческомъ значеніи, которое будетъ имѣть это событіе. Приняты были очень дѣятельныя мѣры для того, чтобы событіе это, крайне скромное по существу, не имѣло вовсе никакого историческаго значенія. Самъ король не былъ склоненъ къ политическимъ интригамъ и хитросплетеніямъ. По выше-приведеннымъ выдержкамъ изъ его письма къ Штейну мы легко можемъ заключить, что онъ обладалъ нравомъ крутымъ и рѣзкимъ, взглядомъ ограниченнымъ, но прямымъ, и ни въ его духѣ было прибѣгать къ уловкамъ и сдѣлкамъ, имѣвшимъ видъ уступки либеральнымъ требованіямъ. Но почти двадцать лѣтъ нерѣшительныхъ колебаній и робкаго, хотя и ворчливаго шествія въ хвостѣ Меттерниха успѣли создать для него положеніе, вполне безысходное со всѣхъ точекъ зрѣнія.

Французскія событія 1830 г. создали для всей Европы очень напряженное положеніе. Вѣра въ реакцію была повсемѣстно надорвана; вмѣстѣ съ тѣмъ, уже со смертью императора Александра, священный союзъ фактически распался и между членами его не было прежняго единодушія: у германскихъ государей не могло быть увѣренности, что Россія, по первому знаку изъ Берлина или изъ Вѣны, отправитъ на Западъ свои войска, чтобы выручать ихъ изъ бѣды, на этотъ разъ

грозившей уже не извъ, а изнутри. Но пуше всего, въ самой Германіи парижскія событія іюля 1830 г. произвели очень сильное впечатлѣніе. О французоѣдствѣ временъ отечественной войны теперь уже не было и рѣчи. То восторженное настроеніе наиболѣе впечатлительной части общества, которое двадцать лѣтъ назадъ отливало въ романтическія формы «Тейчтума» съ его неизбѣжными нелѣпостями, развиваясь и созрѣвая естественнымъ путемъ, успѣло принять совершенно иное направленіе. Люди крайняго темперамента и идеологическаго настроенія мечтали уже не объ огражденіи Германіи дремучими лѣсами ото всего свѣта, а о космополитическомъ народномъ братствѣ. Люди холодные и разсудочные горкимъ опытомъ успѣли убѣдиться, что, будучи представлена самой себѣ, германская ладья не приминетъ разбиться объ одинъ изъ многочисленныхъ подводныхъ камней, которые съ каждымъ годомъ разрастались грознѣе и грознѣе, благодаря австрійской притязательной косности и честолюбію, благодаря прусской нерѣшительности, благодаря неурядицѣ и смѣси авантюристскихъ поползновеній съ феодальными привычками на сравнительно болѣе свободномъ германскомъ югѣ, благодаря, наконецъ, алчности мелкихъ владѣльцевъ, которые, принявъ *au sérieux* меттерниховскія внушенія *o statu quo ante bellum* и чувствуя себя въ безопасности за австрійскою дипломатіею дѣйствительно воображали себя въ семнадцатомъ вѣкѣ...

Во всей странѣ накопилося слишкомъ много горячаго матерьяла. Фридрихъ-Вильгельмъ III самъ стоялъ за кулисами той сцены, на которой разыгрывалась эта длинная и скучная трагикомедія передѣлки Германіи послѣ наполеоновскаго погрома, а потому онъ не могъ не знать какими ничтожными средствами самозащиты располагала реакція, въ Пруссіи и въ Германіи вообще, сравнительно съ громадностью ея притязаній и требованій. Малѣйшій взрывъ легко-бы могъ привести къ обнаруженію этого ея безсилія передъ всею странюю; а на-сколько Германія была близка къ такому взрыву, — объ этомъ мы легко можемъ судить по бамбахскому празднику 27 мая 1832 г., на которомъ нѣсколько тысячъ нѣмцевъ изо всѣхъ областей и провинцій юга и сѣвера собрались праздновать оправдательный приговоръ, произнесенный судомъ по дѣлу редактора «*Нѣмецкой Трибуны*» (*Deutsche Tribune*), Вирта, обвинявшагося въ противупобщественныхъ стремленіяхъ. На праздникѣ этомъ Виртъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ говорилъ собранію о настоятельной необходимости поставить дѣло національнаго объединенія и освобожденія Германіи на совершенно иную почву и разъ навсегда убѣдиться въ суетности надеждъ, воз-

лагавшихся до тѣхъ поръ на патриотическія чувства германскихъ руководителей. Товарищъ Вирта, Зибенпфейферъ, изъ рейнскаго палатината, провозгласилъ тостъ за «отечество, за союзъ и за самоуправленіе». Наэлектризованная рѣчами толпа, отпраздновавъ этотъ «май германскаго возрожденія», готовилась отъ тостовъ перейти уже къ дѣйствию, дѣло шло объ образованіи выборнаго временнаго правительства, которое должно было объявить старому порядку войну отъ имени германскаго народа. Баварскія власти, на территоріи которыхъ произошло это собраніе, не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы подавить его. Дѣло это не имѣло никакихъ серьезныхъ послѣдствій, благодаря главнѣйшимъ образомъ извѣстной медлительности нѣмецкаго характера и недостатку единодушія между манифестантами. Но немного мѣсяцевъ спустя, движеніе обнаружилось снова во Франкфуртѣ, по инициативѣ ганноверскаго агитатора фонъ-Раушенплата и виртембергскаго офицера фонъ-Козерица.

Всѣ изложенныя запутанныя обстоятельства и соображенія заставляли прусскаго короля играть подъ конецъ своихъ дней ту двуличную роль, къ которой онъ не былъ подготовленъ воспитаніемъ и которая не гармонировала съ основнымъ складомъ его характера. Въ томъ припадкѣ репрессивной горячки, который снова разражается надъ несчастною страню послѣ бамбахскаго праздника и такъ называемаго «франкфуртскаго аттентата», Пруссія даже отличается такимъ рвеніемъ и остервененіемъ преслѣдованій, какихъ прежде еще не замѣчалось въ ней. Изъ двухсотъ-четырехъ по большей части безбородыхъ юношей, преданныхъ здѣсь суду за тейчтумскія стремленія и за дѣйствительную или мнимую принадлежность ихъ къ тейчтуму, здѣшній каммергерихтъ приговорилъ не менѣе тридцати-девяти человекъ къ смертной казни.

Такою представляется намъ позднѣйшая политика Фридриха-Вильгельма III-го, когда мы ее рассматриваемъ въ отчужденіи отъ того, что творилось во всей остальной Германіи въ то-же самое время. Но подобное отношеніе къ историческимъ событіямъ не всегда бываетъ способно уяснить ихъ настоящей смыслъ и значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что, если-бы на мѣстѣ дряхлѣющаго Фридриха-Вильгельма III-го, на прусскомъ престолѣ оказался смѣлый и шителный человекъ, способный предвидѣть тѣ положенія, въ которыя самъ онъ или его ближайшіе наслѣдники, рано или поздно, будутъ неизбѣжно загнаны неотвратимою силою вещей, и одаренный достаточнымъ мужествомъ для того, чтобы твердо и послѣдовательно идти въ однажды намѣченномъ имъ

себѣ направленія, — то и Пруссія, и вся Германія вообще избавилась-бы отъ многихъ бѣдъ и невзгодъ; новѣйшая германская исторія очистилась-бы отъ многихъ позорныхъ страницъ; германское національное возрожденіе стоило-бы меньшихъ жертвъ и осуществилось-бы безъ многихъ своихъ нынѣшнихъ шероховатостей и непривлекательныхъ наростовъ... — Фридрихъ-Вильгельмъ III не обладалъ ни такою способностью предвидѣнія, ни такимъ мужествомъ. Если онъ, въ эту мрачную эпоху, не погубилъ окончательно прусское дѣло и самую независимость своей короны, то это только благодаря тому, что у него хватало смѣлости приступить къ исполненію, или по крайней мѣрѣ, сдѣлать видъ, будто онъ приступаетъ къ исполненію, — давнишняго своего обѣщанія о представительствѣ въ то самое время, когда кругомъ него все дышало ненавистью и истребленіемъ; когда въ Австріи молодой монархъ, только что вступая на престолъ, слѣшилъ усилить и закрѣпить для всѣхъ ненавистное всесиліе Меттерниха; когда въ германскомъ сеймѣ внесено было предложеніе, чтобы всѣ либеральныя уступки и обѣщанія, сдѣланныя какимъ-либо германскимъ государемъ въ виду быстро развивавшихся требованій времени, были *co ipso* объявлены несостоятельными.

Мы уже знаемъ, что король, связанный давнишнимъ обѣщаніемъ, отъ котораго, по его собственнымъ воззрѣніямъ не могли освободить его никакія постановленія союзнаго сейма, считалъ себя нравственно обязаннымъ дѣйствительно организовать это представительство. Онъ откладывалъ исполненіе обѣщанія потому, что о какомъ-нибудь опредѣленномъ срокѣ предварительно ничего еще не было рѣшено, но главнѣйшимъ образомъ потому, что онъ не могъ найти такихъ формъ, въ которыхъ обѣщаніе это могло-бы быть осуществлено безъ ущерба для того порядка, который онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ и который онъ считалъ себя обязаннымъ отстаивать до послѣдней крайности. Въ то время, когда давалось это обѣщаніе, кругъ и размѣръ политическихъ понятій, находившихся въ обычаяхъ въ Германіи, былъ еще очень не великъ: тогда подъ національнымъ представительствомъ всякій представлялъ себѣ нѣчто очень сродное тому, что реставрированный во Франціи король, по внушенію русскаго императора, долженъ былъ дать своимъ подданнымъ. Но съ тѣхъ поръ много успѣло утекъ воды. Съ точки зрѣнія правителескихъ реформъ, Германія, правда, ни на волосъ ни подвинулась впередъ со времени вѣнскаго конгресса; но за-то умствен-

но-политическій ея горизонтъ значительно расширился. Тѣ идеи, которыя мы видѣли намѣченными уже у Штейна, о необходимости для Германіи, выступая на' новый путь, не подражать слѣпо иностраннымъ образцамъ, а сохранить свою самобытность и національныя особенности, успѣли уже распространиться въ довольно многочисленныхъ кружкахъ. Какъ это бываетъ почти всегда въ подобныхъ случаяхъ, выигрывая въ распространенности, идеи эти нѣсколько утратили изъ той опредѣленности и ясности, съ которыми онѣ высказывались въ уже извѣстной намъ программѣ избраннаго и малочисленнаго штейновскаго кружка. Для Штейна германская самобытность въ представительствѣ должна была отражаться въ той широкой роли, которую общинное самоуправленіе играетъ въ его проектахъ государственнаго преобразованія и которая одна была-бы уже вполне достаточною для того, чтобы предотвратить въ обновленной Пруссіи зарожденіе официальнаго, ораторскаго парламентаризма. Для большинства-же тѣхъ нѣмецкихъ націоналовъ, не вовсе реакціоннаго пошиба, которыхъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ во всей Германіи расплодилось не мало и изъ которыхъ немногіе успѣли уже проникнуть въ королевскій дворецъ, эта самобытность рисовалась въ гораздо болѣе смутномъ и туманномъ видѣ. Говорилось не мало красивыхъ, порою очень глубокомысленныхъ и даже ученыхъ фразъ объ историческихъ особенностяхъ и о какомъ-то помазанничествѣ германскаго племени, о солидности нѣмецкаго права, неспособнаго увлекаться такими либеральными побрякушками, изъ-за которыхъ будто-бы вѣтренная и легкомысленная Франція жертвуетъ своимъ покоемъ и дѣйствительнымъ благоденствіемъ и. т.

Неудивительно, что въ виду всѣхъ этихъ увѣреній, высшее правительство, очень мало занимавшееся теоретическою политикою, и само повѣрило въ возможность осуществленія своего обѣщанія о надѣленіи своихъ подданныхъ своеобразными учрежденіями безъ ущерба для тѣхъ историческихъ основъ, которыми само оно имѣло основаніе особенно дорожить во всемъ историческомъ германскомъ прошломъ. Несомнѣнно то, что коммисія назначенной, подъ предсѣдательствомъ наслѣднаго принца, для выработки органическаго устава, было предписано не выходить въ своихъ преобразовательныхъ измышленіяхъ изъ тѣсныхъ рамокъ, въ которыхъ незыблемость этихъ историческихъ устоевъ оставалась обезпеченною вполне. Само назначеніе предсѣдателемъ коммисіи наслѣднаго принца, который пользовался большою извѣстностью, не съ политической стороны, а какъ чрезвычайно ученый и даровитый молодой человѣкъ, вмѣщавшій въ своей прекрасной и любвеобильной душѣ лучшія

сторонны германскаго національнаго духа, имѣло тоже не малое значеніе. Прежде всего, Фридрихъ Вильгельмъ III имѣлъ несомнѣнно въ виду этимъ назначеніемъ связать будущность своего наслѣдника съ тѣми вождѣльными преобразованіями, которыхъ такъ нетерпѣливо ждала страна. Но, кромѣ того, король, безспорно, имѣлъ нѣкоторое основаніе надѣяться, что сынъ его придумаетъ какое-нибудь новое и никому неизвѣстное средство сочетать прогрессивныя стремленія съ историческими традиціями; исполнить тяготившее его обѣщаніе, ненарушая его собственныхъ традиціонныхъ воззрѣній на власть. Не раньше какъ въ текущемъ году появившееся сочиненіе (*Die Politik Friedrich-Wilhelm's IV*), нѣкоего г. Германа Вагнера, рисуетъ самую блистательную картину умственныхъ и нравственныхъ качествъ тогдашняго наслѣднаго прусскаго принца. По очень распространенному еще и до сихъ поръ, мнѣнію, Фридрихъ Вильгельмъ обладалъ дѣйствительно одною изъ тѣхъ гениальныхъ натуръ, которыя неизбѣжно оставляютъ по себѣ глубокой слѣдъ въ исторіи; особливо-же, если онѣ уже самымъ своимъ рожденіемъ предназначаются для исторической дѣятельности. Король, наперекоръ обычаю, господствовавшему тогда не только при германскихъ дворахъ, но и во всей нѣмецкой аристократіи, далъ своему сыну солидное и разностороннее образованіе. Германъ Вагнеръ, знавшій близко своего героя, къ которому онъ питаетъ восторженный культъ, утверждаетъ, что если-бы Фридрихъ-Вильгельмъ IV не былъ королевскимъ сыномъ, то онъ-былъ бы однимъ изъ даровитѣйшихъ профессоровъ и легко зарабатывалъ-бы свою жизнь профессурою. Отзывъ этотъ едва-ли преувеличенъ. Правда, Штейнъ упрекалъ Дельбрюка, воспитателя кронпринца, что онъ недостаточно сообразовалъ даваемое ему воспитаніе съ такъ высокою будущностью, которая ожидала его питомца, и что онъ слишкомъ развилъ тѣ мечтательные романтическіе порывы, которые отчасти были, вѣроятно, въ крови его воспитанника, но которые тѣмъ не менѣе, при строгой дисциплинѣ мысли и при болѣе трезвыхъ взглядахъ на жизнь, могли быть не недостаткомъ, а скорѣе достоинствомъ въ такой вѣкъ, когда отсутствіе какихъ-бы то ни было идеаловъ и ловкая игра людьми и событіями считались за верхъ государственной мудрости. Принцу не доставало практичности—это признавали всѣ, но это не мѣшало, однакожь, ожидать, что онъ сумѣетъ вдохнуть въ предсѣдаемую имъ комиссію живой и новый духъ; а для придачія этому духу соотвѣтственныхъ самому положенію практическихъ формъ, у него не было недостатка во всякаго рода секретаряхъ, тайныхъ и явныхъ совѣтникахъ...

Мы не беремся рѣшать было-ли виною наслѣднаго прынца то, что въ трудахъ предсѣдательствуемой имъ комисіи не оказалось ни искры этого оживляющаго, обновляющаго духа. Подъ предлогомъ примиренія будто-бы представительныхъ началъ съ національными и историческими нѣмецкими особенностями, предлагаемая комиссією учрежденія не отвѣчали, даже по формѣ, тому, чего ожидало отъ нихъ общественное мнѣніе Пруссіи и цѣлой Германіи. Устраивались, или, точнѣе говоря, возрождались средневѣковыя сословныя собранія, для которыхъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, съ его существенно бессословнымъ и объединяющимъ строемъ, не легко было даже пріискать какое-нибудь мѣсто въ государственной организаціи.

Мы не станемъ останавливаться здѣсь на разборѣ этихъ учреждений, которымъ самымъ существеннѣйшимъ образомъ не доставало жизненности, которыя, подъ видомъ исполненія общинъ, данныхъ нѣкогда королемъ, предназначались какъ-будто для того, чтобы отгнать прусскую національную жизнь вѣка на полтора назадъ, въ самый разгаръ сословной привилегированности и разрозненности. Гора разрѣшалась отъ бремени мертворожденнымъ мышенкомъ. Но крутыя обстоятельства во всей Германіи были таковы, что приходилось почти радоваться и этому неудавшемуся рожденію. Выработанный комиссією проектъ земскихъ учреждений въ нѣкоторыхъ прусскихъ областяхъ принадлежалъ, очевидно, къ числу такихъ, которые не только не ознаменовываютъ собою новой эры въ исторіи какой-бы то ни было страны, но съ которыхъ даже нельзя начинать новую главу журнальной статьи. Само собою разумѣется, что онъ никого не удовлетворилъ; ни даже собственныхъ своихъ авторовъ, изъ которыхъ одна, численно ничтожная часть, понимала очень хорошо, что комиссія находилась въ невозможности создать что-нибудь живучее и порядочное въ тѣхъ колодахъ, въ которыя ее загнали разныя предубѣжденія и опасенія. Другая-же часть сотрудниковъ кронпринца по этой комисіи была недовольна тѣмъ, что самый фактъ созванія этой комисіи имѣлъ видъ уступки національнымъ требованіямъ.

Въ настоящее время, когда длинная и не всегда увлекательная трагикомедія германскаго національнаго объединенія подъ прусскою гегемонією доиграна уже до конца, легко замѣтить, что этотъ, повидимому, такъ мало знаменательный и скромный ея прологъ былъ, однако-же, чреватъ политическими послѣдствіями. Онъ дисциплинировалъ ту многочисленную и тяжеловѣсную часть общегерманской партіи прогресса, которая до тѣхъ поръ или праздно

исходила въ благодушныхъ надеждахъ и пожеланіяхъ, такъ какъ слишкомъ высоко поднятый діапазонъ тогдашнихъ радикаловъ порою даже пугалъ ее хуже самыхъ реакціонныхъ дѣйствій прусскаго правительства, а между тѣмъ она не видѣла передъ собою другого поприща, на которомъ ей открывалась-бы возможность вести сочувственную ей по основнымъ своимъ цѣлямъ борьбу, не выходя изъ обычной своей колеи и не прибѣгая къ непривычнымъ и несвойственнымъ ей средствамъ. Всѣ очень хорошо понимали, что дѣятельность вышеупомянутой комиссіи равнялась круглому нулю по своимъ результатамъ; но у всѣхъ слагалось между тѣмъ убѣжденіе, что ледъ тронулся; что Пруссія логическою, роковою силою вещей должна быть выдвинута на то поле внутреннихъ преобразованій и общегерманской политики, на которое такъ долго и такъ напрасно старались направить ее многочисленные приверженцы германскаго обновленія и грось-тейчтума. Положенъ былъ нѣкоторый предѣлъ дробленію партіи прогресса на множество взаимно ненавистныхъ одинъ другому отгѣнковъ, которое начало уже принимать дѣйствительно опасные размѣры. Обозначилось вполне опредѣленно направленіе, дѣйствуя въ которомъ съ рѣшительностью и настойчивостью, можно было рассчитывать на вѣрный успѣхъ. Ктому-же у всѣхъ слагалось убѣжденіе, что новая эра не можетъ не наступить съ воцареніемъ наслѣдника. Самый искусный политическій интриганъ и лицедѣй не могъ-бы изыскать, на мѣстѣ Фридриха-Вильгельма III лучшихъ мѣръ, чтобы обезпечить себѣ подъ конецъ своихъ дней то относительное спокойствіе, которое ничѣмъ существенно не нарушается въ Пруссіи до самой смерти короля, т. е. до 1840 г. Правда, на помощь ему,—какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ,—выступилъ, подъ видомъ непримиримаго врага, довольно неожиданный союзникъ. Католическое духовенство, игравшее меньше чѣмъ второстепенную роль въ протестантской Пруссіи, сочло эту эпоху общегерманской реакціи крайне удобной для себя, чтобы занять въ вольнодумной сѣверной Германіи выгодную позицію, утраченную имъ уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Присоединеніе къ прусской коронѣ новыхъ областей съ римско-католическимъ населеніемъ—съ одной стороны, съ другой—все болѣе возрастающее вліяніе австрійской политики съ ея неизмѣннымъ клерикализмомъ, давало ему, дѣйствительно, довольно солидную точку опоры. Но король былъ ревностный лютеранинъ въ душѣ, и политическія его воззрѣнія были нетаковы, чтобы онъ могъ благо-склонно отнестись къ властолюбивымъ замысламъ духовенства. Онъ

дѣйствительно затрачиваетъ остатокъ своихъ дней и своей энергии на то, чтобы дать довольно крутой и рѣшительный отпоръ клерикальнымъ требованіямъ и интригамъ. Эта его дѣятельность устанавливаетъ еще новую связь между прусскою короною и преобразовательными стремленіями германской націи, хорошо понимавшей, что прусская гегемонія, безъ усилій и безъ затратъ, дастъ ей ту свободу вѣроисповѣданія, которую нелегко было бы взять и съ боя отъ австрійскихъ политиковъ школы Меттерниха.

VI.

Вступленіе на прусскій престолъ Фридриха-Вильгельма IV вызвало во всей Германіи то возбужденное, праздничное настроеніе, которое, нѣсколько лѣтъ спустя, мы встрѣчаемъ въ изнемогающей подъ иностраннымъ и туземнымъ игомъ Италіи, при избраніи на папскій престолъ кардинала Мاستаи-Ферретти, т. е. Пія IX. Ни этотъ кардиналъ, ни прусскій наслѣдный принцъ не имѣли за собою никакихъ антецедентовъ, которые съ холодной рассудочной точки зрѣнія оправдывали-бы громадность возлагавшихся на нихъ надежды и ожиданій. Но, въ странахъ, гдѣ однажды забился пульсъ общественной жизни, у общественнаго мнѣнія,—даже у тѣхъ многочисленныхъ народныхъ массъ, которыя проводятъ всю свою труженническую жизнь вдали ото всякихъ возвышенныхъ сферъ,—развивается какое-то чутье. Благодарн ему, онѣ схватываютъ сущность самыхъ сложныхъ и запутанныхъ положеній съ тою синтетическою вѣрностью взгляда, которой очень часто и очень существенно недостаетъ присяжнымъ политикамъ и публицистамъ: эти послѣдніе легко теряются въ подробностяхъ и изъ за деревьевъ не видятъ дѣса.

О личныхъ качествахъ новаго прусскаго короля могли судить очень немногіе; о его дѣятельности въ качествѣ предсѣдателя пресловутой комиссіи знали тоже далеко не всѣ; а между тѣмъ рѣшительно всѣ сторонники преобразования и возрожденія, даже на далекомъ германскомъ югѣ, какъ-будто чувствовали, что съ его воцареніемъ совершается нѣчто желанное, достигается какой-то новый предѣлъ. Это чувство объясняется всего вѣроятнѣе тѣмъ, что, при существующихъ обстоятельствахъ, средній благоразумный и средній порядочный челоувѣкъ, хотя-бы изъ однихъ только своекорыстныхъ побужденій, не могъ не дать нѣкотораго удовлетворенія національнымъ требованіямъ.

Первыя дѣйствія его тотчасъ-же привлекли къ нему общее сочувствіе. Въ тронной рѣчи, произнесенной въ Бер-

линѣ 15-го октября, Фридрихъ Вильгельмъ IV, правда, не высказалъ никакой опредѣленной программы, не выразилъ даже намекомъ своихъ отношеній къ тѣмъ заповѣднымъ стремленіямъ и мечтамъ, которыя такъ давно и такъ сильно волновали германское общество, но онъ съ первыхъ-же мѣсяцевъ своего вцаренія освободилъ изъ ссылки или изъ тюрьмы многочисленныя жертвы центральной комиссіи, которыя по большей части томились въ казематахъ крѣпостей цѣлыхъ шесть лѣтъ, т. е. со времени «франкфуртскаго аттентата» и гамбахско-майскаго праздника. Извѣстный «Thurnvater» Янъ получилъ разрѣшеніе покинуть свое болѣе долговременное, но столь-же недобровольное мѣстопробываніе во Фрейбургѣ на Унштрутѣ, гдѣ онъ жилъ подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, несмотря на то, что давно уже успѣлъ утратить всякій интересъ въ глазахъ наиболѣе живой и впечатлительной части общественнаго мнѣнія. Престарѣлый Арндтъ, отставленный отъ должности за свои либеральныя и патріотическія стремленія еще въ 1820 г., былъ съ почетомъ возвращенъ на прежнюю свою кафедру. Неограничиваясь этимъ, король открылъ въ Берлинѣ радушный и гостепріимный пріемъ жертвамъ чрезмѣрной подозрительности и другихъ германскихъ правительствъ. Такъ, оба брата Гриммъ, изгнанные изъ Ганновера за политическую неблагонадежность въ 1837 г., получили кафедры въ берлинскомъ университетѣ. По отношенію къ наукѣ, литературѣ и искусству, король обнаружилъ очень скоро рѣдкую терпимость, созывая изъ цѣлой Германіи блестящую плеяду мыслителей, писателей и художниковъ, безо всякаго отношенія къ ихъ политическимъ воззрѣніямъ. Религіозный до мистицизма, король этотъ не терпѣлъ, однако, чтобы свобода университетскаго образованія была стѣснена духовною цензурою, и только благодаря личному интересу и уваженію, питаемому имъ къ вопросамъ мысли и званія, такіе профессора, какъ напримѣръ Бауеръ и, нѣсколько позже, Іоганъ Штраусъ, творцы новѣйшей экзегетики, могли свободно продолжать свою ученую дѣятельность, доставившую имъ столь громкую извѣстность въ ученомъ мірѣ. Такія мѣры и такое настроеніе короля имѣли-бы, конечно, большую цѣну вездѣ; но онѣ въ особенности должны были привлекать симпатіи лучшей части населенія Германіи, гдѣ университеты, уже со временъ реформации, были дѣломъ глубоко національнымъ и гдѣ, начиная съ вѣнскаго конгресса, вся политическая жизнь и движеніе сосредоточивались почти исключительно въ университетскихъ кружкахъ. Впрочемъ, благорасположеніе новаго короля не ограничивалось однѣми учеными сферами: одною изъ первыхъ его мѣръ было призваніе

снова на службу и назначеніе военнымъ министромъ генерала Бойена, отставленнаго въ прошлое царствованіе по политическимъ причинамъ. Всѣ эти мѣры возбуждали въ общественномъ мнѣніи Германіи рѣшительный энтузіазмъ, объяснимый тѣмъ легче, что онѣ представляли рѣшительную противоположность съ тѣмъ духомъ, который еще господствовалъ при дворахъ всѣхъ другихъ нѣмецкихъ владѣтелей. Но нѣмецкое общество того времени обладало уже такимъ тактомъ, что оно не увлекалось энтузіазмомъ до ослѣпленія и не забывало изъ за него серьезной или дѣловой стороны положенія. Можно было убѣдиться, что слухи о превосходныхъ душевныхъ и нравственныхъ качествахъ молодого короля не были преувеличены; но нельзя было въ то-же время не замѣчать, что національное дѣло Германіи вообще, ни Пруссіи въ частности, не могло считаться выведеннымъ на вѣрную дорогу до тѣхъ поръ, пока успѣхъ или неуспѣхъ его зависѣлъ отъ случайностей. Правительство, однако-же, не спѣшило съ тѣми преобразованіями, которыхъ общественное мнѣніе ожидало отъ него и которыя оно привыкло считать неразрывно связанными съ самымъ фактомъ новаго воцаренія. Земскія собранія, обязанныя своимъ полупризвращнымъ существованіемъ его предсѣдательской дѣятельности въ вышепомянутой комиссіи, представили ему коллективный адресъ, въ которомъ въ скромной и довѣрчивой формѣ были высказаны самыя настоятельныя изъ заповѣдныхъ желаній страны. Король принялъ ихъ заявленіе благосклонно, но отвѣчалъ уклончиво, что онъ и самъ считаетъ одною изъ неотложныхъ своихъ задачъ дать болѣе широкое развитіе тѣмъ земскимъ и областнымъ учрежденіямъ, основаніе которыхъ было уже заложено въ прошлое царствованіе.

Новѣйшіе историки нѣмецкаго объединенія: Ранке, Штакке и пр., объясняютъ себѣ первыя недоразумѣнія, возникшія между общественнымъ мнѣніемъ Германіи и Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV уже въ первый-же годъ по его воцареніи, главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, будто нѣмецкое общество, увлекаясь шаблоннымъ либерализмомъ, не хотѣло мириться ни на чемъ, кромѣ модныхъ въ то время учрежденій по французскому образцу, тогда какъ молодой король будто-бы, раздѣляя въ душѣ всѣ лучшія и заповѣднѣйшія стремленія нѣмецкаго общества, держался твердо на почвѣ нѣмецкой самобытности. Германъ Вагнеръ, въ помянутомъ выше сочиненіи, идетъ еще дальше и утверждаетъ, что молодой король, несправедливо прозванный «романтикомъ», обладавъ чрезвычайно широкимъ, дѣловымъ и прагматическимъ взглядомъ на вещи, предвидѣлъ заравѣе отдаленнѣйшія послѣдствія своихъ дѣй-

ствій, которыя фактически обнаружались лѣтъ двадцать пять или тридцать спустя и будто даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, по-видимому, грѣшилъ противъ своего историческаго призванія, онъ поступалъ по великодушному разсчету. «Великія историческія событія», говоритъ этотъ писатель, «совершаются не только одними героями, но и мучениками. Фридрихъ-Вильгельмъ IV заранѣе порѣшилъ быть мученикомъ германскаго объединительнаго движенія, котораго онъ долженъ считаться по праву главнымъ творцемъ».

Такое *parti. pris* мученичества не противорѣчатъ тому, что мы достовѣрно знаемъ изъ другихъ источниковъ о великодушномъ настроеніи и экзальтизованности этого короля. Въ вышеприведенныхъ мнѣніяхъ есть, однако, большая роль преувеличенія, которая легко обнаруживается всею послѣдующею исторіею этого бурнаго, но въ общемъ все-же очень почтеннаго царствованія. Что король высоко цѣнилъ германскую національную самобытность—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и на этой почвѣ не было ничего легче, какъ устроить полнѣйшее и тѣснѣйшее сближеніе власти съ лучшею частью общественнаго мнѣнія во всей Германіи. Выше уже было замѣчено, что время бѣшенаго французобдства прошло, но изъ этого не слѣдуетъ еще заключать, будто наступила пора такой-же неразумной и неразборчивой франкоманіи. Сравнивая общественную жизнь своей западной сосѣдки, пробивавшуюся свѣжимъ ключемъ сквозь наносной слой реставраціоннаго мусора, насильственно наваленнаго на нее отчасти собственнымъ утомленіемъ, отчасти-же иностраннымъ вмѣшательствомъ... сравнивая, — говорю я, — французскую жизнь съ нѣмецкимъ застоємъ и неурядицею, лучшеіе нѣмецкіе люди того времени нерѣдко могли приходиться къ выводамъ и заключеніямъ, обиднымъ для нихъ самихъ и для ихъ соотечественниковъ. Но едва-ли хоть про одного изъ видныхъ нѣмецкихъ дѣятелей этой эпохи можно сказать, чтобы онъ доводилъ свою любовь къ чужеземнымъ порядкамъ до рабскаго преклоненія передъ французскими образцами, или чтобы онъ въ тайникахъ своей души пересталъ быть чистокровнымъ нѣмцемъ. Даже у такихъ завязтыхъ «зарейнскихъ французовъ» какъ Берне и Гейне, прославленіе Франціи въ обиду Германіи было не болѣе, какъ внѣшнимъ политическимъ приемомъ, предназначеннымъ для того, чтобы неустанио язвить самолюбіе своихъ соотечественниковъ и не давать имъ успокоиться въ своемъ тяжеломъ снѣ...

Что-же касается настроенія, преобладавшаго въ Германіи вообще въ это время, то оно далеко еще не успѣло отлиться въ

какую-нибудь законченную формулу, приурочиться къ одной какой-нибудь опредѣленной системѣ, чужеземной или самобытной, естественной или искусственной, централизационно-объединительной или федеративной. Всѣ понимали только одно: что жить безконечно при порядкахъ, созданныхъ вѣнскимъ конгрессомъ и меттерниховскою дипломатіею, не было никакой человѣческой возможности и что надо было не дѣйствительную жизнь калѣчить и подгибать подъ колоды, созданныя неблагопріятными историческими случайностями, а измѣнять самыя эти формы по мѣрѣ того, какъ онѣ становились слишкомъ стѣснительными для естественнаго роста національной жизни. Но какъ достичь этой желанной цѣли? — на этотъ счетъ повсюду царствовалъ еще полный разладъ даже значительно позже того, какъ многочисленное прогрессивное германское большинство стало считать дѣло германскаго возрожденія неразрывно связаннымъ съ судьбами прусской монархіи. Насколько движеніе сосредоточивалось въ профессорскихъ и университетскихъ кружкахъ, настолько отвлеченныя и системныя построенія могли еще играть въ немъ значительную роль. Но къ началу сороковыхъ годовъ движеніе здѣсь уже далеко не ограничивалось однѣми только университетскими сферами: къ нему давно успѣли пристать тѣ дѣловыя, практическія кружки, для которыхъ теоретическое политиканство никогда не можетъ быть преобладающимъ стимуломъ; которые, не стѣсняясь никакими побочными соображеніями, радостно бросились-бы къ первому выходу, кто-бы ни указалъ имъ успѣхъ, и изъ всѣхъ, предлагаемыхъ имъ, путей избрали-бы тотъ, который обѣщаль-бы наиболѣе вѣроятный и скорѣйшій успѣхъ съ наименьшею затратою силъ и жертвъ. Такимъ неизбѣжно былъ путь дѣйствительной національной самобытности уже просто потому, что онъ не придумывался ради какихъ-нибудь постороннихъ соображеній, а естественно вытекалъ изъ самого положенія. Въ Германіи тогдашняго времени безчисленныя выгоды такого пути были очевидны.

Теперь, когда эта историческая драма доиграна фактически до вождеденнаго своего конца, когда германское національное объединеніе можетъ считаться уже въ значительной степени осуществленнымъ именно на той почвѣ централистической государственности, которая не была подготовлена всею предыдущею исторіею германскаго народа и представляетъ собою дѣйствительно нѣчто заимствованное извнѣ, мы уже легко можемъ подвести итоги жертвамъ и волненіямъ, которыхъ стоило это его осуществленіе. Не входя въ подробный разборъ положенія, замѣтимъ только, что въ дѣйствительности Пруссія объединила Германію, какъ

Пьемонтъ объединилъ Италію, посредствомъ военнаго захвата и насильственнаго приобщенія къ себѣ. Съ самаго начала было азбучно ясно для каждаго, мало-мальски здравомыслящаго человѣка, что подобное разрѣшеніе вопроса о національной арміи немислимо безъ предварительной организаціи военной силы въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, которые, для маленькаго государства, какъ Пруссія, не могли не оказаться крайне обременительными какъ въ нравственномъ, такъ и въ матерьяльномъ отношеніи, а этого обремененія! не могла желать именно та дѣятельная часть германской націи, на которую это новое обремененіе должно было неизбѣжно и преимущественно упасть главною своею тяжестью. Мы дѣйствительно видимъ, что въ шестидесятихъ годахъ, когда такая постановка этого дѣла стала уже вполне неизбѣжною,—когда для Пруссіи не было другого выбора какъ или вовсе потонуть въ мірѣ ненависти, возбужденной противъ нея событіями 1848 г., или-же добиться главенства въ Германіи какими-бы то ни было средствами, — дѣятельное большинство прусской и значительная часть германской націи подчиняется этой необходимости какъ неизбѣжному злу. Но въ началѣ царствованія Фридриха - Вильгельма IV-го еще не существовало такого, натаянутаго положенія; передъ Германією и Пруссією оставался открытымъ широкій выборъ дорогъ. Старый прусскій милитаризмъ Фридриха Великаго успѣлъ разпасться въ тяжкую годину наполеоновскихъ войнъ, оказавшись непригоднымъ для того даже, чтобы оградить страну отъ иностраннаго нашествія. Новый прусскій милитаризмъ регента, короля и впоследствии императора еще не существовалъ даже въ зародышѣ, и намъ кажется слишкомъ сомнительнымъ, чтобы рожденіе его могло желать именно та либеральная часть прусскаго или германскаго общества, которую вышепомянутые историки упрекаютъ въ неумѣренномъ пристрастіи къ французскимъ якобинскимъ шаблонамъ, доводившемъ ее будто-бы до органической неспособности понимать благіе и глубокіе замыслы новаго своего короля. Позднѣе, т. е. въ 1840 г., обнаружилось, что объединительныя стремленія нѣмецкаго народа вовсе не доходили до требованій образованія единаго германскаго государства по французскому, централистическому образцу. Предоставленная самой себѣ въ тревожную эпоху франкфуртскаго *предпарламента* (Vorparlament) и парламента, германская нація вполне удовлетворяется формулою «союзнаго государства» (*Bundesstaat*), точно такого-же, какое приблизительно въ то-же самое время завела у себя Швейцарія, которая тоже до 1847 г. представляла изъ себя нестройную аггломерацию ничѣмъ органически несвязанныхъ разнородныхъ ча-

стей. Эта формула союзнаго государства предполагаетъ, конечно, извѣстную долю солидарности между составляющими союзъ самостоятельными группами, но она устраняетъ всякую необходимость завоеванія или поглощенія всѣхъ этихъ группъ одною. Эта-то и была та самобытная форма объединенія, которую подготавливала для Германіи вся ее предшествовавшая, средневѣковая и послѣ-реформаціонная исторія. Намъ кажется, что если-бы Фридрихъ-Вильгельмъ IV, тотчасъ по своемъ воцареніи, ставилъ германское національное дѣло именно на эту почву призванію, то онъ, конечно, могъ-бы встрѣтить нѣкоторую оппозицію со стороны нѣкоторыхъ, сравнительно очень немногочисленныхъ отдѣльныхъ кружковъ и группъ, но громадное дѣятельное большинство въ Германіи и въ самой Пруссіи бросилось-бы съ распротертыми объятіями ему навстрѣчу.

Замѣтимъ встаті: этотъ дѣйствительно самобытный путь такъ естественно вытекалъ изъ самой сущности вѣщей и такъ настойчиво подсказывался самими событіями, что Германія почти незамѣтно и безсознательно, уже до воцаренія Фридриха-Вильгельма IV-го, извѣдала его въ примѣненіи къ одной изъ крайне существенныхъ и важныхъ сторонъ своего общественнаго и національнаго быта. Мы говоримъ про возникновеніе таможеннаго союза, вызваннаго къ жизни тоже прусскою инициативою и разыгрывавшаго въ общемъ объединительномъ движеніи впоследствии очень важную роль, но задуманнаго первоначально въ однихъ только промышленныхъ и торговыхъ видахъ, безовсякихъ чисто политическихъ соображеній. Обстоятельства уже успѣли показать на дѣлѣ, что даже такіе односторонніе и частные плоды этого самобытнаго германскаго федерализма, какъ таможенный союзъ, растутъ не какъ грибы послѣ дождя сами собою, а требуютъ для успѣшнаго насажденія и процвѣтанія немало трудовъ и заботливаго ухода. Цольферейнъ не просуществовалъ и нѣсколько лѣтъ безъ того, чтобы не обнаружилось, что, при тогдашнихъ порядкахъ, господствовавшихъ во всей Германіи, всякое благое начинаніе встрѣчало, даже для самаго скромнаго осуществленія, почти непреодѣлимые препятствія, создаваемые политическимъ и хищническимъ нравомъ однихъ нѣмецкихъ правительствъ, косностью и тупымъ упорствомъ другихъ, административнымъ произволомъ и гражданскимъ безправіемъ самаго заинтересованнаго населенія повсюду. Практика таможеннаго союза показывала очень убѣдительно, что при полномъ отсутствіи всякой солидарности между союзниками невозможны никакія общія дѣла. А между тѣмъ самый фактъ осуществленія

этого союза выдвигалъ на очередь цѣлый рядъ новыхъ, скромныхъ по формѣ, но сложныхъ по сущности вопросовъ; открывалъ новыя поприща, на которыхъ новый прусскій король, не разрывая круто со своими антецедентами и семейными преданіями, могъ содѣйствовать очень рѣшительно скорѣйшему и успѣшнѣйшему освобожденію и объединенію Германіи на почвѣ конкретныхъ житейскихъ нуждъ и исторической самобытности германскихъ народовъ.

Къ вопросу успѣшнаго развитія таможеннаго союза тѣсно примыкалъ другой, нѣсколько иного порядка вопросъ, тоже сильно волновавшій даже самые узко-практическіе и будничныя умы того времени, въ самой Пруссіи и внѣ ея: вопросъ о профессиональномъ и университетскомъ образованіи и вопросъ цензуры. Германія принадлежала уже и тогда къ числу именно тѣхъ европейскихъ странъ, гдѣ умственный и техническій трудъ игралъ наиболѣе выдающуюся роль въ числѣ «товаровъ», ежегодно и ежедневно обмѣнивавшихся на національномъ рынкѣ. Было-бы вопіюще и совершенно ненужною несправедливостью устраивать таможенный союзъ на общія національныя средства въ пользу свободнаго обращенія однихъ только вещественныхъ продуктовъ, которые всего больше подлежатъ монополизаци и барышничеству; но въ то-же самое время отдавать беззащитными на жертву неурядицы всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ докторовъ и техниковъ, учителей, писателей и т. п., которые, конечно, не меньше всякихъ перекупщиковъ и коми-вожатеровъ имѣютъ естественное право примѣнять свой трудъ тамъ, гдѣ они находятъ это по какимъ-бы-то-ни-было соображеніямъ наиболѣе для себя удобнымъ и выгоднымъ. Но тутъ-то и возникалъ безконечный рядъ усложненій и трудностей, надъ устраненіемъ которыхъ съ честью могъ-бы поработать вѣнценосный другъ нѣмецкаго національнаго возрожденія, если онъ точно умѣлъ и хотѣлъ, — до добровольнаго мученичества даже — служить великому народному дѣлу, пренебрегая всякими модными, извѣтъ навѣянными системными построеніями и формулами, не сходя ни на шагъ съ солидной почвы конкретныхъ національныхъ нуждъ и самобытныхъ стремленій.

Дѣло профессиональнаго и университетскаго образованія находилась въ такомъ хаотическомъ состояніи во всей Германіи и въ самой Пруссіи, что о какомъ-бы то ни было его объединеніи путемъ простыхъ взаимныхъ разговоровъ не могло быть и рѣчи. Въ сѣверныхъ протестантскихъ государствахъ, пользовавшихся сравнительною свободой кафедры, уровень его былъ довольно высокъ,

тогда какъ въ католической Австріи онъ стоялъ завѣдомо ниже всякой критики: здѣсь ученые дипломы и степени приобрѣтались не дѣйствительнымъ трудомъ и знаніями, а раздавались по соображеніямъ, неимѣвшимъ ничего общаго съ техническимъ поприщемъ и наукою; и не было, очевидно, возможности говорить о равномъ признаніи всѣхъ нѣмецкихъ профессиональныхъ дипломовъ въ каждой германской странѣ, пока условія полученія этихъ дипломовъ были далеко не равныя повсюду и пока въ одной и той-же странѣ условія эти едва не ежедневно мѣнялись подъ вліяніемъ трудно предвидимыхъ вѣяній времени. Новый король, какъ мы уже видѣли, отнесся съ первыхъ-же своихъ шаговъ очень благосклонно и внимательно къ этой важной сторонѣ національнаго быта. Но еще наканунѣ его воцаренія, реакція свирѣпствовала въ его владѣніяхъ, и не было никакого ручательства за то, что это печальное явленіе не повторится здѣсь снова, если самъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV не озаботился своевременно упрочить свои-же собственныя начинанія на этомъ поприщѣ солидными законодательными мѣрами. Цензурная сторона того-же самаго вопроса, еще непосредственнѣе затрогивавшая коммерческіе интересы таможеннаго союза, представляла еще больше затрудненій къ своему сколько-нибудь удовлетворительному и объединительному рѣшенію. Прусскій король, въ которомъ всѣ привыкли видѣть главу—иниціатора этого союза, не могъ требовать отъ государей, вступавшихъ съ нимъ въ таможенный договоръ, чтобы они допускали къ свободному обращенію въ своихъ странахъ тѣ книги и изданія, которыя не подлежали запрещенію въ Пруссіи; потому-что и здѣсь граница между *licet* и *non licet* — не была еще опредѣлена никакимъ законоположеніемъ, но ежечасно колебалась то вправо, то влѣво, по дунуванію вѣтровъ.

Можно было-бы расширить значительно этотъ бѣглый перечень вопросовъ, чисто практическихъ, конкретныхъ, самымъ настоятельнымъ образомъ выступившихъ на очередь и требовавшихъ безотлагательнаго рѣшенія, въ видахъ-ли собственно прусскаго мѣстнаго благоустройства, или же въ видахъ объединенія германской націи на основаніяхъ самобытнаго федералистическаго развитія, а не по шаблонному зарейнскому централизованному образцу. Но мы уже видѣли, что всѣ только-что перечисленные вопросы сводились ближайшимъ образомъ къ одному: къ упроченію законодательнымъ порядкомъ тѣхъ самыхъ благихъ начинаній, которыя самъ новый король считалъ, очевидно, своевременными и соотвѣтствующими положенію; такъ-какъ онъ предпринималъ ихъ

своею собственною инициативою и даже вопреки внушаніямъ многихъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, то этого упреченія и ждало отъ него общественное мнѣніе. А слѣдовательно причинъ вышеупомянутаго недоразумѣнія между королемъ и общественнымъ мнѣніемъ, нѣсколько нарушавшаго праздничное настроеніе первыхъ лѣтъ царствованія Фридриха-Вильгельма IV-го, слѣдуетъ искать не тамъ, гдѣ ихъ видятъ Ранке, Штакке, Германъ, Вагнеръ, а въ чемъ-нибудь другомъ.

VII.

Недоразумѣніе существовало, точно. Ошибка вышепомянутыхъ историковъ заключается, на нашъ взглядъ, только въ томъ, что они предполагаютъ въ прусскомъ королѣ солидныя самобытныя стремленія, которыя будто-бы приходились не по душѣ нѣмецкимъ либераламъ, вскормленнымъ на нездоровой и одуряющей пицѣ ходящихъ фразъ и непригодныхъ для настоящей работы чужеземныхъ модныхъ шаблоновъ. Легко понять, что самъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV принималъ за дѣйствительную германскую самобытность, почти за мистическое помазанничество, тѣ смутные, въ большой части случаевъ благодушные и великодушные порывы, которыми онъ руководился въ своей дѣятельности; но позднѣйшая исторія не имѣетъ права раздѣлять это заблужденіе короля, котораго она и безъ подобныхъ натяжекъ легко можетъ помянуть добрымъ словомъ. Никакія прекрасныя качества ума и сердца въ историческомъ дѣятелѣ не могутъ замѣнить строго обдуманной и послѣдовательной программы. Достоинство и слабость Фридриха-Вильгельма IV-го заключались именно въ томъ, что онъ, при добромъ сердцѣ, былъ исключительно человѣкомъ сердечныхъ порывовъ, увлеченій, восторговъ и вдохновеній. Благодаря этой особенности, такъ рѣзко противурѣчащей съ обычною казарменною казенщиною берлинскихъ возвышенныхъ сферъ, образъ этого короля выдѣляется очень симпатическими чертами на общемъ мрачномъ фонѣ германской неурядицы; но эта-же самая особенность и довела его потомъ, въ годы насильственно навязанной ему реакціи, послѣ бурь и тревогъ достопамятнаго 1848-го г. до душевной болѣзни, заставившей его передать свою власть въ руки младшаго брата. Штейнъ былъ правъ: Дальбрюкъ неудовлетворительно исполнилъ свою политическую задачу въ отношеніи къ вѣнценосному воспитаннику: онъ не развилъ въ немъ неизбѣжной для государственнаго дѣятеля дисциплины ума; не оснастилъ его умъ необходимымъ запасомъ точныхъ свѣдѣній и трезвымъ пониманіемъ насущныхъ задачъ, къ разрѣшенію кото-

рыхъ Фридрихъ-Вильгельмъ, тѣмъ неменѣе, приступалъ съ искреннею готовностью послужить національному дѣлу. Его во всемъ привлекала одна только романтическая, гуманная, такъ-сказать дымчатая сторона; и его инстинктивно отталкивало все холодное, дѣловое, разсудочное. Ко всему этому очень скоро прибавился болѣзненный религіозный мистицизмъ, нѣсколько разъ прорывавшійся страннымъ диссонансомъ, среди тогдашняго повсемѣстнаго умственнаго и душевнаго настроенія. Онъ охотно давалъ больше, чѣмъ могъ-бы дать на его мѣстѣ каждый другой изъ извѣстныхъ намъ германскихъ государей того времени; подѣ-часъ онъ давалъ пожалуй даже больше того, что дѣйствительно требовали отъ него люди и событія того времени. Но онъ не давалъ того, чего именно всего настойчивѣе требовало отъ него самое положеніе; либеральная-же Германія, вмѣсто приписываемаго ей слѣпаго увлеченія чужеземными примѣрами и модными шаблонами, потому и не могла отступить отъ своихъ стремленій, что въ то время она ясно видѣла возможность ихъ осуществленія самобытнымъ, нѣмецки-федеративнымъ путемъ, который, во всякомъ случаѣ, привлекалъ къ себѣ ея симпатіи уже тѣмъ однимъ, что не вель за собою язву милитаризма. Единственно въ этомъ разногласіи короля съ общественнымъ мнѣніемъ и кроется источникъ тѣхъ недоразумѣній, о которыхъ уже было говорено.

Очутившись полнымъ хозяиномъ своихъ дѣйствій, Фридрихъ-Вильгельмъ IV понималъ очень хорошо несостоятельность тѣхъ будто-бы представительныхъ учреждений, которыми онъ надѣлилъ Пруссію въ бытность свою кронпринцемъ и предсѣдателемъ пресловутой комиссіи. Съ самаго начала своего царствованія, онъ очень дѣятельно принялся въ дальнѣйшее развитіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ уже начатаго имъ дѣла; но съ первыхъ-же его шаговъ на этомъ поприщѣ становится яснымъ, что это дальнѣйшее развитіе, надъ которымъ *con amore ed impregno* трудился король, пойдетъ въ направленіи существенно отличномъ отъ того, которое составляло насущнѣйшую злобу дня. Фридрихъ-Вильгельмъ, несомнѣнно, имѣлъ въ своей мысли довольно цѣлостный и послѣдовательный планъ реформъ, образцемъ которыхъ служили средневѣковыя сословныя нѣмецкія собранія. Но ни одна живая нація не можетъ имѣть своюю характеристическою особенностью странный и сомнительный даръ носить въ зрѣломъ возрастѣ тѣ пелены, которыми ее пеленали въ раннемъ дѣтствѣ. Еслибы король, пытливымъ взоромъ образованнаго человѣка своего времени изслѣдовалъ эти давно отжившія учреждения; то онъ, очень вѣроятно, могъ-бы почерпнуть изъ нихъ нѣсколько полезныхъ указаній; онъ могъ-бы усвоить

себѣ тотъ духъ, который одушевлялъ ихъ въ тѣ отдаленныя времена, когда онѣ были живымъ дѣломъ, а не археологическимъ курьезомъ. Но отношенія правительства къ этимъ учрежденіямъ были существенно романтическія. Его увлекала одна только ихъ живописная сторона, и ее то и пыталось оно возродить въ девятнадцатомъ столѣтіи. Въ то время, когда въ Германіи, дѣйствительная жизнь ломала всякія сословныя перегородки, когда настоятельнѣйшею потребностью дня было прибрать поскорѣе эти обломки прошлаго, мѣшавшіе свободно двигаться въ какомъ-бы-то ни было, а всего болѣе, конечно, въ передовомъ направленіи, — правительство, подъ видомъ организациі національнаго представительства, устраиваетъ три новыя куріи, совершенно отчужденныя одна отъ другой, и сидя въ которыхъ, каждое изъ трехъ сословій, будетъ мирно и глубокомысленно разсуждать съ точки зрѣнія подобающихъ ему по средневѣковой іерархіи мыслей и побужденій. При этомъ оцѣнку измышлений каждой куріи предполагалось соразмѣрить съ ея болѣе или менѣе прямымъ и законнымъ происхожденіемъ отъ дворянства. Представлялся неразрѣшенный вопросъ: какою-же величиною могло быть выражено соотвѣтствующее значеніе мѣщанской и крестьянской курій. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ, въ четыре года разъ, тремъ куріямъ предоставлялось собираться въ однѣхъ стѣнахъ съ сохраненіемъ однако-же сословной обособленности; въ остальные-же сроки они не могли иначе соприкасаться между собою, какъ черезъ посредство нарочитыхъ делегацій или *«Ausschüsse»*, назначаемыхъ *ad hoc* отъ каждой куріи. Но вопросъ, о чемъ стануть бесѣдовать между собою эти три куріи, оставался открытымъ такъ-какъ всѣ вопросы, способные заинтересовать собою живаго чело-вѣка того времени, маломальски волнующагося тѣмъ, что творится за предѣлами его домашняго очага, были тщательно изъяты изъ обсуждения и вѣдомства делегацій и курій. Но такъ-какъ солидные нѣмцы споконъ-вѣка привыкли разсуждать о своихъ домашнихъ дѣлахъ за кружкой пива въ излюбленной каждымъ изъ нихъ пивной, то они и оказывались совершенно неспособными указать — какая польза для кого-бы-то ни было можетъ произтечь отъ перенесенія этого вовсе не государственнаго ихъ занятія въ куріи? — Негодовало одно только консервативное дворянство, которое въ этихъ замыслахъ видѣло какое-то совершенно непонятное для себя, а потому вѣроятно пагубное нововведеніе.

Когда король убѣдился, что страна не удовлетворена дарованными ей земскими учрежденіями, тотчасъ-же согласился прибавить къ тремъ уже существовавшимъ куріямъ еще четвертую, въ которой уже будутъ засѣдать однѣ только сливки высшей ари-

стократин и даже нѣкоторые изъ членовъ царствующей фамиліи. На этотъ разъ дворянство осталось польщено и примирилось съ тѣмъ, что было принято называть преобразовательными стремленіями. — Едва-ли исторія вправдѣ обвинить нѣмецкое общественное мнѣніе въ томъ, что оно жадно пользовалось каждымъ удобнымъ случаемъ довести до свѣдѣнія правительства, что этого рода причудливая организація не подвигаетъ все-же ни на волосъ впередъ равно дорогое и имъ и ему дѣло освобожденія и объединенія Германіи самобытническимъ или инымъ какимъ-бы то ни было способомъ; что покойный государь его въ достопамятномъ своемъ, два раза повторенномъ обѣщаніи, оставшемся неисполненнымъ до самой его смерти, говорилъ, объ учрежденіяхъ совѣтъ другого рода; и т. п. — Такія заявленія принимались очень добродушно къ свѣдѣнію и на нихъ давались очень вѣжливыя отвѣты даже тогда, когда они исходили изъ собраній, необлеченныхъ правомъ подачи на высочайшее имя адресовъ и петицій.

Въ 1843 г., недоразумѣніе, значительно обострилось. Земскія собранія не давали достаточнаго простора для заявленія, хотя-бы чисто платоническаго, того настроенія, которое въ данную минуту господствовало въ странѣ; но и въ нихъ обнаружались тѣмъ не менѣе нѣкоторыя оппозиціонныя стремленія. Съ гораздо большею энергіею стремленія эти обнаруживались въ тогдашней литературѣ, на столько политической и полемической, которая все еще трепетала ежечасно за самое свое существованіе, а потому и была принуждена, скрѣпя сердце, умѣрять свои порывы и выражаться тѣмъ языкомъ, который поневолѣ владеть на все свою печать безразличія и дряблости. Но это было время едва-ли не наибольшаго развитія въ Германіи лирической поэзіи съ политическимъ оттѣнкомъ, которой прощалось многое въ уваженіе той усиленной впечатлительности и склонности къ преувеличеніямъ и крайностямъ, предполагаемой у поэтовъ, и благодаря тому пренебрежительному взгляду, который обыкновенно господствуетъ въ официальныхъ сферахъ на этого рода литературныя произведенія. Такъ первоклассныя свѣтила нѣмецкой поэзіи этого времени, какъ Фрейлигратъ, Гейне, Гервегъ въ своихъ «*Gedichte einer Lebendigen*» и менѣе извѣстныя внѣ Германіи Аруцъ, Гофманъ-фонъ-Фаллерслебенъ и мн. др., изливали горечь постигшаго ихъ разочарованія въ звучныхъ стихахъ, которые съ увлеченіемъ читались всѣми, часто даже самимъ королемъ, у котораго любовь къ поэзіи и къ искусству стояли выше соображеній личнаго самолюбія. Тѣмъ не менѣе, эти памфлеты въ изящной поэтической формѣ задѣвали за-живо его чувствительную душу,

какъ выраженіе охлажденія въ нему нѣмецкой націи, которой онъ думалъ служить честно и искренно своими самобытными новыми нововведеніями. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на него злой памфлетъ Гейне, заключавшій въ себѣ проницательскій намекъ на обѣщаніе, данное около тридцати лѣтъ тому назадъ, въ критическую минуту, королемъ Пруссіи и до сихъ поръ остававшееся безъ исполненія:

Ja, Königsworts der sind Schätze,
Wie tief in Rhein der Niblungshort...

Въ 1845 году король и самъ убѣдился, повидимому, въ недостаточности или несостоятельности прежняго своего плана; по крайней мѣрѣ онъ созвалъ новую комиссію, состоявшую изъ министровъ Бодельшвинга, Савиньи, Удена и Каница, которой было поручено выработать проектъ центрального представительнаго учрежденія для цѣлаго королевства, котораго истинный характеръ и даже самое названіе не были достаточно опредѣлены королевскимъ указомъ. Значеніе этой новой мѣры, такимъ образомъ, ставилось въ существенную зависимость отъ того, какъ поймутъ члены комиссіи возложенную на нихъ задачу и въ какой мѣрѣ они сумѣютъ оживить это дѣло свѣжимъ духомъ. Но въ комиссіи былъ присоединенъ фельдмаршалъ фонъ-Рахау, заглавней врагъ всякихъ преобразованій; главою-же министерства былъ нынѣшній императоръ Вильгельмъ, высказывавшій серьезные опасенія, что этотъ новый замыселъ его брата сдѣлаетъ невозможнымъ военную переорганизацию Пруссіи. — Фельдмаршала удалось закупить обѣщаніями новыхъ привилегій высокому сословію, въ которомъ самъ онъ принадлежалъ. Принцъ-же Вильгельмъ, счелъ долгомъ подчиниться волѣ старшаго брата: «съ изданіемъ этого закона», — говорилъ онъ, — «старая Пруссія гибнетъ. Дай Богъ, чтобы та новая, которая идетъ ей на смѣну, была-бы также высока и прекрасна, какъ эта ее предшественница, которую мы разрушаемъ теперь».

Торжественныя слова эти едва-ли соотвѣтствовали размѣрамъ готовившагося событія; но, во всякомъ случаѣ, подобное настроеніе принца прусскаго и гофмаршала фонъ-Рахау, которое естественно должны были давать тонъ комиссіи, мало предвѣщали успѣха. Тѣмъ не менѣе, уже къ 3-му февраля 1847 года коммисіонная работа была покончена, и королевскій манифестъ отъ этого числа оповѣщалъ страну, что съ 11-го апрѣля того-же года откроетъ свое засѣданіе первое прусское центральное земское собраніе, подъ именемъ Соединеннаго Ландтага, состоящаго уже только изъ двухъ курій или палатъ: верхней, въ которой засѣдали

совершеннолѣтніе принцы королевскаго дома вмѣстѣ съ представителями высшей титулованной сословной и придворной знати, и низшей, вмѣщавшей въ себѣ представителей дворянства, мѣщанства и крестьянства. Обѣ палаты должны были засѣдать и голосовать отдѣльно, имѣя въ дѣлѣ законодательномъ лишь совѣщательный голосъ; только въ случаяхъ новыхъ государственныхъ займовъ или созданія новыхъ налоговъ, высшая и низшія камеры ландтага должны были собираться въ одно общее засѣданіе. Право адресовъ и петицій не было признано за этимъ собраніемъ.

Король открылъ первое засѣданіе восторженною рѣчью, въ которой, между прочимъ, торжественно заявилъ, что онъ, не потерпитъ никогда, что-бы «между Господомъ Богомъ въ небу и его страну затесался бумажный листъ» (*Niemals soll sich ein Blatt Papier zwischen den Herrgott im Himmel und mein Land drängen* *). Предсѣдатель ландтага просилъ короля разрѣшить собранію изложить его величеству свои взгляды. Фридрихъ-Вальгельмъ IV благосклонно отвѣчалъ, что, хотя право адресовъ и петицій по регламенту и не признано за Соединеннымъ Ландтагомъ, но въ данномъ случаѣ онъ готовъ отступить отъ буквы закона и выслушать то, что собраніе имѣетъ ему заявить. Тогда рейнскій депутатъ фонъ-Беккератъ, напомнилъ двукратное обѣщаніе покойнаго короля на счетъ дарованія прусской націи нѣкоторыхъ новыхъ правъ. Вслѣдъ за нимъ графъ Арнимъ-фонъ-Байценбургъ высказалъ приблизительно тоже самое. Король выражалъ, что онъ не признаетъ за націею никакихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя дарованы ей по манифестамъ 3-го февраля, но что онъ и самъ не считаетъ уставъ ландтага совершеннымъ и подлежащимъ дальнѣйшему развитію и измѣненію. Тѣмъ не менѣе понадобился еще почти цѣлый годъ на то, чтобы засѣданія ландтага были объявлены періодическими и чтобы на него была перенесена нѣкоторая часть прерогативъ, первоначально присвоенныхъ въ раздробъ делегаціямъ областныхъ земскихъ собраній...

Такимъ образомъ, почти восемь лѣтъ царствованія этого образцоваго государя прошли въ какой-то странной, безплодной и беззлойбной борьбѣ; а когда, наконецъ, король рѣшился вступить на то поприще, на которомъ общественное мнѣніе Германіи ожи-

*) Я привожу эти слова въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ цитируетъ Штакке, «Deutsche Geschichte», 1881 г. Во всѣхъ-же другихъ, имѣющихся у меня подъ рукою сочиненіяхъ, слова эти приводятся въ нѣсколько иной формѣ придающей имъ гораздо болѣе опредѣленный смыслъ: «Niemals soll sich ein Blatt Papier zwischen mich und Mein Volk drängen». Но Штакке утверждаетъ, что эта редація переиначенная.

дало встрѣтить его съ первыхъ-же дней его царствованія. надъ Европою вообще и надъ Германіею въ частности разразились бурныя событія, подготовлявшіяся издавна и исподоволь всѣми, но непредвидѣнныя никѣмъ и снова перепутавшія шашки запутанной и сложной игры, только-что начинавшей принимать въ Пруссіи видъ терпѣливо и мастерски задуманной партіи...

IX.

На тѣхъ немногихъ страницахъ, которыми мы располагаемъ для окончанія этой статьи, рѣшительно невозможно было-бы представить хотя-бы даже самый поверхностный и самый бѣглый обзоръ тревожной эпохи 1848—50 гг. въ Германіи. Нѣмецкая революція этого времени не была отголоскомъ французской или итальянской, разразившихся въ томъ-же самомъ году, и волненія на нѣмецкомъ югѣ,—въ Баденѣ, а въ особенности въ Баваріи,—значительно предупредили даже парижскій февральскій взрывъ и созданіе республиканскаго временнаго правительства на берегахъ Сены. Конечно, всѣ эти явленія состоятъ въ непосредственной и тѣсной связи между собою, но связь эта гораздо глубже и существеннѣе, чѣмъ предполагаютъ тѣ, тяжеловѣсныя, но и легкомысленныя историки, которые смотрятъ на злополучную Францію. какъ на какой-то адскій очагъ, гдѣ постоянно разжигаются революціонныя головни, жадно подхватываемыя и разносимыя потомъ злонамѣренными агитаторами для распространенія пожара по всей Европѣ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводятъ обыкновенно тотъ, впрочемъ, довольно сомнительный фактъ, будто нѣмецкое волненіе этого времени сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ на нѣмецко-французской границѣ. Справедливо, что пограничный Баденъ становится съ ранней весны однимъ изъ главныхъ центровъ радикальнаго движенія въ Германіи; но это случайное совпаденіе легко объясняется многими побочными обстоятельствами, на которыхъ невозможно построить никакихъ маломальски солидныхъ обобщеній и заключеній. Несравненно болѣе поучительнымъ является совпаденіе другого рода, т. е. тотъ болѣе распространенный и исторически болѣе вѣрный фактъ, что революціонное движеніе въ Германіи принимаетъ тотчасъ-же обостренный и болѣе ожесточенный характеръ именно въ тѣхъ странахъ, гдѣ всего настойчивѣе подавлялось до тѣхъ поръ всякое движеніе.

Съ первыхъ-же дней броженія, обнаружилась несостоятельность которую люди проницательные предвидѣли уже давно, но

которую въ обыкновенное время дипломаты меттерниховскаго за- кала успѣли довольно успѣшно скрывать. При первыхъ порывахъ бури, наиболѣе нетерпимые изъ нѣмецкихъ правительствъ чувствуютъ свое собственное безсиліе и вступаютъ въ компромиссы съ новыми требованіями. Замѣчательно, что въ это-же самое время, обыкновенно кроткій и уступчивый Фридрихъ-Вильгельмъ, одинъ во всей Германіи, не забѣгалъ впередъ либеральнымъ требованіямъ и даже не соглашался на переорганизацию Соединеннаго Ландтага, тогда какъ на ультра-консервативномъ югѣ были уже провозглашены новые порядки.

15-го марта, когда въ Берлинъ пришло извѣстіе о событіяхъ въ Вѣнѣ, на улицахъ прусской столицы произошло уже первое столкновеніе войска съ толпою, неизмѣвшее, впрочемъ, кровавыхъ послѣдствій. Военная партія требовала провозглашенія осаднаго положенія и ручалась, подъ этимъ условіемъ, за сохраненіе порядка. Король, бывшій въ Потсдамѣ, поспѣшилъ вернуться въ Берлинъ и, вмѣсто ожидаемаго осаднаго положенія, держалъ съ балкона своего дворца примирительную рѣчь къ народу, успокоившую умы тѣмъ болѣе, что на слѣдующій-же день былъ изданъ высочайшій манифестъ о созваніи перваго прусскаго національнаго собранія, который имѣлъ открытъ свои засѣданія 2-го апрѣля.

На 18-е марта шумная демонстрація была устроена на площади передъ дворцомъ, чтобы благодарить короля за исполненіе имъ давнишнихъ народныхъ желаній. Въ то самое время, когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV-й вышелъ снова на балконъ, раздались два выстрѣла изъ рядовъ солдатъ, разставленныхъ заранѣе на дворцовой площади. Двое изъ толпы упали мертвыми. Тогда раздался злобщій крикъ «измѣна!» Улицы въ одинъ мигъ стали покрываться баррикадами, которыя приходилось штурмовать. Борьба продолжалась до двухъ часовъ по-полудни, когда со стороны регулярной арміи было поднято бѣлое знамя со словами: «Недоразумѣніе! (Missverständniss)». Войска были уведены по казармамъ; толпа подобрала убитыхъ, которыхъ оказалось 138 чело- вѣкъ. Созваніе собранія и назначеніе министерства, главою котораго былъ графъ Арнимъ, успокоило окончательно это кратковременное волненіе.

Уже въ самомъ началѣ марта, южно-германскіе патріоты, въ числѣ пятидесяти одного, собрались на совѣщаніе въ Гейдельбергѣ, имѣя главнѣйшимъ образомъ въ виду обратить вниманіе націи на настоятельную необходимость прійти ко взаимному соглашенію на счетъ устройства общихъ дѣлъ всего германскаго союза, которыя, разумѣется, въ этотъ періодъ повсемѣстной неуря-

дицы, находились въ очень запутанномъ положеніи. Официальный союзный совѣтъ, правда, еще существовалъ и даже исходилъ въ тщетныхъ попыткахъ снискать себѣ нѣкоторую долю популярности издаемъ (отъ 9-го марта) либеральныхъ постановленій о печати, обязательныхъ для всѣхъ союзныхъ государствъ, а также принятіемъ трехцвѣтнаго знамени. Но всѣ очень хорошо сознавали, что эти постановленія могутъ быть и недѣйствительными, въ силу уже предварительно заявленнаго въ этомъ собраніи принципа, что необязательно исполненіе тѣхъ обѣщаній, которыя могутъ даваться въ тревожную и критическую минуту. Къ тому-же, германская нація была приучена смотрѣть на этотъ союзный совѣтъ, какъ на переднюю Меттерниха. Теперь, будучи, хотя временно, предоставлена самой себѣ, она, вполне основательно, не хотѣла довѣрить свою судьбу подобному учрежденію. На гейдельбергскомъ съѣздѣ было предложено созвать представителей изъ всѣхъ нѣмецкихъ земель на предварительное совѣщательное собраніе, — почему-то названное «предварительнымъ парламентомъ» (*Vorparlament*). Для устройства этого собранія въ возможно скорѣйшее время, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, какъ одномъ изъ вольныхъ городовъ, расположенномъ въ центрѣ союзной территоріи, — тотчасъ-же и была назначена исполнительная коммиссія изъ семи человекъ (*Siebener Ausschuss*), въ которой главными руководителями очутились люди довольно умѣреннаго темперамента, какъ Гагернъ, Ицштейнъ, Велькеръ и пр.

Къ концу мѣсяца этотъ «предварительный парламентъ» уже открылъ свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго профессора и юриста Миттермайра. Различныя нѣмецкія національности были представлены въ немъ очень неравномѣрно: такъ, на примѣръ, Австрія блистала почти полнымъ отсутствіемъ своихъ представителей; за-то многія другія страны успѣшили послать во Франкфуртъ, на этотъ экстренный съѣздъ, лучшихъ, или по крайней мѣрѣ вліятельнѣйшихъ своихъ политическихъ дѣятелей. Собраніе не было облечено никакою законною властью, но всеобщее довѣріе къ нему было такъ велико, что союзный совѣтъ считъ себя обязаннымъ тотчасъ-же заявить, что онъ заранѣе даетъ свою санкцію всѣмъ постановленіямъ «предпарламента». Но въ самомъ собраніи тотчасъ-же обнаружилось очень существенное разногласіе на счетъ тѣхъ политическихъ формъ, въ которыхъ должно быть осуществлено національное единство Германіи. Радикалы, съ извѣстнымъ Струве и Геккеромъ во главѣ, выставили очень крайнюю якобинскую программу; значительное-же большинство, держась гораздо болѣе умѣреннаго образа мыслей, расходилось однако-же во многихъ очень существенныхъ возрѣніяхъ

на свою задачу. Одни, съ Дальманомъ во главѣ, предлагали создать новую германскую имперію съ такими органическими уставами, которые не исключали-бы областныхъ и мѣстныхъ автономій; но главное, чтобы изъять окончательно Германію изъ-подъ австрійскаго вліянія, приверженцы этого воззрѣнія предлагали вручить новую императорскую корону Фридриху Вильгельму Прусскому. Но многимъ этотъ планъ представлялся слишкомъ несообразнымъ съ историческими antecedентами нѣмецкой націи; къ тому-же ихъ стѣсняли и дипломатическія соображенія, такъ-какъ въ это время, дѣйствительно, было очень мало вѣроятія за то, чтобы другія европейскія государства согласились на такую перестройку германскаго союза.

Чтобы не терять времени, рѣшено было тотчасъ-же устроить общегерманское учредительное собраніе изъ представителей разныхъ нѣмецкихъ государствъ, многіе изъ которыхъ находились уже во Франкфуртѣ на лицѣ. Въ число этихъ пятидесяти не попалъ ни одинъ радикалъ, что и заставило Струве и его приверженцевъ удалиться изъ Франкфурта. Республиканцы южной Германіи взяли за оружіе. Въ Баденѣ герцогскія войска были ими разбиты; но къ нимъ на помощь подоспѣлъ Гагенеръ съ гессенцами. Въ непродолжительной, но кровопролитной битвѣ 20-го апрѣля Гагенеръ былъ убитъ, но республиканцы принуждены были тѣмъ не менѣе къ отступленію. Тѣмъ временемъ въ Констанцѣ было организовано временное республиканское правительство; но противъ него были двинуты баварскія войска и оно скоро было выбито изъ этой позиціи. Поэтъ Гервегъ, пытавшійся въ Вюртембергѣ поднять республиканское знамя съ горстью эмигрантовъ, тоже не имѣлъ успѣха и долженъ былъ бѣжать обратно за-границу. Въ Познани Мирославскій съ поляками держался, правда, почти до половины мая; но и его дѣло съ самого-же начала приняло безнадежный оборотъ.

Съ конца мая, первый общегерманскій парламентъ, облеченный уже законною учредительною властью, открылъ свои засѣданія въ церкви св. Павла во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Несмотря на то, что крайніе отгѣнки, какъ въ лѣвую такъ и въ правую сторону, были представлены въ немъ довольно слабо и что значительное большинство его членовъ принадлежало къ умѣренной или дѣловой партіи, собственно «дѣло»-то и подвигалось впередъ крайне медленно. Правда, дѣло это, т. е. созданіе политической плоти для той идеи національнаго единства, которая въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ волновала лучшіе нѣмецкіе умы, но въ скорое фактическое осуществленіе которой никто, по-

видимому, не вѣрилъ,— было нелегкимъ уже само по себѣ; но тутъ оно еще усложнилось разными побочными соображеніями. Было ясно, что самая лучшая союзная конституція не будетъ имѣть никакихъ шансовъ на фактической успѣхъ, если она не приметъ въ расчетъ, по французскому выраженію, «и козу и капусту», т. е. если она не создастъ какого-нибудь такого компромиса, на которомъ хотя временно могли-бы замириться между собою съ давнихъ поръ враждующіе интересы, стремящейся къ свободѣ и объединенію германской націи съ одной стороны; а съ другой— притязанія неисчислимаго множества завистливыхъ и честолюбивыхъ правительствъ. Парламентъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи готовыхъ войскъ, которыя, въ случаѣ нужды, могли-бы поддержать вооруженною силою его рѣшенія; онъ не чувствовалъ себя достаточно кнѣмъ и свѣжимъ для того, чтобы прочно опереть свое существованіе на какихъ, нибудь совершенно новыхъ и неизвѣданныхъ еще началахъ... Съ первыхъ-же своихъ шаговъ, онъ какъ будто подавленъ шаткостью и двусмысленностью своего положенія и робко ищетъ внѣ себя тѣхъ опоръ, безъ которыхъ у него не хватаетъ духа отдаться всею душою національной задачѣ, представленной на его разрѣшеніе. Въ ожиданіи возможности поступить въ распоряженіе прусскаго короля, предлагаемаго въ союзные императоры Дальманомъ и его приверженцами, онъ отдается подъ покровительство наименѣ непопулярнаго изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, Иоганна, въ надеждѣ этою мѣрою смягчить неблагоприятное вѣнскаго двора.

Не раньше конца марта 1849 г. состоялось наконецъ рѣшительное постановленіе парламента, провозглашавшее Фридриха-Вильгельма IV-го наслѣдственнымъ императоромъ Германіи съ нѣкоторыми условіями, изъ которыхъ наиболѣ существеннымъ было обязательство не кассировать ни одного рѣшенія союзнаго парламента, которое три раза будетъ одобрено обычнымъ большинствомъ голосовъ. Пруссійскій король, уже прежде отказавшійся отъ этой чести, на этотъ разъ не только не отмѣнилъ своего рѣшенія, но отвѣчалъ рѣзко, что, будучи приверженцемъ единства Германіи, онъ не признаетъ законнымъ ни одного парламентскаго рѣшенія, которое должно повести къ неизбѣжнымъ войнамъ между нѣмецкими государствами и къ новымъ возстаніямъ. Когда-же пруссійскій парламентъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ подчиниться союзному постановленію, то король распустилъ и парламентъ и либеральное министерство въ своихъ владѣніяхъ. Союзный-же парламентъ разошелся добровольно отдыхать отъ своихъ бесплодныхъ трудовъ. Напрасно радикальная его фракція, усиленная непарламентскими союз-

никами, пыталась создать новый и болѣе смѣлый центръ національнаго движенія. Это новое собраніе, извѣстное подъ страннымъ именемъ «*Rumpfparlament*» и открывшее первую свою сессію въ Штутгардѣ, было разогнано вюртембергскими войсками; между тѣмъ какъ Пруссія, гдѣ партія принца Вильгельма брала рѣшительный верхъ, взяла на себя обязанность подавить соотвѣтственное движеніе въ Дрезденѣ.

Роковой этотъ годъ не успѣлъ еще закончиться, какъ уже побѣды Радецкаго въ сѣверной Италіи и русскихъ войскъ въ Венгріи дали новую возможность Австріи, съ неизмѣннымъ Меттернихомъ, овладѣть положеніемъ и возродить до мельчайшихъ подробностей во всей Германіи эпоху двадцатыхъ годовъ. Существенно отличномъ отъ прежняго было теперь только положеніе прусскаго короля, которому реакція не могла простить его популярности 1848 г., въ которомъ національная партія не могла не видѣть виновника, хоть и недобровольнаго, того жестокаго крушенія, которое потерпѣли ея упованія и надежды; котораго собственное впечатлительное и искреннее сердце не могли не щемить болѣзненно при видѣ кровавыхъ плодовъ, выросшихъ на почвѣ нерѣшительности и заблужденій. Король не выдержалъ этого непривычнаго для него положенія и вскорѣ заболѣлъ. Регентомъ былъ назначенъ его младшій братъ, а съ нимъ для Пруссіи наступила пора рьянаго милитаризма, противъ котораго Германія, истощенная недавними передрыгами, не могла съ успѣхомъ бороться при тѣхъ условіяхъ, которыя наступали для всей западной Европы. Начинать снова, всю ту Пенелопину работу, которая бѣгло очерчена на предыдущихъ страницахъ, — на это не хватило духа. Удивительно-ли, что вся заурядная Германія съ восторгомъ бросилась въ объятія милитаризма, дѣйствительно скоро доставившаго ей скорую полупобѣду, въ особенности-же, когда она съ изумленіемъ увидѣла, что новое правительство подъ вліяніемъ новыхъ условій и новыхъ совѣтовъ, вмѣстидо въ свою программу все то, что могло удобно въ ней умѣститься изъ завѣтныхъ національныхъ мечтаній и надеждъ.

Л. Мечниковъ.

ВЪ КАРКИНЕЗСКОМЪ ЛѢСУ.

Романъ Бретъ-Гарта.

I.

Солнце опускалось надъ Каркинезскимъ лѣсомъ. Немногіе лучи свѣта, проникавшіе прежде въ чащу лѣса, теперь терялись во мракѣ, образуемомъ листовою красныхъ деревьевъ. Впродолженіи нѣкотораго времени темнокрасный цвѣтъ ихъ стволовъ и коры, покрывавшей землю, казалось, удерживали на время слабый отблескъ умиравшаго дня. Но не надолго. Свѣтъ и краски улетали кверху. Темныя, какъ-бы сросшіяся между собою, верхушки деревьевъ, которыя и днемъ образуютъ почти непроницаемую завѣсу, были въ послѣдній разъ залиты вечернимъ огнемъ. Гигантскія вершины блеснули лишь для того, чтобы померкнуть и погрузиться въ совершенную тьму. Но странный, фантастическій полумракъ, исходящій какъ-бы изнутри лѣса, медленно наполнялъ собою проходы между деревьевъ. Прямые, высокіе, колоссальные стволы неясно обрисовывались въ этомъ полумракѣ, подобно столбамъ прямого дыма. Свалившіяся деревья терялись своими концами въ лѣсной темнотѣ и казались лежавшими на туманной подпорѣ. Особеннаго рода запахъ наполнялъ таинственные проходы. Воздухъ вовсе не производилъ впечатлѣнія сырости или холода, столь обыкновеннаго послѣ солнечнаго заката;—напротивъ того, сухая, пахучая пыль подымалась изъ подъ неслышной ноги, ступающей по землѣ, покрытой опавшей корою. Лѣсные проходы казались подземными катакомбами, сваленныя деревья — чудовищными муміями, а глубокая, невозмутимая тишина напоминала одиночество забытаго прошлаго.

Но вотъ тишина эта нарушилась звуками, похожими на дыханіе, прерываемое по временамъ странными вздохами. Это не было быстрое, замирающее и прислушивающееся дыханіе тихо-крадущагося хищнаго животнаго. Оно показывало присутствіе сильнаго, неповоротливаго организма, не знающаго большой осторожности. Казалось, одинъ изъ чудовищныхъ пней снова одушевился жизнію. Повременамъ эта жизнь принимала какія-то формы—такъ-же неясно и неопредѣленно, какъ видѣнія кошмара. То она казалась въ видѣ туманнаго квадрата—безъ головы и хвоста, съ едва замѣтными очертаніями ногъ. То она принимала какіе-то дугообразные изгибы, переходящіе съ одного мѣста къ другому. Иногда видѣлась прямая цилиндрическая масса, неустойчивая, покачивающаяся, дотрогивающаяся до деревьевъ. Частыя повторенія того-же самаго движенія напоминали собою фигуры какого-то чуднаго ритмическаго танца, подъ музыку, слышную лишь таинственнымъ пространствомъ. По временамъ видѣніе это становилось неподвижнымъ или совсѣмъ пропадало изъ виду.

Но вотъ послышалось ржаніе лошади, звонъ шпоръ и крикъ съ отвѣтнымъ возгласомъ. Три колеблющихся факела появились въ одномъ изъ темныхъ лѣсныхъ проходовъ. Темнота была такъ сильна, что факелы отказывались проливать свѣтъ на окружающіе предметы и казались движущимися безо всякаго вмѣшательства человѣческой воли. Но, наконецъ, и они пропали за стволомъ одного изъ громаднѣйшихъ деревьевъ лѣса. Свѣтъ, разумѣется, не могъ быть видѣнъ изъ-за ствола имѣющаго 80 футовъ въ окружности. Темнота опять стала ненарушимою, но голоса и звѣняція шпоры были отчетливо слышны въ мертвой тишинѣ лѣса.

— Чтобъ ей лопнуть, проклятая лошадь! Опять потеряла дорогу.

— Не можетъ быть, чтобы мы снова заблудились, ворчливо отвѣтилъ другой голосъ.

— Однако-жь, это вѣрно. И какъ на бѣду эти дурацкіе еловые факелы не освѣщаютъ ничего, даже на одинъ дюймъ, вокругъ насъ. Будь я проклятъ, если они не дѣлаютъ эту темную яму еще темнѣе.

Послышался смѣхъ—женскій смѣхъ, истерическій, горькій,

полный сарказма и негодованія. Но второй голосъ, не обращая на это вниманія, продолжалъ разговоръ.

— Какой дьяволъ испугалъ нашихъ лошадей? Видѣли вы или слышали что-нибудь?

— Ничего; лѣсъ тихъ, какъ могила.

Опять раздался женскій смѣхъ, хриплый и пронзительный. Но этотъ разъ онъ задѣлъ мужчинъ. Одинъ изъ нихъ гнѣвно сказалъ:

— А если вы видали что-нибудь, почему не скажете, а только смѣетесь, какъ сумасбродная индѣянка. Можетъ быть, вы считаете себя способнѣе насъ выпутаться изъ этой труппы?

— Снимите веревку съ моего тѣла, отвѣтилъ женскій голосъ;—развяжите мои руки, и я покажу вамъ дорогу.—Она говорила быстро, съ испанскимъ акцентомъ.

Настала очередь и для мужчинъ посмѣяться надъ нею.

— О, да, и дать вамъ возможность схватить шестиствольникъ и сдѣлать дыру въ моемъ тѣлѣ, какъ та, которую вы сдѣлали у Калавераскаго шерифа. Не правда-ли? Но не беспокойтесь, пожалуйста, мы еще не совсѣмъ потеряли голову, сухо сказалъ первый голосъ.

— Ну, такъ и идите къ чорту! лаконически отвѣтила она.

— Мы на-столько понимаемъ правила вѣжливости, что не пойдѣмъ туда прежде женщины, отвѣтилъ второй голосъ.

Новый взрывъ смѣха со стороны мужчинъ, новый звонъ шпоръ; три факела снова показались изъ-за дерева и пропали въ темнотѣ.

Тишина стала еще невозмутимѣе и глубже послѣ короткаго перерыва. Гигантскія деревья молча глядѣли вверхъ; ихъ погибшіе братья, растянувшись во всю длину, пропадали въ непроницаемой темнотѣ. Опять раздалось дыханіе. Опять появилась неопредѣленная масса, и начался прежній таинственный танецъ. Она потерялась на время въ тѣни громаднаго дерева, и, вмѣстѣ съ дыханіемъ, послышалось царапаніе по корѣ. Вдругъ, подобно молніи, блеснулъ свѣтъ изъ середины дупла, лѣсъ освѣтился, и звукъ выстрѣла громкимъ эхомъ покотился по вершинамъ деревьевъ. Послѣ короткаго промежутка времени, послышались снова бряцаніе шпоръ и танцующіе факелы снова показались вдали.

— Эй! крикнули оттуда.

Нѣтъ отвѣта.

— Кто стрѣлялъ сейчасъ?

Нѣтъ отвѣта. Легкое облако порохового дыма отходило въ сторону, оставляя въ воздухѣ специфическій запахъ—и ничего болѣе. Факелы пододвинулись ближе. На этотъ разъ было видно, что ихъ держать двое мужчинъ и женщина. Руки женщины были привязаны къ поводкамъ ея мула; веревка обхватывала ея тѣло и, протянутая чрезъ подпругу, оканчивалась другимъ своимъ концомъ въ рукахъ мужчины, вооруженнаго винтовкою и револьверами. Испуганныя лошади стали подыматься на дыбы, и требовалось много усилій, чтобы подвигать ихъ впередъ.

— Эй! Странникъ! По комъ стрѣлялъ?

Женщина разсмѣялась и пожала плечами.

— Вы посмотрѣли-бы лучше на корни деревьевъ. Какъ вижу, вы чертовски ловкій шерифъ. Неправда-ли?

Мужчина пробормоталъ какое-то проклятіе и сталъ шпорить испуганную лошадь, когда та, дрожа всѣмъ тѣломъ, поднялась на дыбы. Послѣ двухъ, трехъ неудачныхъ попытокъ сдвинуть лошадь, онъ соскочилъ на землю и подошелъ къ дереву. Какая-то темная масса лежала на землѣ.

— Сѣрый медвѣдь! Клянусь живымъ Джинго! *) Прострѣленъ въ сердце!

Это было вѣрно. Странная масса, освѣщенная пламенемъ факела, казалась еще неопредѣленнѣе, еще сверхъестественнѣе и неуклюжѣе въ своихъ предсмертныхъ судорогахъ; но небольшие, плотно закрытые глаза, слабо развитый носъ, гигантскія плечи, получеловѣческая нога, вооруженная страшными когтями—не оставляли никакого сомнѣнія въ справедливости только что вырвавшагося восклицанія. Медвѣдь лежалъ у подножія гигантскаго дерева, и мужчины, отвернувшись отъ него къ разстилавшемуся лѣсу, начали кричать:

— Эй! мистеръ! Приходи сюда, подбери свою дичь! Эй! Кто тамъ! Приходи сюда!

Вызовъ безотвѣтно пропадалъ въ пустомъ, повидимому, лѣсу.

*) Одно изъ тѣхъ бессмысленныхъ выраженій, которыя часто встречаются въ жаргонѣ поселенцевъ дальняго Запада.

— А между тѣмъ, сказалъ тотъ, кто былъ названъ шерифомъ;—онъ не можетъ быть далеко отсюда. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ упоръ, и медвѣдь упалъ на слѣды человѣка.—Ба! Что у него на когтяхъ?

Двое мужчинъ наклонились надъ животнымъ. Дѣйствительно, на когтяхъ и у рта животного виднѣлись крупинки сахара. Женщина, оставаясь, повидимому, безучастною въ этой сценѣ, воспользовалась минутою, когда ея не наблюдали и освободила одну свою руку.

— Если-бы мы не кружились на этомъ мѣстѣ въ продолженіи послѣдняго полчаса, я-бы присягнулъ, что не далѣе, какъ въ сотнѣ ярдовъ отсюда можно найти жилие, сказалъ шерифъ.

Другой мужчина, молча, вспрыгнулъ на лошадь.

— Если здѣсь есть жилие, и если тамъ живетъ джентльменъ, умѣющій хорошо стрѣлять и не желающій объяснять намъ, какъ онъ прострѣлилъ сердце медвѣдя, то и я, въ свою очередь, вовсе не намѣренъ тревожить его.

Шерифъ, повидимому, былъ такого-же мнѣнія, такъ какъ и онъ послѣдовалъ примѣру своего сотоварища и снова поѣхалъ во главѣ кавалькады. Еще разъ прозвенѣли шпоры, факелы снова покачались въ темнотѣ. Еще одно мгновеніе—и все пропало.

Лѣсъ опять погрузился въ покой, ненарушаемый на этотъ разъ ни звукомъ, ни формою. Мелкіе обитатели лѣса или прятались въ густомъ папоротникѣ, или неслышно проходили по землѣ, мягко устланной корою. Къ утру почувствовалась прохлада; повременамъ слышался шумъ отъ упавающей вѣтки или орѣха—вѣрный признакъ того, что звѣри и птицы стали выходить изъ своихъ ночлежныхъ мѣстъ. Затѣмъ неясный, еле замѣтный разсвѣтъ, вовсе не похожій на вечернюю зарю, началъ наполнять лѣсные проходы, и внутри лѣса вскорѣ установился чистый, но сѣрый свѣтъ, ясно очерчивающій всѣ предметы. Видъ лѣса красовалось утро, покрытое блестящими красками молодости, но оно не смѣло входить въ лѣсъ иначе, какъ въ видѣ созрѣвшаго и трезваго дня.

И вотъ ясно и отчетливо обрисовывается теперь дерево, у подножія котораго лежитъ убитый медвѣдь. Стволъ его, лишенный коры, краснорѣчиво говоритъ, что много столѣтій про-

шло надъ его гордою вершиною. Не болѣе какъ въ 2-хъ футахъ отъ земли, виднѣлось отверстіе, отчасти покрытое полосами коры, свѣсившейся сверху. Вдругъ одна изъ этихъ полосъ откинулась въ сторону, и молодой человѣкъ легко спрыгнулъ изъ отверстія на землю. Всѣ его движенія были такъ граціозны и естественны, что если-бы не винтовка въ рукахъ и не современная одежда, его легко можно было принять за фауна, выходящаго изъ своего лѣсного обиталища. Его походка такъ-же мало походила на движеніе обыкновенныхъ людей, какъ его лицо на обыкновенный типъ охотника или поселенца. Даже когда онъ наклонялся надъ медвѣдемъ, опираясь на свою винтовку, его фигура была такъ живописна, такъ полна граціи, что не будь онъ одинъ въ дремучемъ лѣсу—всякій могъ-бы подумать, что онъ красуется и принимаетъ позы.

— Эй, мистеръ!

Беззаботно, почти безжизненно, онъ поднялъ свою голову, и только тѣмъ показалъ, что слышитъ призывъ. Выступивши изъ-за ствола дерева, передъ нимъ стояла женщина прошлой ночи. Ея руки были свободны, но веревка все еще была обвязана вокругъ тѣла, хотя другой конецъ былъ или сожженъ, или оторванъ. Ея глаза были налиты кровью; ея роскошные волосы, заплетенные въ косу, почти достигали земли.

— Я полагаю, что вы застрѣлили медвѣдя, сказала она; или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ тѣхъ, кто живетъ здѣсь,—и она указала рукою на дупло дерева;—выстрѣлъ не былъ случайный.

Замѣтивъ, что молодой человѣкъ не хочетъ или не желаетъ обращать на нее вниманіе, она прибавила:

— Мы были здѣсь прошлою ночью, минуту спустя послѣ вашего выстрѣла.

— А, такъ это вы подняли вчера здѣсь такой шумъ? спросилъ молодой человѣкъ, съ нѣкоторымъ интересомъ.

— Полагаю, что я, сказала женщина, кивнувъ головою;— вмѣстѣ съ тѣми, кто былъ со мною.

— Кто былъ съ вами?

— Шерифъ Доннъ изъ Золо и его помощникъ.

— Гдѣ они теперь?

— Помощникъ, вѣроятно, въ аду, а о шерифѣ ничего не могу сказать.

— Понимаю, сказалъ молодой человѣкъ спокойно; — а вы?

— Я убѣждала, дико сказала она.—Внезапная дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Она старалась превозмочь припадокъ, и, плотно завернувшись въ шаль, молодцовато скрестила руки.

— Что вы намѣреваетесь дѣлать?

— Можетъ быть, послѣдую за помощникомъ шерифа, мрачно сказала она.—Но послушайте, однако-жь, не дадите-ли вы мнѣ чего нибудь? Здѣсь чертовски холодно.

— Подождите немного.—Затѣмъ, посмотрѣвши на нее внимательно, съ надвинутыми бровями и съ полу-улыбкою любопытства, онъ прибавилъ:—Да вы не Тереза-ли?

Она была приготовлена къ вопросу, но, очевидно, не знала, отвѣтить-ли ей откровенно или нѣтъ.—Быстро, но пронизательно осмотрѣвши фizioномію вопрошавшаго, она предпочла первое и сказала:

— Вы можете прозакладывать свою жизнь, что это такъ, Иванъ.

— Я не бьюсь объ закладъ и мое имя не Иванъ. Такъ это вы ударили кинжаломъ Дика Карсона въ Лагранжъ?

Ее лицо приняло отчаянно-молодецкое выраженіе.

— Да, я, если хотите. Что вамъ до этого?

— Ничего особеннаго. Вы были танцовщицею въ Алгамбрѣ?

Сбросивъ шаль, она приподняла ее въ рукахъ подобно шарфу и сдѣлала два пируэта изъ *sembi suasa* *). Въ ея тѣлдвиженіяхъ не было ни веселія, ни беззаботности, ни вдохновенія. Это просто была механическая бравировка и не могла поэтому произвести никакого эффекта. Сознывая вполнѣ неудачу своей выходки, она опустила руки и закашляла, чтобы скрыть свое замѣшательство.

— Что-жь, товарищъ, гдѣ-же водка? спросила она.

Молодой человѣкъ повернулся къ дереву, изъ котораго вышелъ, и молча помогъ ей войти въ отверстіе дупла. Дупло образовывало комнату неправильной формы со сводами, сквозь

*) Мексиканскій танецъ.

«Дѣло», № 9, 1883 г. I.

которые въ одномъ мѣстѣ проходила труба въ 50 футъ вышины, служащая для отвода дыма, когда огонь разводился внутри комнаты. Въ одномъ углу лежала медвѣжья шкура и байковое одѣяло. По сторонамъ были двѣ ниши; одна была приспособлена для столовой, другая служила шкафомъ для платья и вещей. Вблизи входнаго отверстія виднѣлось еще другое, идущее внизъ, въ которомъ лежали нѣсколько мѣшковъ муки, кофе и сахара, часть котораго была разсыпана по полу комнаты. Оттуда молодой человекъ вынулъ фляжку водки и передалъ женщинѣ вмѣстѣ съ кружкой воды. Она отвела кружку рукою, схвативъ фляжку, и, не разбавляя водою крѣпкую водку, принялась пить ее прямо изъ горлышка. Но, очевидно, что и это дѣлалось лишь для молодечества, и не было подъ силу ея нервамъ. Слезы подступили къ ея глазамъ; она не могла удержаться отъ припадка кашля.

— Я полагаю, что это можетъ убить человека, сказала она съ истерическимъ смѣхомъ.— Но скажите на милость, товарищъ, все говоритъ, что вы намѣреваетесь оставаться здѣсь надолго.— И она принялась внимательно осматривать всѣ детали комнаты. Отъ ея взгляда не укрылась ни малѣйшая подробность. Она замѣтила, что полосы коры расположены такъ, что легко могли совершенно скрыть входное отверстие.

— Да, отвѣтилъ онъ,—не совсѣмъ-то легко для меня переходить въ другое мѣсто.

Она почувствовала, что, вслѣдствіе безучастія или осторожности, онъ не хотѣлъ понять смысла ея словъ, и потому, прямо смотря ему въ глаза, спросила:

— Какова ваша дичь? *).

— Что?

— Отчего вы прячетесь въ этомъ деревѣ?

— Я вовсе не прячусь.

— Но отчего вы не выходили, когда васъ вызывали прошлую ночью?

— Потому что я не желалъ выйти.

Тереза недовѣрчиво свистнула.

— Ну, хорошо, если вы не прячетесь здѣсь, такъ я спря-

---

*) Одно изъ выраженій разбойничьяго жаргона.

чусь.—Видя, что онъ не отвѣчаетъ, она продолжала:—Если бы я могла скрыть свои слѣды въ теченіи двухъ недѣль, опасность преслѣдованія совершенно миновала-бы меня, и я могла-бы безопасно перебраться въ Золо. Тамъ я могла-бы опять жить открыто, такъ какъ тамошніе молодцы любятъ меня и не выдадутъ. Но пробраться туда теперь нѣтъ никакой возможности; всѣ дороги стерегутся, и только здѣсь никто не подумаетъ искать меня.

— Что побудило васъ придти сюда? небрежно спросилъ онъ.

— Какъ что! Медвѣдь не могъ быть далеко отъ сахара, а сахаръ слишкомъ свѣжъ, чтобы быть украденнымъ изъ землянки охотника; кромѣ того, мы не видали проѣздомъ никакого жилья и почему знать,—прибавила она тихимъ голосомъ:—можетъ быть, я инстинктивно намѣтила это мѣсто, чтобы умереть въ немъ.

Несмотря на утрировку и напускную молодцоватость, проглядывающую въ прежнихъ словахъ,—теперь въ ея голосѣ слышался неподдѣльный инстинктъ преслѣдуемаго животнаго... Молодой человѣкъ внимательно посмотрѣлъ на нее. Она какъ разъ стояла подъ трубою, и свѣтъ сверху хорошо освѣщаль ее голову и плечи. Зрачки ея глазъ потеряли прежнее лихорадочное выраженіе, и, когда она задумчиво смотрѣла передъ собою, казались мягче обыкновеннаго. Единственные слѣды ея недавняго возбужденія оставались въ пальцахъ лѣвой руки, которыми она постоянно вертѣла бриліантовое кольцо на правой рукѣ, хотя и это нервное движеніе не мѣшало всему тѣлу оставаться въ безжизненномъ спокойствіи. Но вдругъ, какъ-бы сознавая, что ее наблюдаютъ, она отступила въ темный уголъ комнаты и съ чисто женскимъ инстинктомъ поднесла свою руку къ головѣ, чтобы пригладить волосы; затѣмъ, какъ-бы стыдясь минутной слабости, она старалась принять прежнюю молодцоватую хватку.

— Ну, сказала она;—отвѣчайте-же мнѣ: могу я оставаться здѣсь, или должна искать другого мѣста?

— Вы можете оставаться здѣсь, спокойно отвѣтилъ молодой человѣкъ;—но такъ-какъ у меня есть здѣсь охотничьи матеріалы и запасъ провизіи, то намъ придется владѣть послѣднимъ сообща.

Она взглянула на него изподлобья, и полугорькая, полупрезрительная улыбка проскользнула по ея лицу.

— Ну, ладно, старикъ, сказала она, протягивая ему руку;—рѣшено. Мы можемъ хоть сейчасъ приступить къ устройству нашего общаго хозяйства.

— Я буду приходить сюда разъ или два раза въ день, чтобы смотрѣть за своими вещами и закусить кое-чѣмъ. Затѣмъ большую часть дня я буду въ отлучкѣ, спать буду подъ деревьями и такимъ образомъ врядъ-ли причиню вамъ много неудобствъ.

Она широко раскрыла свои черные глаза, выслушивая странно звучація для нее слова деликатнаго хозяина. Затѣмъ она взглянула на свое разорванное платье.

— Я полагаю, что подобный нарядъ нельзя назвать очень приличнымъ, не правда-ли? спросила она съ принужденнымъ смѣхомъ.

— Я знаю мѣсто, гдѣ могу достать для васъ смѣну платья, пока вы будете оставаться здѣсь, отвѣтилъ онъ просто.

Она опять широко и вопросительно взглянула на него.

— Вы семейный человѣкъ?

— Нѣтъ.

Она молчала нѣкоторое время.

— Ну, хорошо, сказала она,—передайте вашей дѣвушкѣ, что я приму отъ нея платье, даже если оно будетъ сшито по послѣдней модѣ.

Легкая краска появилась на лбу молодого человѣка, когда онъ подходилъ къ шкафу; но въ голосѣ его не было слышно ни малѣйшаго волненія.

— Вы найдете здѣсь чай и кофе, и если вамъ будетъ очень скучно, одну или двѣ книги. Вѣдь вы читаете по-англійски?

Она кивнула головою и взглянула съ неподдѣльнымъ отвращеніемъ на два зачитанные и оторванные отъ переплета романа.

— Нѣтъ-ли у васъ «Sacramento Union» за прошлую недѣлю? Я слышала, тамъ напечатана моя исторія, и я увѣрена, что лживые репортеры исказили все дѣло, чтобы возстановить противъ меня публику.

— Я не читаю газетъ, отвѣтилъ онъ сухо.

— Говорятъ, въ «Полицейской Газетѣ» помѣщенъ мой

портретъ въ моментъ удара ножомъ, продолжала она со смѣхомъ.

Онъ смотрѣлъ задумчиво разсѣяннымъ взглядомъ. Очевидно, его мысли были далеко отъ этого разговора. Онъ повернулся, чтобы уйти.

— Я думаю, вамъ лучше отдохнуть теперь. Ближайшая лѣсная дорога проходитъ въ милѣ отъ насъ, тѣмъ не менѣе, ктонибудь можетъ сбиться съ пути и очутиться здѣсь, а потому будьте осторожниѣе и не отходите отъ дерева, если хотите быть въ совершенной безопасности. Труба такъ высока, что даже дымъ пропадаетъ въ ней и не можетъ быть замѣтенъ извнѣ.

Свѣтъ сверху падалъ на его голову и плечи и освѣщаль его такъ-же отчетливо, какъ была освѣщена Тереза нѣсколькими минутами прежде. Она не могла оторвать глазъ отъ него.

— Вы чувствуете себя какъ дома въ Каркинезскомъ лѣсу, товарищъ, сказала она съ молодцоватою интонаціею въ голосѣ. — Но не понимаю, какимъ образомъ вы содержите себя въ этой труппѣ... А, вы уже уходите? Напрасно, вы могли-бы быть болѣе разговорчивымъ. Прощайте.

— Прощайте, отвѣтилъ онъ и выпрыгнулъ изъ отверстія.

— Послушайте, товарищъ!

Онъ обернулся съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Она стояла на колѣняхъ у самого входа и протягивала ему руки, но, видя, что онъ не замѣчаетъ этого, быстро измѣнила свое положеніе.

— Если кто-нибудь зайдетъ къ вамъ, то подь какимъ именемъ будутъ спрашивать васъ?

Онъ улыбнулся.

— Вы не должны ни съ кѣмъ разговаривать.

— Но, положимъ, что я захотѣла-бы пѣть о васъ; какъ я должна называть васъ въ пѣснѣ?

Онъ стоялъ въ нерѣшимости.

— Называйте меня Ло *).

— Ло! убогій индѣецъ!

— Да.

Въ умѣ Терезы мелькнула догадка, что и ростъ молодого

*) Слово Ло на дальнемъ Западѣ — презрительное прозвище каждаго индѣйца.

человѣка, и его гибкая, но прямая осанка, цвѣтъ кожи, и даже спокойная важность обращенія—все доказываетъ, что за вымышленнымъ словомъ скрывается дѣйствительно индѣйское происхожденіе. Правда, онъ не былъ похожъ на обыкновенныхъ индѣйцевъ, но онъ очень напоминалъ своею фігурою молодого индѣйскаго предводителя. Его мокассыны и рубашки изъ козьей кожи еще болѣе подкрѣпляли ея догадку. Но прежде чѣмъ она успѣла сдѣлать саркастическое замѣчаніе по этому поводу, онъ удалился тою безшумною походкою, которая такъ характеризуетъ индѣйцевъ.

Оставшись одна, она тщательно и чрезвычайно искусно закрыла отверстіе кусками всяческой кожи. Но комната отъ этого не стала темнѣе. Чистый и сильный свѣтъ сверху, хотя и падающій чрезъ высокую трубу, гораздо лучше освѣщала комнату, чѣмъ тотъ лѣсной полумракъ, который входилъ чрезъ боковое отверстіе. Спустя нѣкоторое время, она почувствовала ознобъ и, плотнѣе закутавшись въ шаль, начала собирать въ кучу полуобгорѣлые куски дерева, чтобы развести огонь. Но ея мысли постоянно отвлекали ее отъ работы; по временамъ она останавливалась, ея лицо принимало выраженіе глубокой сосредоточенности; тогда глаза ея неподвижно устремлялись въ даль, и ротъ принималъ твердое, строгое очертаніе. Наконецъ, она развела огонь; дымъ поднялся блѣдно—голубымъ столбомъ кверху, но распускался и пропалъ прежде, чѣмъ достигалъ вершины отверстія. Она свернулась у огня и неподвижно, подобно изваянію, стала въ упоръ смотрѣть въ темный уголъ комнаты.

Что видала она сквозь эту темноту?..

Сначала ничего, кромѣ лицъ и событій прошлой ночи, т. е. все-то, что легко могло отойти въ сторону и позабыться. Но эти событія не случились-бы, если-бы не произошло другого страшнаго происшествія, передъ которымъ блѣднѣли всѣ остальные. И вотъ чудится ей бальная зала, звуки музыки; человекъ, который былъ для нея дороже другихъ, открыто хвастливо чванится предъ нею своею невѣрностью; она презирается имъ, всѣ сторонятся отъ нея, насмѣхаются надъ нею... Затѣмъ наступаетъ моментъ забытья: свѣтъ залы какъ-то странно пляшетъ въ ея глазахъ; одинъ дикій поступокъ поднимаетъ ее, презрѣнную и погибшую женщину, выше всѣхъ другихъ.

Женщины изъ подтишка кидаютъ на нее испуганные взгляды; мужчины окружаютъ ее; въ ихъ глазахъ выражается изумленіе передъ совершившимся и невольная дань ея отвагѣ. «Да», вскрикнула она и захохотала. Но звуки собственнаго голоса испугали ее. Она прошлась дважды вокругъ комнаты и затѣмъ снова впала въ прежнее забытѣе.

Она живо представляетъ въ своемъ воображеніи челоуѣка, который смѣялся и оскорблялъ ее даже, въ то время, когда его окровавленнаго выносили изъ залы. А между тѣмъ онъ самъ хвалилъ ее когда-то за неукротимый духъ, онъ постоянно училъ ее не прощать ни одной обиды. Что-жь, онъ пожалъ лишь то, что было имъ посѣяно. Онъ и другіе мужчины сдѣлали ее такою. Что она теперь? Чѣмъ она была прежде!

Она пыталась вспомнить свое дѣтство; передъ нею поднимаются тѣни людей, которые считались ея родителями, которые берегли и отстаивали ее хрупкую жизнь; которые то ласкали, то оскорбляли ее и, наконецъ, отдали на воспитаніе въ труппу волтижеровъ и акробатовъ. Тамъ она впервые ощутила силу своей смѣлости, красоты и беззаботности. Тамъ она извѣдала опьяненіе триумфомъ, — ту страшную горячку крови, которая, разъ начавшись, должна поддерживаться все время если не криками и одобреніями восхищенной толпы, то буйными оргіями и поступками, могущими вызвать удивленіе мужчинъ и завистливый страхъ женщинъ. Вспомнила она свой переходъ въ труппу странствующихъ актеровъ, съ ея скудными удовольствіями и еще болѣе скуднымъ соперничествомъ и ненавистію. Но гдѣ-бы она ни была, все время, во всю свою жизнь, она оставалась тою-же Терезою—смѣлою и беззаботною Терезою—отважною, какъ женщина, несокрушимою, какъ мужчина, танцующая, кокетничая, фехтуя, стрѣлая, ругаясь, одурѣвая себя виномъ и табакомъ! О, да, очень вѣроятно, что ее любили, зато можно навѣрное сказать, что ее боялись. Зачѣмъ ей измѣняться теперь? О, онъ еще узнаетъ ее!

Странно жестикулируя, извергая клятвы и дикія восклицанія, она какъ-бы вгоняла себя въ возбужденное состояніе; но въ результатъ получилось нѣчто совсѣмъ другое. До сихъ поръ, постоянно фигурируя передъ другими, она всегда имѣла толпу поклонниковъ; всегда были люди, которыхъ она или очаровывала, или пугала. Она привыкла читать свою силу и обая-

ніе въ ихъ глазахъ. Даже невозмутимое, сосредоточенное спокойствіе ея страннаго хозяина было достаточнымъ стимуломъ для такого образа ея жизни. Но теперь она была совершенно одна, ея слова терялись въ безучастномъ одиночествѣ; ей приходилось играть свою роль передъ ничѣмъ невозмутимымъ пространствомъ, и она не могла выдержать этой пытки. Она кинулась къ отверстію, отбросила всякую кору, спрыгнула на землю и, бѣшено пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, крикнула:

—Эй! Смотрите на меня. Я—Тереза!

Глубокое молчаніе лѣса было единственнымъ отвѣтомъ. Рѣзкіе тоны ея голоса пропадали въ беззвучномъ пространствѣ, прежде чѣмъ достигалъ онъ вѣшняго воздуха. Она протянула сжатые руки къ могучимъ гигантамъ лѣса, какъ-бы выражая свое къ нимъ презрѣніе.

— Приходите и берите меня, если осмѣливаетесь! крикнула она снова.

Но и этотъ вызовъ остался безотвѣтнымъ. Окруженная мертвою, подавляющею тишиною и одиночествомъ, она чувствовала то-же самое, что чувствуетъ человѣкъ, получившій сильный ударъ въ голову. Ея эгоистическая, страстная душа, столкнувшись съ холодною и безучастною природою, была впервые объята чувствомъ неопредѣленнаго страха. Прошлою ночью, когда еще свѣжо было возбужденіе кровавой расправы, она не замѣчала неподвижности и тишины лѣса. Но теперь, оставленная одинокою, лицомъ къ лицу съ величіемъ громадной растительности, она начала сознавать свою беспомощность, и задрожала. Тишина въ дуплѣ дерева казалась ей менѣе подавляющею, чѣмъ присутствіе нѣмыхъ и чудовищныхъ свидѣтелей ея слабости. Подобно раненой птицѣ, она вползла опять въ свое убѣжище.

Но даже и тамъ ее преслѣдовало подавляющее впечатлѣніе лѣса. Она схватила было одинъ изъ романовъ, съ такимъ презрѣніемъ брошенныхъ незадолго до того; но не могла читать. Душевная слабость овладѣла ею. На минуту ея женское любопытство было возбуждено видомъ поношенной книги, между листами которой сохранялись разные цвѣты и травы. Вначалѣ она подумала, что коллекція эта составляется съ сентиментальною цѣлію для какой-нибудь дорогой ему особы, но, увидавъ подъ каждымъ растеніемъ надпись на неизвѣст-

номъ ей языкѣ, инстинктивно сообразила, что этотъ языкъ не можетъ быть языкомъ страсти. Затѣмъ она привела въ порядокъ всѣ вещи въ комнатѣ, убрала мѣховую постель и легла на нее, чтобы продолжать свои мечты. Но природа взяла свое: она заснула.

Сильны и продолжительны были возбужденія послѣднихъ событій. Долгое время они держали ее въ лихорадочномъ настроеніи, но когда потеряли свою напряженность, ее охватилъ такой глубокой сонъ — сонъ истощенія — что она, казалось, перестала дышать. Наступилъ полдень; сквозь дымовое отверстіе блеснулъ прямой лучъ солнца; вотъ полдень замѣнился вечеромъ: тѣни въ лѣсу сгущались все болѣе и болѣе; огненные цвѣта, сопровождающіе солнечный закатъ, все слабѣе и слабѣе освѣщали лиственный покровъ лѣса. Она все спала; она не проснулась даже, когда молодой человѣкъ, осторожно сдвинувши кору, вошелъ въ свое жилище.

Онъ опустилъ на землю только-что принесенный узелъ и тихонько приблизился къ постели. Даже его поразили тишина и неподвижность спящей. Лицо ея не имѣло выраженія, столь непріятно подѣйствовавшаго на него утромъ. Не было ни лихорадочнаго блеска глазъ, ни сдвинутыхъ бровей, ни сжатого рта—все это, вѣроятно, смылось слезами, слѣды которыхъ были видны на ея щекахъ и темныхъ рѣсницахъ. Лицо ея было лицомъ прекрасной женщины лѣтъ тридцати. Въ контурѣ щекъ, въ изгибѣ верхней губы, не искаженной гнѣвомъ, проявилось особенно мягкое выраженіе. Полуоткрытый ротъ обнаруживалъ рядъ прекрасныхъ зубовъ.

Легкою, мягкою походкою молодой человѣкъ обошелъ всю комнату, осмотря запасы провизіи, и вышелъ на короткое время, чтобы снова появиться съ жестянымъ ведромъ, наполненнымъ водою. Затѣмъ онъ добавилъ запасъ топлива; еще разъ осмотрѣлся кругомъ, взглянулъ на спящую и тихо удалился. Она проснулась глубокою ночью. Ее поразили окружающій мракъ; только подъ отверстіемъ виднѣлось слабое отраженіе звѣзднаго блеска. Къ счастью, она приходила въ сознаніе постепенно, такъ что тишина и уединеніе, наступившія послѣ бурныхъ событій послѣднихъ 24-хъ часовъ, не могли внезапно потрясти ее. Она была одна, но въ безопасномъ мѣстѣ, и съ каждымъ часомъ усиливалось вѣроятіе окончательнаго ея из-

бавленія отъ поимки. Она вспомнила, что на полкѣ, въ числѣ разныхъ предметовъ, была свѣчка, и стала въ темнотѣ искать. Вдругъ она остановилась. Что такое такъ тяжело дышать? Было-ли это ея собственное дыханіе, усиленное и учащенное ужасомъ, или-же это кто-нибудь другой дышетъ возлѣ дерева? Съ замираніемъ сердца она начала прислушиваться. Да, это дыханіе шло извнѣ. Дыханіе это постепенно усиливалось, учащалось, смѣшивалось съ какими-то странными звуками тренія, разрыва, чавканія, прерывавшагося по временамъ отрывистымъ, нетерпѣливымъ ревомъ. Ползя на рукахъ и ногахъ, она тихонько выглянула изъ отверстія. Сначала ей показалось, что колышется вся поверхность земли вплоть до противоположнаго дерева; но, присмотрѣвшись получше, она убѣдилась, что колыхающаяся масса состоитъ изъ черной и сѣрой шерсти хищныхъ животныхъ, борющихся, движущихся то въ одну, то въ другую сторону, и отбивающихъ другъ отъ друга лакомые куски убитаго вчера медвѣдя. Изогнутыя спины, поджатые хвосты, торопливая прозорливость, оскаливаніе зубовъ, сопровождаемое легкими рычаніями — все это поразило ее глубокимъ ужасомъ. Когда-же одинъ изъ болѣе смѣлыхъ звѣрей вспрыгнулъ на корни ея дерева и былъ уже не далѣе фута отъ отверстія, ея столбнякъ разрѣшился дикимъ отчаяннымъ крикомъ, пронзившимъ холодную глубину лѣса. Въ страшной агоніи она упала навзничъ, прикрывъ глаза руками.

Черезъ минуту, какъ-бы въ отвѣтъ на ея вопль, посыпался на звѣрей цѣлый дождь горящихъ полѣньевъ и искръ. Послышались сдержанныя рычанія испуганныхъ звѣрей. Стая хищниковъ мгновенно разсѣялась во всѣ стороны, и на трупѣ убитаго и полусѣденнаго медвѣдя стоялъ молодой человекъ съ пылающимъ полѣномъ въ каждой рукѣ. Тереза подняла голову; съ крикомъ отчаянія она сползла съ дерева, подбѣжала къ нему, схватилась за его рукавъ и опустилась на колѣни.

— Спасите меня! Спасите меня! проговорила она голосомъ, дрожащимъ отъ ужаса; — спасите меня отъ этихъ ужасныхъ тварей! — Нѣтъ! нѣтъ! умоляла она, когда онъ пытался поднять ее на ноги; — нѣтъ, позвольте мнѣ быть поближе къ вамъ. Вотъ такъ! Она схватилась за складку его кожаной рубашки и на колѣняхъ подползла къ нему. — Такъ! О, не покидайте меня, ради Бога!

— Они разбѣжались, отвѣтилъ онъ, съ удивленіемъ и состраданіемъ глядя на нее, когда она завернула свои руки въ его платье, чтобы крѣпче держаться. — Вѣдь это была стая трусливыхъ волковъ и гіенъ, которые не осмѣливаются нападать на то, что живетъ и движется.

Женщина отвѣтила нервной дрожью.

— Да, это такъ, прошептала она прерывающимся голосомъ;—они хотятъ только мертвыхъ. Обѣщайте мнѣ, поклянитесь, что если я буду схвачена, повѣшена или застрѣлена здѣсь, то вы не позволите бросить моего тѣла на сѣдненіе звѣрямъ. О Боже, что дѣлается со мной!

Съ пронзительнымъ крикомъ она обхватила руками его колѣни и плотно прижала свою пылающую грудь къ его ногамъ. Нѣчто въ родѣ презрѣнія промелькнуло на лицѣ молодого человѣка.

— Не пугайтесь напрасно, они не вернутся сюда. Поднимитесь!

Не смотря на ужасъ, она замѣтила выраженіе его лица.

— Да, ваша правда, я знаю, что струсила, но не могу выносить долѣе. Выслушайте меня! Выслушайте и не уходите отъ меня. Я не хотѣла убивать Карсона; нѣтъ, клянусь Богомъ, не хотѣла; я не желала убивать шерифа. Я вовсе не убила его, я только похвасталась. Слышите-ли меня? Я лгала! Я хотѣла показаться хуже, чѣмъ я есть на самомъ дѣлѣ. Да. О, только не оставляйте меня, и если я умру, а это можетъ случиться очень скоро, уберите мое тѣло изъ лѣса, не давайте на сѣдненіе звѣрямъ. Поклянитесь!

— Ладно, сказалъ молодой человѣкъ съ худо скрываемою раздражительностію;—но встаньте-же, наконецъ, и идите въ комнату.

— Нѣтъ, я не могу быть одна!

Тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно освободился отъ ея рукъ.

— Я останусь здѣсь, отвѣтилъ онъ;—я буду вблизи васъ. Хотя для вашей собственной безопасности я не долженъ-бы разводить огня возлѣ дерева, но я устрою свой ночлегъ возлѣ, и, такимъ образомъ, буду отгонять волковъ и шакаловъ.

— Позвольте мнѣ быть съ вами и возлѣ васъ, сказала она умоляющимъ голосомъ.

Она смотрѣла такую слабую, подавленную; она такъ мало

походила на женщину, которую онъ видѣлъ утромъ, что, вопреки своему нежеланію, онъ молча согласился на ея просьбу. Онъ отошелъ, чтобы принести одѣяла; но черезъ минуту она очутилась возлѣ него и, подобно собакѣ, идущей за хозяиномъ, шла молча съ тою-же покорностью, съ тѣмъ-же сознаніемъ его безусловнаго превосходства. Она даже хотѣла нести его узель. Она-же собирала сосновыя шишки и вѣтви, чтобы помочь ему развести огонь. Затѣмъ молодой человѣкъ сѣлъ у огня, прислонился къ дереву, сложивъ руки, и преданнѣнно, какъ-бы не желая вступать въ разговоры съ нею, погрузился въ размышленія. Покорная и почтительная къ нему, она не пыталась выводить его изъ задумчивости. Было очевидно, что мысли его не имѣютъ ничего общаго съ ея личностію. Когда огонь разгорѣлся, и искры съ трескомъ посыпались къверху, она прислонила голову къ дереву и молча стала слѣдить за игрою пламени. Огонь то вспыхивалъ, то гасалъ. По временамъ костеръ представлялъ собою массу тлѣющаго дерева, по временамъ разгорался въ трескучее и высокое пламя. Наконецъ все сгорѣло. Остались лишь тлѣющіе уголья; глубокая тишина воцарилась въ лѣсу. Прѣшло еще нѣкоторое время, и легкое дуновеніе утренняго вѣтерка зашевелило верхушки молчаливыхъ гигантовъ. Съ дюжину сосновыхъ иголь и тонкихъ вѣтокъ мягко и беззвучно упали на землю. Нѣкоторые изъ нихъ падали на женщину, какъ-бы выказывая ей свое особенное вниманіе, но она уже спала, хотя и во снѣ ея рука безсознательно вѣрнѣе держалась за складки платья единственнаго защитника.

II.

Одна изъ особенностей Каркинезскаго лѣса та, что онъ стоитъ отдѣльно отъ другихъ лѣсовъ, и его гигантская индивидуальность выдѣляется повтому самымъ эффектнымъ образомъ. Онъ не имѣетъ мелкаго пороста даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не вполне сохранилась свойственная ему порода краснаго дерева. Лѣсъ не мельчаетъ даже у своей опушки. Часовые, стерегущіе входъ въ лѣсъ по еле замѣтнымъ тропинкамъ, такъ-же чудовищны, какъ и тѣ гиганты, которые растутъ среди лѣса. Вотъ почему дорога, огибающая вос-

точную опушку лѣса, не отгѣнена деревьями, проходить по открытому мѣсту, и только въ трехъ миляхъ разстоянія отъ Баркинескаго лѣса входитъ въ хорошо орошенную долину, поросшую уже не такими громадными лиственницами и ивой. Вотъ здѣсь-то и стоитъ возникающій городъ Эксельсіоръ, подобно ребенку Геркулесу. Онъ еще въ своей колыбели захватилъ змѣвидную сѣверную вѣтвь американской рѣки и направилъ ея жизнь въ каналы и водопромывалки эксельсіорскихъ рудокоповъ.

Изъ всѣхъ домовъ, какъ-бы случайно образовавшихся единственную улицу города, самымъ новымъ домомъ надо считать резиденцію пастора баптистской церкви, Винсло Винна, котораго нерѣдко называютъ здѣсь отцомъ Винномъ. Домъ этотъ построенъ изъ кирпича и, какъ уже не разъ говорилось зложелателями города, есть единственное зданіе, которое не можетъ быть до-гла истреблено огнемъ. Остряки часто называютъ этотъ домъ «огнеупорнымъ», но насмѣшка эта скорѣе пріятна для отца Винна, который пользуется здѣсь хорошою репутаціею, «веселаго малаго», вполне принаровившагося къ жизни рудокоповъ. Пасторъ былъ популярною личностію въ городѣ и, обращаясь къ кому-нибудь, называлъ его не иначе, какъ по имени. Его часто можно видѣть у стойки въ мѣстной распивочной, гдѣ онъ проводилъ время въ разговорахъ съ мѣстными тузами. Въ его обращеніи не было «евангелическаго врахмала». Иногда люди, нарушавшіе мѣстный кодексъ нравственности, часто чувствовали на себѣ гнетъ духовнаго авторитета; но сектаторскія особенности отца Винна терялись въ предполагаемой ширинѣ его обще-человѣческихъ стремленій. «Проповѣдникъ, который не уклоняется отъ угощеній и не говоритъ много противъ этого священнаго обычая, имѣетъ полное право возиться съ грѣшниками и поливать ихъ холодною водою, сколько его душъ угодно». — Вотъ слова одного изъ критиковъ,—слова очень вѣрно передающія общественное мнѣніе Эксельсіора. Тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что отецъ Виннъ бываетъ рѣзозъ и «нетерпимъ въ своей терпимости». Вѣрно и то, что онъ нѣсколько грубѣе, нѣсколько откровеннѣе и впечатлительнѣе своихъ учениковъ. Его выраженія крайняго либерализма и братскаго равенства принимаютъ часто фальшивый тонъ, и люди, болѣе другихъ нуждающіеся въ его

духовной поддержкѣ, глубоко презираютъ его за это. Его либерализмъ былъ только украшеніемъ, часто оскорбительнымъ для человѣка и никогда не сопровождавшимся никакими жертвами. Когда онъ принялъ отъ игорныхъ домовъ приношеніе на постройку новой церкви, его популярность возросла чрезвычайно и какъ-бы закрыла собою грѣшки игроковъ; но за всѣмъ тѣмъ еще не доказано, чтобы онъ организовалъ хотя какую-нибудь помощь для несчастныхъ и больныхъ своего прихода. Вообще говоря, мѣстная хроника занесла его на свои страницы какъ превосходнаго выразителя рудокопнаго христіанства, не справляясь о томъ, на сколько это мнѣніе согласно съ мнѣніемъ христіанскихъ рудокоповъ.

Мистеръ Виннъ былъ вдовецъ и жилъ съ своею единственною 18-ти лѣтнею дочерью, которая вовсе не раздѣляла ни либеральныхъ мнѣній, ни привычекъ своего отца. Нелли Виннъ въ глазахъ эксельсіорцевъ была недоступнымъ божествомъ, настолько-же холоднымъ и сдержаннымъ, на сколько отецъ былъ фамиллярень и импульсивень. Ея чистые глаза, напоминающіе амберъ, ея повелительныя губы и чувственыя ноздри держали всѣхъ въ почтительномъ отдаленіи. Атмосфера невинности и гордой дѣвственности чувствовалась даже въ складкахъ ея безукоризненно-накрахмаленнаго платья, даже въ пальцахъ ея изящной, одѣтой въ лайковую перчатку, руки. Нужно-ли прибавить, что вся молодежь и средній возрастъ Эксельсіора сходили съ ума отъ безнадежной любви по ней. Не мѣшаетъ, однако, сказать, что на ея воспитаніе не щадилась издержки, что она достигла полнаго невѣжества въ двухъ языкахъ, желаемаго непониманія музыки и рисованія и естественнаго и безукоризненнаго вкуса въ нарядахъ.

Почтенный мистеръ³ Виннъ стоялъ у воротъ своего дома, прощаясь съ однимъ изъ ново-обращенцевъ, съ свойственною ему своеобразной манерой. Онъ только-что ударилъ его по плечу:

—Прощай, Чарли; прощай, мой парень; держись вѣрной тропы, не отходи ни вверхъ, ни внизъ, не объѣзжай овраговъ. Ха! ха! ха! Иди прямо впередъ черезъ свое поле *) къ сіяющимъ воротамъ.

Замѣтивши двухъ трехъ постороннихъ слушателей, онъ

*) Непереводаемая игра словъ: lot означаетъ и небольшой участокъ земли (поле), и участь (судьба).

даже возвысилъ свой голосъ и, шутя прижавъ своего клиента къ стѣнкѣ, такъ закончилъ свои духовные совѣты:

— Ты увидишь, Чарли, что наша возьметъ. Можешь биться объ закладъ съ кѣмъ хочешь. Ну, прощай. Я-бы попросилъ тебя зайти къ намъ и поболтать немного, но у меня есть своя работа, точно такъ-же, какъ и у тебя. Евангеліе не должно освобождать насъ отъ этой обязанности; неправда-ли, Чарли? Ха! ха! ха!

Ново-обращенецъ былъ необразованный извозчикъ почтовой станціи, и неудивительно, что, подъ вліяніемъ энергической проповѣди мистера Винна, сопровождаемой боксерными упражненіями въ виду постороннихъ зрителей, — совершенно растерялся. Тѣмъ не менѣе, у него хватило смѣлости пробормотать съ краскою на лицѣ что-то объ Нелли.

— А, Нелли! Она тоже имѣетъ свои занятія: чистить свои свѣтильники. Вѣдь тебѣ извѣстна притча о мудрыхъ дѣвственницахъ? Спохватившись, однако-жь, чтобы его слова не были объяснены буквально, онъ поторопился прибавить:—Ну, прощай, держись вѣрной дороги! И съ прощальнымъ толчкомъ, въ видѣ ласки, онъ расстался съ Чарли и вошелъ въ свой домъ.

Мудрая дѣвственница Нелли, очевидно, уже покончила со свѣтильниками. Когда вошелъ отецъ, она была уже нарядно одѣта, въ перчаткахъ и съ розовымъ зонтикомъ въ рукахъ. Грубая веселость отца мигомъ исчезла, когда онъ вошелъ въ хорошо убранную комнату и снялъ шляпу. Комната была пропитана запахомъ извести. Легкая сырость напоминала, что трава можетъ во всякое время появиться въ щеляхъ кирпичной укладки передъ каминомъ. Прохладная комната, казалось, вполне гармонировала со свѣжестію Нелли, и, если исключить новѣйшія убранства, казалась какъ-бы комнатою весталки.

— Я полагаю, что ты не имѣешь особеннаго желанія видѣть извозчика Бреса, поэтому я и не пригласилъ его къ намъ, — сказалъ отецъ, медленно придвигая къ себѣ кресло и еще медленнѣе опускаясь въ него.

На лицѣ Нелли слегка обнаружилось, что она интересуется словами отца.

— Значить, онъ не поѣдетъ съ сегодняшнимъ дилижансомъ къ Индѣйскимъ Ключамъ?

— Нѣтъ; а что?

— Я рассчитываю поѣхать туда, чтобы видѣться съ дѣвцами Борнгамъ и пригласить ихъ на спѣвку нашего хора, сказала беззаботно Нелли;—и онъ могъ-бы быть моимъ спутникомъ туда.

— Онъ непременно поѣхалъ-бы, если-бъ зналъ о твоёмъ намѣреніи, сказалъ отецъ;—только я не считаю необходимымъ безъ нужды поощрять его ухаживанія. Я имѣю причины думать, что шерифъ Доннъ немножко ревнуетъ его. Кстати, шерифу сегодня гораздо лучше. Я только что былъ у него, и онъ говоритъ о тебѣ съ прежнимъ жаромъ. Онъ сказалъ, что желаетъ быть здоровымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы поймать и повѣсить Терезу, которая подстрѣлила его, а во-вторыхъ... Но ты сама можешь догадаться объ этомъ,—прибавилъ онъ съ многозначительнымъ и шутливымъ видомъ, слегка напоминаящимъ его обыкновенное обращеніе съ прихожанами.

Миссъ Нелли холодно отвѣтила, что не можетъ.

Лицо отца приняло серьезное выраженіе.

— Не представляйся дурочкой, сказалъ онъ сухо; — онъ хочетъ жениться на тебѣ, и ты знаешь объ этомъ.

— Большая часть здѣшнихъ мужчинъ желаетъ того-же, спокойно и безъ кокетства отвѣтила Нелли. — Что-же онъ хочетъ выполнить сначала: обрядъ повѣшенія, или вѣнчанія? Можетъ быть, онъ хочетъ совершить оба обряда въ одинъ день, чтобы торжественнѣе освятить свое шерифское достоинство?

— Его акціи въ Соединенной Канавѣ *) доходятъ до ста тысячъ долларовъ,—продолжалъ отецъ;—и если онъ будетъ выбранъ окружнымъ судьей, то скоро сдѣлается членомъ законодательнаго собранія. Я не думаю, чтобы дѣвушка съ твоимъ образованіемъ и шансами могла-бы легко отбросить мысль о жизни въ Сакраменто, Санъ-Франциско, и даже въ Вашингтонѣ.

Въ глазахъ Нелли блеснуло одобреніе; тѣмъ не менѣе, она, не уступая въ практичности своему отцу, отвѣтила:

— Мистеръ Доннъ еще не поднялся съ кровати, а Тереза

*) Названіе богатаго золотоприска.

за, говорить, убѣжала въ Аризону, — такъ-что намъ не къ чему торопиться.

— Можетъ быть, ты и права. Но вотъ новость интересная для тебя. Ты вѣдь знаешь нашего молодого друга въ Каркинезскомъ лѣсу — Дормана, ботаника? Да? Брѣсъ знаетъ интересныя о немъ подробности. Какъ ты думаешь, кто онъ такой?

Миссъ Нелли стала холоднѣе на нѣсколько градусовъ. Она ничего не знаетъ о немъ.

— Индѣецъ! Да, неподдѣльный чирокезы! Вотъ, видишь-ли, онъ называетъ себя Дорманъ, а Ло-Дорманъ есть французское названіе спящей воды, и индѣйцы называютъ его не иначе, какъ Ло-Дорманъ.

— Вы хотите сказать: *L'eau dormant*, сказала Нелли, поправляя произношеніе отца.

— Ну, да, я такъ и сказалъ. Вотъ видишь-ли: глава чирокезовъ назвалъ его Спящею Водою, а одинъ изъ французскихъ каналцевъ перевелъ это названіе на французскій языкъ, когда его отправляли въ калифорнскую школу. О, да, онъ навѣрное индѣецъ. Не даромъ онъ такъ любитъ жить въ лѣсу.

— Что-же изъ этого? спросила Нелли.

— Что изъ этого!.. повторилъ съ нетерпѣніемъ отецъ; — онъ индѣецъ, говорю тебѣ, и ты не должна имѣть съ нимъ никакого дѣла. Онъ не долженъ заходить къ намъ.

— Но развѣ вы позабыли, невозмутимо сказала Нелли; — что вы сами приглашали его сюда для миссіонерскихъ цѣлей. Вы должны вспомнить, что вы сами представляли его епископу и священникамъ съ Востока, какъ типическаго молодого калифорнца. Вы позабыли, какое значеніе вы придали его приходу въ церковь, какъ вы шли съ нимъ по улицѣ послѣ службы...

— Я все помню, торопливо сказалъ почтенный мистеръ Виннъ; — но...

— И, продолжала невозмутимо Нелли: — какъ вы заставляли насъ пѣть духовные гимны изъ одной книги, какъ вы проповѣдовали ему, пока не вогнали его въ краску.

— Все это вѣрно, сказалъ отецъ; — но вѣдь я не зналъ тогда, что онъ индѣецъ, и потому не можетъ имѣть никакой

популярности между людьми, съ которыми мы живемъ. Можно сказать навѣрное, что когда Брэсъ говорилъ: «только мертвый индѣецъ хорошъ», онъ выразилъ лишь мнѣніе огромнаго большинства здѣшнихъ поселенцевъ. Мы только хорошо поступимъ относительно Дормана, если предупредимъ его заранѣе, чтобы онъ не высказывался публично и не подвергалъ себя, быть можетъ, несправедливому, но сильному негодованію общества.

— Въ такомъ случаѣ, вы лучше всякаго другого съумѣете переговорить съ нимъ по-своему, сказала дочь;—вы всегда дѣлаете это такъ хорошо.

Мистеръ Виннъ быстро взглянулъ на свою дочь, ожидая встрѣтить на ея лицѣ насмѣшку, но увидаль только, что Нелли съ тѣмъ-же невозмутимымъ спокойствіемъ подошла къ окну.

— Я проведу тебя до почтовой станціи, сказалъ отецъ, который всегда смотрѣлъ на проводы, какъ на неслышанный примѣръ христіанскаго самоотверженія.

— О, не стоить, отвѣтила миссъ Нелли;—я зайду сначала къ Ватсонамъ, у подножія холма, и справлюсь тамъ о ребенкѣ. Оттуда я пойду къ перекрестку и сяду въ дилижансъ, когда онъ будетъ проѣзжать мимо. Прощайте!

Не взирая на слова дочери, мистеръ Виннъ отправился въ контору дилижансовъ немедленно по выходѣ Нелли и тамъ, взявъ за руку очереднаго извозчика Юба Била, сталъ умолять его, во имя всеобщаго братства всѣхъ людей вообще и христіанъ въ особенности, беречь его дочь во время путешествія. Увлеченный приливомъ родительской нѣжности, онъ пересталъ быть осторожнымъ съ мистеромъ Брэсомъ и, увидавъ его въ конторѣ, сталъ говорить, что Нелли очень сожалѣла, узнавъ, что лишена его общества во время дороги.

Вслѣдствіе этихъ разговоровъ и просьбъ дилижансъ даже остановился на перекресткѣ, поджидая нѣсколько опоздавшую Нелли. Какой-то незнакомецъ, заплатившій за свое мѣсто внутри дилижанса, былъ изгнанъ, по общему приговору пассажировъ, и посаженъ рядомъ съ погонщикомъ, чтобы передать свое мѣсто Нелли. Ее привѣтствовали поднятіемъ шляпъ. Юбъ Билль даже бросилъ сигару и занялъ новую пару перчатокъ ради прекрасной пассажирки. Гораздо серьезнѣе было впечатлѣніе, произведенное откровенностію пастора на

впечатлительное сердце мистера Брэса. Всѣ въ городѣ знали, что у него «прогульный день». Онъ не могъ быть на сегодня извоцикомъ безъ особенной и основательной причины, притомъ ему совѣстно было слишкомъ ясно обнаруживать свою сердечную слабость, а потому онъ рѣшилъ, что дилижансъ долженъ ѣхать безъ него. Но, уступивъ на этомъ, онъ тѣмъ менѣе желалъ остаться побѣжденнымъ. Онъ терялъ блаженство ѣхать, быть можетъ, рядомъ съ Нелли въ дилижансъ; но развѣ онъ не можетъ опередить ее въ Индѣйскомъ Ключѣ? Развѣ они не могутъ встрѣтиться тамъ, какъ-бы случайно? И развѣ встрѣча тамъ, вдали отъ сплетниковъ-сосѣдей, не будетъ гораздо пріятнѣе? Что, если разговоръ тамъ приметъ серьезный оборотъ и навсегда сдѣлаетъ его счастливѣйшимъ человѣкомъ?

Недолго думая, мистеръ Брэсъ осѣдлалъ своего быстрого скакуна, и въ то время, какъ дилижансъ стоялъ у перекрестка, поскакалъ прямо въ горы, чтобы горною тропинкою опередить дилижансъ хоть на милю. Прибывши въ Индѣйскій Ключъ, онъ оставилъ лошадь на попеченіе одного знакомаго ему мексиканца и, спрятавшись за кучу камней у тоннели, видѣлъ, какъ дилижансъ медленно подъѣзжалъ къ станціи. Разумѣется, онъ могъ-бы встрѣтить дилижансъ, оставаясь на станціи, но боязнь показаться смѣшнымъ въ глазахъ другихъ удерживала его отъ этого. Впослѣдствіи, по зрѣломъ размышленіи, онъ увидѣлъ, что дѣлаетъ ошибку, оставаясь спрятаннымъ; но когда онъ рѣшился исправить ее, уже было поздно. Юба Билль высадилъ Нелли и поѣхалъ далѣе. Она была въ Индѣйскомъ Ключѣ, но у кого именно? По мѣрѣ того, какъ проходило время въ поискахъ, мистеръ Брэсъ становился все смѣлѣй и рѣшительнѣе. Чуть-ли ни въ десятый разъ проходилъ онъ по главной улицѣ, заглядывая въ открытыя двери лавокъ и даже въ окна частныхъ домовъ. Всякая женщина, показывающаяся издали, заставляла прыгать его сердце. Нелли не сочла-бы лестнымъ для себя тотъ фактъ, что большая часть этихъ женщинъ были или некрасивы, или подрумянены; тѣмъ не менѣе, возбужденіе Брэса много говорило за силу его чувства къ ней. Оставайся онъ въ Эксельсіорѣ, онъ спокойно пожалѣлъ бы объ ея отсутствіи и также-бы спокойно свыкъся съ нимъ. Но разъ онъ рѣшился на встрѣчу и объясненіе съ нею, его пассивное до сихъ поръ чувство вспыхнуло съ чрезвычай-

ною силою. Ходя по городу взадъ и впередъ, онъ ясно видѣлъ, что для него остается только одна альтернатива: или женитьба на Нелли, или смерть нѣсколькихъ людей, включая и его самого. Онъ горько сожалѣлъ, что не поѣхалъ вмѣстѣ съ нею и не справился, куда она пошла... Въ его воображеніи рисовались планы, которые два часа тому назадъ привели-бы его въ ужасную застѣнчивость. Онъ твердо рѣшился объясниться съ Неллою въ первый-же моментъ встрѣчи съ нею, чтобы или возвратиться въ Эксельсіоръ ея признаннымъ женихомъ, или вовсе не возвращаться туда.

Погруженный въ свои мысли, онъ незамѣтно очутился на концѣ города. Его задумчивость была прервана голосами, зовущими его по имени. Съ немалымъ изумленіемъ онъ увидѣлъ себя у выхода изъ города и лицомъ къ лицу съ двумя верховыми.

— Пошелъ прогуляться, Жакъ, и потерялъ свой дилижансъ. Такъ что-ли?..

Немного сконфуженный своимъ, повидимому, бездѣліемъ, Брэсъ пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ словъ о «сборѣ долговъ». Онъ не зналъ лично людей, говорящихъ съ нимъ, но его имя и занятіе было извѣстно всему околотку на сто миль въ окружности.

— Послушайте, Брэсъ, сказала одинъ изъ нихъ;—вы можете разрѣшить нашъ закладъ. Биль Дакръ, мой товарищъ, прозакладывалъ 5 долларовъ и угощеніе въ распивочной, что дѣвушка, которую мы только что встрѣтили у опушки Каркинезскаго лѣса—дочь отца Винна въ Эксельсіорѣ. Она была одѣта въ длинное, темное пальто, и лицо ея было полузакрыто большими полями шляпы. Я не могъ ясно разглядѣть ее, но я не могу повѣрить, чтобы такая дѣвушка, какъ Нелла Виннъ, шаталась по лѣсу, какъ калифорнскій бродяга. Я принялъ закладъ, и вы можете помочь намъ, если скажете: здѣсь-ли Нелли въ настоящее время, или въ Эксельсіорѣ?

Мистеръ Брэсъ поблѣднѣлъ отъ изумленія и неожиданности. Съ увеличеніемъ шансовъ встрѣчи увеличивалась и его осторожность въ словахъ, и онъ съ замѣчательною правдивостію отвѣтилъ, что оставилъ ее въ Эксельсіорѣ и что въ продолженіи двухчасовой ходьбы по городу ни разу не видѣлъ ея.— Впрочемъ, прибавилъ онъ съ чисто калифорнскимъ благо-

говѣннемъ передъ святостію заклада;—я полагаю, вамъ лучше оставить вопросъ нерѣшеннымъ еще на двадцать четыре часа. Въ это время я узнаю все, что могу, относительно миссъ Нелли, и скажу, кто изъ васъ выигралъ пари,—проговорилъ онъ, но этотъ разъ съ самымъ искреннимъ намѣреніемъ выполнить свое обѣщаніе.

Торопливо кивнувъ на прощаніе, онъ направился къ лѣсу. Убѣдившись, что незнакомцы вѣхали въ городъ и не будутъ слѣдить за нимъ, онъ участилъ шаги и чрезъ полчаса уже проходилъ два гигантскія дерева, стоящія у входа въ лѣсъ. Здѣсь онъ остановился, чтобы собраться съ мыслями. Громадный лѣсъ разстилался по необозримому пространству. Елезамѣтныя тропинки пролегалы по немъ, перекрещиваясь съ другими, такими-же неясными, дорожками. Мистеръ Брѣсъ былъ убѣжденъ, что Нелли сошла съ дороги и вышла въ лѣсъ только для минутнаго развлеченія, для отдыха въ тѣни, и что она не осмѣлится идти въ глубь лѣса. А потому и онъ держался болѣе у опушки, не теряя изъ виду прилегающаго луга. Мало-по-малу уединеніе и тишина стали производить на него подавляющее вліяніе. Горячее желаніе встрѣтить Неллу стало ослабѣвать. Спокойствіе и полумракъ лѣса умѣряли лихорадочный жаръ его крови. Онъ замедлилъ походку и началъ разсуждать здраво. Для него становилось яснымъ, что молодая женщина въ темномъ пальто не могла быть Нелли. Прежде всего темное пальто не принадлежитъ къ числу ея дорожныхъ костюмовъ,—затѣмъ она едва-ли рѣшилась-бы идти въ лѣсъ одна, безъ сопровожденія кого-либо; и, наконецъ, всѣ ея личные вкусы и привычки шли въ разрѣзъ съ прогулкою въ темномъ и уединенномъ лѣсу. Даже свидѣтельство верховыхъ не имѣло особеннаго значенія, такъ какъ одинъ изъ нихъ утверждалъ то, что отрицалось другимъ.

Почему-же свидѣтельство одного должно быть поставлено выше другого?

Мистеръ Брѣсъ остановился въ нерѣшительности и бросилъ послѣдній, долгій, пристальный взглядъ вокругъ себя. До сихъ поръ онъ осматривалъ только опушку лѣса; теперь онъ взглянулъ въ глубь его и... дыханіе его замерло. Виднѣлся-ли ему лучъ свѣта, скользяшій сверху и остановившійся на одномъ изъ отдаленныхъ деревьевъ?

Нѣтъ: это двигалось, свѣтлое пятно перешло къ другому дереву, прошло поперекъ открытой сверху тропы и пропало изъ виду за гущею громадныхъ стволовъ. Какъ ни-было кратко-временно видѣніе, онъ не могъ опшибиться. Онъ видѣлъ женщину.

Онъ бросился вслѣдъ за нею и вскорѣ снова увидалъ ее, уже на болѣе близкомъ разстояніи. Массивныя деревья непрерывно скрывали ее изъ вида, и преслѣдованіе становилось тѣмъ болѣе затруднительнымъ для мистера Брэса, что онъ не могъ понять, чѣмъ руководится она въ своемъ извилистомъ, но увѣренномъ пути. Очевидно было, что женщина шла съ опредѣленною цѣлю и въ опредѣленномъ направленіи. Тѣмъ не менѣе, мистеръ Брэсъ понемногу нагонялъ ее. Съ затаеннымъ дыханіемъ и неслышно двигаясь по землѣ, устланной корою и сосновыми иглами, онъ уже былъ настолько близко отъ нея, что могъ узнать платье Нелли, то самое свѣтло-желтое платье, въ которомъ онъ впервые увидалъ ее. Очевидно, это была Нелли; если же она не имѣла темнаго пальто, она, вѣроятно, сбросила его, чтобы легче и свободнѣе двигаться по лѣсу. Онъ подошелъ такъ близко, что могъ позвать ее, — но имъ овладѣлъ приливъ страшнаго замѣшательства; его губы высохли и какъ-бы склеились вмѣстѣ. Что онъ могъ сказать ей? Какъ объяснить свое присутствіе въ лѣсу? Наконецъ, онъ сдѣлалъ сверхъестественное усиліе: «миссъ Нелли, — на одну минуту!» выговорилъ онъ. Но она кинулась впередъ и пропала изъ виду.

Въ этотъ моментъ мистеръ Брэсъ былъ не далѣе тридцати, сорока футовъ отъ нея. Онъ кинулся къ тому мѣсту, гдѣ стояла она, но исчезновеніе было полное и совершенное. Онъ обошелъ ту группу деревьевъ, около которыхъ она только что стояла; но не могъ найдти слѣдовъ ея, не могъ даже понять, какимъ образомъ она могла исчезнуть. Онъ громко крикнулъ ее, но его голосъ безотвѣтно умеръ въ пустомъ лѣсу. Онъ взглянулъ вверхъ, на воздухъ, внизъ, на землю, усыпанную корою, и въ головѣ его мелькнула мысль о существованіи фатальной силы, превосходящей его слабыя понятія. Но, даже подчиняясь этой силѣ, онъ не могъ удержаться отъ своеобразнаго протеста. Онъ бросилъ свою шляпу на землю, заложилъ руки въ карманъ и процѣдилъ сквозь зубы.

— О! будь я проклять!

III.

При въѣздѣ въ Индѣйскіе Ключи Юба Билль, желая угодить миссъ Нелли Виннъ, сдѣлалъ небольшой объѣздъ съ тѣмъ, чтобъ кратчайшимъ путемъ и съ апломбомъ высадить свою прекрасную спутницу прямо у воротъ Борнгамскаго дома.

Послѣ того, какъ она исчезла предъ изумленными взорами пассажировъ, а экипажъ продребезжалъ гдѣ-то вдали, Нелли, неособенно торопливо и безъ видимыхъ признаковъ нарушенія своей обычной сдержанности, — такъ присущей ея натурѣ, — успѣла очень быстро покончить свои дѣла; простилась съ подругами, намекнувъ имъ, что до своего возвращенія въ Эксельсіоръ успѣетъ навѣстить ихъ еще разъ, и скрылась по одной изъ боковыхъ тропинокъ въ ближайшей лавкѣ.

Еще когда въ каретѣ проѣзжала она мимо этого «Всемирно-торговаго дома», острый глазъ ея запримѣтилъ въ окнахъ магазина одно простенькое коричневое пальто; купить его, надѣть сверхъ своего деликатнаго муслиноваго платья — было дѣломъ одного мгновенія, хотя Нелли и знала, что фигура ея въ этой тогѣ имѣла курьезный видъ какого-то павета, плохо завернутаго въ коричневую оберточную бумагу.

Выйдя изъ магазина, она почувствовала, что появленіе ея въ городкѣ навѣрное не смутитъ никого изъ обитателей мужескаго пола.

Такимъ образомъ она достигла конца Ключей и вышла на большую дорогу, почти въ то-же время, когда происходили тщетные поиски за нею мистера Брэса на главной улицѣ городка. Вдали, изъ-за равнины, открылось передъ нею, въ неясныхъ очертаніяхъ, нѣчто въ родѣ оливко-зеленаго «плато». Это и былъ Каркинезскій лѣсъ.

Подобравъ подъ импровизированное коричневое домино свое безукоризненно чистенькое платье, Нелли быстрыми шажками направилась къ лѣсу..

Дорога, по которой она шла, кромѣ обычныхъ неудобствъ, была сопряжена съ особенными неприятностями. Нелли, конечно, не совсѣмъ-то привыкла ходить пѣшкомъ по мѣстностямъ, гдѣ какіе-то уродливые дилижансы служатъ единственно приличнымъ способомъ передвиженія для молодой лэди; способъ этотъ допускался мужчинами только въ крайнихъ слу-

чаяхъ, изъ вѣжливости, когда они ни за что не хотѣли, чтобъ лѣди шли пѣшкомъ по такой неудобной дорогѣ въ лѣсъ.

Нелли всегда обувалась изящно и элегантно, но башмачки ея, какъ-бы они ни были прелестны на видъ, конечно, не предназначались для пыли, грязи и кочекъ большой дороги.

Она рассчитывала было купить въ Индѣйскомъ Ключѣ пару ботинокъ попроще, но одного взгляда на ихъ невообразимо неуклюжій видъ было достаточно, чтобъ отказаться отъ такого намѣренія, какъ можно, поскорѣе.

Солнце, безъ сомнѣнія, жгло достаточно сильно; но ея всѣмъ хорошо извѣстный зонтикъ представлялъ слишкомъ уже рѣзкій контрастъ съ коричневымъ манто, чтобъ сослужить ей практическую службу.

Одинъ разъ она даже пріостановилась съ какимъ-то возгласомъ отчаянія... Прислушалась... и оглянулась.

Въ теченіи двухъ часовъ она успѣла два раза потерять башмаки и хорошее расположеніе духа; легкій румянецъ запылалъ на ея щекахъ, а глаза блеснули какой-то сдержанной досадой.

Пыль начала уже обрисовывать темные круги около глазъ... и скоро—о, ужась!—пришлось убѣдиться, что она засѣла даже въ корняхъ ея бѣлокурыхъ волосъ.

Мало-по-малу дыханіе ея становилось чаще и судорожнѣе, пылающіе глаза сдѣлались влажными... И когда, въ добавокъ ко всему этому, она примѣтила двухъ всадниковъ, которые за ней любопытно слѣдили, то она стремительно бросилась бѣжать, пока, наконецъ, не достигла лѣса, гдѣ и разразилась неудержимыми рыданіями... Несмотря на это, ей удалось выждать время, пока оба всадника проѣхали мимо, и убѣдиться, что они ея уже не преслѣдуютъ. Тогда Нелли поплелась неровнымъ шагомъ дальше, пока не достигла каваго-то опрокинутого ствола, гдѣ съ отвращеніемъ сорвала съ себя это несчастное манто, и швырнула его на землю...

Затѣмъ, съ тѣми-же рыданіями, она присѣла... Но вдругъ слезы ея высохли, и она быстро вскочила на ноги. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя она увидѣла молодого отшельника изъ Каркинезскаго лѣса, какъ-то неслышно направлявшася къ ней навстрѣчу и протягивавшаго ей руку; его рука почти дотронулась до нея, когда онъ остановился.

— Что случилось? спросилъ онъ серьезно.

— Ничего, отвѣтила она, полуотвернувшись, и глядя въ землю, какъ будто потеряла что-нибудь; — я теперь должна уже вернуться обратно...

— Если хочешь, никто тебѣ въ этомъ не мѣшаетъ, скажаль онъ, слегка покраснѣвъ;—но ты плакала, о чемъ это?

Какъ ни хотѣлось Нелли быть откровенной, все-жь таки она рѣшилась признаться, что у нея болятъ ноги, и что пыль и жара безжалостно портили ея лицо. Почти убѣжденная, что страданія ея происходили, главнымъ образомъ, отъ нравственныхъ причинъ, она отвѣтила:

— Нѣтъ, ничего... но, кажется, я поступила дурно, придя сюда...

— Но... въ послѣдній разъ, когда ты добровольно пришла на наше rendez-vous, ты не находила, что поступала дурно, сказалъ молодой человекъ, съ тою упорной логикою, которая такъ фатально дѣйствуетъ на непослѣдовательный женскій умъ. — Это и сегодня не можетъ «быть дурно».

— Но... это не было такъ далеко, пробормотала молодая дѣвушка, не глядя на него.

— О, такъ разстояніе, значить, дѣлаетъ это менѣе непристойнымъ? Послѣ минутнаго раздумья и послѣ быстрого взгляда на ея полуотвернувшееся лицо онъ спросилъ суровымъ тономъ:—Говорилъ тебѣ кто-нибудь про меня?

За 10 минутъ до этого Нелли горѣла желаніемъ сообщить ему объ отцовскихъ предостереженіяхъ, но теперь сознавала и чувствовала, что не можетъ этого сдѣлать.

— Я желаю, чтобъ ты не называль себя Ло, сказала она, наконецъ.

— Но, вѣдь меня такъ «зовутъ», возразилъ онъ спокойно.

— Вздоръ! сказала она. — Это только переводъ нелѣпой клички; «они» могли-бы тебя съ такимъ-же правомъ назвать и «Водой».

— Но, вѣдь ты мнѣ говорила, что мое прозвище тебѣ нравится?

— Ну, да, мнѣ оно очень нравится. Но, видишь-ли ты... Я... Ахъ, Боже мой! Ты меня вовсе не хочешь понять.

Ло не отвѣчалъ; онъ только обратилъ свои взоры въ глу-

бину лѣса съ какою-то суровою безропотностью... Схвативъ лѣвою рукою дуло своего ружья, онъ положилъ правую на лѣвую кисть и оперся на него, съ врожденною граціею охотника дальняго Запада, что вышло вдвойнѣ живописно, такъ какъ дополнялось изящной стройностью молодого человѣка.

Нелли взглянула на него изъ подлбья и затѣмъ упрямо подняла голову и свои темныя рѣсницы. Мало-по-малу на лицѣ ея стала появляться какая-то волшебная перемѣна; глаза становились больше и требовательнѣе... Казалось, что въ ихъ влажную глубину всасывается обликъ молодаго красавца; какой-то особенный свѣтъ и краски, съ оживленной силой, выступили на ея холодномъ лицѣ; страстныя губы приняли уже форму радостной, приглашающей улыбки... Наконецъ, слѣдуя какому-то неодолимому стремленію, она вытянулась, далеко откинула голову и съ трепетомъ пылкой страсти протянула ему обѣ руки. Онъ ихъ тотчасъ-же схватилъ и поцѣловалъ, и когда, послѣ того, съ горячностью обнялъ ее, то почувствовалъ, какъ ея руки обхватили его шею еще жарче и крѣпче.

— Но какъ-же хочешь ты меня называть? спросилъ онъ, глядя въ ея глаза.

Нелли шепнула что-то таинственное третьей пуговицѣ его охотничьей куртки...

— Но это ни въ какомъ случаѣ не выйдетъ практичнѣе, отвѣчалъ онъ съ улыбкой;—и ты тоже не захотѣла-бы, чтобъ меня другіе люди любили?

Ея пальцы освободили затылокъ, голова откинулась, и на ея лицѣ появилось странное выраженіе, изъ котораго, впрочемъ, наблюдатель поспокойнѣ влюбленнаго прочель-бы скорѣе любопытство, чѣмъ ревность...

— А кто-же еще тебя такъ называетъ? спросила она рѣзко;—и сколько такихъ, напрімѣръ?

Отвѣтъ Ло направился не въ уши, а въ губы Нелли; она не уклонилась, но спросила:

— И ты всѣхъ такъ цѣлуешь? — Потомъ, схвативъ его за плечи и отдаливъ немного отъ себя, она оглянула его сверху до низу; опять привлекла его въ свои объятія еще жарче, и проговорила:

— А! все равно! Зато, никогда еще никакая женщина въ мірѣ не цѣловала тебя *такъ*, какъ я...

Счастливый и въ тоже время смущенный, пытался онъ пролепетать какія-то клятвенныя увѣренія. Но она его прервала:

— Нѣтъ! клятвы въ сторону! Дай мнѣ только тебя любить, это все, чего я хочу, и этого—довольно.—Въ пылу восторга, Ло хотѣлъ ее приподнять на своихъ мощныхъ рукахъ. Но она увернулась.

— Вѣдь мы вблизи большой дороги, ты забылъ? сказала она спокойно...

— Помнишь,—затѣмъ прибавила она;—ты мнѣ обѣщаль однажды показать, гдѣ и какъ предаешься ты своимъ отшельническимъ подвигамъ. Устрой такъ, чтобъ сегодняшний праздникъ нашъ закончился какъ слѣдуетъ. Вѣдь черезъ часъ я должна буду оставить лѣсъ.

— Но вѣдь я тебя буду провожать, сердце мое?

— Нѣтъ, я должна отсюда уйдти такъ-же, какъ пришла,—одна.

— Но... Нелли!

— Я тебѣ говорю: нѣтъ!—возразила она почти грубо, тономъ какого-то практическаго рѣшенія, такъ рѣзко не подходящимъ къ тому, что только-что между ними происходило.

— Намъ вѣдь можно будетъ увидѣться? прибавила она.

— Отчего-же, если ты такой случай найдешь «хорошимъ», съ мягкой ѣдкостью сказалъ Ло.—Ну да, хоть разъ, но намъ надо свидѣться...

Молодая дѣвушка сдѣлала невольное движеніе какого-то нетерпѣливаго отрицанія, но быстро преодолѣла его.

— Теперь не будемъ объ этомъ говорить. Если я найду возможность явиться подъ твою кровлю, надѣюсь, ты будешь гостеприименъ, сказала она лукаво.—Ты покажешь мнѣ свою берлогу... А что? не встрѣчу-ли я тамъ чего нибудь не-пріятнаго, страшнаго?

— До сихъ поръ тамъ ничего подобнаго не случалось... Но, Нелли, я не думаль, чтобъ тебѣ возможно было хоть на мгновеніе оставить меня сегодня.

Она отвѣтила ему на это слабымъ и короткимъ рукопожатіемъ, точно выслушала нѣчто въ родѣ свѣтскаго компли-мента, къ которому готовилась про себя.

— Отведи-же меня въ то мѣсто, гдѣ ты большею частью бываешь. Мнѣ кажется, что тутъ я тебя какъ-то плохо вижу... проговорила она съ легкой дрожью въ голосѣ; тутъ... все такъ высоко, такъ величественно... Гдѣ-же ты ѣшь, отдыхаешь, спишь?

— За исключеніемъ сезона дождей, скитаюсь въ этомъ районѣ всюду, гдѣ можно поохотиться, или «собрать чтонибудь».

— Какъ собирать?

— Ну, да, для гербарія...

— Ахъ! для гербарія! сказала Нелли съ какимъ-то сомнѣніемъ въ голосѣ;—но ты мнѣ говорилъ въ одно изъ свиданій нашихъ, что уместился со всѣми своими пожитками, какъ бѣлка, въ какомъ-то дуплѣ; развѣ мы не можемъ войти въ него сейчасъ; развѣ тамъ такъ мало пространства, что негдѣ будетъ усѣсться и поболтать, безъ того, чтобъ не смотрѣли на насъ эти величественные деревья, или не пугаль охотничій возлиный рогъ?

— Это очень далеко отсюда, сказалъ Ло. (Хотя онъ и говорилъ правду, но въ основѣ этого увѣренія все-таки лежало что-то другое). Для настоящей минуты мѣсто это черезъ-чуръ далеко для тебя, Нелли, и притомъ, къ нему ведетъ совсѣмъ другая тропа, съ противоположной стороны лѣса... Но, если хочешь, пойдемъ, я покажу тебѣ встать одинъ ручеекъ, котораго, кромѣ меня, лѣшихъ и бѣлокъ, никто не знаетъ. Я открылъ его въ тотъ день, когда увидалъ тебя впервые, и далъ ему даже твое имя; теперь ты можешь окрестить его сама. Этотъ ручей твой, онъ будетъ принадлежать только тебѣ одной, онъ въ такомъ таинственномъ мѣстѣ, такъ запертъ отъ всего свѣта, что ничья нога, кромѣ моей, или того, кто со мной, не попадетъ къ нему... Хочешь, я поведу тебя туда, Нелли?

На ея лицѣ обнаружилось радостное согласіе.

— Трудновато будетъ найти здѣсь тропинку къ ручью, сказалъ онъ;—однако, подожди минуточку, и не шевелись.

Онъ свернулъ въ ближайшую тропинку направо, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился, приложивъ палецъ къ губамъ. Оба нѣсколько мгновеній оставались неподвижными. Затѣмъ лице его наклонилось впередъ съ выраженіемъ напря-

женнаго вниманія, руки вытянулись; онъ тихо опустился на колѣни, и, осторожно склонившись на бокъ, приложилъ ухо къ самой землѣ.

— Что такое? спросила Нелли горячо.

— Все ладно, я нашель её, отвѣчалъ онъ, подвигаясь впередъ и не поворачивая головы.

— Для чего ты ползешь на колѣняхъ?

Онъ не отвѣчалъ, и, держа ея руку въ своей,—тихо продолжалъ двигаться впередъ, мимо кустовъ и пней, точно подъ влияніемъ какой-то магнетической силы.

— Какъ-же ты её нашель? спросила она робко;—причемъ голосъ ея понизился подъ влияніемъ невольнаго страха.

Все молча, съ неподвижно-пристальнымъ лицомъ, Ло сдѣлалъ еще футовъ двадцать впередъ, тихо остановился и выпустилъ нетерпѣливую руку дѣвушки.

— Ну, такъ какъ-же ты её нашель? повторила она свой вопросъ почти рѣзко.

— Глазами и носомъ, отвѣтилъ Ло строго.

— Носомъ?

— Да, я её почувствовалъ обоняніемъ.

Нелли, бывшая еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ очарованія прелестной фигуры молодаго человѣка, раздражилась такимъ отвѣтомъ. Она бросила на спутника холодный, подозрительный взглядъ, точно колеблясь, нужно-ли имъ дальше идти вмѣстѣ.

— Далеко еще? спросила она.

— Теперь не болѣе десяти минутъ ходьбы такимъ шагомъ, какъ мы идемъ.

— И тебѣ не придется болѣе обнюхивать дороги?

— Нѣтъ, теперь я знаю ее хорошо, отвѣтилъ онъ спокойно и серьезно. Саркастическій уколъ индѣйскихъ инстинктовъ молодаго человѣка, очевидно, не дошелъ по адресу.

— Развѣ ты сама не чувствуешь её носомъ?

Гордый носикъ деликатной Миссъ Нелли энергически отказался отъ чести такихъ вульгарныхъ инстинктовъ.

— Ты и не слышишь тоже? прислушайся!

— Ты забываешь, что я имѣла несчастье родиться подъ крышей! отвѣтила она холодно.

— Да, это правда, сказалъ Ло уже вполне серьезно;—это

не твоя вина. А я 'знаешь-ли, чувствую какое-то особенное, необыкновенно тонкое влеченіе къ водѣ... Иногда я ощущаю ея присутствіе за нѣсколько миль раньше... Ночью, когда не видишь, гдѣ она, я знаю ея близость. Въ часы одиночества, она замѣняетъ мнѣ товарища; я часто вижу ее во снѣ... Я не знаю музыки болѣе чудной, чѣмъ шумъ, плескъ, журчаніе воды. Когда мы пѣли какъ-то разъ въ церкви, я слышалъ этотъ дивный шумъ даже въ твоемъ голосѣ; языкъ воды говорить мнѣ болѣе, чѣмъ всѣ птицы, или тѣ рѣдкія растенія, которыя я собираю. Мнѣ кажется, что я живу для нея, такъ-же какъ она для меня. Первое сильное впечатлѣніе въ моей жизни я получилъ отъ воды; я знаю, что и послѣднее будетъ отъ нея; я умру въ ея объятыхъ, навѣрное. Знаешь, Нелли, сказала она, глядя въ ея глаза какъ-то особенно сосредоточенно;—они это знали; не даромъ вожди ихъ называли меня «Спящей Водой».

Надѣливъ Нелли весьма разнообразными талантами, боги, къ несчастью, отказали ей въ дарахъ поэзіи; она не была даже къ ней воспримчива. Поверхностныя познанія изъ англійской исторіи не помогли ей проникнуться поэтическимъ колоритомъ монолога молодого человѣка. На мгновеніе она не была даже свободна отъ приговора, что у Ло иногда мозги бываютъ не въ порядкѣ... Она взглянула на дѣло по своему, и саркастически пожалѣла, что знакомству своему съ Ло обязана только большому каналу въ Эксельсіорѣ.

Такой, черезъ-чуръ уже грубый, отвѣтъ явился предлогомъ кой-какихъ объясненій, которыя, впрочемъ, за отсутствіемъ болѣе логическихъ аргументовъ со стороны молодой дѣвушки, завершились горячимъ поцѣлуемъ.

Они тихо подвигались впередъ. Наконецъ, она опять потеряла башмакъ и остановилась.

— А въ самомъ дѣлѣ, я очень жалѣю, что твои индѣйскіе друзья не окрестили тебя «Дикой Горчицей» или «Трилистникомъ», сказала она иронически,—съ тѣмъ, чтобъ ты благосклоннѣе и симпатичнѣе относился къ степи, полямъ и открытымъ равнинамъ, вмѣсто этихъ чудовищныхъ лѣсныхъ трупобъ! Однако, я боюсь, что мы зашли слишкомъ далеко, и я не успѣю вернуться во время назадъ.

Къ несчастію, Ло понялъ эти слова буквально и принялъ ихъ со свойственной ему непоколебимой серьезностью.

— Если мое имя стоитъ поперекъ дороги, сказалъ онъ,— я могу его переменить, даже легально, съ соблюденіемъ всей юридической процедуры. Я могу даже отыскать имя моего отца и принять его. Моя мать, умершая при моемъ рожденіи, была дочь предводителя.

— Такъ твоя мать была въ самомъ дѣлѣ индианка? спросила Нелли.—И ты... здѣсь...

Слова ея оборвались.

— Объ этомъ я тебѣ уже говорилъ при нашей первой встрѣчѣ, сказалъ Ло съ удивленіемъ.—Развѣ ты не помнишь того длиннаго разговора, который мы вели, возвращаясь изъ церкви?

— Нѣтъ, сказала Нелли холодно;—ты мнѣ ничего не говорилъ.

Но она должна было опустить глаза подъ упорно непоколебимой правдивостью его взгляда.

— Ты позабыла, сказалъ онъ спокойно; впрочемъ, по справедливости, и ты имѣешь право на рѣшеніе вопроса объ имени, которымъ я очень мало дорожу, такъ какъ ты тоже въ немъ заинтересована.

— Да, но будетъ поздно, и если мы не подвинемся впередъ... прервала дѣвушка нетерпѣливо.

— Вѣдь мы идемъ впередъ, сказалъ Ло съ непоколебимымъ спокойствіемъ;—я хотѣлъ тебѣ только сообщить (въ этотъ моментъ Нелли посмотрѣла на свои часы), что мнѣ предложили мѣсто ботаника и естествоиспытателя при межевой экспедиціи горы Шаста, устроенной профессоромъ Грантомъ, и когда я его прийму, мое сердце, то—по возвращеніи...

— Но вѣдь не сейчасъ-же ты туда отправляешься? прервала Нелли, съ совершенно новымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Нѣтъ!

— Ну, тогда намъ нечего объ этомъ и толковать, воскликнула она оживленно.

Эта внезапная живость облегчила Ло.

— А, я вижу, гдѣ суть дѣла, сказалъ онъ ласково, смотря на ея ноги.—Эти маленькіе башмачки очевидно предназначались не для здѣшнихъ пней и кочекъ. Мы должны попы-

таться устроиться иначе. Онъ наклонился и поднялъ ее внезапно на плечо, какъ ребенка.—Теперь, сказалъ онъ, обвивъ ея рукою свою шею, теперь ты предохранена отъ папортниковъ и кустарниковъ, и мы можемъ идти дальше. Тебѣ такъ удобно сидѣть?—Онъ взглянулъ на нее, прочиталъ отвѣтъ въ ея сверкающихъ глазахъ и горячихъ губахъ, прижатыхъ ко лбу, и опять пошелъ впередъ. Онъ не уклонялся отъ намѣченного пути и увѣреннымъ прыжкомъ черезъ послѣдній пенъ перешелъ, наконецъ, листовную занавѣсъ, за которой скрывался ручей.

Въ первую минуту молодая дѣвушка была ослѣплена яркимъ свѣтомъ, проникавшимъ сквозь щель густо развѣтвленной крыши. Эта брешь образовалась вслѣдствіе паденія гигантскаго дерева. Два корня, объемистые, какъ молодые деревья, высовывали свои почернѣвшіе, голые члены надъ поверхностью. Ключъ—истинная причина этого гигантскаго разрушенія—журчалъ, блисталъ и сверкалъ у подошвы дерева. Кристалловидные дѣтскіе пальчики, вырвышіе фундаментъ той обрушившейся колонны, до сихъ поръ играли съ волокнами корней, омывая ихъ сломанные и вывихнутые члены и, расширяясь, наполняли водою рвы, изъ которыхъ когда-то вылѣзли эти корни.

— Это тамъ, внизу, продолжается уже много лѣтъ, сказалъ Ло, указывая на впадину, изъ которой тихо вытекала свѣжая вода,—но теченіе иногда ускоряется вслѣдствіе прибыванія воды въ подземныхъ источникахъ и рѣкахъ, что обыкновенно происходитъ въ сухое время года. Я помню, какъ разъ послѣ полуночи, когда малѣйшій шумъ слышится яснѣе, мой сонъ былъ нарушенъ, грудью овладѣло сильно давящее чувство, какъ будто я былъ скованъ цѣпями, которыя старался разорвать. Тогда въ этомъ направленіи я услышалъ грохотъ, и при первомъ мерцаніи утра почувалъ воду.

— Шесть мѣсяцевъ спустя, я случайно нашелъ сюда дорогу и далъ ключу твое имя. Я никогда не могъ себѣ представить, что буду стоять здѣсь съ тобой, и что ты окрестишь его своимъ присутвіемъ.

Онъ отвязалъ стаканъ отъ своей манерки и, наполнивъ его у источника, передалъ ей. Но дѣвушка нагнулась надъ ключемъ и, выливъ воду, сказала:

— Я бы лучше хотѣла вымыть свои ноги. Развѣ я этого не могу сдѣлать?

— Я тебя не понимаю, сказалъ онъ, удивленный.

— Мои ноги такъ пыльны и горячи, а вода такъ соблазнительно манитъ меня своею прохладою. Можно?

— Разумѣется.

Онъ на время отвернулся. Нелли, видимо безъ всякаго жеманства, сѣла на берегъ и сняла башмаки и чулочки. Поплескавшись нѣкоторое время въ водѣ, она повернула къ нему голову, и сказала:

— А вѣдь мы можемъ здѣсь хорошо провести время, не правда-ли?

— Разумѣется!

— Ну, теперь скажи мнѣ, отчего ты не хотѣлъ чаще приходиться въ церковь и ни разу не сознался моему отцу въ своей грѣховности? Отчего ты не пожелалъ окреститься?

— Я не знаю, сказалъ молодой человѣкъ, запинаясь.

— Но ты черезъ это упустилъ случай быть крещенымъ моимъ отцомъ и быть принятымъ въ узы братства нашей церкви.

— Я никогда не думалъ... началъ было онъ.

— Ты никогда не думалъ! Ты развѣ не христіанинъ?

— Ну, да.

— Но ты мало думаешь объ этомъ? Развѣ у тебя нѣтъ религиозныхъ убѣжденій, — твердаго исповѣданія?

— Но Нелли, я никогда не думалъ, что ты...

— Никогда не думалъ—что? Неужели ты воображаешь, что я могу приблизиться къ человѣку, у котораго нѣтъ религиозной почвы, который не включенъ въ братскій союзъ церкви?

Желая выйдти изъ затруднительнаго положенія, онъ приблизился къ ней. Но, замѣтивъ ея маленькія ножки, просвѣчивающіяся сквозь темную поверхность воды, въ видѣ нѣжныхъ кристалловъ, онъ остановился въ смущеніи. Нелли встала на одну ногу, потрясла другою надъ прудомъ и положила свою руку на его плечо, чтобы опереться.

— Нѣтъ-ли у тебя полотенца? сказала она, взглянувъ на свой маленькій носовой платокъ.

Но Ло не предложилъ ей своего платка, какъ она это предполагала.

— Если ты купаешься по нашему обычаю, то ты должна такъ-же и вытираться.

Онъ ее снова легко поднялъ на руки и понесъ на солнечную площадку въ лѣсу, велѣлъ ей зарыть ноги въ сухой мохъ и такимъ образомъ высушить ихъ въ завядшей травѣ. Молодая дѣвушка вскрикнула съ дѣтскимъ восторгомъ, когда почувствовала мягкія волокна, касавшіяся ея кожи.

— Это имѣетъ также и цѣлебную силу, сказалъ Ло. — Настоящій этихъ травъ, послѣ ходьбы цѣлаго дня, исцѣляетъ все...

Но Нелли думала о чемъ-то другомъ.

— Такъ это тотъ способъ, который индіанки употребляютъ при купаньѣ и утираньѣ?

— Я этого не знаю. Ты забываешь, что я былъ еще маленькимъ мальчикомъ, когда отъ нихъ ушелъ.

— И ты дѣйствительно никогда не зналъ ни одной изъ нихъ?

— Никогда!

Повидимому, дѣвушка доставляло искреннее удовольствіе копошиться ножками въ травѣ... Послѣ небольшой паузы, она спросила:

— Ты совершенно увѣренъ въ томъ, что я первая женщина, купавшаяся въ этомъ ключѣ?

— Не только первая женщина, но, вообще, кромѣ меня, первое человѣческое существо?

— Какъ это восхитительно!

Держа другъ друга за руку и сидя рядомъ, они прислонились къ вогнутому, эластическому корню, который частью ихъ подпиралъ, а частью охватывалъ. Капризные и странные порывы дѣвушки мало по малу ступевывались при близкомъ прикосновеніи къ ея товарищу. Глядя ей въ глаза, Ло напѣвалъ ей сладкій, эгоистическій монологъ любви, въ которомъ ей описывалъ свои прежнія и настоящія чувства; она внимала ему, краснѣя, молча отвѣчая на болѣе теплыя изліянія и выслушивая все съ тончайшимъ любопытствомъ. Солнце обрисовывало ихъ обнявшіяся тѣни на поперекъ лежащемъ деревѣ и незамѣтно стало заходить. Журчанье воды, смѣшанное съ ихъ тихимъ, восторженнымъ шопотомъ, сливалось въ одинъ звукъ; даже ихъ краснорѣчивое молчаніе было такъ глубоко, а быть можетъ и такъ-же опасно, какъ тотъ темнѣющій прудъ, который въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ безшумно наполнялся водой. Оба они до такой степени при-

тихли, что нѣсколько разъ можно было услышать трепеть или шелестъ испуганныхъ лапокъ насѣкомыхъ, копошившихся въ увядшей травѣ, но вдругъ, въ моментъ глубочайшей тишины, молодой человѣкъ такъ внезапно вскочилъ, что Нелли даже повисла на его шеѣ.

— Тссъ... прошепталъ онъ,—кто-то вблизи!

Онъ нѣжно освободился отъ ея дрожащихъ рукъ, вспрыгнулъ на выбранное имъ дерево, осмотрѣлся, съ ловкостью бѣлки сбѣжалъ внизъ, и, прикинувшись къ землѣ, сталъ прислушиваться.

Перепуганной дѣвушкѣ нѣсколько минутъ до его возвращенія показались вѣчностью.

— Ты внѣ опасности, скалалъ Ло.—Онъ по западной тропинкѣ пробирается въ Индѣйскій Ключъ.

— Кто это онъ? спросила она съ худоскрытымъ смущеніемъ и прикусивъ губки.

— Да кто-то чужой, отвѣтилъ Ло.

— Зачѣмъ ты меня такъ напугалъ, вѣдь онъ не сюда шелъ, сказала она съ досадой;—неужели тебя могъ встревожить какой-то одинокій странникъ, заблудившійся въ этомъ лѣсу?

— Не думаю, чтобъ это былъ странникъ, потому что онъ шелъ вблизи тропинки, сказалъ Ло;—онъ, очевидно, кого-то искалъ или поджидалъ, потому что часто останавливался, ждалъ и прислушивался. Онъ шелъ не издалека, такъ-какъ на ногахъ у него были шпоры, которыя звенѣли и запутывались въ кустарникѣ; во всякомъ случаѣ, онъ пріѣхалъ сюда не верхомъ, потому что по дорогѣ не слышно было конскаго топота съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь; это, безъ сомнѣнія, какой-нибудь житель изъ Индѣйскаго Ключа.

— Все это для тебя стало яснымъ, пока ты прислушивался въ эти нѣсколько минутъ? спросила Нелли, съ видимою уже подозрительностью.

Равнодушный къ ея недовѣрію, Ло спокойно смотрѣлъ на нее безмятежными глазами.

— Понятно, что я ручаюсь головой за мои слова; а скажи-ка ты: нѣтъ-ли кого въ Индѣйскомъ Ключѣ, который могъ бы за тобой слѣдить?

Дѣвушка почувствовала какой-то неопредѣленный страхъ, но отвѣтила:

— Нѣтъ!

— Тогда онъ искалъ не тебя, сказалъ Ло въ раздумьи.

Нелли не успѣла примѣтить особеннаго выраженія въ его словахъ, такъ какъ онъ поспѣшилъ прибавить:

— Ты должна уходить тотчасъ-же; а на случай, еслибы кто-нибудь за тобой слѣдилъ — я покажу тебѣ другой обратный путь къ Индѣйскому Ключу. Онъ немного дальше, и мы должны спѣшить. Возьми свою обувь въ руки и выйдемъ изъ лѣсу.

Онъ снова взялъ ее на руки и вышелъ изъ поляны подъ густые своды лѣса. Они говорили мало.

Нелли не могла подавить въ себѣ того чувства, что нѣчто чужое уже стало между ними, и что онъ это такъ-же сознавалъ, и это настроеніе то сердило, то пугало ее.

Спустя 10 минутъ, онъ опустилъ ее на ближайшій пенъ; сказалъ, что вернется къ ней, какъ только она надѣнетъ чулки и башмаки, и—ускользнулъ, какъ тѣнь. Нелли всполошилась, хотѣла умолять, чтобъ онъ не оставлялъ ее здѣсь одну... Но онъ исчезъ такъ быстро, что она не успѣла его удержать. Было мгновеніе, когда она за такой маневръ его даже возненавидѣла. Но едва она обулась, — какъ-то безсознательно, содрогаясь отъ паденія каждой хвойной шишки, — какъ Ло ужъ былъ около нея.

— Знаешь-ли ты кого-нибудь, кто носить такой сюртукъ? спросилъ онъ, подавая ей клочекъ шерсти, приставшій къ куску коры.

Нелли тотчасъ-же узнала матерію той праздничной одежды, которую носилъ Жакъ Брессъ при торжественныхъ случаяхъ, но какой-то своеобразный и необъяснимый инстинктъ, который составлялъ особенность ея характера, заставилъ ее отрицать, что она видѣла когда-нибудь такую матерію.

— Нѣтъ, сказала она.

— Никого, кто-бы прыскался противной жидкостью, въ родѣ одеколона, и тому подобной аптекарской дряни? продолжалъ Ло съ отвращеніемъ, понятнымъ для высоразвитаго обонянія.

Нелли узнала и тотъ самый запахъ, которымъ эlegantный извозчикъ наполнялъ ее маленькій будуаръ, но снова отвѣтила отрицательно.

— Ну, сказалъ Ло, съ выраженіемъ разочарованія, — а такой мужчина все-таки здѣсь былъ. Остерегайся. Уйдемъ сейчасъ-же.

Ее нечего было торопить, и безъ того она, задыхаясь, слѣдовала за нимъ. Онъ повелъ ее по новой тропинкѣ, на которой они, подъ прямымъ угломъ большой дороги и въ двухъ миляхъ отъ нея, вышли изъ лѣсу. Переходя почти заросшую дорожку, они, мало-по-малу, приближались къ главной, съ которой виднѣлись уже отдаленныя крыши Индѣйскаго Блюча, прикрываемыя легкимъ наклономъ равнины, достаточнымъ, однако, для устраненія ихъ отъ взоровъ любопытныхъ.

— Если кто тебя теперь встрѣтитъ, ему и въ голову не придетъ те мѣсто, гдѣ ты была. Прощай—до будущей недѣли... Помни!

Они пожали другъ другу руки, стоя на опушкѣ лѣса, между тѣмъ какъ ихъ очертанія, отражаясь отъ блѣдной лазури неба, рѣзко обрисовывались на фонѣ большой дороги; простились они равнодушно, точно два путешественника, которыхъ свелъ случай. Но Нелли не могла удержаться, чтобъ не обернуться еще разъ къ послѣднимъ кустамъ опушки. Ло пустился опять по запущенной дорожкѣ и ускоренными шагами помчался къ Каркинезскому лѣсу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* *
* *

Съ тоскующей улыбкой, строгимъ взоромъ
Казалось, ты смотрѣла—и, въ отвѣтъ
На зовъ любви, мнѣ прозвучалъ укоромъ
Вопросъ твой ласковый: «А если это бредъ,—
«Бредъ увлеченья? Сердца молодого
«Недолгій жаръ, мечта, волшебный сонъ?»

«Миражъ разсѣялся—и путникъ видитъ снова
«Песокъ степей да знойный небосклонъ.
«Что, если такъ?..»

Съ огнемъ тоски безумной
Протестовалъ я страстно; голосъ мой
Звучалъ увѣренно...

Походкою безшумной
Ты шла впередъ—рука съ моей рукой.
Въ ночной тиши, мерцаньемъ звѣздъ далекихъ,
Мерцаньемъ трепетнымъ едва озарена,
Отдавшись вся теченью думъ глубокихъ,
Ты шла впередъ, печальна и блѣдна...

И разрывалась грудь моя на части,
И рвался вонъ безумный сердца крикъ,
И было стыдно мнѣ стыдомъ горячимъ страсти
Что блѣденъ, нищъ любви моей языкъ!
Что, жалкій, онъ не могъ печальное сомнѣнье,
Терзавшее твой умъ, въ началѣ умертвить—
И блѣдныхъ дней моихъ безцѣльное томленье
Зарей любви и вѣры оживить!..

П. Якубовичъ.

ПОТОКЪ.

(Повѣсть).

I.

Было около двѣнадцати часовъ іюньской ночи. Въ довольно просторной комнатѣ сидѣли за ужиномъ четыре человѣка, — трое мужчинъ и женщина, — блѣдненькая, худенькая, съ свѣтлыми волосами, въ свѣтломъ простенькомъ платьѣ и съ усталыми глазами. Всѣ три окна комнаты были открыты, но хозяину квартиры, самому высокому и самому красивому изъ присутствующихъ, было все-таки жарко. Онъ давно уже разстегнулъ жилетъ, снялъ галстукъ, разстегнулъ верхнюю пуговку у рубашки, откинулъ назадъ свои длинные вьющіеся волосы и безпрестанно пилъ то вино, то воду, но... чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ жарче горѣли его щеки и тѣмъ чаще приходилось ему отирать капли пота на своемъ красивомъ блѣломъ лбу. Наконецъ, обрадовавшись легкому порыву вѣтра, ворвавшемуся въ комнату и на мгновеніе всколыхнувшему занавѣски у оконъ, пламя свѣчей и концы скатерти, онъ оживленно замахалъ себѣ въ лицо обѣими руками и радостно вздохнулъ полною грудью.

— Лиза, мы все съѣли? спросилъ онъ жену.

Лиза взглянула на него своими усталыми глазами, съ легкимъ недоумѣніемъ приподняла брови, потомъ перевела взглядъ на ужинъ, почти на половину нетронутый, и опять посмотрѣла на мужа.

— Далекое не все... Или ты не видишь? сказала она, съ едва замѣтной усмѣшкой вглядываясь въ его, какъ будто потускнѣвшіе и подернувшіеся туманомъ, глаза.

— Ну, да... но это все прошлое... Я хотѣлъ спросить: новаго не будетъ больше ничего?

— Нѣтъ, новаго не будетъ...

— Ну, и слава Богу. Не знаю, какъ «прибывшіе изъ путешествія», а я съѣсть... пойду къ окну. Душно невыносимо.

«Прибывшій изъ путешествія», старшій его братъ, всего только два часа назадъ вернувшійся въ городъ послѣ трехлѣтняго отсутствія, поднялъ задумчиво опущенную голову и сказалъ:

— Я совсѣмъ и не хотѣлъ ѣсть.

Онъ тоже всталъ, отодвинулъ стулъ и поблагодарилъ Лизу, молча пожавъ ей руку и слегка наклонивъ голову. Потомъ онъ порылся въ грудѣ наваленныхъ у двери чемодановъ и саквояжей и, доставъ пачку сигаръ, снова подошелъ къ столу, къ свѣчамъ. Всѣ его движенія были медленны и тяжелы. Самъ онъ, большой, высокій, только на полголовы пониже брата, широкоплечій, съ большой, коротко остриженной головой, съ широкими бровями, съ хмурымъ взглядомъ, съ отрывчатымъ и неохотнымъ разговоромъ,—смотрѣлъ тоже какимъ-то тяжелымъ. «Онъ сталъ какъ будто каменный», подумала Лиза, присматривавшаяся къ нему.

— Лиза, дай, пожалуйста, бутылку, обратился къ ней ея мужъ, покачивавшійся у окна въ качальномъ креслѣ.—И стаканъ, конечно... И другой стаканъ, для Саши.

— Я не стану пить, сказалъ старшій братъ.

— Ну, вотъ, «не стану»,—станешь! Я тысячу разъ даже клятвы давалъ, что не стану пить, а все пью...

— Я не стану пить, повторилъ братъ тѣмъ же рѣшительнымъ и совершенно равнодушнымъ тономъ.

Четвертый изъ присутствующихъ, молчаливый молодой человекъ въ очкахъ и въ сѣромъ пиджакѣ, всталъ изъ-за стола еще вмѣстѣ съ хозяиномъ и стоялъ въ сторонѣ, выжидая минуту, чтобы проститься. Теперь онъ пожелалъ всѣмъ спокойной ночи и ушелъ.

— Это кто такой? спросилъ старшій братъ.

— Это нашъ жилецъ, нахлѣбникъ. Тамъ, наверху, у насъ есть еще мезонинъ... Это другъ дѣтства Лизы... Чернягинъ...

— Чернягинъ?! съ нѣкоторымъ удивленіемъ переспросилъ братъ.

— Ну, да, ты знаешь ихъ... Это сынокъ того самаго старикашки Черныгина, бывшаго окружнаго начальника...

— Такъ какимъ-же образомъ Черныгинъ сдѣлался вашимъ нахлѣбникомъ, когда у него и своего хлѣба должно быть слишкомъ достаточно? Вѣдь у старика было чуть ли не пять домовъ и, кромѣ того, какъ говорили, порядочный капиталъ въ банкѣ...

— Не только было, а и теперь все это есть. Но дѣло въ томъ, что у нихъ тамъ вышла какая-то исторія, и въ концѣ концовъ старикъ выгналъ своего единственнаго...

— «Выгналъ!» съ досадою повторила Лиза.—Ты говоришь все это такимъ тономъ, что Александръ Васильичъ можетъ подумать, будто Сережа обокралъ отца или прибилъ его... А вся эта «какая-то тамъ исторія» вышла единственно изъ-за того, что Сережа не могъ перенести несправедливость, которую, вѣроятно, и ты находишь возмутительною. Дѣло вотъ въ чемъ, обратилась она къ «прибывшему изъ путешествія».—У старика Черныгина былъ братъ, какой-то тамъ бывший стряпчій. У этого брата уже много лѣтъ жила домоправительницей одна женщина, — простая, недалекая баба. У нея было отъ него трое дѣтей... И вотъ, года два назадъ, этотъ бывший стряпчій умираетъ, не сдѣлавъ рѣшительно ничего, чтобы хоть сколько нибудь обезпечить своихъ дѣтей и эту женщину, которая столько лѣтъ была для него женой, другомъ, работницей, сидѣлкой! Конечно, эту подлость могъ-бы исправить его прямой наслѣдникъ, братъ... Но этотъ братъ поступаетъ еще подлѣе. Сунувъ ей для очищенія совѣсти какіе-то куда негодные обноски, онъ начинаетъ ворчать и жаловаться, что въ вещахъ покойнаго не достаетъ нѣкоторыхъ драгоценностей, оставшихся послѣ смерти его жены, и, въ концѣ концовъ, оклеветавъ и опозоривъ нѣ въ чемъ невиноватую женщину, спроваживаетъ ее вонъ изъ дома... Вотъ въ чемъ состоитъ эта «какая-то тамъ» исторія! И развѣ вы, господа, стали-бы молчать, видя ее? Или, можетъ быть, отошли-бы въ сторону, закрыли глаза? Или тихонько поговорили между собою въ уголокъ, что старикъ не совсѣмъ правъ?!

— Не горячись, сказалъ ей мужъ, позванивая стаканомъ о бутылку.—Все-таки я увѣренъ, что вся эта исторія явилась не болѣе какъ послѣднею каплею, переполнившюю чашу тер-

пѣнія старика. Будь я на его мѣстѣ, я тоже, рано или поздно, выгналъ бы этого Сереженьку...

Лиза молчала и, отвернувшись отъ него, нервно постукивала ногой по полу.

— Почему? спросилъ старшій братъ.

— Потому что онъ невозможенъ. Ты видалъ, какъ нѣкоторые басы, когда они поютъ, утыкаютъ подбородокъ себѣ въ грудь? Ну, вотъ, Сереженька точно такъ-же уткнется бородежкой въ галстукъ и жужжить, жужжить, жужжить, какъ шмель въ саду или какъ большая муха за стекломъ. Или вотъ тоже большой соборный колоколь... гудитъ, гудитъ себѣ, безъ конца... Въ него уже давно перестали звонить, и пономарь ушелъ въ кабакъ горло промочить, а онъ все еще гудитъ и сотрясаетъ воздухъ... Такъ и нашъ жилецъ. Гудитъ безъ конца о томъ, что дважды-два — четыре.. что бѣлое потому и называется бѣлымъ, что оно бѣло... что бѣшеной собакѣ не слѣдуетъ класть пальца въ ротъ... что въ морозы надо теплѣе одѣваться и питательной пищей питаться... Гудитъ, однимъ словомъ, все о такихъ вещахъ, которыя и безъ него всѣмъ вѣдомы и перевѣдомы, надобны и опротивѣли..

— А мнѣ онъ показался молчаливымъ.

— Онъ и молчаливъ, если хочешь. И шмель не всегда бубнить, и большой соборный колоколь молчаливъ. Вотъ тоже Лиза,—и она очень молчалива, пожалуй... Но зато ужъ если придетъ ихъ часъ, если они заговорятъ, загудятъ, зазвонятъ, ищи скорѣе двери и уходи въ чемъ есть, не заботясь даже о шляпѣ...

Старшій братъ, попрежнему «каменный» и ко всему равнодушный, тихо ходилъ изъ угла въ уголъ, повременамъ приостанавливаясь, дѣлая какой-нибудь короткій вопросъ или страхивая пепель съ сигары, и затѣмъ опять принимался бродить по комнатѣ.

— Много-ли платите за эту квартиру? спросилъ онъ.

— Лиза, десять рублей, кажется?

— Десять, подтвердила она.

— А прежняя у васъ была, кажется, въ двадцать?

— Да, была!.. со вздохомъ и съ удареніемъ отвѣчалъ младшій братъ.—Хотя, съ другой стороны, нужно отдать справедливость этой квартирѣ, что въ три, четыре лѣтніе мѣсяца она

стоитъ всякой другой, потому что не нужно переѣзжать на дачу. Посмотри... Ты обратилъ-ли вниманіе?

Онъ отстранилъ занавѣску и указывалъ въ окно. Домъ стоялъ почти въ самомъ концѣ города, на набережной. Сейчасъ-же за неширокою улицею берегъ круто спускался внизъ, и дальше разстилалась широкая рѣка. Вправо она шла прямою, блестящею лентою, тянувшееся верстъ на десять, и только затѣмъ уже уходила въ сторону, за высокую гору, покрытую лѣсомъ. Мѣсяцъ стоялъ какъ разъ надъ этою лентою, и подъ его волшебными лучами вся она, взволнованная только что прошедшимъ пароходомъ, казалось, вспыхивала разноцвѣтными огнями. Было тихо, пустынно, вѣяло сыростью. Вдали чернѣла тянувшаяся изъ трубы парохода полоса дыму, усѣянная искрами; на другомъ берегу дрожалъ и мигалъ огонекъ кѣмъ-то разведеннаго костра; посерединѣ рѣки медленно двигалась барка.

— Да, лѣтомъ здѣсь ничего, безучастно сказалъ «прибывшій изъ путешествія».

Младшій братъ спустилъ занавѣску.

— Знаешь что, сказалъ онъ:—мнѣ кажется, что тебѣ очень хочется спать...

— Нѣтъ, спать не хочется.

— Ну, такъ ты хандрить...

— Хандрю? переспросилъ онъ и пріостановился, какъ будто раздумывалъ—хандрить онъ или нѣтъ. — Пожалуй, это больше похоже на правду. А еще вѣрнѣе, что я просто растерялся.

— Такъ что ты еще не знаешь—что будешь дѣлать?

— Ничего не знаю. Правда, мнѣ вотъ думалось сейчасъ, что не слѣдуетъ-ли намъ съ тобой начать съ того, что какъ-нибудь переимѣнить нашу фамилію. А то — Макаровы... Макарь... На Макара, въ особенности на бѣднаго, всѣ шишки сыплются...

— Что-же, было-бы недурно принять какую-нибудь болѣе благозвучную фамилію... Тумановъ, напимѣръ... Или Зарницынъ.. Или Великорѣцкій... Лиза, ты хочешь быть госпожей Великорѣцкой?

— Быть кѣмъ угодно,—быть Скотининымъ, Дубининымъ,—только не быть жалкимъ Макаромъ! сказалъ старшій братъ,

мало-по-малу начиная терять свое безстрастіе.— Не быть какой-то тряпкой, которая у всѣхъ подъ ногами, всѣми топчется, всѣми швыряется изъ угла въ уголъ, покуда не понадобится навремя заткнуть какую-нибудь дыру. Не знаю, какъ ты, а я не могу не видѣть, что до сихъ поръ мнѣ приходилось разыгрывать роль именно такой тряпки. Посчитаемъ, въ самомъ дѣлѣ... Былъ учителемъ въ здѣшнемъ кадетскомъ корпусѣ; меня вышвырнули оттуда, потому что ученики моего класса вздумали издавать рукописный журналъ... Это разъ. Былъ въ здѣшней женской гимназіи,—вышвырнули и изъ нея потому что кто-то помѣстилъ въ газетѣ какую-то корреспонденцію, задѣвшую эту гимназію... Это два... Былъ въ N—ской технической школѣ,—выбросили и оттуда... Это три...

— Тамъ что такое случилось?

— Тамъ случилось то, что какіе-то два мальчугана, жившіе на частной квартирѣ, перевѣсили у себя въ комнатѣ обрѣзъ кверху ногами.

— При чемъ же ты въ этомъ? Ты посовѣтовалъ имъ это сдѣлать, что-ли?

— Я не знаю—при чемъ былъ я. Но только, въ результатѣ этого происшествія, директоръ и двое изъ учителей потеряли свои мѣста... Это три, я насчиталъ... И наконецъ, слѣдуетъ цѣлая серія C—скихъ приключеній.

— Сначала ты писалъ, что недурно устроился тамъ.

— Очень, потому что именно тамъ тряпка, наконецъ, пригодилась, чтобы основательно заткнуть одну семейную дыру. Мнѣ пришлось давать уроки въ домѣ тамошняго городского головы. Сначала этотъ господинъ почти не замѣчалъ моей особы; но затѣмъ какъ-то «обратилъ вниманіе» и съ тѣхъ поръ чуть не съ каждымъ днемъ началъ открывать во мнѣ все новыя и новыя достоинства. Онъ нашелъ, что я солидный и благоразумный человѣкъ... держусь къ сторонѣ отъ всякихъ сомнительныхъ знакомствъ... скромень... не лѣзу впередъ со своими мнѣніями и съ своимъ «я»... до щепетильности добросовѣстенъ въ исполненіи своихъ обязанностей... вообще трудолюбивъ... кромѣ того, обладаю способностью быстро усваивать сущность всякаго дѣла, хотя-бы совершенно новаго для меня. Въ концѣ концовъ, онъ увѣрялъ, что еслибы я оставилъ учительство и взялся за какое-нибудь другое дѣло, бо-

лѣе практическое, то могъ-бы уйти далеко, въ особенности при поддержкѣ на первыхъ порахъ со стороны опытнаго человѣка. Довольно долго я, въ простотѣ душевной, думалъ, что наконецъ-то нашелся человѣкъ, который оцѣнилъ меня по настоящей моей стоимости. Но съ теченіемъ времени выяснилось, что дѣло было не такъ просто. У этого головы была дочь, дѣвушка лѣтъ двадцати-шести, некрасивая, странная,—не то застѣнчивая, не то глуповатая,—а, главное, съ какою-то очень таинственною исторіею за плечами, заключающеюся въ томъ, что года два назадъ она неожиданно для всѣхъ исчезла, будто-бы на какое-то далекое богомолье, и затѣмъ, черезъ годъ, такъ-же неожиданно возвратилась чуть-ли не пѣшкомъ... Я смотрѣлъ на нее какъ на несчастенькую... И вотъ оказалось, что мой голова имѣлъ въ виду, ни больше, ни меньше, какъ женить меня на этой несчастенькой. Въ одинъ прекрасный вечеръ, когда мы съ нимъ сидѣли съ глазу на глазъ въ его кабинетѣ и самымъ дружескимъ образомъ бесѣдовали, ему вдругъ показалось, какъ видно, что дѣло достаточно подготовлено и пора его завершить. «Я, говорить,—давно смотрю на тебя, Александръ Васильевичъ, какъ на своего родного и счелъ бы за счастье въ самомъ дѣлѣ породниться съ тобой. Бери, говорить,—мою Аннушку!».. Признаюсь, я до такой степени растерялся, что сначала ничего не понималъ, но потомъ, когда сообразилъ всю суть дѣла, не могъ удержаться и засмѣялся. «Вотъ тебѣ, думаю,—и справедливая оцѣнка! Вотъ тебѣ и настоящая твоя стоимость!» Не знаю какъ онъ истолковалъ этотъ мой смѣхъ, но только достаточно было мнѣ взглянуть въ его глаза, чтобы догадаться, что онъ не проститъ мнѣ этого смѣха до гробовой доски. Конечно, я сейчасъ-же обуздалъ себя, поблагодарилъ его за честь и сказалъ, что былъ-бы очень радъ, но, къ сожалѣнію... у меня уже есть невѣста...

Голосъ его дрогнулъ и какъ будто оборвался. Онъ замолчалъ на минуту. Братъ и его жена переглянулись тоже въ неловкомъ молчаніи.

— Но было уже поздно, подсказала, наконецъ, Лиза.

— Конечно, насмурно отвѣчалъ онъ.—Мой голова, вѣроятно, далъ себѣ клятву, что если я не хочу понять ни людского доброжелательства, ни своихъ собственныхъ выгодъ, то

онъ растопчетъ меня какъ таракана. И растопталъ-бы... Въ гимназїи меня начали тѣснить все сильнѣе, сильнѣе,—знаешь, какъ школьники «жмутъ масло» изъ какого-нибудь товарища,— и наконецъ вытѣснили совсѣмъ. Частные уроки, которыхъ у меня было сначала даже слишкомъ много, стали убывать не по мѣсяцамъ, а по недѣлямъ. Пошли сплетни, косые взгляды, ядовитыя улыбки, неприятныя столкновения, и въ концѣ концовъ я увидѣлъ какъ нельзя яснѣе, что если не уйду заблаговременно подальше, то меня и въ самомъ дѣлѣ растопчутъ. Понимаешь-ли? Не гигантъ какой-нибудь, подъ ногами котораго «горы трещать», не сила какая-нибудь «нездѣшняя», не сказочное чудовище, наконецъ,—вовсе нѣтъ!—самый дюжинный человѣкъ, только зашибившій деньгу, можетъ наступить на другого человѣка—и нѣтъ его! Вотъ вѣдь въ чемъ дѣло! Вотъ что засѣло во мнѣ, какъ гвоздь, и не даетъ покоя, жжетъ, мучить!..

— Положимъ... говоря вообще—это, можетъ быть, и справедливо, замѣтилъ младшій братъ.—Но относительно самого себя, не слишкомъ-ли поспѣшно ты обобщаешь случайное стеченіе обстоятельствъ?

— Ты думаешь, это случайность? Нѣтъ, не случайность. Сначала я самъ утѣшалъ себя этою мыслью, но потомъ понималъ, что это не случайность, а необходимость, законъ, правило, допускающее, конечно, исключенія, но все-таки правило. Куда-бы я ни пошелъ, за какую-бы лямку ни взялся, я вездѣ стану лицомъ къ лицу съ другими людьми. Этими людямъ мало того, чтобы я добросовѣстно исполнялъ свою долю нашей общей работы. Они даже не этимъ интересуются прежде всего,—ибо что имъ эта злополучная Гекуба,—общее дѣло,— а тѣмъ, въ какія отношенія я стану лично къ нимъ. И вотъ, если я не хочу, чтобы изъ меня «выжимали масло», мнѣ приходится гнуться налѣво—для одного, гнуться направо—для другого, гнуться вдоль и поперекъ для третьяго. Но что-же мнѣ дѣлать, что дѣлать, если природа создала меня такъ, что я не могу ни гнуться въ три погибели, ни складываться пополамъ, какъ перочинный ножикъ?

— Да, ты всегда былъ немножко... бирюкъ, согласился младшій братъ.

— Что-же мнѣ дѣлать, если я бирюкъ? Уйти?.. Куда уйти?

Поставить на выѣздѣ изъ города избу въ два окна, развести огородъ, купить корову и заняться сажаніемъ капусты и картофеля? Но и изъ этого ничего не выйдетъ. Всѣхъ этихъ сажателей и сѣятелей безъ всякихъ усилій гнутъ въ дугу первые встрѣчные Карлы Сидоровы, у которыхъ завелась въ карманѣ тысяча другая рублей... Некуда уйти!

— Такъ что-же, наконецъ, дѣлать? спросила Лиза.

— Не знаю... Сдается мнѣ, впрочемъ, что какъ ни думай объ этомъ вопросѣ, съ какой стороны ни подходи къ нему, а есть всего только одна крѣпость, въ которой можно чувствовать себя независимымъ и до нѣкоторой степени свободнымъ...

— Тоже деньги?.. не то спросилъ, не то подсказалъ младшій братъ.

— Тоже деньги, какъ эхо повторилъ старшій.

Лиза какъ-то ахнула и растерянно взглянула на одного, потомъ на другого.

— Пойдите! Да вѣдь для того, чтобы нажить эти деньги, торопливо заговорила она, — необходимо или очень много и успѣшно работать, или тоже гнуться, изворачиваться, ползать.— Вѣдь вы-же сами сказали, что для успѣшной работы необходимо по большей части подлаживаться къ людямъ... Я... я, наконецъ, ничего не понимаю!..

Наступило минутное молчаніе.

— Да... пожалуй, и это правда, сказалъ потомъ старшій братъ.— Такимъ образомъ получается заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода, если не брать въ расчетъ счастливыя случайности.

Въ томъ, что онъ проповѣдовалъ, Лизѣ чувствовалось нѣчто такое, что производило на нее крайне тяжелое впечатлѣніе и противъ чего ей хотѣлось возстать со всѣмъ жаромъ своего сердца, но на этотъ разъ она сдержала себя и не стала возражать. «Хандрить... преувеличиваетъ!» думала она, и должна была согласиться, что на его мѣстѣ дѣйствительно не трудно было упасть духомъ и увидѣть все въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Несчастье преслѣдовало его шагъ за шагомъ. Помимо всѣхъ тѣхъ неудачъ, которыя онъ только что нересчитывалъ по пальцамъ, на его сердцѣ была еще одна рана, самая тяжелая, самая жгучая, самая обидная изъ всѣхъ, нанесенныхъ его

чувству и самолюбію. Когда онъ уѣхалъ отсюда, у него дѣйствительно осталась здѣсь невѣста. Года два она ждала его, постоянно переписывалась съ нимъ, что составляло для нея не малый подвигъ, потому что, по ея собственному признанію, ей становилось очень скучно даже при одномъ взглядѣ на чернила, перо и бѣлую почтовую бумагу, которую приходилось исписать. Затѣмъ она устала ждать. Письма отъ нея шли рѣже, рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекратились, какъ слѣдовало заключить изъ одного письма или, лучше сказать, изъ одной записки Александра Васильевича, состоявшей всего изъ двухъ строкъ: «Что сдѣлалось съ Зиной? Напишите! Или, можетъ быть, лучше не писать?».. А теперь эта Зина уже невѣста другого, и черезъ какой нибудь мѣсяцъ будетъ ея свадьба... «Бѣдный! думала Лиза, съ грустью смотря на печальное лице брата.—Каково-то ему было теперь ѣхать по городу, гдѣ все,—рѣка, зеленѣющій садъ на ея берегу, театръ, бульвары, улицы, церкви,—все и на каждомъ шагу должно было пробуждать въ немъ новыя и новыя воспоминанія случайныхъ и неслучайныхъ встрѣчакъ, долгихъ разговоровъ о быломъ счастьѣ и объ утраченныхъ надеждахъ.—Бѣдный, бѣдный!» Тяжелый во всемъ, упорный въ однажды принятомъ направленіи, онъ съ трудомъ сдвигался съ мѣста, нелегко отдавался какому-нибудь новому чувству, но если ужъ отдавался, то отдавался надолго, весь цѣликомъ, и нужны были цѣлыя годы, долгіе годы, богатые событіями, чтобы вывести его изъ старой колеи и заставить забыть о ней.

— Ну, а ты? спрашивалъ онъ между тѣмъ, обращаясь къ младшему брату.—Все на своей желѣзной дорогѣ?

— Я все тамъ-же.

— На томъ-же мѣстѣ и при тѣхъ-же пятидесяти рубляхъ жалованья?

— Все по старому; ни впередъ, ни назадъ...

— Вотъ, видишь! А между тѣмъ тебя-то ужъ никто не назоветъ бирюкомъ. Слѣдо вательно, для успѣха на какомъ-бы то ни было поприщѣ слишкомъ мало того, чтобы не глядѣть волкомъ: нужно быть ласковымъ теленкомъ, который подлизывается ко всякому, отъ кого только можно рассчитывать на какое-нибудь молочко въ настоящемъ или въ будущемъ. И не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что врядъ-ли ты

когда-нибудь подвинешься далеко по свой желѣзной дорогѣ. Скажи мнѣ лучше, что твоя поэзія? Послѣ твоихъ «Пѣсенъ рѣки», я видѣлъ въ журналахъ только съ десятокъ мелкихъ стихотвореній, подписанныхъ твоимъ псевдонимомъ, да и тѣ... откровенно говоря...

— Плохи! быстро подсказалъ младшій братъ.

— Нѣтъ, нельзя сказать, чтобы плохи. Но знаешь-ли, послѣ того впечатлѣнія, которое произвели «Пѣсни рѣки», лучше было-бы, мнѣ кажется, не печатать эти вещицы...

— Лучше, лучше, въ тысячу разъ лучше! съ жаромъ вскричалъ Владиміръ Васильичъ и въ волненіи вскочилъ съ кресла. — Я готовъ рвать на себѣ волосы, когда подумаю объ этихъ виршахъ! Въ тысячу разъ лучше! Но бывають-же въ жизни такія подлыя минуты, когда готовъ продать за какую-нибудь чечевичную похлѣбку всю свою будущность... Ахъ, Саша, Саша! Сколько было у меня этихъ минутъ!.. И когда оглянешься, когда подумаешь обо всемъ этомъ: объ этой несчастной безалаберности моего характера, объ этой ненавистной конторѣ, о цѣлыхъ годахъ безобразно погибающаго лучшаго времени, — дѣлается и горько, и страшно.

Старшій братъ слегка пожалъ плечами.

— Полно! сказалъ онъ. — Конечно, ошибка сдѣлана, но зачѣмъ-же до такой степени преувеличивать ее и «ломать стулья»? Ни «рвать на себѣ волосы», ни «страшиться» вовсе нѣтъ причины. Потерять цѣлые годы хорошаго времени — разумѣется, очень большая потеря, но, была-бы добрая воля, можно и наверстать потерянное.

Владиміръ Васильевичъ въ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, задумчиво опустивъ голову и безпрестанно закидывая назадъ длинные волосы, свѣшивавшіеся внизъ.

— Но «Пѣсни рѣки»; ты говоришь, произвели впечатлѣніе? спросилъ онъ, приостановившись передъ братомъ.

— Да, большое. На моихъ глазахъ одинъ актеръ читалъ ихъ въ кружкѣ своихъ знакомыхъ. Снача все шло какъ слѣдуетъ; но потомъ онъ дошелъ до той пѣсни, гдѣ невѣста, поздней осенью, передъ замерзаніемъ рѣки, стоитъ на крутомъ берегу, смотреть вдаль, на послѣднія суда, парусныя лодки и напрасно поджидаетъ своего жениха. Когда пришлось читать ея монологъ, гдѣ она говоритъ: «Только-бы знать!

Что-бы тамъ ни было, только-бы знать!» — смотрю, чтець совсѣмъ спутался, — голосъ дрожить, въ глазахъ стоятъ слезы, рукой тихонько ищетъ платокъ въ заднемъ карманѣ и никакъ не можетъ найти... А тутъ еще одна барышня-подростокъ: у нея вдругъ какъ брызнуть слезы...

Владимиръ Васильевичъ тихо сѣлъ въ свое кресло, какъ ребенокъ, который только что плакалъ и вдругъ успокоился, неожиданно получивъ игрушку, несравненно лучшую, чѣмъ онъ рассчитывалъ. Обыкновенно разсѣянное и беззаботное лицо его приняло выраженіе сосредоточеннаго и серьезнаго раздумья. Въ красивыхъ глазахъ его засвѣтилось глубокое и свѣтлое чувство, овладѣвающее человѣкомъ, когда затронуты всѣ лучшія струны его души.

— Да, надо взять себя, наконецъ, въ руки и приняться за дѣло, вздохнувъ заговорилъ онъ. — Я, кажется, писалъ тебѣ, что у меня давно уже задумана одна большая работа? Нѣтъ?.. Это будетъ «Нищета» или, пожалуй, «Пѣсни нищеты», такъ-какъ и эта вещь будетъ состоять изъ отдѣльныхъ пѣсень. Но сначала пойдетъ предисловіе, въ которомъ явится одна только героиня, Нищета. Это женщина, очень бѣдно одѣтая, худая и изможденная до того, что невозможно опредѣлить — молода она или старуха: можетъ быть, ей восемнадцать лѣтъ, а можетъ быть и шестьдесятъ... Но главное въ ней глаза: онѣ и злые, и вмѣстѣ съ тѣмъ грустные; въ нихъ есть и зависть, и рядомъ съ нею печаль; они и затуманены слезами, и вмѣстѣ съ тѣмъ полны ненависти... Она ходитъ всюду, ходитъ день и ночь... Ходитъ по шумнымъ городскимъ улицамъ и площадямъ, по деревнямъ, по дорогамъ, по полямъ и лѣсамъ, ходитъ вездѣ, гдѣ только судьба поселила человѣка. И всюду, куда ни покажется эта женщина, она приноситъ съ собою горе, слезы, страданія, преступленія, — вспыхиваютъ пожары, проливается кровь, приходятъ болѣзни, тянутся похоронныя процессіи и раздаются погребальный звонъ. Въ этомъ будетъ заключаться предисловіе...

— Нищета преслѣдуетъ по пятамъ намѣченнаго ею человѣка, продолжалъ онъ; — она заглядываетъ въ его глаза своими мрачными глазами и нашептываетъ ему совѣты. Одному она поетъ одну пѣсню, другому — другую, третьему — третью, каждому показывая, какъ въ черномъ зеркалѣ, его

безрадостную и горькую жизнь. Какой-нибудь столичной труженицѣ дѣвушкѣ она нашептываетъ съ горькою ироніею: «Работай, работай! Съ ранняго утра, когда на темныхъ улицахъ еще горятъ огни, а на окраинахъ города только-что завывли, какъ фантастическія чудовища, фабричныя гудки, призывающіе рабочихъ на работу,—зажигай свою коптящую лампочку и работай. Зимнее солнце взойдетъ и зайдетъ,—ты работай, не поднимая головы! Городъ проснется и снова заснетъ,—ты работай, не отрываясь, покуда есть огонь въ лампѣ, покуда смотрятъ твои утомленные глаза и покуда отяжѣвшая голова не поникнетъ на обезсилѣвшія руки. Скрѣпись, подожди,—придетъ и твое время отдыха, когда не будетъ даже и этой работы. Тогда выходи на блестящія улицы, наполненныя шумною толпою, иди, ищи этой работы, проси ее, протягивая руку, какъ за подаваніемъ, стой у воротъ переполненныхъ фабрикъ, броди изъ улицы въ улицу, подъ дождемъ, по грязи, промокшая, усталая, голодная...» Затѣмъ ницета указываетъ дѣвушкѣ на высокіе дома окружающіе ее, на ихъ лѣстницы, устланныя коврами и уставленныя растеніями, на ярко освѣщенные магазины, гдѣ, за зеркальными окнами, блеститъ серебро, пестрѣютъ разноцвѣтныя шелковыя матеріи, мерцаютъ тысячами блѣдныхъ искръ брилліантныя уборы, покоящіеся на темныхъ бархатныхъ подушкахъ. Она показываетъ ей на театры, гдѣ слышатся звуки чарующей музыки, на вереницы каретъ, катящихся къ ихъ подъѣздамъ, на изящныхъ женщинъ, выходящихъ изъ этихъ каретъ и кажущихся такими прекрасными при невѣрномъ и колеблющемся свѣтѣ высокыхъ фонарей. Она напоминаетъ ей, что многіе изъ этихъ женщинъ недавно были такими-же жалкими, вѣчно голодными работницами. «Припомни, посмотри на нихъ, подумай! говорить Ницета. — Но не забудь, что твоя жизнь пролетаетъ быстро, какъ на крыльяхъ ястреба. Пройдутъ еще два, три года, и тебѣ придется уже похоронить свою молодость, отъ твоей сохранившейся еще красоты не останется и слѣда. Пожалѣй, пожалѣй эту молодость, невозвращающуюся никогда, какъ никогда не распускаются больше сорванные и затоптанныя цвѣты. Брось колебанія, не бойся ступить на новую дорогу, потому-что страшнѣе того пути, по которому

ты шла до сихъ поръ, нѣтъ ничего на свѣтѣ. Припомни, существуетъ-ли въ мѣрѣ что-нибудь бѣдственное и горькое, чего-бы ты не извѣдала на ней. Голодь и холодъ, — ты съ дѣтства знакома съ ними. Униженія и обиды, — ты выносишь ихъ каждый день. Людское презрѣнне, — но люди никого не презираютъ такъ, какъ именно бѣдность, робко пробирающуюся между ними въ своей нищенской одеждѣ, печально заглядывающую имъ въ глаза и смиренно просящую у нихъ работы. Выпрямись, подними свою склоненную голову, одѣнься, какъ одѣты эти женщины, выходящія изъ каретъ, и какою-бы цѣною ни были куплены твои брилліанты, — тѣ-же самые люди взглянуть на тебя съ восторгомъ и тайною завистью...»

— Другому Ницета напѣваетъ другую пѣсню, продолжалъ Владиміръ Васильевичъ послѣ небольшой паузы. — Какого-нибудь несчастливца, совсѣмъ сломленнаго жизнью, выбившагося изъ послѣднихъ силъ и потерявшаго послѣднюю искру надежды, она приводитъ къ рѣкѣ, къ периламъ моста, и, указывая на черную воду съ отражающимися въ ней звѣздами, нашептываетъ ему, что пора покончить послѣдній расчетъ съ живнью. «Довольно! Слишкомъ довольно! говоритъ она. — Незачѣмъ оглядываться назадъ, на городъ, что шумитъ въ отдаленіи, на верхъ, на небо. Наверху только гонимыя вѣтромъ тяжелыя осеннія тучи, выплывающія изъ-за горизонта и, клубясь, свиваясь, поглощая звѣзду за звѣздой, быстро несущіяся сюда. Назади, во всемъ Божьемъ мѣрѣ, для тебя холодная пустыня. Когда-то были люди, съ любовью ожидавшіе твоего появленія, люди близкіе тебѣ, люди принимавшіе къ сердцу и твои радости, и твое горе, но теперь нѣтъ ихъ. Одни покоятся тамъ, подъ покочувшимися крестами на едва замѣтныхъ могилахъ, покрытыхъ пожелтѣвшей травой и поблекшими листьями. Другіе давно отвернулись отъ тебя. Въ третьихъ — слабо теплится сожалѣнне къ тебѣ, хилому, оборванному, забрызганному уличною грязью, но пойми, что ты въ тягость имъ. Пойми, что твое печальное лице отравляетъ имъ тѣ свѣтлыя минуты, которыхъ у нихъ и безъ того немного. Пойми, что твой глухой голосъ звучитъ для нихъ, какъ крикъ ворона, возвѣщающаго бѣду!...»

— Третьему Ницета поетъ опять новую пѣсню. Она ве-

дѣть его ночью, по большой дорогѣ, въ лѣсъ, гдѣ онъ долженъ подождать намѣченную имъ жертву. «Тебѣ жаль? шепчетъ она. — Кто это научилъ тебя жалости? Кто пожалѣлъ тебя во всю твою жизнь? Припомни... Пожалѣлъ-ли кто-нибудь тебя въ твоёмъ дѣтствѣ, въ годы твоего ученья, когда тебя бросили въ чужомъ городѣ, какъ забрасываютъ только-что родившагося слѣпного щенка куда-нибудь въ болото? Пожалѣлъ-ли кто-нибудь тебя въ эти годы, когда ты, ребенокъ, избитый, исполосованный ремнемъ, тихонько плакалъ ночью, заглушая свои рыданія, чтобы не разбудить кого-нибудь, и только сердцемъ своимъ напрасно призывалъ мать: «матушка, мама, родимая!» Кто тебя жалѣлъ тогда? Пожалѣлъ-ли кто-нибудь тебя въ то время, когда ты, только-что вышедшій изъ дѣтства, забытый, мало понимавшій что дѣлаешь, поджегъ домъ своего хозяина? Вспомни... Тебя били, били всѣ съ остервененіемъ, били на смерть, какъ бьютъ бѣшеную собаку или волка, забѣжавшаго въ деревню... Или, можетъ быть, они опомнились, и пожалѣли тебя потомъ, когда ты, одинокій, всѣми забытый, боролся со смертью въ больницѣ и, очнувшись отъ бреда и страшныхъ видѣній, хриплымъ шепотомъ просилъ пить, просилъ: «Христа ради»? Или, можетъ быть, о тебѣ вспомнили и тебя пожалѣли еще позднѣе, когда ты гнилъ цѣлые годы въ острогѣ и въ смертной тоскѣ смотрѣлъ сквозь желѣзныя рѣшетки тусклыхъ оконъ на зеленѣющія поля, на серебристую полосу рѣки, на дорогу, бѣлой лентой тянущуюся далеко, далеко?»

Онъ замолчалъ; потомъ, подумавъ, прибавилъ:

— Ты понимаешь, конечно, что я передаю тебѣ, такъ сказать, только тѣму и общій планъ этой вещи. На самомъ-же дѣлѣ она вся будетъ состоять изъ ряда картинъ. Въ первой цѣснѣ будетъ, по всей вѣроятности, картина ночной работы на большой бумагопрядильной фабрикѣ и картина уличной столичной жизни вечеромъ. Во второй пойдетъ рядъ семейныхъ сценъ: образъ жены героя, ея смерть, потомъ смерть ребенка; далѣе будетъ картина столичнаго кладбища въ осенній день и еще картина Невы, около Николаевского моста. Въ третьей—больница, острогъ, лѣсъ ночью...

Лиза сидѣла неподвижно, какъ заснувшая, опустивъ голову и полузакрывъ глаза. Опять въ немъ проснулся тотъ

человѣкъ, котораго она такъ любила. Опять въ немъ вспыхнуло одушевленіе, опять его таяло къ работѣ, и опять онъ готовъ просиживать за нею дни и ночи, жить какъ въ лихорадочномъ бреду, терять сонъ, не ѣсть, терзаться, что непослушное слово слишкомъ блѣдно для выраженія его мыслей, что у него нѣтъ достаточно яркихъ красокъ для передачи картинъ, возникающихъ передъ его глазами. «Но надолго-ли это? со вздохомъ думала она.— Не опять-ли это, какъ говорить ея отецъ, «великолѣпная ракета», которая взлетитъ высоко-высоко надъ темною землею, освѣтитъ на минуту окрестность и погаснетъ?... Сколько разъ уже вспыхивало въ немъ это одушевленіе, повидимому, такое горячее, такое глубокое... Но проходилъ день, проходилъ вечеръ, и отъ этого одушевленія не оставалось и слѣда, и опять проходили пусто и безалаберно тѣ «лучшіе» мѣсяцы и годы, о погибели которыхъ онъ сейчасъ говорилъ съ такою горечью».

II.

Утрое настало ясное, жаркое. Всѣ двери въ сѣни были растворены настежь. Въ прихожей шуршала вѣникомъ кухарка, кончавшая подметать комнаты. Изъ кухни слышался трескъ лучины, горѣвшей въ самоварѣ, и пахло дымомъ. Лиза вышла на крыльцо, разсѣянно посмотрѣла на голубое небо, на траву, покрывавшую дворъ, на неподвижныя вершины высокихъ березъ, стоявшихъ за сосѣдскимъ заборомъ, и сѣла на ступеньку. Бурая дворная собака, дремавшая на солнышкѣ у сарая, громко зѣвнула, поднявъ голову къверху и, потягиваясь и махая кудлатымъ хвостомъ, подошла къ ней. Куры, съ меланхолическимъ кудактаньемъ бродившія по двору, тоже приблизились къ крыльцу и поглядывали сбоку, то однимъ, то другимъ глазомъ на Лизу, словно подмигивая ей.

— Дарья, ты иди въ булочную; я посмотрю за самоваромъ, сказала она, оглядываясь въ сѣни.

— А я пошла ужь, отозвалась Дарья, выходя съ корзиною на рукѣ и накидывая платокъ на голову.— Чего брать-то? На много-ли?

Это была приземистая женщина лѣтъ сорока, съ широкимъ рябымъ лицомъ и большими голубыми глазами, «ко-

ровыми», какъ она сама ихъ опредѣляла. Въ обыкновенное время это была работающая копунья, нѣсколько тяжелая на подъемъ, добродушная, склонная на все и на всѣхъ смотрѣть больше съ юмористической точки зрѣнія чѣмъ серьезно; но разъ пять-шесть въ году съ нею неизбѣжно случался грѣхъ, — она запивала и, потомъ, на нѣсколько дней дѣлалась самою несчастною женщиною, больной, ни на что неспособной, все портившей, все перепутывавшей и, вслѣдствіе этого, болѣзненно раздражительной. Но, несмотря на это, она жила у Лизы уже третій годъ, и съ каждымъ годомъ Лиза все больше и больше привязывалась къ ней.

— Что-жь подѣлаешь; видно, насъ кто-то связалъ веревочкой, говорила Дарья въ объясненіе этой обоюдной привязанности.

Отпустивъ въ булочную Дарью, за которой отправилась и собака, Лиза опять задумалась. Сегодня снова наступалъ для нея одинъ изъ тѣхъ мучительныхъ дней, которые приходилось ей переживать слишкомъ часто, и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще. Нужно было искать денегъ. Жалованья мужа никогда не хватало на мѣсяцъ и прежде, въ лучшіе годы, а въ послѣднее время, когда долговъ становилось все больше и больше, этихъ пятидесяти рублей, какъ будто и не было вовсе, ибо они, ~~только~~ только получались — сейчасъ-же и уходили на уплату срочныхъ займовъ. Свое, что принесла она съ собой по выходѣ замужъ, было давно прожито или заложено. Какими-нибудь особенно гениальными хозяйственными или, вообще, практическими способностями Лиза не отличалась. Иногда она съ Дарьей принималась «экономничать» и хозяйничать, заводила куръ, отказывала себѣ во всемъ, по цѣлымъ недѣлямъ питалась чуть не однимъ чернымъ хлѣбомъ, ходила въ худыхъ башмакахъ, но за этимъ слѣдовало какое-нибудь «увлеченіе» Владиміра Васильевича, иной разъ проигрывавшаго или прокучивавшаго рублей по тридцати въ вечеръ, — и вся ихъ экономія давала только лишній поводъ Дарьѣ съострить. Пилить мужа постоянными жалобами, памятуя, что капля по каплѣ можно продолбить даже камень, Лиза была еще менѣе способна. Изрѣдка только, скрѣпя сердце и стараясь выразаться какъ можно спокойнѣе, она говорила ему, что «ужасно надоѣдаетъ вѣчно просить денегъ» и что она готова была-

бы жить въ какой-нибудь банѣ и ѣсть одинъ хлѣбъ, только-бы избавиться отъ этой роли вѣчной просительницы». Но Владиміръ Васильевичъ неизмѣнно надѣялся, что «авось, дѣло не дойдетъ до бани» и все какъ-нибудь уладится само собою. Въ концѣ концовъ, приходилось терпѣть, покуда хватало терпѣнія, и надѣяться, что когда-нибудь мужъ увидитъ-же, наконецъ, какіе тяжелые дни приходится ей переживать все чаще и чаще.

Калитка опять застучала и заставила Лизу поднять глаза. Вошелъ съ полотенцемъ на шеѣ Александръ Васильевичъ, ходившій купаться.

— Что, холодна вода? спросила Лиза.

— Нѣтъ, ничего...

Александръ Васильевичъ тоже сѣлъ на крыльцо. Онъ, по-вчерашнему, былъ пасмуренъ, говорилъ отрывочно и смотрѣлъ холодными глазами куда-то все въ сторону.

— Гдѣ-же живутъ ваши хозяева? спросилъ онъ, оглядывая дворъ.

— А тамъ, рядомъ, ствѣчала она, указывая на сосѣдній высокій заборъ съ гвоздями наверху, черезъ который смотрѣли къ нимъ своими вершинами кудрявыя березы. — Тотъ домъ тоже ихній.

— Зачѣмъ же они отгородились этимъ заборомъ?

— Вѣроятно потому, что имъ такъ спокойнѣе. Они — купцы, а купцы любятъ, чтобы у нихъ было все «особое»: и погребъ, и сарай, и дворъ, и садъ, и скамеечка за воротами, и ворота...

Онъ хмуро смотрѣлъ себѣ подъ ноги и довольно долго молчалъ. Потомъ искоса взглянулъ на нее и сказалъ тихо и серьезно:

— Лизавета Николаевна! А вѣдь я имѣю право серьезно сердиться на васъ...

— На меня? переспросила она, нѣсколько удивившись и приподнявъ тонкія брови. — За что-же на меня? Вчера мнѣ, дѣйствительно, показалось, что вы сердитесь, но я подумала, что это такъ только кажется мнѣ...

— Потому что не за что?

— По моему, не за что.

Владиміръ Васильевичъ съ горечью усмѣхнулся.

— А не припомните-ли вы, о чемъ я убѣдительно просилъ васъ, когда уѣзжалъ отсюда?

— Ну, да... конечно, помню.

— Я просилъ васъ побережь Зинаиду Ивановну, сойтись, сблизиться съ-нею, отнестись къ ней какъ къ младшей сестрѣ, которой, можетъ быть, не одинъ разъ понадобится ваша дружба ..

— Ну, да... я все это помню. Но не припомните-ли вы, въ свою очередь, что я сказала вамъ тогда? Я сказала вамъ, что употреблю всѣ усилія исполнить вашу просьбу, но что врядъ-ли мнѣ удастся сблизиться съ вашей невѣстой...

— И что же? Вы дѣйствительно истожили всѣ усилія? насмѣшливо спросилъ онъ.

Она скользнула по его лицу своими глазами и немного помолчала, раздумывая—не лучше ли будетъ прервать этотъ разговоръ, видимо раздражающій его, но затѣмъ отвѣчала:

— Да, я исполнила свое обѣщаніе. Я лѣзла изъ кожи, какъ говорить моя Дарья, и боюсь, что ужасно надоѣла Зинаидѣ Ивановнѣ своею навязчивостью. Но что-же дѣлать? Вѣдь еслибы вы могли взглянуть спокойно, какъ человѣкъ совершенно посторонній, вамъ съ одного взгляда стало-бы ясно, что между мною и ею нѣтъ почти ничего общаго. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь что такое я, если взглянуть на вещи прямо? Я—простая «баба». Я страпаю, мету полы, шью, вяжу, штопаю, глажу бѣлье, когда у Дарьи есть другое дѣло или когда она никуда не годится. А Зинаида Ивановна... Она вынесла изъ института понятіе, что на всѣ эти работы есть прислуга, и, вслѣдствіе этого, должна была смотрѣть на меня какъ на нечастненькую или глупенькую женщину, которая не сумѣла устроить свою жизнь какъ слѣдуетъ...

— Лизавета Николаевна! глухо перебилъ онъ.—Нельзя же требовать отъ десятилѣтняго мальчика, напримѣръ, чтобы онъ серьезно размышлялъ о своихъ обязанностяхъ къ обществу и правильно понималъ ихъ. Всему есть свое время. Еслибы Зина была дѣвушкой съ вполне установившимся характеромъ, я и не обезпokoилъ-бы васъ моей просьбой.

— Знаю, что нельзя требовать... Я и не требовала ровно ничего. Я говорю только, что намъ рѣшительно не на чемъ было сблизиться и подружиться. У насъ все было «особое»,

какъ говорить наши хозяева... Жизнь особая, понятія особья.. Говорить намъ было не о чемъ... Даже развлечения — и тѣ оказались у насъ тоже совершенно особья. Я, какъ настоящая «баба», люблю отправиться обществомъ на цѣлый день куда нибудь подальше въ лѣсъ, за ягодами, за грибами или орѣхами, а Зинѣ это скучно,—ей несравненно больше нравится погулять въ саду, послушать музыку, потанцевать... Потомъ, зимой, я придумала-было брать книги изъ библіотеки и по вечерамъ читать ихъ вмѣстѣ съ Зиной, вслухъ. Но и это оказалось невозможнымъ, такъ какъ то, что нравилось мнѣ, казалось скучнымъ Зинѣ, а то, что интересовало ее, нисколько не интересовало меня.

— Однимъ словомъ, вы хотите сказать, что не нашли въ ней ни одной хорошей черты, проговорилъ онъ тѣмъ-же глухимъ голосомъ.

— *Вовсе нѣтъ!* Ничего подобнаго я не говорила и не хотѣла сказать! Я говорила и говорю, что, несмотря на всѣ мои старанія, я не могла сойтись съ Зиной, не могла исполнить ваше порученіе. *Не могла*, поймите это!

Александръ Васильевичъ сидѣлъ весь красный, съ глубокими морщинами между бровями, и съ какою-то злостью скручивалъ въ жгутъ полотенце, слегка потрескивавшее въ его большихъ и жилистыхъ рукахъ.

— Скажите мнѣ только одно, сказалъ онъ: — вѣдь вы не любите Зину...

Лиза опять удивилась и съ недоумѣніемъ посмотрѣла въ его холодные и угрюмые глаза.

— Нѣтъ, не любила, отвѣчала она. — Да и какъ могла я любить ее послѣ всего того...

— Вотъ въ этомъ все дѣло! Въ этомъ все дѣло! сказалъ и повторилъ онъ, и качнулъ головой, какъ будто еще разъ подчеркивая свои слова. — Въ этомъ-то и дѣло, что, не любя человѣка, нельзя привлечь его къ себѣ и имѣть не него вліяніе. И знаете ли, что я вамъ скажу, Лизавета Николаевна? Вся моя ошибка заключалась въ томъ, что я считалъ васъ женщиною съ болѣе чуткимъ и любящимъ сердцемъ. Вы слишкомъ черство отнеслись къ Зинѣ... Нельзя всѣхъ людей мѣрять на свой аршинъ. Слѣдуетъ допустить, что и мы можемъ ошибиться... Нельзя такъ!

Лиза встала и какъ-то отстранилась отъ него, съ горящими щеками, съ выраженіемъ недоумѣнія и испуга, и горькой обиды въ глазахъ. Она не могла понять, въ чемъ онъ ее обвиняетъ и съ какой стати говорить съ нею такъ грубо... «Слишкомъ черство отнеслась къ Зинѣ», говоритъ онъ... Да изъ-за чего же она почти два года ухаживала за этою дѣвушкою въ самомъ дѣлѣ какъ за своею младшею сестрою? Или онъ думаетъ, можетъ быть, что это доставляло ей удовольствіе? Изъ-за чего она столько разъ волновалась, выходила изъ себя, упрашивая Зину не оставлять его письма безъ отвѣта, доказывала ей, что она, своимъ долгимъ молчаніемъ, жестоко мучить человѣка, любящаго ее... а Зина вздыхала, поднимъ глаза къ небу, и твердила, что ей и жарко дѣлается, и платье жметъ во всѣхъ мѣстахъ, когда она только подумаетъ, что ей приходится взять въ руки перо... Или и въ этомъ случаѣ она, Лиза, имѣла въ виду, по его мнѣнію, какіе-нибудь свои личные интересы? Право, онъ совсѣмъ сошелъ съ ума!..

— Чтожь, можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ черствая женщина... Вамъ виднѣе со стороны, съ горечью сказала она и ушла съ крыльца.

Дарья, возвращавшаяся изъ булочной, съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее, потомъ на взволнованнаго Александра Васильевича.

— Здравствуйте, баринь! привѣтствовала она его.

Онъ оглянулся на нее, но, должно быть, не слышалъ или не понялъ ея словъ, потому что ничего не сказалъ и ушелъ въ комнаты.

— Ты еще чего ворчишь? раздражительно спросила Лиза, зайдя въ кухню, чтобы заварить чай.

— Я говорю, Александръ-то Васильевичъ ходилъ прохладиться въ рѣку, да видно не помогло: вонъ красный какой! отвѣчала Дарья.

III.

Послѣ чаю Лизавета Николаевна пошла за деньгами. У воротъ она увидѣла мужа, вышедшаго изъ дому раньше ея, но засмотрѣвшагося на берегу на барку, наткнувшуюся по срединѣ рѣки на камень и затонувшую кормой. Они пошли вмѣстѣ

— Ты не повѣришь, сказала она мужу между прочимъ, — Александръ Васильевичъ сердится на меня, что я не съумѣла подружиться съ Зиной.

— Какой вздоръ! отвѣчалъ онъ. — Въ качествѣ бѣднаго Макара, Саша немного рехнулся отъ всѣхъ шишекъ, которыя валятся на него. Ничего! все заживетъ! Когда назначена свадьба?

— Одни говорятъ — въ іюлѣ, а отъ кого-то я слышала, что Зина требуетъ, чтобы Видмидовъ прежде кончилъ съ постройкой дома. Ей почему-то хочется перейти сейчасъ-же изъ подъ вѣнца въ свой собственный домъ. А достроить и отдѣлать его врядъ-ли успѣютъ раньше конца осени.

— Ну, Видмидовъ поторопится... Вотъ, когда свадьба будетъ сыграна, тогда Саша пойметъ, что какъ ни какъ, а дѣло кончено, игра проиграна и не остается ничего болѣе какъ, волей-неволей, примириться со своимъ положеніемъ.

Они прошли набережную, повернули въ довольно людную улицу, и Владиміръ Васильевичъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ взглянулъ на жену.

— Ахъ, Лиза! сказалъ онъ полушутя, полусерьезно. — Какая на тебѣ древняя шляпа! Если-бы я замѣтилъ раньше, ни за что-бы не пошелъ съ тобой!..

— Какой ты глупый! Да развѣ мнѣ тебя нужно? Я и одна пойду... Прощай!.. отвѣчала она и, кивнувъ ему головою, свернула въ переулокъ.

Она засмѣялась на его слова, но этотъ смѣхъ былъ насильственный. Сквозь шутливый тонъ его замѣчанія чувствовалась вовсе не шутка. У Владиміра Васильевича дѣйствительно была эта мѣщанская слабость къ внѣшности, къ тому, чтобы на немъ, на его женѣ, въ обстановкѣ ихъ квартиры, въ ихъ кухаркѣ все было какъ слѣдуетъ, прилично, не хуже чѣмъ у другихъ людей. Не дальше какъ сегодня, когда братъ пододвинулъ себѣ стулъ и, въ чемъ-то усумнившись, потрогалъ рукою его подушку, Владиміръ Васильевичъ видимо заволновался.

— Да, вотъ еще, Лиза, сказалъ онъ, обращаясь къ ней: — пружины въ мягкой мебели что-то скривились и повысунулись... Какъ-бы намъ это устроить?

— Такъ что-же? съ досадою отвѣчала она. — Займись какъ-

нибудь этижъ въ свободное время, если это тебя беспокоить; а я не умѣю...

Онъ посмотрѣлъ на нее большими глазами, представивъ себѣ себя въ роли обойщика, и не нашелся ничего сказать. Такъ часто пьяная и всегда далеко не «приличная» Дарья крайне смущала его, когда появлялась при постороннихъ, и онъ, конечно, давнымъ-давно отказался-бы отъ ея услугъ, еслибы они не были постоянно должны ей ея жалованье чуть не за цѣлый годъ.

— Ты пойми, пожалуйста, что собственно мнѣ рѣшительно все равно, хоть-бы она ходила на четверенькахъ и одѣвалась въ рогожу, говорилъ онъ о ней женѣ.—И я охотно вѣрю тебѣ, что она такая прекрасная женщина, но вѣдь неловко передъ другими...

— Знаешь-ли, вѣдь ты просто пошлякъ въ этомъ отноше-
нн, сказала она ему однажды, потерявъ терпѣнне.—Ну, развѣ
можно порядочному человѣку устраивать свою жизнь, руко-
водствуясь тѣмъ, что скажутъ какіе-то «другіе»?!

Онъ обидѣлся и, горячась, принялся доказывать ей, что она, просто, не хочетъ понять его. Но Лизавета Николаевна слишкомъ хорошо понимала какъ эту его «слабость», такъ и десятки другихъ, и думала только, что онѣ ни мало не мѣ-
шаютъ ему быть лучше, выше миллионовъ другихъ людей, а для нея лично—самымъ дорогимъ человѣкомъ во всемъ мірѣ.

IV.

Она шла къ Парасковѣ Семеновѣ, той самой бывшей домоправительницѣ покойнаго стряпчаго, о которой шла рѣчь вчера вечеромъ. Когда эта женщина очутилась со своими дѣтьми брошеною на произволъ судьбы и, въ особенности, когда, вслѣдъ за этимъ, старикъ Чернягинъ выгналъ и своего сына,—обѣ эти исторіи произвели въ городѣ довольно сильное впечатлѣнне. О нихъ говорили вездѣ. Многіе осуждали Сержу, «этакого какого-то паршиваго щенка», осмѣлившагося судить поступки своего старика-отца, но Парасковью Семеновну жалѣли почти всѣ. Купцы въ теченіи нѣсколькихъ дней присылали ей старое платье, муку, дрова, чай и сахаръ. Одна барыня взяла къ себѣ на воспитаніе ея старшую дочь, дѣ-

вочку лѣтъ одиннадцати. Другія дамы устроили въ ея пользу лоттерею. Правда, дочь Парасковьи Семеновны была черезъ мѣсяць возвращена ей обратно, потому что успѣла надѣсть благодѣтельной барышѣ, но сотни три рублей, вырученныя отъ лоттереи, не могли уже быть взяты назадъ и давали возможность бывшей домоправительницѣ кое-какъ устроиться и оглядѣться въ своемъ новомъ положеніи.

Лиза познакомилась съ нею черезъ Серезу. Одинъ разъ, когда Лиза, по обыкновенію, недоумѣвала, какъ ей свести концы съ концами въ своемъ хозяйствѣ, Парасковья Семеновна сама вызвалась ссудить ее деньгами, потому что у нее онѣ все равно «такъ лежать». Лиза взяла у нея рублей двадцать. Съ тѣхъ поръ она уже Богъ знаетъ сколько разъ возвращала ей эти деньги, опять брала ихъ и снова возвращала сейчасъ-же, какъ только Владиміръ Васильевичъ получалъ жалованье. Она была совершенно увѣрена и сегодня, что у Парасковьи Семеновны есть деньги, что объ отказѣ не можетъ быть и мысли, что стоило только пойти и взять эти двадцать рублей, какъ изъ своего собственнаго стола, но ей все-таки было и тяжело, и неловко. Во-первыхъ, эта исторія перекладыванія денегъ изъ одного кармана въ другой повторялась ужъ съ слишкомъ комическою аккуратностію неизмѣнно каждый мѣсяць, а, во-вторыхъ, и главное, она сильно сомнѣвалась на этотъ разъ, что ей представится какая-нибудь возможность возвратить эти деньги въ обычный срокъ.

Скучная и разстроенная, прошла она черезъ дворъ стараго деревяннаго дома, со всѣхъ сторонъ застроенный почернѣвшими и полуразвалившимися сараями и погребями. Въ самой глубинѣ его, вдвинувшись почти совсѣмъ въ огородъ, стоялъ небольшой флигелекъ, въ которомъ нанимала комнату Парасковья Семеновна. «Авось, ее нѣтъ дома,—тогда лучше пойду къ отцу», подумала Лизавета Николаевна, хотя, кажется, должна была-бы хорошо знать, что просить денегъ у отца ей еще тяжелѣе. Но Парасковья Семеновна оказалась дома. Опустившись на корточки, она сидѣла передъ разостланными на полу какими-то пестрыми, большими лоскутьями и, въ раздумьѣ передвигая ихъ уже надѣтыми на пальцы ножицами, собиралась кроить.

— Ахъ, ты, Господи! Вонъ кого Богъ послалъ!.. А я по-

думала — Таня пришла, заговорила она, сначала мелькомъ взглянувъ на Лизу и потомъ торопливо поднимаясь съ полу.

Ей было лѣтъ сорокъ-пять. Высокая, полная, съ бѣлою кожей, съ густыми, хорошо сохранившимися волосами, эта Парасковья Семеновна, очевидно, была немного лѣтъ назадъ красивою женщиною. Но теперь, вся расплывшаяся въ своемъ широкомъ, старомъ капотѣ, съ обрюзгшими щеками, безбровая, съ выпвѣтшими глазами, она походила на какую-то большую, измятую подушку въ вылинявшей наволочкѣ.

— Что это я васъ какъ будто очень ужъ давно не видала, Лизавета Николаевна, говорила она, пододвигая стулъ къ раскрытому окну. — Здоровы-ли ужъ?

— Благодарю, здорова... Нѣтъ, мы видѣлись какъ всегда... недавно. Я вѣдь у васъ обыкновенная гостя: бываю два раза въ мѣсяць аккуратно, отвѣчала Лиза съ грустной насмѣшкой надъ своимъ собственнымъ положеніемъ.

Парасковья Семеновна, очевидно, вспомнила что-то и вдругъ смутилась до такой степени, что брови ея покраснѣли, а ротъ раскрылся.

— Ахъ, ты, Господи! воскликнула она, почти съ испугомъ смотря на нее. — Да вамъ не денегъ-ли понадобилось?..

— Конечно, опять понадобились... Когда-же онѣ мнѣ не нужны?.. А что? спросила Лиза, видя, что случилось что-то особенное и растерявшись отъ неожиданной неудачи.

Парасковья Семеновна всхлопнула руками и опять сложила ихъ, не переставая смотрѣть на нее округлившимися глазами.

— Ахъ ты, Господи!.. Вотъ-грѣхъ-то вышелъ!.. Совсѣмъ изъ ума вонь... Вѣдь денегъ-то у меня, пожалуй, не наберется!..

Ахая и покачивая головой, она подошла къ сундуку, пошарила въ немъ и, въ концѣ концовъ, только развела руками.

— Такъ и есть! Вотъ, всего только шесть рублей осталось, сказала она, окончательно сокрушенная.

— Да вы не беспокойтесь, Парасковья Семеновна, — я какъ-нибудь справлюсь, достану денегъ... Только какъ-же это?.. Неужели вамъ приходится тратить уже послѣднія?

— Что вы, что вы... Сохрани Богъ! опять испугавшись, отвѣчала бывшая домоправительница и, понизивъ голосъ и приблизивъ свое лицо почти къ самому плечу Лизы, прибавила: — Еще сотни двѣ слишкомъ осталось!..

— Такъ что же такое, наконецъ, случилось? Отдали комунибудь?

— Все разошлось по рукамъ, такъ что я и сообразиться не успѣла... Все по мелочамъ, все по мелочамъ: кому три рубля, тому два, другому всего полтинникъ, а, глядишь, и у самой ничего не осталось...

— А вы не боитесь, что за многими пропадутъ ихъ деньги?

— Какъ можно пропасть... сохрани Богъ. У меня вѣдь тоже трое дѣтей,—надо ихъ и кормить, и одѣть...

Парасковья Семеновна заговорила о томъ, что Таня скоро будетъ совсѣмъ большая, о томъ, что Петя началъ ходить въ школу, о томъ, что все нынче стало вдвое, втрое дороже, а шитьемъ рубашекъ для бурлаковъ не заработаешь и на хлѣбъ... Но говорила она все тише и безсвязнѣе, озиралась по сторонамъ все тоскливѣе и тревожнѣе. Она видимо старалась заговорить Лизавету Николаевну, спрятать отъ нея подозрительные концы и въ то-же время съ тоскою чувствовала, что ей, при ея простотѣ душевной, не уйти и не спрятаться.

— Вѣдь я даю только подъ закладъ, Лизавета Николаевна, созналась она, наконецъ, понизивъ головъ почти до шепота и робко взглянувъ на Лизу.

Лиза, давно уже наблюдавшая за нею все внимательнѣе и внимательнѣе, смотрѣла на нее теперь во всѣ глаза.

— Какъ подъ закладъ?! На проценты?! воскликнула она.

Парасковья Семеновна только вздохнула тяжело и, моргая потупленными глазами, машинально разглаживала складки на своихъ расплывшихся колѣнахъ.

— Парасковья Семеновна!.. Да вы шутите?! повторила Лиза.

— Не до шутокъ мнѣ... Какія этимъ шулки... Видитъ Богъ... дрожавшимъ голосомъ заговорила Парасковья Семеновна и не окончила, глотая слезы и отирая глаза кончикомъ грязнаго платка.

— Богъ, Богъ! «Видитъ Богъ», «сохрани Богъ», «дастъ Богъ»,—на каждомъ словѣ у васъ Богъ, а что вы дѣдаете «съ Божью помощью»?! горько сказала Лиза.— Вы сами испытали горе и нищету, сами пережили такое время, тогда не знали, будетъ-ли у вашихъ дѣтей кусокъ хлѣба на завтрашній день... И вотъ теперь, когда спаслись отъ необходимости

надѣтъ суму и просить милостыню подь окнами, хотите жить на проценты съ чужого горя и съ чужихъ слезь... Господи ты Боже мой, да что же это, наконецъ, такое? Что это за люди?

— Лизавета Николаевна!.. пробовала заговорить сквозь слезы злополучная закладчица и опять заплакала.

— Вы раздаете деньги по мелочамъ, по рублямъ, по гривенникамъ, — значить къ вамъ идетъ такая непокрытая нищета, которой и закладывать почти нечего, кромѣ послѣднихъ локутьевъ, продолжала Лиза. — Приходить къ вамъ такая-же несчастная женщина, какою были вы. Она похоронила мужа или, что еще тяжелѣе, мужъ у нея погибшій пьяница, а у нея на рукахъ дѣти, которыхъ «тоже надо кормить», а кормить нечѣмъ. Безъ залога вы не дадите ей денегъ, — «сохрани Богъ!» Она принесетъ вамъ свою послѣднюю теплую вещь, какое-нибудь старое пальто, которое, съ грѣхомъ пополамъ, все-таки грѣло-бы ее зимой, и будетъ просить у васъ со слезами пять-шесть рублей. Вы дадите ей два, три... Пусть она становится на колѣни передъ вами вотъ на этомъ самомъ полу, пускай плачетъ, — не можете же вы давать депьги подь залогъ слезъ — и отсчитаете ей все-таки два или три рубля, которыхъ ей некуда потянуть... Черезъ мѣсяцъ она должна достать откуда хочеть и принести вамъ проценты, двадцать, тридцать копѣекъ. Откуда она возьметъ эти копѣйки, — вамъ какое до этого дѣло! Насбирай она ихъ подь окнами, — вы и изъ милостыни ея возьмете свою долю. Продай она сама себя изъ-за нихъ, — вы и изъ проданнаго тѣла ея возьмете себѣ свой кусокъ... Еще черезъ мѣсяцъ она не принесетъ вамъ проценты, потому-ли что захворала, потому-ли что не было работы, такъ что денегъ не хватило, можетъ быть, и на хлѣбъ дѣтямъ. Вамъ какое дѣло до того, что съ ней случилось! Не принесла и кончено... Вы тотчасъ-же продаете ея послѣднюю теплую одежду, хотя-бы на дворѣ стояли трескучіе морозы. Пусть мерзнетъ, пусть хоть совсѣмъ замерзаетъ, — вамъ нельзя ждать, потому что если вы будете ждать за вашими должниками, такъ останетесь сами безъ денегъ. Вотъ оно, ваше ремесло, какое! А подумали-ли вы о дѣтяхъ? Чему научатся они, глядя на все это? Будутъ они каждый день видѣть слезы, на которыя никто не обращаетъ вниманія, — горе, до ко-

«Дѣло», № 9, 1883 г. I

тораго никому нѣтъ дѣла,—нищету, съ которой снимаютъ послѣднія лохмотья... Будутъ они видѣть это каждый день, каждый день—и наконецъ привыкнуть. Понимаете-ли вы, что значитъ это «привыкнуть»? Это значитъ, что и въ нихъ не останется ни сердца, ни жалости, ни совѣсти,—ничего, все окаменѣть!..

Парасковья Семеновна, облокотившись обѣими руками на колѣни и уткнувъ лицо въ ладони, плакала. Лиза замолчала и въ волненіи ходила по комнатѣ, а она все плакала, тихонько всхлипывая и повременамъ вздрагивая всѣмъ своимъ большимъ, расплывшимся тѣломъ. Лиза сама готова была расплакаться. Это всхлипыванье, раздававшееся въ тихой, полутемной комнатѣ... эта женщина, сама несчастная, сама обиженная и при первомъ-же случаѣ начинающая безжалостно пользоваться несчастіями другихъ... эти сцены, созданныя ея воображеніемъ и проходившія передъ ея глазами, какъ будто она сама видѣла ихъ здѣсь, среди этихъ низенькихъ стѣнъ, увѣшанныхъ видами монастырей и картинками... эти дѣти, обреченныя свыкнуться, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ, со всѣмъ, что только есть самаго горькаго въ жизни,—все это болѣзненно раздражало ея и безъ того разстроенные нервы, проносилось передъ нею уродливыми и печальными призраками, навѣвало на нее какіе-то смутные обрывки мыслей, одна другой печальнѣе, одна другой безотраднѣе.

— Лизавета Николаевна! Да что же мнѣ дѣлать-то? безсвязно заговорила Парасковья Семеновна.—Ты думаешь, я сама не понимаю?.. Иной разъ, какъ припомнишь все, чего наслушалась за день-то... молишься, молишься Богу-то... а у самой слезы такъ и текутъ... Просишь, просишь Его: «научи, вразуми... не ради меня, а ради малыхъ дѣтей!» Кабы я видѣла для себя что другое... Не вижу я! Что же мнѣ дѣлать-то?

— Какъ что дѣлать?!

— Да что? Укажи... Ты говоришь, что я ушла отъ нищенской сумы, а гдѣ-же я отъ нея ушла? Посуди сама.. Вѣдь отъ тѣхъ денегъ, что вы тогда собрали мнѣ на лотереѣ, не осталось и половины... И добро-бы я не работада это время... Вѣдь работала, сама знаешь... Никогда я, слава тебѣ Господи, не была лѣнивой и не люблю сидѣть безъ дѣла.

Работаю и сейчасъ... Да вѣдь шитьемъ нашимъ зарабатываешь въ мѣсяцъ, много-много, пять рублей, а иной разъ и всего четыре... Ну, вотъ, ты и насчитай, надолго-ли мнѣ хватило бы тѣхъ капиталовъ, что у меня осталось... Ну, на годъ достало-бы... Ну, будемъ считать, на полтора!.. А потомъ-то что? На четыре рубля въ мѣсяцъ, вѣдь, не проживешь съ семьей... Какъ-же ты говоришь, что я ушла отъ сумы? Лизавета Николаевна... милая! Не ушла я... Какъ посмотришь, бывало, что деньги уходятъ да уходятъ, словно вода сквозь пальцы, какъ подумаешь о томъ, что дальше-то будетъ, когда онѣ всё уйдутъ, — такъ вѣдь вотъ она гдѣ, сума-то, за дверями стоитъ... Не ушла она, а только время пережидаетъ!..

Она опять начала всхлипывать все чаще и чаще. Сначала Лиза не обращала на ея доводы почти никакого вниманія, какъ на тѣ жалкія слова, которыхъ можно наговорить сколько угодно въ оправданіе самаго гнуснаго дѣла. Они долетали до нея какъ будто откуда-то издалека, изъ чужаго, нисколько не интереснаго ей разговора гдѣ-то за стѣной. Но мало-по-малу они стали какъ будто приближаться къ ней, дѣлались яснѣе, понятнѣе, правдивѣе, и вдругъ она какъ-то разомъ почувствовала и поняла, что Парасковья Семеновна говоритъ одну только правду. Все правда! Правда и то, что она любила работать и постоянно, съ утра до ночи, что нибудь да дѣлала. Правда и то, что этой работой не прожить съ троими дѣтьми. Правда и то, что она дѣйствительно не ушла отъ сумы или, вѣрнѣе, не надолго ушла отъ нея. Правда и то, наконецъ, что ей самой и больно и стыдно за свое теперешнее ремесло закладчицы. Все правда, все, отъ перваго слова до послѣдняго. Лиза чувствовала это всѣмъ сердцемъ, и оно сжалось еще болѣзненнѣе, еще тоскливѣе.

— Думала я брать стирку, продолжала Парасковья Семеновна:—стиркой все-таки больше зарабатываешь, чѣмъ шитьемъ. Да не могу я: ноги у меня нынче стали пухнуть. Два дня поработаешь, а потомъ цѣлую недѣлю никуда не годишься... Думала я брать разную работу у бѣлошвеекъ и носить ее по домамъ продавать, вродѣ какъ торговкой сдѣлаться. Нѣтъ, и этого нельзя мнѣ: съ больными-то ногами немного находишь... Вотъ еслибы мнѣ мѣсто какое-нибудь открылось... Да объ этомъ я ужъ и думать перестала, потому—кто меня возь-

метъ съ троими-то дѣтьми? Всякій скажетъ, что на одномъ хлѣбѣ разоримъ его... Что-же тутъ подѣлаешь-то?..

Она замолчала и смотрѣла красными и опухшими отъ слезъ глазами на Лизу. Лизавета Николаевна молча стояла передъ окномъ, положивъ руки на спинку стула, и неподвижными глазами смотрѣла куда-то вдаль.

— Ну, скажи сама: что-же тутъ дѣлать-то? повторила Парасковья Семеновна.

Лиза перевела на нее свои печальные глаза.

— Не знаю я, Парасковья Семеновна, отвѣтила она не вдругъ и какъ будто не все, что думала.—Знаю я только то, что все это гадко, очень гадко!..

V.

Отецъ Лизаветы Николаевны, бывшій учитель военной гимназiи, уже нѣсколько лѣтъ жилъ «на покой». Жену онъ похоронилъ давно. Другихъ дѣтей, кромѣ Лизы, у него не было. Выдавъ ее замужъ, онъ остался-было совсѣмъ одинъ въ четырехъ комнатахъ своего дома, но это одиночество продолжалось недолго, ибо въ скоромъ времени Богъ послалъ ему изъ глухого уѣзднаго городка двухъ дальнихъ родственницъ. Однажды, совершенно неожиданно, къ нему явились двѣ женщины, обѣ пожилыя, какъ ему показалось съ перваго взгляда. Одна изъ нихъ, постарше, долго кланялась и присѣдала, и потомъ, такъ и оставшись въ нѣсколько склоненномъ положенiи и съ вытянутой сухой шей, начала рассказывать ему, что ея покойный мужъ всегда вспоминалъ о немъ, какъ о благороднѣйшемъ изъ людей... что когда мужъ умеръ, немного не дослужившись до пенсiи, онъ остались въ самомъ безотрадномъ положенiи... что, наконецъ, одинъ добрый священникъ, разговорившись съ нею послѣ совершенiя годовой панихиды по покойномъ, далъ ей благой совѣтъ—ѣхать въ губернской городъ и опредѣлять дочь на акушерскiе курсы... Тогда старикъ обратилъ вниманiе на другую женщину и, всмѣтрѣвшись въ нее пристальнѣе, увидѣлъ въ ней толстую, некрасивую дѣвушку, которая тоже немедленно склонилась по направленiю къ нему и старалась какъ можно прiятнѣе смотрѣть на него своими маленькими глазками... Обѣ онъ не правилсь

ему. Свое родство съ ними онъ понималъ очень смутно. Какой-бы то ни было пользы для домашняго обихода онъ не могъ ожидать отъ нихъ, ибо всѣмъ въ домѣ завѣдывала старая Авдотья Борисовна, начавшая управлять его хозяйствомъ еще съ того отдаленнаго времени, когда оно у него завелось, то-есть со времени его женитбы. Но, при всемъ этомъ, старикъ не могъ отказать въ гостепріимствѣ этимъ женщинамъ, дѣйствительно бѣднымъ, хотя безбожно преувеличивавшимъ свою бѣдность. Онъ только принялъ всѣ надлежащія мѣры, чтобы онѣ не могли ничѣмъ распорядиться по своему въ случаѣ его внезапной смерти, весьма возможной при его толщинѣ, и затѣмъ не безъ интереса началъ наблюдать за ними, какъ незанятый человекъ наблюдаетъ иногда по цѣлымъ часамъ за дѣйствіями пауковъ, раскинувшихъ свою паутину на его окнѣ. Его забавляло, напримѣръ, что родственницы соглашались съ нимъ рѣшительно во всемъ, и онъ дѣлалъ нарочно опыты, съ цѣлю узнать—до какихъ-же предѣловъ можетъ, наконецъ, простираться это далеко не трогательное согласіе. Иногда, обыкновенно послѣ хорошаго обѣда, когда подавали кофе, онъ начиналъ развивать такія теоріи, отъ которыхъ у этихъ бѣдныхъ женщинъ должны были-бы становиться дыбомъ волосы на головѣ, но онѣ все-таки соглашались съ нимъ или, въ крайнемъ случаѣ, хранили почтительное вниманіе, и старику до сихъ поръ такъ и не удалось найти искомага предѣла. Забавляютъ его также ихъ отношенія другъ къ другу. Притворившись спящимъ и закинувъ на спинку кресла свою бѣлую голову, онъ съ замѣчательнымъ терпѣніемъ, какъ котъ, подкарауливающей мышъ, сидитъ въ темномъ уголкѣ около окна, поглядываетъ сквозь самые кончики опущенныхъ рѣсницъ и ждетъ—не будетъ-ли чего-нибудь интереснаго. И вотъ, представленіе начинается... Дочь, соскучившаяся сидѣть надъ учебною книжкою, осторожно валится всѣмъ тѣломъ на диванъ и поднимаетъ на его спинку свои толстыя ноги... Мать, начавшая дремать за своимъ чулкою, испуганно вращаетъ глазами, дѣлаетъ самое свирѣпое лицо и торопливо грозитъ ей костлявымъ кулакомъ... Дочь продолжаетъ лежать и невозможными гримасами и жестами старается выразить, что она устала, книга ей надоѣла до отвращенія и что старикъ спитъ. Мать выходитъ изъ себя, тащитъ ее тихонько съ дивана опять

за книжку, и съ этого момента они начинают перебариваться между собою взглядами, жестами, почти беззвучными движеніями губъ, однако-же совершенно понятными имъ и все болѣе и болѣе ожесточающими ихъ. Старикъ внутренно хохочетъ, и огромный животъ его, возвышающійся надъ ручками кресла, слегка всколыхивается... Но больше всего его занимала завѣтная мечта матери—найти мужа для своего «дѣтеныша» и вѣчно, напряженное ожиданіе дочери—не идетъ-ли, наконецъ, онъ—этотъ желанный суженый. Старикъ подмѣчалъ и оцѣнивалъ взгляды, обращаемые ими то на того, то на другого изъ мужчинъ, годныхъ въ мужья; онъ ловилъ налету и тотчасъ-же истолковывалъ безпричинные, повидимому, вздохи своихъ родственницъ; онъ дразнилъ ихъ воображеніе, указывая какъ-бы безъ всякаго умысла на какого-нибудь выгоднаго жениха, въ родѣ Сережи Черныгина, который сегодня голъ какъ соколъ, а умри его отецъ,—завтра-жѣ загремитъ деньгами на весь городъ.

— Вельбуды... вельбуды! шепталъ иногда старикъ послѣ этихъ наблюденій.

Конечно, онъ наблюдалъ не однихъ только своихъ родственницъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ ушелъ на покой, весь міръ сдѣлался для него интереснымъ предметомъ для наблюденія, не больше. Но съ особеннымъ интересомъ онъ слѣдилъ за жизнью Лизы. Когда она согласилась выйти за Владиміра Васильевича, старикъ чуть-ли не въ первый разъ въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ вышелъ изъ своей роли безстрастнаго наблюдателя и взволновался до глубины души. Онъ говорилъ ей, что, по его убѣжденію, Владиміръ Васильевичъ, безхарактерный, мелкій человекъ, не могущій ни увлечься серьезно чѣмъ-бы то ни было, ни устоять въ первомъ житейскомъ потокѣ, а главное—человѣкъ, любящій только самого себя и воображающій, что всѣ вѣсы непременно должны склоняться въ сторону той чашки, на которой сидитъ онъ самъ. Старикъ соглашался, что Лиза не можетъ смотрѣть его глазами. Онъ просилъ ее только объ одной уступкѣ,—чтобы она не торопилась и отложила свадьбу хотя на годъ. Лиза не могла исполнить и этой его просьбы. Тогда старикъ, чувствовавшій себя оскорбленнымъ, далъ дорогу событію, устранить которое не могъ, и снова весь ушелъ въ свою роль сторонняго на-

блюдателя. Нѣчто очень странное можно было подмѣтить въ сердцѣ этого толстяка, зорко слѣдившаго со стороны за семейною жизнью дочери. Онъ хмурился и былъ недоволенъ въ тѣ рѣдкіе періоды, когда Владиміръ Васильевичъ, точно запоемъ, погружался на цѣлыя недѣли въ свою работу. Напротивъ, онъ весь проникался какимъ то страннымъ, тревожнымъ злорадствомъ, когда въ домѣ Лизы начиналась обычная безтолковая жизнь и когда всѣ его зловѣщія предсказанія, казалось, начинали облекаться въ плоть и кровь.

— Вельбудь... самый толстый вельбудь! шепталъ старикъ съ загадочнымъ огонькомъ въ своихъ заплывшихъ глазахъ.

Зайдя къ нему отъ Парасковьи Семеновны, Лиза нашла его въ бесѣдкѣ. Эта бесѣдка стояла въ томъ углу сада, который одной своей стороною выходилъ на набережную, а другою—въ переулокъ. Полъ ея былъ поднятъ аршина на два отъ земли, такъ что, сидя здѣсь, за частой зеленой рѣшеткой и за побѣгами густо разросшагося плюща, старикъ, невидимый для прохожихъ, могъ сколько ему угодно наблюдать и ихъ, и всю уличную жизнь, и жизнь на рѣкѣ. Лѣтомъ онъ просиживалъ въ этой бесѣдкѣ по цѣлымъ часамъ, смотря на мальчишекъ, играющихъ въ бабки, на работу плотовщиковъ, вязавшихъ плоты, на лодки и барки, плывущія по рѣкѣ, на рыбаковъ, чинившихъ сѣти.

Онъ и теперь сидѣлъ здѣсь, весь бѣлый,—въ бѣлой парусинной парѣ, съ бѣлой головой, съ бѣлой короткой бородой, съ бѣлыми усами,—сложивъ руки на кругломъ животѣ и вертя большими пальцами одинъ вокругъ другого.

— А, дѣтенышъ!.. произнесъ онъ, увидѣвъ Лизу.—Здравствуй, здравствуй, дѣтенышъ... Ну, что у васъ тамъ дѣлается?

Лиза сказала, между прочимъ, что пріѣхалъ братъ.

— Видѣлъ, видѣлъ я твоего братца, отвѣчалъ старикъ.—Сейчасъ онъ прошелъ по улицѣ... франтомъ такимъ: шляпа шире моего зонта, на шеѣ что-то красненькое... Онъ—ничего парень... Только бы его перестали гонять безъ толку, да удалось-бы ему найти свой настоящій хомуть, такъ онъ повезетъ... ничего... Ну, а еще нѣтъ-ли у васъ чего-нибудь новенькаго?

— Больше, кажется, ничего нѣтъ, отвѣчала Лиза.

— А правду-ли говорятъ, что твой мужъ влюбился въ какую-

то барышню? вдругъ спросилъ отецъ и въ упоръ взглянулъ на нее, какъ сквозь щелки, своими маленькими глазами.

Лиза съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него; но на его желтоватомъ, точно изъ воска вылѣпленномъ лицѣ не было никакой возможности прочесть — шутить-ли онъ, продѣлываетъ-ли какой-нибудь «опытъ» или говорить серьезно.

— Не знаю, сказала она, пожавъ плечами и улыбнувшись, — мужъ мнѣ ничего не говорилъ.

— Не говорилъ?.. А, ну, значить, это неправда; а то онъ сказалъ-бы тебѣ первой, замѣтилъ старикъ и медленно завертѣлъ большими пальцами.

Дочь опять посмотрѣла на него и опять ничего не увидѣла на его безстрастномъ лицѣ, покрытомъ жиромъ, какъ неподвижной маской.

— Нѣтъ, папа, вотъ новость, дѣйствительно неожиданная, сказала она, помолчавъ. — Я сейчасъ заходила къ Парасковѣ Семеновнѣ. Повѣрите-ли вы, что она сдѣлалась закладчицей?

Старикъ въ свою очередь посмотрѣлъ на нее недовѣрчиво, но сразу увидѣвъ, что она не подшучиваетъ надъ нимъ, вспомнилъ общее сочувствіе, вызванное исторіей Парасковьи Семеновны, вспомнилъ лотерею, на которую и онъ, съ своей стороны, внесъ старинную серебрянную сахарницу въ видѣ ларца, вспомнилъ — и расхохотался веселымъ хохотомъ, закинувъ голову назадъ и всколыхиваясь всѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ.

— Да ты сказала-ли ей, что это великій грѣхъ?

— Говорила... Сгоряча я ей что-то много говорила о Богѣ...

— Что-же она?

— Она плачетъ... И знаешь-ли, въ концѣ концовъ она почти доказала мнѣ, что ей только и остается на выборъ, что или быть закладчицей, или нищенствовать...

Лизавета Николаевна передала ему всѣ доводы и расчеты Парасковьи Семеновны. Старикъ внимательно слушалъ ее.

— Вельбуды! произнесъ онъ въ заключеніе свое любимое слово. — Не будь эта Парасковья Семеновна вельбудомъ, она-бы перепробовала десятокъ дѣлъ, прежде чѣмъ сдѣлаться процентщицей. Ну, нахлѣбниковъ-бы стала пускать, ну, торговлю-бы какую-нибудь завела гдѣ-нибудь на мосту, съ ларя...

Такъ вѣдь все это рискованно, потому что можно и проторговаться... Вельбуды, я говорю... Легче вельбуду пройти въ игольное ушко, чѣмъ обыкновенному смертному идти по пути добродѣтели. Путь-то этотъ тѣсный, узенькій, опасный, какъ лезвіе ножа,—гдѣ-же по нему идти обыкновенному человѣку, въ особенности еще если судьба дала ему такое сложенье, какъ у меня, или у этой Парасковьи Семеновны? Не пройти, дѣтенышъ!

Онъ посмотрѣлъ на свой животъ, на свои толстыя ноги и легонько пожалъ плечами, будто представляя себѣ—какъ-бы онъ пошелъ съ ними по пути добродѣтели, острому какъ лезвіе ножа.

— Папа, знаете, о чемъ я хотѣла васъ попросить? заговорила, наконецъ, Лиза, вспомнивъ опять о деньгахъ.

Отецъ взглянулъ на ея покраснѣвшее лице.

— Денегъ нужно? спросилъ онъ.

— Да...

— А на что?

Она заранѣе знала, что онъ непременно предложитъ ей этотъ вопросъ, но все-таки не могла приготовиться къ нему и заволновалась.

— Ахъ, папа! Да не все-ли вамъ равно, на что онѣ мнѣ? Достаточно и того, что онѣ мнѣ очень, очень нужны...

— Далекое не все равно. Если деньги нужны собственно для тебя, на шляпку какую нибудь, на прихоть или на дѣло,— бери, сдѣлай одолженіе, сколько тебѣ нужно. Я очень радъ...

— Да не нужно мнѣ никакихъ шляпокъ... мнѣ нужно на необходимые расходы... вообще...

— А «вообще на расходы» — совсѣмъ другое дѣло... Не дамъ, сказалъ онъ, сидя совершенно неподвижно, какъ индускій идолъ, по-прежнему съ безстрастнымъ лицомъ и только немного быстрѣе вращая пальцами.

— Отчего?

— Оттого, что это бездонная бочка — твои «необходимые расходы». Сегодня ты возьмешь у меня эти деньги, а завтра же ихъ у тебя не будетъ, и тебѣ снова придется ломать голову—какъ-бы извернуться съ этими необходимыми расходами. Нужно положить конецъ этому... Твой вельбудъ долженъ понять хоть когда-нибудь, что нельзя жить на чужія деньги, а

нужно либо «по одежкѣ протягивать ножки», либо работать, либо, наконецъ... ну, прямо поступить на содержаніе, что-ли...

Поблѣднѣвшая Лиза застегнула дрожащею рукою перчатку, потомъ встала, собравшись уходить, и печально проговорила:

— И за что, за что эта слѣпая ненависть... вотъ чего я никакъ не могу понять!..

Старикъ внезапно вышелъ изъ своего полулежачаго, неподвижнаго положенія, точно его ударили.

— А вотъ я сейчасъ объясню это! почти закричалъ онъ. — Вотъ за то именно, что онъ заставляетъ тебя идти со стыдомъ въ глазахъ и ко мнѣ, и къ закладчицѣ, и къ пятому и къ десятому!.. Вотъ за то именно, что тебѣ приходится и краснѣть, и блѣднѣть, и заикаться передъ встрѣчнымъ и поперечнымъ! Вотъ за то именно, что тебѣ приходится тащить его на своей спинѣ!.. Вотъ за что, вотъ за что!..

— Прощайте, папа, сказала Лиза, нетерпѣливо постукивая зонтикомъ. — Ухожу я!..

Старикъ тяжело сопѣлъ, отхаркивался, шарилъ платокъ въ карманѣ и смотрѣлъ куда-то въ сторону,

— Погоди... сядь, сказалъ онъ. — Безъ всякихъ условій я тебѣ не дамъ денегъ,—не стоитъ,—а вотъ, если хочешь, на срокъ... мѣсяца, положимъ на два...

Онъ не договорилъ. Лиза дѣйствительно опять сѣла, но тотчасъ же склонила голову на руки и тихо, горько заплакала...

— Ахъ, дѣтенышъ, дѣтенышъ! прошепталъ старикъ и опустил на грудь свою бѣлую голову.

Н. Бажинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ МАДОННА!

Разсказъ Энрико Онуфріо.

(Съ итальянскаго).

Еслибъ вы только видѣли въ этотъ вечеръ Фиговое двориче! *) Просто его узнать было невозможно. По узкой дорогѣ, между двумя высокими сосѣдными, стѣнами только и видны были, что маленькія триумфальныя арки, убранныя цвѣтами и разноцвѣтными знаменами, придававшими улочкѣ видъ фантастической галлерей. А налѣво, надъ иконою Мадонны, виднѣлся великолѣпный балдахинъ съ бѣлыми кисейными занавѣсками, усыпанными золотыми звѣздами, и розовой бумажной звѣздой на верху, почти закрывавшей всю матерію. Съ балконовъ, изъ оконъ, съ крышъ на красиво изогнувшихъ шнурочкахъ висѣли фонарики всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ, тянувшіеся огненной змѣей.

Дядя Андреа, старичекъ сапожникъ, смотрѣлъ на все это и сіялъ отъ восторга. Вѣдь что ни говори, а заправилой-то праздника былъ онъ. Всѣ это знали и представляли ему распоряжаться, какъ его душѣ угодно. Да и кто, въ самомъ дѣлѣ, могъ оспаривать это право у дяди Андреа? Зимой—помните?—когда отъ холода зубъ на зубъ не попадаетъ и по дворичу воетъ и свищетъ ледяной вѣтеръ, кто, какъ не бѣдный старичекъ, дядя Андреа, ходитъ по дворичу и кричитъ у каждаго окна:

— Подайте милостыньку Мадоннѣ!

И ужъ какъ благодарить, если гдѣ приподнимется окошко и кто-нибудь броситъ сантимъ въ раскрытыя ладони ста-

---

*) Нѣсколько домовъ, окруженныхъ общей оградой и пользующихся собственнымъ водоемомъ, называются въ Сициліи дворичами. Иногда эти дворича стоятъ такъ близко одно отъ другаго, что составляютъ деревню, но чаще онѣ стоятъ особнякомъ.

Пр. перев.

ричка. И много-ли подаютъ? Вѣдь если въ семьѣ нѣтъ больно-го, или мужъ не въ тюрьмѣ, или не ждутъ какой-нибудь бѣды—никто не станетъ раззоряться на милостыню Мадоннѣ.

А въ тѣ дни, когда дядя Андреа возвращался съ пустыми руками, кто какъ не онъ заботился, чтобъ все-таки зажечь передъ иконою лампадку?.. Онъ, все онъ-же, ковыляетъ въ лавочку, покупаетъ въ скляночку полъ-пальца масла и лѣзетъ потомъ по лѣсенкѣ къ иконѣ съ лампочкой въ рукѣ.

А ужъ если этотъ сухенькій, точно обтянутый пергаментомъ, старичокъ примется хлопотать, такъ и молодому за нимъ не угоняться! Вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ, какъ онъ хлопочетъ изъ-за этого праздника; кромѣ его сына, Маса, во всемъ дворницѣ никто палець о палець не ударилъ. Въ комиссію, правда, выбранъ еще этотъ проходимецъ Баттисто, штукатуръ, но все равно, какъ будто его и нѣтъ. Ему просто хочется похвастать, показать, что и онъ тутъ не послѣдняя спица въ колесницѣ—ну приходится выбирать и его. И бѣда если-бы его обошли! Такой содомъ подниметь, надѣлаеть такихъ пакостей, что потомъ не расхлебаешь; да въ придачу, пожалуй, человекъ трехъ, четырехъ пырнетъ своимъ проклятымъ ножикомъ съ пружиною. Ну и приходится терпѣть—ничего не подѣлаешь! Не одну христіанскую душу загубилъ этотъ извергъ, а ему все трень-трава: идетъ на галеры и возвращается точно съ прогулки. А выберутъ въ комиссію—ничего себѣ, сидитъ смирно—доволенъ. Только когда праздникъ кончится, онъ отбираетъ себѣ всѣ огарки и требуетъ, чтобъ ему выдали долю изъ всѣхъ собранныхъ денегъ. Конечно, это дневной грабежъ, но что будешь дѣлать? Нужно терпѣть, если хочешь, чтобъ все обошлось тихо и мирно.

Дядя Андреа не ударилъ лицомъ въ грязь и въ этотъ разъ. Съ самаго утра работа кипѣла въ Фиговомъ дворницѣ. Плотникъ устроилъ подмости для музыкантовъ; потомъ декораторъ развѣсилъ знамена, балдахинъ, убралъ арки цвѣтами и цвѣтными фонариками. Деньги были и вдоволь, потому что весь этотъ мѣсяцъ дядя Андреа только и дѣлалъ, что бѣгалъ по всему околадку съ книжкой. И всѣ ласково принимали стараго сапожника. Синьоръ маркизъ, что на столбовой дорогѣ, далъ ему десять франковъ, а другіе десять дала синьора маркиза; донъ Анжело, ужъ на что скаредъ, который радъ-бы облупить шкурку съ блохъ, чтобы зашибить на нихъ сантимъ, и

тотъ даль къ празднику два билетика въ двѣ лиры—новенькіе, чистенькіе—заглядишься; донъ Ненѣ, либераль, хотя и слылъ за нехрестя, отсыпаль пять звонкихъ лирочекъ. Но щедрѣе всѣхъ оказался донъ Чичо—знаете его?—тотъ блѣдный, худой юноша съ огромными блестящими глазами, что, кажется, хотять тебя съѣсть. Бѣдняжка! Вотъ уже три мѣсяца, какъ онъ почти не встаетъ съ постели, потому что его бьетъ какая-то скверная лихорадка и мучить сухой и короткій кашель. Бѣдный донъ Чичо! Когда дядя Андреа пришелъ къ нему съ книжкой, онъ всталъ, доплелся кое-какъ до камода, досталь оттуда три голубенькія десятифранковыя бумажки и, подавая ихъ сапожнику, проговориль:

— Авось Мадонна исцѣлитъ меня. Вотъ ужъ три мѣсяца, какъ я не хожу въ лавку.

— О, исцѣлитъ, навѣрное исцѣлитъ! съ жаромъ вскричалъ дядя Андреа. И съ важнымъ видомъ прибавиль:

— Наша Мадонна знаетъ свое дѣло.

Дядя Андреа обо всемъ позаботился. Восковыя свѣчи—больше пятидесяти штукъ—онъ закупиль у свѣчника на улицѣ Санъ-Агостино, поставляющаго свѣчи въ соборъ. Музыканты тоже были давно подряжены—десять славныхъ ребятъ, здоровыхъ и грудастыхъ: четыре трубы, кларнетъ, флейта, бубень, турецкій барабанъ, тарелки и бомбардинъ. Развѣ не довольно? Они должны были придти вечеромъ, въ восемь часовъ, и играть до двѣнадцати; плата условлена по пяти лиръ на брата, кромѣ того—по стаканчику вина въ антрактахъ, чтобъ глотку промочить. Однимъ словомъ, дядя Андреа ничего не забылъ. Такъ за чѣмъ-же дѣло стало? Да ни за чѣмъ, рѣшительно ни за чѣмъ! Мадонна стояла тамъ на своемъ мѣстѣ подъ балдахиномъ изъ шелковъ и бѣлой кисеи, окруженная полукругомъ зажженныхъ свѣчей. Фонарики покачивались при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка. Входныя двери были сплошь обвиты гирляндами цвѣтовъ... А рядомъ, въ Зеленомъ дворницѣ, не бойсь, давятся отъ зависти! Тѣтка Нора, фруктовщица, нѣтъ-нѣтъ, и пройдетъ вдоль изгороди Фиговаго дворца, дѣлая видъ, что воронъ въ небѣ считаетъ, — а сама все изподлѣбя заглядываетъ во внутрь и мнетъ губами, точно пьетъ какую-нибудь гадость. Ступай, ступай, глупая баба! Наплевать намъ на всѣ ваши гримасы. У васъ на дворницѣ есть свой Христось, ну и держите его себѣ съ Богомъ! Мы у

вась его не просимъ. Такъ чего-же вы рожито строете и лаетесь, что нашъ праздникъ не праздникъ, а сущая дрянь? Что наши флаги—не флаги, а грязныя тряпки? Точно не видѣли своими глазами, какъ мастеръ изъ города четыре часа работалъ надъ ними, а дядя Андреа отсыпаль ему цѣлую горсть серебра да еще стаканъ вина поднесъ? Эхъ, знаемъ мы васъ! Самимъ не подь силу, ну и хааете. Да только Фиговому дворищу отъ этого ни тепло, ни холодно—повѣрьте. Праздникъ выйдетъ таки на славу и во всемъ околѣдѣ о немъ будутъ говорить.

Народъ началъ сходиться даже издалека. А изъ Зеленаго дворища, подумаешь, и носа не хотятъ показать! Ну, да наплевать! И безъ васъ гостей будетъ много. Вотъ пришли родственники и друзья а съ ними друзья и знакомые друзей, и чинно входятъ во дворище, озираясь на всѣ стороны, точно путешественники, попавшіе въ невѣдомую страну. Друзья и родственники привѣтливо идутъ имъ на встрѣчу, подаютъ стулья, угощаютъ виномъ, а тѣмъ временемъ осматриваютъ костюмы и изподтишка шепчуть другъ другу;

— А какъ тебѣ нравится платьице Розалии?

— Какая хорошенькая шляпка на Ненѣ!

— Тина какъ будто похудѣла.

Дворище мало-по-малу наполняется народомъ. Женщины занимаютъ понемногу стулья, разставленные въ два ряда вдоль всей оградѣ. Помахивая бумажными вѣерами въ пять сольди и шурша туго накрахмаленными юбками, онѣ устремляютъ меланхолическіе взгляды на Мадонну. О, Мадонна-то, вѣдь, знаете, прехорошенькая! Вы не смотрите, что она похожа на черное пятно, гдѣ не отличишь головы отъ груди и что, среди пачкотни красокъ, лицо иконы будто видно, будто и не видно; все-таки въ ней что-то есть, что заставляетъ зрителей тарачить глаза отъ удивленія. И потомъ, какое роскошное освѣщеніе передъ маленькимъ алтарикомъ! Настоящее море свѣта! Облитая имъ пречистая Дѣва, кажется, улыбается отъ удовольствія.

Гости все продолжаютъ прибывать. Проходя мимо алтарика, всѣ снимаютъ шапки и посылаютъ Мадоннѣ воздушный поцѣлуй. Кто понабожнѣе или у кого больше грѣховъ на совѣсти, либо горя въ домѣ, тотъ подходитъ къ самому алтаріку, становится на колѣни на ступенькахъ и бормочетъ мо-

литву. Дядя Андреа и Маси бѣгають взадъ и впередъ по дворищу, размахивая щипцами, снимають натеки на свѣчахъ и вообще наблюдаютъ, чтобъ все шло, какъ слѣдуетъ. Друзья и кумушки, отъ времени до времени, громко подзываютъ то того, то другого:

— Маси!.. Дядя Андреа!

Затѣмъ они шепчуть имъ на ухо два, три слова—сущій вздоръ—чтобы только придать себѣ видъ, будто и они имѣють какое-нибудь отношеніе къ распорядителямъ праздника. Оба сапожника важно выслушиваютъ и отвѣчаютъ конфиденціальнымъ, нѣсколько покровительственнымъ тономъ. Потомъ по спѣшно отходятъ, повторяя:

— Некогда, столько дѣла. Ахъ, столько дѣла, братцы!

Они мечутся, суетятся, проскальзывая между спинами, но въ сущности ровно ничего не дѣлають.

Между тѣмъ, дѣло становится серьезнымъ. Народъ валомъ-валить; во дворищѣ дѣлается невыносимо тѣсно: ни пройти, ни протолкаться. Донна Паолина, зеленщица, сидѣвшая на крылечкѣ своей избы, даже разсердилась.

— Мадонну и ту мнѣ заслонили! бормочетъ она.—Вѣдь дворище-то, кажется, наше.

Вдругъ вдали раздается музыка. Происходитъ невообразимый кавардакъ.

— Музыканты, музыканты! кричатъ всѣ хоромъ, вытягивая шеи по направленію къ дорогѣ. Маси и дядя Андреа прибѣгають, запыхавшись, и, размахивая щипцами, кричатъ, что есть мочи:

— Разступись! Разступись! Шире дорогу!

— Подайтесь назадъ, чтобъ вамъ пусто было! неистово вопить Маси.—Развѣ не видите—музыканты!

Дѣйствительно, они уже, должно быть, близко. Но пока видна только толпа мальчишекъ, идущая впереди съ визгомъ, крикомъ, прыгая и коверкаясь, точно бѣсноватые.

— Viva la Madonna! Viva-a-a-a! раздается оглушительный крикъ.

Наконецъ, появляются и музыканты, плотной, сомкнутой кучкой. Все молодець къ молодцу—здоровые, грудастые, смотрѣть приятно. Они идутъ и дуютъ, дуютъ, что есть мочи, въ свои инструменты. Звонко визжатъ трубы, барабанъ грохочетъ, точно громъ, звенять тарелки, флейта заливается со-

ловьемъ, кларнетъ пищить по утиному, бомбардинъ храпить, какъ уснувшій великанъ. Лихо, лихо! Ай-да, молодцы!

Музыканты подвигаются впередъ въ ногу, по военному, какъ рекруты на плацу. Толпа разступается, чтобы дать имъ дорогу. Еще-бы не разступиться. Впереди, точно съумасшедшій, мечется Маси, стуча по землѣ щипцами, словно капельмейстеръ палочкой. Дядя Андреа раскрылъ ротъ отъ восторга и не знаетъ, что дѣлать. Онъ смотритъ на Мадонну, смотритъ на толпу, на музыкантовъ, смѣется, дѣлаетъ рожи, хочетъ разцѣловать всѣхъ и, наконецъ, раскинувъ руками, какъ дурачекъ, восклицаетъ:

— Превосходно!

Лиза, свѣтлая блондинка съ розовыми пухленькими щечками, похожими на спѣлый персикъ, толкаетъ подъ-бокъ свою сосѣдку Сару и весело шепчетъ ей:

— Смотри, смотри—вонъ Тури. Видишь, какъ надулъ щеки!

И съ нѣкоторой гордостью прибавляетъ:

— Какіе нужно имѣть для этого легкіе!

Тури, женихъ Лизы, кидаетъ искоса взглядъ въ ея сторону и улыбается ей, не переставая храпить на бомбардинѣ. Но тутъ происходитъ остановка: нужно лѣзть на эстраду. Но она такъ высока и тѣсна, что похожа скорѣе на голубятню

Музыка умолкаетъ, и начинается перебранка съ Маси.

— Лѣзть на верхъ? Да вы съума сопли! Намъ тамъ и въ пятеромъ не помѣститься.

Маси присѣдаетъ, извивается, умоляетъ: это плотникъ такъ ее выстроилъ; онъ всему виною, то-есть, въ сущности, и не онъ, а ему не хватило досокъ. Музыканты сердятся, бранятся, но дѣлать нечего, лѣзутъ гуськомъ, какъ кошки по черепицамъ. Тури, не зная какъ справиться съ бомбардиномъ, кладетъ его на землю прежде чѣмъ взбираться наверхъ. Подбѣгаетъ Саридду, девятилѣтній мальчишка, хватаетъ инструментъ и начинаетъ въ него дуть. Маси оборачивается и даетъ ему звонкій подзатыльникъ.

— Пошелъ вонъ, пострѣленокъ! Тебя только здѣсь недо-ставало.

Наконецъ, оркестръ на эстрадѣ. Маси вздохнулъ свободнѣе и вытеръ потъ съ лица, точно онъ ихъ всѣхъ поднялъ

на собственныхъ плечахъ. Графинъ вина нѣсколько смягчаетъ неудовольствіе музыкантовъ.

— Сыграйте намъ: «Марсанина заболѣла», кричитъ донна Паолина.

— Нѣтъ, нѣтъ, кричитъ другой голосъ: — лучше «Дядю Рафавло».

— Тури! мягко зоветъ Лиза, устремляя на своего возлюбленного смертоносный взглядъ: — скажи, чтобъ сыграли «И туда и сюда».

— Сыграйте «Лопни моя утроба!» оретъ Маса и начинаетъ хохотать во все горло, потому что ему кажется, будто онъ сказалъ нѣчто въ высшей степени остроумное.

Оркестръ начинаетъ играть «И туда и сюда», къ великому удовольствію Лизы, которая даритъ своего жениха благодарнымъ взглядомъ. Праздникъ въ своемъ апогеѣ. Яркое освѣщеніе, разноцвѣтные фонари, знамена, музыка, все это придаетъ дворичу какой-то фантастическій видъ. Отъ воротъ, вплоть до ближайшаго заворота дороги, видна сплошная масса головъ, такъ какъ всѣхъ желающихъ невозможно помѣстить во дворичѣ. Въ это время сквозь толпу протискивается толстая, коренастая, еще не старая женщина, съ красивымъ, нѣсколько заплывшимъ лицомъ. Это — донна Нора, фруктовщица враждебнаго дворича. Изнывая отъ любопытства, она не могла уже больше выдержать и рѣшилась проникнуть въ неприятельскій лагерь. Она подвигается впередъ съ презрительной миной на полномъ лицѣ, слегка прищуривъ большіе черные глаза, и ни на кого не смотреть.

Проходя мимо Мадонны, она снисходительно, чуть замѣтно, кивнула ей головой, точно королева другой королевѣ.

— Ахъ, скажите, какая честь! крикнула ей въ слѣдъ донна Паолина.

— Смотрите, смотрите... Она поклонилась нашей Мадоннѣ! засмѣялся Тита, водовозъ.

Но донна Нора пришла не одна. Ее провожалъ мужъ, донъ-Пепино, человѣкъ высокій, худой и мрачный, съ длиннымъ вихромъ на правомъ вискѣ и шапкой на бекрень. Онъ тихонько подошелъ къ Титѣ и, смотря ему въ упоръ, проговорилъ:

— Скажите, пожалуйста—вашей храбрости хватаетъ только на то, чтобъ обижать женщинъ?

— Извините, пролепеталъ Тита, блѣднѣя, извините... Я никого не обидѣлъ...

— Ну, такъ позвольте вамъ сказать, что вы—сволочь, отвѣчалъ донъ-Пепино, отскакивая назадъ.

Но Тита предупредилъ его и тоже выхватилъ ножъ.

Нѣсколько человѣкъ бросилось на нихъ, и, схвативъ за руки, растащили въ разные концы. Но тутъ донна Нора не выдержала и, упершись кулаками въ бока, дала полную волю своему языку, называя всѣхъ обитателей Фиговаго дворища огуломъ сволочью. Нѣкоторыя изъ кумушекъ, позубастѣе, начали уже было отвѣчать ей по всѣмъ пунктамъ, но дядя Андреа, внѣ себя отъ отчаянiя, бросился на поле битвы и, хватаясь за голову, кричалъ:

— Перестаньте! Перестаньте! Опомнитесь! Мы стоимъ передъ Мадонной. Кричите всѣ: viva la Madonna!

— Viva-a-a-a! заорало все дворище.

Донна Нора, вся красная, гордо ушла съ праздника и на этотъ разъ, проходя мимо, даже не поклонилась Мадоннѣ.

Во время стычки, оркестръ спокойно продолжалъ себѣ играть. Только кларнетистъ остановился на мгновение и спросилъ своего сосѣда-барабанщика:

— Въ чемъ дѣло?

— Съ жары бѣсятся! отвѣчалъ барабанщикъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, застучалъ по барабану.

Вскорѣ пьеса кончилась и въ толпѣ вдругъ произошло какое-то движенiе.

— Разступитесь, разступитесь! — пробѣжалъ ропотъ — видите, онъ еле ходитъ.

— Бѣдняжка донъ Чичо, какъ онъ исхудалъ! воскликнула одна изъ дѣвушекъ.

Дѣйствительно, это былъ донъ-Чичо, чахоточный, пожертвовавшій дядѣ Андреа три голубенькихъ. Онъ едва держался на ногахъ, опираясь на плечо матери; глаза его блестѣли лихорадочнымъ блескомъ; ввалившiяся щеки горѣли; исхудалая шея казалась невѣроятнo длинной; спина немного сгорбилась; лобъ былъ въ поту.

— Бѣдный донъ Чичо, прибавила донна-Паолина, обращаясь къ сосѣдкѣ, доннѣ Эфизии, — мнѣ такъ и кажется, что я вижу предъ собой моего бѣднаго Сарро, который тоже умеръ на двадцать первомъ году отъ чахотки.

— Тише, тише, чтобъ онъ не слышалъ! шепнула Эфизія, толкая локтемъ Паолину.

Замѣтивъ больного, дядя Андреа опрометью бросился къ нему, взявъ его подъ руку и повелъ къ алтарю, повторяя съ энтузіазмомъ:

— Она васъ исцѣлитъ! Увидите, что исцѣлитъ!..

Донъ-Чичо упалъ на колѣни передъ иконою, держа прямо лишь голову, освѣщаемую яркимъ свѣтомъ столькихъ свѣчей. По временамъ онъ повторялъ:

— Пресвятая мать, исцѣлите меня!

— Исцѣлите его! Исцѣлите его! кричалъ съ своей стороны дядя Андреа, протягивая руки къ иконѣ.

Затѣмъ онъ помогъ больному встать.

— Ну что, вамъ теперь лучше? спросилъ онъ, лишь только тотъ сталъ на ноги.

— Лучше отвѣчалъ Чичо, чуть слышно, и попросилъ вести себя домой.

Толпа жалостливо разступалась передъ нимъ. На половинѣ дороги онъ остановился, обернулся и послалъ Мадоннѣ воздушный поцѣлуй.

Оркестръ, между тѣмъ, заигралъ тарантеллу.

— Это послѣдняя,—предупредилъ одинъ изъ музыкантовъ

— Какъ? Что вы! вскричалъ Маси;—всего половина двѣнадцатаго.

— По вашимъ часамъ; а по моимъ—безъ пяти двѣнадцатъ.

— Да не можетъ быть! Не можетъ быть!

Тарантелла кончилась скоро. Бомбардинъ уже перекинулъ ногу чезъ перила эстрады. Но Маси сталъ упрашивать, умаливать, сложивши руки, каждаго по одиночкѣ.

— Ну, еще что-нибудь! Только разочекъ! повторялъ онъ самымъ жалостнымъ голосомъ.

Музыканты оставались непоколебимы.

— Чего-же вамъ еще нужно за пять-то лиръ? ворчала флейта.

— И то ужъ мы, дураки, продались, можно сказать, за даромъ! поддерживалъ барабанъ.

Но появился подносъ съ полными стаканами вина и музыканты раздобрились.

— За дѣло, ребята, только поскорѣй! сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ужь, на послѣдокъ, что-нибудь хорошенькое, замѣтила донна Паолита.

— Польку, польку! крикнула Лиза, хлопая въ ладоши и вспыхивая, какъ маковъ цвѣтъ.

Заиграли польку.

Толпа успѣла уже порѣдѣть. Веселая толкотня смѣнилась какой-то сонливой усталостью. Маса, прислонившись спиной въ стѣнѣ и ковыряя землю щипцами, зѣвалъ во весь ротъ. Свѣтъ разноцвѣтныхъ фонариковъ сдѣлался какъ будто однообразнымъ и не радовалъ больше глаза. Свѣчи у алтарика совсѣмъ облѣпились подтеками, освѣщая какимъ-то тусклымъ свѣтомъ черную икону.

Оркестръ умолкъ. Но, сойдя съ эстрады, музыканты остановились у алтарика и безъ всякихъ просьбъ съиграли веселенькую арію. Жители дворища окружили ихъ, крича, отъ времени-до-времени, усталымъ голосомъ, точно надтреснутый колоколь:

— Viva la Madonna! Viva-a-a-a!

Музыканты торопливо ушли за ворота, и вскорѣ затѣмъ дворище опустѣло. Маса взялъ изъ-за алтарика тушильню и началъ тушить свѣчи. Баттисто, штукатуръ, точно изъ земли выросъ и пошелъ за нимъ слѣдомъ, и лишь только Маса потушитъ свѣчу, онъ ее сейчасъ къ себѣ въ сумку.

Мадонна осталась въ темнотѣ съ одной, стеклянной лампадкой, какъ во всѣ дни. Дворище, опустѣлое и темное, приняло свой будничныи видъ; но балдахинъ и знамена, колыкавшіеся отъ ночного вѣтерка, придавали ему видъ разграбленнаго дома. Толстая, поджарая собака тихонько подобралась къ кучѣ сору и начала шарить мордой.

Но вотъ въ глубинѣ, со стороны большой дороги, показалась фигура толстой, коренастой женщины.

Это была Нора, изъ Зеленаго дворища. Она подошла ближе, посматривая то туда, то сюда: на алтарь, на запертые дома. Потомъ, упершись кулаками въ бока, задравъ голову вверху, она сдѣлала презрительную гримасу, плюнула въ стѣну и торжественно пошла назадъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Некрологъ.

Знаменитая плеяда «писателей сороковыхъ годовъ», каждаго представителемъ которой, по справедливости, могла-бы гордиться любая литература, снова лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ дѣятелей. Давно-ли потеряли мы автора «Кто виновать», Некрасова, Достоевскаго, какъ опять придется нести тяжкую утрату, въ лицѣ писателя, имя котораго было однимъ изъ популярнѣйшихъ не только въ Россіи, но и за границей,—писателя, чьи произведенія нерѣдко являлись «событіемъ» въ нашей общественной жизни и своимъ краткимъ идеализмомъ воспитывали не одно поколѣніе читателей въ идеяхъ самаго широкаго гуманизма.

Авторъ «Записокъ Охотника», «Рудина», «Лишнихъ людей», «Дворянскаго гнѣзда», «Наканунѣ» оставилъ глубокій слѣдъ въ литературѣ, какъ великій мастеръ изящнаго слова, доведшій родную рѣчь до художественнаго совершенства, и какъ поэтический выразитель стремленій, страданій и сомнѣній лучшихъ людей одного изъ тяжелыхъ періодовъ нашей исторической жизни. Вотъ почему имя Тургенева не забудется, и произведенія его останутся художественными памятниками, по которымъ можно вѣрно судить о нашемъ общественномъ ростѣ

въ періодъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, со всѣми его мучительными перипетіями, со всѣми «лишними» людьми, которыхъ намъ такъ много дала та эпоха. Потомство не забудетъ писателя, выступившаго на литературное поприще, въ тяжкую годину мрака, защитникомъ угнетенныхъ рабовъ, пѣвцомъ ихъ освобожденія, выразителемъ стремленій лучшаго меньшинства, и затѣмъ, во всю свою длинную писательскую дѣятельность, неизмѣнно остававшагося вѣрнымъ своему знамени, на которомъ были написаны слова: свѣтъ, правда, свобода человѣческой личности!.. Такая живучесть—большая рѣдкость въ русскихъ писателяхъ, особенно крупныхъ.

Говоря это, мы не хотимъ сказать, что Тургеневъ никогда не ошибался, какъ художникъ. Несмотря на крупный свой талантъ, и онъ не всегда умѣлъ обобщать сложныя общественныя явленія, интересовавшія его художническую натуру, особенно, когда приходилось имѣть дѣло съ нашей мудреной жизнью послѣдняго періода. Но всѣ эти новыя теченія жизни не ожесточили его, не затуманили ясности его поэтического таланта, и онъ никогда не обмолвился проповѣдью нетерпимости и мрачнаго мистицизма, чего, по не счастію, не избѣгли многіе изъ его литературныхъ сверстниковъ, не менѣе сильные по таланту.

Велико было обаяніе художника, сочетавшаго неотразимую прелесть формы съ чуткой отзывчивостью къ біеніямъ общественнаго пульса и умѣвшаго всецѣло завладѣть чувствомъ читателя—освѣщаль-ли онъ передъ нимъ своимъ мягкимъ тономъ красокъ уголокъ интимной душевной драмы, вводилъ-ли онъ его въ міръ обойденныхъ и надломленныхъ жизнью людей. Онъ не поражалъ грандіозными картинами жизни и захватывающимъ все ваше существо анализомъ, какъ Левъ Толстой, онъ не потрясалъ читателя трагизмомъ положенія, какъ Достоевскій, но онъ очаровывалъ его. По прочтеніи Тургенева, читатель оставался какъ-бы въ поэтическомъ раздумьѣ, въ томъ особенномъ настроеніи, когда человѣкъ чувствуетъ себя отзывчивѣе ко всему честному и хорошему. Въ изображеніяхъ картинъ природы и женскихъ типовъ Тургеневъ едва-ли имѣлъ соперниковъ: русская женщина, за права которой на лучшую жизнь онъ такъ горячо стоялъ, во всѣхъ его произведеніяхъ

является нравственно чище, сильнѣе и энергичнѣе мужчины, и, притомъ, въ какомъ-то особенномъ, если можно такъ выразиться, чисто «тургеневскомъ» обаяніи, неотразимо сильно дѣйствующемъ на молодыхъ читателей. Лиза, Елена, Ирина, Марианна—все это сильныя натуры, рѣзко отличающіяся отъ тургеневскихъ «героевъ», почти всегда слабыхъ, подавленныхъ, въ вѣчномъ разладѣ съ жизнью, пережитою при невозможныхъ условіяхъ. И только, когда художникъ бралъ лицъ другой національности (Инсаровъ), или не того поколѣнія, къ которому принадлежалъ самъ (Базаровъ), только тогда мужчина являлся у него сильнымъ характеромъ.

Богатое и разнообразное литературное наслѣдство оставилъ покойный писатель; онъ самъ сплелъ себѣ вѣнокъ, въ которомъ, какъ поэтическіе памятники задержаннаго прошлаго, не увянуть многіе изъ его произведеній. Но едва-ли не самымъ лучшимъ, не самымъ почетнымъ цвѣткомъ въ писательскомъ вѣнкѣ Тургенева останутся «Записки Охотника»,—этотъ первый истинно художественный протестъ противъ крѣпостнаго права, познакомившій публику съ крѣпостнымъ мужикомъ и открывшій въ немъ, въ этомъ загнанномъ рабѣ, такой родникъ ума, чувства и душевныхъ качествъ! Теперь, когда у насъ существуетъ цѣлое «народническое» направленіе, современному читателю можетъ показаться страннымъ такое значеніе, придаваемое «Запискамъ Охотника». Но нельзя забывать, что громадная общественная заслуга Тургенева состоитъ именно въ томъ, что онъ *первый* серьезно и вполне сознательно посвятилъ свой талантъ изображенію мужика и, проникнутый ненавистью къ врагу—крѣпостному праву, не смѣвшій на него напасть открыто, — тѣмъ не менѣе все начало своей литературной дѣятельности отдалъ борьбѣ съ этимъ врагомъ, и своими рассказами, дышащими какой-то благоухающей прелестью свѣжести и горячей любви къ обездоленнымъ и угнетеннымъ, проложилъ путь будущимъ писателямъ народникамъ. Тургеневъ былъ первымъ пионеромъ въ области художественнаго воспроизведенія народнаго быта. Ужь одна эта заслуга настолько велика, что даетъ полное право на благодарность потомства.

Обаятельно было впечатлѣніе, произведенное на читателей этими рассказами. Рассказываютъ, будто покойный Императоръ

Александръ II, будучи наслѣдникомъ престола, однажды высказалъ, что чтеніе «Записокъ Охотника» укрѣпило въ немъ мысль объ освобожденіи крестьянъ...

Судьба щедро надѣлила покойнаго писателя своими дарами, и онъ могъ развивать свой талантъ, не заботясь о хлѣбѣ насущномъ. Выросшій въ богатой дворянской семьѣ, Тургеневъ получилъ серьезное образованіе: онъ окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ и потомъ поѣхалъ учиться въ берлинскій университетъ, гдѣ прослушалъ три семестра, занимаясь философіей, исторіей и изученіемъ классическихъ языковъ... Возвратившись въ Россію, онъ попалъ въ извѣстный кружокъ Бѣлинскаго и близко сошелся съ критикомъ и другими выдающимися людьми кружка. Позже, за границей, Тургеневъ былъ близокъ и съ другимъ крупнымъ писателемъ, Герценомъ, который, разумѣется, не могъ не имѣть на него вліянія. Рѣшеніе свое въ 1847 году оставить надолго Россію самъ Тургеневъ объясняетъ такъ: «Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что возненавидѣлъ. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага за тѣмъ, чтобы изъ самой моей дали серьезно напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ — крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца — съ чѣмъ поклялся никогда не примиряться. Это была моя Аннибаловская клятва». Это признаніе не было кичливой фразой. Тургеневъ дѣйствительно исполнилъ свою клятву.

Первыя попытки его литературной дѣятельности относятся къ 1843 году, когда онъ дебютировалъ стихотвореніемъ «Параша». Въ 1847 году онъ напечаталъ въ «Современникѣ» рассказъ «Хорь и Калинычъ». Этимъ рассказомъ, сразу обратившимъ на себя вниманіе критики и публики, Тургеневъ началъ рядъ рассказовъ «Изъ Записокъ Охотника». Съ этихъ поръ онъ дѣлается любимцемъ публики, и въ концѣ пятидесятихъ годовъ литературная слава его достигаетъ своего апогея. Каждое новое произведеніе Тургенева составляетъ событіе. Въ этотъ, самый блестящій періодъ его литературной дѣятельности, кромѣ «Записокъ Охотника» написаны имъ всѣ самыя

лучшія его вещи: «Рудинъ», «Дворянское гнѣздо», «Наканунъ». Всѣ произведенія этого періода положительно волновали общество. Ими зачитывались... Звѣзда художника сіяла во всемъ своемъ блескѣ...

Всѣмъ памятно то общественное броженіе мысли, которое наступило послѣ освобожденія крестьянъ; явились новыя задачи, новыя требованія, явилась необходимость критическаго отношенія ко всѣмъ прежнимъ устоямъ; на смѣну старой жизни выступала новая съ ея блестящими надеждами и понятной самонадѣянностью молодости; чѣмъ упорнѣе были защитники старыхъ идеаловъ, далеко не похороненныхъ вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, тѣмъ болѣе обострялась борьба въ литературѣ и въ обществѣ. Движеніе это, очень сложное, само собою отражалось сильнѣе всего на молодежи, какъ болѣе чуткомъ элементѣ, и, какъ всякое движеніе, имѣло за собой не однихъ только искреннихъ, убѣжденныхъ, но и тотъ хвостъ, который во всякомъ явленіи видитъ одну форму, а не сущность... Немудрено, конечно, что въ проявленіяхъ тогдашняго броженія было много комичнаго и страннаго.

Но нашъ «обновительный» періодъ былъ, однако-же, не дологъ, и въ воздухѣ чувствовался уже поворотъ къ другимъ вѣяніямъ; вліятельная литература, въ лицѣ Добролюбова и другаго извѣстнаго писателя, выдвинувшая рѣзко и ясно задачи времени, во главѣ которыхъ стоялъ вопросъ о необходимыхъ нуждахъ народа, безъ чего не мыслимъ дальнѣйшій прогрессъ, — эта литература уже возбуждала подозрѣнія...

Въ это время появились «Отцы и Дѣти». Критикъ предстоитъ подробно разобрать, насколько Базаровъ съ его теоріей отрицанія ради отрицанія являлся вѣрнымъ представителемъ тѣхъ «дѣтей», лучшіе представители которыхъ въ литературѣ отрицали старое во имя весьма недвусмысленныхъ идеаловъ, и насколько своевременно вообще появленіе произведеній при невозможности высказать въ нихъ всей правды о какомъ-бы то ни было явленіи. Какъ-бы то ни было, но «Отцы и Дѣти» породили недоразумѣнія, заставившія впоследствии самого автора дѣлать комментаріи; одно это доказываетъ, что и великій талантъ, на этотъ разъ, не вполне совладалъ съ задачей. Но еще прискорбнѣе было то, что эта попытка большого художника сопоставить два

поколѣнія породила безчисленныхъ подражателей, которые, ложно понявъ задачу Тургенева, не преминули приурочить свои мелкія имена къ большому и уже безъ всякой церемоніи разразились грязными инсинуаціями во всѣхъ родахъ словесности, и тогда-то началась эта знаменитая литературная травля, не прекращающаяся и до сихъ поръ. «Выпущеннымъ мною словомъ: «нигилистъ»—говорить Тургеневъ въ своихъ «Воспомяніяхъ» — воспользовались тогда многіе, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движеніе, овладѣвшее русскимъ обществомъ...» «Оно было превращено въ орудіе доноса, безповоротнаго осужденія—почти въ клеймо позора...»

Тургеневу едва-ли нужно было оправдываться въ томъ употребленіи, которое сдѣлали изъ его слова. Не онъ, проповѣдникъ терпимости, могъ когда-нибудь попасть въ лагерь гонителей, и въ романѣ своемъ онъ не далъ никакого права, хоть на минуту, заподозрить его въ этомъ. Какъ-бы ни былъ споренъ вопросъ о томъ: является ли нѣтъ Базаровъ типомъ дѣтей того времени,—несомнѣнно только то, что изъ всѣхъ «новыхъ» людей, выведенныхъ до и послѣ Тургенева, Базаровъ, во всякомъ случаѣ, представляетъ обаятельную силу, которой могли-бы позавидовать люди всякаго поколѣнія...

Послѣ «Отцовъ и Дѣтей» Тургеневъ надолго замолчалъ. Но онъ не переставалъ наблюдать вдаль за дѣлами своей родины и въ 1867 году напечаталъ романъ «Дымъ». Нечего и говорить, что и эта крупная вещь читалась на-расхватъ, какъ все, что появлялось изъ подъ тургеневскаго пера... «Дымъ»—это крикъ отчаяннаго пессимизма, извѣрившагося въ судьбахъ своей родины... Противупоставляя крайностямъ того и другого направленія европейскую цивилизацію и культуру, въ лицѣ Потугина писатель далъ блестящую сатиру современнаго общества, но только сатиру—не больше... И въ «Дымѣ», какъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» и, вполнѣдствіи, въ «Нови», разбѣяны перлы художественныхъ красотъ, выведены живучіе типы; фабула, по обыкновенію, поражаетъ своей простотой; но того сильнаго, цѣлостнаго впечатлѣнія, которое производили его первыя произведенія, послѣдніе романы Тургенева не даютъ, быть можетъ оттого, что русская жизнь по-

слѣднаго періода со всѣми ея разнообразными теченіями не поддавалась наблюденіямъ издали да и не могла быть, по извѣстнымъ условіямъ, воспроизведена во всей своей цѣлостности, вслѣдствіе чего являлась неопредѣленность типовъ, когда Тургеневъ бралъ ихъ изъ среды не своего поколѣнія. Тутъ, порой, даже сказывалось незнакомство автора со средой... Такимъ образомъ, картина являлась отрывочной.

По убѣжденіямъ своимъ покойный писатель былъ западникомъ чистой воды. Такимъ сдѣлало его воспитаніе и долгая жизнь за границей; русскій человѣкъ до мозга костей, преданный всѣмъ сердцемъ русскому народу, онъ оставался во всю свою жизнь искреннимъ поклонникомъ культуры, прогресса и началъ, выработанныхъ европейскою жизнью. Объ этомъ говорятъ его произведенія, эту исповѣдь онъ самъ дѣлалъ не разъ... И этимъ опредѣленнымъ, яснымъ взглядомъ литература, быть можетъ, обязана, что одинъ изъ знаменитѣйшихъ ея представителей, во все время своей дѣятельности, всегда въ своихъ произведеніяхъ проводилъ идеи широкаго гуманизма. Быть можетъ, даже именно жизнь за границей, «вдали отъ врага», сохранила намъ писателя, до конца дней своихъ призывавшаго свѣтъ и тепло, и избавила его отъ тѣхъ печальныхъ паденій таланта, которыя у насъ въ Россіи — дѣло обыкновенное. Жизнь дѣлаетъ свое дѣло, и наши крупные таланты, живущіе подъ непосредственнымъ давленіемъ дѣйствительности, роковымъ образомъ подвергаются ея вліянію... Обыкновенно они или преждевременно умираютъ, или къ концу дѣятельности отказываются отъ того, чему служили и что составляло лучшую ихъ заслугу передъ родиной. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное объясненіе причинъ этой роковой судьбы; достаточно вспомнить Гоголя и позже Достоевскаго, которыми овладѣлъ мрачный мистицизмъ, затуманившій ясное прозрѣніе ихъ писательскаго генія. Достаточно, повторяемъ, и этихъ примѣровъ (а ихъ можно было-бы привести болѣе), чтобы быть искренно благодарнымъ Европѣ за то, что она не погубила крупнаго русскаго писателя.

Вся образованная Россія собирается чествовать его память и почтить въ литературной дѣятельности писателя общественное служеніе родинѣ. Это во всякомъ случаѣ значительный

шагъ впередъ. Давно-ли еще великаго учителя общества, Бѣлинскаго, хоронили украдкой, а достойнаго его продолжателя, безвременно погибшаго Добролюбова, провожали съ десятокъ человекъ?.. Теперь похороны крупнаго писателя—общественное событіе, и десятки тысячъ людей принимаютъ участіе въ общемъ горѣ... Но, какъ и прежде, такъ и теперь, народъ чуждъ нашей печали, не зная даже именъ тѣхъ людей, которые трудились на его пользу...

Г. ГРОТЪ О ЛОГИКѢ.

(Окончаніе).

Мы сказали, что отождествленіе мышленія и познаванія проходитъ черезъ всю книгу,—что, впрочемъ, видно уже и изъ краткаго изложенія ея содержанія, приведеннаго выше, — поэтому для насъ важно схватить, такъ сказать, узловой пунктъ и такимъ образомъ сократить насколько возможно выясненіе вопроса. Такимъ узловымъ пунктомъ можно считать, если мы не ошибаемся, опредѣленіе познавательной дѣятельности, даваемое авторомъ на стр. 67-й. Онъ опредѣляетъ ее здѣсь, какъ «психическую *дѣятельность, специально направленную къ развитію явленій объективной восприимчивости*, т. е. къ приспособленію ихъ отношеній къ отношеніямъ органическихъ ощущеній, чувствованій и т. д.». Употребленное въ этомъ опредѣленіи выраженіе: *дѣятельность, направленную къ развитію явленій объективной восприимчивости*» (которое мы подчеркнули) не показываетъ еще, достигаетъ-ли направленная такимъ образомъ дѣятельность своей цѣли, и потому въ дальнѣйшемъ развитіи этой мысли могло быть сдѣлано различеніе мышленія отъ познаванія въ томъ, что мысленная дѣятельность, какъ обусловленная субъективною необходимостью любознательности, достигаетъ своей цѣли лишь отрывочно и случайно и иногда удовлетворяется лишь мнимымъ достиженіемъ ея; познавательная-же дѣятельность, перенося центръ тяжести на необходимость объективную, на необходимость согласованія мыслей съ фактами, удовлетворится лишь дѣйствительнымъ достиженіемъ своей цѣли, не разбирая при этомъ — удовлетворяются-ли субъективныя хотѣнія или нѣтъ. Мы говоримъ: «могло-бы», для того, чтобы напомнить читателю, при какихъ условіяхъ возможность эта могла бы стать дѣйствительностью; но такъ какъ у г. Грота условій этихъ не было, то онъ, въ слѣдующемъ за приведенною нами цитатою абзацѣ, сразу присоединяетъ къ вышеприведеннымъ под-

«Дѣло» 1883 г. № 9. II.

черкнутымъ нами словамъ слѣдующія: «и *имѣющихъ результаты* приспособленіе отношеній этихъ явленій, какъ своего рода внѣшнихъ, — къ внутреннимъ отношеніямъ, лежащимъ въ основаніи самихъ оборотовъ, составляющихъ эту дѣятельность, т. е. оборотовъ познавательныхъ». Такимъ образомъ, дѣятельность, только что указанная какъ *направленная* къ достиженію извѣстной цѣли, признается уже *достигшею* этой цѣли, или, иначе говоря, пущенное въ ходъ мышленіе признается уже познаваніемъ, дающимъ въ результатъ — познаніе. Это отождествленіе, какъ мы видѣли, совершилось помимо борьбы съ мнѣніемъ отвергающимъ такое отождествленіе, помимо устраненія его или хотъ обстоятельнаго его разсмотрѣнія. Авторъ, правда, упоминаетъ о немъ вскользь на стр. 71, но затѣмъ переходитъ къ изслѣдованію вопроса о томъ, всѣ ли умственные процессы слѣдуетъ считать познавательными, и болѣе не возвращается къ вопросу, считающемуся уже какъ-бы рѣшеннымъ. Между тѣмъ, съ этого именно мѣста начинается для читателя цѣлый рядъ вопросовъ, которые такъ и остаются безъ отвѣта: такъ напр., все-ли одно утверждать, что всѣ умственные процессы *служатъ* цѣлямъ познаванія или что они только *могутъ служить* этимъ цѣлямъ? Все-ли равно утверждать, что умственные процессы суть одинъ изъ *элементовъ* познавательной дѣятельности, или — одно изъ *орудій* ея? Все-ли равно: *орудіе* познавательной дѣятельности или *моментъ* ея? и т. д. На всѣ эти вопросы, конечно, нѣтъ отвѣта: разъ мышленіе и познаваніе отождествлены, — орудія, моменты, элементы познаванія пестро смѣшиваются и для различенія ихъ нельзя найти никакого основанія. Мы должны, впрочемъ, отдать автору справедливость въ той послѣдовательности, съ которой онъ провелъ этотъ взглядъ; ею, этою послѣдовательностью, онъ какъ бы старался возмѣститъ то отсутствіе тонкости въ его работѣ, которую и для обыкновеннаго читателя пріятно было-бы встрѣтить въ изслѣдованіи вопросовъ самихъ по себѣ неизбежно тонкихъ. Что-же касается послѣдовательности, то она въ данномъ случаѣ не оставляетъ желать ничего болѣе. Упорствуя въ отождествленіи мышленія и познаванія, онъ вынужденъ былъ раздѣлить результаты умственной дѣятельности на положительные и отрицательные, т. е. на такіе, которые совершенствуютъ и исправляютъ знанія, и на такіе, которые, *напротивъ, только спутываютъ и искажаютъ ихъ* (73). Мы отказываемся понимать этотъ спутывающій и искажающій знаніе процессъ познаванія, такъ-же какъ и не можемъ согласиться считать, хотя-бы и самую низшую познавательную дѣятельность, ту умственную дѣятельность, благодаря которой мы видимъ сновидѣнія. Но, по-

вторяемъ, все это послѣдовательно: если всякая смѣна представленій, всякій процессъ мышленія есть ео ipso и познаваніе, то однакоже признать и нулевую точку познаванія (во смѣ), и отрицательныя его степеня (въ искаженіи и извращенномъ познаваніи) все же таки познаваніемъ.

Сказавъ, что авторъ послѣдователенъ, мы не хотѣли, однакоже, утверждать, что онъ послѣдователенъ во всѣхъ направленіяхъ, вездѣ и всегда. Мы отдали ему справедливость лишь въ той послѣдовательности, на которую только-что указали, а теперь мы обязаны указать и на непослѣдовательность, неизбежную, впрочемъ, при его точкѣ зрѣнія и легко предвидимую. Если мышленіе и познаваніе неразличимы, если познаваніе можно найти и въ смѣнѣ представленій, доставляемой сновидѣніями, то, казалось-бы, могутъ-ли существовать науки, которыя были-бы чужды познаванія, которыя были-бы продуктами (отрозненнаго отъ познаванія) мышленія? А между тѣмъ, авторъ утверждаетъ, что именно такія науки существуютъ. Онъ говоритъ ясно и прямо, что науки эти представляютъ лишь *систему мыслей*, что въ нихъ, *кроме мыслей, ничего нтъ* (стр. 22). Но если допущены безсодержательныя науки, то поневолѣ надо допустить и безсодержательное мышленіе вообще, мышленіе даже и не систематизирующее своихъ продуктовъ, т. е. не поддѣлывающееся подъ знаніе даже и съ ви́шней стороны. А если такъ, то между воззрѣніемъ г. Грота и тѣмъ, которое мы приводимъ, найдется не мало точекъ соприкосновенія.

Да, повидимому, взглядъ г. Грота вовсе не такъ далекъ отъ нашего, какъ можетъ казаться, а если всмотрѣться ближе, то окажется, пожалуй, что общихъ точекъ гораздо даже болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Въ самомъ дѣлѣ, если г. Гротъ отдѣлитъ вопросъ о генезисѣ познаванія отъ изслѣдованія самого познаванія, или, говоря иначе, отдѣлитъ характеристику познаванія образующагося отъ характеристики познаванія образовавшагося, то и у него элементы и моменты мышленія неизбежно будутъ разсматриваться какъ орудія познаванія и перестанутъ смѣшиваться съ элементами и моментами познанія; пестрая смѣна представленій, какъ напр., въ сновидѣніяхъ, низведется на чистое мышленіе, и мнимое знаніе или «науки изъ однѣхъ мыслей» окажутся вполне возможными и объяснимыми, какъ продуктъ мышленія не достигшаго своей цѣли—познанія. Конечно, останется еще разногласіе по отношенію къ роли воли въ процессѣ мышленія и познаванія, но этотъ вопросъ, при согласіи въ вышеизложенномъ, получить вто-

ростепенное значеніе и поставить насъ передъ метафизикой, какъ единокрушныхъ враговъ ся.

Центръ тяжести-же въ борьбѣ съ метафизикой и лежитъ именно въ вопросѣ генезиса познанія. Когда на этомъ пунктѣ априорички и трансцендентички теории побѣждены, съ ними можно затѣмъ уже болѣе и не считаться. Обратимся-же къ вопросу о генезисѣ познанія, какъ его разумѣетъ научная философія. Принципъ генезиса познанія былъ высказанъ впервые еще въ древности съ той точки зрѣнія, на которой и теперь стоитъ научная философія. Онъ формулировался, по свидѣтельству Платона, такъ: «наука есть воспріятіе» *). Такая формула имѣетъ тотъ-же смыслъ и значеніе, какое имѣетъ, напримѣръ, утверженіе естествознанія, что алмазь есть углеродъ. Но какъ мы не имѣемъ права оборачивать этотъ послѣдній тезисъ и утверждать, что углеродъ есть алмазь, такъ точно мы не можемъ говорить и о томъ, что воспріятіе есть наука, т. е., другими словами, мы не можемъ смѣшивать алмазь и углеродъ, воспріятіе и науку до безразличія и, выяснивъ вопросъ ихъ генетической связи, должны изучить каждое изъ явленій отдѣльно, такъ какъ каждое имѣетъ свои конкретно-индивидуальныя свойства, не могущія идти одно за другое, — свойства до такой степени различныя, что самое изученіе ихъ распределено между различными науками: углеродъ изучаетъ химія, алмазь — минералогія, воспріятія — составляютъ предметъ психологіи, наука — предметъ теории познанія. Но если химія составляетъ основу минералогіи, такъ-же какъ психологія — основу теории познанія, то ясно, что воспріятіе и его комбинаціи вплоть до того момента, когда оно сходится на путь познания, можетъ быть изучаемо совершенно независимо отъ самого познания и что, слѣдовательно, натуральный (безыскусственный) процессъ мышленія можетъ быть изучаемъ и дѣйствительно изучается отдѣльно отъ процесса познания, особою самостоятельною наукою.

Не воспользовавшись готовымъ и плодотворнымъ различіемъ мышленія и познания, авторъ вынужденъ былъ самое познание дѣлать на ступени, которыя должны соответствовать дѣйствительному положенію вещей. Вопросу этому онъ далъ по его собствен-

*) Мысль эта формулируется такимъ образомъ Гегетомъ, но приписывается Протагору или, по крайней мѣрѣ, признается согласной съ ученіемъ Протагора. Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что вопросъ о генезисѣ познанія приводить къ другому, весьма важному и интересному: о соотношеніи теории сенсуализма и теории ассоціаціи. О вопросѣ этомъ, котораго касается и Ферри, см. *E. Laass. Idealismus und Positivismus. I Theil. 1879.* По отношенію къ значенію Протагора ср. мнѣніе Лааса и *W. Halbfass. Die Berichte des Platon und Aristoteles über Protagoras. 82.*

НЫМЪ СЛОВАМЪ, совершенно новую постановку, нисколько не заботясь о томъ, что сдѣлано было въ этомъ отношеніи его предшественниками, такъ-какъ «говорить въ данномъ случаѣ о предшественникахъ значило-бы почти то-же самое, что искать объясненія явленіямъ человѣческаго сознанія на-яву въ отрывочныхъ сновидѣніяхъ предшествующей ночи» (стр. 76). Самостоятельность даетъ, конечно, въ результатъ нѣчто оригинальное, но оригинальность не ручается еще ни за вѣрность, ни за убѣдительность. А этихъ качествъ, какъ мы сейчасъ постараемся показать, именно и нѣтъ въ оригинальной идеѣ г. Грота. Для опредѣленія ступеней развитія познания онъ избираетъ, по его мнѣнію, совершенно *твердый критерій*, а именно: различную степень сознательности соотвѣствующихъ ему процессовъ. Такимъ образомъ получается четыре ступени умственной дѣятельности: 1) безсознательная, 2) сознательная, 3) произвольная и 4) методическая. Чтобы дѣленіе получило для читателя достаточную степень ясности и опредѣленности, необходимо остановиться на болѣе подробномъ разсмотрѣніи «составныхъ элементовъ познавательной дѣятельности», какъ они изложены въ книгѣ г. Грота. Тутъ прежде всего надо различать процессы и ихъ результаты. Процессы—кромя процессовъ умственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ или центральныхъ (собственно мысленныхъ)—суть еще периферическіе процессы, снабжающіе мышленіе матеріаломъ (ощущенія) и периферическія выраженія (языкъ); затѣмъ продукты этихъ процессовъ—какъ и слѣдуетъ уже само собою изъ предъидущаго—раздѣляются на продукты центральные (представленія и т. д.) и продукты периферическіе,—воспріятія, на одномъ концѣ, и звуки, имена и названія—на другомъ. Согласно четыремъ ступенямъ познавательной дѣятельности, всѣ процессы ея и продукты этихъ процессовъ дѣлятся также на четыре ступени, согласно ихъ сознательности, какъ-то и видно изъ нижеслѣдующей таблицы, заимствованной нами изъ книги г. Грота и поправляющей тѣ неточности и неполноты, которыя мы, для большей ясности, допустили въ нашемъ изложеніи.

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ:

	Безсознательная:	Сознательная:	Произвольная:	Методическая:
Периферич. движенія, снабжающія познавательнымъ матеріаломъ:	Ощущеніе.	Воспріятіе.	Наблюденіе.	Экспериментъ.
Продукты этихъ движеній. . . .	Ощущенія.	Воспріятія.	Наблюденія.	Данныя эксперимента или научныя факты.

Центральныя или умств. движенія:	Ассоціація.	Мышленіе.	Размышленіе.	Ислѣдованіе.
Ихъ продукты.	Конкретныя представленія	Конкретныя понятія.	Отвлеченныя понятія.	Научныя идеи.
Периодич. движенія, направленныя къ выражен. умств. приобретений:	Языкъ.	Рѣчь.	Разсужденіе.	Изложеніе.
Продукты этихъ движеній	Звуки.	Имена.	Названія.	Термины.
<hr/>				
Общія результаты познават. дѣятельности:	Опытъ.	Знаніе.	Познанія.	Наука.

Разсматривая внимательно эту таблицу, мы не можемъ не замѣтить прежде всего того, что третья ступень познавательной дѣятельности—произвольная—не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что препятствовало-бы подведенію подъ нее лже-познанія мнимой науки — метафизики. Никто не станетъ спорить, конечно, что метафизикъ не чужды: размышленіе, отвлеченныя понятія, разсужденія и названія (если не термины), и если кто-либо сталь-бы оспаривать присутствіе въ ней наблюденій, то опровергнуть его было бы не трудно, тѣмъ болѣе, что было уже специально доказано присутствіе наблюденія во всякой метафизической системѣ *). Иные, пожалуй, назовутъ это замѣчаніе наше «легкомысленнымъ издѣвательствомъ», но другіе—при серьезномъ вдумываніи въ различіе между мышленіемъ и познаніемъ—замѣтятъ нѣкоторыя весьма важныя недомолвки въ классификаціи г. Грота или даже нѣкоторый существенный въ ней дефектъ. Во всякомъ случаѣ, мы не будемъ настаивать на этомъ замѣчаніи, такъ-какъ о возрѣніяхъ г. Грота на метафизику мы будемъ говорить особо, при разсмотрѣніи рѣчи его о философіи. Затѣмъ, оставляя вопросъ о метафизикѣ въ сторонѣ, мы останавливаемся теперь надъ различіемъ обыденнаго мышленія и научнаго познанія и не можемъ не замѣтить, что различіе весьма явственно съводитъ чрезъ подраздѣленія таблицы г. Грота. Обыденное мышленіе охватываетъ двѣ низшія ступени этой таблицы, а научное познаніе—двѣ высшія. Дѣленіе обыденнаго мышленія на двѣ ступени можетъ быть, конечно, допущено, такъ-какъ оно соотвѣтствуетъ реальнымъ фактамъ; но раздвоеніе научнаго познанія намъ представляется совершенно несостоятельнымъ. Согласно этому раздвоенію, нѣко-

*) *B. Siebeck*. Die metaph. Systeme in ihrem gemeinsamen Verhältniss zur Erfahrung. (Vierteljahrsschrift für. w. Philos. 1878, I und II Heft.).

торыя науки, не допускающія эксперимента, должны быть выключены изъ ряда наукъ и впредь считаться только *незнаніемъ*. Такимъ образомъ выйдетъ, что астрономія не наука и что въ научномъ отношеніи она стоитъ ниже всѣхъ наукъ, гдѣ экспериментъ возможенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ придется сказать, что изслѣдованіе ей чуждо, что изложеніе для нея недоступно, что терминовъ у нея быть не можетъ. Всматриваясь далѣе въ картину этихъ ступеней познавательной дѣятельности, мы не можемъ не недоумѣвать надъ тѣмъ, почему въ одну рубрику съ периферическими движеніями, снабжающими познавательнымъ матеріаломъ, каковы ощущенія и воспріятія, процессы дѣйствительно чисто-периферическіе, поставлены наблюденіе и экспериментъ, т. е. такіе процессы, въ которыхъ роль периферіи отходить совсѣмъ на задній планъ, которые суть не что иное, какъ воплощеніе размышленія и изслѣдованія, у которыхъ съ отнятіемъ отъ нихъ того, что есть въ нихъ «центрально», остается опять-таки только одно воспріятіе. И далѣе, мы высказываемъ то-же недоумѣніе и по поводу включенія разсужденія и изложенія въ одну рубрику съ языкомъ и рѣчью, а названій и терминовъ въ одну рубрику съ звуками и именами; опять-таки вся «суть» этихъ будто-бы «периферическихъ» продуктовъ и процессовъ совсѣмъ не въ периферіи. Если они состоятъ изъ звуковъ, то изъ этого и слѣдуетъ только, что звуки — дѣйствительно продукты периферическаго образованія; но утверждать это нельзя уже и по отношенію къ словамъ, такъ-какъ роль центральныхъ органовъ слишкомъ значительна при ихъ образованіи. Мы остаемся неубѣжденными всею этою схематическою симметричностью и думаемъ даже, что она и на этотъ разъ — вопреки похваламъ, заслуженнымъ ею отъ г. Грота—оказала ему плохую услугу. Весьма простая мысль о томъ, что мышленіе есть орудіе познанаія и что вмѣстѣ съ нимъ неизбѣжно роль того-же орудія играютъ воспріятія и языкъ, разрѣшаетъ какъ нельзя лучше всѣ указанныя выше недоумѣнія. Всякое различіе между произвольною и методическою ступенями мышленія должно исчезнуть, такъ-какъ въ идеалѣ (о которомъ только и можетъ здѣсь идти рѣчь) нѣтъ науки и науки, а есть только одна наука и одно научное познанаіе—методическое. Затѣмъ, степени развитія различныхъ наукъ суть измѣнчивые факты конкретной дѣйствительности, которымъ нѣтъ мѣста при установленіи принципіальныхъ положеній, долженствующихъ охватить всѣ эти факты, потопить ихъ въ себѣ. Ростъ познанаія идетъ не вопреки такимъ принципіальнымъ положеніямъ, а согласно съ ними; поэтому если-бы существовала только одна наука, успѣвшая осуществить принципъ во всей полнотѣ, а всѣ другія науки были-бы только на пути къ тому, то и тогда даже мы не имѣли-бы осно-

ванія создавать какой-то фантастическій типъ знанія, лишенный метода, терминовъ, научныхъ идей и способный укладываться только въ разсужденіе, а не въ изложеніе. Если-же мы хотимъ сказать этимъ, что знаніе это не научно, то соединеніемъ этихъ несоединимыхъ терминовъ мы выражаемъ неизбѣжно, что знаніе это есть не знаніе, а случайный продуктъ обыденнаго мышленія, находки и обрывки, поддѣлывающіеся подъ знаніе. Такого рода знаніе было то, которое облекалось въ форму «системы мыслей» и носило названіе астрологій, алхиміи и т. д. Но развѣ можно утверждать, что астрологія и алхимія выражали какой-нибудь теоретическій принципъ? Развѣ можно указать на принципиальное отличіе ихъ отъ продуктовъ обыденнаго мышленія вообще? И далѣе, руководясь таблицей г. Грота, не должны-ли мы утверждать, что астрологія превратилась въ астрономію тогда, когда ей стала доступна экспериментъ? Или должны мы полагать, что въ алхиміи не было экспериментовъ? Все это приводитъ насъ къ убѣжденію въ совершенной бесполезности подраздѣленій г. Грота, и мы по-прежнему остаемся при простомъ и ясномъ различеніи, обоснованномъ научной философіей и имѣющемъ для насъ, «обыкновенныхъ читателей», жизненное значеніе.

Переходя теперь къ взглядамъ автора по вопросу о воплощеніи его ступеней умственной дѣятельности въ дѣйствительной жизни, мы встрѣчаемся съ новыми недоумѣніями и неопредѣленностями. О нихъ мы и поведемъ теперь нашу рѣчь.

Не оспаривая мнѣнія автора, что вопросъ о воплощеніи различныхъ ступеней познавательной дѣятельности можетъ быть поставленъ лишь въ слѣдующей формѣ: существуютъ-ли организмы, которымъ доступна лишь бессознательная дѣятельность; существуютъ-ли организмы, которымъ, *рядомъ* съ бессознательною, доступна также сознательная познавательная дѣятельность и т. д.?, мы остановимся только на отвѣтѣ на этотъ вопросъ, который, по мнѣнію автора, долженъ быть утвердительный, а именно: «многимъ животнымъ, дѣтямъ въ первые мѣсяцы жизни, а также и взрослымъ людямъ съ низшимъ или болѣзненно искаженнымъ умственнымъ развитіемъ (нѣкоторыя расы дикарей, идиоты, многіе душевно-больные). доступна лишь самая низшая или бессознательная познавательная дѣятельность, съ которою, впрочемъ, и каждый развитой человекъ знакомъ во снѣ, т. е. изъ сновидѣній. Бессознательная и сознательная ступени познавательной дѣятельности доступны совместно нѣкоторымъ высшимъ животнымъ (которыя способны судить и дѣлать простѣйшія умозаключенія), дѣтямъ въ низшемъ возрастѣ (пока они не привыкнутъ размышлять и разсуждать) и людямъ низшаго умственнаго уровня и развитія, т. е. стоящимъ

на низшей степени культуры и самосознанія. Произвольная познавательная дѣятельность доступна всѣмъ людямъ, мало-мальски развитымъ, хотя-бы они принадлежали и къ низшимъ слоямъ культурнаго общества. Методическая познавательная дѣятельность, на ряду съ другими, доступна всѣмъ людямъ научно образованнымъ, хотя, конечно, опять въ различной степени: высшія формы ея извѣстны только людямъ науки, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. специалистамъ знанія (да и то далеко не всѣмъ!») (стр. 87).

Перечисленіе, прежде всего,—неполное: ниже умственной дѣятельности многихъ животныхъ, дѣтей въ первые мѣсяцы жизни, дикарей, идіотовъ, сумасшедшихъ и людей, погруженныхъ въ сонъ, авторъ долженъ былъ поставить умственную дѣятельность, проявляемую тѣми науками, которыя не сочетаются даже съ самою низшею познавательною дѣятельностью, а представляютъ одни только мысли. Далѣе, авторъ долженъ-бы пояснить опредѣленіе, какихъ именно людей разумѣть онъ подъ «людьми низшаго умственнаго уровня или низшей умственной культуры и самосознанія», а также, что такое люди «мало-мальски развитые, хотя-бы они принадлежали и къ низшимъ слоямъ культурнаго общества». Для насъ, признаемся, все это загадки, напоминающія тотъ «большой кусокъ магнезіи», который какая-то институтка просила отпустить ей изъ аптеки... Наконецъ, мы совсѣмъ отказываемся разобрать что-либо въ томъ, что авторъ говорить о воплощеніи методической умственной дѣятельности: здѣсь нагромождено столько степеней и «нѣкоторые» специалисты знанія поставлены на такую высоту, что нельзя не спросить: да для кого-же они работаютъ, если плоды ихъ трудовъ недоступны даже для всѣхъ собратьевъ ихъ, специалистовъ? Быть можетъ, все это далеко не такъ страшно; но разбирать вопроса этого мы не станемъ: отлетѣвшіе въ заоблачныя сферы, недоступны намъ простымъ смертнымъ, да почіютъ въ мирѣ!

Но если высшая ступень познавательной дѣятельности является превознесенною въ выше приведеннй цитатѣ, то зато мы можемъ привести другую, въ которой эта-же дѣятельность представляется крайне униженною, такъ что, взявъ среднее, пожалуй, получится нѣчто близкое къ дѣйствительному положенію вещей. Допустивъ, что могутъ существовать науки изъ однѣхъ только мыслей, авторъ никакъ не соглашается, чтобы процессы воображенія или умственнаго творчества хотя-бы иногда, въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ, могли быть поставлены внѣ познавательныхъ процессовъ и были признаны состоящими изъ однѣхъ только мыслей. «Если-бы даже построенія ума были совершенно фантастичны и произвольны—говорить онъ, развивая эту мысль—и если-бы даже мы

сами *сознавали* эту ихъ фантастичность и произвольность *), то и тогда они не только должны были-бы измѣнять и осложнять наши идеи, но и отражаться, хотя-бы косвенно, на представленіяхъ и понятіяхъ нашихъ о внѣшнемъ мірѣ, такъ какъ сознаніе, по самой природѣ своей, всегда *объективируетъ* свои ощущенія и идеи, т. е. ставитъ имъ объекты во внѣшней дѣйствительности. Сколько-бы мы ни увѣряли себя, напр., что видѣнная нами историческая опера или прочитанный нами историческій романъ составляютъ продуктъ фантазіи ихъ авторовъ,—но воспріятія, сложившіяся въ связи съ этими фантастическими произведеніями, несомнѣнно войдутъ, какъ извѣстный ингредиентъ, въ составъ строго реальныхъ и даже *научныхъ знаній* о соответствующихъ историческихъ эпохахъ, событіяхъ и лицахъ. Сколько-бы ни увѣряли себя, что прочитанная въ литературномъ произведеніи или видѣнная нами въ театрѣ бытовая сцена вымыслена тѣмъ или другимъ романистомъ, по этомъ или драматургомъ,—мы все-таки не въ состояніи будемъ устранить пріобрѣтенныхъ даннымъ способомъ представлений о бытѣ того или другого народа, того или другого слоя общества, того или другого разряда людей вообще. Но не только мы, зрители и читатели произведеній фантазіи, но и самые *авторы* ихъ, и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ многіе ихъ читатели, чрезъ призму этихъ произведеній, какъ готовыхъ цѣлыхъ, созерцаютъ дѣйствительность, ибо уже и самое созданіе соответствующихъ образовъ и картинъ и воплощеніе ихъ въ словѣ возможно лишь подъ условіемъ нѣкотораго отождествленія и смѣшенія фикцій и реальной дѣйствительности. Потому-то, между прочимъ, поэты и обладаютъ всегда совершенно своеобразными идеями о мірѣ и его значеніи, болѣе или менѣе далекими отъ объективныхъ результатовъ науки и часто даже противорѣчащими выводамъ этой послѣдней: ихъ знанія чаще всего носятъ *мистическій* отпечатокъ, составляющій прямой продуктъ сплетенія фантазіи съ объективными данными опыта» (припомнимъ только Достоевскаго!) (стр. 72—73).

Вдумавшись въ приведенный отрывокъ, мы рѣшаемся утверждать, что авторъ нарисовалъ намъ картину обыденнаго мышленія и лишь подъ вліяніемъ предвзятой идеи пріурочилъ къ картинѣ этой научное познание. Въ самомъ дѣлѣ, во что-же обращается это *научное, методическое* познание, если оно безсильно передъ всякой фантастикой и галиматъей? Что станетъ съ этимъ возвышеннымъ спеціальнымъ знаніемъ, доступнымъ лишь немно-

*) Нельзя не замѣтить, что выраженіе «произвольность» имѣетъ здѣсь значеніе *прямо противоположное* тому, которое придано ему авторомъ въ характеристикѣ ступеней познания, гдѣ *произвольность* мышленія непосредственно предшествуетъ его *методичности*.

гимъ, если въ него войдутъ, какъ извѣстный ингредиентъ, фантастическія представленія? Мы считали до сихъ поръ все это печальною участью обыденнаго мышленія и думали, что наука въ состояніи не только вывести изъ этихъ дебей, но и всегда служить противъ нихъ опорой и защитой, такъ что созерцаніе и воспріятіе ихъ можетъ оказаться совершенно безслѣднымъ, какъ-бы не бывшимъ. Теперь насъ хотятъ убѣдить, что противъ фантастики защиты нѣтъ, что сколько-бы мы ни обманывали себя, что можемъ быть отъ нея свободны, а на самомъ дѣлѣ она таки все-же покажетъ наши реальныя представленія и извратитъ наши научныя понятія! Выходитъ, что какой-нибудь профессоръ исторіи не можетъ прочесть безнаказанно, положимъ, драму Александра Сумарокова, гдѣ Димитрій Самозванецъ передъ смертію восклицаетъ:

Иди душа во адъ и будь тамъ вѣчно пльвина!

О, если-бы со мной погибла вся вселенна!

Не можетъ безъ ущерба для своихъ научныхъ знаній открыть пародію Энеиды и *узнать* изъ нея, что

Эней бувъ паробокъ моторный

И хлопецъ хотъ куды козакъ...

Не можетъ безслѣдно присутствовать при представленіяхъ оперетокъ Оффенбаха и т. д. и т. д. Мы, хотъ и изъ числа обыкновенныхъ читателей и никакою ученостію похвалиться не можемъ, думаемъ, однакоже, что научный методъ и научное дисциплинированіе ума могутъ представлять достаточную гарантію противъ всего необъемлемаго моря пестрыхъ впечатлѣній и воспріятій, какими мы окружены,—что, вооруженные наукою, мы всегда въ состояніи распознаться среди этой пестроты и остаться свободными отъ самаго малѣйшаго вліянія всего, что нами будетъ признано нереальнымъ и фантастичнымъ.

Что-же касается самихъ авторовъ фантастическихъ произведеній, то они очень и очень часто могутъ быть жертвами игры своего собственнаго воображенія, и мы, признаться, не понимаемъ, чего ради авторъ остановился на нихъ по поводу возможности извращенія *научныхъ идей и реальныхъ представленій* фантастическою образностью. Поэтъ можетъ, вѣдь, быть совершенно чуждымъ научной области и вовсе не имѣть въ міросозерцаніи своемъ защиты противъ иллюзій, еще болѣе претивъ собственныхъ, субъективно-реальныхъ иллюзій. Все это можетъ быть, и все это ровно ничего не доказываетъ, и всего менѣе доказываетъ, что поэты всего чаще бываютъ *мистиками*. Мистицизмъ у поэтовъ и непэтовъ имѣеть—и это едва-ли надо доказывать—свои особыя, специальныя причины. Говорить объ этомъ было-бы слишкомъ долго, да это и завело-бы насъ далеко въ сторону. Замѣтимъ только

въ заключеніе, что мы не видимъ никакого повода вспоминать одного Достоевскаго; мы можемъ вспомнить десятки поэтовъ, ну, хоть-бы всю блестящую плеяду представителей пессимистической поэзіи: Байрона, Шелли, Альфреда де Мюссэ, Ленау, Гейне, Леонарди, Луизу Аккерманъ, Джемса Томсона,—кто-же изъ нихъ мистикъ? Если назвать мистикомъ Шелли, то придется прибавить иной терминъ для Достоевскаго, такъ какъ ихъ міросозерцанія несоизмѣримы. Перестанемъ-же навязывать поэзіи мистицизмъ, отъ котораго она можетъ быть вполне свободна, и станемъ смотрѣть на поэзію, какъ на выраженіе чувства и воображенія, слившихся въ одинъ стройный голосъ. «Для меня, говорить поэтъ, все—поэзія, все—оживлено, все мыслить, все сливается въ общей гармоніи и преобразуется въ чувство. Душа моя, какъ хрустальная чаша, звучитъ при малѣйшемъ прикосновеніи, и ея любовь, ея грезы, самыя ея скорби представляются неисчерпаемымъ источникомъ поэтического восторга!» *) Это — поэзія, и, когда идетъ рѣчь о ней, можно и не говорить о мистицизмѣ, да еще о мистицизмѣ Достоевскаго.

Намъ очень и очень пора, однако-же, обратиться къ другой сторонѣ теоріи г. Грота и рассмотреть хоть въ самыхъ общихъ чертахъ поднимаемые ею вопросы. На этотъ разъ мы имѣемъ въ виду остановиться надъ тѣмъ моментомъ психическаго оборота, который граничитъ съ такъ называемыми «атомами сознанія», но не переходитъ въ ихъ сферу,—мы разумѣемъ ощущенія. Сопоставляя то, что говоритъ объ этихъ атомахъ сознанія г. Гротъ (стр. 95, 113 и 182), съ данными, доставляемыми современною нѣмецкою эмпирическою психологіею, мы не можемъ не признать сообщеній г. Грота слишкомъ простыми, по крайней мѣрѣ для обыкновенныхъ читателей; а такъ какъ болѣе полныя свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ имѣютъ значеніе для тѣхъ замѣчаній, которыя мы имѣемъ въ виду, то мы и считаемъ нужнымъ остановиться теперь на нѣкоторыхъ подробностяхъ, о которыхъ г. Гротъ, имѣя въ виду специалистовъ, считалъ излишнимъ распространяться.

Было-бы слишкомъ длинно, а для обыкновенныхъ читателей (т. е. и для насъ самихъ) утомительно, если-бы мы принялись за рассмотрѣніе нашего вопроса, что называется, по источникамъ; стали-бы приводить взгляды Лотце, Гельмгольца, Вундта, Фехнера, по ихъ подлиннымъ сочиненіямъ, да еще, пожалуй, сличая особенности разныхъ изданій. Куда намъ!.. «Оставимъ астрономамъ»... и обратимся къ сочиненію, которое позволить намъ охватить все это съ одного раза и именно поскольку намъ это нужно. Сочине-

*) Чилийскій поэтъ Гильермо Прагъ. (Guillermo Prat).

ніе, къ которому мы имѣемъ въ виду обратиться, принадлежитъ автору весьма извѣстному, автору, котораго недавно цитировалъ самъ г. Гротъ. Мы разумѣемъ Рибо и его «Исторію современной нѣмецкой психологіи». Приступая къ общему очерку результатовъ современной нѣмецкой психологіи, Рибо останавливается прежде всего на вопросѣ объ элементахъ простого ощущенія. «Элементы простого, говоритъ онъ,—не отзывается ли это противорѣчіемъ? Но одна изъ заслугъ фізіологической психологіи именно и заключается въ выясненіи того, что простое для сознанія есть въ дѣйствительности нѣчто сложное, синтезъ. Справедливо, что опыты фізиковъ давно уже подготовили путь для этого заключенія, и оно было бы добыто раяѣе, если-бы психологія, замкнутая въ «я» и исключительно сосредоточенная на внутреннемъ наблюденіи, не смотрѣла на изысканія такого рода, какъ на дѣло ей постороннее, безразличное для ея задачи, какъ на причину *отвлеченія*, которую ей полезно было игнорировать. Такъ какъ фізики стоятъ очень вдалекѣ отъ изученія явленій сознанія, а психологи зачастую ничего не хотятъ знать о матеріи, то нѣкоторые фізіологи и принались именно за такого рода опыты, которые имѣютъ въ виду точку соприкосновенія явленій фізическаго и явленій психическаго міра; такимъ образомъ, иногда безсознательно, имъ и пришлось изслѣдовать элементарныя ощущенія. По этой причинѣ справедливость требуетъ приписать фізіологической психологіи, имѣющей главныхъ представителей своихъ въ Германіи, заслугу въ начинѣ тѣхъ изслѣдованій, изъ которыхъ нѣкоторые современные психологи извлекли большую долю пользы (Спенсеръ, Тэнъ). Гельмгольцъ долженъ быть упомянутъ здѣсь прежде всѣхъ. Его изслѣдованія по фізіологической акустикѣ, и въ особенности опыты, доказавшіе, что тембръ—качество, представляющее собою неопредѣлимое явленіе,—обязанъ своимъ происхожденіемъ дополнительнымъ звукамъ, группирующимися согласно опредѣленнымъ отношеніямъ вокругъ звука основнаго, обнаружили въ фактѣ фізическомъ, непосредственной причинѣ ощущенія, сложную группировку элементовъ, всякое измѣненіе въ которыхъ влечетъ за собою соотвѣтственное измѣненіе въ ощущеніи.

«Самое бѣдное состояніе сознанія, воспріятіе звука, цвѣта, самое простое ощущеніе, т. е. ощущеніе, рассматриваемое внѣ всякой ассоціаціи, внѣ всякой локалізаціи, есть уже ощущеніе сложное. У звука есть своя высота, интенсивность, тембръ, которые соотвѣтствуютъ числу, амплитудѣ и формѣ вибрацій. Ощущеніе цвѣта соотвѣтствуетъ скорости вибрацій эфира и длинѣ волнъ. Оставляя въ сторонѣ всякую гипотезу о трансформациі нервныхъ явленій въ явленія психическія и имѣя въ виду одни только

факты, надо признать, что состояніе сознанія, измѣняющееся со-ответственно измѣненію непосредственныхъ условій, не можетъ быть сочтено за простое. Если впечатлѣніе становится инымъ, то и нервныя процессы (по всей вѣроятности, молекулярное движеніе въ нервахъ и клѣткахъ) становятся иными, и ощущение тоже измѣняется. Физиологическая экспериментация, вспомошествоваемая субъективнымъ анализомъ, клонится къ прозрѣнію въ міръ психическомъ чего-то аналогичнаго атомамъ міра физическаго. Можно сказать, безъ сомнѣнія, что психологіи нѣтъ дѣла до изученія этихъ элементарныхъ элементовъ, какъ физикѣ и химіи нѣтъ дѣла до изученія атомовъ, — что это конечный вопросъ, который околннимъ путемъ привелъ-бы ее опять къ метафизикѣ; что ей только и можно избрать своей точкой исхода ощущенія, которыя для нея просты, такъ-же, какъ науки физико-химическія избираютъ себѣ точкой отправленія тѣла простыя и ихъ элементарныя свойства. Изысканія физиологической психологіи проливаютъ тѣмъ не менѣе нѣкоторый свѣтъ въ ту темную лабораторію, изъ которой выходитъ сознаніе; ибо здѣсь возможны только двѣ гипотезы: или надо принять вмѣстѣ съ Лейбницемъ, что «такъ какъ изъ ста тысячъ ничто не можетъ произойти нѣчто», то и такъ называемое простое ощущеніе слагается изъ элементарныхъ состояній, «слабая интенсивность или малая продолжительность коихъ исключаетъ ихъ изъ сознанія; или-же надо допустить, что такъ называемое простое ощущеніе есть результатъ элементовъ разнородныхъ и относится къ нимъ такъ, какъ относится въ химіи какое-нибудь соединеніе ко входящимъ въ него элементамъ.

Какова бы ни была, впрочемъ, гипотеза, которую мы приня-ли-бы, мы все-же-таки получаемъ право сомнѣваться въ простотѣ состоянія, которое принимается за таковое сознаніемъ и которое дѣйствительно просто для сознанія. Утвержденіе сознанія, приводимое такъ часто психологами извѣстной школы, какъ сужденіе безапелляціонное, сводится такимъ образомъ къ весьма относительной достовѣрности. Сознаніе перестаетъ быть непогрѣшимымъ ораку-ламъ; оно—такой-же свидѣтель, какъ и всякій другой, — свидѣтель, часто обманывающій и обманываемый, который ни въ чемъ не имѣетъ привиллегій абсолютной истины. Таково поученіе, полученное нами отъ физиологической психологіи по поводу очень скромнаго вопроса *)).

Хотя Рибо и вѣрно резюмируетъ результаты изслѣдованій эмпирической психологіи, но высказываемое имъ при этомъ его собственное мнѣніе можетъ подать поводъ предполагать, что, строго

*) Th. Ribot. La psychologie allemande contemporaine. (Ecole expérimentale 1879 p. 359—361).

говоря, анализъ ощущенія выпадаетъ изъ области психологiи и долженъ быть отнесенъ въ метафизику, подобно тому, какъ и ученiе объ атомахъ должно считаться принадлежностью метафизики, а не естественныхъ наукъ, такъ какъ химiя; напримѣръ, беретъ своею точкою исхода простыя тѣла, а не атомы. Объ этомъ мнѣнiи можно сказать, что оно никогда не было-бы высказано, если-бы Рибо обратилъ вниманiе на отличiе метафизическихъ умозрѣнiй объ атомахъ отъ научной теорiи ихъ. Различiе этихъ двухъ направлений въ воззрѣнiи на атомы воспретятствовало-бы ему утверждать, что современная химiя беретъ своею исходною точкою простыя тѣла, а не атомы. Химики не согласятся, конечно, что законъ, открытый Менделѣевымъ, поддержанный Лотаръ Мейеромъ и Вурцомъ и подрѣпленный открытiями де-Буабодрана, переходитъ за предѣлы, указываемые Рибо; законъ-же Менделѣева несоизмѣримъ ни съ какими метафизическими и вообще сверхъонитными теорiями.

Если мы сопоставляемъ тутъ метафизику и науку, то дѣлаемъ это исключительно только потому, что къ этому привело насъ замѣчанiе Рибо. Не будь этого замѣчанiя, намъ пришлось-бы только пояснить, что съ тѣхъ поръ, какъ выработалась идея научной философи, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ явилась возможность согласовать работу философи и науки, нѣтъ уже ни малѣйшаго повода говорить о метафизикѣ въ примѣненiи къ изученiю атомовъ; въ настоящее время существуютъ вѣдь философскiя теорiи, не заключающiя въ себѣ ничего метафизическаго. Укажемъ хоть на прекрасный трудъ Ляввица «Атомистика и критицизмъ» *).

Итакъ, объ атомахъ можно говорить и въ наукѣ, а слѣдовательно и въ научной философи. Но это только мимоходомъ; не въ этомъ вопросъ. Какъ-бы тамъ ни смотрѣли на роль атомовъ, а воззрѣнiе на анализъ ощущенiй идетъ своимъ независимымъ путемъ, и тутъ можно указать на представителей научной философи, которые очень далеки отъ мнительности Рибо. Такъ напр., Зибекъ, резюмируя взгляды эмпирической психологiи на анализъ ощущенiй, прямо утверждаетъ, что «физиологическiя и психологическiя изслѣдованiя воспрiятiя внѣшнихъ предметовъ единогласно привели къ тому результату, что актъ сознанiя воспрiятiя не есть актъ недѣлимый и неподдающiйся анализу, не есть нѣчто происходящее въ предѣлахъ опредѣленнаго времени; но, напротивъ того, изслѣдованiя эти показали, что самое простѣйшее воспрiятiе есть уже процессъ, результатъ цѣлой суммы явленiй, въ общемъ итогѣ которыхъ и является то, что и вступаетъ въ сознанiе, какъ

*) *K. Lasswitz. Atomistik und Kriticismus. Ein Beitrag Erkenntnistheoretischen Grundlegung der Physik. 1878.*

ощущеніе опредѣленнаго цвѣта, тона, какъ воспріятіе того или другаго опредѣленнаго предмета». Онъ говоритъ далѣе, что наукѣ удалось не только наблюдать, но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, и подслушать этотъ фактъ, такъ что теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что воспріятіе предметовъ во времени и пространствѣ, какимъ воспріятіе это является въ сознаніи, есть результатъ развитія, опирающагося на ассоціаціи множества единичныхъ впечатлѣній (раздраженій) и затѣмъ на переработкѣ ихъ при посредствѣ воображенія и рефлексіи *). Исчерпывающимъ доказательствомъ чисто-реальнаго значенія анализа ощущеній можетъ служить, впрочемъ, не мнѣніе Зибера или кого-нибудь другаго, такъ какъ ссылки на нихъ смахиваютъ на ссылки на авторитетъ, а указаніе на наблюденія, сдѣланныя г. Троицкимъ и описанныя имъ въ его «Наукѣ о духѣ». Наблюденія г. Троицкаго показали какъ нельзя яснѣе, что есть возможность достигнуть до реального различенія нѣкоторыхъ такъ называемыхъ побочных или дополнительныхъ тоновъ, обыкновенно воспринимаемыхъ слитно, какъ одинъ звукъ **). О другомъ подобномъ наблюденіи говоритъ Штрикеръ, который производилъ свои наблюденія надъ явленіями зрѣнія, хотя, правда, съ меньшею рельефностью чѣмъ г. Троицкій, но за то съ большею ихъ общедоступностью и во вѣломъ случаѣ съ такою опытною убѣдительностью, которая не оставляетъ никакого сомнѣнія въ реальной роли элементовъ ощущеній и устраняетъ всякую мысль о какомъ либо, хотя-бы и самомъ слабомъ намекѣ на метафизику ***). Теперь, когда вопросъ выяснился, какъ мы думаемъ, въ достаточной степени, не излишне будетъ сказать, что эмпирическая психологія въ Англіи и Італіи также не чужда тому рѣшенію его, основаніе которому было положено въ Германіи. Изъ англійскихъ психологовъ мы укажемъ на Дж. Селли, въ сочиненіи котораго объ иллюзіяхъ намъ придется еще обратиться и который подробно коснулся именно вопроса объ анализѣ въ вышедшей ранѣе трактата объ иллюзіяхъ книгѣ «Sensation and Intuition» ****); изъ итальянскихъ-же мы укажемъ на Роберта Ардиго, который заключаетъ свое изложеніе анализа воспріятій, подобно Рибо, сравненіемъ физической психологіи съ химіей, съ тою разницею только, что вмѣсто предостере-

*) Ueber das Bewusstsein als Schranke der Natur-Erkenntniss von Prof. Dr. Herm. Siebeck. 1879. S. 1—2.

**) М. Троицкаго. Наука о духѣ. Т. I, стр. 105—7.

***) Studien über die Association der Vorstellungen von Dr. S. Stricker 1883. Cap. XII und XIII.

****) См. Essay III: «Recent german Experiments with sensation», нач. со стр. 57, и Essays VII: «The basis of musical sensation».

женія по отношенію къ метафизикѣ, онъ, напротивъ того, призываетъ психологію къ этому рода изслѣдованіямъ и наблюденіямъ *)).

Если послѣ всего сказаннаго, мы обратимся къ книгѣ г. Грога, то въ состояніи будемъ указать въ ней нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, сказывается недостаточное вниманіе его къ вопросу, о которомъ только-что шла рѣчь. Остановимся хоть на его взглядѣ на условія возникновенія иллюзій. По его мнѣнію, возникновеніе ихъ обусловлено исключительно «отрывочными и недостаточными впечатлѣніями», «ненаблюдениемъ и проходящимъ оттого незнаніемъ» (стр. 334). «Самыя-же ощущенія и воспріятія наши всегда вѣрны, — поясняетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, — невѣрно только ихъ истолкованіе, отнесеніе ихъ къ тому или другому внѣшнему объекту» (стр. 331).

Если-бы, высказывая этотъ взглядъ, авторъ не упустилъ изъ виду, что ощущенія наши суть уже результаты синтеза, то онъ — и съ своей собственной точки зрѣнія — долженъ-бы былъ приписать безошибочность не ощущеніямъ, а только ихъ элементамъ. Высказываясь такъ, онъ, дѣйствительно, и по отношенію къ предмету изслѣдованія началъ-бы съ его начала. Удержалась-ли-бы при этомъ его теорія оборота, — это вопросъ, касаться котораго я не стану, предоставляя его всецѣло специалистамъ. Я останавливаюсь лишь на томъ, что достодожное изученіе элементовъ ощущеній поставило-бы г. Грота на тотъ путь, по которому шло изслѣдованіе Сѣлли, специально изучавшаго явленія иллюзій и написавшаго монографію о нихъ. Очень можетъ быть, что работа г. Грота на этомъ пути была-бы даже гораздо успѣшнѣе и блистательнѣе, чѣмъ работа Сѣлли; во всякомъ-же случаѣ, изучая протѣвшія сочетанія психическихъ элементовъ, онъ не могъ-бы не замѣтить, что ограничивать условія возникновенія иллюзій отрывочностью и недостаточностью впечатлѣній, ненаблюдениемъ и ложнымъ истолкованіемъ — невозможно. Та сотня страницъ, которую даетъ намъ теперъ книга Сѣлли, поучаетъ насъ, что вопросъ этотъ вовсе не такъ маловаженъ, какъ онъ представляется для г. Грота. «Вся наша минувшая умственная жизнь, со всѣми особенностями ея опыта, ея господствующими волненіями, ея обычнымъ направленіемъ фантазій, налагаетъ особенный колоритъ на всѣ наши новыя впечатлѣнія и такимъ образомъ способствуетъ возникновенію иллюзій. Для воспріятія, какъ и для вѣрованія (belief) существуетъ свое «личное уравненіе», свой итогъ ошибочныхъ уклоненій отъ общаго воззрѣнія на предметы внѣшня-

*) Roberto Ardigo. La psicologia come scienza positiva. 1870, p. 303.

„Дѣло“ № 9, 1883 г. II.

го міра. Они происходятъ отъ *индивидуальнаго темперамента и привычекъ ума*. Такимъ образомъ, по природѣ робкій человекъ будетъ вообще склоненъ видѣть вещи безобразныя и страшныя тамъ, гдѣ умъ свободный отъ предрасудковъ не замѣтитъ ничего подобнаго, причемъ формы, которыя примуть для робкаго пугающія его вещи, будутъ опредѣлены характеромъ его прошедшаго опыта и обычнымъ направленіемъ его воображенія.» *) «Мы можемъ характеризовать иллюзіи, говоритъ Селли въ другомъ мѣстѣ,—какъ недостаточное воззрѣніе (*partial view*), недостаточное въ двоякомъ смыслѣ: и въ смыслѣ неполноты, и въ смыслѣ зависимости отъ особенныхъ предрасположеній ума.» **) Мы не приводимъ тѣхъ многочисленныхъ иллюстраціи, которыми такъ богато сочиненіе Селли, по недостатку мѣста, и очень сожалѣемъ объ этомъ, такъ какъ тогда стало-бы еще яснѣе, что въ очень многихъ и многихъ случаяхъ самыя достаточныя и самыя полныя впечатлѣнія не устраняютъ, однако, иллюзіи и не могутъ устранить ихъ, такъ какъ причина ихъ лежитъ въ самомъ субъектѣ, и лежитъ очень глубоко.

Видя тѣсную связь между иллюзіями и заблужденіями, г. Гротъ весьма послѣдовательно приходитъ къ утверженію, что источникъ иллюзіи тотъ-же, что и источникъ ложныхъ обобщеній и заблужденій вообще, а именно—ненаблюденіе и незнаніе (стр. 334). О заблужденіяхъ-же, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ,—можетъ быть рѣчь лишь до тѣхъ поръ, пока субъектъ вообще признанъ находящимся въ нормальныхъ условіяхъ познанія, т. е. обладающимъ правильно организованною и здоровою нервною системою (стр. 329). Такимъ образомъ, между тѣмъ психическимъ состояніемъ, въ которомъ причиною заблужденія можетъ быть только ненаблюденіе и незнаніе, и тѣмъ, о заблужденіяхъ коего не можетъ быть и рѣчи, ибо оно представляетъ уже полное искаженіе познавательной дѣятельности, проводится рѣзкая черта, и затѣмъ не остается мѣста ни для чего средняго.

Съ такимъ рѣзкимъ разграниченіемъ едва-ли согласятся спеціалисты. Селли съ нѣкоторымъ удареніемъ указываетъ на то, что проведеніе разграничительной черты между здравымъ разумомъ и областью иллюзіи есть дѣло обыденнаго мышленія (*common sense*), не знающаго никакихъ тонкихъ различеній. Въ дѣйствительности-же кругъ нашего яснаго разумѣнія всегда окруженъ полу-нитью иллюзіи. Иллюзіи-же, въ свою очередь, не могутъ быть отдѣлены рѣзкою чертою отъ заблужденій и переходятъ въ нихъ совер-

*) J. Sully. Illusions, pp. 101—102.

**) *Ib.* p. 336.

шенно незамѣтно. Причина-же заблужденій — такъ-же, какъ и иллюзій — лежитъ, по мнѣнiю Селли, не въ одномъ только ненаблюдени, но и въ предрасположенiяхъ самого субъекта, такъ-что въ большей части заблужденiй пассивный и активной факторы являют-ся комбинированными *).

Такъ какъ мы придаемъ большое значенiе вопросу о постепенности и нечувствительности перехода отъ нормальнаго состоянiя къ болѣзненному, то приведемъ еще одно мнѣнiе специалиста, еще болѣе рѣшительное и опредѣленное, чѣмъ приведенное выше мнѣнiе Селли. Балъ, въ статьѣ своей о «Границахъ помѣшательства», замѣчаетъ, что одностороннимъ умамъ весьма нравится очень простое, но, въ то-же время, совершенно ложное представленiе о будто бы существующей рѣзкой границѣ между помѣшательствомъ и здравымъ смысломъ, иначе говоря — о томъ, будто человѣкъ долженъ быть непремѣнно или помѣшаннымъ, или здоровымъ. «Полвѣка назадъ, Францiя и Марокко заключили между собою трактатъ для опредѣленiя западной границы Алжира; начинающая отъ извѣстнаго пункта къ югу, оставили, съ общаго согласiя, границу неопредѣленною, потому-что, по словамъ мусульманъ, дальше шла необитаемая пустыня. Теперь въ этой необитаемой пустынѣ оказалось населенiе въ шестьсотъ тысячъ человѣкъ. Такова-же и область, расположенная на границѣ разума и помѣшательства; которую обыкновенно считаютъ пустынею, но которая населена не шестью стами тысячъ, а нѣсколькими миллионами. Очень мало такихъ людей, которые всю жизнь идутъ по совершенно прямому пути и поведенiе которыхъ всегда совершенно разумно. Если судить по обычнымъ правиламъ діагностики, то можно отнести къ помѣшаннымъ множество встрѣчающихся съ нами каждый день людей, — и все-таки было-бы беззаконiемъ под-вергнуть ихъ заключенiю.»

«Эти полупомѣшанные не только часто достигаютъ высокаго положенiя, но оказываютъ иногда неоспоримое влiянiе на окружающихъ, на свою страну, на вѣкъ, въ которомъ они живутъ. Галлюцинаци Жанна д'Аркъ произвели чудо, котораго не могъ осуществить героизмъ нѣсколькихъ военачальниковъ; и между знаменитыми людьми, потрясшими до основанiй свою эпоху, найдется много такихъ, которые, не будучи совершенно помѣшанными, были, по меньшей мѣрѣ, полупомѣшаны. Въ дѣйствительности эти умы оказываются часто болѣе интеллигентными, чѣмъ другiе; они, вообще, отличаются поразительною дѣятельностью,

*) Sully, id. pp. 1—3, 234—235, 207.

именно потому, что они тронулись; наконецъ, они обладаютъ могущественною оригинальностью, такъ какъ мозгъ ихъ изобилуетъ совершенно новыми идеями. Почитайте исторію, и вы увидите, что преимущественно они совершали міровые перевороты, основывали новыя религіи, создавали и разрушали государства, спасали народы, рискуя ихъ гибелью, и оставили слѣдъ въ наукѣ, въ литературѣ и въ нравахъ своей страны и своего времени. Часто цивилизація принуждена была-бы отставать, еслибы не было помѣшанныхъ, подвигающихъ ее впередъ. *)

Какъ ни обширна та область неопредѣленнаго психическаго состоянія, о которой говоритъ Баль, но мы не можемъ признать еще, что вмѣстимостью ея исчерпывается вся та средняя полоса, которая лежитъ между умоповрежденіемъ и такимъ состояніемъ умственныхъ способностей, которое впадаетъ въ иллюзію или заблужденіе, лишь по недостатку наблюденія. Къ обширной области, обмеженной Балемъ, непосредственно примыкаетъ другая, еще болѣе обширная, границы которой опредѣляются расовыми и національными особенностями. Особенности эти, какъ показалъ Рибо въ своемъ сочиненіи «О наслѣдственности», опредѣляютъ ту совокупность свойствъ, которую обыкновенно называютъ народнымъ характеромъ, передающимся изъ поколѣнія въ поколѣніе и обнаруживающимъ поразительно упорство. Такъ Рибо доказываетъ, что характеръ, напримѣръ, римлянъ или характеръ галловъ опредѣлился уже въ глубокой древности и затѣмъ остается неизмѣннымъ въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, такъ что въ современныхъ французахъ легко видѣть основныя черты галловъ временъ Цезаря **). Говоря затѣмъ объ общихъ результатахъ своего изслѣдованія, Рибо приходитъ къ выводу о постепенномъ ростѣ умственныхъ способностей и считаетъ иллюзіей вѣрованіе въ способность всякаго хорошо одареннаго ума понимать факты, лишь только факты эти будутъ ему представлены. Разумъ, какъ говорить Рибо,—подобенъ зданію, каждый этажъ котораго можетъ быть возводимъ лишь тогда, когда достодожнымъ образомъ заложено то, на что онъ долженъ опираться и чѣмъ онъ долженъ держаться ***). Такимъ образомъ, область, допускающая заблужденіе лишь при условіи ненаблюденія ****), сводится къ крайне

*) *Ball.* Les frontières de la folie. Revue scientifique, 1883, № 1.

***) *L'hérédité psychologique* par Th. Ribot. 2 ed. P. 1882. pp. 112 et suiv.

****) *id* p. 305.

*****) Мы уже имѣли случай указать, что наблюденіе даетъ такъ много мѣста центральной дѣятельности, что отнесеніе его къ дѣятельности периферической и приравненіе воспріятію не можетъ считаться правильнымъ. Периферическая сторона сложнаго процесса «наблюденія» все же таки остается «вос-

узкой полоскѣ, охватывающей умы, дисциплинированные наукой и преодолевшіе всѣ неблагоприятныя условія наследственности; вся же остальная масса должна неизбежно быть подведена подъ общую рубрику обыденнаго мышленія, которое достигаетъ знанія отрывочно и случайно, не перестаетъ жить и дѣйствовать подъ вѣчною властью хотѣній, наконецъ, тускнѣть приобретеныя знанія расовыми, національными и другими особенностями и упорно отказывается отъ подчиненія объективной требовательности науки *).

Приведенными указаніями не исчерпываются, однако-же, тѣ данныя, которыя даютъ намъ поводъ сомнѣваться въ основательности того упрощенія вопроса о познавательномъ процессѣ, которое мы встрѣтили у г. Грота. Мы укажемъ еще хоть мимоходомъ на замѣчательныя изслѣдованія итальянскаго психолога Тито Виньоли, которыя также заставляютъ думать, что, кромѣ ненаблюденія, существуютъ еще глубокія внутреннія причины заблужденій,—причины, устраненіе или, вѣрнѣе, подавленіе дѣйствій коихъ есть дѣло продолжительной эволюціи, результатъ трудной дисциплины. Обойти молчаніемъ Виньоли было-бы тѣмъ болѣе ошибочно, что ученый этотъ представляетъ собою рѣдкій типъ психолога-экспериментатора и выдается своею оригинальностью. Его книга «Объ основномъ законѣ разума въ царствѣ животномъ», вышедшая въ 1877 году, обратила на него вниманіе многихъ специалистовъ въ Европѣ, а вышедшее черезъ два года затѣмъ сочиненіе «Міеъ и наука» вошло въ составъ международной научной бібліотеки и переведено уже на нѣмецкій и англійскій языки. Мы не можемъ, конечно, останавливаться надъ воззрѣніями Виньоли настолько, насколько они того заслуживаютъ, и скажемъ только, что основная его мысль заключается въ едва-ли переводимомъ на русскій языкъ понятіи «энтификаціи», присущей, какъ доказываетъ Виньоли, всему животному царству. Энтификація, по Виньоли, есть такой психологическій процессъ, который служить, такъ

пріятіемъ». Замѣтимъ поэтому, что и въ данномъ случаѣ указаніе г. Грота на *ненаблюденіе* мы считаемъ ошибочнымъ и думаемъ, что можетъ идти рѣчь лишь о невоспріятіи, о пропускѣ явленія сознаніемъ. Ненаблюденіе же, по смыслу теоріи самаго г. Грота, есть уже ошибка центральной дѣятельности, напр. ненаблюденіе врачомъ температуры больного при діагнозѣ, ненаблюденіе машинистомъ полотна дороги во время слѣдованія поезда и т. д.

*) Не лишне привести здѣсь мнѣніе одного психіатра, съ которымъ мы имѣли случай говорить по поводу рассматриваемаго здѣсь вопроса. Можно признать безошибочность дѣятельности центрального органа въ здоровомъ организмѣ и въ то же время допустить несомнѣнность существованія расовыхъ, національныхъ, сословныхъ и т. д. предрасположеній, но непремѣнно подъ условіемъ считать всѣ эти предрасположенія *патологическими* явленіями.

сказать, подкладкою процесса мнѣтворчества и обусловливается чисто самопобудительной (спонтанею) необходимостью,—процессъ прирожденный, непосредственный, неизбѣжный *). Такимъ образомъ, по идеѣ Виньоли, выходить, что разумъ, находящійся въ процессѣ энтификаціи, неизбѣжно заблуждается или, иначе говоря, неизбѣжно подчиняетъ энтификаціи всѣ свои наблюденія. Вѣрно ли это или нѣтъ,—рѣшать, конечно, не намъ. Мы можемъ сказать только, что нѣсколько строкъ объ идеяхъ Виньоли въ енигѣ г. Грота было-бы встрѣтить гораздо пріятнѣе, нежели перечисленіе такихъ книгъ, какъ: *Fabricius, Specimen elencticum historiae logicae. Hamb. 1699. Feuerlinus. Diss. de variis modis logicam frondendi. Ienae 1712* и т. п. Хорошо еще, что у насъ нѣтъ специалистовъ, которые сказали-бы, что г. Гротъ пропустилъ еще одно сочиненіе, вышедшее въ 1698 году, и что тутъ-то, какъ говорятъ нѣмцы и зарыть песь.

Принявъ во вниманіе все вышесказанное, придется, какъ мы полагаемъ, убѣдиться, что вопросъ о мышленіи и познаніи нѣсколько сложнѣе, чѣмъ утверждаетъ то г. Гротъ, и что принятый имъ путь не можетъ привести къ надлежащему его уясненію. Смѣшеніе мышленія и познанія привело г. Грота, какъ мы видѣли, къ нѣкоторымъ противорѣчіямъ и болѣе чѣмъ спорнымъ положеніямъ, и это-же смѣшеніе, въ свою очередь, заставило его смѣшать психологію, теорію познанія и логики въ одну науку, которую ему угодно было назвать логикой, но которая все-же таки по своему содержанію есть *теорія познанія*. Къ ея типу мы и старались еще болѣе приблизить тѣму г. Грота нашими замѣчаніями, но далеки отъ мысли, что такимъ образомъ склоняли тему эту къ сторонѣ метафизики, какъ можетъ замѣтить намъ, пожалуй, читатель, знакомый съ книгой г. Грота, и узнавшій изъ нея, что теорія познанія есть наука полуметафизическаго характера **). Отвѣчая на такое весьма возможное замѣчаніе, мы не станемъ останавливаться на томъ, что самъ г. Гротъ въ другомъ мѣстѣ называетъ свою теорію именно теоріей познанія ***), а попросимъ только указать намъ метафизическія черты въ теоріи познанія Геринга, какъ она изложена въ его «Системѣ критической филосо-

*) Mito e scienza. Saggio per *Tilo Vignoli*. Milano. 1879. pp. 134—135.

***) Что она можетъ быть метафизичною и бываетъ такою нѣрѣдко, объ этомъ не можетъ быть спора; но какой-же отрасли знанія нельзя придать метафизическаго характера? Иной вопросъ, неизбѣжна-ли ея метафизичность? Какъ сводъ матеріала см. «Il nuovo realismo contemporaneo della Teorica della conoscenza in Germania ed Inghilterra, studio critico di Giovanni Casca. 1883». Тутъ достойны вниманія первыя три части; послѣднюю-же «Conclusion» можно, пожалуй, и не читать.

***) См. стр. 13 и 221.

фіи». По нашему мнѣнію, г. Гротъ много потерялъ, игнорируя это сочиненіе. Одна глава о различіи знанія и пониманія дала-бы ему болѣе типическихъ чертъ для характеристики познанія, чѣмъ цѣлая масса его стертыхъ подраздѣленій и переподраздѣленій. Мы не станемъ, впрочемъ, настаивать на этой мысли или развивать ее. Очередь такой задачѣ придетъ тогда, когда явится популярное изложеніе сочиненія г. Грота, а теперь мы и то занимались имъ слишкомъ долго, и пора уже кончить.

Какъ? скажетъ опять читатель, ознакомившійся хотя-бы съ обстоятельнымъ оглавленіемъ книги;—какъ? вы хотите уже кончать, не сказавъ ни слова ни по вопросу о сведеніи всѣхъ умственныхъ процессовъ къ ассоціаціи, диссоціаціи, дисассоціаціи, интеграціи, дезинтеграціи и т. д., ни по вопросу критики основныхъ законовъ мышленія? Пощадите, отвѣтимъ мы,—вѣдь пришлось-бы написать еще столько-же, сколько нами написано; надо оставить что-нибудь и спеціалистамъ: они вѣдь только и могутъ быть судьями такихъ гипотезъ, какія изложены, напримѣръ, на стр. 147, а мы довольствуемся малымъ, да и то боимся злоупотребить терпѣніемъ читателя. Еще разъ напоминаемъ, что мы пишемъ не критику, а лишь рядъ замѣтокъ, и что поэтому съ насъ и требовать нельзя разсмотрѣнія всѣхъ безъ исключенія вопросовъ, обсуждаемыхъ въ довольно обширномъ трудѣ г. Грота.

Заканчивая наши замѣтки, мы считаемъ себя обязанными сказать, что, несмотря на всѣ несогласія наши съ почтеннымъ авторомъ, мы высоко цѣнимъ, однако-же, научное направленіе его труда и искренно желаемъ ему полного и блистательнаго успѣха въ борьбѣ съ умопомрачающею и жизнеубивающею метафизикою. Уже при чтеніи его первой работы мы радовались появленію новаго и сильнаго врага того направленія, которое отклоняетъ мысль отъ плодотворной дѣятельности и устремляетъ ее въ область безнадежнаго созерцанія и утомительно безплодной любознательности. Въ своей новой книгѣ, и особенно въ рѣчи, произнесенной на диспутѣ, г. Гротъ, заодно съ метафизикою, стремится уже исключить изъ области наукъ и философію. Объ этомъ вопросѣ мы надѣемся поговорить еще особо, а теперь скажемъ только, что если г. Гроту удастся убѣдить насъ, — мы съ удовольствіемъ занесемъ въ лѣтописи литературы нашей не очень-то часто встрѣчающееся въ ней рожденіе новой истины, и, чувствуя ее, съумѣемъ побѣдить то горькое чувство, которое можетъ быть вызвано исчезновеніемъ изъ храма науки такого дорогого намъ кумира, какъ философія.

Мы очень хорошо понимаемъ, что стать на вѣрный путь еще не значитъ приобрѣсти вѣрную гарантію для достиженія цѣли. И

на вѣрномъ пути можно спотыкаться, падать, останавливаться. Но и одно ужъ избраніе вѣрнаго, т. е., въ данномъ случаѣ, научнаго пути въ такихъ областяхъ, гдѣ еще очень и очень распоряжается метафизика, все-же таки не малая заслуга,—заслуга, которую мы весьма цѣнимъ въ трудѣ г. Грота. Мы-бы желали, чтобы на трудъ этотъ было обращено серьезное вниманіе всякаго, принамающаго къ сердцу успѣхи такихъ важныхъ отраслей знанія, какъ психологія и логика. Отъ этихъ успѣховъ много зависитъ ослабленіе бесплодныхъ витаній въ области безпочвенныхъ умозрѣній, которымъ мы отъ всего сердца желаемъ наступленія сколь возможно скорого конца.

Переходя къ вопросу объ исполненіи сочиненія г. Грота, несомнѣнно прекрасно задуманнаго, и не возвращаясь болѣе къ тѣмъ сторонамъ его, по поводу которыхъ мы имѣли случай сдѣлать наши замѣчанія, скажемъ, что объ оригинальности общаго плана — оригинальности, которой авторъ придаетъ особенно важное значеніе—мы не выскажемся вовсе. Съ одной стороны, для насъ, обыкновенныхъ читателей, не мечтающихъ никогда даже и о совѣщательномъ голосѣ въ средѣ специалистовъ, вопросъ этотъ лишень всякаго интереса и даже нѣсколько напоминаетъ препирательство о томъ, кто первый сказалъ «э!». Съ другой стороны, чтобы отвѣчать на него, необходимо было писать критическую статью, охватывающую всѣ вопросы сочиненія и во всей ихъ полнотѣ, на что у насъ нѣтъ ни времени, ни матеріаловъ. Очень возможно и очень вѣроятно, что специалисты вполне признаютъ несомнѣнность общей оригинальности труда г. Грота, и мы, само собою разумѣется, и не подумаемъ выражать, съ нашей стороны, какія-бы то ни было сомнѣнія по этому поводу. Намъ думается только, что, такъ какъ произведеніе г. Грота не есть произведеніе художественное, то не важнѣе-ли, при размѣщеніи вопроса объ оригинальности, рѣшить, въ какой мѣрѣ оригинальны тѣ отдѣльные главные тезисы, изъ которыхъ оно построено. Мы искренно желаемъ, чтобы такого рода критики дали въ результатѣ несомнѣнную увѣренность въ томъ, что въ книгѣ г. Грота много новаго и много хорошаго, и что все новое въ ней хороше, а хорошее—ново.

Въ заключеніе мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о формѣ сочиненія, съ содержаніемъ котораго мы успѣли нѣсколько познакомить читателя при посредствѣ нашихъ замѣтокъ. Нечего и говорить послѣ того, что уже извѣстно, что общедоступности формы странно было-бы и ожидать. Сочиненіе написано для специалистовъ, и читатель былъ своевременно предувѣдомленъ, что изложеніе будетъ сухо и лаконично. Таково оно и есть на самомъ дѣлѣ,

хотя, при внимательномъ чтеніи, и обыкновенный читатель даже не можетъ встрѣтить ничего совершенно недоступнаго его разумѣнію. Съ перваго взгляда его поразятъ, пожалуй, формулы алгебраическаго характера, своеобразные знаки, графическія схемы, но, присмотрѣвшись ближе, онъ увидитъ, что весь этотъ сложный аппаратъ сводится только къ мудреной внѣшности весьма простыхъ вещей. Алгебраическія формулы, повторяя на иной ладъ сказанное въ текстѣ и не приводя къ такъ называемымъ алгоритмическимъ дѣйствіямъ (Determination, Summation, Negation *), могли-бы съ успѣхомъ и не испещрять страницъ книги и, ограничивъ ея объемъ, оказать читателю вѣрную услугу; своеобразные знаки могли-бы уйти вслѣдъ за формулами, такъ какъ опять таки, безъ изложенія теоріи алгоритма и безъ его приложенія, необходимости въ нихъ нѣтъ; и, наконецъ, графическія схемы, способныя напугать неопытнаго читателя, покажутся даже и ему совсѣмъ излишнимъ балластомъ, если онъ примется за чтеніе книги, такъ какъ онъ весьма досадливо пережевываютъ всякія азбучности. Какихъ такихъ специалистовъ имѣлъ въ виду авторъ—и понять трудно. Серьезный расчетъ могъ быть только относительно г. Страхова, если и его счесть специалистомъ, а другіе, пожалуй, только плечами будутъ пожимать, когда наткнутся на толкованіе интеграціи и дифференціаціи съ чертежиками и въ тонѣ «Роднаго слова».

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи г. Гротъ такъ мало щадитъ специалистовъ, что подчасъ за нихъ стыдно становится. Присмотрѣвъ, напримѣръ, примѣры предложеній на стр. 136—138 и наткнувшись на оговорку, что примѣры эти взяты, «по возможности, изъ дѣйствительнаго міра, чтобы предложенія были какъ можно проще по своему составу», спрашиваемъ съ удивленіемъ, для кого же это писано? Кто эти убогіе и нищія духомъ, для которыхъ все это жуется и пережевывается? Подобные-же вопросы навертываются, напримѣръ, и тогда, когда авторъ начинаетъ вдавливать своимъ специалистамъ различіе науки отъ теоріи искусства, и во многихъ другихъ мѣстахъ... Но верхъ удивленія постигаетъ читателя, когда, по поводу самой простѣйшей мысли, авторъ начинаетъ доканивать специалиста примѣрами. Всякій рассказъ и пересказъ окажется тутъ слабымъ и блѣднымъ, и поэтому мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшую выписку. «Положимъ—говорится здѣсь—мы сидимъ въ концертѣ, довольно далеко отъ сцены, да къ тому-же отличаемся близорукостью и не имѣемъ точныхъ свѣ-

*) По Вундту. См. его „Logik. Eine Untersuchung der Principien der Erkenntniss. 1880. I. Band. Viertes Capitel.

дѣній о различіи струнныхъ инструментовъ: вышелъ артистъ, мелькнулъ въ воздухѣ какой-то коричневый предметъ, и полились звуки: ощущение извѣснаго цвѣта и ощущение какой-то неопредѣленной формы ассоціровалось въ нашемъ умѣ съ извѣстнымъ преимствомъ звуковыхъ ощущений, и больше ничего. Но вотъ въ антрактѣ мы случайно встрѣчаемъ въ корридорѣ носъ къ носу артиста съ его инструментомъ, бесѣдующаго съ какимъ-нибудь любителемъ изъ публики. Мы подходимъ поближе, становимся въ сторонку и рассматриваемъ инструментъ: скрипку мы немного знаемъ, виолончель тоже; но это ни то, ни другое, — больше скрипки, но меньше виолончели. Собесѣдники упоминаютъ часто объ альтѣ, кивая на данный инструментъ; ощущенія цвѣга, формы, величины становятся опредѣленнѣе и ассоціруются полнѣе, ассоціруются они и съ суммою ощущенийъ отъ слышанныхъ ранѣ звуковъ, ассоціруются наконецъ и съ именемъ, случайно нами услышаннымъ, — и въ результатѣ является интегрированное цѣлое, новое для насъ представленіе объ альтѣ, какъ особомъ инструментѣ. Ничего, кромѣ ассоціацій, въ этомъ случаѣ не было; но онѣ совершили извѣстный кругъ — и получилась интеграція. Возьмемъ другой примѣръ. Ребенокъ видитъ постоянно въ своей дѣтской предметъ съ четырьмя ножками, на которомъ онъ играетъ въ игрушки: ему говорятъ, что это столъ; посреди столовой стоитъ предметъ гораздо больше, овальной формы, съ шестью ножками, и про него говорятъ ему тоже, что это столъ: происходитъ ассоціація по сходству; въ гостиной стоитъ предметъ, состоящій изъ круглой доски, покрытой скатертью, съ одной ногою, внизу раздѣляющейся на три ножки: опять, говорятъ, столъ, — новая ассоціація; у отца въ кабинетѣ большая масса безъ ножекъ, покрытая зеленымъ сукномъ и въ серединѣ подъ доской имѣющая пустоту, — опять «столъ», — еще ассоціація. Такъ какъ эти формы постоянно повторяются и въ другихъ комнатахъ, и въ другихъ квартирахъ, то всѣ частныя представленія ассоціруются другъ съ другомъ наконецъ совершенно прочно и окончательно, и является общее представленіе о столѣ, т. е. новое интегрированное цѣлое. Очевидно и тутъ опять нѣтъ ничего, кромѣ ассоціацій, но прошедшихъ извѣстный кругъ: представленіе *a* ассоціровалось съ представленіемъ *b*, *b* съ *c*, *c* съ *d* и *d* опять съ *a*, — кругъ закончился и рядъ ассоціацій привелъ къ интеграціи: явилось новое цѣлое — *N*. (Стр. 99).

По истинѣ удивительный тонъ такого рода изложенія тѣмъ болѣе неожиданъ, что авторъ успѣлъ уже ранѣе заявить о своихъ тенденціяхъ, не имѣющихъ съ такимъ тономъ ничего общаго. Еще въ своей «Психологіи чувствованій», разбирая вопросъ о

научной терминологіи, онъ обнаружилъ нежеланіе спускаться до толпы и полную рѣшимость замѣниться въ своего рода академическомъ величіи. Не желая знать, что злоба дня заключается въ доступности научныхъ знаній для массъ, забывая, въ какой мѣрѣ форма можетъ способствовать или препятствовать этой доступности, авторъ, увлеченный лишь заботою о выработкѣ «единой и для всѣхъ языковъ обязательной научной терминологіи» и проникнутый вѣрою въ неизбѣжность наступленія этого единства, отвергаетъ всякое значеніе общепонятной терминологіи и отстаиваетъ абракадабру, понятную лишь для однихъ ученыхъ. По его мнѣнію, даже такія слова, какъ «памятованіе» и «забвеніе» должны исчезнуть изъ психологіи и замѣниться словами «аккумуляція» и «эвакуація». Онъ увѣряетъ, что во всѣхъ точныхъ наукахъ *такая* терминологія уже выработана и несомнѣнно содѣйствуетъ обмѣну мыслей, *распространенію* знаній и успѣхамъ этихъ наукъ. Такъ-ли это? Пусть скажутъ математики, физики, химики, биологи. Ужели Дарвинъ, если-бы онъ раздѣлялъ мнѣніе г. Грота, не могъ-бы придумать латинскаго или греческаго термина, вмѣсто общедоступной его «Struggle for life» и др. Неужели, вмѣсто выраженія «единство силъ», надо ввести опять-таки всемірный терминъ классическаго происхожденія? Ужели у народа, у обыкновенныхъ читателей и всякаго такого люда больше досуга, больше средствъ, больше всякаго рода возможностей, чѣмъ у ученыхъ, у специалистовъ, только и имѣющихъ одну заботу—свою спеціальность? И все это ради какой-то будущей науки, которой не дождутся и внуки нашихъ внуковъ, и которая все-же таки будетъ излагаться на народныхъ языкахъ, пока существуютъ народы, если только—само собою разумѣется—чрезъ мѣру усердствующіе ученые вновь не обратятся къ латинскому языку и не скроются отъ нашихъ глазъ въ его глубинахъ. Намъ остается одна только надежда на ихъ непослѣдовательность, и можно полагать, что эта надежда не обманетъ насъ.

Обыкновенный Читатель.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ БАНКЪ.

Старый крестьянский вопрос, на время отодвинутый въ сторону, снова воскресаетъ и приобретаетъ весь свой прежній и, можетъ быть, еще большій интересъ. Конечно, не на дворянство, ожидающее какихъ-то новыхъ милостей, а на крестьянство, въ которомъ давно возбуждены надежды на улучшение его быта, невольно обращаются въ настоящее время взоры общества. Теперь же этотъ старый крестьянскій вопросъ представляетъ тѣмъ большій интересъ, что онъ обсуждается не на бумагѣ только; въ крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, недавно учрежденномъ правительствомъ, мы видимъ первую попытку разрѣшенія нашихъ аграрныхъ неурядицъ путемъ практическимъ, посредствомъ мѣропріятія огромной принципиальной важности. Крестьянскій поземельный банкъ является совершенно новой и, можно сказать, критической фазой въ исторіи крестьянскаго дѣла. Въ рукахъ государства это одинъ изъ крайнихъ ресурсовъ, съ которымъ оно можетъ выступить на помощь народу, и исходъ этого начинанія естественно возбуждаетъ сильнѣйшій интересъ. Западная Европа еще не прибѣгала къ подобной мѣрѣ; намъ принадлежитъ первый починъ ея; справимся мы или нѣтъ съ своей задачей, это не можетъ остаться безъ вліянія не только у насъ, но и въ другихъ государствахъ Европы, вовлеченныхъ въ рѣшеніе однородной соціальной проблемы.

Поземельный кредитъ до сихъ поръ существовалъ у насъ, какъ извѣстно, лишь къ услугамъ частнаго землевладѣнія; относительно же крестьянскаго, дѣло не шло дальше мирной земской агитаціи и кое-какихъ весьма скромныхъ мѣропріятіи, не имѣющихъ большого значенія. За исключеніемъ тѣхъ немногихъ земствъ (тамбовскаго, московскаго, смоленскаго), которыя на чистоту высказались противъ поземельнаго крестьянскаго кредита и даже самую мысль о немъ склонны считать предосудительной, во всей нечерноземной полосѣ, земства единодушно ратовали въ его пользу и дѣлали, что могли и что позволялъ ихъ скудный бюджетъ. Одно изъ самыхъ

передовыхъ нашихъ земствъ, тверское, уже съ 1876 года отдѣляетъ часть своихъ средствъ на выдачу крестьянамъ краткосрочныхъ (на 4—6 лѣтъ) ссудъ для покупки земли, за 3—5% годовыхъ, «смотря по степени состоятельности заемщиковъ» (?), въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ покупной цѣны, такъ что недостающая сумма покрывалась изъ собственныхъ средствъ крестьянъ. Ссуды выдавались подъ непремѣннымъ, разумѣется, вполне цѣлесообразнымъ условіемъ, чтобы земля покупалась общиною, а не отдѣльными домохозяевами *). Затѣмъ и новгородское земство выдавало ссуды подъ залогъ приобретаемыхъ крестьянскими обществами земель, точно также, какъ и псковское, благодаря которому крестьяне получали ссуды въ мѣстномъ обществѣ взаимнаго кредита. Земство херсонское рассчитывало обратить въ фондъ для выдачи крестьянамъ ссудъ на покупку земли ту сумму, которая предназначалась для пониженія выкупныхъ платежей **); но чѣмъ кончилось это ходатайство—намъ неизвѣстно; вскорѣ за нимъ послѣдовало открытіе крестьянскаго банка. Таврическое земство, еще четыре года тому назадъ, проектировало организовать для крестьянъ краткосрочный поземельный кредитъ: оно думало выдавать крестьянамъ ссуды изъ собственныхъ средствъ, но при этомъ выговаривало себѣ право залога купленной крестьянами земли, а въ случаѣ недостаточности земской ссуды, земство гарантировало своимъ поручительствомъ вѣрность уплаты остальной части, обезпечивая себя въ этомъ случаѣ второй закладной. Этотъ пунктъ имѣетъ особенное значеніе. Земство собственно выдавало-бы крестьянамъ не свои деньги, а занятія въ какомъ-нибудь частномъ поземельномъ банкѣ подъ залогъ купленной крестьянами земли, но никакой банкъ не выдастъ больше 40—50% нормальной стоимости земли, такъ что крестьянамъ, для удовлетворенія продавца, пришлось-бы къ полученной ссудѣ прибавлять равную ей сумму изъ собственныхъ средствъ. Разумѣется, этого вполне достаточно, чтобы отклонить отъ такого кредита все бѣднѣйшее населеніе; въ виду этого земство и хотѣло гарантировать уплату той части продажной стоимости земли, которая не покрывается земской ссудой. Къ сожалѣнію, всѣ эти мѣропріятія остались только на бумагѣ; они были опротестованы губернаторомъ, полагавшимъ, что земству закономъ не предоставлено печся о нуждахъ крестьянскаго землевладѣнія. Это, впрочемъ, не помѣшало земству въ слѣдующихъ засѣданіяхъ снова заняться тѣмъ-же вопросомъ, но практическихъ результатовъ отсюда никакихъ

*) Земскіе вопросы, В. Ю. Свалова. Стр. 225.

***) Сборн. Херс. земства; № 3, стр. 42.

не послѣдство *)). Другія земства, напр. пермское, ограничивали свои заботы о крестьянскомъ землевладѣніи ходатайствами передъ правительствомъ о продажѣ крестьянамъ, на льготныхъ условіяхъ, разныхъ участковъ казенной земли, оставшихся безъ всякой эксплуатаціи. Что касается земствъ черноземныхъ губерній, то они, какъ извѣстно, хранили упорное молчаніе въ то время, когда почти повсюду выискивались мѣры для расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Печальное молчаніе это объясняла главнымъ образомъ эгоистическими побужденіями этихъ земствъ, не желавшихъ содѣйствовать переходу помѣщичьихъ земель въ руки крестьянъ для того, чтобы не ослаблять ихъ нужды въ арендѣ и постоянно имѣть въ нихъ послушную рабочую силу. Доля справедливости тутъ, можетъ быть, и есть, но необходимо принять во вниманіе слѣдующее: хотя въ черноземной полосѣ поземельный крестьянскій кредитъ болѣе необходимъ, чѣмъ гдѣ-либо, такъ-какъ здѣсь сосредоточено по преимуществу малоземельное населеніе, но организація его здѣсь представляетъ для всякаго земскаго бюджета почти непобѣдимыя трудности, вслѣдствіе чрезвычайной дороговизны земель, которыхъ, вдобавокъ, поступаетъ въ продажу весьма немного въ настоящій моментъ. Теперь уже понекому проходитъ и ослабѣваетъ тотъ острый кризисъ въ частномъ землевладѣніи, которымъ обусловливался прежде усиленный залогъ помѣщичьихъ земель, продажа ихъ съ молотка и за безцѣнокъ. Въмѣсто разорившихся владѣльцевъ, являются новые и остаются старые, наученные опытомъ; въ нихъ не только нѣтъ желанія продавать свои земли, но и отдавать ихъ въ аренду они уже находятъ не столь выгоднымъ, какъ самимъ вести хозяйство. Полтавскіе, напр., помѣщики того мѣннія, что при существующихъ почвенныхъ и другихъ условіяхъ, веденіе собственной запашки представляетъ «выгоды несравнимыя съ раздачей земли съ копны»; они утверждаютъ, что теперь помѣщики, раздавая часть своихъ земель въ аренду, поступаютъ такъ «изъ челоуѣколюбія»,—иначе, говорятъ они, «съемщикамъ этимъ некуда было-бы дѣться» **). Если, дѣйствительно, помѣщики приходятъ къ тому убѣжденію, что аренда для нихъ невыгодна, то, очевидно, что крестьянамъ черноземной полосы грозитъ опасность съ совершенно новой стороны, откуда она до сихъ поръ еще не ожидалась. Аренды «не будетъ», но что-же будетъ, если поземельный кредитъ невозможенъ, за отсутствіемъ продажныхъ земель и недоступностью ихъ цѣнъ, если издѣльныхъ промысловъ нѣтъ никакихъ, если, наконецъ, переселенія до сихъ поръ еще не урегулированы и не облегчены?

*) Земскіе вопр., стр. 227.

***) Сборн. по хоз. ст. Полт. губ. Зѣньковскій уѣздъ. Часть II, стр. 12.

Немногочисленныя попытки земства организовать для народа поземельный кредит не могли, разумѣется, оказать замѣтнаго вліянія на положеніе крестьянскаго хозяйства. Но онѣ, въ нѣкоторой степени, подготовили правительство къ открытію нынѣ уже дѣйствующаго крестьянскаго поземельнаго банка. Какъ первое крупное и притомъ государственное начинаніе въ области народнаго кредита, крестьянскій поземельный банкъ есть мѣра въ высшей степени интересная. Это какъ-бы отвѣтъ на давно возбужденный вопросъ, что дѣлать, въ виду возрастающаго упадка крестьянскаго землевладѣнія. Лишь только сдѣлалось достовѣрнымъ, что правительство рѣшилось помочь народу устройствомъ поземельнаго кредита на возможно льготныхъ условіяхъ, въ средѣ дворянства и нашей доморощенной буржуазіи явились опасенія и пророчества всякихъ бѣдъ для Россіи отъ этого, какъ говорили они, злополучнаго опыта государственнаго социализма, имѣющаго будто-бы цѣлью довершить крестьянскую реформу и упразднить или, по меньшей мѣрѣ, поставить въ безвыходное положеніе помещичье землевладѣніе. Но, по мѣрѣ того, какъ выяснялись сущность и истинное значеніе этого правительственнаго мѣропріятія, тревоги и опасенія обскурантовъ утихали, и въ настоящее время крестьянскій банкъ никого уже не пугаетъ и даже не мѣшаетъ увѣренности, что скоро наступитъ дворянская эра.

Существующія формы народнаго кредита уже достаточно ясно показали, что, при организациі его на обычныхъ началахъ, невозможно направить его на служеніе массѣ наиболѣе нуждающагося населенія, и что необыкновенно трудно не только уничтожить, но даже слегка ослабить присущую всякому кредиту тенденцію помогать сравнительно зажиточной части населенія, въ ущербъ менѣе зажиточной. Было время, когда у насъ съ сельскимъ кредитомъ связывались мечтанія о разныхъ благахъ, которыя онъ долженъ принести народу; кредитъ этотъ считался панацеей отъ всѣхъ золъ и бѣдствій, къ нему сводилось рѣшеніе, важнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ народной жизни. У насъ плодомъ увлеченія сельскимъ кредитомъ было учрежденіе ссудныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которыхъ теперь уже насчитывается до тысячи. Десятилѣтнее существованіе этихъ учреждений кое-чему уже научило насъ, и въ послѣднее время въ обществѣ, въ печати и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ передовыхъ земствъ незамѣтно и слѣдовъ прежняго сочувствія къ нимъ; напротивъ, эти учрежденія обвиняются въ томъ, что они не только не приносятъ никакой пользы народу, но скорѣе облегчаютъ кулакамъ возможность эксплуатировать бѣднѣйшее населеніе, которое, съ своей стороны, пользуется кредитомъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и въ такой не-

значительной мѣрѣ, что взятой ссудѣ оно не можетъ дать никакого инаго употребленія, какъ пропить ее, справить на нее свадьбу или праздникъ и т. п. Но всего важнѣе, что это бѣднѣйшее населеніе зачастую не имѣетъ возможности возвратить ссуды и потому подвергается изъ-за нея опасности растерять послѣднія крохи изъ своего скуднаго достоянія. Священникъ одной изъ волостей Пермской губерніи, сѣтуя на неуплату крестьянами ссудъ, съ грустью замѣчаетъ *): «Взаймъ давайте имъ, ничего-же чающе воспріяти» — слова, которыя слѣдовало-бы теперь помнить всѣмъ радѣтелямъ народа. Не лишнее замѣтить, что покойный князь Васильчиковъ, бывшій нѣкогда (вмѣстѣ съ г. Яковлевымъ) самымъ ревностнымъ и дѣятельнымъ сторонникомъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, въ своемъ сочиненіи «Сельскій бытъ и сельское хозяйство», признаетъ справедливость мнѣнія о сомнительномъ значеніи этихъ товариществъ для народа, такъ какъ они содѣйствуютъ развитію въ его средѣ неравенствъ и усиливаютъ экономическую зависимость бѣднѣйшей части населенія, и безъ того опутанной всякаго рода зависимостями **). Въ упомянутомъ сочиненіи, князь Васильчиковъ пытается установить надлежащую точку зрѣнія на сельскій кредитъ вообще и довольно правильно оцѣниваетъ его дѣйствительное значеніе. Онъ высказываетъ здѣсь мысль, что, для поддержанія крестьянскаго хозяйства, одного поземельнаго кредита совершенно недостаточно, и что необходимо, въ дополненіе къ нему, организовать переселенія. Мнѣніе это вполне справедливо и даже можетъ быть принято, въ нѣсколько измѣненной редакціи, за основной критерій для оцѣнки всякой поземельно-кредитной мѣры, являющейся на помощь народу. Князь Васильчиковъ говоритъ, между прочимъ: «Есть (другія) мѣстности, гдѣ при рѣдкомъ населеніи и изобиліи свободныхъ незаселенныхъ земель, нѣкоторыя селенія до крайности стѣснены малоземельемъ или выпущены на такъ называемый нищенскій надѣлъ, и въ такихъ мѣстностяхъ съ полнымъ успѣхомъ могутъ дѣйствовать общества или банки земельного кредита. Наконецъ, есть и такіе края, какъ, на примѣръ, центральная черноземная полоса, гдѣ, по густотѣ населенія и высокой цѣнности земель, приобрѣтеніе ихъ крестьянами едва-ли окажется возможнымъ, и тутъ надо приступить къ устройству и регулированію переселеній» ***). Послѣднія слова написаны какъ-бы по поводу нынѣшняго крестьянскаго банка, до учрежденія котораго не дожился.

*) См. «Сельско-хозяйственныя нужды Пермскаго края», состав. Е. И. Красноперовъ; стр. 162.

**), Стр. 61.

***), Стр. 159.

однако, князь Васильчиковъ. Съ мнѣніемъ его можно вполне согласиться, если только дополнить немного его замѣчаніе о невозможности для крестьянъ густонаселенной черноземной полосы приобрѣтать земли, хотя-бы и съ помощью кредита. Въ этой полосѣ, поземельный кредитъ не можетъ имѣть значенія для нуждающейся части населенія, но онъ могъ-бы, однако, и здѣсь сослужить свою службу, если-бы былъ употребленъ для переселеній и для приобрѣтенія земель тамъ, гдѣ согласны будутъ поселиться крестьяне. Съ такой оговоркой, поземельнымъ кредитомъ могло-бы воспользоваться большинство бѣдствующаго населенія, какъ въ густо, такъ и въ рѣдко населенныхъ мѣстностяхъ. Выше цитированныя строки, во всякомъ случаѣ, показываютъ, что князь Васильчиковъ считалъ недостаточнымъ одинъ поземельный кредитъ для поддержанія крестьянскаго землевладѣнія; необходимы, по его мнѣнію, еще и переселенія. Мысль эта вполне справедлива, но слѣдуетъ только поставить переселенія и поземельный кредитъ въ болѣе тѣсную связь, чѣмъ это сдѣлалъ князь Васильчиковъ. Въ настоящее время невозможно и разсматривать эти двѣ мѣры порознь, потому-что каждая изъ нихъ сама по себѣ совершенно недостаточна и получаетъ какое-либо значеніе лишь въ связи съ другой. Это основная точка зрѣнія, съ которой прежде всего необходимо взглянуть на организованный нынѣ крестьянскій поземельный кредитъ. Еще яснѣе, чѣмъ князь Васильчиковъ, выразилъ эту неизбѣжную зависимость поземельнаго кредита отъ переселеній и наоборотъ—другой изслѣдователь крестьянской жизни, г. Воропоновъ. Въ статьѣ, по поводу первоначальнаго проекта крестьянскаго поземельнаго банка, г. Воропоновъ говоритъ, между прочимъ: «Не должно быть рѣчи о дѣйствованіи *или* (курсъ въ подл.) путемъ кредита, *или* путемъ переселеній. Необходимо и то и другое одновременно. Одно должно помогать другому... И переселенія и земледѣльческій кредитъ имѣютъ одну *общую* задачу—ослаблять малоземелье и, по возможности, устранять дальнѣйшее обезземеливаніе крестьянскихъ массъ. Разрѣшеніе или движеніе этихъ вопросовъ порознь только ослабитъ наши силы и средства. Облегченіе переселеній будетъ недостаточно безъ кредита, а кредитъ, кажется, еще слабѣе, если не будетъ содѣйствуемъ развитіемъ переселеній; слѣдовательно, коль скоро мы ясно сознаемъ нашу цѣль и ставемъ стремиться къ возможно серьезнѣйшимъ послѣдствіямъ—вопросъ о кредитѣ долженъ разсматриваться непременно въ *связи* (курсъ въ подл.) съ вопросомъ о крестьянскихъ переселеніяхъ» *).

* См. «Земство» 1882 г., №№ 11 и 12. «Крестьянскій поземельный банкъ».

обыкновенной важности этой связи для сколько-нибудь дѣйствительнаго и замѣтнаго улучшенія поземельнаго быта крестьянъ.

Изъ «Положенія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ» видно, что дѣйствія его распространяются на всю Россію, за исключеніемъ Сибири, Закавказскаго края, губерній Царства Польскаго и Прибалтійскихъ *), но прямыхъ указаній на счетъ переселеній мы не находимъ въ Положеніи. Исключеніе Сибири и Закавказскаго края изъ раіона дѣйствія банка, показываетъ, что онъ вовсе не предназначенъ для переселеній, такъ какъ Сибирь и Закавказье привлекаютъ къ себѣ наибольшія массы переселенцевъ, но и о степныхъ губерніяхъ европейской Россіи, служащихъ также обычной цѣлью крестьянскихъ переселеній, ничего не говорится, хотя приуроченіе кредита къ переселенческому дѣлу требовало-бы специальныхъ дополнительныхъ статей къ Положенію. Весьма возможно, что молчаніе относительно переселеній позволить впослѣдствіи ввести эти дополненія и дать возможность банку содѣйствовать переселеніямъ хотя-бы въ губерніи Екатеринославскую, Самарскую, Оренбургскую. Вообще, если отказывать въ ссудахъ крестьянамъ, желающимъ приобрѣтать земли не въ тѣхъ уѣздахъ и не въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ находится ихъ мѣстожительство, то это стюзитъ дѣятельность банка до чрезвычайной степени; въ такомъ случаѣ, она должна обнаруживаться лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда крестьяне нуждаясь въ землѣ, найлутъ ее подлѣ своихъ надѣловъ, въ ближайшемъ отъ нихъ сосѣдствѣ. Въ мѣстностяхъ наибольшаго скопленія малоземельныхъ крестьянъ, напр., въ губерніяхъ: Орловской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, такихъ сосѣднихъ земель едва ли много окажется и вообще продажныхъ земель тамъ крайне мало въ настоящее время, такъ что можно опасаться, что именно въ мѣстностяхъ наибольшей нужды въ землѣ, банку нечего будетъ дѣлать, если его операціи не будутъ распространяться на крестьянъ переселяющихся. Содѣйствуя переселеніямъ, банкъ достигалъ-бы двоякаго результата: во-первыхъ, сами переселяющіеся крестьяне были-бы пристроены къ землѣ, а во-вторыхъ, освобождая собственныя земли, они понижали-бы цѣны вообще на мѣстныя земли, — цѣны, стояція теперь весьма высоко въ этихъ мѣстностяхъ и грозяція подняться еще выше послѣ учрежденія крестьянскаго банка. Опасеніе насчетъ поднятія цѣнъ на земли раздѣляется почти всѣми, писавшими о банкѣ, но намъ кажется, что въ вышеуказанныхъ мѣстностяхъ наибольшаго малоземелья слѣ-

*) «Правит. Вѣстникъ», 1882, № 117. «Положеніе о крест. позем. банкѣ» статья третья.

уетъ ждать еще худшаго, именно такого недостатка продажны хъ земель, что едва-ли будутъ окупаться одними мѣстными сдѣлками расходы по управленію отдѣленій банка. Теперь продажа частно-владѣльческихъ земель значительно пріостановилась въ этой полосѣ; часть ихъ уже пріобрѣтена наиболѣе зажиточными крестьянами, преимущественно государственными, а также и казаками, а оставшіяся земли находятся, повидимому, въ крѣпкихъ рукахъ и эксплуатируются самими владѣльцами или отдаются ими въ аренду по весьма высокимъ цѣнамъ. Конечно, можно разсчитывать на земли, заложенные въ частныхъ поземельныхъ банкахъ и поступающія въ продажу съ публичнаго торга, вслучаѣ неисправности владѣльцевъ. Но, какъ уже многими замѣчено, теперь-срочные платежи банкамъ поступаютъ несравненно исправнѣе и, слѣдовательно, случаевъ продажи частныхъ имѣній меньше, чѣмъ было нѣсколько лѣтъ тому назадъ; это объясняется тѣмъ, что имѣнія, заложенные по высокой опѣнкѣ и не выносившія тяжести срочныхъ платежей, давно уже проданы, а въ имѣніяхъ оставшихся ссуды находятся въ соответствіи со стоимостью имѣній *). Но во всякомъ случаѣ, частныхъ имѣній, заложенныхъ въ банкахъ, относительно наименѣе въ разсматриваемой полосѣ. Въ 1880 году, въ 10 губерніяхъ этого района (Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Черниговская) изъ 100 десятинъ частнаго владѣнія заложено было 27 десятинъ, тогда какъ въ южныхъ степныхъ губерніяхъ (Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и Донская область) заложено 37 десятинъ, а въ нижеволжскихъ и заволжскихъ губерніяхъ (Казанская, Оренбургская, Самарская,

*) Харьковскій корреспондентъ «Н. В.», касаясь операций мѣстнаго земельного банка, говоритъ, что теперь продажъ частно-владѣльческихъ имѣній значительно меньше, чѣмъ прежде. По его словамъ, «въ прежніе годы назначалось въ продажу свыше 500 имѣній, въ декабрьскимъ-же торгамъ 1880 года назначено было въ продажу только 160 имѣній. Но эта цифра не означаетъ дѣйствительнаго числа отчужденныхъ имѣній; продана была только самая незначительная часть публикованныхъ, именно только 14 имѣній». Если еще прибавить сюда имѣнія, оставленные банкомъ за собой, то все-же ясно, что частныя земли, заложенные въ банкахъ, представляютъ крайне скудный запасъ продажныхъ земель, на который мудрено разсчитывать. «По Екатеринославской губерніи, говоритъ тотъ-же корреспондентъ, производится больше продажъ, чѣмъ по другимъ. Область Войска Донскаго въ послѣднее время доставляетъ къ продажѣ весьма незначительное число имѣній, такъ какъ банкъ воздерживается отъ ссудъ въ томъ краѣ, а остающіяся въ залогъ имѣнія хорошо гарантируютъ уплату долга. Губернія Воронежская, Полтавская и Курская на этотъ разъ не поставили ни одного имѣнія на продажу; вообще эти три губерніи изъ лучшихъ въ числѣ тѣхъ, въ которыхъ оперируетъ банкъ». («Н. В.», № 1791, 1881).

Саратовская, Симбирская, Уфимская) заложено 39 десятинъ на сто *). Земли двухъ послѣднихъ районовъ, т. е. южныя и заволжскія степи, и могли-бы служить для нуждающихся крестьянъ богатѣйшимъ земельнымъ фондомъ, и чѣмъ раньше банкъ захватилъ-бы въ свои руки эти земли, тѣмъ больше, конечно, пользы онъ принесъ-бы населенію. По качеству, эти земли не уступаютъ лучшимъ уѣздамъ черноземной полосы, а между тѣмъ онѣ, по крайней мѣрѣ, вдвое дешевле, и именно теперь, пока цѣны на нихъ низки, съ нихъ-бы и слѣдовало начать банку свои операціи для открытія кредита не одному только мѣстному населенію, но и тѣмъ крестьянамъ, которые пожелали-бы сюда переселиться.

Скромныя средства банка вовсе не составляютъ препятствія къ открытію кредита крестьянамъ переселяющимся. Напротивъ, только содѣйствіе переселенію могло-бы дать этимъ скромнымъ средствамъ наиболѣе производительное назначеніе. Если принять, что банкъ найдетъ себѣ дѣло въ назначенномъ для него районѣ, и продажныхъ земель окажется на мѣстѣ достаточно, то во всякомъ случаѣ онъ можетъ приобрести несравненно меньшее количество этихъ земель, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда обыкновенно переселяются крестьяне. Первые земли гораздо дороже послѣднихъ и при томъ могутъ и еще возвыситься послѣ открытія дѣйствій банка. На основаніи Положенія, крестьянскій поземельный банкъ имѣетъ право выдавать въ ссуду ежегодно до 5 милліоновъ, получаемыхъ путемъ выпуска 5½ процентныхъ свидѣтельствъ (по нарицательной цѣнѣ въ 100, 500 и 1000 рублей), реализуемыхъ чрезъ посредство государственнаго банка **). 5 милліоновъ на всю Россію, конечно, черезчуръ мало, если дѣйствительно на мѣстѣ найдется, что покупать. Ограничивая свою задачу только содѣйствіемъ мѣстному землевладѣнію, крестьянскій банкъ можетъ на эти 5 милліоновъ приобрести или дать населенію возможность приобрести совершенно ничтожное количество земель, далеко не соотвѣтствующее нуждамъ населенія. Замѣтимъ, впрочемъ, тутъ-же, что 5 милліоновъ *обычный* предѣлъ всего количества ссудъ, но эта сумма можетъ быть и увеличиваема. Въ 10 статѣй Положенія о банкѣ говорится: «Министру финансовъ предоставляется разрѣшать выпускъ свидѣтельствъ крестьянскаго поземельнаго банка на сумму не свыше пяти милліоновъ рублей ежегодно. Если-бы потребовалось произвести выпуски свыше сего размѣра, то министръ финансовъ испрашиваетъ на сіе установ-

*) «Отч. Зап.», 1880, № 2. Задолженность частнаго землевладѣнія; стр. 148, 9.

**) Статьи 10, 11 и 12 «Полож. о крест. позем. банкѣ».

леннымъ порядкомъ. Высочайшее разрѣшеніе». Изъ этихъ словъ можно заключить, что 5 милліоновъ — правило, а сумма выше этого — исключеніе, допускаемое не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія. По первоначальному проекту устава о поземельномъ банкѣ, нормальная сумма ссудъ была еще ниже, именно 3 милліона, при чемъ также имѣлось въ виду, какъ и теперь, испрашивать Высочайшее разрѣшеніе всякій разъ, когда потребовалось бы выйти изъ границъ этой нормы. Эта оговорка о правѣ банка испрашивать Высочайшее разрѣшеніе для расширенія своихъ ежегодныхъ оборотовъ имѣетъ, конечно, очень важное значеніе и вполне умѣстна, ибо и теперь уже не трудно предвидѣть, что на пять милліоновъ немного можно сдѣлать.

При неполнотѣ нашихъ статистическихъ свѣдѣній трудно, конечно, составить себѣ точное понятіе о всей массѣ малоземельнаго населенія, но приблизительный расчетъ численности его возможенъ. У насъ, еще въ эпоху крестьянской реформы, дворовыхъ считалось 650,000 душъ *); столько-же почти считается и крестьянъ на четвертномъ надѣлѣ. Затѣмъ, въ 14-ти губерніяхъ черноземной и центрально-промышленной полосы, число ревизскихъ душъ, владѣющихъ до 1 и до 2 десятинъ на душу, доходитъ до 750,000 **). Въ счетъ этихъ 14 губерній не вошло еще много такихъ губерній, которыя недостаточно хорошо обслѣдованы со стороны крестьянскаго землевладѣнія. Между прочимъ, сюда не включены мѣстности наиболѣе развитого малоземелья, именно губерніи Полтавская и часть Черниговская. Если ограничиться только крестьянами, выкупившими свои надѣлы, то въ этихъ двухъ губерніяхъ можно принять около 200 тыс. малоземельныхъ, имѣющихъ до 2 десятинъ на душу ***). Но еще остаются: Кіевская,

*) Цифра эта заимствована изъ ст. г. Воропонова о Крест. поз. банкѣ; Земство, № 11.

**) См. Статист. позем. собств. и насел. мѣстъ Европ. Россіи. Выпуски I и II. Здѣсь собраны данныя относительно слѣдующихъ 14 губерній: Тамбовской, Тульской, Пензенской, Калужской, Воронежской, Орловской, Курской, Рязанской, Московской, Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Владимірской.

***) См. Сводъ данн. госуд. банка о поступленіи выкупн. платежей, Спб., 1882. Для опредѣленія числа малоземельныхъ въ этихъ двухъ губерніяхъ взято, во-первыхъ, не все крестьянское населеніе, а только выкупившее надѣлы и во-вторыхъ, не во всѣхъ уѣздахъ, а лишь въ тѣхъ, гдѣ средней душевой надѣлъ не превышаетъ 2 дес. Понятно, что выводы изъ подобныхъ данныхъ неточны и могутъ имѣть лишь приблизительное значеніе. Въ Полтавской губерніи взяты уѣзды: Хорольскій съ надѣломъ въ 1,65 дес. на душу, Лубенскій съ надѣломъ въ 1,58 дес., Зеньковскій (над. въ 1,56 д.), Кобелякскій (1,43 д.), Миргородскій (1,78 д.), Кременчугскій (1,89 д.), Прилужскій (1,88 д.), Полтавскій (1,79 д.), Переяславскій (1,95), Лохвицкій (1,93), Роменскій (1,91), Пирятинскій (2,03 д.);

Подольская и Волынская губерніи; въ первой, средній душевой надѣлъ у крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, составляетъ 2,5 дес., во второй—2,3 и въ третьей—2,7, такъ что вообще средній надѣлъ здѣсь немногимъ превышаетъ 2 десятины, и если, для приближительнаго опредѣленія числа малоземельныхъ, взять хотя-бы четверть ревизскаго населенія этихъ трехъ губерній, то къ вышеуказаннымъ цифрамъ, выражающимъ численность малоземельныхъ, надо прибавить еще до 750 тысячъ *). Такимъ образомъ, всѣхъ малоземельныхъ, по меньшей мѣрѣ, надо принять до 2½ миллионъ ревизскихъ душъ, притомъ только въ 19 губерніяхъ, не считая малоземельныхъ Сѣверо-Западнаго края и другихъ мѣстностей, напр., губерній: Смоленской, Псковской, Петербургской, Новгородской, Казанской, Симбирской, и т. д. Не включены сюда и безземельные, за невозможностью даже приблизительно опредѣлить ихъ численность. Если взять все это въ расчетъ, то всѣхъ малоземельныхъ окажется ни какъ не менѣе 3 миллионъ ревизскихъ душъ. Но это лишь избранная часть, квинтъ-эссенція малоземельнаго населенія, терпящаго самую крайнюю нужду въ землѣ, количество которой у него колеблется въ предѣлахъ отъ 0 до 2 дес. на рев. душу. Несомнѣнно, что и 3-хъ дес. на рев. душу совершенно недостаточно для сноснаго существованія и сколько нибудь правильнаго веденія хозяйства; если перевести эти 3 десятины на личное населеніе, то онѣ обратятся въ 2 и менѣе десятины. Что норму въ 3 дес. можно смѣло принять какъ границу, отдѣляющую малоземельное населеніе отъ достаточно надѣленнаго землей, читатель можетъ судить изъ того, что почти всѣ изслѣдователи крестьянскаго землевладѣнія принимаютъ, что надѣлъ не долженъ быть ниже 5 десятины на ревизскую душу для того, чтобы онъ могъ давать возможность прокормиться и уплачивать налоги **).

Слѣдовательно, по этой нормѣ, къ разряду малоземель-Золотоношскій (2,07 д.). Вообще въ Полтавской губерніи средній надѣлъ ниже и до 2 десятины на рев. душу во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ Константиноградскаго и Гадячскаго, гдѣ онъ немного ниже этой нормы.—Въ Черниговской губерніи взято лишь 3 уѣзда: Нѣжинскій (1,82 д.), Конотопскій (1,92 д.) и Козелецкій (2 д.). Опредѣливъ въ этихъ двухъ губерніяхъ число малоземельныхъ въ 200 тысячъ, мы едва-ли погрѣшили преувеличеніемъ; хотя въ этомъ числѣ и найдутся крестьяне съ надѣлами выше двухъ десятины, но за то вовсе не приняты въ расчетъ малоземельные нѣкоторыхъ уѣздовъ и также малоземельные всѣхъ разрядовъ крестьянъ, кромѣ бывшихъ помѣщичьихъ, выкупившихъ свои надѣлы.

*) Данныя о среднемъ душевомъ надѣлѣ и числѣ ревизскихъ душъ заимствованы изъ ст. г. Воропонова: «Крестьянскія переселенія»; «Вѣстн. Евр.», 1876 г., № 1, стр. 180.

**) Еще въ эпоху крѣпостнаго права Онекунскій совѣтъ не принималъ въ залогъ такихъ имѣній, гдѣ приходилось менѣе 4 десятины на душу, а въ из-

ныхъ должны быть отнесены не только крестьяне съ 3 десятинами, но даже и съ 4 на ревизскую душу. Но однихъ крестьянъ съ 3 десятинами только въ 8 губерніяхъ считается до 1.400,000 *); вообще, въ средѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, категория съ 3 десятинами на душу наибольшая, и если принять ее во вниманіе, то къ принятымъ нами 3 милліонамъ малоземельнаго населенія надо прибавить, по меньшей мѣрѣ, еще столько-же, чтобы получить понятіе о размѣрахъ малоземелья въ настоящее время. Понятно, слѣдовательно, что 3 милліона малоземельнаго населенія—цифра сильно уменьшенная, относящаяся лишь къ той части крестьянъ, которая находится, такъ сказать, на краю совершеннаго безземелья, и переходъ которой къ этому состоянію есть вопросъ какого-нибудь десятка лѣтъ. Еще возможно отдалить помощь крестьянамъ другихъ категорій, не дошедшимъ пока до такого крайняго оскудѣнія земель, но помощь этимъ тремъ милліонамъ есть дѣло неотложной, вопіющей необходимости. Но по силамъ-ли банку пристроить къ землѣ, почти заново водворить на ней, даже эти три милліона бѣдствующаго населенія? Что можетъ онъ сдѣлать на тѣ пять милліоновъ рублей, которые онъ ежегодно будетъ раздавать въ ссуду крестьянамъ? Въ настоящее время продажныя цѣны на земли чрезвычайно высоки, особенно въ черноземныхъ, т. е. самыхъ малоземельныхъ губерніяхъ. Въ Курскомъ, на примѣръ, уѣздѣ десятина земли стоитъ, по *средней* цѣнѣ, не менѣе 140 рублей **), а обыкновенная цѣна хорошей земли 170 и 200 руб.; въ Козловскомъ уѣздѣ (который также можно считать малоземельнымъ) десятина годной земли стоитъ до 110 руб. ***). Въ губерніяхъ Полтавской, Подольской, Киевской цѣны не ниже 100 р. за десятину, а часто доходятъ до 120

въстномъ Уставѣ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, говорится, что «если малоземелье достигало 5 десятинъ на душу, то крестьяне имѣли право переселяться въ другія губерніи, гдѣ получали или 15, или 8 дес. на душу, смотря по мѣстному изобилію земель. (Янсонъ, «Оп. стат. изслѣд.», изд. 2-е, стр. 123) Правило это не было отмѣнено и Положеніемъ объ устройствѣ быта госуд. крестьянъ 1866 года. Самъ г. Янсонъ, на основаніи данныхъ Чарславскаго, принимаетъ наименьшую норму надѣла въ 5 десятинъ (ib., стр. 70), точно также, какъ и г. Никольскій въ своей статьѣ «Аграрный вопросъ въ черноз. Россіи», помѣщенной, года два тому назадъ, въ журн. «Русская Мысль». Князь Васильчиковъ опредѣляетъ нормальный надѣлъ въ 5—6³/₄ дес. на душу, замѣчая при этомъ, что такую норму слѣдовало-бы нѣсколько уменьшить въ сѣверныхъ губерніяхъ и увеличить въ южныхъ («Сельск. бытъ и сельск. хов. въ Россіи»; стр. 96).

*) Стат. позем. собств. Вып. 1.

**) Сборн. стат. свѣд. по Курской губ., стр. 12. Это цѣна частновлад. земли.

***) Сборн. стат. свѣд. по Тамбовской губ., Козл. у., стр. 16, 18.

и 150 р. Если крестьяне будутъ приобретать, какъ и слѣдуетъ ожидать, цѣнные земли, между прочимъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы получить большую ссуду (по специальной оцѣнкѣ), то можно принять среднюю стоимость десятины не ниже ста рублей *). Правда, въ нечерноземной полосѣ земли дешевле, но тамъ малоземельныхъ крестьянъ гораздо менѣе и, кромѣ того, вслѣдствіе худшаго качества земель, ихъ придется прикупать въ большемъ количествѣ. И такъ, если десятина будетъ стоить не менѣе 100 р., то на 5 милліоновъ можно приобрести лишь 50,000 десятинъ въ годъ; положивъ на душу minimum **) по 3 десятины для возстановленія нормальнаго надѣла (въ 5 дес.), окажется, что банкъ можетъ надѣлать землей лишь 16,500 рев. душъ ежегодно. Но этихъ душъ, какъ мы видѣли, 3 милліона, слѣдовательно, около 180 лѣтъ потребуется для того, чтобы удовлетворить всѣхъ этихъ нуждающихся. Но положимъ, что земли будутъ покупаться дешевле, на примѣръ вдвое, т. е. по 50 р. за десятину; тогда въ годъ можно будетъ приобрести 100,000 десятинъ для 33 тысячъ ревизскихъ душъ, а всѣ три милліона возможно будетъ удовлетворить въ 90 лѣтъ. Послѣ этого, нужно-ли еще говорить о приростѣ населенія, который у насъ уменьшаетъ размѣры надѣловъ въ 20 лѣтъ на 21%—42% ***). Понятно, что растягивать операцію надѣленія землей малоземельныхъ крестьянъ даже на двадцатилѣтній срокъ весьма рискованно и опасно; банкъ, при такомъ условіи, можетъ сдѣлаться причиной окончательнаго разоренія крестьянъ. Еще не сдѣлавъ ни одного шага, банкъ уже самымъ появленіемъ своимъ возвыситъ цѣны на земли продажныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и на

*) Такая оцѣнка не можетъ считаться слишкомъ высокой еще и потому, что крестьянскій поземельный банкъ, какъ слѣдуетъ ожидать, подниметъ продажныя цѣны на земли, въ особенности на тѣ, которыя лежатъ вблизи крестьянскихъ надѣловъ.

**) Minimum потому, что въ числѣ трехъ милліоновъ малоземельнаго населенія живутъ крестьяне съ даровымъ надѣломъ и съ надѣломъ въ 1 десятину, слѣдовательно, такіе надѣлы должны быть увеличены болѣе, чѣмъ на три десятины для того, чтобы довести ихъ до нормальной величины, т. е. до 5 десятинъ.

***) Такъ, въ Курскомъ уѣздѣ, у госуд. душевыхъ крестьянъ на ревизскую душу приходится 3,7 дес., а на наличную 2,9 дес. (уменьшеніе на 21%), у бывш. помѣщичьихъ число надѣльныхъ десятинъ уменьшилось на 24% (Сборн. стат. свѣд. по Курской губ., стр. 28), въ Темниковскомъ у. на 25% (Сборн. стат. свѣд. по Тамбовской губ., Темник. у., стр. 2), бывш. помѣщ. и госуд. крестьянъ, въ Рязанскомъ у. на 27% (Сборн. стат. свѣд. по Рязанской губ., стр. 38). Но особенно сильно уменьшились надѣлы въ Херсонской губ., въ примѣръ въ Елисаветградскомъ у. они уменьшились на 34%, въ Александрійскомъ на 37%, въ Одесскомъ на 39%, а въ Тираспольскомъ на 42% (Сборн. херс. земства, 1882 г., № 2).

арендныхъ земли. Продолжая затѣмъ свои операціи, банкъ еще болѣе возвыситъ цѣны, потому что запасъ продажныхъ земель на мѣстѣ, и безъ того ограниченный, далеко не соответствующій потребности въ нихъ, нѣсколько уменьшится, между тѣмъ, какъ спросъ на нихъ все-же останется громаднымъ. Но каково будетъ положеніе тѣхъ малоземельныхъ крестьянъ, которые будутъ продолжать сидѣть на своихъ надѣлахъ? Прежде, когда не было банка, они пополняли недостатокъ въ землѣ арендой, потомъ-же, когда банкъ начнетъ дѣйствовать, приобрѣтенія земли въ собственность они не дождутся, а аренда, ихъ единственное прибѣжище, сдѣлается для нихъ недоступной; къ этому еще надо прибавить и уменьшеніе надѣла отъ прироста населенія. Въ общемъ, положеніе крестьянъ значительно ухудшится, и главнѣйшая причина этому та, что банкъ будетъ возвышать цѣны на земли, а поднимется стоимость земли—поднимется, по неизбѣжному закону, и арендная плата. Разумѣется, иной расчетъ выйдетъ, если банкъ, не ограничиваясь помощью на мѣстѣ, будетъ въ то-же время содѣйствовать крестьянскимъ переселеніямъ. Въ новороссійскомъ краѣ, на примѣръ, земли зачастую не выше 15—25 р., такъ что здѣсь на одинаковую сумму можно прибрѣсти въ три раза большее количество земель. Въ Ставропольской губ., въ Кубанской Области, цѣны еще ниже, а между тѣмъ земли качествомъ своимъ ни въ какомъ случаѣ не уступятъ черноземнымъ мѣстностямъ малоземельной полосы. Повидимому, было-бы отнюдь не въ ущербъ интересамъ государства обратиться съ самаго начала именно къ такимъ дешевымъ землямъ, и уже впослѣдствіи, съ уменьшеніемъ ихъ запаса, перейти въ губерніи малоземельныя, гдѣ тѣмъ временемъ, благодаря переселеніямъ, цѣны на земли понизятся и количество свободныхъ земель увеличится.

Выше мы опредѣлили приблизительно число малоземельныхъ крестьянъ въ 3 милліона ревизскихъ душъ, и на основаніи этого расчета желали составить понятіе о томъ, каковъ долженъ быть минимумъ правительственной помощи для возстановленія упавшаго крестьянскаго землевладѣнія. На практикѣ, однако, легко можетъ случиться, что нашъ расчетъ выразитъ совсѣмъ не то, даже совсѣмъ обратное тому, что онъ показываетъ намъ теперь. Другими словами, правительственной ссудой для покупки земли могутъ воспользоваться всякіе крестьяне, за исключеніемъ именно этихъ трехъ милліоновъ самаго нуждающагося и самаго малоземельнаго населенія.

Изъ «Положенія» о банкѣ видно, что на ссуды имѣетъ исключительное право крестьянское сословіе *), но при этомъ не

*) Ст. 1, «Полож. о крестьянск. позем. банкѣ».

дѣлается никакого различія между самими крестьянами, насколько оно выражается въ ихъ имущественномъ состояніи, въ количествѣ владѣемой ими земли. Въ настоящее время, конечно, нельзя уже говорить о крестьянствѣ, какъ объ однородной сплошной массѣ, гдѣ одна единица совершенно тождественна другой. Собственно говоря, и въ эпоху крѣпостного права уже существовали въ средѣ народа крупныя соціально-экономическія противоположности, но послѣ освобожденія онѣ сильно увеличились и до сихъ поръ продолжаютъ увеличиваться. Въ особенности быстро развиваются контрасты въ сферѣ землевладѣнія. Теперь зачастую, въ сельскомъ обществѣ, наряду съ совершенно безземельными или съ владѣльцами одной, двухъ десятинъ на душу, можно встрѣтить крестьянъ, владѣющихъ по 10, по 20 десятинъ на душу. Есть крестьяне, имѣющіе по нѣскольку сотъ десятинъ земли. Исслѣдованіями послѣдняго времени хорошо выяснено, что послѣ реформы 19 февраля до настоящей поры въ крестьянскомъ землевладѣніи совершается двоякій процессъ: съ одной стороны—измельчаніе надѣловъ, обезземеленія, съ другой — развитіе крупнаго личнаго землевладѣнія *). Земли и теперь скупаются крестьянами, но только зажиточными, и это до такой степени справедливо, что можно принять за общее правило, что чѣмъ больше у крестьянина надѣльной земли, тѣмъ больше у него прикупленной. Противники государственной помощи крестьянскому землевладѣнію, между прочимъ, приводятъ тотъ фактъ, что въ 14 губерніяхъ

*) См., напримѣръ, «Сборн. статистич. свѣд. по Рязанской губ. Рязанскій уѣздъ», стр. 26, 27, 29. Въ этомъ уѣздѣ, въ группѣ владѣльцевъ отъ 50 до 200 десятинъ, крестьяне въ 1867 году составляли 1,7% на сто владѣльцевъ всѣхъ сословій, а въ 1881 году процентъ этотъ возросъ до 12,4%. Въ группѣ же владѣльцевъ отъ 200 до 100 десятинъ, крестьянъ вовсе не было въ 1867 году, а въ 1881 они составляли 3,7%, и средній размѣръ ихъ владѣнія былъ 350,6 дес. Тоже самое явленіе имѣетъ мѣсто почти во всѣхъ уѣздахъ Московской губерніи, гдѣ, по словамъ г. Каблукова, личное крестьянское землевладѣніе увеличивается, при чемъ наибольшее увеличеніе выпадаетъ на долю крупнаго землевладѣнія, хотя, разумѣется, личное мелкое землевладѣніе преобладаетъ у крестьянъ. Въ Рязскомъ у. въ 1865 г. въ группѣ крупныхъ владѣльцевъ (отъ 200 десятинъ до 1000) крестьяне составляли 0,7% относительно всѣхъ сословій, а въ 1876 году—9,4%; въ Серпуховскомъ въ 65 году 1,4%, а въ 76 г. 6%; въ Клинскомъ въ 65 г. ихъ вовсе не было, а въ 76 г. она составляли 9,6%, въ Коломенскомъ въ 65 году ихъ было 4,6%, а въ 76 г. 12,5%, и т. д. Выше съ тѣмъ увеличивались и размѣры землевладѣнія. Напримѣръ, въ группѣ владѣльцевъ отъ 200 до 400 дес. на крестьянина въ Рязскомъ у. приходилось въ 65 г. 214 дес., а въ 76 г.—258 дес.; въ Серпуховскомъ въ 65 г.—234 дес., а въ 76 г.—275 дес., въ Коломенскомъ въ 65 г.—302 дес., въ 76—309, въ Богородскомъ въ 65 г.—242, въ 76 г.—333 дес. и т. д. (Сборн. стат. свѣд. по Московской губ., томъ 5, вып. I, стр. 48 и таблицы, прилож. въ концѣ книги).

крестьянами въ теченіи 45 лѣтъ (съ 1862 по 1877 г.) приобрѣтено въ собственность 2.457,000 десятинъ на сумму до 100 милліоновъ рублей. Собственно говоря, эта цифра совсѣмъ не велика, чтобы можно было считать ее доказательствомъ, будто крестьяне способны приобрѣтать земли безъ содѣйствія правительства. Всѣхъ ревизскихъ душъ въ этихъ 14 губерніяхъ считается 7.648.225, такъ что на душу приходится купленной земли всего около $\frac{1}{3}$ десятины. Въ годъ крестьяне истрачивали на покупку земли 6½ мил. слишкомъ, слѣдовательно немного больше той суммы, которую предполагаетъ раздавать ежегодно въ ссуду нынѣ учрежденный крестьянскій поземельный банкъ (5 мил.). Тѣмъ не менѣе, было-бы весьма хорошо, если-бы и это скудное количество десятинъ приобрѣталось въ собственность именно нуждающимися крестьянами, но этого-то въ дѣйствительности и не было. Земли покупаются преимущественно тѣми крестьянами, которые уже надѣлены ею въ достаточномъ сравнительно количествѣ, но не тѣми, которые всего болѣе нуждаются въ ней. Такъ, въ восьми изъ вышепомянутыхъ 14-ти губерній государственные крестьяне, въ числѣ 2.278,051 рев. душъ, приобрѣли 450,000 десятинъ, тогда какъ у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, несмотря на то, что ихъ больше, именно 2.456,770 рев. душъ, купленная земля составляетъ лишь 366,000 десятинъ *). Такимъ образомъ, у государственныхъ крестьянъ на 100 душъ 19 десятинъ купленной земли, а у бывшихъ владѣльческихъ — 14. Эта разница объясняется всѣмъ извѣстной большей зажиточностью государственныхъ крестьянъ, получившихъ почти повсемѣстно большіе надѣлы. Тоже самое можно показать путемъ болѣе детальнаго разсчета и сопоставленій. Возьмемъ нѣсколько уѣздовъ и сравнимъ у крестьянъ каждаго разряда количество надѣльной и купленной земли, присоединивъ сюда-же кстатѣ и количество арендуемой, которое можетъ свидѣтельствовать о дѣйствительной потребности крестьянъ въ землѣ. Такъ, по новѣйшимъ земскимъ даннымъ, въ Курскомъ уѣздѣ приходится на домохозяина десятинъ:

	Надѣл. удобной земли.	Купчей.	Арендн. (пах).
У госуд. крестьянъ <i>четвертнаго права</i> *)	10,0	0,8	1,1
» » <i>душевыхъ</i>	9,1	0,2	0,7
» бывшихъ помѣщичьихъ	5,6	0,1	2,6
» крестьянъ дарств. надѣла	1,7	0,0	4,8

*) См. Статист. позем. собств. Вып. I, стр. XLV.

**) Сборн. статист. свѣд. по Курск. губ. Курск. уѣздъ. Москва, 1883 г., стр. 168.—Читатель можетъ уже видѣть по приведеннымъ цифрамъ, что от-

Здѣсь очень хорошо видно, что количество купчей земли находится въ прямомъ, а количество арендуемой земли—въ обратномъ отношеніи къ величинѣ надѣла. Другими словами, чѣмъ больше надѣлъ, тѣмъ больше покупается земли и тѣмъ меньше ея арендуется.

Въ Козловскомъ уѣздѣ приходится десятины на домохозяина *):

	Над. уд. земли	Купчей.	Арендной.
У госуд. крестьянъ.	12,3	0,2	1,1
» бывш. помѣщ.	6,0	0,01	1,5
» врем. обязан.	5,9	0,2	1,7

Тоже самое мы видимъ въ уѣздахъ Моршанскомъ, Борисоглѣбскомъ, Рязанскомъ и, вѣроятно, во всѣхъ уѣздахъ черноземной полосы.

Въ Моршанскомъ уѣздѣ **) на домохозяина:

	Над. уд. земли.	Купчей.	Аренд.
У кр. госуд.	11,5	0,3	0,8
» » бывш. помѣщ.	4,7	0,1	1,0
» » врем. обяз.	3,7	0,07	0,7

Въ уѣздѣ Борисоглѣбскомъ ***):

	Над. уд. земли.	Купчей.	Аренд.
У кр. государ.	13,7	0,2	3,1
» » бывш. помѣщ.	7,3	0,02	4,3
» » врем. обяз.	6,5	0,01	2,7
» » дарств. над.	1,9	0	6,8

Въ уѣздѣ Рязанскомъ ****):

	Над. уд. земли.	Купчей.	Аренд.
У кр. бывш. пом.	6,7	1,1	1,0
» » государств.	6,4	0,3	0,4
» » врем. обяз.	5,4	0,7	1,2

Такимъ образомъ, вездѣ повторяется одинъ и тотъ-же фактъ прямой зависимости количества покупаемой земли отъ величины надѣла и обратной зависимости отъ нея количества арендуемой земли. Въ предѣлахъ одного и того-же уѣзда исключенія изъ это-

нюдь не слѣдуетъ смѣшивать госуд. крестьянъ четвертнаго права съ крестьянами четвертнаго или дарственнаго надѣла.

*) Сборн. стат. свѣд. по Тамб. губ. — Козловскій у. Тамбовъ, 1881 г. Сводн. табл., стр. 42—43.

**) Сборн. статист. свѣд. по Тамб. губ.; Моршанскій у. Тамбовъ, 1882, стр. 158.

***) Сборн. статист. свѣд. по Тамб. губ. Борисоглѣбскій у. Тамбовъ, 1880, стр. св. табл., стр. 38.

****) Сборн. стат. свѣд. по Рязан. губ. Рязанскій у. Москва, 1882, стр. 12—28.

го правила совершенно ничтожны. Сравненіе между собою различныхъ уѣздовъ по этимъ таблицамъ возможно, но при этомъ необходимо взять въ расчетъ, кромѣ надѣла, земли купчей и арендуемой, множество другихъ факторовъ, а именно: общее количество продажныхъ и арендныхъ земель, цѣны на нихъ, преобладающія формы хозяйства, качество почвы, распространенность внѣ-земельныхъ промысловъ и т. д.

Въ виду чрезвычайно ограниченаго запаса продажныхъ земель въ мѣстахъ малоземельныхъ, очевидна необходимость руководствоваться въ дѣлѣ содѣйствія крестьянскому землевладѣнію, вышеустановленнымъ отношеніемъ между величиной надѣла и количествомъ земли, покупаемой собственными средствами. Если своими средствами покупается тѣмъ больше земли, чѣмъ больше надѣлъ, то, при выборѣ между крестьянами, преимущественное право на кредитъ, конечно, должны имѣть крестьяне съ меньшими надѣлами. Необходимость-же этого выбора не можетъ подлежать сомнѣнію, разъ извѣстно, что свободныхъ земель несравненно меньше, чѣмъ требованій на нихъ; выбирать, по настоящему, слѣдовало-бы не только между рѣзко различающимися группами крестьянъ, но даже и между тѣми тремя милліонами малоземельныхъ, о которыхъ была рѣчь выше. Но будетъ-ли производиться такой выборъ, имѣеть-ли даже право банкъ производить его, и не пойдетъ-ли все обычнымъ канцелярскимъ порядкомъ, безъ всякой критической оцѣнки ходатайствъ о кредитѣ, а съ разборомъ и сортировкой ихъ единственно по времени ихъ поступления въ банкъ или его отдѣленіе? Въ «Полож.» о банкѣ нѣтъ указаній на этотъ предметъ; значить, все предоставлено на благоусмотрѣніе чиновниковъ, но опытъ показываетъ, что отъ этого бюрократическаго благоусмотрѣнія дѣло никогда не выигрываетъ. Единственно, на что можно надѣяться, это на то, что практика покажетъ необходимость выбора между крестьянами въ указываемомъ нами смыслѣ и потребуеть дополнить «Положеніе» соответствующими статьями.

Въ 17 статьѣ «Положенія» размѣръ ссуды ставится въ зависимость отъ подворнаго и общиннаго владѣнія. При общинномъ владѣніи, ссуда исчисляется на наличную мужскую душу, а при подворномъ—на отдѣльнаго домохозяина, на семью, но въ первомъ случаѣ размѣръ ссуды не долженъ превышать 125 р. на душу, а во второмъ—500 р. на домохозяина. Отсюда можно заключить, что домохозяинъ-общинникъ получить въ ссуду меньше, чѣмъ домохозяинъ участковаго владѣнія. Такъ-какъ вообще на дворъ надо считать 3,1—3,6 *) наличныхъ мужскихъ душъ, то общинникъ

*) См. Статист. позем. собств., вып. I, стр. XXXVI, а также «Оп. статист. изслѣд. о крест. над. и плат.» Янсона, стр. 69 и стр. 28 „приложеній“. Съ

получить 387,5—450 р., вмѣсто 500 р., которыя онъ получилъ-бы, еслибы владѣль земель на участковомъ правѣ. Конечно, эта разница между ссудой общинника и крестьянина, состоящаго на участковомъ владѣніи, довольно чувствительная, могущая оказать свою долю вліянія на успѣхи подворнаго и упадокъ общиннаго владѣнія. Возможно, конечно, что статья «Положенія», установившая такое различіе, вовсе не имѣла въ виду специально-экономическихъ соображеній, но въ дѣйствительности выходитъ такъ, что банкъ, склоняясь на сторону участковаго владѣнія, принужденъ будетъ во многихъ случаяхъ выдавать большія ссуды болѣе зажиточнымъ крестьянамъ. Это слѣдуетъ изъ того, что участковое владѣніе тамъ, гдѣ оно существуетъ наряду съ общиннымъ, встрѣчается преимущественно у государственныхъ крестьянъ, большая зажиточность которыхъ общеизвѣстна. Этотъ фактъ констатированъ г. Славновымъ въ «Статист. позем. собств.» *).

Но, помимо этого, такъ сказать, ненамѣренно установленнаго различія между болѣе и менѣе зажиточными крестьянами, въ «Полож.» не содержится никакого прямого указанія на счетъ выбора между крестьянами по ихъ состоятельности, по степени надѣленія ихъ землей. Этой стороны вопроса «Положеніе» совершенно не касалось. Конечно для банка, въ сущности, нѣтъ особенной надобности вникать, при разрѣшеніи ссудъ, въ имущественную состоятельность крестьянъ, такъ какъ во все время, пока не погашена ссуда, земля, для пріобрѣтенія которой открывается кредитъ, находится въ залогѣ у банка. Выдавая въ ссуду (ольшій или меньшій процентъ стоимости земли (по нормальной или специальной оцѣнѣ)), банкъ въ большинствѣ случаевъ не рискуетъ понести никакихъ потерь, въ случаѣ платежной несостоятельности его должниковъ. Но если для банка все равно, обращается-ли къ нему крестьянинъ бѣдный или богатый, малоземельный или собственникъ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ, то для интересовъ государства и страны это далеко не все равно. Въ губерніяхъ малоземельныхъ запасъ свободныхъ земель, какъ уже замѣчено, чрезвычайно ограниченъ, и если признать за всѣми крестьянами одинаковое право на ссуду, то, безъ сомнѣнія, земель этихъ не достанетъ для наиболѣе нуждающагося населенія. Если почему-либо неудобно отдавать предпочтеніе менѣе зажиточнымъ предъ болѣе зажиточными крестьянами, въ смыслъ совершеннаго отказа

данными этихъ двухъ источниковъ сходятся и тѣ цифры, которыя можно вывести изъ указаній, содержащихся въ статистическихъ изданіяхъ разныхъ земствъ.

*) Вып. I, стр. XXXIV.

послѣднимъ въ кредитѣ, то было-бы, необходимо по крайней мѣрѣ, выдавать имъ ссуды въ меньшемъ размѣрѣ, сообразно большому количеству владѣемой ими земли. Въ этомъ отношеніи, огромную важность имѣло принятое первоначальнымъ проектомъ «Положенія» коренное правило: давать крестьянамъ возможность пріобрѣтать лишь такое количество земли, которое вмѣстѣ съ ихъ надѣлами составило-бы высшій или указной надѣлъ по положенію 19 февраля, но только разсчитанный на наличное, а не на ревизское число душъ *). Но изъ нынѣ дѣйствующаго Положенія о банкѣ правило это исключено.

За отсутствіемъ въ «Положеніи» о банкѣ положительныхъ указаній относительно выбора между крестьянами, обращающимися за ссудой, можно было-бы думать, что крестьяне болѣе и менѣе нуждающіеся въ землѣ будутъ пользоваться, по крайней мѣрѣ, равнымъ правомъ на кредитъ и будутъ получать ссуды равныхъ размѣровъ. И это уже было-бы благомъ, если-бы такъ было въ дѣйствительности. Но мы видѣли выше, что и эта «*равноправность*» истинно малоземельныхъ съ достаточно надѣленными землей на практикѣ можетъ часто нарушаться въ пользу послѣднихъ, вслѣдствіе установленной «Положеніемъ» зависимости размѣра ссуды отъ общиннаго и участковаго владѣнія. Не надо забывать, что банкъ выдаетъ въ ссуду не всю стоимость земли, но лишь извѣстный процентъ ея, по нормальной или спеціальной оцѣнкѣ; слѣдовательно, крестьяне должны покрывать недостающую часть этой стоимости изъ собственныхъ средствъ. Много или мало придется имъ доплачивать, это зависитъ отъ того, будетъ ли выдана ссуда по нормальной или по спеціальной оцѣнкѣ. Въ первомъ случаѣ, доступъ къ кредиту сильно затрудненъ неимущимъ крестьянамъ, потому что потребуются слишкомъ большія доплаты. Хорошо еще, если въ такомъ случаѣ дѣло разрѣшится тѣмъ, что, за неимѣніемъ своихъ денегъ, крестьяне не станутъ домогаться ссудъ по нормальной оцѣнкѣ. Но дорожа каждымъ клочкомъ земли, они могутъ увлечься желаніемъ пріобрѣсти его къ своему надѣлу и обратиться къ дополнительнымъ займамъ на сторонѣ, у кулаковъ и барышниковъ, не останавливаясь ни предъ какими процентами. Понятно, что благодаря этимъ дополнительнымъ займамъ, по которымъ придется платить 50—100%, банковая ссуда обратится для крестьянина въ тяжкое и непосильное бремя и въ концѣ концовъ будетъ содѣйствовать лишь его раззоренію. Даже безъ этихъ дополнительныхъ займовъ, условія банковаго кредита нельзя считать особенно льготными: банкъ взимаетъ за ссуду 8¹/₂%, если она выдана на

*) Земство № 11, «Крестьянскій поземельный банкъ», статья г. Воропонова.

24¹/₂ года, и 7¹/₂%, если срокъ ея погашенія—34¹/₂ года *). Очень можетъ быть, что большому удешевленію кредита препятствуетъ нынѣшнее состояніе нашего денежнаго рынка. Но и этимъ кредитомъ можно было-бы довольствоваться, если-бы не дополнительные займы, которые должны увеличивать ежегодные платежи за земли въ несоответствующей ея доходности мѣрѣ.

Остается еще, однако, возможность пользоваться ссудами по специальной оцѣнкѣ. Въ этомъ случаѣ банкъ выдаетъ 75% съ суммы, опредѣляемой капитализаціей приносимаго землей дохода изъ 5¹/₂% (не ниже); конечно, къ ссудамъ, выдаваемымъ на такихъ основаніяхъ, большихъ доплатъ не потребуется, можетъ быть, даже и вовсе никакихъ не потребуется въ иныхъ случаяхъ, какъ совершенно правильно замѣчено г. Головачевымъ **). Крестьянамъ истинно малоземельнымъ и неимущимъ остается дѣйствительно пользоваться лишь такого рода ссудами. Не смотря, однако, на то, что такіе крестьяне фактически лишены возможности прибѣгать къ ссудамъ по нормальной оцѣнкѣ, имъ не отдается никакого преимущества и при выдачѣ ссудъ по оцѣнкѣ специальной, такъ что и этимъ, единственнымъ для нихъ, кредитнымъ ресурсомъ они будутъ пользоваться на равнѣ съ другими. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что ссуда по специальной оцѣнкѣ есть нѣчто экстраординарное въ операціяхъ банка. Чтобы получить ее, нуженъ или «особоуважительный случай», какъ говорится въ «Положеніи», или-же земельный участокъ, подъ залогъ котораго испрашивается ссуда, долженъ заключать какія-либо цѣнные угодья: заливные луга, огороды, конопляники, хмельники и т. п. Ходатайство о каждой такой ссудѣ поступаетъ сначала въ отдѣленіе банка, потомъ идетъ въ совѣтъ банка, а оттуда восходитъ на усмотрѣніе министра финансовъ. (Статья 21-я «Полож.»).

*) Ст. 26 «Пол. о крестьянскомъ поз. банкѣ».

***) «Новости», № 69. Г. Головачевъ вполне основательно разъясняетъ, что многія наши газеты, обсуждавшія „Полож. о крестьян. позем. банкѣ“, ошибочно сѣтовали на недоступность неимущимъ крестьянамъ кредита по специальной оцѣнкѣ, вслѣдствіе громадныхъ яко-бы доплатъ къ такимъ ссудамъ изъ собственныхъ средствъ крестьянъ. Дѣло въ томъ, что специальная оцѣнка будетъ производиться не по продажной стоимости земель, а по ихъ доходности, посредствомъ капитализація дохода изъ 5¹/₂%. Опредѣляемая такимъ путемъ цѣнность земель будетъ выше продажной цѣны ея, потому что цѣна, какъ обыкновенно бываетъ, опредѣляется капитализаціей изъ гораздо высшаго процента, примѣрно изъ 9% и 10%. Цѣнность земли, опредѣленная капитализаціей дохода изъ 5¹/₂, даже изъ 6%, будетъ настолько выше продажной ея цѣны, полученной капитализаціей изъ 9%, что 75% такой цѣнности легко совпадутъ съ продажной цѣной или на столько приблизятся къ ней, что не потребуется чувствительныхъ даже, можетъ быть, никакихъ доплатъ къ ссудѣ и она окажется достаточной для уплаты за землю.

Въ заключеніе, необходимо обратить вниманіе и на то, что пока еще дойдетъ дѣло до этой сложной канцелярской процедуры постепеннаго восхожденія крестьянскихъ ходатайствъ, сельское общество, ищущее кредита, должно составить для подачи заявленія о ссудѣ мірской приговоръ; придется, слѣдовательно, не мало потратить времени на предварительныя обсужденія и переговоры. по окончаніи которыхъ легко можетъ оказаться, что земля, подъ которую общество желало получить ссуду, уже пріобрѣтена, даже съ помощью банковской ссуды, товариществомъ изъ нѣсколькихъ крестьянъ или отдѣльными крестьянами, имѣвшими полную возможность подать заявленіе о ссудѣ ранѣе сельскаго общества. Въ предвидѣніи этого обстоятельства, весьма важно было-бы принять соотвѣтствующія мѣры. Самой лучшей изъ такихъ мѣръ было-бы, конечно, предоставленіе кредита исключительно сельскимъ обществамъ. Иначе, неизбѣжны случаи, когда банку придется невольно содѣйствовать скупкѣ земель спекуляторами барышниками, которые, не нуждаясь сами въ землѣ, будутъ продавать ее или отдавать въ аренду по высокимъ цѣнамъ. Въ этомъ отношеніи, вполне цѣлесообразны были проекты организациі крестьянскаго поземельнаго кредита, составленные года четыре тому назадъ ярославской земской управой и московскимъ комитетомъ ссудосберегательныхъ товариществъ. Оба проекта предполагали, при выдачѣ ссудъ, имѣть дѣло лишь съ сельскими обществами, а не съ отдѣльными лицами и не съ товариществами. Мотивируя это постановленіе, ярославская управа говоритъ, что при замѣтномъ стремленіи крестьянъ дѣлаться личными собственниками земель, внѣ своего надѣла, «съ открытіемъ операцій банка являлось-бы несомнѣнно громадное количество отдѣльныхъ лицъ крестьянскаго сословія, домогающихся пріобрѣсти земли въ свою полную собственность; но удовлетвореніе такихъ домогательствъ будетъ крайне опасно; оно окажется не только въ ущербъ интересамъ сельскихъ обществъ, которыя будутъ эксплуатировемы этими новыми собственниками, но и подорветъ въ корнѣ общинный строй землевладѣнія, обезпечивающій въ настоящее время земледѣльческое населеніе образованіемъ въ немъ пролетаріата *)». Соображенія эти совершенно справедливы; ими вполне оправдывается необходимость помогать поземельнымъ кредитомъ лишь сельскимъ обществамъ, или, по крайней мѣрѣ, отдавать имъ преимущество предъ отдѣльными лицами и товариществами.

На этомъ мы и заканчиваемъ нашу замѣтку о крестьянскомъ

*) За неимвнѣемъ подлинниковъ этихъ проектовъ, мы цитировали вышеприведенные строки по статьѣ: „Къ вопросу о мелкомъ земельномъ кредитѣ“. „Отеч. Зап.“ 1879 г., № 9.

поземельномъ банкѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ на бумагѣ. Недавно онъ уже открылъ свои дѣйствія, но о нихъ пока еще ничего неизвѣстно. Кромѣ писанныхъ уставовъ и инструкцій, имѣются еще и тѣ живыя силы, которыя призваны къ серьезной задачѣ возстановленія разрушающагося крестьянскаго хозяйства. Этимъ силамъ прежде всего надо пожелать отрѣшенія отъ мертвящаго духа стараго канцеляризма и внимательнаго, чуткаго отношенія къ нуждамъ наиболѣе бѣдствующей и нуждающейся части нашего народа.

Б. Ленскій

Новости иностранной литературы.

Новыя книги по земской исторіи Франціи и Англии: D-r Awetis Arafkhaniantz «Die französische Getreidehandelpolitik bis zum Jahre 1789 in ihrem Zusammenhange mit der Land, Volks- und Finanzwirtschaft Frankreichs» (Французская хлѣбно-торговая политика въ связи съ земскимъ, народнымъ и финансовымъ хозяйствомъ. Д-ръ Аветисъ Арафканьянцъ). — Frederic Soeborn: «The English village community examined in its relations to the Manorial and Tribal systems and to the Common or Open Field system of Husbandry» (Англійская деревенская община въ ея отношеніяхъ къ вотчиннымъ и племеннымъ, а также и къ общиннымъ или открыто-польнымъ хозяйственнымъ системамъ, изслѣдованіе Фридерика Сибума).

Сочиненіе доктора Арафканянца, скромное заглавіе котораго мы выписали въ самомъ началѣ этой статьи, принадлежитъ въ числу тѣхъ докторскихъ диссертаций, которыя и печатаются-то обыкновенно въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, предназначаемыхъ для раздачи начальству, противникамъ и друзьямъ. Простому читателю такія произведенія чаще всего и вовсе не попадаютъ въ руки; а если и попадаютъ какъ-нибудь паче чаянія, то онъ самъ пренебрежительно откладываетъ чтеніе ихъ до того скучнаго или злополучнаго времени, когда все равно приходилось-бы умирать съ тоски. На этотъ разъ, впрочемъ, армянское имя совершенно неизвѣстнаго автора, нищущаго по-нѣмецки о французской хлѣбной торговлѣ до-революціонныхъ вѣговъ, можетъ быть спасетъ его очень почтенный и чрезвычайно поучительный трудъ отъ незаслуженнаго забвенія. Можно поручиться, по крайней мѣрѣ, что тотъ, кто однажды откроетъ небольшую книжку г-на Арафканянца, непременно прочтетъ ее до конца и очень скоро забудетъ свое предубѣжденіе противъ докторскихъ диссертаций вообще и противъ ученыхъ разсужденій о запретительныхъ тарифахъ и о свободной торговлѣ въ частности. Обязательная въ подобнаго рода трудахъ солидная и даже слишкомъ щепетильная ученость автора, съ безконечнымъ множествомъ ссылокъ на источники, нисколько ни вредитъ живости изложенія, благодаря тому

широкому и жизненному пониманію своей задачи, которое армянскій докторантъ нѣмецкаго университета обнаруживаетъ съ первыхъ строкъ своей диссертациі. Въ общемъ тонѣ, г. Арафканьянцъ, вмѣсто ожидаемаго по заглавію сухого докторскаго разсужденія о различныхъ вмѣшательствахъ до-революціоннаго французскаго правительства въ дѣла хлѣбной торговли и хлѣбнаго производства страны, даетъ намъ крайне интересный этюдъ по исторіи земской Франціи. Этюдъ этотъ, конечно, не можетъ заявлять притязаній на всесторонность и полноту; но, принимая во вниманіе, какъ мало еще разслѣдована область, въ которую вводитъ насъ армянскій авторъ нѣмецкаго ученаго труда, приходится благословлять то созвѣздіе, подъ которымъ оно является на свѣтъ и которое предохраняетъ его отъ печальной участи быть погребеннымъ заживо въ ворохъ докторскихъ диссертаций.

Хлѣбный вопросъ, хотя-бы только съ чисто торговой точки зрѣнія, замѣчательнъ уже потому, что онъ самымъ живымъ и самымъ различнымъ образомъ задѣваетъ собою разнообразнѣйшіе, многочисленныя слои и элементы народной жизни. «Чернь не просвѣщенна», остающаяся обыкновенно «постыдно равнодушною» въ великому множеству всякихъ другихъ существенныхъ и животрепещущихъ политическихъ и экономическихъ вопросовъ, приходитъ, однако, въ волненіе, когда хлѣбъ становится рѣдомъ и начинаетъ дорожать и нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ требуетъ стѣснительныхъ мѣръ противъ вывоза зерна за границу. Классы собственно земледѣльческіе легко мирятся съ вывозомъ за границу своихъ хлѣбовъ, но за то хотѣли-бы, чтобы правительства запрещали, даже въ неурожайныя годы, ввозъ иностраннаго хлѣба въ ихъ страну. Классы промышленныя и торговые, вполнѣ естественно, требуютъ подъ формою торговой свободы того правительственнаго невмѣшательства, при которомъ имъ всего удобнѣе сорвать барышъ и съ нуждающихся въ хлѣбѣ, и съ предлагающихъ продать его. Наконецъ, само правительство, или точнѣе говоря казна, оказывается тоже вовсе неплатонически заинтересованною въ томъ, чтобы взыскать таможенный сборъ и съ ввоза, и съ вывоза. А такъ какъ казенныя дефициты пополняются неизбѣжно все-же изъ народной кошны, то и оказывается, что «народъ» всегда заинтересованъ хлѣбною политикою самымъ существеннымъ и самымъ противорѣчивымъ образомъ.

Г. Арафканьянцъ задается цѣлью прослѣдить на основаніи точныхъ историческихъ показаній, во-первыхъ, какими побужденіями и соображеніями руководствовались различныя до-революціонныя правительства Франціи при разрѣшеніи хлѣбнаго вопроса;

во-вторыхъ, какъ бессознательно и незамѣтно подготавливались эти повидимому совершенно случайныя и произвольныя его разрѣшенія нѣкоторыми исторически - бытовыми условіями и особенностями; а также и то, какъ отражались эти разнообразныя рѣшенія на народномъ бытѣ. Тема эта не принадлежитъ, быть можетъ, къ числу особенно эффектныхъ, такъ какъ она требуетъ обстоятельной и кропотливой работы, большой проницательности и разносторонняго пониманія всей сложности національно-политическихъ и національно-экономическихъ интересовъ; а между тѣмъ, при современномъ, далеко неудовлетворительномъ уровнѣ нашихъ историческихъ знаній, она мало допускаетъ возможности блистательныхъ обобщеній и разительныхъ выводовъ. Но за то тема эта принадлежитъ къ числу едва-ли не самыхъ поучительныхъ изъ всѣхъ, привлекающихъ къ себѣ вниманіе серьезныхъ новѣйшихъ историковъ въ настоящемъ значеніи этого слова. — На первый взглядъ можетъ показаться, что г. Арафканьянцъ отнимаетъ интересъ современности у своего изслѣдованія, ограничивая его предѣлы тѣмъ роковымъ достопамятнымъ 1789 г., съ котораго для Франціи или даже для всей западной Европы начинается, можно сказать, текущая современность. Не слѣдуетъ однако-жъ забывать что періодъ, начинающійся во Франціи съ 1789 годомъ и длящейся въ ней еще и до сихъ поръ, есть періодъ по преимуществу торжествующаго индустриализма, разрубившаго гордіевъ узелъ клѣбнаго вопроса пресловутою формулою «свободной торговли», про которую уже и самые ревностные ея защитники и поборники начинаютъ говорить, что она «не есть принципъ». Въ этомъ индустриалистическомъ періодѣ, земская жизнь Франціи уходитъ вполне естественно куда-то на задній планъ, прячется въ недоступныя для посторонняго изслѣдователя тайники. Французское крестьянство, поглощенное жадною заботою удержать въ своихъ рукахъ тѣ клочки національной территоріи, которыми съ грѣхомъ пополамъ надѣлила его Великая Революція, на правѣ личнаго землевладѣнія, не только отказывалось въ теченіи цѣлыхъ восьмидесяти лѣтъ отъ всякой активной исторической роли, но почти вовсе забыло про всякую общественность и общинность. Но современный періодъ французской исторіи не есть еще послѣдній ея періодъ. Французскій индустриализмъ примѣтно начинаетъ изнашиваться, дряхлѣть, но французское крестьянство далеко еще не исчезло съ лица земли, и Франція до сихъ поръ продолжаетъ быть страной болѣе чѣмъ на половину земледѣльческою. Большая половина французскаго населенія, создающая своимъ трудомъ значительнѣйшую долю національнаго богатства, не можетъ на-

всегда, — или хотя-бы только надолго, — отступить съ историческаго поприща. Индустриализмъ потому и могъ отгѣснить земскую Францію на задній планъ, что онъ сильно обогналъ ее въ дѣлѣ развитія самосознанія. Но за послѣднія десять — пятнадцать лѣтъ мы замѣчаемъ несомнѣнные признаки того, что и въ жизни французскаго крестьянства совершается какой-то, до сихъ поръ неполнѣ еще выяснившійся переломъ, въ результатѣ котораго неизбежно должно оказаться политическое пробужденіе французскаго крестьянина. Съ самаго конца шестидесятыхъ годовъ, его слишкомъ настойчиво будятъ такія явленія, которыхъ никакіе Греви и Ферри, со всѣмъ своимъ опортюнистскимъ причтомъ не могутъ разсказать по центральнымъ тюрьмамъ: филоксеръ и Наполеонъ, Ругонъ-Макары и Бисмаркъ, сѣверо-американскіе желѣзнодорожныя короли, общеевропейскіе неурожаи и всесвѣтныя вѣянія времени. Индустриализмъ во Франціи сдѣлалъ очень много. Онъ заслуживаетъ почетнаго воспоминанія въ исторіи хотя-бы уже только потому, что блистательно убѣдилъ французскаго мужика въ своей несостоятельности въ трудномъ дѣлѣ устроить національное хозяйство страны ко всеобщему благополучію. Французское крестьянство не можетъ мирно спать, коль скоро оно увидало, что подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ индустриалистическаго фритредерства оно не только не наворачиваетъ никогда пяти миллиардовъ, взысканныхъ съ него въ видѣ контрибуціи или штрафа за его политическое самоотрѣченіе, но что оно даже просто не въ силахъ существовать въ виду всякихъ фискальныхъ поборовъ, экономическихъ кризисовъ, неурожаевъ, филоксеръ и американской конкуренціи. А болѣе смысленные уже начали замѣчать, что и съ маловѣроятною замѣною фритредерскаго знамени обратнымъ, т. е. протекціонистскимъ, дѣло приняло-бы оборотъ, едва-ли болѣе утѣшительный для французскаго крестьянства, которое уже рѣшительно начинаетъ разочаровываться въ несбыточной мечтѣ удержать земли за собою на правѣ личнаго землевладѣнія подъ напоромъ все грознѣе наступающаго на него со всѣхъ сторонъ капиталистическаго соперничества... Какъ-бы-то ни было, но торжеству французскаго индустриализма видимо приближается конецъ. А за сдачею его въ архивъ естественно должна снова выступить на первый историческій планъ та земская Франція, которая безмолвно рылась въ своихъ поляхъ, виноградникахъ и огородахъ столько лѣтъ, что мы уже успѣли вовсе забыть о ея существованіи. Все, что можетъ ознакомить насъ съ фізіономіею и историческими antecedентами этого «revenant», имѣетъ въ моихъ глазахъ самый животрепещущій интересъ современности; но изучать

эту физиономію едва-ли было-бы полезно и благоразумно за тотъ послѣдній вѣкъ, когда обладатель ея спалъ тревожнымъ, но тяжелымъ сномъ. А потому мы и не думаемъ сѣтовать на г. Африканянца за то, что онъ уводитъ насъ, въ началѣ своей диссертаціи, далеко вглубь вѣковъ, къ эпохѣ перваго формировація національнаго хозяйства земской Франціи.

Въ дореволюціонную эпоху, вообще говоря, Франція была не только преимущественно земледѣльческою страной, но она еще обыкновенно, относительно ближайшихъ и далекихъ своихъ сосѣдей играла ту роль житницы, на которую только въ позднѣйшія времена Россія стала предъавлять слабыя и ненастойчивыя притязанія. Замѣчательно, однако же, что въ ней политическій перевѣсъ очень рано приобрѣтаютъ не богатая хлѣбомъ окраина, а центральныя провинціи, гдѣ почва значительно скуднѣе и которыя скоро утрачиваютъ вовсе способность кормить собственнымъ своимъ хлѣбомъ постоянно густѣющее въ нихъ народонаселеніе. Такимъ образомъ борьба центра съ окраинами, длящаяся здѣсь долгіе вѣка то подъ націоналистическимъ, то подъ религіознымъ или сектантскимъ знаменемъ, имѣетъ очень солидную экономическую подкладку, на которую авторъ указываетъ только вскользь. Плодородныя периферическія провинціи, населенныя бретонцами, норманнами, бургонцами, провансальцами или гасконцами (это рѣшительно все равно) стремятся естественно сбывать свой хлѣбъ тамъ, гдѣ его можно выгоднѣе продать: въ промышленную и богатую Италію, за Рейнъ или въ Англію. Жители же центральныхъ областей, менѣе щедро одаренныхъ природою, хотятъ ѣсть сами плоды роскошныхъ виноградниковъ и полей, процвѣтающихъ на счастливыхъ окраинахъ. Этимъ однимъ уже въ значительной степени объясняется интенсивность централистическаго движенія, которою французская исторія характеризуется со временъ Капетинговъ. Въ эпоху феодальнаго разгара, ни въ одной европейской странѣ не было, конечно, недостатка въ смѣльчакахъ и доблестныхъ рыцаряхъ, ежечасно готовыхъ, подобно Гюго графу Парижскому, захватить въ свои желѣзныя рукавицы всякое плохо лежащее чужое добро; округлить и расширить свои владѣнія на счетъ болѣе или менѣе оплошныхъ сосѣдей. А между тѣмъ, въ одной только Франціи идея національнаго и государственнаго объединенія начинаетъ очень рано выдѣляться изъ хаоса феодальной неурядицы и становится вдохновляющимъ принципомъ, которому съ одинаковымъ рвеніемъ служатъ воинственные и миролюбивые, злобные и благодушные, гениальные и простоватые монархи этой страны. Едва-ли можно

сомнѣваться въ томъ, что монархи, наиболѣе способствовавшіе французскому національному объединенію, — отъ Гюго Капета и до Людовика XI-го или даже и до Людовика XIV-го включительно, и сами имѣли очень смутное представленіе и о выполняемомъ ими историческомъ призваніи, и, еще менѣе, о реальныхъ причинахъ, дѣлавшихъ возможнымъ исполненіе его въ то время, когда они, психологически говоря, были совершенно поглощены чисто личными или династическими побужденіями, далеко невсегда благовидными. Но дѣло въ томъ, что это стремленіе центра на вѣки прикрѣпить къ себѣ плодородныя окраины, населенныя сродными или хотя-бы даже чуждыми племенными элементами, вполне соответствовало экономической сущности положенія. Для жителей центральныхъ провинцій вопросъ политическаго объединенія въ значительной мѣрѣ сливался съ вопросомъ народнаго продовольствія. Жители окраинъ, правда, повидимому были гораздо менѣе заинтересованны имъ. За - то-же они, до очень недавняго еще времени, и не лнутъ подъ объединительное знамя французскихъ королей. Будучи прикрѣплены къ центру насиліемъ, они долго и упорно отстаиваютъ свою независимость противъ него; то замиряются съ нимъ на временныхъ компромиссахъ, то снова энергически встаютъ съ оружіемъ въ рукахъ; такъ-что еще Людовику XIV-му приходится обезлюживать северо-восточный край подъ предлогомъ приобщенія его къ лону единой спасающей и истинной государственной церкви.

Вышеуказанное различіе земледѣльческихъ условій въ центральныхъ французскихъ провинціяхъ и на окраинахъ не только даетъ импульсъ объединительному движенію, но оно еще ежечасно питаетъ это движеніе множествомъ самыхъ разнообразныхъ вліяній, которыя перечислить тѣмъ труднѣе, что исторія, занятая высшими политическими соображеніями, мало сохранила матеріаловъ на этотъ счетъ. Мы, однако-же, знаемъ, что интересы сравнительно многолюдныхъ центральныхъ провинцій и интересы хлѣбородныхъ окраинъ, столь діаметрально противоположныя въ другихъ отношеніяхъ, очень существенно сходились на одномъ: на свободномъ обращеніи земледѣльческихъ продуктовъ въ предѣлахъ возможно большей территоріи. А съ этимъ всенароднымъ требованіемъ несовмѣстимы были тѣ внутреннія таможи, заставы, *octrois* и т. п. преграды, которыя въ феодальную эпоху мелкіе владѣльцы и вольные города окружали со всѣхъ сторонъ земли, находившіяся подъ ихъ властью. Такимъ образомъ экономическіе интересы во Франціи, съ самого-же начала историческаго процесса формировація въ ней государственности, слагаются вполне

неблагопріятно для сохраненія областной и провинціальной независимости и обособленности. Центральная власть, стремящаяся изъ чисто династическихъ и бюрократическихъ соображеній къ подавленію этой независимости и обособленности, оказывается и въ этомъ отношеніи дѣйствующею очень рѣшительно въ смыслѣ самыхъ настойчивыхъ народныхъ требованій и нуждъ. Этимъ объясняется тотъ чисто земскій характеръ королевской власти, которымъ Франція въ теченіе долгихъ вѣковъ отличается отъ всѣхъ другихъ западно-европейскихъ государствъ. Мишле очень умно и талантливо угадалъ своимъ поэтическимъ чутьемъ всю ту, не легко поддающуюся анализу совокупность надеждъ и смутныхъ представлений, которыя связывались въ душѣ французскаго крестьянства съ однимъ магическимъ словомъ «король»; тотъ восторженный, почти мистическій культъ, который земская Франція добраго стараго времени питала къ своимъ вѣнценосцамъ и который отлился въ извѣстныхъ приключеніяхъ злополучной Іоанны д'Аркъ. Но Мишле, въ объясненіи этого замѣчательнаго явленія, отводитъ слишкомъ много мѣста причинамъ чисто политическаго характера: англійскимъ покушеніямъ на французскую самобытность и націоналистическимъ инстинктамъ французскихъ сельскихъ массъ. А между тѣмъ, мы уже давно знаемъ, что представленія національности, этнической обособленности, не существовали нигдѣ въ Западной Европѣ въ средніе вѣка. Тамъ, гдѣ завоеватели являлись въ образѣ какого-нибудь совершенно чуждаго племени,—какъ напримѣръ мавры въ Испаніи, монголы, а позднѣе турки на европейскомъ востокѣ,—ненависть туземцевъ къ этимъ пришельцамъ могла, дѣйствительно, играть существенную историческую роль. Да и въ такихъ случаяхъ эта ненависть обуславливалась гораздо больше кровавымъ, истребительнымъ характеромъ подобныхъ нашествій и обиходнымъ религіознымъ фанатизмомъ, чѣмъ націоналистическими мотивами. Во Франціи, разсматриваемаго нами времени, ничего подобнаго не было. Англійскія полчища, наводнявшія страну, были ничуть не страшнѣе для французскихъ крестьянъ, чѣмъ ихъ собственные бароны и доки, точно также раззорявшіе народъ и страну въ своихъ ежечасныхъ возмущеніяхъ противъ короля и въ своихъ нескончаемыхъ распряхъ между собою. Между французами и англичанами того времени не существовало даже разноплеменности, такъ какъ и тѣ, и другіе въ теченіи довольно долгаго времени говорили однимъ и тѣмъ-же языкомъ.

Книга г. Арафканьянца не проливаетъ обильнаго свѣта на этотъ темный періодъ зарожденія французской государственности,

но мы не вправѣ ставить автору въ упоръ этотъ пробѣлъ для пополненія котораго у него и не могло быть достаточныхъ историческихъ данныхъ. Мы скорѣе должны быть благодарны автору за то, что онъ переноситъ дѣло на ту почву, на которой мы и безъ большаго числа историческихъ подробностей убѣждаемся легко въ томъ, что дѣйствительно французская исторія творилась не столько мечомъ доблестныхъ рыцарей и перомъ дипломатовъ и секретарей, сколько плугомъ и бороною темныхъ труженическихъ массъ французскаго населенія. Мы не можемъ еще прослѣдить тѣхъ путей, которыми во Франціи извѣстнаго времени сложилось выше намѣченное сліяніе конкретныхъ народныхъ интересовъ со стремленіями королевской власти; но въ насъ не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что сліяніе это выработалось долгимъ историческимъ процессомъ въ нѣдрахъ той земской исторіи которую хроникеры того времени не записали отчасти за безграмотностью главныхъ безыменныхъ ея героевъ и дѣйствующихъ лицъ, отчасти же потому, что исторія эта не сопровождается эффектными декораціями, насильственно приковывающими къ себѣ вниманіе посторонняго наблюдателя. Крайне поучительнымъ во всемъ этомъ мы считаемъ то обстоятельство, что довѣріе народовъ къ своимъ повелителямъ, вовсе не составляетъ характеристической особенности того или другого племени.

Повидимому, начиная уже съ Людовика XI-го, въ земской исторіи Франціи совершается нѣкоторый переломъ. Извѣстно, что съ этого времени трудная задача «собиранія земли французской», т. е. приуроченія къ одному общему центру французскихъ областей и провинцій, обузданія произвола феодаловъ и городскихъ парламентовъ, упраздненія внутреннихъ заставъ и т. п., — считается уже законченной.

Въ ходячихъ представленіяхъ о Людовикѣ XI-мъ, государь этотъ рисуется обыкновенно человѣкомъ крутого нрава, непокладистымъ, скупымъ и болѣзненно жестокимъ. Таеъ-какъ его жестокость, вполне естественно, должна была обрушиваться всего больше на лицъ, приближенныхъ къ его престолу, т. е. на высокихъ сановниковъ и знатныхъ особъ, то обыкновенно предполагаютъ, будто Людовикъ XI-й былъ государемъ демократическимъ, дѣйствовавшимъ въ духъ народныхъ массъ. Нашъ Карамзинъ, рисуя образъ Ивана Грознаго, очевидно, нѣсколько вдохновлялся этими ходячими французскими представленіями о Людовикѣ XI-мъ, какъ о королѣ, преимущественно земскомъ, оказывавшемъ темному народу существенныя услуги тѣми униженіями, которымъ онъ подвергалъ зазнавшихся феодаловъ. Изъ данныхъ,

которыя мы находимъ въ книгѣ Арафканьянца, оказывается, что такое представленіе о жестокомъ французскомъ королѣ едва-ли вѣрно съ дѣйствительностью. Грозю для своихъ сановниковъ Людовикъ XI былъ точно; но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, будто онъ непремѣнно былъ народнымъ благодѣтелемъ и другомъ. Королю этому, въ дѣлѣ государственнаго и національнаго объединенія Франціи, досталось совершить только ту часть вѣковой задачи, которая могла быть осуществлена однимъ политическими мѣрами. Въ царствованіе Людовика XI-го, во французскомъ правительствѣ уже успѣло развиваться воззрѣніе на народъ, какъ на платежную силу, «*taillable et corvéable à volonté*», отъ которой ничего не ищется и не желается, кромѣ ежечасной пассивной готовности платить безпрекословно сколько потребуется. При такомъ воззрѣніи, о прежнемъ земскомъ характерѣ не можетъ быть и рѣчи; администрація быстро перерождается въ бюрократизмъ, при которомъ никакая зоркость надзора не могла уже предохранить народъ отъ злоупотребленій правительственныхъ агентовъ, становившихся все болѣе и болѣе преобладающею государственною силою по мѣрѣ того, какъ усложнялся и развивался государственный механизмъ. Г Арафканьянецъ приводитъ краснорѣчивое свидѣтельство «*cahiers des charges*» земскихъ собраній 1484 г., изъ котораго явствуется, что уже въ это время, — когда объединеніе французской территоріи было совершено, по крайней мѣрѣ, на девять десятыхъ, когда нѣкогда полновластные и самодержавные бароны уже начинали примиряться со своею приниженною ролью и готовы были превратиться въ покорныхъ слугъ короля, — бѣдствія французскаго народа достигаютъ крайняго предѣла. Крестьяне цѣлыми многочисленными ордами бѣгутъ въ Бретань. Тѣ-же изъ нихъ, которые остаются на мѣстахъ, оказываются принужденными запрягать въ плуги собственныхъ женъ и дѣтей за отсутствіемъ рабочаго скота. Случаи голодной смерти и даже людоедства, вслѣдствіе безысходной нужды, повторяются ежегодно въ нѣсколькихъ областяхъ и провинціяхъ. При такихъ условіяхъ, естественно, что настроеніе, воодушевлявшее земскую Францію въ годину Иоанны д'Аркъ, не могло продолжаться.

Разбираемый нами авторъ видитъ главную причину этого бѣдственнаго положенія французскаго крестьянства въ непомерно высокихъ государственныхъ платежахъ, которые въ странахъ, живущихъ исключительно, — или хотя-бы только преимущественно, — земледѣльческимъ трудомъ, неизбежно ложатся всею своею тяжестью на тягловаго работника, на землю. И, дѣйствительно, въ царствованіе Людовика XI-го налоги, платимые одними только крестьянами,

возросли на 100 процентов противъ прежняго царствованія. Тѣмъ не менѣе, мы позволяемъ себѣ видѣть въ этомъ явленіи далеко не главный корень, а скорѣе только микроскопическую частицу или алгебраическій показатель зла, которое заключалось не въ абсолютной или относительной величинѣ повинностей и податей, а въ переходѣ къ бюрократической государственности.

Въ общихъ чертахъ, новый періодъ французской исторіи, начинающійся съ царствованіемъ Людовика XI-го, можетъ быть охарактеризованъ такъ: съ возникновеніемъ государственности соотвѣтствіе между народными требованіями и стремленіями власти, не можетъ уже устанавливаться роковымъ, стихійнымъ образомъ, какъ это дѣлалось въ зачаточномъ періодѣ; административная работа усложняется и выдѣляется въ особый механизмъ, совершенно отдѣльный отъ земскаго. Въ странѣ, живущей исключительно земледѣльческимъ трудомъ, король, какъ благоразумный вотчинникъ, оказывался всегда очень сильно заинтересованнымъ въ рациональномъ веденіи народнаго хозяйства. Народное раззореніе должно неизбѣжно вести къ раззоренію государственной казны; а слѣдовательно его не могли сознательно желать даже самыя не дальновидныя французскіе государи.

Начиная съ XVI столѣтія, мы видимъ въ правительственныхъ кружкахъ и въ интеллигентныхъ сферахъ Франціи напряженную умственную работу, направленную на выработку теоретическихъ началъ національной хлѣбной политики, внутренней и вѣшной. Г. Арафканьянцъ даетъ бѣглый обзоръ этой богатой литературы, значительно предупредившей появленіемъ на свѣтъ знаменитый «*Опытъ о богатствѣ народовъ*», Адама Смита, и дѣйствительно, замѣчательной не только по количеству, но и по качеству своихъ произведеній. Верховная власть обыкновенно относилась очень поощрительно къ этимъ теоретическимъ попыткамъ, нерѣдко даже сама беретъ на себя починъ въ этомъ отношеніи. Что-же касается до осуществленія на практикѣ уже выработанныхъ теоріею началъ, то втеченіи всего этого второго періода французской исторіи мы уже не находимъ и призрака того единства направленія, которымъ характеризовался предыдущій періодъ. Какъ и во всякомъ дѣлѣ, зависящемъ отъ личныхъ особенностей, достоинствъ и пороковъ единичныхъ личностей, мы видимъ здѣсь рядъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону. Одна волна смываетъ то, что было принесено предшествовавшей волною.

Самою блестящею эпохою этого новаго періода земской исторіи Франціи было,—говоритъ г. Арафканьянцъ,—время правленія Генриха IV-го, или, точнѣе говоря, его умнаго министра Сюлли.

Принявъ финансы Франціи съ самымъ безнадежнымъ состояніи и видя окончательное раззореніе народныхъ массъ, являвшееся результатомъ войнъ и междоусобій предыдущаго царствованія, этотъ замѣчательный государственный человѣкъ понялъ очень вѣрно, что грошевою экономіею, ничтожными сбавками прямыхъ налоговъ и т. п. палліативами дѣлу серьезно помочь нельзя. А потому онъ и сосредоточилъ свое вниманіе на возможномъ усиленіи производительности народнаго труда и на огражденіи плательщиковъ отъ произвола сборщиковъ податей и другихъ агентовъ власти. Авторъ замѣчаетъ вполне справедливо, что обзоръ дѣятельности Сюлли не входитъ въ рамки его диссертациа; но невозможно было вовсе не упомянуть о томъ, что этому министру Франція обязана своею системою каналовъ; что имъ впервые возведено въ законъ мудрое правило, запрещающее отбирать у крестьянъ за недоимки или за долги рабочій скотъ и земледѣльческія орудія. Вѣковая рутина, конечно, не позволяла и думать о томъ, чтобы передать всецѣло веденіе національнаго хозяйства самой, наиболѣе заинтересованной въ этомъ дѣлѣ, земской Франціи, — но зато, въ своихъ стремленіяхъ упростить и удешевить государственный механизмъ, этотъ замѣчательный человѣкъ заходитъ дальше того, о чемъ помышляли самые передовые люди его времени. Сюлли установилъ, на примѣръ, что всѣ столкновенія и жалобы по неправильному взысканію податей и другимъ злоупотребленіямъ власти должны разбираться не дорого стоящимъ и мало доступнымъ для простаго крестьянина того времени обычнымъ судебнымъ порядкомъ, а выборными отъ общины присяжными третейскими судьями. Онъ предписывалъ своимъ чиновникамъ ограждать всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами земское населеніе отъ тѣхъ, кого онъ безцеремонно называетъ въ своихъ циркулярахъ *«les grands voleurs»*, разумѣя подъ этимъ эпитетомъ откупщиковъ, временщиковъ и опричниковъ всякаго рода.

Короче, казалось-бы, что съ Генрихомъ IV-мъ во Франціи возрождаются золотые годы «земскихъ королей», оставившіе по себѣ неизгладимую память въ благодарномъ народѣ. Казалось, что Сюлли навсегда положить прочныя основы разумной и народолюбивой хлѣбной политикѣ своей родины. На дѣлѣ вышло нѣчто совершенно иное. Достаточно было смерти Генриха IV-го и отставки его любимца, чтобы для земской Франціи снова наступили самыя черныя времена, совпадающія, впрочемъ, на этотъ разъ съ годами наипущаго развитія политическаго величія Франціи. Въ промежутокъ времени между 1624 и 1640 гг., г. Арафканьянцъ насчитываетъ во Франціи не меньше, какъ по одному кре-

стьянскому возстанію на каждый годъ. «Въ этихъ возстаніяхъ, замѣчаетъ авторъ, — истощился тотъ доблестный духъ, который французское крестьянство унаслѣдовало отъ лучшаго времени; но эту борьбою оно не обезпечило себѣ лучшаго будущаго: оно попросту изшло въ ней кровью». Нельзя не согласиться съ авторомъ, когда онъ утверждаетъ, что самую мрачную сторону этого времени составляетъ не та безысходная нищета, въ которую впадаетъ земская Франція, подъ блестящею диктатурою Ришелье: гораздо печальнѣе тотъ конечный упадокъ «корпоративнаго крестьянства (Standesbewusstsein des Bauern), съ которымъ этотъ важный элементъ національной французской жизни надолго сходитъ съ историческаго поприща. Регенство Мазарини и еще болѣе блестящее царствованіе «Короля Солнца», Людовика XIV-го, только завершаютъ дѣло, начатое при Ришелье...

На этомъ мы и оставимъ интересную диссертацию армянскаго докторанта, такъ какъ съ восемнадцатымъ вѣкомъ интересующая насъ земская Франція уже вовсе сошла со сцены. Страна уже успѣла перейти отъ исключительно сельскаго національнаго хозяйства къ болѣе запутаннымъ экономическимъ порядкамъ, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ капитализма. Даже и фискальная связь между властью и земствомъ здѣсь порвана.

Русскую земельную общину открылъ, какъ извѣстно, нѣмецъ баронъ Гакстгаузенъ. Въ Англии на этотъ счетъ случилось нѣчто еще болѣе странное: англійскую сельскую общину открылъ, правда, не нѣмецъ, а чистокровный англичанинъ — сэръ Генри Семнеръ Мэнъ; но открылъ онъ ее не дома, а въ Пенджабѣ, въ британской Индіи. Удивительнаго въ такомъ открытіи не было рѣшительно ничего: во-первыхъ, новѣйшая наука и положительная философія давно уже признали, что бытовые порядки и общественныя учрежденія создаются и развиваются повсемѣстно подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ-же общихъ и непреложныхъ законовъ; такъ что даже народы, завѣдомо несостоящіе ни въ какомъ этнографическомъ родствѣ между собою, могутъ обладать очень сходными порядками и учрежденіями. Во-вторыхъ, мы давно уже знали, что индусы приходятся сродни всѣмъ главнымъ народамъ нынѣшней западной Европы.

Мэнъ своими замѣчательными изслѣдованіями обхватилъ чрезвычайно широкій циклъ явленій, подлежащихъ вѣдѣнію исторической или этнографической социологіи; но нѣкоторымъ изъ затронутыхъ имъ вопросовъ (напримѣръ, о первоначальномъ семейномъ правѣ и о бракѣ) онъ упорно придерживается такихъ воз-

зрѣній, которыя не соотвѣтствуютъ современному уровню науки и опровергаются показаніями другихъ, не менѣ почтенныхъ и солидныхъ изслѣдователей. По примѣру очень многихъ ученыхъ своихъ соотечественниковъ, сэръ Г. С. Мэнъ нерѣдко путается въ лѣсу своей, дѣйствительно громадной и добросовѣстной эрудиціи. Но его изслѣдованія поземельной общины индусовъ въ ея связи съ доисторическими учрежденіями европейскихъ народовъ не заслуживаютъ никакого упрека и признаются классическими и неопровержимыми, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ и самыхъ существенныхъ чертахъ. Мэнъ прочно установилъ нѣсколько фундаментальныхъ положеній относительно начальныхъ формъ поземельной собственности у европейскихъ народовъ, происходящихъ отъ общаго съ индусами арійскаго корня; и положеніе это, сильно нуждающееся еще въ многочисленныхъ пополненіяхъ въ дальнѣйшемъ развитіи, такъ настойчиво подтверждаются всѣми другими повѣйшими изслѣдователями, что серьезный ученый не станетъ даже тратить времени на дальнѣйшую ихъ провѣрку; точно также, какъ новѣйшіе механики или физики не считаютъ нужнымъ провѣрять собственнымъ исчисленіемъ или опытомъ ньютоновскій законъ. Древніе греки и римляне, славяне, германцы, французы и англичане, короче говоря, всѣ главные европейскіе племена и народы унаслѣдовали отъ своихъ арійскихъ предковъ земледѣльческую и политически-самоправную обшину съ равнымъ правомъ cadaго изъ ея членовъ на землю. Но общинному началу не посчастливилось на европейской почвѣ. Греческая цивилизація очень скоро приняла очень рѣшительный городской и торговый складъ, несомѣстный съ сельскими общинными порядками. Впрочемъ, греческая, преимущественно іоническая гражданственность можетъ еще быть разсматриваема, какъ дальнѣйшее своеобразное развитіе прежняго общиннаго начала. Но уже въ Римѣ послѣдніе слѣды первоначальной общинной равноправности вскорѣ исчезаютъ совсѣмъ передъ зародившеюся здѣсь квинтскою, основанною на политическихъ привилегіяхъ собственностію. Республика, правда, долго сохраняетъ *Ager publicus*, т. е. общественное поле; но она видитъ въ немъ только резервъ или запасной фондъ, изъ котораго, въ случаѣ надобности, нарѣзаются участки новымъ личнымъ землевладѣльцамъ. Мэнъ (въ своихъ *Dissertations on Early Law and Custom*, появившихся въ началѣ текущаго года) замѣчаетъ совершенно справедливо, что римскій законодатель или юристъ цезаревскихъ или тацитовскихъ временъ долженъ былъ уже утратить даже способность понимать сущность общиннаго землевладѣльческаго принципа. Встрѣчая общину, какъ

преобладающую форму землевладѣнія у тѣхъ европейскихъ варваровъ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе, римляне естественно должны были воображать себѣ, что всѣ равноправные общинники лично владѣли даннымъ участкомъ по-очереди, или-же общинная земля должна была представляться имъ неимѣющею вовсе законнаго владѣльца, т. е. такою *res nullius*, которою по ихъ закону и обычаю могъ завладѣть каждый, захватившій ее, и которою, въ особенности государство, могло распорядиться вполне по своему усмотрѣнію. При господствѣ такихъ воззрѣній, римляне, даже безъ прямого намѣренія измѣнять бытовья условія подчиняемыхъ ими народовъ, естественно должны были наносить общинному строю индо-германской Европы очень чувствительные удары.

Очень знаменательно съ интересующей насъ точки зрѣнія то неоспоримое явленіе, что общинное землевладѣніе въ Европѣ, вообще говоря, сохранилось всего больше въ странахъ уцѣлѣвшихъ отъ римскаго вліянія. Такъ, напримѣръ, въ Россіи оно составляетъ преобладающій фактъ нашей національной экономіи. Впрочемъ, на исторіи Германіи мы имѣемъ возможность прослѣдить уже съ полною достовѣрностью то вліяніе, которое римское завоеваніе оказывало на общинный строй покоренныхъ народовъ. Въ Германіи тацитовскихъ временъ, и даже очень много вѣковъ спустя, общинное пользованіе представляетъ еще нормальную или господствующую форму землевладѣнія; но эта германская община, извѣстная Тациту, успѣла уже очень существенно уклониться отъ своего первоначальнаго обще-арійскаго образца: на мѣсто прежней равноправности, мы видимъ въ ней іерархическое начало по римскому образцу; а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезаетъ и прежняя самоправность, такъ какъ всѣ общинники подчиняются одному вождю или начальнику, который, въ свою очередь, можетъ быть подвластенъ другому, высшему начальнику, туземному или римскому, но который въ довѣренной ему общинѣ является тѣмъ не менѣе повластнымъ повелителемъ, господиномъ, синьоромъ или лордомъ. Указываемая перемѣна имѣетъ первоначально характеръ чисто политическій. Но строгое разграниченіе между экономикою и политикою, очень умѣстное въ ученыхъ трактатахъ и теоретическихъ разсужденіяхъ, въ дѣйствительной жизни и въ исторіи не встрѣчается нигдѣ и никогда. Въ настоящее время очень уже легко восстановить, отчасти на основаніи точныхъ историческихъ или археологическихъ показаній, отчасти-же неопровержимыми логическими выводами и умозаключеніями, тотъ процессъ, которымъ германская Европа отъ политически видоизмѣненной общины пере-

шла къ феодальному, а затѣмъ и личному капиталистическому праву землевладѣнія. Политическій администраторъ общины, будучи заинтересованъ во взысканіи податей, которыми были обложены равноправные члены общины и исправность платежа которыхъ тѣснѣйшимъ образомъ зависѣла отъ исправнаго веденія общиннаго хозяйства, весьма естественно долженъ былъ вмѣшиваться и въ экономическія распоряженія выборныхъ общинныхъ управъ и совѣтовъ. Онъ могъ по своему усмотрѣнію отбирать тягловые участки у неисправныхъ плательщиковъ или у тѣхъ, кого считалъ нерадивыми хозяевами; могъ передавать эти участки въ руки другихъ владѣльцевъ; могъ вовсе запрещать періодическіе передѣлы общинной земли по тягламъ... Достаточно было, чтобы власть такого начальника или политическаго административнаго повелителя общины стала наслѣдственною, и германская община тацитовскихъ временъ незамѣтно переходила въ феодальное крѣпостничество. Общинники оставались по-прежнему равноправными, но только права ихъ фактической и юридической силою сводились къ нулю; политическій начальникъ становился съ тѣмъ вмѣстѣ и помѣщикомъ общины, законнымъ владѣльцемъ земли и воздѣлывавшихъ ее крестьянъ. Когда-же наступало время освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, то вся историческая Европа была уже настолько пропитана римскими юридическими возрѣніями, что бывшій политическій распорядитель считалъ себя-же ограбленнымъ, оставляя землю себѣ и прогоняя съ нея крестьянъ.

Таковъ былъ средній нормальный ходъ поработенія и распавленія землевладѣльческой общины въ романо-германской Европѣ; но само собою разумѣется, что ходъ этотъ допускалъ безопечное разнообразіе въ подробностяхъ, что онъ часто даже въ двухъ сосѣднихъ и повидимому вполне сходныхъ между собою мѣстностяхъ могъ видоизмѣняться очень существенно, вслѣдствіе какихъ-то такихъ причинъ, которыхъ политическая исторія своевременно не помѣтила, считая ихъ нестоящими вниманія, и которыхъ новѣйшіе ученые доискиваются упорнымъ трудомъ. Въ настоящее время даже въ самыхъ капиталистическихъ странахъ, — едва-ли не преимущественно въ Англии, — общественное мнѣніе начинаетъ убѣждаться, что западная Европа далеко еще не покончила свои счеты съ принципомъ общиннаго владѣнія землею. При этомъ легко понятенъ тотъ интересъ, который возбуждаютъ повсюду историческія, археологическія, социологическія и всякія другія изслѣдованія, имѣющія предметомъ разъясненіе того сложнаго процесса, которымъ западно-европейская жизнь дошла до современнаго своего строя.

Новая книга мистера Сибума о деревенской общинѣ въ Англии по своему внушительному виду и по своимъ уважительнымъ размѣрамъ, по количеству самой тяжеловѣсной и вполне солидной учености, вложенной въ нее трудолюбивымъ авторомъ, не можетъ, конечно, остаться незамѣченной. Будучи снабжена болѣе чѣмъ необходимымъ числомъ историческихъ цитатъ, географическихъ картъ и чертежей, она уже однимъ внѣшнимъ своимъ видомъ напрашивается на вниманіе читателя и составляетъ, безъ сомнѣнія, интересное явленіе въ скромной и небогатой сферѣ солидныхъ историко-соціологическихъ изслѣдованій и трудовъ. Въ противоположность армянскому докторанту, мистеръ Сибумъ не любитъ расширять и обобщать затрогиваемыхъ имъ задачъ, и интересный соціологическій вопросъ вырожденія и исчезновенія съ лица земли англійской деревенской общины съ первыхъ-же строкъ превращается подъ его перомъ въ узко-спеціальныи вопросъ англійской національной археологіи. Вдобавокъ ко всему, почтенный авторъ, вмѣсто того, чтобы пополнять и провѣрять труды своихъ предшественниковъ въ этомъ направленіи, относится къ этимъ трудамъ съ пренебрежительнымъ недоверіемъ, незаслуживающимъ на нашъ взглядъ названія скептицизма. Г. Сибумъ а priori не хочетъ принять заключеній и выводовъ г. Мэна на счетъ первичнаго факта существованія въ до-исторической Англии арійской земской общины *равноправной* и *самоправной*.

Индусская или арійская община съ равными правами всѣхъ своихъ членовъ на земли,—разсуждаетъ почтенный авторъ «The English village-Community»,—въ Англии не могла существовать уже потому, что у одного общинника легко могло здѣсь оказаться семь или восемь человѣкъ дѣтей, у другого всего одинъ только сынъ: какимъ-же образомъ равенство могло пережить хоть-бы только одно или два поколѣнія?—Но вѣдь равноправность всѣхъ общинниковъ при пользованіи землею вовсе еще не значитъ полное имущественное равенство или коммунизмъ, и общины, считающія своею священнѣйшею обязанностью снабжать cadaго своего тягловаго работника соотвѣтствующимъ надѣломъ земли, завѣдомо существуютъ въ разныхъ отдаленныхъ и близкихъ странахъ земного шара. Не говоря уже о Россіи, въ Швейцаріи съ ея сравнительно гораздо болѣе густымъ населеніемъ существуютъ и до сихъ поръ очень многочисленныя общины, снабжающія cadaго изъ своихъ членовъ подобающими ему угодьями изъ общиннаго фонда на основаніи полнѣйшаго равенства всѣхъ передъ землею и передъ общиною. Никто никогда не отрицалъ, что съ увеличеніемъ народонаселенія несоотвѣтственно съ количествомъ наличныхъ об-

щинныхъ богатствъ, благосостояніе каждаго общинника должно, или по крайней мѣрѣ можетъ, ухудшаться и даже очень значительно. Въ различныхъ общинныхъ странахъ принимаются и различныя мѣры противъ этого зла; а въ нѣкоторыхъ общинныхъ странахъ никакихъ дѣятельныхъ и успѣшныхъ мѣръ еще не придумано. Но что-же все это можетъ имѣть общаго съ принципомъ равноправности и самоправности, составляющимъ, по мнѣнію Мэна и многихъ другихъ, одну изъ интереснѣйшихъ чертъ первобытной арійской общины? Почему то, что завѣдомо существуетъ въ Раджпутанѣ, въ Россіи, въ Швейцаріи, что существовало въ Германіи, цѣлѣ вѣка, не могло существовать въ доисторической Англіи? Или-же мистеръ Сибумъ простираетъ свой скептицизмъ до того, что не вѣритъ въ существованіе также и индусской, русской и швейцарской общины?.. Въ такомъ случаѣ ему-бы слѣдовало передъ изданіемъ своей книги прочитать двѣ—три популярныя и превосходныя статьи Лавеле въ «Revue des Deux Mondes», или съѣздить прогуляться на Люцернское озеро на два—три лѣтнихъ мѣсяца...

Свое недовѣріе къ изслѣдованіямъ Мэна англійскій ученый отождествляетъ съ недовѣріемъ къ «сравнительному» методу, который едва-ли не одинъ только и употребителенъ въ новѣйшей социологіи. Мистеръ Сибумъ считаетъ этотъ методъ непригоднымъ къ разрѣшенію поставленной имъ себѣ задачи и предлагаетъ взамѣнъ его «хронологическій» методъ, котораго относительныхъ достоинствъ не оспариваетъ никто, но который, къ сожалѣнію, примѣнимъ въ очень слабой степени къ вопросамъ и задачамъ доисторической социологіи.

Мистеръ Сибумъ не отрицаетъ, что деревенская община вѣкогда существовала и въ Англіи; да этого невозможно и отрицать, такъ какъ рѣдкіе, но еще живые остатки ея сохранились тамъ и до настоящаго времени. «Хронологическій методъ» въ примѣненіи къ англійской деревенской общинѣ, по мнѣнію автора, долженъ заключаться въ томъ, чтобы, взявъ одинъ изъ имѣющихся въ наличности живыхъ его образцовъ, прослѣдить всѣ его видоизмѣненія черезъ долгій рядъ вѣковъ, послѣдовательно восходя до самой глубокой древности. Путь этотъ, конечно, очень труденъ и тернистъ, и мы не позволимъ себѣ а priori утверждать, что игра во всякомъ случаѣ будетъ стоить свѣчъ, что добытый результатъ непременно вознаградитъ всѣ потраченныя усилія. Самъ г. Сибумъ (а ужъ онъ не пощадилъ своего труда на предложенное имъ ученой публикѣ сочиненіе!) признаетъ, что подобная работа немыслима относительно каждаго изъ сохранивш-

гося въ современной Англїи остатка въ первоначальной деревенской общинѣ. Потому онъ и ограничивается всего только однимъ изъ нихъ, такъ что книга его скорѣе должна-бы быть названа «лѣтопись Гичинской деревенской общины, начиная отъ настоящаго времени и нисходя съ нечеловѣческими усилїями во мракъ времени».

Вотъ вкратцѣ тѣ выводы, которые мистеръ Сибумъ получилъ въ результатѣ своего упорнаго и добросовѣстнаго, но неумѣлаго и несистематично веденаго труда: деревенская община Гичинъ, въ графствѣ Гертфордскомъ, существуетъ въ настоящее время не въ видѣ вольной и равноправной группы, какою должна-бы быть арійская первобытная община по Мэнну, а въ видѣ вотчины, подвластной мѣстному ландлорду и состоящей въ довольно тѣсной политической и экономической зависимости отъ него. Г. Сибумъ роется въ мѣстныхъ и областныхъ хроникахъ, преданїяхъ, пѣсняхъ, повѣрьяхъ и т. п. Онъ рисуетъ намъ съ замѣчательною мелочностью рядъ картинъ, изображающихъ общину Гичинъ въ Гертфордскомъ графствѣ при самыхъ различныхъ историческихъ условїяхъ; но въ каждую данную эпоху неизбѣжно оказывается какой-нибудь ландлордъ, давящїй общину Гичинъ подъ своею вельможною пятою. И такъ до самой эпохи Юлія Цезаря. За этимъ предѣломъ и самъ мистеръ Сибумъ не можетъ уже раздобыть объ общинѣ Гичинъ никакихъ показанїй и свѣдѣнїй: она бесплодно тонетъ во мракѣ времени.

Затѣмъ авторъ суммируетъ плоды своихъ мучительныхъ потугъ нижеслѣдующимъ образомъ: община Гичинъ ни въ одномъ историческомъ періодѣ не была равноправною и самоуправляющеюся: ergo Англїя никогда не знала той вольной арійской общины, которую выдумалъ сэръ Генри С. Мэнъ и ему подобные приверженцы «сравнительнаго» метода. Мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ, что община Гичинъ въ Гертфордшейрѣ существовала раньше римскаго завоеванїя: ergo до-историческая Англїя не знала вовсе деревенской общины, этимъ учрежденїемъ надѣлили ее побѣдоносный Римъ!

Такая своеобразная аргументація не нуждается ни въ какихъ комментарїяхъ; если мы обратили вниманїе на эту книгу, то единственно въ виду крайне интересныхъ подробностей, о бытїи старой англїйской общины, которыми изобилуетъ трудъ англїйскаго автора, въ основѣ своей парадоксальный.

Л. Мечниковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

На Араратъ. Наброски путевыхъ впечатлѣній. Д. Л. Мордовцева. Спб. 1883.

„Кто изъ мыслящихъ людей не испыталъ на себѣ тяжелаго, удручающаго гнета общественной жизни послѣднихъ лѣтъ? Кто изъ насъ не задыхался въ удушающей темнотѣ—если можно такъ выразиться безъ всякаго обиднаго намека на чей-либо счетъ—въ удушающей атмосферѣ новаго времени? И кого не тянуло вырваться на свѣжій воздухъ изъ этого душнаго, затхлаго погреба, когда повидимому не представлялось никакой возможности такъ или иначе оздоровить этотъ гнилой воздухъ? Многие дѣйствительно и убѣгали изъ этого погреба хоть на время, лишь-бы не задохнуться. Убѣгалъ и я въ эти тяжелые годы далеко отъ горемычной родины, убѣгалъ съ такимъ чувствомъ, какъ-будто-бы искалъ убѣжать отъ самого себя. Да оно и было въ сущности и то и другое—какое-то сугубое бѣгство. Дѣйствительно—глубокое недовольство окружающею жизнью и вмѣстѣ съ тѣмъ самимъ собою, недовольство всѣмъ, чѣмъ до нѣкоторой степени наполнялось ваше существованіе: извондья въ день, до новой, лучшей зари; недовольство, такъ-сказать, небомъ, и землей, живыми и мертвыми, настоящимъ и прошедшимъ, которое не умѣло сдѣлать насъ такими, какъ „иные прочіе человѣцы“; наконецъ, недовольство даже своими собственными скромными трудами, тѣми бѣдными работишками досужаго пера, которыя являлись какъ продукты историческихъ дедукцій отъ сквернаго настоящаго къ еще болѣе скверному прошедшему.—Все это толкало мысль мою и волю искать чего-то новаго, другого, а если и стараго, очень даже стараго, какъ пирамиды, то такого, чего я еще не видывалъ сроду, чего еще не переиспыталъ, не перечувствовалъ. И я ѣхалъ искать удовлетворенія этихъ порывовъ духа на дальній Востокъ—въ Египетъ, въ Палестину, на Араратъ. И мнѣ казалось, чувствовалось, что именно тамъ, подъ чужимъ небомъ, подъ тропическимъ солнцемъ пирамидъ и выжженныхъ гнѣвомъ Іеговы холмовъ и долинъ Іерусалима, я забылъ свою тоску, то духовное сиротство и недовольство, которое грызло мою душу на родинѣ“ (7)

Такъ объясняетъ г. Мордовцевъ причины своего эксцентрическаго путешествія. Мы останавливаемся прежде всего на этомъ объясненіи, потому что оно гораздо замѣчательнѣе и интереснѣе самой книжки, рассказывающей о путешествіи. Г. Мордовцевъ ѣхалъ—не доѣхалъ, шелъ—не дошелъ—вотъ вкратцѣ вся его одис-

сея. «Путевыя впечатлѣнія» его, конечно, не лишены извѣстнаго интереса, но намъ, повторяемъ, представляются гораздо болѣе интересными тѣ домашнія, петербургскія, что-ли, «впечатлѣнія», отъ которыхъ престарѣлый полубольной человѣкъ стремится въ Египетъ, въ Палестину, на вершину Арарата, наконецъ, лишь-бы какъ-нибудь исполнить давнишній щедринскій совѣтъ—т. е. «забыть». Нѣтъ никакой возможности (по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ) заподозрить г. Мордовцева въ неискренности, въ желаніи порисоваться и т. п. Дѣло въ томъ, что ничего чрезвычайнаго, ничего исключительно—субъективнаго въ этихъ его чувствахъ нѣтъ. Онъ съ новымъ правомъ предполагаетъ это чувство во всѣхъ «мыслящихъ людяхъ» и намъ остается лишь пожалѣть, что авторъ только коснулся этого мотива, только намѣтилъ, а не развилъ и не разъяснилъ его. Г. Мордовцевъ, повидимому, самъ не сознавалъ его важности и его глубокаго интереса. По крайней мѣрѣ, въ другомъ мѣстѣ своей книжки, г. Мордовцевъ уже совершенно иначе объясняетъ «свой крестъ, охоту къ перемѣнѣ мѣстъ», говоря выраженіемъ Пушкина. «Чувствовать при каждомъ новомъ усиліи, говоритъ г. Мордовцевъ, что ты возносишься все выше и выше, побѣждать препятствія и опасности, при видѣ которыхъ иногда захватываетъ духъ, оглянуться потомъ на пройденное пространство, видѣть, какъ далеко растиался горизонтъ, и какъ-бы владычествовать духомъ надъ всѣмъ тѣмъ, что глубоко и далеко раскидывается передъ тобою—это одно изъ величайшихъ, могучихъ наслажденій человѣческаго духа. Этого-то могучаго и чистаго наслажденія я и искалъ, подвергая жизнь свою опасности. За этими великими ощущеніями я ѣздилъ въ Египетъ, къ пирамидамъ, въ Иерусалимъ, къ Мертвому морю. Этихъ могучихъ ощущеній искалъ я и на Араратѣ» (126).

Какъ видите, это уже совсѣмъ не то. Удовольствіе «возноситься все выше и выше»—удовольствіе совершенно личнаго характера. Если такое «возношеніе» въ самомъ дѣлѣ доставляетъ г. Мордовцеву «величайшее, могучее наслажденіе», то его смѣлая поѣздка совершенно теряетъ тотъ характеръ, который онъ старался придать своими объясненіями, и приобретаетъ значеніе увеселительнаго пикника—не болѣе. «Мыслящіе люди», къ которымъ Мордовцевъ апеллировалъ, на чувство которыхъ онъ ссылался—тутъ рѣшительно не при чемъ и все дѣло сводится къ личнымъ вкусамъ и наклонностямъ г. Мордовцева. Если-бы наша дѣйствительность была даже вполнѣ нормальна, г. Мордовцева все-таки потянуло-бы на Араратъ или на пирамиды, потому что они доставляютъ ему не разсѣяніе, не забвеніе, а положительное «вели-

чайшее, могучее наслажденіе», какового ему не могла-бы доставить будничная, прозаическая, хотя-бы то и совершенно здоровая жизнь.

Описываетъ г. Мордовцевъ свое неудачное путешествіе съ тою шаблонною ловкостью «опытнаго пера», которая умѣетъ показать товаръ лицомъ и изъ ничтожнаго, въ сущности, матерьяла сдѣлать нѣчто красивое на первый взглядъ. Намеками и недомолвками насчетъ «страшнаго» исхода своей экспедиціи, намеками, разсѣянными на протяжении всей книги, г. Мордовцевъ искусно поддерживаетъ интересъ въ читателѣ, который съ нетерпѣніемъ перевертываетъ страницы, старая отъ любопытства узнать поскорѣе— что именно такое случилось съ г. Мордовцевымъ на Араратѣ. Такъ, на стр. 70, г. Мордовцевъ говоритъ: «сурмалинскій уѣздный начальникъ былъ уже съ нами. Онъ явился моимъ добрымъ гениемъ, хотя ни онъ, ни я не могли, конечно, предвидѣть, что ожидаетъ меня впереди. А впереди ожидало меня глубокое разочарованіе и такой несчастный конецъ, какового я всю жизнь не забуду». — «Но зачѣмъ забѣгать въ область будущаго», прибавляетъ г. Мордовцевъ, но не удерживается, и на стр. 90 опять шлетъ читателю намекъ: «всходя въ послѣдствіи на Араратъ послѣ пребыванія въ адской Эривани, я уже носилъ въ себѣ заразу, а Араратъ доканалъ меня. Я только чудомъ избѣжалъ смерти, а зачатки ея доселѣ ношу въ моей съ той поры болѣющей груди». На стр. 97 опять тоже: «мнѣ думалось: что-то будетъ завтра?— что принесутъ мнѣ послѣдующіе дни? Точно въ самомъ дѣлѣ тревожный духъ смутно предчувствовалъ горькую незадачу и всѣ тѣ печальныя послѣдствія, которыя чуть не свели меня въ могилу». Еще черезъ нѣсколько страницъ г. Мордовцевъ опять таинственно подмигиваетъ читателю: «я невольно вглядываюсь въ эту личность, не подозрѣвая, что она оставитъ глубокой слѣдъ въ моей жизни: я не подозрѣвалъ, что ей я буду обязанъ тѣмъ, что еще и теперь живу, что могу писать вотъ эти мои воспоминанія изъ моего «прекраснаго далека». Я не подозрѣвалъ, что этотъ вошедшій въ комнату, неизвѣстный мнѣ человѣкъ, съ золотымъ Георгиемъ на груди, сегодня-же спасетъ меня отъ вѣрной смерти при самыхъ потрясающихъ обстоятельствахъ» (108). На стр. 131, г. Мордовцевъ пьетъ чудотворную воду, но— снова дразнить онъ читателя— «но только она не спасла меня отъ того, что ожидало меня впереди». Любопытство читателя, благодаря такимъ приемамъ ловкаго автора, доходитъ до степени серьезнаго нервнаго раздраженія и легко послѣ этого представить себѣ его разочарованіе и его досаду, когда онъ, наконецъ, узнаетъ, что ничего чрезвычайна-

го, «потрясающаго» съ г. Мордовцевымъ и не случилось вовсе! Поднимаясь на Араратъ, г. Мордовцевъ выбился изъ силъ и остановился на полпути—вотъ все, что съ нимъ случилось. Правда, дорогою онъ чуть-чуть не упалъ въ пропасть, но вѣдь «чуть-чуть» не считается, какъ говорятъ маркеры. Разочарованному и даже просто обозленному читателю становится подъ конецъ смѣшно на г. Мордовцева и на его безпрестанныя аханья. Да и дѣйствительно, нельзя не смѣяться, когда г. Мордовцевъ рассказываетъ, какъ онъ поднимался на Араратъ. Ъхали въ началѣ верхомъ, а г. Мордовцевъ, по его собственному признанію, «плохой кавалеристъ». Затѣмъ—слушайте, слушайте!—къ довершенію всѣхъ другихъ неудобствъ ѣзды по горамъ и притомъ во мракѣ ночи—я ничего не видѣлъ у себя подъ ногами, ни впереди, ни по сторонамъ. Этому, конечно, помогала моя несчастная близорукость, да, кромѣ того—на мнѣ были темныя очки, которыя мнѣ совѣтовали надѣть при восхожденіи на Араратъ, чтобы тѣмъ предохранить глаза отъ яркихъ лучей солнца». (116) Ну, не умора-ли? Ъдетъ человекъ «во мракѣ ночи» и для предохраненія своихъ глазъ отъ «яркихъ лучей солнца» надѣваетъ темныя очки! Остается только удивляться, что г. Мордовцевъ только «чуть-чуть», а не вовсе свалился въ пропасть. Вообще путешествіе, которое г. Мордовцевъ старается изобразить трагическимъ, отличалось на самомъ дѣлѣ удивительнымъ комизмомъ. Въ Эривани г. Мордовцевъ нашелъ, напр., родъ бобовъ «бакла». «Отъ частаго употребленія этихъ диковинныхъ бобовъ въ пищу, говорятъ, люди глупѣютъ и потому—преlestная наивность г. Мордовцева—до этой страшной «баклы» я даже не дотрогивался въ бытность мою въ Эривани» (93). Такъ великъ страхъ г. Мордовцева «поглупѣть»! Не только г. Мордовцевъ—даже вещи его приобрѣли, благодаря его туристскимъ подвигамъ, значеніе историческихъ реликвій. Такъ онъ съ торжественностью говорить: осенній вѣтеръ пронизывалъ меня насквозь, такъ что я долженъ былъ закутаться въ пледъ, въ тотъ самый, который въ Петровъ день лѣта 1879 года согрѣвалъ меня на высотахъ Чатырдага, а въ концѣ мая 1881 года—на вершинѣ пирамиды Хеопса, въ виду сыпучихъ песковъ Сахары». Въ выносѣ къ этому мѣсту, точно для усугубленія эффекта, г. Мордовцевъ прибавляетъ: «да не подумаетъ благосклонный читатель, что я клевету на свой пледъ и на пирамиду Хеопса: дѣйствительно, мнѣ было холодно въ Египтѣ» (55). Это сопоставленіе пледа съ пирамидой ей богу восхитительно. Въ другомъ мѣстѣ г. Мордовцевъ даетъ еще болѣе смѣлое сопоставленіе: «какой то суевѣрный страхъ заползалъ мнѣ въ душу: въ этотъ именно день, 6-го

августа, по преданію, Христосъ былъ на горѣ, гдѣ совершилось его преображеніе. А что меня ждетъ на горѣ, къ которой я приближаюсь? (86) Такихъ образовъ, сопоставленій, антитезъ въ книгѣ г. Мордовцева не мало и они невольно заставляютъ предполагать, что почтенный авторъ врядъ-ли соблюлъ полную осторожность относительно «страшной баклы».

Записки охотника Восточной Сибири. 1856—1863. А. Черкасова. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1884.

Два предисловія, предшествующія книгѣ г. Черкасова, переполнены убѣдительнѣйшими просьбами автора о списхожденіи и извиненіяхъ въ томъ, что онъ не владѣетъ литературнымъ языкомъ. Дѣйствительно, въ отношеніи чистоты и правильности, изложеніе г. Черкасова оставляетъ желать очень многого. Нельзя выражаться, напримѣръ, такимъ манеромъ: «я, какъ принадлежащій къ числу здѣшнихъ охотниковъ, какъ марающій замѣтки страстнаго охотника Восточной Сибири» и пр. (306). Равнымъ образомъ, г. Черкасовъ злоупотребляетъ «отступленіями», большею частью совершенно бесполезными, ровно ничего не поясняющими. У г. Черкасова, какъ у истаго охотника, языкъ, какъ говорится, не знаетъ удержа. Авторъ самъ сознаетъ этотъ свой недостатокъ и въ концѣ каждаго такого ненужнаго «отступленія» горячо извиняется передъ читателемъ, чѣмъ не только не поправляетъ, разумѣется, дѣла, а еще больше усиливаетъ впечатлѣніе отъ своей чрезмѣрной болтливости. Г. Черкасову, повидимому, и въ голову не приходитъ, что вмѣсто всякихъ извиненій ему было-бы гораздо проще и цѣлесообразнѣе вычеркнуть безъ дальнихъ церемоній всѣ тѣ мѣста своей книги, за которыя онъ извиняется передъ читателемъ. Чрезмѣрно-пухлая книга его только-бы выиграла отъ этого.

Но съ этими второстепенными недостатками сочиненія г. Черкасова очень легко помириться въ виду его серьезныхъ достоинствъ. Въ общемъ, даже изложеніе г. Черкасова удовлетворяетъ читателя: оно очень толково, очень живо и отличается тѣмъ одушевленіемъ, съ какимъ обыкновенно говорятъ люди о предметахъ близкихъ и дорогихъ для нихъ. Разказы г. Черкасова дышатъ правдой. «Чего я, говоритъ г. Черкасовъ,—не видалъ своими глазами или не испыталъ на дѣлѣ — никогда не выдаю за факты» (427). Этому принципа авторъ держится очень строго. Онъ не забываетъ каждый разъ, при каждомъ сколько-нибудь сомнитель-

номъ случаѣ, отмѣтить — *видѣлъ* онъ данный фактъ или только *слышалъ* о немъ. Такая добросовѣстность производитъ на читателя наилучшее впечатлѣніе.

Вообще книга г. Черкасова даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ. Г. Черкасовъ отнюдь не простой, бывалый и опытный охотникъ только: онъ, какъ это видно изъ его книги, человекъ образованный, знающій и наблюдательный. Это обстоятельство очень выгодно отразилось на книгѣ. «Записки Охотника» г. Черкасова — не сборникъ охотничьихъ анекдотовъ, не рассказъ объ охотничьихъ походахъ, даже не сводъ правилъ, которыми долженъ руководствоваться охотникъ: это толковое, обстоятельное описаніе звѣрей, насѣляющихъ степи и лѣса Восточной Сибири. Эта часть книги — и самая большая по объему, и самая важная и интересная посо держанію. Не лишены интереса и бытовья характеристики сибирскихъ охотниковъ, съ которыми авторъ знакомъ коротко.

К. Случевскій. Застрѣльщики. Спб. 1883.

Онъ-же. Virtuozы. Спб. 1882.

Онъ-же. Поэмы, хроники, стихотворенія. Книга III. Спб. 1883.

Давно сказано, что великіе люди являются выразителями своей эпохи и своего поколѣнія, представителями и носителями тѣхъ идей, въ которыхъ заключается внутренней смыслъ даннаго историческаго періода. Это, конечно, совершенно вѣрно, да иначе оно и быть можетъ. Но если вы хотите знать не общій характеръ эпохи, а только характеръ текущей минуты — вамъ нужно обратиться за справками не къ великимъ, а къ малымъ людямъ — и чѣмъ меньше и медче будутъ эти людишки, тѣмъ лучше для васъ, тѣмъ точнѣе будутъ ваши замѣчанія. Но не только «великіе», но и просто неглухие и искренне убѣжденные люди довольно упорны въ своихъ возрѣніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ. Они знаютъ, конечно, что *les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas*, но знаютъ также и то, что на всякое чиханье не наздравствуешься. «Маленькіе» люди, т. е. люди безъ опредѣленнаго умственнаго и нравственнаго содержанія — совсѣмъ другое дѣло. Они именно кричатъ «здравія желаемъ!» и «будьте здоровы» каждому, кто умѣетъ чихать громко. Что имъ послѣдняя книга, послѣдняя идея, послѣдняя минута скажетъ, то на душѣ ихъ сверху и ляжетъ. Это не злостное хамелеонство — это просто умственная беззащитность и нравственная покладливость.

Читатель не замедлитъ убѣдиться, что присказка наша идетъ

къ дѣлу. Мы не намѣрены касаться произведеній г. Случевского съ чисто-литературной, художественной точки зрѣнія. Въ настоящемъ случаѣ, эта точка даже невозможна, потому что даже самъ авторъ затруднился, къ какому роду беллетристики отнести свои произведенія—къ роману-ли, къ повѣстямъ-ли, къ простому-ли очерку или разсказу и т. п. На обложкахъ книжекъ значится: «Застрѣльщики», «Виртуозы»,—а что это такое—неизвѣстно. И дѣйствительно, неизвѣстно. Это нѣчто нескладное, какой то безсвязный разсказъ безъ идеи, безъ фабулы, безъ какого-бы-то ни было единства. Это въ особенности должно сказать о «Застрѣльщикахъ». Подъ именемъ «Застрѣльщиковъ» г. Случевскій разумѣть различныхъ чиновъ горнаго вѣдомства, которые служатъ на нашемъ востокѣ въ качествѣ директоровъ, управляющихъ заводами, инженеровъ и т. п. Кромѣ того, въ разсказѣ или въ повѣсти г. Случевского фигурируетъ какая-то гувернантка-камедія, какой-то докторъ ревизоръ, какой-то аптекаръ—политическій ссыльный и т. п. Серьезно утверждаемъ, что разобраться въ этой нелѣпой путаницѣ нельзя, понять что-нибудь невозможно. «Виртуозы» нѣсколько понятнѣе и въ этомъ отношеніи—но только въ одномъ этомъ—лучше «Застрѣльщиковъ». Въ «Виртуозахъ» есть все-таки нѣкоторый планъ, нѣкоторая цѣлостность общей концепціи. Разсказъ относится по времени послѣдней войны нашей съ Турціей и подъ «Виртуозами» г. Случевскій разумѣть просто на-просто тѣхъ грабителей, которые подъ видомъ разныхъ подрядчиковъ, поставщиковъ и т. п. обирали нашу казну и нашего солдата.

Но если о г. Случевскомъ нечего сказать какъ о беллетристѣ, онъ за-то очень интересенъ какъ моралистъ. Да, г. Случевскій морализируетъ и даже очень горячо. Въ «Застрѣльщикахъ» онъ говоритъ, напримѣръ: татары, мордва, черемисы, башкиры, цѣлыми столѣтіями мирно гнѣздившіеся на своихъ мѣстахъ, скоро почували на себѣ всю сладость интеллигенціи, шествовавшей съ запада, въ безчисленныхъ облакахъ такихъ застрѣльщиковъ, какимъ былъ Викторъ Викторовичъ. Назидательно было-бы вселиться, хотя временно, въ мышленіе какого-нибудь чуваша или башкира, созерцающаго то, что онъ видитъ передъ собою и опѣиваетъ на основаніи своихъ традицій? Не хорошо, очень не хорошо!—такъ должны онъ думать. А подѣлать ничего нельзя: застрѣльщики вадомъ валятъ—за ними сила... Культивированіе востока? какая задача и какими людьми? Вспомните казнь иркутскаго вице-губернатора Жолобова и прочтите о ней въ полномъ собраніи законовъ. Вспомните губернатора Тюфяева. Все это были застрѣльщики интеллигенціи, по которымъ востокъ знакомился съ нами» (29). Въ «Вир-

туозахъ» г. Случевскій говоритъ, въ сущности, на ту-же самую тему, но выражается рѣшительнѣе. Онъ—такова авторская манера выражаться — предполагаетъ какого-то «резонера», котораго и заставляеть резонерствовать такимъ образомъ: «чѣмъ несовершеннѣе общество, сказалъ-бы резонеръ, тѣмъ болѣе въ немъ виртуозовъ.

«Неустойчива, сказалъ-бы онъ, частная жизнь, подбиты вѣтромъ права и обязанности, хозяйничаетъ элементъ личныхъ вліяній и всякіе неуловимые виды nepотизма, отъ продажи утвержденныхъ штатами мѣстъ до распредѣленія монополій и концесій, для сбыта ихъ въ удобнѣйшія руки,—и вы имѣете передъ собою цѣлыя поля виртуозовъ. Четверть, половина, нѣтъ—весь интеллигентъ начинаетъ виртуозничать!

«Небрежно, устарѣло законодательство, противорѣчивы отдѣльныя статьи его, нараставшія во времена давно отжившія, но остающіяся въ жизни,—и вы имѣете концертъ виртуозовъ всякихъ наименованій безъ числа.

«Наоборотъ, заключилъ-бы резонеръ, значительно понизивъ голосъ, какъ-бы углубляясь въ самого себя,—если правильна жизнь, обезпечены права и обязанности, если болѣе или менѣе одинаково развитіе; если отношенія возможно логичны, ясны, гласны; если представляются законные, правильные исходы изъ того или другого положенія, безъ того, чтобы обязательно сойти съ ума или побить человѣка; если существуетъ въ машинѣ жизни предохранительные клапаны,—виртуозы вымираютъ переводятся, и общая заря счастья проступаетъ тогда, и погибаютъ души ночи, вампиры общества, полишинели чести, арлекины чувства». (151).

Вся эта «мораль» рѣшительно не вытекаетъ изъ фактовъ обонхъ рассказовъ и прицѣплена къ нимъ совершенно механическимъ образомъ: въ одномъ случаѣ предполагается башкиръ, въ мышленіе котораго вселился г. Случевскій (выражаемся языкомъ автора) въ другомъ—какой-то «резонеръ». Тѣмъ не менѣе, въ смыслѣ характеристики г. Случевского, устами котораго, какъ это само собою разумѣется, говоритъ и башкиръ и резонеръ, эта мораль гораздо важнѣе нежели собственно повѣствовательная сторона его рассказовъ. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе сбивчивое, болѣе сумбурное, нежели эта мораль. Г. Случевскій знаетъ твердо только одно: восьмую заповѣдь, гласящую «не укради». Но такъ какъ въ жизни цивилизованныхъ и полувцилизированныхъ обществъ воровство принимаетъ самыя разнообразныя и иногда довольно чистенькія формы, осложняется разными побочными элементами, то г. Случевскій, не будучи въ силахъ развязать всѣ эти узлы, разсѣкаетъ ихъ не хуже Александра Македонскаго. Кто воруетъ?

Интеллигенція. Таковъ отвѣтъ г. Случевского, свидѣтельствующій, что авторъ слышалъ звонъ, слышалъ тотъ набатъ, которымъ еще такъ недавно призывали правовѣрныхъ въ походъ противъ интеллигенціи. Горные чины, вице-губернаторъ Жолобовъ, губернаторъ Тюфяевъ—все это представители, «застрѣльщики» интеллигенціи, по мнѣнію г. Случевского. Если общественная жизнь ненормальна (а гдѣ она нормальна-то, спрашивается?), немедленно «четверть, половина, нѣтъ—весь интеллигентъ начинаетъ виртуозничать», т. е. грабить и воровать, утверждаетъ г. Случевскій. Въ томъ и бѣда г. Случевского, что онъ слышитъ не одинъ и не два, а много колокольныхъ звоновъ и не знаетъ въ какой приходъ ему слѣдуетъ идти. Онъ слышалъ, что гласность—полезна, что отсутствіе опредѣленныхъ правъ и обязанностей въ обществѣ—вредно, что nepотизмъ—вещь пагубная; но онъ еще чаще слышалъ, что «корень зла» заключается въ интеллигенціи, не въ тѣхъ или другихъ общественныхъ наслоеніяхъ, а въ интеллигенціи вообще, т. е. въ людяхъ—говоря опредѣленіемъ профессора Градовскаго,—которые имѣютъ несчастіе умѣстно употреблять букву ъ. Сопоставляя все это, г. Случевскій ставитъ обществу такія задачи («обезпеченіе правъ и обязанностей», реформу законодательства и пр.), которыя могутъ быть исполнены единственно интеллигенціей; съ другой-же стороны, тотъ-же г. Случевскій утверждаетъ, что пока эти задачи не рѣшены, «вся интеллигенція» превращается въ «виртуозовъ». Несамостоятельная мысль, сбивчивая логика, запутанныя понятія всегда приводятъ къ такимъ заболдованнымъ кругамъ, изъ которыхъ нѣтъ выхода.

Какъ поэтъ, г. Случевскій, пожалуй, даже еще болѣе невозможенъ, нежели какъ прозаикъ. Въ его поэзіи все холодно, разсудочно, вымучено: вымученъ пафосъ, вымучена мысль, вымучено остроуміе, вымученъ самый стихъ, который плохо слушается г. Случевского. Въ вѣчныхъ потугахъ сказать нѣчто глубокомысленное, г. Случевскій доходитъ иногда до того, что читатель при всѣхъ усиліяхъ не можетъ найти въ его стихахъ даже простого смысла. Что, напр., означаетъ, хотя-бы сей сонъ:

Ты умный человѣкъ, и въ этомъ нѣтъ и спора!
 Ничто не скроется отъ опытнаго взора,
 И все, чѣмъ оптика вооружила глазъ,
 Тебѣ извѣстно, и ты смотришь въ насъ.
 Профессоръ! ты постигъ всѣ мудрости Европы —
 Вотъ отъ того-то здѣсь, въ Россіи, сморщивъ лобъ,
 Ты такъ мучительно уткнулся въ микроскопъ, —
 А надобно-бы лѣзть глядѣть подъ телескопы.. (235).

Впрочемъ, у г. Случевского есть вещи еще болѣе непонятныя,

таинственный смыслъ которыхъ не можетъ быть обнаруженъ никакимъ анализомъ. Такова, напр., его мистерія «Элоа», въ которой дѣйствующими лицами являются Сатана, Молохъ, усопшій Прелать, монахи, тѣни и проч. Мистерія заключается такимъ образомомъ Сатаны:

Вспылалъ мой умъ ужасной жаждой!
И, какъ растопленный металлъ,
Огнемъ бѣжитъ по мысли каждой,
Зловѣщій грохотъ всѣхъ началъ!
Впередъ! И этотъ вѣкъ проклятій,
Что на землѣ идетъ теперь, —
Тишайшимъ вѣкомъ скромныхъ братья
Почтеть грядущій полузвѣрь!
Въ умахъ людскихъ, какъ язвы вскрытыхъ,
Легенды былъ переростуть,
И по церквамъ царей убитыхъ
Видѣнья въ полночи пойдуть!
Смѣхъ... стоны... муки... вперемежку!

Вѣднѣй сатана! Въ какое комическое положеніе ставить его г. Случевскій — въ положеніе какаго-то безсильнаго, но претенціознаго кривляки, у котораго нѣтъ за душой ни единой мысли, но который тѣмъ не менѣе пыжится въ каждое слово свое вложить какой-то глубокой, значительной и горькой смыслъ! Не менѣе замѣчательно и остроуміе г. Случевскогого. Напр.:

Младшіе старшимъ «честь отдають!»
Съ чѣмъ-же они остаются? (224).

Или еще:

Веселье нынче: гдѣ оно?
Вино смѣется въ насъ, вино! (239).

Это не случайная, выбранная нами изъ какой-нибудь пьесы шутка, — нѣтъ, это цѣльное и самостоятельное произведеніе, которому въ книжкѣ отведено особое мѣсто. Мы не удивляемся и не шокируемся, встрѣчая такіа «произведенія» на листкахъ мелкихъ газетъ, которые живутъ не дольше одного дня. Но собирать такіе пустяки, какъ какіе-то перлы, издавать ихъ отдѣльной книжкой, придавать вообще имъ какое-то значеніе, — это значитъ обнаруживать не только дурной вкусъ, но и самое «комическое самоубіеніе».

Минута «просіянія ума» случается, однако-же, и съ г. Случевскимъ. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ написалъ стихотвореніе, въ которомъ довольно вѣрно и трезво оцѣняетъ свою литературную личность и дѣятельность:

Да, я усталъ и сердце стѣснено!..
О, если-бъ кончить какъ-нибудь скорѣе!

А актеръ, актеръ!! какъ глупо! какъ смѣшно!!
 И, что ни день, то гаже — и пошлае!!
 И такъ меня мучительно гнетуть:
 И мыслей чадъ, и жажда сновъ прошедшихъ,
 И одиночество... спроси у сумасшедшихъ,
 Спроси у нихъ, они меня поймутъ!.. (237)

Печальное, но справедливое сознание и совершенно естественный исходъ. Да, кто въѣкъ свой «актерствовалъ», кто не сдумѣлъ ни крѣпко къ чему-нибудь привязаться, ни искренно во что-нибудь повѣрить и что-нибудь полюбить, кто чувство замѣнилъ напыщенной декламациею, а умъ — холоднымъ резонерствомъ, для того, въ концѣ концовъ, даже состояніе сумасшедшихъ можетъ представляться завиднымъ. «Что такое убѣжденья?» спрашиваетъ г. Случевскій и отвѣчаетъ:

Мыслей нѣкія мозоли,
 Слѣдъ натруживаній долгихъ
 И источникъ острой боли!!
 Ну, а быть безъ убѣжденій?
 Значить: не имѣть мозолей,
 По коврамъ ходить и въ туфляхъ,
 И не знать несносныхъ болей. (235)

Можетъ быть это и остроумно, но, къ сожалѣнію, не вѣрно, какъ въ этомъ убѣдился г. Случевскій на собственномъ примѣрѣ.

Н. Новосельскій. Средства къ подъему производительныхъ силъ Россіи. Спб. 1883.

Когда въ домѣ есть трудный больной, упорный недугъ котораго не поддается усиліямъ признанной патентованной медицины, всегда являются сердобольные люди съ предложеніемъ разныхъ, болѣе или менѣе чудодѣйственныхъ, «простыхъ» средствъ испробованія. На сцену выступаетъ и «богоявленная вода» и «богородицкая травка» и разнаго рода «испытанныя» симпатическія средства; Кузьмичи, «греки», майоры Рики и пр. и пр. и пр. Нѣчто подобное мы можемъ наблюдать и въ періоды заминокъ въ правильномъ ходѣ общественной машины, въ эпохи экономическихъ кризисовъ и вообще въ такія времена, когда для всѣхъ ясно, что дѣло не ладно, но какъ его поправить, объ этомъ недоумѣваютъ. Если, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, трезвые голоса, одинаково отрицающіе, какъ официальную медицину, такъ и симпатическіе способы леченія и энергическими «воздѣйствіями», и на шептываніями, — принуждены молчать или говорить езоповскимъ языкомъ, тогда хоръ «чудодѣвѣвъ» — частію наивно вѣрующихъ въ

дѣйствительность своихъ «простыхъ» средствъ, частію-же отлично понимающихъ гдѣ раки зимуютъ—почти безраздѣльно завладѣваетъ сценою.

Мы не рѣшаемся причислить къ такимъ «чудодѣямъ» и г. Новосельскаго, хотя въ его планѣ «подъема производительныхъ силъ Россіи» находится весьма достаточная (и даже болѣе чѣмъ достаточная) доза элемента чудодѣйственности. Г. Новосельскій тоже предлагаетъ спасти Россію и спасти довольно простыми средствами. Несмотря на нѣкоторыя скромныя оговорки, онъ, повидимому, вполне убѣжденъ, что ему удалось найти философскій камень, имѣющій превратить нашу бѣдность въ богатство. Онъ съ удареиіемъ приводитъ слова Бена о томъ, что «многія изъ величайшихъ соціальныхъ открытій возникали исключительно благодаря людямъ практики, устанавливались прежде всего въ практической формѣ и только впоследствии были выражаемы въ теоретическихъ положеніяхъ» и вспоминаетъ рассказъ Буагильбера объ отвѣтѣ Генриха IV критикамъ «безумныхъ» проектовъ Сюлли, что-де послѣ того, какъ «мудре» его разорили, онъ считаетъ себя вправѣ испытать не спасутъ-ли его «безумцы».

Философскій камень г. Новосельскаго можетъ не только превратить бумажки въ золото, но и сдѣлать ихъ лучше и дороже золота. И дѣлается это весьма просто: въ основѣ всѣхъ дальнѣйшихъ операцій лежитъ залогъ государствомъ части своихъ имуществъ, причѣмъ ему не придется ни платить процентовъ по такому залогу, ни подвергаться риску отчужденія заложенныхъ цѣнностей. Уже и это до извѣстной степени смахиваетъ на чудо, но далѣе идутъ и еще большія чудеса. Интересы повидимому непримиримо разнящіеся примиряются и притомъ такъ, что обѣ стороны оказываются въ барышахъ и никто третій не остается въ накладѣ. Наконецъ, въ довершеніе всего, мы узнаемъ, что легкость выхода изъ затрудненій, представляемыхъ настоящимъ моментомъ развитія экономической жизни Россіи, обусловливается тѣми именно обстоятельствами, которыя мы привыкли считать помѣхою для него. Выходить такъ, какъ будто для экономического обновленія не только не нужно сознательной и самостоятельной работы самого общества, но, наоборотъ, обновленіе это потому и возможно, что нашъ общественный строй не достигъ еще болѣе совершенныхъ формъ. Если-бы—чего Боже сохрани—наша жизнь поднялась до западнаго уровня, моментъ для реформъ былъ-бы упущенъ и Богъ знаетъ когда его можно-бы было найти, поэтому г. Новосельскій совѣдуетъ торопиться.

Если, не смотря на все приведенное, мы все-таки не позво-

ляемъ себѣ смѣшивать проекты г. Новосельскаго съ массою разныхъ плановъ «оздоровленія», «спасенія» и пр., которыми столь обильны наши дни, то насъ побуждаютъ къ этому два специальныхъ резона. Именно, хотя и г. Новосельскій не прочь кой-кого «подтянуть» (объ этомъ смотри особенно его первую брошюру! «Соціальные вопросы въ Россіи»), но, во всякомъ случаѣ, «подтягиванье» и «сокрушеніе», на которое такъ тароваты разные «спасители отечества», далеко не составляетъ центрального пункта его системы; затѣмъ—самое главное—среди различныхъ хожденій кругомъ и около, г. Новосельскій подходит и къ самой сути дѣла и съ мужествомъ и добросовѣстностью, дѣлающими ему честь, громко и энергично заявляетъ о такихъ больныхъ мѣстахъ нашей общественной жизни, отъ которыхъ, всѣми правдами и неправдами, силятся отвести глаза люди одного съ нимъ лагеря. Если по библейскому сказанію, присутствіе десяти праведниковъ могло бы спасти даже Содомъ и Гоморру, то неужели-же десятковъ честныхъ и умныхъ страницъ не могутъ спасти книги, появляющейся въ такое время, когда такъ распространена наклонность ставить исключительно вочергу чорту, что даже и копѣчная свѣчка Богу не можетъ не быть вмѣнена въ нѣкоторую заслугу?

Экономическая система г. Новосельскаго покоится на двухъ опорахъ. Одну изъ нихъ (собственно «экономическое подтягиванье») составляетъ «національный тарифъ». Другою является широкая организація «дешеваго кредита». Въ результатъ должно получиться поднятіе общаго уровня благосостоянія и возстановленіе цѣнности нашей денежной единицы безъ обремененія бюджета платежами по новымъ для того займамъ.

«Національный» тарифъ — значитъ тарифъ строго охранительный, задающійся цѣлю покровительства отечественному производству. Г. Новосельскій замѣчаетъ справедливо, что до сихъ поръ возвышеніе нашихъ тарифовъ (весьма значительное за послѣдніе годы) вызывалось главнымъ образомъ фискальными соображеніями, онъ не доволенъ огульнымъ повышеніемъ пошлины на всѣ товары, какъ это было сдѣлано при введеніи оплаты таможеннаго сбора золотомъ, и требуетъ рационализированія тарифа. Въ этомъ съ нимъ, вѣроятно, согласятся всѣ, и вѣрующіе и невѣрующіе въ чудодѣйственную силу высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Далѣе онъ требуетъ, чтобы пересмотръ тарифа сдѣланъ былъ въ смыслѣ приданія ему болѣе протекціоннаго характера, съ цѣлію ограничить, а частію и вовсе закрыть, ввозъ нѣкоторыхъ иностранныхъ товаровъ. Здѣсь мы вправѣ-бы ожидать отъ г. Новосельскаго какихъ-нибудь, болѣе или менѣе всѣхъ доводовъ, въ

„Дѣло“, № 9, 1883 г. II.

подрѣвленіе его требованія. Но никакихъ такихъ доводовъ г. Новосельскій не приводитъ. Онъ отдѣльвается общими мѣстами, достаточно уже набившими оскомину въ безконечныхъ lamentаціяхъ разныхъ ревнителей интересовъ отечества, не всегда ясно различаемыхъ отъ интересовъ «россійскаго купечества». Вопросъ о томъ, насколько, въ данномъ случаѣ, совпадаютъ тѣ и другіе интересы, остается и послѣ книги г. Новосельскаго, столь-же открытымъ, какъ и былъ до того.

Впрочемъ, г. Новосельскій и самъ понимаетъ, что съ однимъ «запрещеніемъ» въ экономической сферѣ далеко не уѣдешь. И для выгоднаго «баланса международныхъ расчетовъ», кромѣ сокращенія ввоза, необходимо и усиленіе вывоза, и для интересовъ внутренняго потребленія недостаточно одного стѣсненія ввоза иностранныхъ товаровъ, а нужны и какія-нибудь положительныя мѣры, обезпечивающія, что такіе товары создадутся у себя дома.

Организація дешеваго кредита и является, по мнѣнію г. Новосельскаго, самою {дѣйствительною и цѣлесообразною изъ такихъ мѣръ. Г. Новосельскій высказывается за необходимость широкаго примѣненія системы дешеваго кредита ко всѣмъ отраслямъ промышленности, но въ настоящей своей книгѣ онъ останавливается съ нѣкоторою подробностью только на кредитѣ земледѣльческому. Этому вопросу посвящена вторая глава книги (вторая «Записка» какъ выражается г. Новосельскій; книга его составила изъ двухъ представленныхъ авторовъ въ 1881 г. «вышимъ сферамъ» записокъ, которымъ—увы—не выпала судьба проектовъ Сюлли!) глава лучшая, или, правильнѣе сказать, представляющая собою единственное живое мѣсто во всемъ сочиненіи.

Г. Новосельскій рѣзкими и яркими штрихами рисуетъ безотраднующую картину положенія нашего земледѣльческаго хозяйства въ настоящее время. Эксплоатація одной части населенія, слабѣйшей, другою сильнѣйшею и хищническая эксплоатація почвы съобща обѣими; разореніе и усиленная смертность цѣлой половины крестьянскаго населенія (бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) и прогрессивно идущее истощеніе почвы, грозящее совершеннымъ ея оскудѣніемъ, — вотъ основныя черты этой картины, подтверждаемой цѣлымъ рядомъ несомнѣнныхъ статистическихъ данныхъ. Г. Новосельскій останавливается и на причинахъ, вызвавшихъ эти печальныя послѣдствія. Причинъ этихъ онъ ищетъ совѣмъ не тамъ, гдѣ думаютъ обыкновенно найти ихъ наши «охранители»: не пьянство, не лѣнь, не семейныя раздѣлы среди крестьянъ привели ихъ къ оскудѣнію; корень зла лежитъ въ неправильной по-

становеѣ нашихъ аграрныхъ отношеній, главнымъ образомъ «въ малолѣтности крестьянскихъ надѣловъ». Этою главною причиною обуславливаются и все прочія вторичныя обстоятельства, вредно отзывающіяся и на интересахъ сельскаго хозяйства, и на судьбахъ крестьянскаго населенія.

«Когда редактировалось *Положеніе*, — говорить г. Новосельскій, — все были твердо убѣждены, что вольнонаемное хозяйство привьется. Отсюда одни заботились, въ интересахъ будущаго хозяйства, о сокращеніи крестьянскихъ надѣловъ въ видахъ удешевленія рабочихъ рукъ, а другіе мирились съ этимъ сокращеніемъ въ надеждѣ, что крестьяне будутъ имѣть вѣрные заработки въ хозяйствахъ владѣльцевъ, что и доставить имъ необходимыя средства для пополненія дефицитовъ. Надеждамъ этимъ не суждено было сбыться. Вольнонаемное хозяйство не привилось; крестьяне остались и безъ заработка, и безъ земли. Имъ оставалось и остается брать частную землю въ аренду, что и составляетъ для нихъ единственный исходъ изъ крайняго положенія, а для землевладѣльцевъ главный нынѣ источникъ дохода. Между тѣмъ, съ одной стороны, арендныя цѣны быстро и непомерно растутъ, какъ это всегда бываетъ въ случаяхъ, когда арендаторы не могутъ не брать земли, а съ другой стороны земли быстро истощаются, такъ какъ арендаторамъ-крестьянамъ невыгодно удобрять и тщательно обрабатывать землю, снимаемую большею частью на одинъ годъ. Эта краткосрочная крестьянская аренда, раззорительная и для народа и для имѣній, является единственною соломенкою, за которую хватается утопающій, тою заплатою на рубищѣ, которая нисколько не способна превратить рубище въ приличную одежду, но предназначена лишь прикрыть худобу и истощеніе бѣдняка». «Да, — продолжаетъ г. Новосельскій, — населеніе крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, въ коихъ смертность по нѣкоторымъ мѣстностямъ достигаетъ 48 на 1,000, а число невозмужалыхъ двадцатилѣтнихъ простирается до $\frac{1}{5}$ призывнаго возраста — это населеніе можетъ указать на условія своего экономическаго быта, какъ на причины, которыя неизбѣжно должны вести его къ усиленію смертности и къ упадку народоженія» (стр. 161—162).

Выходъ изъ такого положенія необходимъ и такой выходъ можетъ заключаться только въ *устраненіи государственными лицами крестьянскаго малоземелья*. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія «становится логически во главу нашихъ экономическихъ задачъ. Въ немъ нынѣ наше спасеніе и отъ него народится въ грядущемъ наша сила и наше благоденствіе» (172).

До сихъ поръ все ясно, реально и, прибавимъ, глубоко вѣр-

но. Но чѣмъ далѣе подвигаемся мы въ проектъ г. Новосельскаго, тѣмъ болѣе шаткою дѣлается подъ нами почва, пока наконецъ мы не попадаемъ окончательно въ область «чудснаго».

Средствомъ для помощи крестьянскому малоземелью является въ проектѣ г. Новосельскаго грандіозный земскій банкъ, основываемый при участіи и матеріальномъ содѣйствіи правительства. Но на этомъ банкѣ лежитъ не одна только задача расширенія крестьянскаго землевладѣнія: онъ долженъ выручить изъ бѣды и другой классъ населенія, прикосновеннаго къ землѣ, именно классъ землевладѣльческій. Г. Новосельскій энергически настаиваетъ на необходимости государственной помощи помѣщикамъ и притомъ столь широкой, что невольно зарождается сомнѣніе: не въ этой-ли помощи главная цѣль всей операціи, только орнаментомъ которой является устраненіе «маломѣрности крестьянскаго надѣла».

Безхозяйность нашихъ землевладѣльцевъ является, по мнѣнію г. Новосельскаго, рядомъ съ малоземельемъ крестьянъ, существенною причиною хищническаго характера нашей земельной культуры. Для того-же, чтобы помѣщики завели хозяйство, необходимо дать имъ возможность приобрѣсти на необременительныхъ условіяхъ оборотный капиталъ. Эту возможность и создастъ проектируемый банкъ, который долженъ выдавать ссуды подъ залогъ имѣній съ платежомъ 4—5% (вмѣсто теперешнихъ 8, 9%). Помощь банка, должна быть оказана возможно широко, такъ чтобы ею могли воспользоваться и владѣльцы имѣній, заложенныхъ уже въ существующихъ ипотечныхъ учрежденіяхъ на отяготительныхъ условіяхъ. Такимъ имѣніямъ надо предоставить возможность перезалога въ новомъ банкѣ. Г. Новосельскій полагаетъ, что доступность приобрѣтенія капиталовъ, съ одной стороны, и пониженіе ненормальныхъ арендныхъ платъ (какъ слѣдствіе уменьшенія нужды крестьянъ въ землѣ)—съ другой,—побудятъ помѣщиковъ взяться за хозяйство; явятся усовершенствованныя системы хлѣбопашества, рациональное лѣсоразведеніе, обиліе хлѣба на внутреннемъ рынкѣ и обильный вывозъ за-границу.

Всѣ это было-бы прекрасно, если-бы не возникалъ цѣлый рядъ вопросовъ, разрушающихъ идиллію, рисуемую г. Новосельскимъ. Прежде всего дорого купленный опытъ заставляетъ сильно сомнѣваться чтобы, легкій кредитъ *землевладѣльцамъ* могъ считаться дѣйствительною помощью *земледѣлію*. Въ настоящее время едва ли можно оспаривать, что главная доля ипотечнаго долга всегда шла и идетъ на цѣли совершенно чуждыя усовершенствованію земельного хозяйства. Почему-же со ссудами новаго банка дѣло пойдетъ иначе? Г. Новосельскій говоритъ, что нашъ ипотечный кре-

дѣтъ раззорилъ землевладѣльцевъ, такъ какъ былъ крайне дорогъ; но вѣдь на Западѣ, по показанію самого-же г. Новосельскаго, онъ дешевъ, а между тѣмъ орудіемъ для поднятія сельской культуры его уже давно перестали считать. Вообще г. Новосельскій недостаточно различаетъ содѣйствіе *земледѣлію* и помощь *землевладѣльцамъ*, иначе какъ объяснить, зачѣмъ онъ навьючиваетъ на будущій банкъ и обузу перезалога имѣній уже заложенныхъ нынѣ. Вѣдь полученные отъ такого залога капиталы уже *истрачены* и истрачены не на земельныя улучшенія, такъ что здѣсь помощь банка будетъ уже помощь *лицамъ*. Спрашивается, гдѣ-же право землевладѣльцевъ на такую субсидію со стороны государства, которая къ-мъ-нибудь да должна-же быть оплачена? Гонясь за призракомъ созданія государственными средствами помѣщичьихъ хозяйствъ, проектируемый банкъ можетъ только уклониться отъ прямой и ясной своей задачи—помощи дѣйствительно производительному населенію. Обѣ эти цѣли легко могутъ столкнуться между собой: которой-же должно служить государство, по проекту г. Новосельскаго раздающее свои блага направо и налево? г. Новосельскій не разрѣшаетъ, а разсѣкаетъ вопросъ: онъ утверждаетъ, что антогонизма между интересами помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства нѣтъ и быть не должно, а потому и его банкъ можетъ разомъ поднять и то, и другое.

Но ахилесову пятю всего проекта составляетъ вопросъ о самой его осуществимости. Какимъ образомъ и на чей счетъ государство можетъ оказать землевладѣнью дешевый кредитъ, когда оно само не можетъ добиться его для себя? Г. Новосельскій полагаетъ, что онъ блистательно разрѣшилъ эту задачу, попутно отыскавъ и средство для возстановленія въ Россіи правильнаго денежнаго обращенія. Къ сожалѣнію, крайне трудно раздѣлить съ нимъ такое самообольщеніе.

Земскій банкъ, по проекту г. Новосельскаго, долженъ получить право выпускать не только закладные листы, но и безпроцентныя денежныя знаки, которыми должны быть замѣнены настоящіе кредитныя рубли. Знаки эти, по желанію представителя, обмѣниваемые *at par* на процентныя бумаги банка и, наоборотъ, благодаря этому размѣну и обезпеченію ихъ реальною цѣнностью, земель, будутъ ходить на рынкѣ гораздо лучше, чѣмъ кредитныя рубли; а при содѣйствіи національнаго кредита и подъема земледѣльческой производительности, которые наклоняютъ въ нашу сторону международный торговый балансъ—новыя кредитныя деньги выполнять свою функцію даже лучше чѣмъ металлическія. Для начала государство должно заложить въ банкѣ государственныхъ

имушествъ на сумму до 700 милл. рубл. На эти 700 милл. оно получить новыхъ бумажныхъ денегъ и замѣнить ими кредитные рубли (400 милл. погасятся особо, по закону 1 янв. 1881 г.). Платить процентовъ по закладнымъ листамъ казнѣ не придется, такъ-какъ «за отсутствіемъ на первое время излишка такихъ бумагъ на рынкѣ, частнымъ лицамъ не будетъ надобности представлять ихъ къ обращенію въ процентныя». Излишка билетовъ не будетъ и впредь, ибо всегда, при переполненіи рынка билетами, часть ихъ обратится въ процентныя бумаги и наоборотъ.

Г. Новосельскій удостовѣряетъ, что онъ строитъ свою аргументацію «согласно съ наукою»; мы осмѣливаемся, однако, замѣтить, что тутъ есть нѣкоторое недоразумѣніе: г. Новосельскій слишкомъ уже заднимъ числомъ черпаетъ изъ сокровищницы науки. Мысль о возможности устраненія металлическихъ денегъ соблазнила не перваго г. Новосельскаго, ею увлекались и дѣйствительно сильные умы; только г. Новосельскій вытащилъ изъ научныхъ архивовъ уже слишкомъ старую и обветшалую форму призмѣнія этой мысли. Дѣйствительно можно представить такую комбинацію условій, при которой бумажки, незаключающія въ себѣ никакой цѣнности, простые денежныя знаки, будутъ служить такими-же хорошими орудіями обращенія, какъ и металлическія деньги (сами являющіяся товаромъ), но только обезпеченность бумажекъ землей здѣсь не причемъ. При современныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, при товарной формѣ цѣнности, необходимо, чтобы каждый принимающій бумажный знакъ былъ гарантированъ, что въ каждый данный моментъ, онъ можетъ получить взамѣнъ его такой равноцѣнный товаръ, какой пожелаетъ. Размѣнность бумажекъ на золото даетъ такую гарантію, ибо золото есть товаръ обмѣниваемый на рынкѣ на всякій другой; но обезпеченность бумажекъ землей отнюдь ея не доставляетъ, несмотря на всю «реальность» земельной цѣнности, просто потому, что эта цѣнность неудобореализируемая; земля не составляетъ товара, обращающагося на рынкѣ, и далеко не является такимъ предметомъ общихъ желаній, какъ драгоцѣнные металлы. Поэтому со времени опытовъ Ло, шотландскихъ земельныхъ банковъ и знаменитыхъ ассигнотъ французской революціи, идея «земельнаго обезпеченія» денежныхъ знаковъ сдана окончательно въ архивъ. Г. Новосельскій преподноситъ ее въ нѣсколько подновленномъ видѣ, но дѣло отъ этого не выигрываетъ. Его кредитныя деньги обезпечиваются не землею непосредственно, а залоговыми обязательствами на эту землю—а эти обязательства, въ свою очередь, тѣмъ, что приносятъ проценты и могутъ быть реализованы... въ тѣхъ самыхъ бумаж-

ныхъ деньгахъ, которыя они должны обезпечить. Мы попадаемъ такимъ образомъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго насъ едвали можетъ вытащить и «національный тарифъ», являющійся на подмогу ипотечарнымъ обязательствамъ для поддержанія курса, въ системѣ г. Новосельскаго. Г. Новосельскій возлагаетъ упованія на то, что при возможности разнѣна на процентныя бумаги, количество ихъ никогда не превзойдетъ потребностей рынка и чрезъ это и курсъ ихъ не будетъ падать, — но это уже дѣло его личной «вѣры», никакими обстоятельствами дѣла не поддѣрживаемой. Денежный рынокъ — существо капризное и непослушное; его нельзя держать въ дисциплинѣ для выгоды гг. помѣщиковъ и будущаго земельного банка.

Мы не останавливаемся вовсе на частныхъ сторонахъ проекта возстановленія кредитной валюты, предлагаемаго г. Новосельскимъ: это совершенно излишне, когда основная идея проекта является вполне фантастичною.

Въ концѣ-концовъ намъ приходится повторить то, что мы уже говорили: во всей книгѣ г. Новосельскаго заслуживаютъ вниманія только страницы, посвященныя вопросу о крестьянскомъ землевладѣнїи. Конечно, г. Новосельскій не сказалъ здѣсь ничего новаго: онъ только повторилъ то, что уже высказывалось и ранѣе и что вытекаетъ само собою изъ неумолимыхъ цифровыхъ данныхъ; но по теперешнимъ временамъ и на томъ спасибо.

ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ.

Совѣтъ «Современныхъ Извѣстій» неудачникамъ поступать въ земледѣльческія училища и «народнаго учителя» — провинціальнымъ реалистамъ и классикамъ не гнаться за петербургскимъ «зеленымъ виноградомъ». — Насколько статистика образованія подтверждаетъ эти совѣты. — Культурный законъ, управляющій движеніемъ образованія. — Стремленіе общества къ высшему интеллигентному уровню. — Профессоръ Вагнеръ объ университетскомъ образованіи. — Слухи о розгахъ.

Извѣстно, что осень, когда начинается школьный сезонъ, время трудное для школьной молодежи и для родителей. Главная забота послѣднихъ пристроить дѣтей, ибо число вакансій въ учебныхъ заведеніяхъ далеко не отвѣчаетъ числу желающихъ. И вотъ тѣмъ, кому не удалось помѣстить дѣтей въ гимназіи, «Современныя Извѣстія» рекомендуютъ отдавать ихъ въ земледѣльческія училища. Если родители исполняютъ желаніе «Современн. Извѣстій», «то увеличеніе контингента молодыхъ людей, усвоившихъ себѣ знанія по программѣ земледѣльческихъ училищъ, усилитъ непременно производительность русской земли, вызоветъ къ эксплуатаціи дремлющія естественныя богатства роднаго края, обратитъ неплодныя пустоши въ плодородныя и доходныя участки и пріютитъ десятки тысячъ молодежи, послужитъ средствомъ къ сокращенію и даже къ совершенному уничтоженію жалкаго контингента недоучившихся неудачниковъ, не знающихъ куда пристроить свою грамотность. За дѣломъ, дающимъ хлѣбъ, некогда будетъ пустословить и давать просторъ празднему воображенію. Когда завтра обезпечено, тогда не въ охоту улаживать себя разными утопіями».

Совѣтъ народнаго учителя еще «благоразумнѣе». Учитель рисуетъ мрачную картину положенія гимназиста не выдержившаго экзамена въ высшее заведеніе Петербурга и затѣмъ прибавляетъ: «Стоитъ-ли ради того зеленаго винограда, какимъ является въ данномъ случаѣ вся премудрость Петербурга, — бросать родное, свѣтлое небо провинціи?»

Что-же дѣлать? А вотъ что, говорить «народный учитель»:

«Не лучше-ли, хотя и съ меньшими средствами, но дѣлать больше тамъ, на мѣстѣ? Слѣдуетъ-ли увеличивать контингентъ бѣдняковъ, для которыхъ борьба за существованіе труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Россіи?! Да, всякій, кто рѣшилъ идти сюда, чтобы учиться, долженъ припомнить того юношу, который...

Думалъ чуть-ли не въ храмъ славы попасть,
А радъ, что попалъ и — въ больницу».

Итакъ, «Совр. Извѣстія» совѣтуютъ не поступать въ гимназіи, а «народный учитель» — въ высшія учебныя заведенія. Какіе-же факты привели г. Гилярова-Платонова и «народнаго учителя» къ такимъ злополучнымъ совѣтамъ.

Изъ года въ годъ, въ теченіе можетъ быть десяти или болѣе лѣтъ, печать твердитъ о «переполненіи» нашихъ учебныхъ заведеній и преимущественно гимназій. Переполненіе это растетъ crescendo и въ нынѣшнемъ году оказывается еще большимъ, чѣмъ оно было въ предыдущіе года. Казалось-бы, что «благоразуміе» людей, занимающихся общественными вопросами, должно-бы заключаться въ томъ, чтобы воспользоваться накопившимся богатствомъ матеріаломъ фактовъ, подвести имъ итогъ и выяснить, къ чему стремится общество, чего оно хочетъ, что можетъ удовлетворить его желаніямъ и потребностямъ? Въмѣсто-же всего этого наши публицисты выставляютъ передъ обществомъ новую стѣну, къ массѣ старыхъ препятствій прибавляется еще новое усложненіе.

Къ сожалѣнію, ни въ нашей официальной, ни въ нашей неофициальной статистикѣ образованія нѣтъ свѣдѣній, которыя-бы давали картину «движенія образованія». Между тѣмъ, только эти свѣдѣнія и могли-бы создать точное представленіе не только объ отношеніяхъ общества къ существующимъ средствамъ и возможностямъ для образованія, но и къ запросу общества на то или другое знаніе и къ способностямъ и умственнымъ силамъ, которыя оно выдвигаетъ.

Что мы знаемъ, напримѣръ, о томъ, сколько каждый годъ является новыхъ учениковъ въ народныя школы, въ реальныя училища, въ гимназіи, въ спеціальныя заведенія, въ университеты? Сколько учениковъ найдетъ себѣ мѣсто, сколько не найдетъ; куда направляются эти ненашедшіе? Какой процентъ поступившихъ растеряется заведеніемъ въ теченіе всего курса и сколько дойдетъ благополучно до его окончанія? Какая судьба постигнетъ тѣхъ и другихъ? Какое отношеніе окончившихъ курсъ въ высшихъ заведеніяхъ къ ученикамъ среднихъ и низшихъ заведеній? Какъ великъ процентъ недоучекъ, не оказавшихся достаточно спо-

собными идти выше и какъ великъ процентъ недоучекъ только потому, что для нихъ не нашлось мѣста? Насколько изъ года въ годъ растетъ потребность общества въ образованіи и въ какихъ отношеніяхъ къ этой растущей потребности стоитъ увеличеніе учебныхъ заведеній? Составить общую статистику движенія образованія было-бы вовсе не трудно, потому что каждая школа, каждая гимназія, каждое высшее заведеніе ведутъ списки поступающимъ и увольняемымъ ученикамъ и, конечно, не затруднились-бы выборками, если-бы они были отъ нихъ потребованы. Пользу общихъ для всей Россіи выводовъ изъ подобныхъ частныхъ свѣдѣній по заведеніямъ едва-ли нужно доказывать. При теперешнемъ-же отсутствіи статистики образованія общество пребываетъ въ полнѣйшемъ невѣдѣніи объ одной изъ существеннѣйшихъ сторонъ его собственной жизни.

Извѣстно, что въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ существуетъ наплывъ, которому они удовлетворить не въ состояніи. Особенный наплывъ оказывается въ реальныя училища, въ которыя изъ ста желающихъ поступаетъ едва половина. Затѣмъ эта вступившая половина, переходя изъ класса въ классъ, таетъ понемногу, и развѣ десятая часть дойдетъ до выпуска. Освѣженіе происходитъ постоянное. Каждый классъ освобождаетъ изъ себя ежегодно учениковъ, то неспособныхъ, то нежелающихъ учиться больше, то — впрочемъ это сравнительно рѣдкіе случаи — неодобрительнаго поведенія. Купцы и ремесленники, на примѣръ, считаютъ вполне достаточнымъ доводить своихъ дѣтей до 4-го класса гимназіи — большихъ знаній они не желаютъ, да можетъ быть они не погнались-бы и за этими, если-бы 4-й классъ не давалъ льготы по воинской повинности. Взамѣнъ вышедшихъ, на ихъ мѣста, вступаютъ другіе, и подобныя отливы и приливы имѣютъ регулярный и правильный характеръ. Не знаю, насколько можно обобщить и возвестъ въ законъ слѣдующія свѣдѣнія; но свѣдѣнія эти, во всякомъ случаѣ и любопытны, и поучительны. Въ одномъ изъ петербургскихъ реальныхъ училищъ, изъ 44 человекъ вступившихъ въ 1-й классъ, окончило курсъ въ училищѣ только 5 человекъ, значить въ теченіе 7 лѣтъ растерялись 39 человекъ или 88%; всего-же было выпущено изъ 7-го класса 16 человекъ, слѣдовательно 11 человекъ, или 220%, оказываются вступившими въ промежуточные классы и пополнившими отливъ. Но и это пополненіе оказалось не настолько сильнымъ, чтобы заполнить всю убыли. Училище могло-бы довести всѣ 44 человека, оно-же довело только 16, т. е. 28%. Теперь спрашивается, изъ кого состояли эти недостающіе 72%. Совсѣмъ-ли ихъ не нашлось въ Рос-

си для наполненія комплекта, т. е. значитъ не оказалось способныхъ людей для имѣющихся вакансій, или-же, раньше, не найдя себѣ мѣста, они разбрелись по другимъ заведеніямъ, или-же отказались вовсе отъ трудно дающагося имъ образованія и остались недорослями, чтобы идти въ вольноопредѣляющіеся, въ юнкера, въ кондукторы желѣзныхъ дорогъ, вообще на мѣста, гдѣ отъ людей требуется немного. Вопросъ этотъ остается безъ отвѣта, хотя и есть основаніе думать, что если-бы эти 72% составляли ученики среднихъ способностей, то они нашли-бы себѣ мѣсто въ училищѣ. А вотъ и другой фактъ: въ петербургской классической гимназій изъ 120 человѣкъ, поступившихъ въ 1-й классъ, окончило курсъ гимназій 14 ч. или 11²/₃%, а 88¹/₃% растерялось. Цифра потери почти та-же, что и въ реальномъ училищѣ, заставляющая предполагать, что сила способностей учениковъ и размѣръ предъявляемыхъ къ нимъ требованій одинаковъ, какъ для классическихъ гимназій, такъ и для реальныхъ училищъ.

Эти цифры, конечно, нельзя принять для всѣхъ гимназій. Напримѣръ, изъ Кишинева пишутъ въ «Новости», что вакансій не было ни въ низшіе, ни въ высшіе классы и отказывали даже прогимназистамъ; подобный-же случай былъ и въ Петербургѣ. Я знаю фактъ, что господинъ, пріѣхавшій изъ провинціи, не найдя мѣста для своихъ четырехъ сыновей ни въ одной изъ петербургскихъ гимназій, поселился въ Царскомъ Селѣ только потому, что въ царскосельской гимназій оказались мѣста для всѣхъ его сыновей. Извѣстны случаи, когда по неимѣнію вакансій въ петербургскихъ гимназій родители отсылали дѣтей въ гимназій губерній смежныхъ, наприм. Новгородскую. Эти факты доказываютъ только то, что число петербургскихъ учебныхъ заведеній рассчитано недостаточно на наплывъ учениковъ въ Петербургъ и они не удовлетворяютъ даже надобности кореннаго населенія, создавшаго ученическую эмиграцію. Гдѣ никакая эмиграція невозможна, тамъ ученикъ, не попавшій въ классическую гимназій, ищетъ мѣста въ реальномъ училищѣ и если не найдетъ ничего въ реальномъ пытается поступить въ училище военное. «И вотъ идеаль образованія волей-неволей понижается до того, что воспитанники гимназій даже военное училище считаютъ для себя уже чѣмъ-то очень хорошимъ». («Рус. Кур.», кор. изъ Тулы). Но, какъ сообщаютъ «Новому Времени», «уже въ настоящее время число поданныхъ прошеній о приѣмѣ въ военные корпуса превышаетъ число имѣющихся ваканцій».

Безъ точныхъ данныхъ нельзя ни обобщить этихъ фактовъ, ни рѣшить, есть-ли это общая ненормальность въ отношеніи числа

учениковъ къ числу училищъ или только неравномѣрность въ ихъ распредѣленіи. Но что неровномѣрность и даже весьма значительная существуетъ—это видно даже изъ немногихъ фактовъ, приведенныхъ выше. Напримѣръ, въ Петербургѣ на 800 т. жителей существуетъ восемь классическихкихъ гимназій и два реальныхъ училища; въ Царскомъ Селѣ—одна классическая гимназія на 14 т. жит.; въ Новгородѣ, при 17 т. ж., одна классическая гимназія и одно реальное училище. Чтобы возстановить равенство отношеній между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ, нужно имѣть въ Петербургѣ, вмѣсто восьми, болѣе *тестидесяти* классическихкихъ гимназій, а чтобы установить равенство отношеній съ Новгородомъ—вмѣсто двухъ реальныхъ училищъ потребовалось-бы *пятьдесятъ*. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ дѣти блуждаютъ въ безплодномъ исканіи вакансій и стучатся то въ гимназіи, то въ реальныя училища, то въ училища военныя, конечно, существуетъ ненормальность въ удовлетвореніи запроса на образованіе, хотя въ то-же время изъ приведенныхъ цифръ слѣдуетъ заключить, что отливы учениковъ, существующіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, и мѣста, остающіяся вакантными въ среднихъ и высшихъ классахъ, могли-бы уравнивать эту неравномѣрность.

Но тутъ является одно обстоятельство очень серьезное, которое безъ смягчающихъ условій и существующихъ выходовъ было-бы истиннымъ бѣдствіемъ для родителей и дѣтей. У насъ богатыхъ немного, и родители, которыхъ не затрудняютъ расходы на образованіе ихъ дѣтей, исключеніе. Для громаднаго большинства воспитаніе дѣтей невыносимая тягота и приходится истинно изумляться мужеству, которое заявляетъ населеніе не только городовъ, но и деревень, въ своемъ стремленіи къ образованію; чтобы провести мальчика черезъ всѣ заведенія и поставить его, наконецъ на ноги, требуется цѣлый капиталъ. До 8 лѣтъ ребенокъ воспитывается дома. При самомъ умѣренномъ расходѣ за восемь лѣтъ, придется на него истратить не менѣе 800 р., затѣмъ два года школы, съ содержаніемъ дома, потребуютъ—300 р., 7—8 лѣтъ въ гимназіи, съ учебной платой, расходами на форменную одежду, съ учебниками и классными принадлежностями составятъ минимумъ 2,100—2,400 р.; наконецъ, 4—5 лѣтъ высшаго образованія въ университетѣ, или въ специальномъ заведеніи, потребуютъ отъ 1,600 до 2,000 руб. Всего потребуется отъ 4,800 р. до 5,500 р. или среднимъ числомъ пять тысячъ руб. И это расходъ самый минимальный, для одного мальчика, и при условіи, что онъ ни въ одномъ классѣ не останется на второй годъ. Воспитаніе дѣвочекъ стоитъ неменьше. Каково-же тѣмъ, у кого нѣсколько дѣтей! Семейство

съ 3—4 дѣтьми очень обыкновенная вещь,—слѣдовательно, подобное семейство должно затратить на образованіе отъ 15^{1/2} тысячъ до 20^{1/2} тысячъ. Общее-же число всѣхъ учениковъ прогимназій, гимназій и реальныхъ училищъ составляетъ болѣе 66,000 (по отчету м. н. п. къ 1 января 1878 г. было въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ 53,072 уч. и въ реальныхъ училищахъ 12,763), да въ жепскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ училось за то-же время 37,972 ч., всего въ однихъ среднихъ заведеніяхъ болѣе 100,000 уч. (103,972). Предполагая, что всѣ они прошли весь курсъ, окажется, что образованіе ихъ стоило родителямъ, дома и въ гимназіяхъ,—360.000,000 руб. Кромѣ того, около десяти тысячъ слушателей высшихъ курсовъ, университетовъ и специальныхъ заведеній, стоили 20,000,000. Всего-же гимназисты и студенты обошлись ихъ родителямъ въ 380,000,000 руб. Въ такомъ громадномъ расходѣ общества на воспитаніи и содержаніе дѣтей каждая непродуцируемая трата есть истинное бѣдствіе, имѣющее характеръ наводненія, пожара, вообще утраты имущества. Поэтому понятно, какъ должны дѣйствовать на родителей всякія воспитательныя неудачи—непринятіе въ заведеніе, увольненіе или исключеніе изъ школы. Въ этихъ случаяхъ всѣ предъидущія затраты на образованіе, не принесшіе плодовъ оказываются чистой потерей, особенно обидной, если причиной являются внѣшнія обстоятельства. Напримѣръ, въ «Р. В.» пишутъ изъ Тулы, что «опытъ нѣсколькихъ лѣтъ убѣдилъ въ невѣроятной трудности поступленія въ высшія учебныя заведенія. Изъ цѣлаго выпуска, въ 15—20 человекъ, поступаютъ одинъ—два счастливца». Что-же дѣлать остальнымъ? Какъ пишетъ тотъ-же корреспондентъ, лишніе поступаютъ вольноопредѣляющимися въ мѣстныя войска. Конечно, войска выигрываютъ отъ того, что въ нихъ поступаютъ люди съ большимъ образованіемъ, чѣмъ заурядные жеребьевые люди; но, съ другой стороны, если мѣсто вольноопредѣляющагося можно достать съ меньшими познаніями, зачѣмъ тратить время, силы и деньги на полученіе познаній большихъ? Мы не располагаемъ статистическими данными для точнаго опредѣленія всѣхъ непродуцируемыхъ затратъ, которыя падаютъ на родителей, вслѣдствіе разныхъ неудачъ ихъ дѣтей. Но ясно, что расходы на воспитаніе ребенка дома, въ школѣ, въ реальномъ училищѣ, если затѣмъ онъ будетъ уволенъ, въ особенности съ лишеніемъ права продолжать или окончить образованіе, составляютъ ничѣмъ вознаграждаемый минусъ. Это, конечно, крайній случай, хотя и не составляющій исключенія. Изъ «Отчета» м. н. п. за 1877 годъ (другихъ свѣдѣній у меня нѣтъ, но для общихъ соображеній они вполне достаточны) видно,

что изъ 50,700 гимназистовъ-классковъ вышло до окончанія курса 8,861 человекъ. Всѣ эти восемь слишкомъ тысячъ человекъ пошли въ большій или меньшій убытокъ ихъ родителямъ, смотря по характеру увольненія. Одни изъ нихъ (2,531 чел.) были уволены для перехода въ другія гимназіи и прогимназіи, 259 чел.—въ реальныя училища, 1,952 чел.—въ училища другихъ вѣдомствъ, 1,222 чел.—на государственную и частную службу и 3,223 чел. уволены по «другимъ причинамъ». Въ этихъ-то «другихъ причинахъ» и лежитъ центръ тяжести воспитательныхъ убытковъ, главная тяжесть которыхъ, конечно, падаетъ на родителей. Изъ 3,223 чел. были уволены за неуспѣшность 1,195 чел. и 331—за неодобрительное поведеніе. Остальные уволены частью за не внось платы, т. е. за бѣдность, частью-же выбыли добровольно или «по совѣту учебнаго начальства». Ужь, конечно, родителямъ было-бы выгоднѣе совсѣмъ не тратиться на образованіе своихъ оставшихся на улицѣ дѣтей, чѣмъ для достиженія такого отрицательнаго результата издержать 1.191,600 руб. ($3,600 \times 331$). Миліонъ этотъ, конечно, могъ бы быть данъ иные результаты; въ настоящемъ-же случаѣ его нужно считать погибшимъ.

Въ виду громаднхъ затратъ общества на воспитаніе дѣтей возможно бережливое отношеніе къ денежнымъ расходамъ родителей является однимъ изъ неизбѣжныхъ условій воспитательнаго хозяйства. Къ сожалѣнію, это условіе не всегда соблюдается настолько, насколько оно было-бы желательно для родителей. Напримѣръ, учебная плата въ Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ составляетъ 50 руб. въ годъ и должна быть вносима сразу и въ двухдневный срокъ. Почему таковой короткій срокъ и почему она не раздѣлена на полугодія, какъ плата въ гимназіяхъ? Если это одно изъ средствъ для очищенія вакансій, то значить ихъ мало, а слѣдовательно и мѣра эта не достигаетъ той цѣли, для которой существуетъ Технологическій Институтъ. Условіемъ, усложняющимъ, но неустранимымъ и неизбѣжнымъ, являются для большинства родителей и классическія гимназіи. Классическихъ гимназій и прогимназій считается у насъ (Отчетъ за 1877 годъ) 206 и въ нихъ учащихся 53,070 чел.; реальныхъ же училищъ 67, съ 12,763 учениками. Извѣстно, съ какимъ сочувствіемъ были встрѣчены обществомъ реальныя училища и какъ ходатайствовали земства и города объ ихъ открытіи. До сихъ поръ сочувствіе общества къ реальнымъ училищамъ остается такимъ-же и если большинство и отдаетъ своихъ дѣтей въ классическія гимназіи, то только потому, что послѣднія составляютъ неустранимое условіе

для поступления въ университетъ и въ нѣкоторыя спеціальныя высшія заведенія. Для тѣхъ, кто смотритъ на изученіе классическихъ языковъ только съ этой точки зрѣнія и для кого они составляютъ знаніе экзаменное, расходы на приобрѣтеніе подобнаго знанія являются накладными. Такихъ лицъ, конечно, большинство. Какъ же это большинство должно разсчитывать свои затраты на классическое образованіе дѣтей, если они видятъ въ немъ лишь условіе необходимости? Предполагая на греческій и латинскій языки въ мѣсяць только 30 часовъ, получимъ въ учебный годъ 270 часовъ и въ теченіе восьмилѣтняго курса 2,160 часовъ или 432 учебныхъ дня, равныхъ 1½ года. Расходъ на все это прибавочное учебное время является, конечно, накладнымъ расходомъ и если изъ 53 т. классиковъ только 10 желаютъ быть филологами, то для остальныхъ накладной расходъ долженъ быть вычисленъ въ $1\frac{1}{2} \times 300 \times 43,000 = 17,200,000$ руб. Цифра эта выражаетъ только нагляднымъ образомъ отношеніе общества къ классическимъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ, и она настолько вѣрна, насколько вѣрно выражаетъ это отношеніе. Но будетъ-ли она точной или неточной, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что число реальныхъ училищъ ниже потребности въ нихъ общества и что большинство родителей отдають своихъ дѣтей въ классическія гимназіи только потому, что они служатъ необходимымъ условіемъ для поступления въ университеты.

Здѣсь статистика образованія приводитъ насъ къ заключительному факту—отношенію средняго образованія къ высшему. Гимназіи и реальныя училища служатъ для того, чтобы готовить къ университетамъ и высшимъ спеціальнымъ заведеніямъ. Поэтому очевидно, что правильное отношеніе между средними и высшими заведеніями должно заключаться въ томъ, чтобы каждый ученикъ, окончившій курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, могъ найти себѣ мѣсто въ высшемъ. Но сколько показываютъ факты подобное нормальное отношеніе у насъ еще далеко не установилось. Выше была уже сдѣлана ссылка на корреспонденцію изъ Тулы. Оказывается, что изъ 15—20 реалистовъ, окончившихъ курсъ, только 1—2 ч. находятъ себѣ мѣсто въ высшихъ заведеніяхъ, остальные должны измѣнять предварительно намѣченный себѣ путь и между прочимъ поступають вольноопредѣляющимися въ мѣстныя войска. Если подобный фактъ и не повторяется повсемѣстно, то это не служитъ доказательствомъ, чтобы Тула являлась единственнымъ исключеніемъ. Въ какомъ видѣ распредѣляется отношеніе между числомъ выпущенныхъ каждой гимназіей учениковъ и мѣстами, которыя для нихъ откроются въ высшихъ заведеніяхъ—неизвѣст-

но; но, судя по фактамъ, заявленнымъ въ газетахъ, нужно думать что въ нынѣшнемъ году это отношеніе будетъ менѣе благопріятно. «Такъ три высшихъ специальныхъ института въ Петербургѣ технологическій, горный и лѣсной заявили уже, что у нихъ имѣется въ совокупности только 190 вакансій; между тѣмъ, судя по опыту прошлаго года, можно ожидать, что въ эти институты будетъ подано болѣе 1,000 прошеній». («Р. В.»). Петровская земледѣльческая академія заявила только о 50 вакансіяхъ, институтъ путей сообщенія принимаетъ лишь имѣющихъ университетскій дипломъ. Наплывъ и въ дѣйствительности оказался сильнѣе. Въ технологическомъ институтѣ на 120 вакансій явилось 620 желающихъ; въ горномъ на 40 вакансій — 300 желающихъ. Въ московскомъ университетѣ, по примѣру двухъ прежнихъ лѣтъ, пріемъ на медицинскій факультетъ настолько ограниченъ, что на 2, 3, 4 и 5 курсы пріема вовсе нѣтъ, ибо число студентовъ превышаетъ комплектъ; на 1-й-же курсъ будетъ принято столько, чтобы вмѣстѣ съ оставшимися вышло не больше 250 чел. Въ числѣ этихъ 250 ч. преимущество будетъ предоставлено воспитанникамъ московскаго округа, послѣ нихъ — петербургскаго, и только на остальные вакансіи могутъ рассчитывать ученики другихъ округовъ. Начальство московскаго университета, конечно, нельзя порицать за эту искусственную мѣру, если не отъ него зависитъ удовлетвореніе всѣхъ желающихъ. Въ этомъ случаѣ ограничивающая мѣра въ видѣ конкурса, въ формѣ повторительныхъ испытаній, удовлетворяетъ все-таки полнѣе чувству справедливости, чѣмъ простое ограниченіе комплекта. Такъ, чтобы поступить въ технологическій институтъ, нужно получить на повѣрочномъ экзаменѣ 19 балловъ. Требованіе необыкновенно высокое, ибо повѣрочный экзаменъ производится изъ 4 предметовъ и дозволяется только изъ одного предмета получить 4, а изъ остальныхъ трехъ должны быть полные 5 балловъ. И, не смотря на такое высокое требованіе, оказалось на 120 вакансій 170 человекъ, выдержавшихъ пробу. Начальству технологическаго института осталось одно — просить разрѣшенія на принятіе всѣхъ. Здѣсь предъ нами случай такой интенсивности стремленія къ высшему образованію, которой долженъ уступить крайній высшій предѣлъ предъявляемыхъ ему условій. И въ самомъ дѣлѣ, можно-ли требовать еще чего-нибудь большаго? Передъ конкурентами стоитъ двойное условіе — ограниченіе вакансій и высокій экзаменаціонный баллъ, и число лицъ, удовлетворившихъ этому двойному условію, оказывается на 40% больше установленной численной нормы. Предъяви технологическій институтъ еще большее требованіе, на примѣръ полный баллъ изъ всѣхъ предметовъ, конечно и

эта проба была-бы выдержана. Извѣстно, что строгія требованія, предъявлявшіяся министерствомъ народнаго просвѣщенія къ державшимъ экзаменъ зрѣлости, привели къ тому, что число выдержавшихъ экзамены ежегодно увеличивалось. Въ 1873 г. ихъ было— 685 ч., въ 1874 — 918, въ 1875 г. — 1,298, въ 1876 г. — 1,310, въ 1877 г. — 1,449. Эти факты лучше всякихъ краснорѣчивыхъ словъ указываютъ не только на ничѣмъ неуправляемое стремленіе общества къ образованію, но и на направленіе этого стремленія.

Какъ ни отрывочны приведенныя нами статистическія данныя, но они, даже и въ этомъ видѣ, не заключаютъ въ себѣ никакихъ поводовъ, чтобы обратиться къ обществу съ совѣтами, какіе даютъ «Современныя Извѣстія» и «народный учитель».

Противъ земледѣльческихъ училищъ говорить нечего — они учатъ полезнымъ знаніямъ. Но во-1-хъ, земледѣльческихъ училищъ у насъ всего семь: горьгорецкое, казанское, харьковское, маріинское, уманское, лочинское и московское. Училища эти имѣютъ свой штатъ учениковъ — и не пустыютъ. Если-бы «Совр. Изв.» имѣли въ виду пополненіе пустыющихъ вакансій, возражать имъ было-бы нечего. Но газета хочетъ совсѣмъ другого: она отклоняетъ вниманіе родителей отъ гимназій и направляетъ его въ сторону совсѣмъ иной отрасли знаній, т. е., въ сущности—предлагаетъ перенести «переполненіе» изъ одного мѣста въ другое. Да и переполненіе предлагаетъ, почтенная газета, по истинѣ грандіозное. Она не ограничивается какой-нибудь тысячей, она желаетъ помѣстить «десятки тысячъ молодежи», всѣхъ «недоучившихся неудачниковъ». Могутъ быть въ этихъ десяткахъ тысячъ способные, а большинство можетъ быть и неспособное, а главное вовсе нежелающее посвятить себя сельскому хозяйству. Что-же стануть дѣлать наши земледѣльческія училища съ этой арміей изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, нежелающихъ и неспособныхъ учиться сельскому хозяйству? Вѣдь это будетъ ужъ не «переполненіе», а нашествіе. И кому и для чего оно нужно? По мнѣнію «Совр. Изв.», нашествіе нужно, «чтобы усилить производительность русской земли, вызвать къ эксплуатаціи дремлющія естественныя богатства роднаго края, обратить безплодныя пустоши въ плодородныя и доходныя участки». Если-бы земледѣльческое счастье народовъ зависѣло только отъ числа земледѣльческихъ училищъ, то ужъ, конечно, народы земнаго шара были-бы давно счастливы. Америка далеко не щеголяетъ своимъ земледѣльческимъ образованіемъ и, не смотря на то, она оказывается первой въ мірѣ производительницей хлѣба. Ясно, что секретъ

„Дѣло“, № 9, 1883 г. II.

земледѣльческой производительности не въ земледѣльческихъ училищахъ. У насъ, напримѣръ, земледѣльскія училища существуютъ очень давно, есть и сельско-хозяйственныя академіи, но что-то не слышно, чтобы горыгорецкій институтъ или Петровская академія «вызвали къ эксплуатаціи дремлющія естественныя богатства» даже Могилевской и Московской губерніи, а ужъ мы не говоримъ обо всемъ «родномъ краѣ». И происходитъ это вовсе не отъ того, чтобы земледѣльскія училища выпускали мало учениковъ, а отъ того, что для земледѣльческихъ знаній у насъ не существуетъ приложенія. Что стали-бы дѣлать десятки тысячъ молодежи, которыхъ «Совр. Изв.» помѣстили въ земледѣльскія училища, даже допуская что всѣ они вышли-бы изумительными агрономами? У насъ некуда дѣться даже десяткамъ агрономовъ, а «Совр. Изв.» хотятъ выпускать десятки тысячъ. И газетѣ представляется, что она обезпечиваетъ «завтра» всѣмъ ищущимъ и голоднымъ, и что «за дѣломъ, дающимъ хлѣбъ, некогда имъ будетъ пустословить и давать просторъ праздному воображенію». Кто-же дастъ этимъ десяткамъ тысячъ агрономовъ хлѣбъ, когда они никому не нужны? Не землевладѣльцы идутъ въ гимназіи и реальныя училища, чтобы проторить себѣ дорогу черезъ университеты и высшія спеціальныя училища, а бѣдняки и пролетаріи. Зачѣмъ этимъ людямъ сельское хозяйство, когда своей земли у нихъ нѣтъ, а для управленія чужой ихъ никто не пригласитъ. И вотъ, выпуская изъ земледѣльческихъ училищъ десятки тысячъ ненужныхъ людей, «Совр. Изв.» достигаютъ какъ разъ противоположной цѣли и не только не даютъ никакого хлѣба, а напротивъ, еще отнимаютъ тотъ, къ которому протянулись руки. Если «праздное воображеніе» работаетъ теперь, то какъ-же оно будетъ работать тогда, когда «Совр. Изв.» усилятъ и безъ того уже многочисленный у насъ классъ захребетниковъ и изгоевъ.

Еще менѣе практиченъ совѣтъ «народнаго учителя». Онъ разсуждаетъ такъ: въ прошедшемъ году изъ 1,000 человѣкъ поступило въ технологическій и горный институты менѣе двусотъ человѣкъ, значитъ ясно, что непринятымъ восьми стамъ въ Петербургъ являться не слѣдовало. Если-бы «народный учитель» разрѣшалъ задачу простаго вычитанія, то съ нимъ нельзя-бы было не согласиться, что $1,000 - 200 = 800$. Но какіе именно 800 заключаются въ тысячѣ—эти или какія другія? Кому «не бросать родное свѣтлое небо провинціи», кому считать «премудрость Петербурга зеленымъ виноградомъ»? И почему то, что привлекаетъ людей въ петербургскій университетъ, въ медицинскую академію, въ технологическій, горный и лѣсной институты—«зеленый вино-

градъ»? Почему «лучше хотя и съ меньшими средствами, но дѣлать больше тамъ, на мѣстѣ»? Гдѣ это «тамъ» и что дѣлать? «Соврем. Извѣстія», по крайней мѣрѣ, позволяютъ учителю хотя сельскому хозяйству, а «народный учитель» оканчиваетъ образованіе на гимназіи; по его мнѣнію, все, что выше гимназіи, «зеленый виноградъ», и только гимназія есть виноградъ зрѣлый. Но что-же въ такомъ случаѣ заставляетъ отказываться отъ зрѣлаго винограда и гнаться за зеленымъ? «Народному учителю» кажется, что «тамъ, на мѣстѣ» можно дѣлать больше и съ меньшими средствами. Съ малымъ образованіемъ нигдѣ нельзя дѣлать многого и только по этому люди гонятся за большимъ знаніемъ. Ни классическія гимназіи, ни реальныя школы не готовятъ людей къ тому, чтобы дѣлать много. Курсъ нашихъ гимназій имѣетъ характеръ только подготовительный, и гимназистъ, будь онъ украшенъ даже золотой медалью, не въ состояніи конкурировать съ кандидатомъ университета, инженеръ-технологомъ, инженеромъ путей сообщенія, правовѣдомъ, лицеистомъ. На государственной службѣ гимназисту всегда предпочтутъ кандидата университета, правовѣда, лицеиста, а тамъ, гдѣ требуются люди съ техническими знаніями, его не возьмутъ, потому что у него этихъ знаній нѣтъ. Слѣдовательно, ясно, почему каждый классикъ и реалистъ стремятся за зеленымъ виноградомъ. Только этотъ виноградъ заканчиваетъ образованіе, только онъ одинъ становится человѣкомъ на твердый путь и даетъ въ руки наиболѣе развитыя средства для борьбы съ жизнію. Гимназистъ — это недоросль, а кто-же хочетъ остаться недорослемъ? Народный-же учитель хочетъ кого-то увѣрить, что съ меньшими средствами можно сдѣлать больше!

Проблема шестидесятыхъ годовъ — «оттого-ли мы глупы, что бѣдны или оттого бѣдны, что глупы» — можно считать теперь вполне разрѣшенной, но не въ пользу нашего наличнаго ума. Никогда еще общество не проявляло такой жизненности и энергіи въ отысканіи всевозможныхъ путей для своего развитія, какія оно обнаруживаетъ нынче. И это стремленіе, и эта энергія растутъ изъ года въ годъ все сильнѣе и сильнѣе, распространяются все шире и шире, захватывая болѣе болѣе районъ дѣйствія. Не мода, не прихоть, не капризъ, не суетная погоня за лоскомъ знанія двигаютъ людьми, а жизнь съ ея суровыми уроками и толчеями, съ ея голодомъ и нуждой, съ требованіями, которыя она предъявляетъ каждому. Кто не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, того она безжалостно выкидываетъ за бортъ, какъ ненужную вещь, какъ лишній ротъ, заѣдающій чужой хлѣбъ. Чтобы бороться съ новыми услові-

ми жизни, все развивающимися и дѣлающимися все труднѣе и труднѣе, прежній багажъ знаній, съ которымъ лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ можно было выдвинуться въ первые ряды и прожить безмятежно, теперь уже недостаточенъ. Отъ теперешняго гимназиста требуется больше, чѣмъ отъ тогдашняго студента. Развитие личности и борьба за индивидуальность стали лозунгомъ нашего времени. И лозунгъ этотъ не выдумка газетчиковъ и журналистовъ, а первый и основной пунктъ той программы, которую предъявляетъ каждому жизнь. Есть у васъ сила знанія—устойте; нѣтъ—жизнь васъ съѣстъ, какъ она съѣдаетъ всякое безсиліе, всякое полуобразование. Конечно, изъ этого правила не мало исключеній; но они доказываютъ только ненормальность существующихъ отношеній, противъ которой и направляется потокъ новой жизни, образуемый борящейся за свою индивидуальность личностью. Задача современнаго воспитанія только и заключается въ томъ, чтобы снабдить человѣка наивозможно разнообразными и надежными средствами для борьбы съ жизнью, и плохую услугу обществу оказываетъ тотъ, кто классику, направляющемуся въ университетъ, совѣтуетъ идти въ земледѣльческую школу, а реалисту, идущему въ технологическій институтъ, предлагаетъ не идти никуда и сидѣть дома.

Общественные инстинкты и стремленія управляются фактами, требованія-же жизни зависятъ не отъ отдѣльныхъ лицъ и ихъ желаній и не повинуются совѣтамъ, не имѣющимъ реальнаго содержанія. Поэтому всякое стремленіе общества, имѣющее возможность проявляться свободно, заключается въ самомъ себѣ собственный законъ. И законъ этотъ заключается въ той солидарности, которой устанавливаются народныя и международныя отношенія и требованія. Это такія теченія, которыя не выносятъ плотинъ и возстановленіе ихъ задержаннаго равновѣсія покупается всегда напрасной затратой силъ. Крымская война дала намъ превосходный урокъ. Все, что за тѣмъ дѣлалось, имѣло только одну цѣль и задачу—уничтожить препятствія къ развитію общественныхъ силъ, чтобы сравняться по возможности съ другими европейскими государствами. Накопленіе и развитіе умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ силъ—вотъ задача всякаго народа, всякой внутренней и внѣшней политики. И каждый народъ, каждое общество собственнымъ безошибающимся инстинктомъ всегда вѣрно находитъ пути, которыми устанавливается его внутреннее и внѣшнее равновѣсіе.

И въ самомъ дѣлѣ, что за причина, что, не смотря на разнообразныя серьезныя препятствія, общество съ ничѣмъ не удержи-

мымъ стремленіемъ накидывается на одни заведенія и какъ-бы не хочетъ знать другихъ? Общество знаетъ только гимназій, реальныя училища, университеты, медицинскую академію, институты технологическій, горный, лѣсной, путей сообщенія, да петровскую академію. Главный потокъ направленъ въ этомъ направленіи. Въ морское училище, въ военныя училища и корпуса наплывъ значительно слабѣе. А между тѣмъ, кромѣ этихъ заведеній, есть еще масса школъ и училищъ, раскинутыхъ по разнымъ губерніямъ. Есть у насъ 7 земледѣльческихъ училищъ, 4 земледѣльческихъ, 13 училищъ садоводства, лѣсоводства и горныхъ, 24 ремесленныхъ и техническихъ, 6 художественныхъ и рисовальныхъ, 5 музыкальныхъ и театраль-ныхъ, 4 коммерческихъ, 20 ветеринарныхъ, повивальныхъ и фельдшерскихъ школъ, 55 учительскихъ институтовъ и семинарій. Почему же эти заведенія не страдаютъ отъ наплыва и не привлекаютъ къ себѣ общество? А потому что они даютъ очень мало и оставляютъ каждаго на подорогѣ. «Не лучше-ли хотя и съ меньшими средствами, но дѣлать больше тамъ, на мѣстѣ», какъ совѣтуетъ «народный учитель» не удовлетворяетъ того, кто желаетъ дѣлать больше. Назовите это самоувѣренностію молодости, самоувѣніемъ, чѣмъ хотите, но именно въ самоувѣренности молодости, желающей сдвигать горы съ мѣста, покорить міръ, лежитъ высокая сила прогрессивнаго движенія. Филистерство и мѣщанство не создавало никогда ничего великаго. Плохо, если юноша не вѣрять въ свои силы и не доводитъ ихъ до высшаго напряженія. Если мальчикъ въ 15 лѣтъ не смотритъ дальше земледѣльческаго училища, и ограничивается поприщемъ слесаря, лудильщика кострюль, ветеринара, фельдшера или деревенскаго учителя, что-же будетъ изъ него въ 30 -- 40 лѣтъ? Не бойтесь, что некому будетъ лудить кострюль. Слесаря и лудильщики всегда найдутся, потому что людей со средними и низшими способностями всегда больше, чѣмъ людей съ способностями высшими, но не закрывайте пути способностямъ высшимъ, потому что только ими создается всякое общественное и народное преуспѣяніе. Жизнь сама установитъ для каждой способности ея мѣсто и дастъ ей соотвѣтственное дѣло, сама порывающая сила найдетъ лучше и вѣрнѣе точку равновѣсія, чѣмъ кто-бы то ни было со стороны. И вотъ, въ этомъ-то порывѣ къ болѣе широкому, въ этомъ желаніи усвоить себѣ высшее умственное развитіе и пріобрѣсти, кромѣ практическихъ знаній, знанія руководящія и образованіе философское, лежитъ причина того всеобщаго и неудержимаго стремленія къ университетамъ и высшимъ спеціальнымъ заведеніямъ. Только глупые, неспособные и пустые юноши, кончая классическую гимназію или

реальное училище, отказываются отъ высшаго образованія и успокаиваются на казенномъ или частномъ мѣстѣ. Объ этихъ людяхъ особенно и заботиться не стоитъ, да они, пожалуй, и сами не пропадутъ. Но люди способные, люди порывающіеся, ищущіе — это краса и надежда страны, они ея интеллектуальная сила и на нихъ должны быть направлены всѣ заботы. Вотъ эти-то люди, способностей выше среднихъ, и личные и общественные идеалы которыхъ не могутъ удовлетворяться смазываніемъ машинъ и управленіемъ локомотивами, и образуютъ собою массу, устремляющуюся въ университеты и въ высшія спеціальныя заведенія.

Въ стремленіи молодыхъ людей на то или другое поприще личный произволъ занимаетъ очень второстепенное мѣсто. Главное вліяніе принадлежитъ жизненнымъ, общественнымъ требованіямъ. Между этими требованіями и личными желаніями, вкусами и наклонностями равновѣсіе устанавливается запросомъ и предложениемъ, и возникаетъ процессъ вродѣ куп и продажи. Никому не придетъ въ голову стать инженеромъ путей сообщенія, если въ странѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, или сдѣлаться инженеръ-механикомъ, если въ странѣ нѣтъ фабрикъ и не существуетъ машиннаго производства. Между развитіемъ страны и требованіемъ людей для дѣла существуетъ непосредственное отношеніе, которое устанавливается само-собою и служитъ показателемъ того, что для страны требуется. Регламентация не только задерживаетъ, но и путаетъ. Если въ технологической институтъ устремляется такая масса реалистовъ, если у общества является громадный запросъ на реальныя училища, то ясно, что то и другое вызывается развитіемъ у насъ промышленнаго и торговаго роста. Нужны-ли факты для доказательства, да и кто ихъ не знаетъ? Во всѣхъ своихъ международныхъ сношеніяхъ мы играемъ очень подчиненную роль, изъ которой никакъ не можемъ выйти. Иностранныя произведенія и до сихъ поръ лучше и дешевле нашихъ. Въ послѣднее время Россію стали вытѣснять даже съ хлѣбныхъ рынковъ. По польской границѣ нѣмцы выстроили рядъ фабрикъ и заводовъ и заваливаютъ насъ контрабандой. Биржа почти совсѣмъ въ рукахъ Берлина. У насъ двадцать тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, а мы до сихъ поръ выписываемъ локомотивы и рельсы изъ границы и тамъ-же строимъ щегольскіе вагоны. Флотъ у насъ существуетъ двѣсти лѣтъ, а мы строимъ суда за границей. Да что локомотивы и суда! Ужь кажется простое дѣло варить мыло, а между тѣмъ и домашнюю потребность въ мылѣ мы не можемъ удовлетворить своими средствами—и мыло идетъ къ намъ изъ Польши, изъ Германіи, изъ Франціи и даже изъ Англіи. Не говоря про

Европу, давно уже живущую промышленной жизнью, но въ послѣднее время маленькая Финляндія стала грозить намъ своей конкуренціей и промышленники наши не на шутку испугались, что финляндцы подавятъ насъ своими желѣзными, кожевенными, льняными и бумажными издѣліями. Даже смѣшно подумать, что громаднѣйшая страна въ мірѣ, съ стомилліоннымъ населеніемъ, могла испугаться бесплодной, каменистой земли съ тремя милліонами жителей. А между тѣмъ этотъ страхъ вполне понятенъ, потому что онъ есть слѣдствіе сознанія своего умственнаго безсилія. Это самое безсиліе и невозможность бороться съ Западомъ заставило насъ обратить свое вниманіе на востокъ. И казалось-бы рынки спящаго и отсталаго востока могли-бы представить превосходную арену для русской предприимчивости. Но и тутъ у насъ не оказывается силъ для мирныхъ торговыхъ и промышленныхъ завоеваній. Исторія персидскаго транзита читателю извѣстна. Но вотъ интересныя свѣдѣнія, сообщаемыя г. Скальковскимъ въ его книгѣ «Русская торговля въ Тихомъ океанѣ».

Извѣстно, что наши владѣнія прилегаютъ обширной территоріей къ Тихому океану, такъ что мы по праву можемъ считать себя хозяевами этого океана. А между тѣмъ тихоокеанская наша окраина представляетъ печальную картину полного заустѣнія. Ни рабочихъ рукъ, ни правильныхъ путей, ни срочныхъ сообщеній, ни денегъ—ничего этого нѣтъ. Южно-уссурійскій край присоединенъ къ намъ уже 20 лѣтъ тому назадъ и, не смотря на свою богатую природу, имѣетъ до сихъ поръ только 20 тыс. жителей, да и изъ нихъ половина китайскіе манзы. Въ приморской области, правда, торговля наша разширилась, и въ 1882 г. въ Владивостокѣ она достигла суммы 3.389,602 р.; но эта торговля почти вся въ рукахъ иностранцевъ. Мѣстные продукты, отличающіеся изобиліемъ, совсѣмъ не разрабатываются. Лѣса гниютъ на корнѣ, рыбной торговли почти не существуетъ; масса икры, за неумѣніемъ засолщиковъ, выбрасывается; ловля морской капусты, которая могла-бы давать милліоны дохода, находится преимущественно въ рукахъ мелкихъ китайскихъ промышленниковъ; золотыя пріиски, наиболѣе богатые въ пространствѣ между Уссурійскомъ заливомъ и рѣками Цимухэ и Сучаномъ, не разрабатываются, за недостатками путей сообщенія и рабочихъ рукъ. Въ устьяхъ Амура хотя и бродятъ пять-десять рѣчныхъ пароходовъ, но изъ нихъ половина старый хламъ, возбуждающій удивленіе, какъ это, въ самомъ дѣлѣ, они существуютъ. «О Камчаткѣ и Охотскомъ морѣ имѣются свѣдѣнія самыя туманныя. Извѣстно только, что сообщеніе съ Камчаткой или Якутскомъ на разстояніи 5,000 верстъ происходитъ на собакахъ,

что десять лѣтъ эта заброшенная страна не посѣщалась ни однимъ губернаторомъ и отсутствіе проявленія русской власти въ этихъ краяхъ дошло до того, что американцы раскрашиваютъ Чукотскую землю на своихъ атласахъ, какъ независимое отъ Россіи владѣніе». Китобойство все въ рукахъ иностранцевъ и хотя наша военная флотилія и посылала три навигаціи подрядъ суда для изгнанія американскихъ китобоевъ, но русскій промыселъ отъ того не возродился. Наши сношенія съ Китаемъ, несмотря на многолѣтнее сосѣдство, находятся далеко не въ авантажѣ и китайцы смотрятъ на насъ съ высокоуміемъ. Въ то-же время иностранцы, и преимущественно англичане, ведутъ свои дѣла въ Китаѣ годъ отъ году лучше. Изъ громаднаго количества чая, потребляемаго Россіей, (около 57 милліон. руб.), только часть его привозится русскими торговцами. Есть опасеніе, что при теперешней нашей коммерческой предпримчивости вся наша чайная торговля можетъ перейти въ руки иностранцевъ. Три седьмыхъ всего привоза въ Россію находятся уже и теперь въ рукахъ торговаго дома барона Кюпа. Какъ громадный рынокъ для сбыта мануфактурныхъ товаровъ Китай не имѣетъ для насъ почти никакого значенія; такъ же мы не умѣемъ имъ пользоваться и какъ рынокъ для жизненныхъ припасовъ и для предметовъ первой необходимости, какъ каменный уголь, лѣсъ, желѣзо, керосинъ. Наши пароходныя сообщенія въ Тихомъ океанѣ находились еще недавно въ первобытномъ состояніи. Въ то время, какъ иностранцы имѣли такіе быстроходные пароходы, которые разстояніе въ 12,000 морскихъ миль отъ Хонькою до Лондона пробѣгали въ 30 дней, и зарабатывали на чайномъ фрахтѣ 100%, наше злополучное общество «Сахалинъ» имѣло только одинъ пароходъ, который ходилъ со скоростію 6 узловъ въ часъ «и уже идя изъ Европы терялъ то винтъ, то попадалъ вмѣсто порта въ рыболовныя сѣти, то покупалъ уголь на пивоваренномъ заводѣ». Теперь съ возникновеніемъ общества добровольнаго флота, кажется, есть надежда установить постоянныя сообщенія съ дальнимъ востокомъ, но пока у общества всего только пять пароходовъ.

Въ нашихъ внутреннихъ отношеніяхъ, какъ промышленныхъ и торговыхъ, такъ и общественныхъ, усматривается та-же инерція, неразвитость и непониманіе. Громадная машина нашей внутренней жизни скрипитъ, визжитъ и какъ злополучный пароходъ «Сахалинъ» ползетъ по 6 узловъ въ часъ, когда иностранная жизнь спѣшитъ со скоростію 20 узловъ. И всѣ мы это чувствуемъ и опять слышатся жалобы на недостатокъ людей. У насъ въ одно и т-же время и есть люди и нѣтъ людей. Когда потребовалось

участіе общества въ обсужденіи проекта освобожденія крестьянъ — Россія выставила людей, можно сказать, гениальныхъ, когда потребовалось обсудить проектъ судебныхъ уставовъ — явилось пятьсотъ критическихъ разборовъ. Но въ то-же время для обыкновенныхъ дѣлъ, для будничныхъ отношеній и для повседневныхъ простыхъ обязанностей людей нѣтъ и не существуетъ установившагося и руководящаго общественнаго мнѣнія. У насъ есть выдающіяся единицы, но нѣтъ массы, того, что Бисмаркъ называетъ «всѣ». Говорятъ, будто открытіе отдѣленія крестьянскаго банка задерживается тѣмъ, что «нѣтъ людей». И это похоже на правду, по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ повседневнымъ фактамъ, которые у всѣхъ налицо и которые сообщаютъ нашему общественному инстинкту извѣстное направленіе и даютъ толчокъ стремленію къ образованію въ извѣстномъ направленіи. Не слесаря и лудильщики нужны намъ для установленія тѣхъ внутреннихъ и международныхъ отношеній, при которыхъ-бы мы чувствовали себя равней европейскимъ народамъ и не боялись-бы ихъ ни въ мирѣ, ни въ войнѣ. Маленькая Финляндія навела паническій страхъ на нашихъ купцовъ и промышленниковъ не слесарями. Въ ней есть «всѣ», т. е. масса развитыхъ людей и интеллигентнаго руководящаго общественнаго мнѣнія, которое и глупца поставитъ въ оглобли, тогда какъ у насъ и до сихъ поръ — и пожалуй теперь больше, чѣмъ прежде — каждый саврасъ и Титъ Титычъ колобродитъ какъ ему вздумается и нисколько не стыдится своихъ глупостей. Партія самобытниковъ оказала нашему общественному развитію плохую услугу. Тую-же плохую услугу оказалъ ему и нашъ народническій сантиментализмъ. Сантиментализмъ, проповѣдывавшій сліяніе, мужика не при поднялъ, а сантименталиста уронилъ. Къ тому-же привело и гоненіе интеллигенціи, воздвигнутое самобытниками. Интеллигенція оказалась не въ авантажѣ, средства для ея развитія уменьшились, но не прибавилось ихъ и для народа. Понятно, что при такихъ средствахъ, намъ приходится въ защиту отъ умственнаго перевѣса Европы ограждать себя китайскою стѣной и на борьбу противъ умственнаго превосходства выступать съ матеріальными средствами, въ родѣ тѣхъ на примѣръ, какія мы употребляемъ противъ финляндской конкуренціи. И общественный инстинктъ не обманываетъ насъ въ выборѣ средствъ для борьбы, когда онъ направляетъ нашихъ дѣтей не въ земледѣльческія школы, а въ университеты, въ реальныя училища и въ высшія техническія заведенія. Общество стремится построить свою жизнь по высшему типу и согласно высшимъ умственнымъ требованіямъ, а переполненіе, указывающее на силу этого стремленія, доказываетъ, вмѣстѣ

съ тѣмъ, и недостаточность существующаго удовлетворенія. Простое численное отношеніе реальныхъ училищъ (67) къ гимназіямъ и прогимназіямъ (206) и масса лицъ, не находящихъ себѣ мѣста въ высшихъ специальныхъ заведеніяхъ и принужденныхъ идти въ вольноопредѣляющіе, указываетъ на нормальность удовлетворенія запроса на образованіе.

Какой-же выходъ изъ этого и какъ удовлетворить запросу? «Русскія Вѣдомости» думаютъ, что «причина лежитъ въ недостаточномъ вниманіи администраціи къ общественному запросу на образованіе, что-же касается самодѣятельности общества, то оно не имѣетъ возможности оказать себѣ помощь, отчасти вслѣдствіе неудовлетворительной постановки у насъ городского самоуправления, а отчасти вслѣдствіе прискорбной разобщенности и отсутствія духа общественной инициативы, столь укоренившихся у насъ, благодаря историческимъ условіямъ» Заключение это только частію вѣрно. Изъ числа 206 классическихъ гимназій и прогимназій, на счетъ казны содержалось только 129, 55 — на собственные специальные средства и 22 на счетъ частныхъ обществъ и другихъ пособій. Общая сумма расхода на эти заведенія составляла (въ 1877 г.) 6.725,000 р., въ томъ числѣ изъ государственнаго казначейства отпускалось 4.337,000 р.; 1.541,000 р. составлялось главнымъ образомъ изъ сбора платы за ученіе (1.022,702 р.), а также платы за своекоштныхъ; остальные-же 847,000 падали на городскія общества, на земствѣ, на дворянскія и военныя суммы, на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ и на единовременныя пожертвованія (36 т.). На содержаніе реальныхъ училищъ было отпущено изъ государственнаго казначейства 1.090,140 р., а отъ мѣстныхъ обществъ 427,679 р. Всѣ-же средства реальныхъ училищъ выражались суммою въ 1.844,633 р., слѣдовательно на долю государственнаго казначейства приходилось 59%. Содержаніе учительскихъ семинарій стоило государственному казначейству 711,960 р. или около 69%, земству 222,882 р. или около 22% и городскимъ и сельскимъ обществамъ 90,149 р. или 9%. На начальныя народныя училища, изъ общей суммы въ 7 м., на государственное казначейство падало 14%, остальные 86% выплачивались городскими и сельскими обществами, земствомъ и частными лицами. Высшіе женскіе курсы существуютъ исключительно на частныя средства. Такимъ образомъ долю участія государственнаго казначейства въ образованіи никакъ нельзя цѣнить выше 60%; а если взять массу частныхъ школъ и домашніе расходы на образованіе, то окажется, что расходы общества значительно превосходятъ расходы государственнаго казначейства. Слѣдовательно, даже и при тепе-

решней инерціи нашихъ общественныхъ управленій они являются весьма значительными вкладчиками, а подѣ давленіемъ постоянно растущаго стремленія къ образованію, выражающагося усиливающимся изъ года въ годъ переполненіемъ, они будутъ просто принуждены дѣлать много больше того, что они теперь дѣлаютъ. Напримѣръ, въ прошломъ году болѣ 5,000 дѣтей въ Петербургѣ не могли быть приняты въ школы, потому что не было вакансій. И дума волей-неволей назначила особую комиссію, чтобы «изыскать средства выхода изъ такого ненормальнаго положенія». Нужно желать, чтобы этотъ починъ петербургской думы нашелъ себѣ подражателей въ думахъ остальныхъ городовъ и земствъ. На нихъ ближе всего могутъ опираться надежды и желанія общества, ибо кому-же могутъ быть понятнѣе общественныя, промышленныя и торговыя нужды страны, какъ не тѣмъ лицамъ, которыя являются представителями ихъ въ городскомъ и земскомъ хозяйствѣ, кто, наконецъ, личнымъ опытомъ знаетъ, какихъ мученій и труда стоитъ погоня за школьными ваканціями. Иной выходъ указываетъ «Кіевлянинъ»: Онъ рекомендуетъ частный починъ. По мнѣнію газеты, «государство для классическаго образованія сдѣлало весьма много и отъ него нельзя требовать увеличенія казенныхъ гимназій соотвѣтственно спросу». Едвали это такъ. Никакой-бы не было нужды и самому «Кіевлянину» рекомендовать частный починъ, если-бы его мнѣніе было вѣрно. Переполненіе, особенно реальныхъ училищъ и высшихъ заведеній, есть выраженіе недостатка, а не избытка, малаго, а не многоаго. Если-бы между потребностями общества къ образованію и существующими для того средствами имѣлось вѣрное отношеніе, совѣты «Совр. Извѣст.», «народнаго учителя», рекомендація «Кіевлянина» и газетныя толки о переполненіи, повторяемые каждую осень, оказались-бы невозможными. Сама рекомендація «Кіевлянина» есть указаніе на то, что «весьма многое» выражаетъ только предѣлъ государственнаго участія въ общественномъ образованіи, границу, за которой долженъ слѣдовать починъ общества. Изъ цифръ, приведенныхъ выше видно, что починъ этотъ уже свершился и общественному участію въ высшемъ образованіи нужно значительно большее развитіе и поддержка правительства. Не въ началѣ дѣло, а въ энергическомъ продолженіи, и такъ, сказать въ перенесеніи центра тяжести заботъ нашихъ общественныхъ управленій объ образованіи.

Нельзя сказать, чтобы наши думы и земства отличались вялостію и невниманіемъ къ школамъ. Они участвуютъ своими расходами и въ содержаніи среднихъ, и въ содержаніи низшихъ заведеній. Но главныя заботы ихъ устремлены на народныя школы

и миллионы тратятся на простую грамотность. Грамотность нужна—это неоспоримо; но грамотность есть домашнее дѣло и на нее незачѣмъ тратить общественныя суммы и устраивать школы. Классическія гимназіи и реальныя училища не учатъ азбуки и чтенію, не должна имъ учить и народная школа—эта деревенская гимназія. Предоставивъ ученіе грамотности самому народу, земство и города очень облегчили-бы себѣ народношкольное дѣло. Теперь же они слишкомъ много копошатся внизу и очень мало дѣлаютъ вверху. Нужно именно перенести центр тяжести заботъ по образованіи снизу на верхъ, потому что жизнь на каждомъ шагу предъявляетъ спросъ именно на интеллигенцію. Чѣмъ можно возбудить энергію земства и городскихъ управленій, что-бы они явились выразителями нуждъ общества въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ я не знаю; но если общественный починъ требуется въ этомъ направленіи, то конечно обязанность его лежитъ на земствахъ и городахъ, а вовсе не на частныхъ лицахъ, какъ это рекомендуетъ «Кіевлянинъ».

Конечно, на обязанности государства лежитъ помочь этому почину. Было время, когда заботы объ образованіи всецѣло лежали на государствѣ. Заботы эти были направлены преимущественно на образованіе интеллигенціи. Это было золотое время въ ея жизни, когда молодежь привлекали въ университеты не только красивой формой—треугольная шляпа и шпага, лосиные брюки съ ботфортами—но правительство готово было платить даже деньги студентамъ. Но вотъ прошло сто лѣтъ и то, что создавалось прежде искусственно, поощреніями, приняло форму такой громадной и ничѣмъ неудержимой потребности уже самого развившагося общества, что у государства не достаетъ средствъ для ея удовлетворенія. Очевидно, что современная задача государства заключается въ томъ, чтобы перенести центр тяжести заботъ объ общественномъ образованіи на само общество. Но пока этого еще не случилось и мы переживаемъ теперь моментъ того неустойчиваго равновѣсія, когда съ одной стороны государство уже начинаетъ слагать часть своихъ заботъ на общество, но относится къ нему еще недоувѣрчиво и твердо опирается на свои традиціи; а общество робко, нерѣшительно и безъ особенно яснаго государственнаго сознанія принимаетъ на себя новыя обязанности. Очевидно, что роль государства въ теперешній моментъ должна заключаться въ томъ, чтобы облегчить по возможности земствамъ и городамъ ихъ новую роль и выступить дѣятельно навстрѣчу тому запросу на знаніе и образованіе, которое вызывается чувствомъ общественнаго и государственнаго самосохраненія. Къ сожалѣнію,

въ послѣднія 5—6 лѣтъ со стороны вѣдомства, завѣдывающаго народнымъ образованіемъ, не замѣчалось особенно активнаго движенія въ разширеніи рамокъ своей дѣятельности. Въ такомъ видѣ дѣло общественнаго образованія стоитъ въ настоящій моментъ, очевидно сълоняясь на сторону общественнаго почина, но не перейдя еще въ него. Механикъ-бы свазаль, что машина остано-вилась на мертвой точкѣ.

Мы говорили только о количественной сторонѣ образованія; но у него есть еще и качественная, которой недавно профессоръ Вагнеръ коснулся въ «Новомъ Времени». Если новымъ называется хорошо забытое старое, то несомнѣнно, что г. Вагнеръ возбуждаетъ новый вопросъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Пироговъ, въ статьѣ «Вопросы жизни», сказалъ, что образованіе должно создавать человѣка, прошло дѣйствительно такъ много лѣтъ, что немудрено, что эта истина забылась. Теперь вопросъ о человѣкѣ опять выдвигается на сцену и уже не въ видѣ единоличнаго почина, какъ это было въ шестидесятыхъ годахъ, а въ видѣ очереднаго вопроса жизни. Разница между теперешней и прежней его постановкой есть разница времени. Тогда это была идеальная задача для общества, теперь-же — существенная необходимость прагматическаго удовлетворенія, не идейная, а жизненная потребность. Это вопросъ о прагматической общественной нравственности, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ, о воспитательныхъ условіяхъ, которыя содѣйствуютъ ихъ установленію и закрѣпленію. Совершенно справедливо, что университеты не спеціальныя заведенія; они должны давать общее развитіе, гуманное образованіе, человѣчныя начала, устанавливая правильныя воззрѣнія на отношенія человѣка къ обществу и на требованія, которыя имѣетъ право предъявить лицо къ обществу и общество къ лицу. Университетъ есть школа идейнаго развитія тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется послѣдующая прагматическая жизнь и вся культура и цивилизація даннаго народа. Поэтому приходится вполне согласиться съ г. Вагнеромъ, когда онъ говоритъ, что каждый профессоръ прежде всего и больше всего долженъ быть философомъ, что онъ долженъ всюду искать идей и всѣ факты связывать и освѣщать ея свѣтомъ. Но совершенно вѣрно устанавливая основную мысль и тѣ требованія, которымъ должны удовлетворять университеты, какъ въ отношеніи воспитательной роли профессоровъ, такъ и въ взаимныхъ ихъ отношеніяхъ къ студентамъ и къ воздѣйствию на ихъ общее развитіе, г. Вагнеръ какъ-бы однихъ профессоровъ дѣлаетъ отвѣтственными за то, что въ дѣйствительности университеты не удовлетворяютъ этому требованію. При теперешнемъ развитіи об-

щества не университеты даютъ тонъ жизни, а жизнь университетамъ. Можно платонически вздыхать о тѣхъ счастливыхъ временахъ, когда были возможны Грановскіе и Мейеры, но въ настоящее время они невозможны и потому ихъ нѣтъ, что они и не могутъ быть. Наши университеты реформируются вотъ уже двадцать лѣтъ и все вертится на такъ называемой автономіи университетовъ. Безъ всякаго сомнѣнія, если-бы университеты были предоставлены самимъ себѣ, если-бы они могли изображать изолированные храмы науки и пользоваться ясвободой и независимостію въ родѣ той, какой пользуются университеты дерптскій и гельсингфорскій, то они и сами-бы выработали для себя тотъ *modus vivendi*, который-бы выразилъ равнодѣйствующую между стремленіями жизни и умственными задачами, преслѣдуемыми университетами. Въ этомъ случаѣ были-бы возможны и тѣ дальные горизонты, которые провидитъ г. Вагнеръ. «Если съ высоты университетскихъ каедръ, говорить г. Вагнеръ, раздастся живое слово осмысленной, развивающейся науки, — слово, котораго такъ жаждетъ не только учащаяся молодежь, но и всѣ думающіе члены общества, то университетъ действительно сдѣлается центромъ умственной жизни общества. Онъ будетъ его просвѣтителемъ, онъ внесетъ въ общество, черезъ молодыхъ поколѣнія его, дѣйствительный свѣтъ сознательной жизни, въ которой оно такъ сильно нуждается». Подобный возвышенный и истинно общественный взглядъ на значеніе и роль университетовъ, этихъ расадниковъ идей классическаго патріотизма, есть единственный руководящій взглядъ, который долженъ воодушевлять всегда и во всемъ реформаторовъ высшаго образованія. Иначе университеты утратятъ всякое значеніе и превратятся въ простые гимназій и преслѣдованіе идей высшаго развитія превратится въ простое домогательство университетскихъ дипломовъ. Гдѣ то уваженіе, которымъ нѣкогда пользовались профессора и студенты. Это уваженіе давно уже исчезло, по винѣ общества, позабывшаго прошедшіе уроки и несумѣвшаго понять, что лучшія его надежды и благороднѣйшія стремленія могутъ найти свое воплощеніе только въ его дѣтяхъ, въ послѣдующихъ растущихъ поколѣніяхъ, которыя должны его смѣнить. Утративъ вѣру въ себя, мы утратили вѣру и въ своихъ дѣтей. Можетъ быть ни въ чемъ инерція и нравственная дряблость общества не обнаруживалась въ такой мѣрѣ, какъ въ отношеніяхъ его къ университетской молодежи, отъ которой всѣ отступились и самое слово студентъ едва не превратилось въ слово порицанія. Возможна-ли при такихъ отношеніяхъ хотя какая-нибудь возрождающая нравственная самопознающая сила, когда студентъ и про-

Фессоръ являются въ общество чуть не съ опущенными глазами, не чувствуя къ себѣ ни симпатіи, ни уваженія. Мы знаемъ, что этимъ однимъ не исчерпывается университетскій вопросъ, и по многимъ причинамъ мы не находимъ удобнымъ касаться всѣхъ сторонъ его. Но мы констатируемъ его фактическую сторону для того, чтобы показать насколько, и по чувству государственнаго самосохраненія, и по закону взаимной солидарности народовъ, для насъ неудобенъ понизившійся умственный уровень, въ которомъ пребываетъ теперь общество, и какъ важно прежде всего для него самого понять, что самая важная современная задача наша заключается въ наивозможно высшемъ подъемѣ нашихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ и въ наивозможномъ обилии средствъ для интеллектуальнаго развитія.

Здѣсь будетъ встати коснуться одного газетнаго слуха, который, при всей его условности, заключаетъ въ себѣ очень тревожные симптомы. Я говорю о яко-бы предполагаемомъ введеніи въ среднимъ учебнымъ заведеніямъ тѣлеснаго наказанія учениковъ, подтверждаемымъ «Н. В. изъ достовѣрныхъ источниковъ».

Справедливъ или нѣтъ «достовѣрный источникъ» «Нов. Вр.», но любопытную сторону этого вопроса составляетъ не согласіе или несогласіе родителей, родственниковъ и мнѣніе совѣтовъ учебныхъ округовъ, а мотивы, вызвавшіе самую мысль о сѣченіи розгами. (Я говорю «сѣченіе розгами», потому что тѣлесное наказаніе, напр., въ формѣ карцера отмѣняемо не было).

Дисциплина есть, конечно, душа умственнаго и нравственнаго воспитанія, она не только создаетъ самообладаніе, но даже помогаетъ работѣ сознанія. Вопросъ, слѣдовательно, можетъ заключаться не въ томъ, что быть или не быть дисциплинѣ, а въ томъ, въ какія границы она должна быть поставлена, въ чемъ должны заключаться ея требованія и какими средствами она должна пользоваться, чтобы не выйти изъ воспитательныхъ предѣловъ.

Есть два рода дисциплины—одна чисто внѣшняя, дѣйствующая страхомъ наказанія или лишенія, и другая внутренняя или нравственная, прибѣгающая исключительно къ нравственнымъ средствамъ. Дисциплина, прибѣгающая къ внѣшнимъ средствамъ, гораздо проще и доступнѣе понятіямъ большинства, но за то и результаты ея ужъ черезъ-чуръ тоже просты и ведутъ не къ тѣмъ послѣдствіямъ.

Создать духъ школы—величайшая задача воспитанія; но она возможна лишь тогда, когда только высшія нравственныя побужденія руководятъ лицами, стоящими во главѣ школы. Чѣмъ меньше суровости въ отношеніяхъ, чѣмъ больше гуманности, понима-

нія и справедливости, тѣмъ неотразимѣе и вліяніе. Дѣти не боятся даже и суровости, если они видятъ, что ихъ понимаютъ и къ нимъ справедливы. Нѣтъ такихъ безнадежно испорченныхъ дѣтей, которыя-бы не подчинились нравственному авторитету. Но если бы и нашелся такой ребенокъ, то ради единичнаго случая едва-ли было справедливо нарушать основной принципъ нравственной дисциплины. Если нравственное воздѣйствіе оказывается неэффективнымъ, то физическое, конечно, уже не поможетъ. Даже уголовное право, не только теоретическое, но и положительное, признало этотъ принципъ, какъ верховный и руководящій. А уголовное право имѣетъ дѣло съ преступленіями. Школьникъ, къ которому пришлось-бы примѣнять карательный принципъ — пересталъ-бы быть школьникомъ и его мѣсто не въ школѣ, а въ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Съ этой точки зрѣнія смѣшеніе въ школьной дисциплинѣ двухъ противоположныхъ принциповъ оказывается непослѣдовательнымъ, а по результатамъ, къ которымъ оно можетъ привести — вреднымъ, а не полезнымъ. Все, что унижаетъ школу, все, что влонится къ подавленію достоинства личности, все, что отклоняется отъ облагораживающихъ средствъ нравственнаго вліянія, все, что не подымаетъ, а принижаетъ способности и чувства учениковъ — все, это перестаетъ быть средствами истиннаго нравственнаго ухода, которыя только одни и въ состояніи создать чувство чести, доблести и патриотизма. Приниженіе никогда не бывало школой благородства и человѣческаго достоинства. Эти истины на столько общезвѣстны и азбучны, что я прошу у читателя извиненія за ихъ повтореніе. Дай Богъ, чтобы слухъ, сообщаемый «Нов. Вр.», не оправдался. Желаю этого во имя блага и достоинства нашего общественнаго воспитанія.

Въ заключеніе сообщу еще одинъ нерадостный слухъ. Въ «Совр. Изв.» пишутъ, что въ Москвѣ, а въ «Русс. Кур.», что въ Варшавѣ, 24 августа, бывшій ученикъ IV гимназіи нанесъ своему преподавателю древнихъ языковъ оскорбленіе дѣйствіемъ. Генералъ-губернаторъ сослалъ ученика въ Туркестанъ, въ солдаты. Насколько этотъ слухъ вѣренъ — неизвѣстно; но если онъ оправдается, то впечатлѣніе его на общество будетъ несомнѣнно удручающее.

Н. В.

Еще пропунциаменто въ Испаніи.

I.

Недавнія событія въ Испаніи снова обратили вниманіе европейской публики на страну, о которой всѣ забыли за послѣдніе годы. Событія эти вызвали глубокое удивленіе повсюду, начиная отъ полиціи города Бадохоса и кончая нами, обыкновенными смертными. Казалось, что спокойствіе, выпавшее на долю царствованія короля Альфонса, должно было продолжаться вѣчно: въ особенности-же казалось, что эра военныхъ пропунциаменто завершилась навсегда.

Какимъ-же образомъ подобная увѣренность могла быть такъ жестоко и неожиданно опровергнута? Для разьясненія этого вопроса, необходимо разсмотрѣть настоящее положеніе объекта кризиса и оглянуться назадъ, на его исторію. Мы не имѣемъ намѣренія пересказывать здѣсь всѣ кризисы, которые пришлось испытать занимающей насъ странѣ; мы умолчимъ о неудачахъ Изабеллы и приключеніяхъ Прима; мы оставимъ въ сторонѣ республиканскіе опыты господъ Кастаньяра, Рюиса Зорильи и Пи-и-Маргала, равно какъ и другой, болѣе странный, экспериментъ съ избирательной монархіей, въ лицѣ Амедея Савойскаго, въ 1872 году. Кантональное движеніе 1873 года, ознаменованное блестящей защитой Каррагена, по многимъ соображеніямъ, также не можетъ остановить на себѣ наше вниманіе болѣе остальныхъ. Оставимъ Павіа съ его *суп д'Etat*, направленнымъ противъ національнаго представительства, и Мартинеца Кампоса, устроивающаго сагунтскій пропунциаменто въ 1874 г. Здѣсь мы могли-бы остановиться, такъ какъ подходимъ къ возникновенію новой монархіи.

Небольшая эскадра, отправившаяся за Альфонсомъ во французскій портъ, быстро поворачиваетъ къ Валенціи, и юный король, ступивъ на набережную Эль Грао, находитъ тамъ генераловъ: Кампоса, Дабона и Жовеллара, которые, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, выказались въ его пользу, во главѣ своихъ войскъ.

Такимъ образомъ долгій революціонный періодъ, начавшійся изгнаніемъ Бурбоновъ, въ лицѣ тучной Изабеллы, привелъ къ возвращенію тѣхъ-же Бурбоновъ, въ лицѣ маленькаго Альфонса, и бесспорно любопытное зрѣлище должна была представлять толпа, наполнявшая улицы Валенціи и привѣтствовавшая сына съ такимъ-же пламеннымъ увлеченіемъ, съ какимъ осыпала оскорбленіями его мать, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Но испанецъ не злопаметенъ; быстро забывая и быстро воспламеняясь, онъ-бы согласился принять снова и Изабеллу, еслибы она была помоложе и болѣе привлекательна. Какъ-бы тамъ ни было, бурбонская династія восстановлена на престолѣ, и ребенку, по имени Альфонсу XII, поручено доставить народу своему правительство, согласное съ его пожеланіями, или, хорошее государственное устройство.

Это дѣло вообще нелегкое, но въ особенности не легко оно, повидимому, въ Испаніи. Въ этой странѣ существуетъ сказаніе, сохранившееся въ крестьянской средѣ и поучительное для всѣхъ. На тѣму этой легенды написанъ даже романсъ, который, къ удивленію моему, пришлось мнѣ встрѣтить въ одной изъ русскихъ газетъ.

Дѣло въ томъ, что Творецъ, благой во всѣхъ дѣлахъ своихъ, даровалъ Испаніи всѣ блага земныя. Болѣе щедрый для нея, чѣмъ для какой-бы то ни было страны, онъ далъ ей чудное солнце и прекраснѣйшій климатъ, восхитительныхъ женщинъ и прелестные цвѣты, сочные плоды, богатѣйшую и разнообразнѣйшую флору и фауну... все, все, кромѣ хорошаго правительства.

И вотъ почему послѣ Каломарда, Лойолы, Лермы и столь многихъ другихъ правительственныхъ бичей, родина Сида претерпѣла полную серію Нарваэзовъ, Гонзалесовъ, Браво, Кановасовъ; можно бы прибавить сюда и Кастелляра, нерѣшительность и безхарактерность котораго имѣли для его отечества послѣдствія столь-же прискорбныя какъ и реакціонная свирѣпость предшественниковъ.

Итакъ, мы имѣли основаніе замѣтить, что болѣе чѣмъ гдѣ-бы то ни было, задача, предстоявшая сыну Изабеллы, была преисполнена трудностей, и если принять къ тому-же въ соображеніе дѣтскій возрастъ его, то критика не можетъ не быть снисходительной.

Поэтому мы не будемъ строги къ началу царствованія Альфонса и охотно дадимъ ему время, потребное для пріобрѣтенія необходимой опытности и пополненія недостаточнаго образованія.

Перенесемся, семь лѣтъ спустя, къ началу 1881 года. Въ это время правительственныя намѣренія его начинаютъ выясняться.

Въ февралѣ этого года, испанская демократія привѣтствовала водвореніе либеральнаго кабинета и возрожденіе общественныхъ вольностей. Составъ кабинета, правда, могъ показаться нѣсколько страннымъ и нѣкоторое несообразное сочетаніе именъ давало не особенно благоприятное понятіе объ его однородности. Неудивительно, поэтому, что нѣкоторыя газеты доставили себѣ, по этому поводу, удовольствіе привести документъ, въ которомъ имена Сагасты, президента совѣта министровъ, и военнаго министра, Мартинца-Кампоса, страннымъ образомъ стояли рядомъ. Вотъ выдержка изъ документа.

«Въ ту самую минуту, когда глава государства (Серрано) приводилъ въ движеніе сѣверную армію, съ цѣлью дать рѣшительное сраженіе карлистамъ, группа солдатъ центральной арміи, подъ начальствомъ Мартинца Кампоса и Жовеллара, подняла въ глазахъ непріятели мятежное знамя Дона-Альфонса Бурбонскаго и т. д. Подписано: *Матео Сагаста* и тогдашнее правительство». Семь лѣтъ спустя, мятежное знамя Альфонса Бурбонскаго сдѣлалось законнымъ знаменемъ и тому-же Сагастѣ приходилось защищать его, при содѣйствіи того-же Мартинца Кампоса. Общественное мнѣніе не остановилось на этихъ мелочныхъ соображеніяхъ. Оно было благодарно королю за то, что онъ обратился къ знанію и либерализму бывшихъ противниковъ и поручилъ одному изъ нихъ управленіе государствомъ.

Событіе это было тѣмъ болѣе кстати, что дѣло происходило наканунѣ общихъ выборовъ и что первыя дѣйствія новаго кабинета должны были имѣть предметомъ облегченіе проявленія общественнаго мнѣнія. Слѣдовательно, впервые, послѣ реставраціи, демократія могла сравнительно свободно возвысить свой голосъ. Печати не придется страшиться суровости специальныхъ законовъ, созданныхъ правительствомъ гг. Кановаса и Ромеро Робледо; демократическія собранія и юнты будутъ имѣть возможность готовить муниципальные и политическіе выборы на всемъ протяженіи страны, точно также, какъ клубамъ и банкетамъ нечего будетъ опасаться вмѣшательства полицейскихъ комиссаровъ.

И дѣйствительно, Сагаста такъ мало мѣшалъ приготовленіямъ и пропагандѣ демократіи, что пресловутая облава, направленная противъ митинговъ и банкетовъ въ концѣ правленія Кановаса, безшумно угасла.

Въ теченіи всего этого года (1881) не было произведено ни одного ареста, никакихъ преслѣдованій противъ республиканцевъ и кабинетъ отворилъ двери родины изгнанникамъ, такъ что если гг. Сальмеронъ и Рюисъ Зорилья продолжали проживать на чуж-

бинѣ, то единственно въ силу собственнаго желанія и въ видѣ протеста, какъ-то сдѣлано было и Викторомъ Гюго въ царствованіе Наполеона III.

Съ своей стороны и демократія успѣшила воспользоваться свободой дѣйствій, которую ей предоставляли. Во время выборовъ Пи-и-Маргаль былъ единственнымъ представителемъ вліятельной группы, высказавшимся за воздержаніе отъ подачи голосовъ, и слѣдуетъ замѣтить, что рѣшеніе его не лишено было вѣскихъ основаній. Будучи представителемъ народныхъ массъ, въ особенности же въ большихъ городахъ, оставшихся вѣрными федералистскому идеалу, выразителемъ той рабочей и контональной демократіи, которая побѣждена была въ 1873 и 1874 г., Маргаль указывалъ на то, что упраздненіе всеобщей подачи голосовъ, очищеніе избирательныхъ списковъ Ромео Робледо и крайне огривиченнымъ ценомъ, дѣлали борьбу невозможною для федералистовъ, которые, располагали, быть можетъ, наибольшимъ количествомъ республиканскихъ сторонниковъ на всемъ полуостровѣ. Всѣ прочіе отѣнки демократіи не уклонились отъ выборовъ, такъ что въ числѣ кандидатовъ и избранниковъ ограниченной подачи голосовъ оказались сенаторы и депутаты изъ учениковъ и друзей гг. Рюиса Зорильи и Сальмерона. Еще немного и даже для послѣдняго явилась-бы возможность засѣдать въ новомъ собраніи, потому что онъ получилъ около 9,600 голосовъ, а десяти тысячъ было-бы достаточно для того, чтобы конгрессъ открылъ ему свои двери.

Могло-ли, однако, министерство Сагасты надѣяться на сплоченіе вокругъ себя различныхъ фракцій испанской демократіи и на обезоруженіе самыхъ враждебныхъ монархіи элементовъ? Очевидно нѣтъ. Но несомнѣнно было и то, что въ средѣ этихъ элементовъ произойдетъ важная перемѣна въ направленіи, въ силу того факта, что они призваны къ гражданской и политической жизни. Люди энергичные и честолюбивые, не находившіе до тѣхъ поръ иного исхода, кромѣ заговоровъ и мятежей, революціонныхъ происковъ и новыхъ пронунациamento, найдутъ теперь въ легальной борьбѣ нормальный и свободный исходъ. Это и должно было породить значительное измѣненіе въ нравахъ демократической партіи и привести къ новому способу группировки составляющихъ ее элементовъ.

Первые признаки новаго положенія проявились на собраніи въ Біаррицѣ, гдѣ предсѣдательствовала Зорилья. Бывшій членъ временнаго правительства собралъ вокругъ себя, на виллѣ Беккера, вождей прогрессистской демократической партіи, и здѣсь оказа-

лось нѣкоторое разногласіе въ воззрѣніяхъ на способы дѣйствія и тактику, которой слѣдовало держаться относительно правительства, во главѣ котораго стоялъ Сагаста. Между тѣмъ какъ Монтеро Ріосъ и Мартосъ выказывали желаніе стать на почву чисто демократической оппозиціи, можно было замѣтить, что Зорилья и Сальмеронъ лишь изъ уваженія къ товарищамъ дѣлали уступки въ пользу примиряющихъ идей и умѣренности, и, можетъ быть, желаніе видѣть представителей своей группы въ кортесахъ было главнымъ побудительнымъ мотивомъ, заставившимъ этихъ послѣднихъ допустить полную свободу дѣйствій своихъ сторонниковъ во время сентябрьскихъ выборовъ. Зорилья подчеркнул свое отношеніе къ существующему положенію вещей, издавъ манифестъ, указывавшій на конституцію 1869 года и на несовмѣстимость этой конституціи и монархіи. Бесѣдуя съ посѣтившимъ его въ это время иностраннымъ корреспондентомъ, онъ категорически заявилъ ему слѣдующее: «Никогда не измѣняли формы учрежденій медленнымъ и мирнымъ путемъ, о которомъ мечтаетъ Каstellяръ; республики добиваются инымъ путемъ. Въ Испаніи армія есть необходимый факторъ и рано или поздно армія придетъ въ движеніе». Такимъ образомъ, справедливо, нѣтъ-ли, Зорилья оставался убѣжденнымъ, что недовольные элементы въ войскахъ способны еще на увлеченія. охватившія вслѣдъ за Примомъ, Риверо и Эспартеро поколѣнія 1854 и 1868 г. Напротивъ того, Мартосъ, Монтеро Ріосъ, Этсгаръ, которые, избѣжавъ изгнанія, раздѣлили колебанія общественнаго мнѣнія и заразились скептицизмомъ, смотрѣли на прежніе способы, какъ на устарѣвшіе и не достигающіе цѣли, хотя сами отстаивали ихъ пять лѣтъ назадъ, возражая Каstellяру.

Такая двойственность въ воззрѣніяхъ, первые симптомы которой проявились на біаррицкомъ совѣщаніи, не могла не усилиться съ теченіемъ времени. Къ концу года она уже превратилась въ полный разрывъ.

Вокругъ гг. Зорильи, Сальмерона, Адкаррате и Фигуэролы сгруппировались непримиримые, объявляя открытую войну кабинету и подтверждая свое намѣреніе и въ парламентѣ и всѣми другими средствами бороться за свой идеаль. Они склонялись даже въ пользу союза съ федералистами и социалистами, не желая лишать себя поддержки, которую социализмъ могъ доставить имъ въ большихъ городахъ и въ средѣ рабочаго класса. Съ своей стороны, Мартосъ, Этсгаръ и Монтеро Ріосъ объявили, что отдѣляются отъ прежнихъ товарищей и отказываются вступать

въ прямой или косвенный союзъ, также заключить сдѣлку съ социализмомъ или федерализмомъ 1873 года.

Въ описываемый моментъ своей эволюціи, испанская демократія представляла слѣдующія группы: въ авангардѣ — Маргаль и Фигуерось со своими народными и федералистскими массами; далѣе Зорилья и Сальмеронъ — представители непримиримой республики. Въ центрѣ, отпавшіе: Мартось и Монтеро Риось, отщепенцы радикализма, какъ они сами себя называли; далѣе идутъ династическіе либералы, съ генералами Серрано и Лопезъ Домингесъ во главѣ, и династическіе демократы, подъ предводительствомъ Морэ. Въ аррьергардѣ видимъ колеблющихся, каковы: Карваіоль, Полонкось, Гарція Рюизъ. Наконецъ, Кастелляръ и его сторонники, которыхъ трудно классифицировать, такъ какъ, принявъ наименованіе POSSИБИЛИСТОВЪ, они драпируются теперь въ титулъ историческихъ республиканцевъ, титулъ тѣмъ менѣе заслуженный, что имъ-то именно и обязаны неудачною попыткою демократической монархіи съ Амедеемъ Савойскимъ въ 1872 году.

Подобно тому какъ двѣ первыя группы вполнѣ готовы были слиться, такъ точно слѣдующія отдѣлялись другъ отъ друга лишь оттѣнками и вопросами личнаго свойства. Всего правильнѣе было бы назвать ихъ оппортунистами. Всѣ, начиная Кастелларомъ и кончая Мартосомъ, связаны общимъ чувствомъ доброжелательства къ кабинету, а равно и ненавистью къ социализму и федерализму.

Съ одной стороны, Мартось полагалъ, что можетъ сдѣлаться точкою соединенія всѣхъ остальныхъ элементовъ. Съ другой — Морэ побуждалъ бывшихъ товарищей обратиться къ нему. Наконецъ, пришли къ соглашенію, и въ слѣдующемъ году мы узнали, что образовалась большая партія подъ именемъ династической лѣвой или либеральной лѣвой. Но главою былъ выбранъ не Мартось и не Морэ, а маршалъ Серрано, герцогъ де-ла-Торре, прославившійся многочисленными пронунциаменто и, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, обладающій еще всѣми честолюбивыми аппетитами молодости.

Новая партія объявляла о своей готовности стать у кормила, если Альфонсъ XII согласится сдѣлать опытъ демократической политики, или-же въ томъ, болѣе правдоподобномъ случаѣ, если Сагаста разстанется когда-нибудь съ гг. Мартинецомъ Кампосомъ Вега Армійо, Алонзо Мартинецомъ, — однимъ словомъ, со своими консервативными союзниками. Относительно программы, къ тому-же, были-бы весьма сговорчивы. Конституціи 1869 года потребовали-бы лишь съ такими сокращеніями, что она ничѣмъ-бы не была лучше или хуже конституціи 1876 года.

Формула была уже найдена: «Ни верховной власти націи, ни народнаго права; монархія, основанная на божественномъ правѣ, какъ и прежде. Сверхъ того, королю предоставляется право распускать кортесы, когда онъ найдетъ то своевременнымъ».

Только что указанная нами эволюція и образованіе новой партіи были для Сагасты явною побѣдою. Отнынѣ, консервативные элементы, съ которыми ему приходилось ладить, вслѣдствіе ихъ вліянія при дворѣ, не могли не понять, что при первомъ нарушении дисциплины нетрудно будетъ найти имъ преемниковъ. Престижъ кабинета значительно усилился, и этотъ моментъ можетъ считаться апогеемъ министерства Сагасты, а также и альфонсистской монархіи.

II.

Оперевшись на прочное большинство и обезпечивъ себѣ долгое существованіе, министерство Сагасты получило возможность и досугъ работать надъ утвержденіемъ монархіи и возрожденіемъ отечества. Экономическія преобразованія прежде всего требовали вниманія кабинета. Министръ финансовъ Камахо явился съ цѣлымъ планомъ, который, по его мнѣнію, долженъ доставить Испаніи невѣдомое ей доселѣ экономическое благоденствіе.

Предлагалась конверсія долга, концессіи на желѣзнодорожныя вѣтви и субсидія имъ, уплата процентовъ, сроки которымъ вышли, заключеніе торговыхъ договоровъ и проч. Какъ видимъ, проектъ былъ обширенъ и блестящъ, по крайней мѣрѣ на бумагѣ. Къ несчастію, въ Испаніи существуютъ нѣкоторыя злоупотребленія, съ искорененія которыхъ слѣдовало начать, подъ страхомъ неудачи всѣхъ самыхъ мудрыхъ финансовыхъ мѣрѣ.

Прежде всего укажу на взяточничество. Конечно, оно существуетъ вездѣ, но оно достигло геркулесовыхъ столбовъ въ Испаніи. Для примѣра возьмемъ конверсію испанскаго долга. Эта операція обошлась не менѣе какъ въ 7.200,000 реаловъ. Около двухъ милліоновъ франковъ дало правительство «на водку» нѣсколькимъ агентамъ. Но, возразятъ на это, надобно-же было поднять кредитъ, произвести «повышеніе», во что-бы то ни стало, на нѣкоторое время. Операція эта, однако, оказалась до такой степени скандальной, что синдикальный комитетъ общества маклеровъ, немедленно подалъ въ отставку, говоря, что не желаетъ быть «сообщникомъ такого злоупотребленія, въ ущербъ казны». Что касается повышенія курса, то усилія оказались напрасными и привели къ громадному краху во всемъ финансовомъ мѣрѣ.

Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ — другое не менѣе прискорбное злоупотребленіе: если дѣло идетъ о дарованіи концессіи, ее получаетъ всегда спекулянтъ, а не солидная компанія. Ни одна концессія не дается непосредственно обществу, которое должно заняться эксплуатаціей: концессіонеры — счастливые посредники, покровительствуемые или вліятельными дамами, или тузами политическаго міра.

Въ дѣлѣ государственной смѣты, единственныя, открытыя наукой основанія заключаются въ бережливости и еще въ бережливости. Необходимость экономіи въ дворцовыхъ расходахъ бросается въ глаза всякому. Но король молодъ, ему надо веселиться, онъ любить путешествія, празднества, народныя спектакли, конскія скачки. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ памятниковъ его царствованія будетъ постройка въ Мадридѣ ипподрома.

Есть у короля и другое, болѣе дорогое пристрастіе: онъ желаетъ имѣть прекрасную армію, многочисленную, горящую золотомъ по всѣмъ швамъ, съ касками въ прусскомъ вкусѣ и перьями на ихъ оконечностяхъ; онъ хочетъ также имѣть большія пушки, настоящія крупновскія пушки, самыя толстыя, которыя только можно найти. 200,000 человекъ и 126 милліоновъ франковъ, — вотъ бездѣлица, которую ему преподнесутъ въ видѣ рождественскаго подарка. Чтобы имѣть возможность завести дорогія игрушки, таможенный персоналъ и школьные учителя должны будутъ мереть съ голода, такъ-какъ они по два, по три года не получаютъ жалованья; учителямъ придется закрыть школы и просить на хлѣбъ, съ мандолиною въ рукѣ, между тѣмъ какъ таможенные чиновники, примѣняя свою профессиональную ловкость, могутъ очищать чемоданы на желѣзныхъ дорогахъ, какъ мы то и видѣли на-дняхъ.

А между тѣмъ въ кофейняхъ, въ Буэнь Ретиро, въ клубахъ только и рѣчи, что о безумныхъ тратахъ и розданныхъ могорычахъ. Но надъ этимъ смѣются, чувствуютъ себя какъ-бы польщенными такою расточительностью: чѣмъ крупнѣе цифра, тѣмъ болѣе щекочетъ она національный инстинктъ. И поютъ о чести и славѣ быть испанцемъ. И въ самомъ дѣлѣ, говорить серьезно о государственной смѣтѣ подъ самымъ голубымъ изъ небесъ, самымъ чуднымъ солнцемъ! Вѣдь это значало-бы наносить оскорбленіе самому Всевышнему, создавшему испанца для безопасности и счастья. Итакъ, да здравствуетъ родина кастаньетовъ!

Фланировать по Буэнь-Ретиро, играть на гитарѣ на мадридскихъ и севильскихъ улицахъ, при лунномъ свѣтѣ; пѣть мелодическія серенады, съ аккомпаниментомъ мандолины въ старинныхъ мавританскихъ переулкахъ безсмертной Кордовы, затѣмъ курить

сигару и выпивать стаканъ свѣжей воды для охлажденія сердца, зажженного искрою черныхъ зрачковъ,—вотъ настоящая жизнь въ этой любимой небомъ странѣ; остальное—политика, бюджетъ и желѣзныя дороги—все это вещи второстепенныя, такъ сказать придаточныя: это предлогъ для разговоровъ, для остроумныхъ замѣчаній. И только.

Такъ все и идетъ до того дня, когда приходится платить. Тогда, если денегъ нѣтъ въ карманѣ, какъ быть? Чортъ возьми! Надо бунтовать, какъ-же иначе... Такъ именно и случилось въ прошедшемъ году. Экономическія преобразованія министра Камахо привели въ концѣ-концовъ къ увеличенію прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, и плательщики заволновались. Послѣ цѣлаго ряда собраній, центральный мадридскій синдикатъ (искусствъ, промышленности и торговли) рѣшилъ категорически отказать въ уплатѣ налога и закрыть магазины, рудники и мануфактуры, если ихъ требованія не будутъ приняты въ соображеніе. Различныя промышленныя комитеты въ Барселонѣ, Валенціи и другихъ городахъ присоединились къ мадридскому комитету и приняли его рѣшенія. Въ Валенціи, напримѣръ, болѣе двухъ тысячъ делегатовъ изъ всѣхъ провинціальныхъ городовъ, представляющихъ различныя торговыя и промышленныя корпораціи, собрались въ большой залѣ тамошняго университета и, послѣ обсуждения, вотировали, между прочимъ, слѣдующія резолюціи: назначить общій синдикатъ для торговли, промышленности, искусствъ, ремеслъ и профессій всей провинціи; благодарить мадридскій синдикатъ за починъ, имъ на себя взятый; присоединиться ко всѣмъ его рѣшеніямъ и увѣрить его въ безусловномъ содѣйствіи; дать общему синдикату полномочіе для сношеній съ мадридскимъ и съ синдикатами другихъ провинцій, въ видахъ учрежденія національнаго синдиката, при помощи назначенія делегатовъ, представляющихъ всякаго рода интересы. Такой синдикатъ долженъ былъ потребовать отъ правительства участія въ составленіи законовъ и регламентовъ, касающихся сбора податей; потребовать отъ правительства отсрочки новыхъ правилъ, предлагая платить пока по старымъ правиламъ и терпѣливо переносить всякія процедуры, требованія и описи имущества: отказаться платить новыя добавленія къ налогу, въ томъ случаѣ, если правительство не пожелаетъ пойти на сдѣлку.

Сходныя съ этимъ рѣшенія были приняты повсюду; телеграммы и письма съ обѣщаніями поддержки и содѣйствія получались мадридскимъ центральнымъ синдикатомъ со всѣхъ концовъ Испаніи.

Заручившись такою поддержкою и временнымъ довѣритель-

ствомъ, мадридскій синдикатъ, получивъ отъ правительства отказъ на свои требованія, рѣшилъ просить аудіенціи у Альфонса XII. Въ циркулярѣ синдиката передаются подробности этого свиданія комисіи съ королемъ и королевою. Изложивъ глубокое разстройство и волненіе, порожденныя въ странѣ новыми правилами о налогахъ, предсѣдатель комисіи Мальтрона прибавилъ: «Два милліона купцовъ и промышленниковъ единодушно протестуютъ противъ новыхъ правилъ и чрезъ посредство делегаціи нашей просятъ, чтобы въ дѣлѣ, гдѣ, во избѣжаніе важнаго столкновенія, необходимо выбирать между двумя милліонами плательщиковъ и однимъ министромъ, ваше величество, не колеблясь, пожертвовали-бы министромъ, а если окажется нужнымъ, то и цѣлымъ кабинетомъ». Король отвѣчалъ, что Камахо—великій экономистъ, и что вычисленіе сдѣлано имъ наилучшимъ образомъ. На это Мальтрона отвѣчалъ, что два милліона купцовъ и промышленниковъ также не могутъ ошибиться и знакомы со своими интересами ближе, чѣмъ министръ финансовъ. Въ заключеніе, не получивъ никакого удовлетворительнаго отвѣта, синдикатъ рѣшилъ отказаться отъ платежа налоговъ.

Правительство попыталось прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, но ему не удалось утратить населенія. За исключеніемъ небольшого числа преданныхъ правительству лицъ и нѣсколькихъ боязливыхъ людей, громадное большинство плательщиковъ продолжало отказываться въ платежѣ налога. Во многихъ городахъ всѣ магазины были закрыты въ одинъ и тотъ-же день. Когда сборщики попробовали приступить къ исполненію своихъ обязанностей, волненіе только усилилось. Большею частью жители заперли дома и квартиры и отправились на улицу. Правительственнымъ агентамъ, подъ прикрытіемъ жандармеріи, удалось, правда, заставить открыть нѣкоторые магазины, но вскорѣ вслѣдъ затѣмъ проходили патрули изъ рабочихъ и фабрикантовъ и требовали, чтобы купцы закрыли свои лавки. «Барцелоно, рассказываетъ очевидецъ, — имѣла видъ мрачный, погребальный: фабрики, магазины были закрыты, улицы переполнены толпами народа, предмѣстья волновались. Рабочіе ходили по городу, кричали: «да здравствуетъ республика!» — падали на оставшіеся открытыми магазины, бросались на авенюныя зданія и разрушали ихъ. Въ Рейсѣ, Тарасонѣ, Валенціи, въ Андалузіи происходили подобныя-же волненія и беспорядки. Была пролита кровь, и не въ одномъ мѣстѣ. Вмѣшалось войско и стало стрѣлять по бунтовщикамъ».

Спрошенное кортесами правительство объявило, что оно рѣшило подавить стачку плательщиковъ силою. Президентъ совѣта

объявилъ парламенту, что: «они всё заплатятъ». А пока муниципальные совѣты выходили въ отставку en masse, чтобы не брать на себя взиманія косвенныхъ налоговъ. Сообщаютъ комическую подробность: одинъ изъ совѣтовъ, именно сагунтскій, исчезъ въ полномъ составѣ, такъ что въ теченіи нѣсколькихъ дней ничего не знали объ его мѣстопребываніи.

Положеніе усложнено было еще двумя фактами: бунтами голодныхъ крестьянъ въ Андалузій и франкоиспанскимъ торговымъ договоромъ, окончательно взволновавшимъ Каталонію. Пониженіе таксы на ввозимое изъ Франціи вино было сочтено всѣмъ краемъ за причину полного и неизбѣжнаго разоренія. Какъ только получено было извѣстіе объ этомъ, всё начинавшіе открываться магазины и заводы снова закрылись.

Чтобы прекратить такое положеніе дѣлъ, правительство объявило осадное положеніе. Мѣра эта, по всѣмъ видимостямъ, оказалась недостаточною, такъ какъ, послѣ шести недѣль осаднаго положенія, Каталонія, гдѣ сосредоточены были громадныя военныя силы, продолжала волноваться какъ и въ первый день, вопреки официальнымъ увѣреніямъ. Движеніе началось въ концѣ марта; въ половинѣ-же мая вотъ какое зрѣлище представляла Барселона: толпы манифестантовъ, съ черными знаменами во главѣ, ходили по городскимъ улицамъ; окна и балконы многихъ домовъ были обтянуты трауромъ; закрытые заводы также приняли черное знамя съ девизомъ: «Трауръ національной промышленности»; каждый день происходили столкновения между плательщиками и сборщиками податей; жандармовъ, которые ихъ конвоировали, разгоняли камнями и палками. Наконецъ, повсюду аресты, описи, повсюду волненія и борьба.

Въ Андалузій положеніе вещей еще серьезнѣе. Тысячи рабочихъ бродятъ по выжженнымъ засухой полямъ, требуя «работы и хлѣба». Госпитали въ нѣкоторыхъ городахъ переполнены жертвами голоднаго тифа; женщины и дѣти мрутъ отъ голода. Въ другихъ городахъ муниципалитеты приказали горожанамъ помѣщать крестьянъ у себя на квартирахъ и кормить ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приходилось по 3 и по 4 крестьянина на одного городского жителя.

Здѣсь также правительство, вмѣсто того, чтобы присоединиться къ великодушнымъ мѣрамъ муниципалитетовъ, прибѣгло къ суровымъ мѣрамъ. Въ одномъ изъ испанскихъ городовъ войска стрѣляли по толпѣ нищихъ, причемъ было убито и ранено нѣсколько женщинъ и дѣтей, просившихъ помощи у властей.

Таково промышленное и земледѣльческое положеніе одной изъ богатѣйшихъ странъ Европы.

Видя, что ни угрозы, ни жандармерія, ни осадное положеніе не могли значительно измѣнить положенія вещей, Сагаста кончилъ тѣмъ, съ чего долженъ былъ начать. Онъ ступилъ, относительно плательщиковъ, на путь уступокъ, и стачка мало-по-малу утихла. Относительно голодающихъ андалузскихъ крестьянъ, правительство также объявило, что готово придти къ нимъ на помощь. Былъ обѣщанъ внутренній заемъ въ ихъ пользу, общественныя сооруженія для доставленія заработковъ, обѣщаны были и законы для ослабленія ужасающей прогрессіи выселеній. Но обѣщать и сдерживать слово—не одно и то-же. Внутренній заемъ! Только это еще не доставало въ финансовомъ проектѣ Камахо.

III.

По мѣрѣ возникновенія новыхъ затрудненій, характеръ Сагасты ожесточался все болѣе и болѣе, и равновѣсіе его правительственныхъ способностей видимо начинало колебаться.

Хладнокровіе—важнѣйшее свойство для государственнаго чловека, такъ какъ только оно способно дать отпоръ многочисленнымъ и вообще неприятнымъ впечатлѣніямъ, получаемымъ имъ со всѣхъ сторонъ. Отнимите хладнокровіе—и останется одно дурное расположеніе духа.

Сагаста долго противился, но настала и его часть, какъ-то ясно видно изъ измѣнившагося отношенія его къ политическимъ партіямъ. Этотъ министръ, выказывавшій вначалѣ примирющія стремленія и умѣренность, забылъ это доброе начало и увидѣлъ въ своихъ противникахъ лишь предметы, на которыхъ можно срывать досаду. Такимъ-то образомъ наступалъ конецъ періоду мира и спокойствія, только что пройденному республиканскою партією, и новая эра преслѣдованій открылась. Тѣмъ временемъ, не покидая легальной почвы, приверженцы Зорильи и Сальмерона не оставались въ бездѣйствіи. Цѣлью ихъ стараній было объединеніе различныхъ оттѣнковъ республиканской демократіи въ видахъ сосредоточенія силъ, что дало-бы возможность энергическаго и успѣшнаго дѣйствія. Непосредственно послѣ выборовъ они основали въ Мадридѣ общество, гдѣ читались научныя и политическія лекціи и которое имѣло въ виду союзъ республиканцевъ всѣхъ оттѣнковъ. Уже съ самаго начала 1882 года союзъ этотъ если и не былъ еще совершившимся фактомъ, по крайней мѣрѣ былъ на пути къ осуществленію. Дѣло это нашло многочисленныхъ сторонниковъ, и подобныя-же общества образовались и во всѣхъ провинціяхъ. Подъ именемъ *коали-*

2411 (наименованіе, предполагающее, что каждая фракція сохраняет во всей неприкосновенности свою программу) всѣ фракціи выказали свою готовность къ сліянію и къ направленію усилий къ ближайшему результату, то-есть къ торжеству демократической республики, какъ-то видно изъ заявленія, напечатаннаго республиканскою печатью, а для того, чтобы для всѣхъ было ясно значеніе этого заявленія, всѣ республиканскія газеты напечатали его на первой страницѣ своихъ номеровъ за подписью редакторовъ или политическихъ администраторовъ. Вотъ заглавія этихъ газетъ: «La Discusion», «La America», «La prensa moderna», «Las Nacionalidadeo», «El Liberal», «El Patriota», «El Motin», «El Progreso», «El Voto nacional», «La Vanguardia», «El Parvenir»; всѣ одинадцать—столичныя республиканскія газеты. Можно замѣтить, что въ числѣ ихъ не находится «El Globo»,—органъ Кастелляра. Въ то-же время обратились съ призывомъ и къ провинціальной печати. На слѣдующій-же день около пятидесяти провинціальныхъ органовъ отвѣчали на призывъ столичныхъ товарищей. Рѣшено было учредить синдикатъ печати въ Мадридѣ и подкомитеты въ каждой провинціи. Впрочемъ, повсюду рѣшено было не покидать почвы законности.

Предосторожность эта не защитила, однако-же, отъ ударовъ Сагасты. «El Parvenir», первый номеръ котораго былъ конфискованъ, подвергся, сверхъ того и судебному преслѣдованію, за напечатаніе писемъ, исходившихъ отъ Зорильи и Сальмерона. Та-же участь постигла и двѣ другія газеты: «El Voto Nacional» и «El Progreso».

Къ этимъ строгостямъ противъ печати прибавились и другія, болѣе знаменательныя и нарушавшія свободу выборовъ. Сагасту обвиняли въ томъ, что онъ пустилъ въ ходъ на нѣкоторыхъ муниципальных выборахъ, гдѣ опасались республиканскаго большинства, т. н. «partida de la barra», т. е. «палочную шайку», и не побрезговалъ услугами старинныхъ «sequestradores», то-есть специальной полиціи, составленной изъ самыхъ грязныхъ подонковъ общества. Послѣ всего этого, можно было спросить не вернутся-ли ко временамъ Ромеро-Робledo, который, при помощи штыковъ, завладѣвалъ избирательными урнами, чтобы, среди всеобщаго смятенія, положить въ нихъ консервативныя бюллетени, или-же спускалъ разсвирѣпѣвшихъ быковъ на улицы въ дни выборовъ, подъ предлогомъ національнаго увеселенія, на самомъ-же дѣлѣ для того, чтобы безпрепятственно совершать свои плутни, помѣшавъ избирателямъ выходить изъ домовъ.

Относительно социалистовъ Сагаста церемонился еще ме-

нѣе. Онѣ придумалъ противъ нихъ чернѣйшій изъ заговоровъ и взвалилъ на нихъ отвѣтственность за все зло. Такъ, въ мартѣ нынѣшняго года, Сагаста извѣстилъ насъ телеграфнымъ путемъ о важномъ открытіи новаго тайнаго общества, возникшаго на родинѣ андалузовъ и развѣтвленія котораго проникли во всѣ части Испаніи. Количество членовъ этого общества оставалось еще неизвѣстнымъ, но несомнѣнно обнаружено было, что оно воодушевлено самыми мрачными намѣреніями, на что, впрочемъ, указывало и его наименованіе: «*Mano Negra*» («Черная рука»). Имѣлись уже объ этой страшной ассоціаціи важныя свѣдѣнія. Между прочимъ, извѣстно было, что она состояла изъ трехъ элементовъ: 1) фанатки или иллюминаты, всѣ тѣ, кто требуетъ преобразованія испанскихъ учреждений, всѣ нетерпѣливые, воображеніе которыхъ воспламеняется страстными рѣчами, произносимыми на интернаціоналистскихъ собраніяхъ и которые ищутъ рѣшенія вопроса о пауперизмѣ въ ниспроверженія общественнаго строя и въ уничтоженіи, путемъ насилія, всего правительственнаго и административнаго механизма 2) рецидивисты, бродяги, бѣглецы преступники, которые составляютъ дѣйствующую часть общества и являются обычными исполнителями смертныхъ приговоровъ, постановляемыхъ тайнымъ комитетомъ. 3) Труссы, сумазброды и всѣ, кого толкаетъ въ ряды общества страхъ преслѣдованія...»

Въ числѣ драгоценныхъ документовъ, которыми удалось овладѣть правительству, находится также и уставъ общества. Въ этомъ уставѣ организаторы «Черной Руки» объявляютъ, что имѣютъ цѣлью защищать бѣдныхъ и угнетенныхъ противъ тѣхъ, кто ихъ угнетаетъ и эксплуатируетъ, противъ воровъ и палачей. «Земля, прибавляютъ они,—существуетъ для общаго блага всѣхъ людей, которые имѣютъ равныя права на обладаніе ею. Настоящее социальное устройство негѣпо и преступно: рабочіе производятъ богатства, а богатые бездѣльники держатъ ихъ въ своихъ когтяхъ; поэтому нельзя не питать глубокой ненависти противъ всѣхъ политическихъ партій, потому что всѣ онѣ равно достойны презрѣнія; всякая собственность, пріобрѣтенная путемъ чужаго труда, незаконна, происходитъ-ли она изъ ренты или процента съ капитала; законна только та собственность, которая имѣетъ источникомъ личный трудъ, непосредственный и полезный. Слѣдовательно, общество объявляетъ богатыхъ виѣ закона; оно провозглашаетъ, что для борьбы противъ нихъ позволительны всякія средства, не исключая огня, меча, яда и прочаго».

Органическая часть устава отличается краткостью и энергич-

ностью. Общая санкція рѣшеній общества—смертная казнь. Нечего и говорить, что общество тайное. Если кто, по неосторожности или злему умыслу, разоблачитъ извѣстныя ему дѣла общества, то онъ будетъ оставленъ въ подозрѣніи на неопредѣленное время или-же наказанъ смертю, смотря по важности того, что онъ обнаружилъ. Всякая миссія, порученная члену общества—обязательна. Уклоненіе отъ исполненія считается предательствомъ. Члены обязаны скрывать свою принадлежность къ обществу и свое сочувствіе къ нему предъ посторонними. Каждый желающій вступить въ общество подвергается сперва испытанію; онъ долженъ доставить несомнѣнныя доказательства своей искренности. Избраніе происходитъ не иначе, какъ путемъ единогласнаго рѣшенія. Каждый членъ платитъ взносъ въ размѣрѣ 5 сантимовъ въ недѣлю, на покрытіе издержекъ на корреспонденцію. Покрытіе непредвидѣнныхъ расходовъ производится по раскладкѣ. Каждый обязанъ поддерживать общество своею дѣятельностью; тотъ, кто воздержался-бы отъ постоянной дѣятельности, долженъ быть исключенъ изъ общества; онъ переходитъ подъ высшій надзоръ *народнаго трибунала* и при первомъ разоблаченіи подвергается смертной казни.

Никакія соображенія дружбы или личнаго родства не могутъ помѣшать приведенію въ исполненіе приговора. «Народному трибуналу» поручено карать преимущественно преступленія буржуазіи. На собраніяхъ, происходящихъ каждое первое число, дается отчетъ о возмездіяхъ, произведенныхъ каждымъ изъ членовъ, о преимуществахъ, представляемыхъ разными способами казни, о лучшихъ способахъ поджога, убійства, отравленія и вообще средствахъ причиненія убытковъ буржуазіи. Репрессалии должны производиться противъ имущества во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ невозможно добраться до лицъ.

Указываются различные способы сохраненія въ тайнѣ совѣщаній, рѣшеній и дѣйствій членовъ народнаго судилища. Они должны часто мѣнять имена, у нихъ имѣется шифръ для переписки и цѣлое уложеніе предосторожностей, гдѣ все предусмотрено, до малѣйшихъ подробностей.

Таковы указанія, которыя удалось собрать правительству о страшной ассоціаціи. Понятно послѣ того, какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе по всей Испаніи. Въ видахъ успокоенія умовъ, правительство объявило, что немедленно приняты были строгія мѣры и что власти дѣйствуютъ со всею возможною энергіей. Однако эти мѣры, повидимому, не успѣли устрашить виновныхъ. Преслѣдуемая со всею строгостью, во всѣхъ своихъ опе-

раціяхъ, «Черная Рука» не переставала дѣйствовать, и между тѣмъ какъ въ Хересѣ, Аркосѣ, Грацалемѣ и Мединѣ Сидоніи тюрьмы переполнялись арестантами, пожары продолжались, а съ ними и убійства, грабежи и разбой.

Во всемъ этомъ дѣйствительно любопытно только одно, а именно то, что правительство такъ сильно озаботилось всѣмъ этимъ. Никто не удивляется въ Испаніи подобнымъ дѣламъ. Родина Сиды можетъ быть названа нѣкоторымъ образомъ классическою страной разбойничества. Даже Италія не можетъ поспорить съ ней въ этомъ отношеніи. Во всѣ времена, и въ особенности въ Андалузіи, существовало цѣлое населеніе бродягъ, рецидивистовъ, контрабандистовъ. Большая часть изъ нихъ имѣла хорошихъ лошадей, оружіе, бойко и смѣло владѣла ножомъ. Объ этомъ предметѣ выпло недавно въ свѣтъ цѣлое сочиненіе, авторъ котораго Цугасти. Испанскіе разбойники обезпечены въ своей безнаказанности связями съ вліятельными людьми, пользующимися ими для своихъ личныхъ цѣлей, а именно—въ качествѣ избирательныхъ агентовъ, какъ мы видѣли выше. Сто разъ въ годъ приходилось видѣть, какъ эти разбойники похищаютъ какого-нибудь богатаго владѣльца данной мѣстности, требуютъ отъ другаго крупной суммы въ видѣ выкупа, провозятъ на глазахъ алькада громадныя количества табаку или контрабандныхъ товаровъ, смѣются надъ акцизомъ, являются пособниками въ дѣлахъ личной мести, нападаютъ на общественные экипажи и грабятъ пассажировъ, а затѣмъ прогуливаются преспокойно, пропивая въ тавернахъ награбленное золото. Они находятся въ наилучшихъ отношеніяхъ съ крупными собственниками или ихъ агентами. которыми общаются, во время выборовъ, проводятъ ихъ крестуръ въ муниципальные совѣты или въ кортесы. Благодаря также этой дружбѣ, землевладѣльцы постоянно держали въ зависимости властей разнаго ранга и въ свою очередь пользовались ими для грабежа и контрабанды. Наиболѣе значительныя злоупотребленія, отъ которыхъ пришлось терпѣть правительству въ Андалузіи, практиковались вообще въ крупныхъ имѣніяхъ, принадлежащихъ такимъ могущественнымъ людямъ, что представители фиска боялись дѣйствовать противъ нихъ, зная, что эти имѣнія оцѣнены совершенно непропорціоноально со своею дѣйствительною стоимостью.

Эти условія, кажущіяся намъ, иностранцамъ, нѣсколько ненормальными, перешли въ испанскіе нравы до такой степени, что до послѣдняго времени правительство не обращало на нихъ вниманія, какъ-бы не замѣчало ихъ. Пожары, грабежи, произвольные аресты, похищеніе домашнихъ животныхъ цѣлыми стадами, разнаго рода

браконьерство—все это ежедневно происходило на его глазах и не вызывало тревоги. Почему-же вчерашнее спокойствіе внезапно превратилось въ такой мрачный ужасъ? А потому, что само положеніе измѣнилось выступленіемъ на сцену новаго элемента, о которомъ до сихъ поръ не находили нужнымъ заботиться. Я разумѣю элементъ крестьянскій.

Извѣстно, въ какихъ условіяхъ находится поземельная собственность въ Андалузій. Земля—въ рукахъ правительства, корпорацій, крупныхъ владѣльцевъ, передающихъ ее изъ рода въ родъ со времени изгнанія мавровъ, или-же въ рукахъ богатыхъ людей, приобрѣвшихъ ее во время продажи монастырскихъ и общинныхъ имуществъ въ 1866 г., и эти обширныя владѣнія эксплуатируются агентами, арендаторами, мажордомами, посредниками между господиномъ и массою поселенцевъ и крестьянъ. Исключая горныя мѣстности, изобилующія рудниками, и на виноградникахъ самыхъ плодородныхъ пунктовъ, въ андалузскихъ провинціяхъ идетъ обширная эксплуатація крестьянина, получающаго крайне скудную заработную плату которая подвергается внезапнымъ колебаніямъ, смотря по результатамъ жатвы. Эти крестьяне рѣдко владѣютъ клочкомъ земли, живутъ въ жалкихъ хижинахъ не имѣютъ ни скота, ни домашней птицы въ видѣ подспорья для голодныхъ годовъ. Разсѣянные по довольно обширному пространству, эти люди живутъ на подобіе дикарей.

Въ окрестностяхъ Хереса, напримѣръ, нерѣдко случается, что никто не заноситъ ни въ метрическую, ни въ церковную книгу рожденія, браки и кончины. Цѣлыя деревни живутъ въ такихъ условіяхъ. Однимъ словомъ, это уже не люди, а рабочій скотъ, выдрессированный для эксплуатаціи, работающій какъ волы и воздержный какъ верблюды.

Въ нынѣшнемъ году, однако-же, эти дикари цѣлыми шайками отправлялись—одни въ городъ, къ церквамъ, чтобы просить подаванія, другіе къ замкамъ помѣщиковъ. Они требовали работы и менѣе скудной рабочей платы. Они имѣли почти угрожающій видъ и громко роптали. Слѣдуетъ замѣтить также, что годъ былъ особенно тяжелый. Никогда еще голодъ не давалъ себя чувствовать такъ жестоко. Сейчас-же приписали все постороннимъ подстрекательствамъ. Подозрѣнія пали на интернаціональ. Это общество, однако-же, даже въ самыя благоприятныя для него времена, имѣло въ Испаніи весьма ограниченный и мимолетный успѣхъ. Въ то время какъ страну раздирала гражданская война, когда кантональная инсurreкція грозила охватить всю Испанію, интернаціональ робко попробовалъ свои силы въ небольшомъ городкѣ Алькой и, раздѣливъ

собственность, принужденъ былъ, двадцать четыре часа спустя, возвратить ее въ руки жандармеріи. Но человѣческому уму труднѣе усматривать дѣйствительность, чѣмъ видѣть призраки. Призракъ интернаціонала являлся пугаломъ для умовъ. Нѣсколько открытых документовъ, въ которыхъ значилось это имя, положили конецъ колебаніямъ. Сдѣлалось несомнѣннымъ, что интернаціоналъ—виною всѣхъ бѣдствій земныхъ. Онъ-то и поднялъ андалузскихъ крестьянъ. Вѣковые разбои, опустошавшіе Испанію—его дѣло. Отсюда и странный составъ общества «Черной Руки», гдѣ, рядомъ съ контрабандистами и рецидивистами, стояли «фанатики» и «иллюминаты». И подъ именемъ иллюминатовъ разумѣлись всѣ, требовавшіе «измѣненія учреждений», всѣ «нетерпѣливо ждавшіе реформъ». И вотъ очутились сваленными въ одну кучу: испанскіе разбойники, негодяи, уводившіе стада, грабители, убійцы, поджигатели, республиканцы, реформаторы, журналисты, теоретики... Недостаетъ только династической оппозиціи герцога де-Ла-Торре.

Но и ея чередъ настанетъ и, быть можетъ, даже ранѣе, чѣмъ она того ожидаетъ. Потому что вѣдь и она выражаетъ нетерпѣніе по поводу того, что ее такъ долго не призываютъ къ кормилу правленія; она высказываетъ требованія, она упрекаетъ Сагасту за то, что слишкомъ долго пребываютъ въ забвеніи необходимыя реформы, она грозитъ энергическимъ наступленіемъ при возобновленіи сессіи осенью, становясь на почву конституціи 1869 года. Развѣ Кастелляръ не подвергся преслѣдованію за статью въ «El Globo», причемъ его обвиняли въ оскорбленіи *особы короля*...

IV.

Для пополненія столь мрачной картины, что-же можно было еще прибавить, какъ не пронунциаменто? И дѣйствительно, оно не заставило себя долго ждать. Въ одинъ прекрасный день зловѣщія слухи распространились въ политическихъ кружкахъ столицы. Люди встрѣчались, съ изумленіемъ спрашивая другъ друга: «Да возможно-ли?»

Это было въ воскресенье, послѣ полудня, въ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ, но знойныхъ лѣтнихъ дней, когда тѣ немногіе, кто остался въ Мадридѣ, имѣютъ привычку никуда не выходить. Свѣтское общество, правительственныя сферы разсѣяны въ это время года по заграничнымъ водамъ и купаньямъ, а знатные люди живутъ въ Граньѣ, въ Біаррицѣ, въ Пиринеяхъ, вмѣстѣ съ дворомъ, большинствомъ министровъ и всѣми вождями воинствующихъ партій. Несмотря на лѣтнее опустѣніе Мадрида, въ официальномъ мірѣ замѣчалось необычайное движеніе. Люди высоко-

поставленные сновали взадъ и впередъ, въ особенности-же замѣтно было какое-то странное возненіе и дѣятельность въ средѣ высшихъ военныхъ чиновъ и въ гарнизонѣ, что и не замедлило обратить на себя вниманіе.

Вечернія и монархическія газеты' получили приказаніе молчать; но въ Буэнь-Ретиро, въ кофейняхъ, на музеехъ, знали уже, что получены важныя извѣстія съ португальской границы. Вся ночь прошла для столицы въ томительномъ ожиданіи; кофейни оставались открытыми; у дверей министерствъ и на улицахъ стояли группы людей. Въ министерствахъ волненіе было тѣмъ сильнѣе, что большая часть министровъ отсутствовали: Сагаста находился въ О-Бонгѣ, морской министръ — въ Граньѣ, вмѣстѣ съ королемъ, министръ иностранныхъ дѣлъ — въ Галисіи и т. д. Наконецъ, на слѣдующее утро, телеграмма португальскихъ властей и другая, исходящая отъ самихъ инсургентовъ, подтвердила важное извѣстіе о военномъ возстаніи въ Бадахосѣ.

Бадахосъ—главный городъ провинціи того-же имени. Онъ живописно расположенъ террасами на крутизнѣ, высящейся надъ величественнымъ и широкимъ изгибомъ рѣки Гвадіаны, лѣнливо катящей свои волны между городомъ и станціей желѣзной дороги. Высоко поднимаетъ къ небу свой зубчатый вѣнецъ колокольня собора и вырисовывается въ воздухѣ профиль старой цитадели и окружающихъ фортовъ, остатковъ укрѣпленій, нѣкогда знаменитыхъ по выдержаніямъ городомъ осадамъ Веллингтона.

Толстая стѣна, съ пробитыми въ ней воротами, бастіонами узкія и крутыя улицы, артиллерійскій паркъ, 15,000 ружей, много боевыхъ снарядовъ, почти неприступное мѣстоположеніе, наконецъ населеніе, въ которомъ не мало республиканцевъ, — таковы ресурсы, которыми могло воспользоваться возстаніе. Командантъ находился въ отлучкѣ. Гарнизонъ состоялъ изъ 800 человекъ пѣхоты и 250 лошадей. Городъ казался совершенно спокойнымъ, и ни военныя, ни гражданскія власти не подозрѣвали ни малѣйшаго волненія.

Въ назначенный день и часъ, 4-го августа, ночью, заговорщики отправляются въ казармы, гдѣ войска были готовы къ возстанію. Они немедленно посылаютъ сильныя патрули, которые арестуютъ въ ихъ постеляхъ гражданскія и военныя власти, старшихъ офицеровъ, офицеровъ генеральнаго штаба, артиллеристовъ, инженеровъ и принадлежащихъ къ спеціальнымъ корпусамъ. Все такъ хорошо было предусмотрено, что пока военные овладѣли городскими воротами, крѣпостью, желѣзною дорогою и телеграфомъ, революціонная юнта водворилась въ префектурѣ, назначила

гражданскимъ губернаторомъ редактора республиканской газеты «La Cronica de Badajoz» и составила манифестъ. Въ немъ провозглашалась республика съ Зорильей во главѣ, конституція 1869 г., отдѣленіе церкви отъ государства, самая безусловная свобода молиться Богу ето какъ хочетъ, смертная казнь для всѣхъ противящихся утверженію республики, шестичасовой срокъ для должностныхъ лицъ, въ который они должны заявить—переходятъ-ли они на сторону республики, уничтоженіе акциза, упраздненіе суда, такъ какъ гражданское правосудіе беретъ на себя община, сообразуясь съ конституціей 69 года, за исключеніемъ статей 11 и 33-й.

Эти статьи именно тѣ, которыя создали избирательную монархію короля Амедея.

Конституція 1869 года даровала народу всеобщую подачу голосовъ, а также свободу печати и собраній. Рюисъ Зорилья,—котораго инсургенты поставили во главѣ своей республики, то самое лицо, о которомъ мы говорили выше. Онъ не писатель и не ораторъ, но за нимъ всѣ признають умъ и энергію. Въ былое время, онъ выступилъ впервые въ числѣ соратниковъ Прима. Назначенный президентомъ совѣта министровъ, при королѣ Амедеѣ, онъ еще занималъ этотъ постъ въ то время, когда король этотъ принужденъ былъ оставить Испанію.

Онъ вернулся въ политической дѣятельности немного позднѣе, съ Кастеллярромъ, и когда Павіа сдѣлалъ свой пресловутый pronunciamiento противъ національнаго представительства, онъ протестовалъ, и, по мѣрѣ того, какъ товарищи его все далѣе и далѣе скользили по наклонной плоскости монархическихъ компромиссовъ, онъ все болѣе и болѣе опредѣленно высказывался въ пользу республики. Въ 1881 г. онъ окончательно сталъ во главѣ непримиримыхъ республиканцевъ. Августовское движеніе — дѣло его рукъ.

Для довершенія успѣха предпріятія, необходимо было, чтобы искра, брошенная въ Бадахосѣ охватила своимъ пламенемъ всю Испанію. Между тѣмъ, вечеромъ не было еще получено извѣстія изъ провинціи о такомъ результатѣ. Инсургенты начали тревожиться, и дезертированіе не заставило себя долго ждать. Въ понедѣльникъ вечеромъ они направились къ эльвасской границѣ, гдѣ ихъ ожидали португальскія войска.

Однако бадахосскій переворотъ не остался единичнымъ случаемъ. Не успѣлъ король Альфонсъ оправиться отъ страха, причиненнаго ему этимъ мятежемъ, какъ уже извѣстія о другихъ возстаніяхъ приходили одно за другимъ. Три или четыре главныхъ

провинціальныхъ города одновременно подняли знамя возстанія. Прямѣру, поданному на юго-западѣ, не замедлили послѣдовать на сѣверѣ, на сѣверовостокѣ, на западѣ и въ главныхъ городскихъ центрахъ побережья Средиземнаго моря. Въ районѣ Пиринейскихъ горъ мятежъ вспыхнулъ въ Сео Ургелѣ, въ Каталоніи, въ Барселонѣ, Фигерасѣ, Жеронѣ и Вальсѣ; въ провинціи Валенціи возстали Валенція и Лудена. Движеніе достигаетъ Арагоніи, и броженіе начинается въ Сарагоссѣ.

Правительство, правда, объявляетъ, что вездѣ, гдѣ появлялись «банды мятежниковъ», онѣ немедленно разсѣвались, что сверхъ того, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вожаковъ, войско оставалось вѣрнымъ королю.

Но въ такомъ случаѣ становится совершенно непонятнымъ, почему министры нашли себя вынужденными объявить всю Испанію въ осадномъ положеніи и принять репрессивныя мѣры противъ старшихъ офицеровъ, мѣры, которыя рѣзко противорѣчатъ съ успокоительными заявленіями. Здѣсь отставленъ отъ должности и подвергся слѣдствію бывший товарищъ военнаго министра Моралесъ де Лосъ Ріосъ, генераль-капитанъ Эстремадуры; тамъ маршалъ Квезада, главнокомандующій сѣвѣрною арміею, принужденъ объѣзжать подчиненные ему гарнизоны, чтобы вернуть офицеровъ и солдатъ къ повиновенію королю. Наконецъ, недавно, и самъ король нашелъ нужнымъ показаться своимъ полкамъ, со слезою глазахъ, чтобы поддержать ихъ колеблющуюся преданность.

Изъ официальныхъ телеграммъ узнаемъ, что движеніе ограничилось арміею. На самомъ-же дѣлѣ отличительнымъ свойствомъ этого, казавшагося вначалѣ чисто военнымъ, движенія было то, что оно незамѣтно проникло въ народную массу.

Въ Барселонѣ оно вспыхнуло въ рабочемъ населеніи городскихъ предмѣстій. Мадридскія газеты, хотя и находятся подъ давленіемъ блага террора, констатируютъ однако-же, что въ большинствѣ случаевъ войска братались съ народомъ. По официальнымъ источникамъ, возстаніе полковъ было ни чѣмъ инымъ, какъ нарушеніемъ субординаціи со стороны офицеровъ низшихъ чиновъ по отношенію къ ихъ начальникамъ. Событія-же показали, что если правительство еще можетъ разсчитывать на преданность нѣкоторыхъ генераловъ, то ему не слѣдуетъ возлагать большихъ надеждъ на многихъ штабъ-офицеровъ. Было обнаружено сверхъ того, что офицеры, подавшіе сигналъ къ возстанію въ Бадахосѣ принадлежатъ всѣ къ числу тѣхъ, чья прошлая служба отличалась безупречною дисциплиною.

Не менѣе замѣчателенъ и тотъ фактъ, что всѣ вышеуказанныя

военныя и народныя движенія отличались единствомъ цѣли. Повсюду, въ Бадахосѣ, какъ въ Барселонѣ, въ Валенціи, Сео Ургежѣ, въ Андалузїи и Сарагоссѣ, инсургенты группировались постоянно вокругъ одного знамени. Одинъ и тотъ-же кликъ объединялъ ихъ при учрежденїи новаго управленія. Они требовали конституціи 1869 г. и республики. Они ставили во главѣ этой республики Рюиса Зорилью.

Послѣ столькихъ волненій неудивительно, что король Альфонсъ ощутилъ потребность въ отдыхѣ и въ сердечныхъ изліяніяхъ на лонѣ друга своего Бисмарка. Путешествію этому приписывали таинственную цѣль. Можетъ быть, его величество находитъ разумнымъ поставить уже теперь границы своего государства между собою и ближайшимъ pronunciamiento?

Все это весьма возможно, но не подлежитъ сомнѣнію, что этого госулара постигли всевозможныя неудачи. Въ ту минуту, какъ онъ садился уже въ вагонъ, лучшій другъ и повѣренный его огорченій, Бисмаркъ, повернулся къ нему спиной. Злополучный монархъ принужденъ былъ направить свои изліянія во Францію, и въ довершенія несчастія, тамъ некому было его принять.

Самъ метръ д'отель, по имени Жюль Ферри, велѣлъ сказать, что не принимаетъ, по случаю нездоровья. Пришлось обѣдать въ испанскомъ посольствѣ и сидѣть между дипломатомъ и династическимъ демократомъ Морэ! Это можетъ назваться верхомъ неблагополучія!

Жина.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

I.

Смерть крупнаго русскаго писателя заставила встрепенуться полусонное, апатичное общество. Почти исключительно поглощенное будничной сутолокой, съ ея однообразіемъ скуки и пошлости, оно словно вспомнило, что есть на Божьемъ свѣтѣ иные, болѣе высшіе интересы, составляющіе цвѣтъ и красу жизни, что безъ нихъ теряется ея настоящій общественный смыслъ, и люди, живущіе безъ идеаловъ, постепенно дичають.

Тургеневъ былъ именно однимъ изъ тѣхъ счастливыхъ писателей, которые умѣютъ будить мысль, заставляя людей оглядываться на себя и на окружающія условія жизни, коверкающія людей, дѣлающія ихъ хуже, чѣмъ они могли-бы быть. Безъ этихъ «рыцарей духа», безъ этихъ свѣтильниковъ мысли, безъ всей этой литературы, многимъ ненавистой, намъ еще сверхнѣе жилось-бы на свѣтѣ, еще въ большую бездну пошлости окунулись-бы мы, и ничто не взволновало-бы насъ. Эту-то силу и живучесть мысли всѣ словно почувствовали и одѣнили, готовясь почтить память своего писателя торжественнымъ образомъ.

Признаться, даже нѣсколько удивляешься, когда читаешь объ этихъ грандіозныхъ приготовленіяхъ къ похоронамъ. Нѣсколько сотъ депутацій, масса вѣнковъ, процессія, которая растянется отъ вокзала варшавской дороги на нѣсколько верстъ. Кого это хоронятъ? Полководца, государственнаго человѣка? — Нѣтъ, хоронятъ русскаго писателя, который не былъ ни дѣйствительнымъ, ни тайнымъ совѣтникомъ, но въ своихъ произведеніяхъ преподавалъ столько цѣнныхъ совѣтовъ, какихъ не преподавать тысячѣ самыхъ патентованныхъ совѣтниковъ... Мы вѣдь не привыкли чествовать память писателей; всякихъ генераловъ, статскихъ и военныхъ, мы хоронить умѣли цышно, но хоронить «генераловъ мысли» не отваживались. Пушкина хоронили съ оглядкой; за то, что Москва хорони-

ла Гоголя съ помпой, и на похоронахъ былъ московскій генераль-губернаторъ въ парадной формѣ, Петербургъ сдѣлалъ Москвѣ выговоръ, а Тургеневъ, назвавшій въ краткой замѣткѣ Гоголя великимъ человѣкомъ, понесъ кару. Тогда нельзя было называть великимъ человѣкомъ человека, не имѣющаго генеральскаго чина, да и то, если дозволяло начальство, такъ какъ оно одно оцѣнивало людей. О Гоголѣ, послѣ его смерти, запрещено было говорить, и въ петербургскихъ газетахъ о немъ не сказано было ни слова. Бѣлинскаго хоронили совсѣмъ тихо, точно владушисъ, и имя его стало упоминаться въ литературѣ только при новомъ царствованіи. Добролюбова провожала небольшая кучка друзей; Писарева тоже не удостоили торжественнаго чествованія. Только похороны Некрасова и потомъ Достоевскаго явились достойными ихъ памяти; въ нихъ приняло участіе общество, понявшее, что въ лицѣ своихъ крупныхъ писателей оно теряетъ лучшихъ руководителей.

Образованные люди стремятся теперь почтить одного изъ нихъ, въ благодарность за услуги, оказанныя имъ родной странѣ. Тѣмъ сердечнѣе, тѣмъ трогательнѣе подобное чествованіе, что въ немъ не можетъ быть ничего заказнаго: никто не заставляетъ васъ нести вѣнокъ на гробъ писателя, которому вы не сочувствуете; вы несете его тому, кто «чувства добрыя въ васъ лирой пробуждалъ» и, главное, никогда не стоялъ въ рядахъ защитниковъ мрака. Да и кого; скажите на милость, чествовать намъ, какъ не людей науки и искусства? При условіяхъ нашей общественной жизни, мы можемъ близко знать только этихъ людей. Они одни могутъ говорить съ нами въ своихъ произведеніяхъ, болѣютъ нашими скорбями, радуются нашими радостями.

Есть несомнѣнно и другіе люди, люди прагматики, которые могли-бы съ одинаковымъ правомъ пользоваться нашимъ сочувствіемъ, но, къ сожалѣнію, мы не всегда знаемъ ихъ, да и не можемъ знать, такъ какъ мотивы ихъ дѣятельности для насъ, обыкновенныхъ людей, являются непроницаемой тайной. Какъ они думаютъ, каковы ихъ идеалы, про то мы узнаемъ случайно, чаще всего послѣ ихъ смерти. При жизни мы только довольствуемся фактами, которые не могутъ быть изъяты изъ обращенія, слухами, да развѣ случайными разъясненіями въ беллетристической формѣ, вродѣ романа «Графъ Лоринъ», но вѣдь не всѣ-же общественные дѣятели должны писать романы, въ часы досуга?

Похороны Тургенева, въ первые дни послѣ полученія извѣстія о смерти писателя, чуть было не сдѣлались нерѣшеннымъ вопросомъ. По крайней мѣрѣ, появились тревожные слухи, будто-бы есть препятствія къ ввозу праха Тургенева въ предѣлы Россіи.

Эти слухи, не смотря на их неправдоподобіе, упорно держались и какъ будто подтверждались распоряженіемъ снять траурную драпировку съ портрета писателя, выставленнаго въ витринѣ. Затѣмъ, рассказывали, что похороны будутъ разрѣшены, но подѣ условіемъ отсутствія всякой торжественности. Въ концѣ концовъ, всѣ эти слухи, какъ извѣстно, оказались невѣрными, и на-дняхъ мы будемъ хоронить Тургенева съ такой церемоніей, какой не удостоивался еще ни одинъ русскій писатель. Похоронами и всѣми приготовленіями распоряжается солидный комитетъ литературнаго фонда; онъ съ дипломатическимъ тактомъ уже успѣшилъ предупредить, почему надъ могилой Тургенева произнесутъ рѣчи только два или три изъ старѣйшихъ друзей покойнаго и почему число лицъ при вѣнкахъ ограничено. Опасаются огромнаго стеченія публики, давки. Сколько помнится, на похоронахъ Достоевскаго этого не опасались, и процессія не была нарушена никакимъ безпорядкомъ. Ужасный дипломатъ этотъ комитетъ!

О Тургеневѣ теперь говорятъ вездѣ, даже и тамъ, гдѣ книга не въ модѣ и гдѣ пожимаютъ плечами, неумолявая, почему такъ чувствуютъ неизмѣннаго чина писателя. Именемъ его полны страницы газетъ; всѣ другіе интересы дня отошли на задній планъ; со всѣхъ концовъ Россіи получаютъ телеграммы о панихидахъ, о стипендіяхъ въ память писателя; нѣкоторые города ходатайствуютъ о наименованіи улицъ именемъ покойнаго; Тургенева перечитываютъ; во всѣхъ воспоминаніяхъ, въ отзывкахъ иностранцевъ, друзей и случайныхъ знакомыхъ Тургенева личность писателя является въ какомъ-то ореолѣ необыкновенной привлекательности.

Не обходится, разумѣется, и безъ проявленій мелкаго тщеславія; маленькія имена пристегиваются къ большому и, подѣ видомъ воспоминаній о Тургеневѣ, напоминаютъ о себѣ. Теперь всякій спѣшитъ доложить читателю о своей бесѣдѣ съ «Иваномъ Сергѣевичемъ», какъ-бы пуста ни была бесѣда, или заявить, что онъ тогда-то видѣлъ «Ивана Сергѣевича» и «Иванъ Сергѣевичъ» сказалъ: «гмъ...» Каждый, повторяю, торопится вынести въ публику частицу своего Добчинскаго, но, по правдѣ говоря, за исключеніемъ отзывовъ иностранцевъ, да двухъ-трехъ воспоминаній русскихъ (между которыми особенно характеренъ рассказъ г-жи С—ой о встрѣчѣ Тургенева съ Лассалемъ), всѣ эти біографическія данныя не имѣютъ существеннаго интереса *).

*) Считаю не лишнимъ привести отрывокъ изъ воспоминаній г-жи С. о Тургеневѣ, напечатанныхъ въ «Новостяхъ», въ которомъ описывается встрѣча нашего писателя въ Лассалемъ.

Дѣло было въ 1864 году, въ Женевѣ, въ одномъ изъ пансіоновъ, гдѣ остановился Лассаль.

графія писателя еще впереди, а пока мы имѣемъ дѣло съ одними восторженными некрологами... Иногда, впрочемъ, эта восторженность доходить до того, что нѣкоторые, въ порывѣ усердія, приписываютъ Тургеневу такое значеніе, какое едва-ли можетъ имѣть даже самый гениальный писатель. Будто и безъ того не велико литературное и общественное значеніе покойнаго, что

«Сойди въ галерею, мы застали тамъ за табль-д'отомъ уже порядочное общество, собравшееся къ утреннему чаю и кофе. Наши глаза невольно искали въ толпѣ знаменитаго экономиста. Впрочемъ, его не трудно было найти, такъ какъ на немъ было сосредоточено любопытство почти всѣхъ присутствовавшихъ. Сверхъ своей знаменитости, какъ политическаго дѣятеля, онъ въ то время былъ еще героемъ той траги-комедіи, которая называлась его любовью къ m-elle Деннигесъ (впослѣдствіи madame Раковицъ), и потому неудивительно, что имъ всѣ интересовались и что на немъ сосредоточивалось общее вниманіе всадъ, гдѣ только онъ ни появлялся.

Я никогда не забуду того момента, когда я въ первый разъ увидѣла Лассалья, о которомъ столько читала и слышала, живя съ братомъ въ Карлсбадѣ и Женевѣ. При входѣ нашемъ въ галерею, онъ стоялъ у раствореннаго окна и велъ разговоръ съ двумя мужчинами, изъ которыхъ одинъ былъ нашъ эмигрантъ Н. Руки его были покойно сложены, взоръ его блуждалъ медленно въ толпѣ, на которую онъ смотрѣлъ нѣсколько надменно и съ привычной самоувѣренностью, и только первое легкое вздрагиваніе бровей обнаруживало, что его озабочиваетъ какая-то серьезная мысль и что онъ ведетъ разговоръ съ собесѣдниками не безъ внутреннего возбужденія. Позѣ его, въ которой онъ стоялъ, позавидовалъ бы каждый король, такъ она была проста, безыскусственна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даже величественна. Я никогда до того времени не видѣла его и потому, при первой встрѣчѣ, онъ показался мнѣ далеко некрасивымъ мужчиною, даже ниже своихъ фотোগрафическихъ изображеній, но это отсутствіе физической красоты искупалось съ избыткомъ громаднымъ умомъ, запечатлѣннымъ въ каждомъ мускулѣ его открытаго, благороднаго лица и могучею душою и несокрушимою волею, отражавшеюся въ его оригинальныхъ круглыхъ глазахъ—признакъ генія. Вообще, Лассаль произвелъ на меня подавляющее впечатлѣніе титана, предъ которымъ я почувствовала себя полнымъ ничтожествомъ, бесполезнѣйшимъ созданіемъ на землѣ.

Я взглянула на Ивана Сергѣевича. Полузакрытыми глазами онъ жадно разсматривалъ Лассалья и своимъ глубокимъ пытливымъ взоромъ, кажется, желалъ проникнуть въ самую душу стоявшаго предъ нимъ народнаго трибуна. Мнѣ думается, что въ это время Лассаль для Тургенева казался кумиромъ,—такъ велико было то волненіе, которое охватило автора «Записокъ Охотника» при первой встрѣчѣ его съ Лассалемъ. По моему, впрочемъ, ничего не было удивительнаго въ томъ, что Тургеневъ въ тотъ періодъ своей жизни съ такимъ энтузіазмомъ отнесся къ Лассалю: такъ какъ арена, на которой дѣйствовалъ Лассаль, была шире литературной арены Тургенева, да и вся гениальная личность Лассалья была колоссальнѣе тургеневской личности, то, повторяю, неудивительно, что нашъ знаменитый писатель пришелъ въ энтузіазмъ при встрѣчѣ съ человѣкомъ, превосходство ко-

поспѣшило выдать Тургеневу аттестатъ истинно русскаго человѣка. До этаго, видите-ли, никто не зналъ, что Тургеневъ русскій человѣкъ, но что это не мѣшало, однако, ему быть западникомъ и желать Россіи тѣхъ благъ европейской цивилизаціи, которыхъ чураются наши своеобразные самобытники. Но газета сочла долгомъ вступиться за Тургенева и, какъ всегда, оказалась на высотѣ задачи. Г. Боборыкинъ въ «Новостяхъ» распространился насчетъ неблагодарности современниковъ къ умершему писателю, естатѣ обвинилъ въ непочтительности «Дѣло» и «Отечественныя Записки» и объявилъ Тургенева космополитомъ. Сдается мнѣ, грѣшный человѣкъ, что, говоря о непочтительности, г. Боборыкинъ не столько имѣлъ въ виду Тургенева, сколько г. Боборыкина, такъ какъ оба названные журнала, напротивъ, всегда говорили съ уваженіемъ о литературной дѣятельности Тургенева, но уваженіе вѣдь не исключаетъ критической оцѣнки и не самъ-ли г. Боборыкинъ, сколько помнится, въ «Московскомъ Обзорѣніи» отнесся въ «Нови» не съ той необыкновенной почтительностью, которую теперь требуетъ отъ другихъ? Или для г. Боборыкина новость, что чѣмъ болѣе талантливъ, чѣмъ болѣе крупенъ писатель, тѣмъ болѣе требовательна критика? Что можно извинить г. Боборыкину, того нельзя—Тургеневу. Можно быть непочтительнымъ къ г. Боборыкину, а на Тургенева можно сердиться. Кому это не понятно?.. Ахъ, еслибъ покойный могъ прочитать все, что теперь про него пишется, какъ смутился-бы онъ отъ многихъ восхваленій! И право, тѣ, кого называетъ г. Боборыкинъ его противниками, гораздо болѣе уважаютъ и цѣнятъ писателя именно потому, что страстнѣе относились къ его литературной дѣятельности.

II.

Вся образованная Россія единодушно отозвалась глубокой скорбью къ тяжелой утратѣ. Только одна московская газета упорно молчала до поры до времени, не обмолвившись ни однимъ сло-

---

гомъ, дня черезъ два-три, намъ пришлось быть очевидцами грандіозной похоронной процессіи, устроенной республиканцами знаменитому вождю германскихъ рабочихъ.

Въ самый день процессіи Н. получилъ отъ Ивана Сергѣевича по переводу 100 франковъ съ лаконическою просьбою возложить на гробъ Лассала вѣнокъ отъ «неизвѣстнаго почитателя».

За послѣднія двадцать лѣтъ мнѣ приходилось нѣсколько разъ встрѣчаться съ Тургеневымъ, и онъ накогда безъ сильнаго волненія не могъ вспомнить имени Лассала и единственной встрѣчи съ нимъ въ Женевѣ.

вомъ о смерти Тургенева. Весьма отзывчивая къ сообщеніямъ, имѣющимъ, такъ сказать, предупредительный характеръ, газета, на этотъ разъ, умышленно пропустила важное событіе. Какъ видно, она не могла забыть эпизода пушкинскаго праздника, когда Тургеневъ, при всемъ своемъ добродушіи, отстранился отъ протянутой ему руки, не задолго передъ тѣмъ метнувшей въ него одною изъ излюбленныхъ своихъ стрѣлъ—обвиненіемъ въ неблагонадежности. Это молчаніе длилось нѣсколько времени и, наконецъ, было нарушено эффектнымъ эпизодомъ—перепечаткой письма эмигранта г. Лаврова, помѣщеннаго во французской газетѣ, въ которомъ говорилось о томъ, что Тургеневъ давалъ по 500 франковъ Лаврову на изданіе послѣднимъ журнала. «Вотъ, молю, кого вы позволяете чествовать!»

Понятенъ былъ «эффектъ», приготовленный московской газетой какъ разъ въ то время, когда всѣ недоразумѣнія относительно похоронъ Тургенева были устранены. Понятно, говорю я, эта злоба, не остывающая и надъ могилой писателя, литературная дѣятельность котораго не омрачалась никакимъ, даже малѣйшимъ пятномъ. Тургеневъ былъ и оставался всегда вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, и его натурѣ противно было отступничество въ какой-бы формѣ оно ни выражалось. Такіе люди, особенно такіе крупные и нравственно безупречные люди, какъ Тургеневъ, не могутъ не колотить чужихъ глазъ, являясь какъ-бы невольнымъ укоромъ каждой нечистой литературной совѣсти. И съ тѣмъ большимъ остервенѣніемъ нападаютъ на такихъ людей, чѣмъ бесплоднѣе оказывается стараніе умалить нравственно-чистый ихъ образъ. Тургеневъ имѣлъ честь подвергаться такой злобѣ при жизни и сохранилъ за собой эту честь и по смерти. Все это понятно, хоть и нѣсколько удивительно, какъ это такая безспорно умная и опытная по части рассчитанныхъ эффектовъ, газета не сообразила, что весь ея, столь ревниво береженный, «*coup de théâtre*» окажется хлопаньемъ по воробьямъ и никакого впечатлѣнія не произведетъ, и что, не смотря на перепечатку письма крупнымъ шрифтомъ, торжественныя похороны все-таки состоятся и въ нихъ приметъ участіе не одна «литературная чернь», какъ выражался корреспондентъ московской газеты, но и депутація отъ разныхъ ученыхъ обществъ и въ томъ числѣ отъ Академіи Наукъ...

Злоба слѣпа и часто попадаетъ въ просакъ. То-же, къ сожалѣнію, приходится сказать и о дружбѣ. На этотъ разъ она едва-ли не перещеголяла «злобу» своимъ безтактнымъ раздуваніемъ

поднятаго скандала. Дружба, такъ сказать, его возвела въ перлъ созданія... Ахъ, ужъ эти друзья!..

Понятны были мотивы, заставившіе московскую газету перепечатать заграничное письмо, но чего ради, по поводу этого письма, газеты вскипѣли негодованіемъ и разразились болѣе или менѣе патетическими статьями въ «защиту» Тургенева? Точно и въ самомъ дѣлѣ нуждался въ ихъ защитѣ писатель, чьи убѣжденія такъ хорошо были извѣстны всѣмъ, и, разумѣется, правительству? Раздувать эту исторію не значило-ли ставить точки на «і» и только радовать московскую газету? «Новое Время» опять-таки первое поспѣшило взять подъ свою защиту Тургенева и не безъ комичнаго пафоса стало обѣщать его отъ обвиненія въ неблагонадежности, при чемъ, разумѣется, не преминуло воспользоваться удобнымъ случаемъ блеснуть рыцарской полемикой. «Новости» — тѣ даже остоленѣли отъ удивленія и сперва глубокомысленно не хотѣли вѣрить сообщенному факту. «Не можетъ быть! Не можетъ быть!» твердили они. Казалось-бы и довольно, тѣмъ болѣе, что «эффектъ» московской газеты не имѣлъ никакого значенія? Но тутъ, какъ-бы въ доказательство вѣчной истины, что никто не умѣетъ насолить лучше друзей, выступили со своими письмами въ защиту покойника гг. Стасюлевичъ и Я. Полонскій.

Признаюсь, я съ тяжелымъ чувствомъ прочитывалъ письмо г. Стасюлевича, которое онъ счелъ нужнымъ напечатать въ защиту Тургенева и въ этомъ письмѣ повторить всѣ тѣ доводы, которые уже высказало «Новое Время»; я привыкъ видѣть въ этомъ журналистѣ образецъ приличной полемики даже и съ врагомъ, но въ этомъ письмѣ не узналъ обыкновенно сдержаннаго и изысканновѣжливаго г. Стасюлевича. Эти ненужныя попытки глумленія, эти разоблаченія отзывовъ покойнаго о людяхъ, которыхъ онъ принималъ у себя — каковы-бы ни были эти люди по своимъ взглядамъ — едва-ли достойны памяти Тургенева. И главное: къ чему весь этотъ шумъ, къ чему всѣ эти изліянія благороднаго негодованія? Никто и не думалъ серьезно заподозрить маститаго писателя въ чемъ-нибудь предосудительномъ. Откуда-же эта трусость, готовая съ перепугу возвести ничтожный фактъ въ событіе первѣйшей важности?

Г. Я. Полонскій въ своемъ письмѣ тоже защищаетъ Тургенева, не безъ оригинальности оправдывая знакомство покойнаго съ эмигрантами такимъ образомъ: «Какъ доктору было-бы невозможно отворачиваться съ презрѣніемъ отъ больныхъ и зараженныхъ, такъ и писателю. Требуите строгости отношеній отъ начальствующихъ, отъ каждаго изъ органовъ государственной власти,

не забывайте, что если поэтъ будетъ походить на нихъ, онъ не перестанетъ быть самимъ собой, онъ утратитъ всякое обаяніе. У него, какъ у гражданина, своя задача, онъ призванъ соединить или мирить разнородные элементы своего отечества во имя еди-наго родного ему языка и высшей правды, во имя сознанія своихъ недостатковъ и стремленія къ вѣчному вочеловѣченію».

Послѣ этого заявленія, оправдывающаго знакомство хоть во имя докторскихъ наблюденій и «вѣчнаго вочеловѣченія», пожалуй придется какому нибудь усердному другу г. Полонскаго обѣщать ужь самого Г. Я. Полонскаго... Вѣдь, какъ узнать, съ цѣлями наблюденія или просто такъ знакомъ писатель съ тѣмъ или другимъ подозрительнымъ лицомъ? можетъ задать ему ехидный вопросъ та-же неутомимая газета...

Вотъ до чего дописались усердные друзья. Ахъ, ужь эти друзья! Не похвалили-бы ихъ и Тургеневъ, если-бы могъ прочесть ихъ защитительныя рѣчи.

III.

Счастливая судьба выпала на долю Тургенева. Онъ могъ писать, не заботясь о насущномъ кускѣ хлѣба, и имѣлъ время отдѣлывать свои вещи съ тѣмъ художественнымъ мастерствомъ и съ тою краткостью, которыя придавали всѣмъ его произведеніямъ такой цѣльный и законченный видъ. Съ начала литературной карьеры Тургеневъ сдѣлался любимцемъ публики и долго былъ имъ. Кто не читалъ его «Записокъ Охотника», кто не былъ очарованъ этимъ тонкимъ описаніемъ красоты природы и тѣмъ гуманнымъ чувствомъ, которымъ пронизаны его рассказы... Разумѣется, между мужиками Тургенева и, на примѣръ, «Подлиповцами» Рѣшетникова цѣлая пропасть, но ненадо забывать времени, когда писалъ Тургеневъ и задачи, которыя онъ имѣлъ. Тургеневскіе мужики нѣсколько идеализованы; въ отношеніяхъ къ нимъ автора чувствуется все таки баринъ, хоть и очень гуманный баринъ, а не другъ, какъ напр. у Рѣшетникова; но, повторяю, художественная цѣль Тургенева была—возбудить сочувствіе къ угнетеннымъ, показать безнравственность рабства, что онъ и выполнилъ блистательно. У продолжателей начатаго имъ дѣла, естественно, явились другія задачи. Мы, люди поколѣнія, читавшаго «Записки Охотника» подъ шумъ ликованія шестидесятыхъ годовъ, можемъ только представить себѣ силу впечатлѣнія, которое должны были произвести эти рассказы на лучшихъ людей своего времени. Припомните, что они начали появляться въ сороковыхъ годахъ, когда царило крѣпостное право-

и жизнь была заключена въ тѣсныя колодки того времени. Разсказы эти были перчаткой, брошенной врагу, и дѣйствительно явились знаменательнымъ событіемъ...

Съ той поры Тургеневъ не переставалъ быть любимцемъ публики... Популярность его была громадна... Книжки «Современника», гдѣ обыкновенно печатались вещи Тургенева, рвались на расхватъ. Кто изъ насъ не зачитывался «Дворянскимъ гнѣздомъ», «Наканунъ», «Рудинымъ»—этимъ «лишнимъ человѣкомъ» мрачной эпохи, сложившимъ безпокойную свою голову на парижскихъ баррикадахъ? Впослѣдствіи, Писаревъ, увлеченный вмѣстѣ съ другими проповѣдью индивидуализма, напалъ, сколько помнится, на Рудина за его «бездѣлье» и не предвидѣлъ конечно, что и въ слѣдующемъ поколѣніи окажутся «лишніе люди», — плоть отъ плоти и кость отъ костей благороднаго идеалиста Рудина. Правда, они ужъ не ѣдутъ умирать въ Парижъ: они все еще пытались найти работу дома; ихъ идеалы опредѣленнѣе, задачи яснѣе, — но и они, какъ Рудинъ, такъ или иначе погибали въ борьбѣ съ окружающимъ, какъ погибъ бы и реалистъ Базаровъ, не умори его Тургеневъ при самомъ началѣ его общественной дѣятельности... Великій художникъ создалъ типъ Рудина, но «лишніе люди» слѣдующихъ поколѣній еще ждутъ своего гѣвца, тако-го-же крупнаго, какъ и Тургеневъ...

«Отцы и Дѣти» отошли теперь въ область исторіи; критика отвѣдетъ имъ надлежащее мѣсто среди многочисленныхъ твореній писателя; страсти, возбужденныя этимъ романомъ, улеглись, и теперь возможно припомнить безъ чувства острой боли впечатлѣніе, произведенное этимъ романомъ при его появленіи. Впечатлѣніе, дѣйствительно, было потрясающее. Одни были смущены, другіе злорадно хихикали: «Вотъ каковы дѣти!» говорили указывая, на Базарова, Кукшину, Ситникова, тогдашніе «отцы», успѣвшіе уже поднять головы послѣ смущенія отъ первыхъ обновительныхъ реформъ. Не надо забывать еще, что романъ появился именно въ то время, когда начался «переломъ» въ нашей общественной жизни, когда люди, недовольные реформами, настойчиво проповѣдовали поворотъ назадъ, грозя серьезными осложнениями, и что напечатанъ онъ былъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», только что сдѣлавшимся органомъ недовольныхъ реформами. Принявъ все это въ соображеніе, легко понять, что «Отцы и Дѣти» были, такъ сказать, «бомбой», брошенной въ самый центръ борьбы, и возбудили взрывъ негодованія у однихъ и злорадное торжество у другихъ.

«Я испыталъ тогда»—говорить Тургеневъ въ своихъ Воспоминаніяхъ—впечатлѣнія, хотя разнородныя, но одинаково тя-

гостныя. Я замѣчалъ холодность, доходившую до негодованія, во многихъ мнѣ близкихъ и симпатическихъ людяхъ; я получалъ поздравленія, чуть не лобызанія отъ людей противнаго мнѣ лагера, отъ враговъ. Меня это конфузило... огорчало; но совѣсть не упрекала меня: я хорошо зналъ, что я честно, и не только безъ предубѣжденья, но даже съ сочувствіемъ отнесся къ выведенному мною типу».

Но тогда, въ разгаръ литературной борьбы, некогда было разбирать намѣренія автора, и вотъ почему, подъ первымъ впечатлѣніемъ, появились крайне рѣзкія статьи по поводу «Отцовъ и Дѣтей». Особенно рѣзка была статья М. А. Антоновича, напечатанная въ «Современникѣ». Объ этой статьѣ еще недавно счелъ нужнымъ вспомнить г. Боборыкинъ и, конечно, покоить г. Антоновича. Дѣйствительно, статья была рѣзка, но она была необходима по тогдашнему времени, какъ горячій протестъ, и страстность ея тѣмъ болѣе понятна, что авторъ романа былъ крупнымъ талантомъ: романъ его не могъ не произвести громаднаго впечатлѣнія на читающую публику и, помимо воли автора, могъ играть въ руку противнаго лагеря, готоваго воспользоваться каждымъ случаемъ, чтобы бросить грязью въ «дѣтей»... Спору нѣтъ, что Кукшины и Ситниковы тогда существовали, но рядомъ съ ними были и другіе «дѣти», представители которыхъ не даромъ завоевали себѣ почетное мѣсто въ исторіи литературы... Какъ-бы кто ни смотрѣлъ на Базарова, но не въ его идеяхъ воплощались завѣтныя стремленія лучшихъ «дѣтей» того времени, а въ тѣхъ, которыя высказывались представителями лучшей части литературы... И «Современникъ» былъ правъ тогда въ своихъ рѣзкихъ нападкахъ, во имя принципа, какъ-бы предвидя, что соблазнительный типъ Базарова найдетъ себѣ множество подражателей среди неустановившейся молодежи и что примѣръ крупнаго художника породитъ цѣлую литературу, обличающую «дѣтей» уже совсѣмъ съ другими цѣлями, чѣмъ Тургеневъ.

Это «недоразумѣніе» между лучшимъ изъ литературныхъ «отцовъ» и «дѣтьми» того времени продолжалось нѣсколько времени. Обѣ стороны считали себя несправедливо обиженными. И уже въ лицѣ третьяго поколѣнія, не бывшаго въ самомъ разгарѣ борьбы, маститый художникъ снова вернулъ себѣ восторженное поклоненіе... Горячая и трогательная была встрѣча Тургенева въ Москвѣ на пушкинскомъ праздникѣ и потомъ въ Петербургѣ. Страсти давно улеглись, «недоразумѣніе» разъяснилось и три поколѣнія—«отцовъ», «дѣтей» и «внуковъ» чествовали тогда писателя... Эти выраженія восторга трогали до глубины души Тургенева.

Воспоминанія, рассказы близкихъ людей и знакомыхъ покойнаго писателя единогласно свидѣтельствуесть объ обаятельной личности Тургенева. Привѣтливый, добродушный, деликатный, онъ положительно очаровывалъ людей. Разскащикъ онъ былъ неподражаемый и, когда хотѣлъ, сейчасъ-же овладѣвалъ вниманіемъ общества, въ которомъ находился. Къ начинающимъ писателямъ, искавшимъ его одобренія, онъ относился необыкновенно тепло и съ той деликатностью, которая иногда даже порождала недоразумѣнія. Ему часто надоѣдали назойливые авторы и просили отвѣта... Онъ часто не рѣшался сказать правды въ лицо человѣку и отсюда—комическія затрудненія Тургенева... Его любезность въ рекомендаціяхъ даже вредила начинающимъ авторамъ... «Тургеневъ рекомендуетъ» говорили въ редакціяхъ, возлагая надежды на рекомендуемыя вещи, и нерѣдко... разочаровывались...

Необыкновенно чуткій къ вѣяніямъ русской жизни, онъ, представитель иного поколѣнія, носитель иныхъ задачъ, съ особеннымъ интересомъ относился къ «новымъ» людямъ. Но «новые» люди, какъ кладъ, никому не давались, и самъ Тургеневъ говорилъ однажды: «Когда я смотрю на «новаго» человѣка прямо—я понимаю его, когда смотрю сбоку—перестаю понимать!» Въ «Нови» маститый художникъ попробовалъ рисовать новыхъ людей... Въ его отношеніяхъ къ нимъ нѣтъ предубѣжденія, нѣкоторыя лица очерчены мастерски, но въ общемъ все-таки «новые» люди не вышли...

Но, что за бѣда! Развѣ мало и безъ того лавровъ въ блестящемъ вѣнкѣ Тургенева?.. Развѣ можно требовать отъ маститаго художника воспроизведенія той сложной жизни послѣдняго времени, которая проходитъ передъ нами, смущая многихъ своими непонятными противорѣчіями. Эта жизнь еще ждетъ своего выразителя, такоже же талантливаго и крупнаго, какимъ былъ Тургеневъ для своего времени...

Тургеневъ и безъ того слишкомъ много далъ русской литературѣ и обществу. Онъ не зарылъ своего таланта и до конца своихъ дней работалъ для любимой имъ литературы. Счастлива доля писателя, память котораго не омрачена никакой тѣнью и нравственный обликъ котораго такъ-же свѣтелъ, какъ и его произведенія.

Откровенный Писатель.

Пожертвованія въ пользу женскихъ вра- чебныхъ курсовъ.

Въ редакцію журнала «Дѣло» поступили слѣдующія пожертво-
ванія въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ:

Отъ Зыкова	1 р.
» Константинова	1 »
» Корсака	— » 50 к.
» Хелиша	— » 50 »
» Розенберга	1 »
» Шитова	1 »
» Скрипицы	1 »
» Реута	1 »
» Л—а	1 »
» Трав—скаго	1 »
» Г.	1 »
» Фи—пова	1 »
» Высоцкаго	1 »
» Рыкова	1 »
» Браца	1 »
» Силенко	1 »
» Л—ина	2 »
» Неизвѣстныхъ (1 р. 75 к.; 1 р.; 1 р.; 1 р.; —25 к.);	5 »

Итого . . . . . 22 р.

Всего съ прежде поступившими . . . . . 226 »

Деньги эти переданы по назначенію подъ росписку.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ.

Приваловскіе милліоны. Ром. въ 5 ч.	
Часть пятая. (Гл. I—IX)	<i>Д. Сибиряка.</i>
— Ученіе Джорджа.	<i>А—ра.</i>
Вдова маршала. Ром. (Гл. I—IV). . .	<i>Алэнна Боккенна.</i>
— Статистическая экспедиція 50-хъ годовъ. (Эпизодъ изъ исторіи раскола)	<i>Я. В. Абрамова.</i>
Сны и грезы. Стихотвореніе.	<i>П. Ф. Якубовича.</i>
Прахомъ пошло! Драма въ пяти дѣйствіяхъ	<i>И. В. Шпажинскаго.</i>
Национальное единство и федерализмъ въ Германіи. (Окончаніе)	<i>Л. Мечникова.</i>
Въ Каркинезскомъ лѣсу. Романъ. (Гл. I—III).	<i>Бретъ-Гарта.</i>
* * Стихотвореніе.	<i>П. Ф. Якубовича.</i>
— Потокъ. Повѣсть. (Гл. I—V)	<i>Н. Бажина.</i>
— Да здравствуетъ Мадонна! Разсказъ.	<i>Энрико Онуфріо.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. (Некрологъ).	
Г. Гротъ о логикѣ. (Окончаніе).	<i>Обыкновеннаго Читателя.</i>
Брестыанскій поземельный банкъ	<i>Б. Ленскаго.</i>
Новости иностранной литературы.	<i>Л. Мечникова.</i>
Новыя книги.	
Изъ домашней хроники	<i>Н. В.</i>
Еще прононціаменто въ Испаніи.	<i>Жика.</i>
Картинки общественной жизни	<i>Откровеннаго Писателя.</i>
Пожертванія въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУР-
НАЛА «ДѢЛО».

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гігіена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое. 1882 г., съ приложеніемъ «Военной гігіены» д-ра Вейнмана, съ рисунками Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Спартакъ. Историческій романъ *Рафаэля Джіованіоли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ *Фр. Шпиллягена*. Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто-третій годъ. Романъ *В. Гюго*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ *Ипполита Ньвео*. Перев. съ итальянскаго *В. А. Зайцева*. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: «Историческіе женскіе типы». Изданіе второе. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Ляйтнера*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Американна. Романъ *Луизы Алькотъ*. Перев. съ англ. Цѣна. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *Ф. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ *Д. И. Писарева*. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *Н. Потъкина*. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 717